3 1761 08114638 3

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p5russkaiamy35mosk

62 741

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

КНИГА V

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

1914

HP
50
.E
.25
.5

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ИТАЛЬЯНСКІЕ СТИХИ.—**Александра Блока** 1

II. МУДРОСТЬ ЖИЗНИ. Повѣсть. Главы IX—XVI.—**О. П. Руновой.** *Окончаніе* 6

III. ХРОМОЙ. Романъ **Германа Штора.** (*Hermann Stehr.* Der begrabene Gott.) Съ нѣмецкаго.—Перев. **М. И. Розенфельдъ** 39

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Вячеслава Иванова** 82

V. КОРМЩИКЪ. Разсказъ.—**П. К. Губера** 83

VI. УЗНИКЪ, КОТОРЫЙ ПѢЛЪ. **Іогана Боёръ.** Съ норвежскаго.—Перев. **З. І. Зеньковичъ** 108

VII. ОЛЬГА ОРГЪ. Романъ. Часть вторая. Главы VI—XXVII.—**Юрія Слёзкина.** *Окончаніе* 141

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ. Изъ Новалиса.—**Василія Гиппіуса** . . 189

IX. ИТАЛІЯ ВЪ ТРОЙСТВЕННОМЪ СОЮЗѢ. Изъ переписки Франческо Криспи.—**Бар. Б. Э. Нольде** 1

X. СВѢТЪ ОАВОРСКІЙ И ПРЕОБРАЖЕНІЕ УМА. По поводу книги священника П. А. Флоренскаго „Столпъ и утвержденіе Истины".—**Кн. Евгенія Трубецкого** 25

XI. СЕМЕЙСТВО БАКУНИНЫХЪ. (По неизданнымъ источникамъ.)—**А. А. Корнилова** 55

XII. СТАВРОГИНЪ.—**Николая Бердяева** 80

XIII. ГЕЙНЕ И РОМАНТИЗМЪ. **В. М. Жирмунскаго** 90

XIV. ОТРЕЗВЛЕНІЕ. Изъ „Дневника свободнаго человѣка". **Ал. Лугового** 117

XV. НА ПЕРЕВАЛѢ. Начинается... **А. С. Изгоева** 125

XVI. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ „РУССКОЙ МЫСЛИ".—**З. Н. Гиппіусъ** 133

XVII. РЕЛИГІЯ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ. Отвѣтъ З. Н. Гиппіусъ.—**Петра Струве** 136

XVIII. М. Е. САЛТЫКОВЪ. **Петра Струве** 141

XIX. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Хозяйство Петербурга и тенденція его смѣтъ. **Сѣверянина.**— 2. Метаморфозы „ритуальной“ литературы. **Юлія Гессена.**— 3. Къ характеристикѣ кустарной промышленности. **Я. Букшпана.**—4. Кризисъ въ германской клерикальной партіи. **И. О. Левина.**—5. Производительныя кооперацiи въ Англіи. **С. И. Рапопорта.**—6. Внутреннее положеніе Японіи и новый премьеръ гр. Окума. **Бориса Шацкаго. II. Литература и искусство.** 1. Годъ русской поэзіи. **Валерія Брюсова.**— 2. „Роза и Крестъ“. **Василія Галахова.**—3. О современной частушкѣ. **А. Дермана.**—4. Пушкинскій домъ въ Петербургѣ. **М. Гершензона.**—5. Литературная зима. **Ренэ Гиля.**— 6. Г. А. Ларошъ. **Виктора Вальтера.**—7. Самоистолкованіе. **Конст. Эрберга. III. Правовѣдѣніе и общественныя науки.** 1. Живая вода. **Г. Штильмана.** — 2. Современный предприниматель. **И. И. Левина. IV. Некрологъ** 1

XX. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика. — Исторія. — Философія и религія. — Публицистика. — Политическая экономія, статистика и финансы.—Искусство.—Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе и математика. **II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1914 г.** 165

XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ (въ теченіе мая) по **пятницамъ** отъ $1^1/_2$—$4^1/_2$ ч.

Секретарь—по **средамъ** отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

Итальянскіе стихи.

I.

Венеція.

Съ ней уходилъ я въ море,
Съ ней покидалъ я берегъ,
Съ нею я былъ далеко,
Съ нею забылъ я близкихъ.

О, красный парусъ
Въ зеленой дали!
Черный стеклярусъ
На темной шали!

Идетъ отъ сумрачной обѣдни,
Нѣтъ въ сердцѣ крови...
Христосъ, уставшій крестъ нести...

Адріатической любови—
Моей послѣдней—
Прости, прости!

II.

Равенна.

Почіетъ въ мирѣ Теодорихъ,
И Дантъ не встанетъ съ ложа сна.
Гдѣ прежде бушевало море,
Тамъ—виноградъ и тишина.
Въ ласкающемъ и тихомъ взорѣ
Равеннскихъ дѣвушекъ—весна.

Здѣсь голосъ страсти невозможенъ,
Отвѣта нѣтъ моей мольбѣ!
О, какъ я предъ тобой ничтоженъ!
Завидую твоей судьбѣ,
О, Галла!—страстію къ тебѣ
Всегда взволнованъ и встревоженъ!

III.

Флоренція.

1.

Подъ зноемъ флорентійской лѣни
Еще бѣднѣе чувствомъ ты:
Молчатъ церковныя ступени,
Цвѣтутъ нерадостно цвѣты.

Такъ береги остатокъ чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь въ легкомъ челнокѣ искусства
Отъ скуки міра уплывешь.

2.

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирисъ дымный, ирисъ нѣжный,
Благовонія струя,
Переплыть велитъ всѣ рѣки
На воздушныхъ парусахъ,
Утонуть велитъ навѣки
Въ тѣхъ вечернихъ небесахъ,
И когда предамся зною,
Голубой вечерній зной
Въ голубое голубою
Унесетъ меня волной.

3.

Жгутъ раскаленные камни
Мой лихорадочный взглядъ.
Дымные ирисы въ пламени,
Словно сейчасъ улетятъ.

О, безъисходность печали,
Знаю тебя наизусть!
Въ черное небо Италіи
Черной душою гляжусь.

4.

(Площадь Синьоріи).

Окна ложныя на небѣ черномъ,
И прожекторъ на древнемъ дворцѣ.
Вотъ проходитъ она, вся въ узорномъ
И съ улыбкой на смугломъ лицѣ.

А вино ужъ мутитъ мои взоры
И по жиламъ огнемъ разлилось...
Что мнѣ спѣть въ этотъ вечеръ, синьора?
Что мнѣ спѣть, чтобъ вамъ сладко спалось?

IV.

Фьезоле.

Стучитъ топоръ, и съ кампанилъ
Къ намъ флорентійскій звонъ долинный
Плыветъ, доплылъ и разбудилъ
Сонъ золотистый и старинный.

Не такъ же ли стучалъ топоръ
Въ нагорномъ Фьезоле когда-то,
Когда впервые взоръ Беато
Флоренцію примѣтилъ съ горъ?

V.

Сеттиньяно.

Вотъ дѣвушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснѣя,
Непостижимо чернымъ взглядомъ
Смотритъ мнѣ навстрѣчу.

Была бы на то моя воля,
Просидѣлъ бы я всю жизнь въ Сеттиньяно,
У вывѣтрившагося камня Септимія Севера,
Смотрѣлъ бы я на камни, залитые солнцемъ,
На красивую загорѣлую шею и спину
Некрасивой женщины подъ дрожащими тополями.

VI.

Сіена.

Въ лонѣ площади пологой
Пробивается трава.
Мѣсяцъ острый, круторогій,
Башни—свѣчи Божества.

О, лукавая Сіена,
Вся—колчанъ упругихъ стрѣлъ!
Вѣроломство и измѣна—
Твой таинственный удѣлъ!

Отъ сосѣднихъ лозъ и пашенъ
Оградясь со всѣхъ сторонъ,
Острія церквей и башенъ
Ты вонзила въ небосклонъ!

И томленьемъ духъ влюбленный
Исполняютъ образа,
Гдѣ коварныя Мадонны
Щурятъ длинные глаза:

Пусть грозитъ Младенцу буря,
Пусть грозитъ Младенцу врагъ,—
Мать глядится въ мутный мракъ,
Очи влажныя сощуря!...

Иль, сама о томъ не зная,
Съ безразсудствомъ красоты,
Строгой готикой играя,
Въ сердце Бога мѣтишь ты?

VII.

Эпитафія Фра Филиппо Липпи.

(Сочинена по латыни Полиціаномъ и вырѣзана на могильной плитѣ художника въ Сполетскомъ соборѣ по повелѣнію Лаврентія Великолѣпнаго.)

Здѣсь я покоюсь, Филиппъ, живописецъ навѣки безсмертный,
Дивная прелесть моей кисти—у всѣхъ на устахъ.
Душу умѣлъ я вдохнуть искусными пальцами въ краски,
Набожныхъ души умѣлъ голосомъ бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядѣвшись созданья,
Принуждена меня звать мастеромъ равнымъ себѣ.

Въ мраморномъ этомъ гробу меня упокоилъ Лаврентій
Медичи, прежде чѣмъ я въ низменный прахъ обращусь.

Александръ Блокъ.

МУДРОСТЬ ЖИЗНИ. [1])

Повѣсть.

IX.

Сергѣй Сергѣевичъ постучалъ въ дверь каюты Натальи Никодимовны.

— Помилуй, Тусенька, невозможно такъ спать. Вѣдь ужъ скоро двѣнадцать часовъ. Я ужъ завтракать хочу.

Наталья Никодимовна накинула капотъ и отворила мужу. Щеки ея горѣли, свѣтлые волосы курчавились у пробора и на вискахъ.

— Да... А я когда легла?—сказала она по-дѣтски шаловливо.

— Ты въ очень хорошемъ настроеніи... Я радъ, но вотъ какая вещь. Почта обогнала насъ на два дня, и въ „Раннемъ Восходѣ" замѣтка, положимъ очень глухая, что дѣло „Пажити" съ Костоломовымъ не выгорѣло. Треснетъ тогда и изданіе „Къ свѣту". Если правда, то это очень и очень непріятно. Не нужно было мнѣ уѣзжать изъ Петербурга, слѣдовало дождаться рѣшенія дѣла. Я боялся, что рѣшеніе затянется. Это—съ одной стороны, а съ другой—былъ увѣренъ, что дѣло выгоритъ. Съ третьей—домой захотѣлось, и работать необходимо...

— Да, это очень непріятно...—отсутствующимъ голосомъ замѣтила Наталья Никодимовна.

— Ты что-то очень спокойно относишься, Тусенька. Ты понимаешь, что это значитъ? Вѣдь въ „Пажити" у меня запродана „Семья", а сверхъ того я пайщикъ въ „Къ свѣту". Въ случаѣ краха осенняя поѣздка за границу—прощай!

— Что же! Въ С. останусь...

Рано утромъ сталъ виденъ С. Издали городъ, съ его высокими горами, старинными церквами въ мавританскомъ стилѣ, зелеными

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. IV.

густыми садами, живописными обрывами, съ монастырями въ золотыхъ маковкахъ среди бѣлыхъ стѣнъ, представлялся необыкновенно красивымъ. Чѣмъ ближе подходилъ пароходъ къ С., тѣмъ безпокойнѣе становилась Наталья Никодимовна. Что-то было въ ней, и тревожилось, и боялось. Когда она, радостная, почти счастливая, собиралась въ дорогу и, разбирая письма, наткнулась на программу студенческаго вечера, какой-то тайный, робкій, далекій голосъ сказалъ ей чуть внятно: „Не надо, не ѣзди!“ И когда городъ всталъ ясно, близко передъ глазами, тотъ же голосъ заговорилъ громко, предупреждающе: „Не надо, не надо! Вернись!“ Не отрывая рукъ отъ бинокля, Наталья Никодимовна съ небывалымъ волненіемъ всматривалась въ оживленную жизнь берега. Сновали пароходики и моторныя лодки. Грохотали ломовики, шла суета съ выгрузкой двухъ большихъ пароходовъ, подошедшихъ сверху и снизу. Пристань „Кавказъ и Меркурій“ кишѣла народомъ. Вдругъ Натальѣ Никодимовнѣ что-то показалось. Тужурка защитнаго цвѣта и тонкіе жгутики на лѣвомъ плечѣ. Пароходъ далъ протяжный, густой, похожій на ревъ свистокъ и началъ красивый и плавный поворотъ. Наталья Никодимовна быстро обошла кругомъ, на другую сторону. Теперь уже не было никакого сомнѣнія: на пристани среди публики стоялъ, всматриваясь въ верхнюю палубу, Николай Иліодоровичъ. Онъ, несомнѣнно, узналъ Наталью Никодимовну. Лицо его сначало поблѣднѣло, потомъ сдѣлалось ярко-розовымъ, какъ у молодой дѣвушки. Наталья Никодимовна сбѣжала, забывъ все, одна изъ первыхъ, какъ только поставили трапъ. Обѣ руки, смѣясь, протянула она Николаю Иліодоровичу и, счастливая, повторяла растерянно:

— Вотъ случайность... вотъ не ждала!

— Я вышелъ встрѣчать сестру Оли... сестру моей жены. Должно быть, она не пріѣхала, написала такъ... условно. Пожилая дама, высокая... вся сѣдая,—говорилъ Николай Иліодоровичъ, такой же растерянный, улыбающійся и счастливый, какъ и Наталья Никодимовна.

— Нѣтъ, такой не было... Могу ручаться, что ни въ первомъ, ни во второмъ классѣ такой не было.

— А вы надолго?

— На все лѣто. Какъ всегда... А вы... давно здѣсь?

— Порядочно. Погода установилась чудесная.

Такъ говорили они первое, что придетъ въ голову, только чтобы не молчать, только чтобы дрожь и трепетъ, охватившіе ихъ обоихъ, въ чемъ-нибудь разрѣшались. Слова вылетали, какъ будто помимо воли. И не въ нихъ было значеніе и смыслъ. Гла-

зами, смѣхомъ и звукомъ голоса они говорили другъ другу о томъ, что томило и властно жило въ нихъ.

Подошелъ озабоченный Сергѣй Сергѣевичъ.

— Знаешь, Тусенька, Серафима Іоновна почему-то не пріѣхала. Телеграмму, что ли, ей не передали, или перепутала она пароходы. Теперь нужно итти самому багажъ получать. А его пока не выдаютъ. Возятся съ билетами.

Когда же Сергѣй Сергѣевичъ получилъ, наконецъ, багажъ, то оказалось, что около пристани не было уже ни одного извозчика и ни одного ломовика.

— У меня здѣсь полковыя лошади... Экипажъ не новый, но очень покойный, — предложилъ Николай Иліодоровичъ. — Здѣсь такъ близко. Не довезу ли я васъ?

Наталья Никодимовна взглянула на него съ удивленіемъ. Онъ покраснѣлъ и твердо, съ какой-то гордой рѣшимостью произнесъ:

— Буду очень счастливъ!

— Да поѣзжай, Тусенька! Пришли эту умницу.

Въ экипажѣ Николай Иліодоровичъ и Наталья Никодимовна какъ будто бы пришли въ себя и поняли, что они сдѣлали, что значитъ ихъ встрѣча.

Лошади дружно брали извилистую мощеную дорогу. Черезъ нѣсколько минутъ—разлука. И пристально, и глубоко взглядывая въ лицо Николая Иліодоровича, Наталья Никодимовна сказала:

— Не стыдно не отвѣчать на письма?

Такимъ же глубокимъ, говорящимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее Николай Иліодоровичъ и тихо сказалъ:

— Тогда... я не могъ иначе.

— А теперь? Какъ будетъ теперь?

— Я не знаю, какъ будетъ, что будетъ.

— Мы увидимся?

— Да, мы должны увидѣться.

— Приходите сегодня къ 9-ти часамъ къ дачѣ. Я встрѣчу васъ. Да? Вы придете?

Николаю Иліодоровичу какъ будто нехватало воздуху. Онъ глубоко-глубоко вздохнулъ, словно вышелъ изъ подземелья:

— Да... я приду.

— Еще одно: вы не знали, что я пріѣду съ этимъ пароходомъ?

— Не зналъ.

— Значитъ, судьба?

— Да, судьба. Поворота нѣтъ.

Послѣ обѣда Серафима Іоновна судачила съ петербургской горничной, пріѣхавшей раньше господъ на три дня.

— Знаете, я такой веселой Наталью Никодимовну еще не видала. Положимъ, она выговоровъ большихъ никогда не дѣлаетъ. Одно слово скажетъ, но зато ужъ такъ—не обрадуешься. А тутъ телеграмму перепутали, на домъ мнѣ снесли, а маменька и взяли,— а она хоть бы что. Смѣется. Поцѣловала меня. Такая ласковая, такая ласковая!

Іюньскія сумерки сходили на землю и медлили. Солнце зашло, но все еще было свѣтло. Наталья Никодимовна встрѣтила Николая Иліодоровича у воротъ дачи.

Въ молчаніи, рука объ руку прошли они въ конецъ сада, въ проволочную бесѣдку, завитую дикимъ виноградомъ. Необъяснимая стыдливость сковывала губы Натальи Никодимовны: такъ много было у нея на душѣ, такъ много въ мысляхъ она говорила съ Николаемъ Иліодоровичемъ, такъ ждала условленнаго часа, но, когда онъ пришелъ, не стало словъ.

— Я думала, вы забыли меня,—произнесла она робко, какъ дѣвочка.

— Нѣтъ, я все время только и думалъ о васъ... Всю зиму, всю весну... всегда...

Въ темнотѣ бесѣдки Наталья Никодимовна прижалась головой къ плечу Николая Иліодоровича. Ей показалось, что земля медленно и плавно уплываетъ куда-то, что она уже не живетъ, и далекимъ, слабымъ, прерывающимся голосомъ она тихо сказала:

— А я написала зимой небольшую пьесу для скрипки и назвала ее: „Мерцаніе осени". Я скажу теперь, что я думала, когда писала ее: „Николушка мой родной, любимый, безконечно далекій"...

Николай Иліодоровичъ молча и осторожно ее обнялъ и прижалъ губы къ ея лбу. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Скажите что-нибудь. Что вы хотѣли...

— Развѣ надо говорить?

— Вы знаете... Это невѣроятно, что случилось съ нами...

— Это такъ огромно... Но теперь я не могу ничего говорить... Я не свободенъ.

Наталья Никодимовна стиснула его руку.

— Когда я увидѣлъ васъ сегодня, я понялъ, что—все равно: все кончено... Иной дороги нѣтъ... Иной жизни нѣтъ.

— Какъ все удивительно и чудесно... родной мой. Какъ долго мы искали другъ друга!

Правая рука Николая Иліодоровича нѣжно гладила и перебирала волосы Натальи Никодимовны. Замирающія, рѣдкія слова срывались съ ихъ губъ. И какъ безумное, все въ искрахъ и вспышкахъ, бѣжало около нихъ время.

— Мнѣ пора итти.

— Такъ скоро?

— Да, я не могу... Я напишу или приду самъ. Мнѣ надо многое, многое обдумать.

— Обдумывать надо вмѣстѣ...

— Да. Потомъ вмѣстѣ.

У калитки остановились.

— Вамъ будетъ такъ тяжело...—начала Наталья Никодимовна.

— Я иду на это. Но не говорите про это теперь. Лучше всего—никогда. Мы мало видѣлись, но то, что я испыталъ, пережилъ зимой, сблизило меня съ вами такъ, какъ будто бы мы прожили всю жизнь вмѣстѣ.

— Я никогда не буду ни о чемъ васъ спрашивать,—сказала Наталья Никодимовна серьезно, почти торжественно.

Они простились разъ у бесѣдки и другой—у воротъ. Онъ стоялъ и не уходилъ. Тогда Наталья Никодимовна, робѣя и холодѣя подъ огненной дрожью, осыпавшей ея тѣло, прильнула къ губамъ любимаго.

Онъ давно уже ушелъ, давно отзвучалъ далекій и четкій бѣгъ его скакуна, а Наталья Никодимовна все еще не могла опомниться. Зачѣмъ она отпустила его такъ скоро? Не сказала ему ничего, ничего, даже не сказала того, какъ она его любитъ... Ахъ, вернуть его... Она бросилась къ калиткѣ. Поздно... Развѣ не слышала она, какъ поскакала лошадь?

Съ чьей-то дачи неслись звуки арфы; краснѣли огни фонарей, проѣзжали мимо экипажи, но все было мертво и пусто. Его не было...

Медленно вернулась она домой, мимоходомъ сказавъ Серафимѣ Іоновнѣ, что не будетъ ужинать, поспѣшно прошла на свою половину и заперла двери на ключъ. Чувства огромнаго счастья и какой-то нечеловѣческой обремененности наполняли ее. Непривычныя слезы стояли на глазахъ. Вотъ оно, наконецъ, счастье, настоящее счастье: раздѣленная любовь къ единому, къ тому, котораго смутно ждала всю жизнь. Зачѣмъ она отпустила его? Вотъ здѣсь, сейчасъ... стать бы передъ нимъ на колѣни, цѣловать его до изнеможенія, обнять такъ, чтобы захватило духъ.

Вдругъ Наталья Никодимовна засмѣялась. На вискахъ Николая Иліодоровича былъ цѣлый рядъ морщинокъ, не поперечныхъ, какъ у всѣхъ, а продольныхъ, смѣшныхъ, смѣшныхъ и славныхъ. Еще въ прошломъ году она замѣтила, что онъ какъ будто бы ихъ стыдится. О, какъ она будетъ ихъ цѣловать, какъ разгладитъ ихъ своими ненасытными, жадными губами.

Она ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, потомъ, глубоко вздохнувъ, зажгла лампу и присѣла къ столу: тутъ уже лежала почта за два дня. Машинально развернула она сборникъ одного изъ новыхъ поэтовъ и остановилась глазами на стихотвореніи „Одиночество", посвященномъ не разъ использованной темѣ о томъ, какъ послѣ вспышки страсти вновь угасаетъ „свѣтлый мигъ" и наступаетъ „одиночество вдвоемъ". „О, какіе пустяки! Какъ это бѣдно и какая это неправда. Нужно, чтобы свята была душа, и святымъ сдѣлается и тѣло. Не только любить нужно это тѣло, но и нѣжно уважать его, благоговѣть передъ нимъ, какъ передъ неотдѣлимой частью того, кого любишь, принимать любовь, какъ святыню, такъ же бояться оскорбить это тѣло, какъ боятся оскорбить душу".

Наталья Никодимовна встала. Давно намѣчавшаяся мелодія ярко просіяла въ ея мозгу и ушахъ. Это герой ея оперы пѣлъ свою пѣсню о вѣчной, недѣлимой, единой любви. Звуки ширились, росли, доходили до своего предѣла, до того, когда душа человѣческая не можетъ уже выносить своего блаженства. Вѣдь рядомъ идутъ смерть и любовь. Померкли звѣзды, увяла цвѣтущая земля. Но вѣчна сила, явившаяся въ міръ, она непобѣдима, не исчезаетъ, не можетъ исчезнуть.

Наталья Никодимовна взяла скрипку. Смычокъ горѣлъ въ ея рукѣ. Она зажгла еще лампу. Играла, оставляла скрипку, лихорадочно записывала сыгранное. Выходила на балконъ, глядѣла въ темноту лѣтней ночи. Что-то теплое и ясное приплывало къ ея сердцу, какъ будто комочекъ яркаго свѣта зажигался въ мозгу, и она ясно слышала оркестръ и единственное, лучшее истолкованіе своихъ мыслей.

Блѣдная, какъ будто сѣверная, заря блѣдно горѣла голубоватымъ свѣтомъ надъ темными, нѣмыми горами. Шептали деревья, и слышался гулко ударявшійся плескъ волны, приходящей черезъ долгіе промежутки. Вѣтеръ казался живымъ и тяжелымъ отъ сладкаго аромата зацвѣтающихъ липъ. Звѣзды вышли смотрѣть на красоту земли. Все выше, все блѣднѣе разгоралась заря, и вдругъ по обѣ стороны ея вспыхнуло два тусклыхъ клуба огня. Все стихло. Облако, грузное, темное, наплывшее какъ будто въ раздумьѣ на свѣтлые чертоги зари, освѣтилось пурпуромъ. Недвижно желтѣли дорожки сада. Притихли деревья. Дремота висѣла на нихъ. Первыми загомонились, зачиликали воробьи. Глубокія лиловыя тѣни легли на горы. Рѣка сдѣлалась стальной и словно свѣтилась сама собой. Блѣдная голубоватая заря потухла. Разгоралась новая, розово-оранжевая, и охватывала полнеба. Вдохновенно

звучала скрипка и говорила о нездѣшнемъ блаженствѣ, о красотѣ смерти. Зашевелились, задрожали листья на деревьяхъ; разливался холодокъ. За Волгой громко закуковала кукушка. Земля свѣтлѣла. Все охватывала побѣдная заря. Нѣжнымъ, глубокимъ свѣтомъ наливался круглый холмъ неба, свѣтло-сиреневыми и пронизанными свѣтомъ улетали на югъ облака Гдѣ-то защелкалъ поздній соловей.

Земля свѣтлѣла. Изумрудно-яркой стала зелень и голубой, воздушной—рѣка. Свѣтомъ наполнилась каждая морщинка земли, свѣтомъ дышалъ каждый камень, каждая песчинка. Взошло солнце, огромное, свѣтлое. Оно дрожало, лучилось. И раньше, чѣмъ взошло, драгоцѣнными, кроваво-красными рубинами зажглось въ окнахъ города и разлилось по трепещущимъ листьямъ деревьевъ. Земля тянулась къ нему. Она сіяла мягкими, утренними, первозданными красками. Она была, какъ душа, и, какъ душа, плыла, летѣла къ небу.

Солнце взошло.

Разбитая, счастливая, еле держащаяся на ногахъ отъ усталости, Наталья Никодимовна опустила шторы и легла въ постель. Но какъ только она легла, такъ вновь закружились и запѣли кругомъ нея голоса. Николай Иліодоровичъ склонялся надъ ней. И она и эти звуки смѣшивались въ какой-то дивный сонъ наяву. Она крѣпко прижала сложенныя руки къ своей твердой груди неродившей женщины. Ей показалось, что внизу живота и въ бокахъ она испытывала какую-то острую тянущую боль и въ груди—радостное и болѣзненное напряженіе: „Да, будетъ и это. Будетъ непремѣнно!“ Она повернулась на бокъ. „Вотъ такъ она будетъ лежать, а около нея будетъ дышать крошечное, живое, теплое существо. Онъ будетъ Николаевичъ“, и она счастливо засмѣлась, засыпая, словно уходя въ сіяющее море звуковъ и близости Николая Иліодоровича.

X.

На другой день она вышла только къ обѣду, серьезная, притихшая, съ ясными спокойными глазами.

— Что это ты играла вчера, Тусенька?

— Партію князя Зарайскаго. Теперь онъ почти весь готовъ у меня.

— А мнѣ хорошо писалось подъ музыку. Знаешь, охота въ пальцахъ. Давно этого не чувствовалъ. У тебя былъ кто-нибудь вчера?

— Да, Венгловскій приходилъ... Онъ былъ только въ саду.

Сергѣй Сергѣевичъ помолчалъ.

— Ты ничего не хочешь сказать мнѣ, Тусенька?

Наталья Никодимовна подняла на мужа ясные глаза.

— Нѣтъ, хочу, Сергѣй Сергѣевичъ. Только не сегодня.

— Ну, хорошо.

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ другимъ тономъ:

— А знаешь, я нынче утромъ получилъ телеграмму. И, правда, дѣла-то „Пажити" обстоятъ скверно. Какъ бы не пришлось мнѣ ѣхать въ Петербургъ.

Ночью Сергѣй Сергѣевичъ постучался въ дверь жены.

Она не спала и сейчасъ же отвѣтила:

— Нѣтъ, Сергѣй Сергѣевичъ, я не могу тебѣ отворить.

Даже тогда, когда Наталья Никодимовна была увлечена кѣмъ-либо, она не думала затворять свои двери передъ мужемъ. Напротивъ, ея увлеченія, когда возвращался мужъ, какъ-то блекли, тускнѣли. Но теперь она всѣмъ существомъ своимъ знала, что можетъ быть женой только одного человѣка. Теперь она даже не поцѣловала бы Зибеля...

А утромъ получилась еще телеграмма, въ которой сообщалось, что дѣло съ Костоломовымъ не выгорѣло, и книгоиздательство „Къ свѣту" должно ликвидировать свои дѣла.

Наталья Никодимовна сидѣла на обрывистомъ берегу Волги, на лавочкѣ, когда Сергѣй Сергѣевичъ подошелъ къ ней съ телеграммой въ рукѣ.

— Напророчилъ... Вотъ какъ непріятно. Сегодня ѣду черезъ Москву. Такъ скорѣй. Какъ непріятно: разсказъ мой... Знаешь, что я думаю, Тусенька? Я, быть можетъ, изъ Петербурга проѣду въ Финляндію, въ пансіонъ, и кончу задуманное. Ты вѣдь знаешь, какъ невозможно, непріятно бросать начатое.

— Да. Это очень тяжело.

Сергѣй Сергѣевичъ присѣлъ около жены.

— Видишь ли, Тусенька. Дѣло ясное, ты многое теперь переживаешь. Когда сегодня твоя дверь не отворилась для меня, я понялъ, что это переживаемое очень важно. Не краснѣй. Съ тобой говоритъ другъ. Я не навязываюсь на откровенность. Я только хочу тебѣ сказать, что у тебя есть другъ всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Ты не дѣвочка. Ты—зрѣлая женщина, и я уже почти старикъ годами, хотя, ты знаешь, для людей таланта, какъ мы съ тобой, я не признаю старости. И вотъ, потому что мы съ тобой не такіе, какъ остальные, мы должны быть другими во всемъ. И вотъ, что я тебѣ скажу, Тусенька... Вещь, которую я за-

душевнымъ друзьямъ не говорилъ. За всю свою жизнь я пришелъ вотъ къ какому выводу. Главное въ жизни, даже несмотря на все желаніе уйти изъ нея или принести ее въ жертву своимъ идеямъ, все же—жизнь. И... наименьшее страданіе въ ней. Наибольшее благополучіе. Ну, такъ вотъ, прежде чѣмъ ранить себя, чѣмъ итти на тяжелое, на опасное и сомнительное, подумай, что чего стоитъ. И помни, что резонъ ли ранить себя, итти на тяжелое въ жизни, когда содержаніемъ жизни тяжелое, а для тебя даже блѣдное или скучное, обычное—не можетъ быть? Подумай, кто, даже изъ желавшихъ отдать всего себя, переноситъ съ восхищеніемъ ссылку въ Нарымскій край? Цѣль человѣка—жизнь и наслажденіе ею. Кто это узналъ, тотъ, пожалуй, будетъ лицемѣрить, если скажетъ, что не видитъ того, что будетъ впереди. Вотъ въ тебѣ я именно всегда цѣнилъ здравый смыслъ и смѣлость быть такой, какая ты есть на самомъ дѣлѣ.

— Спасибо тебѣ, Сергѣй Сергѣевичъ,—отвѣтила Наталья Никодимовна просто.—Большое спасибо.

Сергѣй Сергѣевичъ, глядя внизъ, ковырялъ вишневымъ прутикомъ землю, далеко отбрасывалъ ея сухіе комочки и продолжалъ медленно:

— Видишь ли, Тусенька, я называю свою теорію „мудростью жизни". Путемъ долгихъ страданій, путемъ униженій и колебаній своихъ и чужихъ, люди приходятъ къ рѣшенію, единственному, наименѣе приносящему горя всѣмъ окружающимъ. Сколько по дорогѣ ненужныхъ ранъ, боли... непоправимыхъ глупостей и бѣдъ. Не лучше ли сразу поступить такъ, какъ только единственно и можно поступить?... Я бы радъ былъ, если бы ты посовѣтовалась со мной... Но.. если не хочешь, конечно, не надо. Помни, что всего цѣннѣе жизнь, а въ ней—талантъ, власть, матеріальная независимость. Умѣй во время жизни быть госпожей въ ней. Не перегибай палки ни въ какую сторону.

— Какъ непохоже то, что ты дѣлаешь и говоришь, на то, что говорится и дѣлается въ другихъ семьяхъ,—сказала Наталья Никодимовна задумчиво.—Можно... можно даже подумать, съ простой, житейской точки зрѣнія, что ты не любишь меня.

Сергѣй Сергѣевичъ улыбнулся.

— Да. Только такія отношенія, какъ мои, только такую любовь я считаю нормальной. Ты видишь, какъ я избѣгаю ссоръ съ кѣмъ бы то ни было, какъ я искренно презираю ревность. Это все пережитки стараго... звѣриныя чувства. Я самъ воспиталъ въ себѣ новаго человѣка. И горжусь этимъ. А сколько времени освобождается у меня оттого, что я имѣлъ когда-то смѣлость начать

думать по-своему... Тебя я люблю, какъ могу, какъ умѣю. Счастливъ былъ видѣть въ тебѣ тоже новую, смѣлую, не „простую", какъ ты вотъ сейчасъ сказала.

Горячая благодарность къ мужу охватила Наталью Никодимовну. Она покрыла своею рукою руку мужа.

— Ты лучше, Сережа, чѣмъ я думала.

Проводивъ мужа, Наталья Никодимовна вернулась домой. Цѣлые дни она напряженно работала. И творческія мысли ея сливались нераздѣльно и чудесно съ образомъ Николая Иліодоровича. Она ждала извѣстій отъ него спокойно. Она вѣрила и любила.

XI.

Проходилъ одинъ день, другой, третій. Николай Иліодоровичъ все откладывалъ объясненіе съ женой. Пріѣхала и прожила дней пять сестра Ольги Андреевны, и онъ радъ былъ тому, что пришлось уступить гостьѣ свою постель и что объясняться, пока она гоститъ, уже никакъ нельзя было. Однѣ и тѣ же мысли назойливо, но какъ-то тупо ворочались въ головѣ Николая Иліодоровича. Онъ обдумывалъ свое служебное положеніе. Года полтора тому назадъ ему предлагали хорошо оплачиваемое мѣсто въ интендантствѣ. Тогда онъ отказался. Придется воспользоваться этимъ предложеніемъ теперь. Конечно, три четверти своего жалованья онъ будетъ посылать семьѣ... И сначала нужно все рѣшить и устроить въ смыслѣ карьеры и матеріальныхъ отношеній, а потомъ уже говорить съ Ольгой Андреевной. Потомъ приходили другія мысли, соображенія, что прежде нужно объясниться съ женой, а ужъ потомъ устраивать какъ-нибудь свою жизнь. Страстно тянуло къ Натальѣ Никодимовнѣ, но казалось чѣмъ-то оскорбительнымъ для обоихъ прійти къ ней тогда, когда еще ничего не рѣшено. Въ домѣ все раздражало, все казалось ненужнымъ, ненастоящимъ. И особенно раздражала Леличка. Хорошо, что Митя въ этомъ году проводилъ все лѣто въ лагеряхъ. А Леличка, окончившая институтъ и мечтавшая о курсахъ французскаго языка, начала какъ-то дичиться отца и подолгу пристально и съ укоромъ вглядываться въ него. И его безконечно сердилъ и волновалъ этотъ взглядъ. Такъ въ тяжеломъ напряженіи шло время. Раза два Ольга Андреевна спросила:

— Что съ тобой, Коля?

Онъ, стиснувъ зубы, отвѣчалъ:

— Я нездоровъ.

Въ семьѣ Венгловскихъ, какъ передъ грозой, нарастало удушье. Сидѣли, обѣдали... И почему-то, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ, удушье словно тяжелѣло и расплывалось, становилось невмочь дышать, хотѣлось закричать, хоть чѣмъ-нибудь разорвать глухую сѣрую паутину, заплетающую воздухъ.

Николай Иліодоровичъ почти не ѣлъ, а только нервно разбрасывалъ кушанья по тарелкѣ и нервно вертѣлъ шеей. Мысленно онъ рѣшилъ, что сегодня непремѣнно объяснится съ женой. Разсѣянный и тяжелый взглядъ его упалъ на Леличку. Дочь вглядывалась въ него всегдашними, укоряющими глазами.

— Зачѣмъ ты глядишь на меня такъ пристально?—спросилъ онъ гнѣвно.

— Почему же мнѣ не смотрѣть на тебя? Совѣсть у меня чиста. Я могу всѣмъ смотрѣть въ глаза.

Никогда не представлялъ себѣ Николай Иліодоровичъ, чтобы его любимая дѣвочка могла такъ говорить съ нимъ, а главное—позволять по отношенію къ отцу такой грубый, оскорбительный тонъ.

— Пожалуйста, не забывайся, — багровѣя, сказалъ онъ тихо, но зловѣще.

— Я не забываюсь,—отвѣтила Леличка уже со слезами въ голосѣ и вдругъ зарыдала истерически громко. Николай Иліодоровичъ бросилъ салфетку и вышелъ въ спальню. Ольга Андреевна наскоро дала Леличкѣ воды и бросилась вслѣдъ за мужемъ. Дверь оказалась на крючкѣ. Предчувствіе страшнаго несчастья охватило Ольгу Андреевну.

— Отвори, Коля! отвори сейчасъ! — кричала она.—А то я позову Андрущенко. Я боюсь... Я не могу.

Николай Иліодоровичъ сбросилъ крючокъ и отошелъ къ окну. Ольга Андреевна подошла къ нему и взяла за руку.

— Что же это, Коля? — заговорила она.—Какая это жизнь? Можно ли такъ жить?

— Нѣтъ, такъ жить нельзя! Я давно хотѣлъ сказать: такъ жить нельзя,—глухо отозвался, не оборачиваясь, Николай Иліодоровичъ.

Ольга Андреевна заглянула въ его угрюмое, измученное лицо, въ его опущенные глаза. Воплемъ вырвалось у нея изъ горла:

— Коля! Ты опять видишься съ той женщиной? Ты хочешь бросить насъ?

Николай Иліодоровичъ ждалъ. Заранѣе озлобляя себя, онъ ждалъ непониманія, упрековъ, нравоученія и оскорбленій за то, что онъ не сдержалъ своего слова. Но то, что случилось, потрясло его больше, чѣмъ всѣ оскорбленія.

Съ тихимъ плачемъ приникла къ нему Ольга Андреевна. Она цѣловала его голову, щеки, руки.

— Коля, Коля, мой Коля, что ты задумалъ? Не бросай насъ, не бросай. Мы всѣ умремъ безъ тебя, всѣ пропадемъ. Ну, потерпи, милый, ну, потерпи, голубчикъ мой родной. Какъ-нибудь все обойдется, какъ-нибудь все забудется. Возьми отпускъ... ты давно не бралъ... уѣдемъ куда-нибудь. Подумай о дѣтяхъ. Все это кончится, мы вновь будемъ счастливы. Милый мой, родной мой Коля.

Она склонилась къ его ногамъ, она обнимала его колѣни. Чувство глубокой жалости прилило къ сердцу Николая Иліодоровича. Онъ тяжко дышалъ, и вдругъ вспомнилъ, какъ родился ихъ третій сынъ, Андрей, въ самой неприглядной обстановкѣ, въ лагерѣ подъ Златоустомъ, и какъ онъ, Николай Иліодоровичъ, сказалъ съ горечью, съ жалобой на судьбу:

— Бѣдная ты моя Оля! Не могу я тебя устроить хоть маломальски сносно.

А она отвѣтила съ лукавымъ блескомъ въ глазахъ, съ шутливымъ смѣшкомъ—и этотъ блескъ и этотъ смѣшокъ зналъ въ ней только одинъ мужъ:

— Ну, съ милымъ-то вдвоемъ *все ничаво!*

Крупныя слезы неудержимо потекли изъ глазъ Николая Иліодоровича. Онъ обнялъ жену и положилъ ей голову на грудь.

— Вотъ... вотъ...—трясущимся, захлебывающимся голосомъ, которому онъ изъ всѣхъ силъ старался придать твердость, проговорилъ Николай Иліодоровичъ.—Дай мнѣ изъ стола бумагу и конверты.

Слегка дрожащимъ почеркомъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ точекъ и запятыхъ онъ написалъ:

„Глубокоуважаемая Наталья Никодимовна! Простите меня и постарайтесь понять. Мы не должны больше встрѣчаться. Мы не увидимся никогда. Николай Венгловскій“.

— На, отошли съ вѣстовымъ,—сурово сказалъ онъ женѣ.

XII.

Въ промежуткахъ между работой Наталья Никодимовна садилась въ качалку, просматривала газеты, корреспонденцію, читала очерки изъ исторіи музыки XVIII вѣка и думала о Николаѣ Иліодоровичѣ. Страстно мечтала о немъ по вечерамъ и, еще не совсѣмъ проснувшись, по утрамъ, но не давала себѣ, какъ она выражалась, киснуть, вскакивала съ постели, купалась въ Волгѣ

и принималась за свою скрипку и нотную бумагу. Опера шла къ концу. Оставалась только работа съ оркестромъ. Мысль о Николаѣ Иліодоровичѣ жила въ ней. Все время она чувствовала ея присутствіе и, чтобы работать, насильно отгоняла ее. „Ахъ, если бы только онъ сидѣлъ тутъ. Только бы сидѣлъ! Какъ чудесно пошла бы работа!“ Сергѣй Сергѣвичъ всегда мѣшалъ ей работать. Еще менѣе выносила она въ комнатѣ, гдѣ она работала, присутствіе кого-нибудь посторонняго, не исключая даже тѣхъ, кому она нравилась или кто ей нравился. А теперь... Вотъ оно желанное, настоящее, сновидѣнное. По вечерамъ она думала о томъ, какъ они будутъ жить. Конечно, онъ не броситъ службы, онъ ни за что на это не согласится. Переведется куда-нибудь далеко, въ Сибирь. И рисовались Натальѣ Никодимовнѣ лѣса, холодныя озера, похожія на моря, скалы, вьюги, необозримыя степи, киргизы въ трехугольныхъ шапкахъ. Какъ все это хорошо, полно жизни. И музыка, новая, никогда не слышанная музыка звенѣла въ ея ушахъ, грудь полна была творческой мукой. Только сумѣть уловить эти звуки, высказать ихъ во всей полнотѣ. Отъ мужа она получила телеграмму (Сергѣй Сергѣевичъ не терпѣлъ писемъ): „Пажить провалилась. Ѣду Финляндію. Здоровъ“. А черезъ три дня онъ телеграфировалъ: „Дѣло съ наслѣдствомъ дяди приняло неожиданный оборотъ. Найдено завѣщаніе. Твоя доля семьдесять пять тысячъ. Поздравляю“.

Получивъ эту послѣднюю телеграмму, Наталья Никодимовна испытала сразу чувство радости и захватывающей удачи и почему-то стыда передъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ. Мысленно она сейчасъ же распредѣлила деньги. Двадцать пять тысячъ она отдастъ мужу, двадцать пять—дѣтямъ Николая Иліодоровича, а остальныя ей. Можно будетъ теперь нисколько не зависѣть отъ издателей. Поѣхать путешествовать съ нимъ. И за границу, и по Россіи. Хорошо бы ржавой и золотой осенью поѣхать въ глушь Вологодской или Олонецкой губерніи, послушать тамъ, какъ поютъ старинныя пѣсни, какія слова, какія прибаутки говорятъ на посидѣлкахъ, какъ празднуются свадьбы, о чемъ грезятъ вѣковые сосновые лѣса.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ радости она хотѣла было написать Николаю Иліодоровичу, но потомъ раздумала. Ей показалось это ненужнымъ, даже какъ-то нецѣломудреннымъ. Не надо ничѣмъ трогать милаго. Онъ переживаетъ теперь такъ много. Онъ самъ напишетъ, когда захочетъ. Заѣзжалъ Петцлеръ. Его, какъ и всѣхъ остальныхъ, не приняли. Онъ оставилъ заранѣе заготовленное приглашеніе на офицерскія скачки. И этотъ отпе-

чатанный листокъ съ внесенными чернилами ея и Сергѣя Сергѣевича именами глубоко подѣйствовалъ на Наталью Никодимовну. Неувѣренность, тоска и нетерпѣніе овладѣли ею. Вечеромъ послѣ прогулки она не могла даже работать. Сидѣла, положивъ голову на сложенныя руки, и мучилась тревогой и неизвѣстностью.

А часовъ въ десять вечера вѣстовой привезъ письмо Николая Иліодоровича. Нестерпимо ясныя, точно прожженныя огнемъ, свѣтились буквы. Полъ какъ будто заколебался подъ ногами Натальи Никодимовны. Холодъ шелъ по всему ея тѣлу, и сердце билось съ мучительной болью. Чувство смертельнаго ожога и ломоты охватило всю внутренность, грудь, челюсти. Такъ просидѣла Наталья Никодимовна нѣсколько часовъ. Она не хотѣла принять создавшагося положенія, не могла, и страстно искала выхода. О, она знаетъ, чье это вліяніе... Но... не безуміе ли отказываться отъ счастья? Во имя чего? Зачѣмъ? Вѣдь онъ не пишетъ, что ошибся въ своемъ чувствѣ? Его прямо замучили дома. Вынудили написать это письмо. Недаромъ же вѣстовой сказалъ: „отъ ихъ высокоблагородія, подполковницы.“ Значитъ, она отсылала письмо. Но какъ онъ могъ уступить такъ скоро? Наталья Никодимовна ходила по комнатѣ, сжимая и выворачивая пальцы, вдругъ сдѣлала себѣ очень больно и опомнилась.

„Недоставало еще калѣчить себя! Нѣтъ, не дастъ она калѣчить ни себя, ни его ни въ какомъ смыслѣ. У него дѣти? Да они всѣ взрослые; у нихъ своя особенная жизнь. Жена... Это называется любовью—такъ насиловать человѣка.. такъ истязать его. Довольно съ нея! Она была счастлива. Женщина, которая была счастлива двадцать восемь лѣтъ, можетъ чѣмъ-нибудь отплатить мужу за все, что онъ ей далъ... Написать ему! Написать сейчасъ же. Но какъ передать? Съ кѣмъ? И гдѣ назначить свиданіе? Можетъ быть, за нимъ слѣдятъ, какъ за преступникомъ... А если поѣхать къ нему, то прямо не пустятъ...

Приглашеніе Петцлера... На скачкахъ онъ, все равно, долженъ быть непремѣнно.

И быстро, безъ помарокъ она написала:

„Не вѣрю вашему письму. Того, что вы пишете, не можетъ быть. Пустыми кажутся мнѣ слова: всегда, никогда. Я не хочу терять васъ. И никто не заставитъ меня отъ васъ отказаться. Послѣзавтра скачки. Тамъ я переговорю съ вами. Родной мой, мой Николушка. Поздно теперь итти назадъ, да и незачѣмъ. Если мы не сожгли своихъ кораблей фактически, то давно сожгли ихъ въ мысляхъ... Ну, такъ впередъ, къ будущему! Нелли“.

Но еще почти сутки Наталья Никодимовна не отсылала письма, не зная, кто же передастъ его въ руки Николая Иліодоровича. Наконецъ, рѣшилась поручить это Серафимѣ Іоновнѣ. Въ письмѣ ничего не перемѣнила. Написала только вмѣсто послѣзавтра—завтра. Ольга Андреевна ушла съ Леличкой въ хозяйскую баню. И Серафима Іоновна безъ хлопотъ передала письмо прямо въ руки Николая Иліодоровича.

XIII.

По баржѣ, оставивъ на ней лошадь, между пестрой, разноголосой толпой, среди возовъ, жнецовъ, мелкихъ чиновниковъ, отправлявшихся для праздника съ кулечками за Волгу, Наталья Никодимовна перешла на перевозный пароходикъ, биткомъ набитый праздничной публикой. Долго ѣхали Волгой, потомъ какимъ-то длиннымъ, длиннымъ рукавомъ, среди песковъ, потомъ снова Волгой. Щеголеватый извозчикъ Парменъ, всегда поступавшій на лѣто къ Балашинымъ, уже ждалъ на берегу. Недавно прошелъ дождь, но въ воздухѣ парило, небо было дымно-сѣраго цвѣта, на западѣ разрастались сине-лиловыя тучи и глубоко гдѣ-то погромыхивалъ громъ. Лошадь быстро несла песчаной улицей деревни, лугами, гдѣ среди щетины уже скошенной травы проглядывали желтенькіе луговички и чернѣли колеи вновь наѣзженныхъ дорогъ. Издали на ровномъ мѣстѣ замѣтны были какія-то рогатки, желтые и красные флаги, загражденія изъ земли, изъ заплетенныхъ зеленыхъ вѣтокъ. Высились бѣлые щиты съ ярко-красными однозначными цифрами. Лошадь остановилась у огромной полотняной палатки. Петцлера еще не было. Но показанный Наталіей Никодимовной билетъ вызвалъ любезную улыбку на лицѣ встрѣтившаго ее штабъ-ротмистра, завѣдующаго буфетомъ. Галантно приложившись къ рукѣ Натальи Никодимовны, онъ провелъ ее въ палатку, усадилъ въ кресло и, непринужденно болтая, продолжалъ дѣлать свое дѣло: рѣзалъ тортъ, раскладывалъ фрукты, раскрывалъ коробки съ конфетами, раскупоривалъ бутылки. Кричалъ: „двухъ, трехъ!“ Приходили солдаты, подвигали столы, выносили и вносили ящики. Если что-нибудь тормозилось, офицеръ съ упрекомъ говорилъ:

— Шанъ-Гирей! Ты что же, братецъ мой?—И перетянутый въ таліи, какъ оса, черноглазый ефрейторъ, весь вспыхнувъ, бросался помогать солдатамъ.

— Крюшоновъ приготовляю, ажъ пять сортовъ. Попробуйте, какъ на вашъ вкусъ,—весело говорилъ штабъ-ротмистръ.

Наталья Никодимовна тревожно и пристально смотрѣла то въ одну, то въ другую дверь палатки. Одинъ разъ ей показалось, что мелькнула знакомая фигура. Штабъ-ротмистръ повторилъ свой вопросъ. Безжизненно, однѣми губами Наталья Никодимовна отвѣтила:

— Вы кажетесь такимъ спеціалистомъ своего дѣла, что, навѣрное, не нуждаетесь въ моихъ совѣтахъ.

— На мужской-то вкусъ угожу—это что говорить!—а вотъ на дамскій, не знаю.

— А почему дамы ваши вамъ не помогаютъ?

— Дамы наши? Да Боже спаси и помилуй! Да развѣ женщины, да въ особенности нѣсколько ихъ заразъ, способны что-нибудь устроить такъ, чтобы не перессориться, не напутать, не опоздать? Пробовалъ я разъ и зарокъ на всю жизнь положилъ. Вотъ, все приготовимъ, тогда—милости просимъ.

— Невысокаго же вы мнѣнія о своихъ дамахъ. А я думаю, что женщины способны на все такъ же, какъ и мужчины,—произнесла Наталья Никодимовна прежнимъ тономъ.

— Да. Это такъ со стороны кажется да въ теоріи, а попробуйте на практикѣ,—невозмутимо возразилъ офицеръ.

Въ палатку стали сходиться жены и сестры офицеровъ, многія съ дѣтьми. Приходили и уходили молодые офицеры, щеголеватые, съ закрученными à la Вильгельмъ усами; пожилые, бритые съ наигранно-бравымъ видомъ, но среди нихъ не было Николая Иліодоровича.

Наталья Никодимовна вышла изъ палатки. Вездѣ мелькали офицеры; на маленькомъ возвышеніи около палатки ихъ была цѣлая толпа. Казаки, уланы, драгуны, гусары... Но его не было...

Нѣкоторые изъ офицеровъ подходили къ Натальѣ Никодимовнѣ, цѣловали ей руку и спрашивали, не угодно ли ей чего-нибудь. Поздоровалось и нѣсколько дамъ. Вѣроятно, она встрѣчалась съ ними гдѣ-нибудь въ прошломъ году. Нарядная публика все прибывала. Пріѣхала дочь Нетцлера. Лугъ живыми пятнами зачернѣлъ и заалѣлъ отъ собравшагося изъ деревень народа. Прошли и стали въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько полковыхъ оркестровъ.

И вотъ раздался стукъ и шипѣнье автомобиля. Музыканты вытянулись, насторожились. Подтянулись офицеры; полковыя дамы заранѣе улыбались съ кокетливой привѣтливостью. Изъ автомобиля легко выскочилъ Нетцлеръ, за нимъ еще трое офицеровъ. Жаднымъ взглядомъ впилась въ нихъ Наталья Никодимовна. „Нѣтъ! Николая Иліодоровича нѣтъ“.

Какъ только Петцлеръ ступилъ на землю, грянулъ оглушительный маршъ. Петцлеръ медленно шелъ, пока играла музыка, и подошелъ къ выстроившимся войскамъ какъ разъ въ ту минуту, когда маршъ кончился. И въ разомъ упавшей, глубокой тишинѣ раздался негромкій, металлически-ясный голосъ генерала:

— Здорово, омцы! здорово, астраханцы! здорово, трубачи! здорово... молодцы!

И послѣ всякаго его „здорово" изъ сотенъ сильныхъ молодыхъ грудей вырывался похожій на взлаиванье, рѣзко обрываемый крикъ. Красивый адъютантъ Петцлера съ поклономъ поднесъ Натальѣ Никодимовнѣ программу. Она скользнула по ней взглядомъ: „Стипльчезъ уланскій... Корнетъ Громовъ, меринъ Хозрой девяти лѣтъ, отъ Хиндана II. Ѣздокъ владѣлецъ. Вѣсъ 4 пуда 25 фунтовъ... Сотникъ Варварикъ и кобыла Крошечка чистокровная... Стипльчезъ гусарскій... Что это все значитъ?"

Ахъ, не все ли равно? Нѣтъ Николая Иліодоровича, нѣтъ его! Глаза Натальи Никодимовны напряженно вглядывались во все кругомъ. Она ничего не понимала. Зачѣмъ-то всѣ метнулись за палатку, пронесли носилки, слышались ни съ того, ни съ сего аплодисменты и звѣриный ревъ толпы. Послѣ перваго отдѣленія къ Натальѣ Никодимовнѣ подошелъ Петцлеръ,—перекинулись нѣсколькими незначительными фразами. Она была неузнаваема. Потухшее, поблекшее лицо, блуждающій, разсѣянный взглядъ. Что съ ней?

— А что я не вижу подполковника Венгловскаго? — вдругъ сказала она, покраснѣвъ.

Взглядъ Петцлера вопросительно упалъ на полковника Ильина, командира драгунскаго полка. Тотъ въ свою очередь посмотрѣлъ на адъютанта, и этотъ послѣдній поспѣшно отрапортовалъ:

— Совершенно непонятно... Ни рапорта, ни свѣдѣній о болѣзни не поступало.

Началось второе отдѣленіе. Опять то же метаніе офицеровъ и дамъ съ одной стороны палатки на другую; откуда-то выныривала бѣшено скачущая лошадь, отчего-то орала и гоготала толпа. Около Натальи Никодимовны стояли двѣ полковыхъ дамы. Одна высокая, похожая на пастора, съ рѣзкими, мужскими чертами лица, въ длинномъ прямомъ пальто и въ котелкѣ; другая молоденькая, съ крошечнымъ ротикомъ, съ большими черными глазами.

Высокая говорила басомъ:

— Удивляюсь, зачѣмъ вы поставили на Буйную: выпитая лошаденка.

— Ахъ, что вы, — возражала маленькая, забавно раскрывая ротикъ.—У Буйной все въ будущемъ. Съ такими бабками, съ такимъ крупомъ лошади не бываютъ выпитыми.

— Нѣтъ, ѣздокъ хорошъ,—примирительно вступился пожилой офицеръ.—Не задерживаетъ. Лошадь приходитъ къ препятствію въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

Съ другой стороны бесѣдовали молодые офицеры:

— Гляди-ка: Папергутъ.

— Да! Давитъ марку!

— Звѣрь?

— Уланскій. Звѣрь. Еще позвонковъ шестьдесятъ ему осталось.

„Что это такое? О чемъ говорятъ?"—брезгливо и недоумѣло шевельнулось въ головѣ Натальи Никодимовны. Такъ все пусто, пусто было въ груди и въ головѣ. Словно все выболѣло тамъ навсегда. „Уѣхать бы скорѣй"...

Она пошла къ тому мѣсту, гдѣ стояла ея лошадь, но по дорогѣ ее перехватилъ адъютантъ Петцлера.

— Куда же вы?—заговорилъ онъ, картавя и картинно проводя рукой по подбритымъ на модный образецъ усамъ.—Сейчасъ самое интересное: раздача призовъ. Его превосходительство разсердится на меня, если узнаетъ, что я встрѣтилъ васъ на пути и не постарался задержать.

Хотѣлось вяло сказать этому франтику съ наглыми красивыми глазами и разлетающимися бровями:

— Убирайтесь вы отъ меня къ чорту. Слышите: къ чорту...

Но превозмогла поколѣніями привитая культурность. Наталья Никодимовна пріостановилась.

Сухой голосъ Петцлера отчеканивалъ:

— Корнетъ драгунскаго полка, Петръ Петровичъ Заглоба пятый... Штабъ-ротмистръ уланскаго полка, Александръ Корниловичъ Переверзевъ...

Подходили офицеры, получали свои призы и отходили. Музыка играла тушъ. Потомъ началось что-то невообразимое. Оркестры всѣхъ полковъ заиграли каждый свой маршъ. Музыканты старались во всю и, видимо, сами восхищались своей работой. Нѣкоторые изъ присутствующихъ затыкали уши, но большинство улыбалось съ довольными лицами.

Издали Петцлеръ увидѣлъ Наталью Никодимовну и прошелъ къ ней.

— Пожалуйте въ палатку. Надѣюсь, останетесь съ нами. Мы

всѣ перекочевываемъ отсюда въ военное собраніе... Огромный этакій сарай около манежа. Тамъ у насъ будутъ танцы.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я тороплюсь на перевозъ. Я, вѣроятно, сегодня вечеромъ уѣзжаю.

Вдругъ у нея мелькнула надежда: а можетъ быть, письмо лежитъ на дачѣ? Она пріѣдетъ, увидитъ знакомый неправильный почеркъ, и все разъяснится.

— Останьтесь до одиннадцати часовъ. Нѣтъ? Торопитесь? Мужъ вызываетъ въ Петербургъ? По дѣлу о наслѣдствѣ? Это очень пріятно. Ну, что-жъ дѣлать! На нѣтъ и суда нѣтъ. Дождя не боитесь? Грозы—тоже? Какъ говорится: просить можно, неволить—грѣхъ.

Онъ все же увелъ Наталью Никодимовну въ палатку и тамъ заставилъ ее выпить бокалъ шампанскаго за процвѣтаніе N—ской дивизіи.

Адъютантъ подскочилъ усаживать Наталью Никодимовну въ пролетку.

— Самыя послѣднія новости!—произнесъ онъ, играя глазами.— Вы, кажется, изволили интересоваться подполковникомъ Венгловскимъ. Былъ въ лагерѣ сегодня утромъ.

XIV.

Туча, лѣниво шевелившаяся на западѣ, загустѣла, уплотнилась, налилась свинцовой темнотой и бросила тѣнь отъ себя въ поллуга. Свѣтло-зелеными и яркими сдѣлались луга и осокори на берегу Волги, тамъ, гдѣ еще трепетали лучи солнца. Громъ ворчалъ гдѣ-то ужъ совсѣмъ низко. Туча быстро облегала все небо. Захолодѣло. Закружился вѣтеръ. И прямыми, пронизывающими струями хлынулъ холодный дождь.

— О, уже?—сказалъ адъютантъ, запахиваясь въ непромокаемый плащъ.—Однако... вы очень храбры... Гроза будетъ.

— Правда, барыня, не переждать ли?—вставилъ Парменъ.

Наталья Никодимовна невидящимъ взглядомъ скользнула по лицу адъютанта. „Не все ли равно, что онъ тамъ говоритъ?“ Смерть, только смерть помѣшала бы ей отвѣтить Николаю Иліодоровичу, если бы онъ просилъ и ждалъ отвѣта. И что такое гроза?...

Парменъ предлагалъ ей зонтикъ (пролетка у него была открытая). Она только досадливо отмахнулась рукой. Что за важность, если идетъ дождь, если лошадь скользитъ и спотыкается въ грязи, если испорченъ ея дорогой костюмъ и удивительная

шляпа съ страусовыми перьями. Блузка ея вся промокла и прилипла къ плечамъ, все тѣло дрожало не переставая. „Только бы домой. Скорѣй, скорѣй домой!“ Тамъ—она знала—она какъ-нибудь сумѣетъ вырвать отравленный клинокъ изъ сердца; чѣмъ-нибудь она поможетъ сама себѣ.

На взъѣздѣ съ Волги вода неслась внизъ двумя бушующими потоками, чернѣли промоины съ навороченными кругомъ камнями. Парменъ слѣзъ съ пролетки и, путаясь въ длинныхъ полахъ своей поддевки, безнадежно ворчалъ:

— Что ужъ это такое? Тутъ и лошадь сгубишь, и самъ сгубишься... Держитесь, барыня! Какъ бы мнѣ васъ не вывалить, не изувѣчить...

„Смѣшно! Развѣ можно ее еще изувѣчить?“

Наконецъ, пріѣхали на дачу. Серафима Іоновна охала, ужасалась, снимала съ Натальи Никодимовны платье, почти отрывала отъ кожи бѣлье, вытерла ее спиртомъ, принесла чаю съ ромомъ.

— Письмо, Серафима Іоновна. Письмо мнѣ принесли?

— Нѣтъ, Наталья Никодимовна! Почту принесли утреннюю, да вы никакъ всю ее разобрали...

„Зачѣмъ спрашивать? Развѣ не знала она, что письма нѣтъ?“

Наталья Никодимовна осталась одна. Съ твердымъ, хотя не вполнѣ еще обдуманнымъ рѣшеніемъ она сѣла за свой письменный столъ.

„Какое ужасное, непереносимое униженіе! Какъ она могла позволить унизить себя такъ? Погибель... Но развѣ такія, какъ она, погибаютъ? Взглянуть нужно на все иначе... выше. Вотъ изъ окна комнаты, гдѣ живетъ Серафима Іоновна, изъ-за гигантскаго карагача совсѣмъ не видно Бабьей горы. А изъ ея спальни гора видна, какъ на ладонкѣ. Съ вышки же видно все Заволжье... Единственная, разъ приходящая любовь... Необходимость и больше ничего. Необходимость испытать такое всепоглощающее чувство. Ну, а если бы у Сергѣя Сергѣевича не было дачи въ С., если бы дивизія не стояла лагеремъ на Волгѣ, что тогда? Тогда объектомъ такого чувства явился бы кто-нибудь другой. Только и всего... только и всего. О, почему она надѣлила его всѣми дарами ума и сердца! Кротостью, стальной волей, глубочайшимъ пониманіемъ людей и природы? Ничего, ничего нѣтъ! Одна сплошная рана, одно непереносимое униженіе! Раскрылись царскія врата ея любви... царскія врата. Но за ними не божество въ душистыхъ волнахъ ѳиміама, не смерть отъ блаженства. За ними груда сора, стружекъ, грязныхъ тряпокъ: писарь изъ

канцеляріи земскаго начальника съ бирюзой на толстомъ корявомъ пальцѣ, съ мандолиной въ рукахъ и съ романсомъ: „Я грущу...“ или этакая уѣздная поповна съ губками сердечкомъ и запахомъ персидской сирени“.

Стиснувъ зубы, Наталья Никодимовна вскочила со стула, упала на колѣни и потомъ лицомъ на полъ, на сложенныя кверху ладони.

„Можетъ быть, радоваться нужно, что все вышло такъ, а не иначе? Миновала бы страсть... и что общаго осталось бы? Эта среда... Эти офицерскіе разговоры „давятъ марку, позвонки“...— убожество! А ихъ отношеніе къ женщинѣ? Безпрестанно цѣлуютъ ручку, а считаютъ неспособными даже крюшонъ приготовить...“

Какихъ, въ сущности, взглядовъ Николай Иліодоровичъ? А можетъ быть, его полкъ участвовалъ въ усмиреніяхъ? И онъ также усмирялъ. Совершалъ „непріятный, тяжелый, но все же долгъ“... Какой ужасъ, какой позоръ! И она сама толкнула себя на этотъ позоръ. Вѣдь она была наверху... Когда онъ подошелъ къ ней въ прошломъ году у Петцлера на пменинахъ, когда она встрѣтила его, бродящаго у своей дачи, о, какъ высоко она была! Ей нужно было упасть ему подъ ноги въ грязь, ей нужно было, чтобы онъ наступилъ ей на грудь своими драгунскими сапогами со шпорами. Ей нужно было писать ему изъ Петербурга, пережить униженіе невниманія къ ея поздравленію. Ея еще былъ верхъ и въ этомъ году, когда онъ отвозилъ ее домой, этотъ рыцарь долга, давшій женѣ честное слово не писать „соперницѣ“ и не посѣщать ея. И она была наверху, когда онъ ушелъ изъ сада... А теперь! Такъ поступить съ ней, съ Натальей Никодимовной... И кому же... Не только не пріѣхалъ, но даже не отвѣтилъ, не бросилъ двухъ-трехъ словъ. Онъ могъ не отвѣтить ей только въ одномъ случаѣ: если бы его не было на свѣтѣ. Онъ хочетъ ей показать, что она просто ему „не нужна“. Онъ ошибся... раздумалъ. Какъ мужчина, воспитанный по-старинному, стѣсняется сказать это прямо въ лицо... О... о... о... Какое униженіе! Укрѣпленные города свои и цвѣтущія земли, и неприступныя крѣпости—все отдала она безъ бою... Но неужели же она не справится съ собой? Неужели она—ничтожная бабёнка, у которой, кромѣ „предмета“, нѣтъ ничего въ жизни?... За что такъ оскорбили ее? На всю жизнь. Никогда больше не будетъ дѣтской веселости и безпечности, того настроенія, въ которомъ она позволила чужому юношѣ на пароходѣ поцѣловать себя... Развѣ будетъ она въ состояніи пріѣзжать когда-нибудь въ С.? Войти въ

виноградную бесѣдку? За что отняли у нея всю радость жизни, всю ея красоту? За прихоть?...

Глубоко-глубоко скрытый тайный голосъ говорилъ Натальѣ Никодимовнѣ, что она теряла не прихоть свою, не мимолетное увлеченіе. Она теряла самое лучшее, самое цѣнное въ жизни, то, что дается далеко не всѣмъ.

И вотъ этотъ голосъ нужно было задушить во что бы то ни стало. Иначе нельзя было жить.

Наталья Никодимовна встала съ пола и опять сѣла къ письменному столу. Нѣтъ, раздавить себя она не дастъ. Она взяла листъ бумаги.

„Многоуважаемый Николай Иліодоровичъ! Съ сокрушеніемъ признаюсь вамъ, что вы оказались хитрѣе меня. Я проиграла изъ-за васъ большое пари. Имѣла неосторожность поспорить, что нѣтъ такого семьянина, который не готовъ былъ бы измѣнить своей женѣ, если только не старая и не безобразная женщина соблаговолитъ обратить на него свое вниманіе.

„Къ сожалѣнію, я должна уѣхать изъ С. Срокъ пари истекаетъ завтра. А у меня нѣтъ никакихъ „видимыхъ“ доказательствъ, что я выиграла пари. Предъявить своему партнеру фактически нечего. Что же... придется платить. Не сердитесь на меня. Надѣюсь встрѣтиться дружески.

Н. Балашина“.

Раза два прочла Наталья Никодимовна свое письмо, кое-гдѣ измѣнила выраженія на болѣе рѣзкія, подчеркнула два-три слова и позвонила горничную.

— Немедленно опустите въ ящикъ.

И какъ будто веселаго и хмельного вина хлебнула она. Почувствовала себя бодрой, неуязвимой, госпожей.

Всѣ поѣзда на Москву ушли. Она поѣдетъ въ 12 часовъ ночи съ пароходомъ внизъ до К. и тамъ пересядетъ въ поѣздъ прямого сообщенія. Пусть придетъ объясняться къ пустому мѣсту. Здѣсь она не останется ни за что. Быть можетъ, уѣдетъ въ Финляндію къ Сергѣю Сергѣевичу, а нѣтъ, такъ за границу. Теперь всѣ пути для нея открыты. Она богата, богата!

Нервный смѣхъ вырвался изъ губъ Натальи Никодимовны и замеръ, остановленный силою воли. Не садясь, быстро укладывалась она, дѣлала распоряженія, брала съ собой однѣ вещи, запирала и сдавала Серафимѣ Іоновнѣ другія.

Исчезало чувство приниженности, чувство смертельнаго оскорбленія. Впереди свѣтила свободная, богатая, красивая жизнь. И только изрѣдка тотъ же невнятный, гдѣ-то глубоко-глубоко, за-

прятанный голосъ, который удерживалъ ее отъ поѣздки въ С., тотъ, кто не давалъ ей клеветать на свою любовь, этотъ голосъ подымался въ ней острой, надрывной болью, и она сжимала челюсти, чтобы не слышать, какъ шепталъ онъ ей: „Что ты сдѣлала съ собой? Охъ, что ты сдѣлала съ собой?“

XV.

Желтый, осунувшійся, злобный ходилъ Николай Иліодоровичъ и чувствовалъ, что далъ обѣщаніе, которое не въ силахъ выполнить. Ольга Андреевна и Леличка старались какъ можно меньше попадаться ему на глаза. Не нужно его ни трогать, ни раздражать, вотъ все и пройдетъ само собой, надѣялась Ольга Андреевна. Въ полку не понимали, что сдѣлалось съ ихъ ровнымъ, тактичнымъ подполковникомъ.

Прочитавъ первое письмо Натальи Никодимовны, онъ не удивился, не обрадовался. Именно этого онъ ждалъ, и тѣ именно слова сказала Наталья Никодимовна, которыя нужно было...

Въ эту ночь онъ не ложился. Молча, выкуривая папиросу за папиросой, онъ ходилъ взадъ и впередъ по маленькому садику, находившемуся за ихъ избой. Леличка прибѣгала къ нему звать его ужинать, но онъ сухо отказался, и мать не велѣла дѣвушкѣ больше подходить къ отцу.

Проходила ночь, наступало утро, а Венгловскій, мѣрно звеня шпорами, все ходилъ и ходилъ, не чувствуя тяжести одежды, не ощущая укусовъ слетѣвшихся комаровъ, не слыша, какъ робко окликнула его раза два Ольга Андреевна.

Казалось ему, что онъ какъ будто бы садился на лавочку, дремалъ, опять вскакивалъ и начиналъ мѣрить шагами садикъ. Только одна мысль, вложенная въ два слова, была въ его головѣ: „это неизбѣжно“, но эта мысль была такъ велика, такъ всепоглощающа, что ничего, кромѣ нея, не укладывалось въ головѣ.

Утромъ, часовъ въ восемь, онъ вошелъ въ общую супружескую спальню. Ольга Андреевна уже не спала и, совершенно одѣтая, какъ будто она и не ложилась, прибирала что-то у стола.

Николай Иліодоровичъ сѣлъ сзади нея на стулъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ молча.

— Оля!—позвалъ онъ глухо.

Ольга Андреевна слегка обернулась.

— Вотъ что, Оля.—Николай Иліодоровичъ всталъ.—Отпусти ты меня...

— Какъ это? Что это?... Что ты хочешь сказать?

Николай Иліодоровичъ молчалъ.

Ольга Андреевна быстро подошла вплотную къ мужу.

— Ты хочешь бросить насъ? Хочешь уйти?

На нее глянули такіе далекіе, такіе чужіе глаза, что она поняла, что все кончено, и побѣлѣла, какъ мѣлъ. А глухой, равнодушный голосъ отвѣчалъ:

— Да... ужъ хочу уйти. Хочу пожить по-новому.

Глаза Ольги Андреевны вспыхнули, къ лицу прилила кровь.

— Та-акъ... Прекрасно,—заговорила она, задыхаясь.—Такъ-то ты держишь свое слово!... Прожить жизнь, всю жизнь... воспитать дѣтей, состарѣться и потомъ дождаться, что тебѣ говорятъ: ступай, ты мнѣ больше не нужна. И такъ дѣлаютъ честные люди, которые имѣютъ претензію слыть образцомъ для другихъ!

Николай Иліодоровичъ тупо смотрѣлъ на жену. Слова ея не оскорбляли его и не задѣвали его сердца. Непріятно только было слышать ея задыхающійся голосъ, видѣть, какъ прыгаютъ ея губы и всѣ черты лица искажены бѣшеной злобой. Но мало-помалу, въ отвѣтъ на ея брызжущія ненавистью слова, въ груди его началъ подыматься и ворочаться звѣрь.

— И подумаешь изъ-за чего это? Изъ-за чего оскорбляется жена, бросаются дѣти, изъ которыхъ двое еще такъ нуждаются въ опорѣ? Не говори мнѣ, пожалуйста,—выкрикнула она, хотя Николай Иліодоровичъ ничего не говорилъ и только тяжело дышалъ.—Какая тутъ любовь!—продолжала она съ дрожью отвращенія въ губахъ.—Похоть одна старческая, противная похоть, которой все приносится въ жертву.

— Зачѣмъ же я тебѣ, если я таковъ?—сдерживая въ груди что-то, что клокотало и вырывалось наружу, медленно, раздѣльно произнесъ Николай Иліодоровичъ.

— Ты мнѣ затѣмъ, что я не хочу позора, что я не хочу, чтобы гибла семья. И все изъ-за какой-то...—она остановилась и, какъ монету надоѣвшему нищему, выбросила уличное оскорбительное слово.

Николай Иліодоровичъ побагровѣлъ.

— Молчи!—пробормоталъ онъ угрожающе.

— О, я знаю, что правда колюча,—съ неестественнымъ смѣшкомъ отвѣтила Ольга Андреевна, и глаза ея заблестѣли еще сильнѣе какимъ-то жидкимъ голубымъ огнемъ.—И вещи я буду называть ихъ именами. И эту отвратительную... развратную...

Она не кончила. Николай Иліодоровичъ схватилъ тяжелую мраморную чернильницу, бросилъ ее съ силой впередъ и подъ звонъ разбитаго зеркала и пузырьковъ на столѣ сжалъ обѣ руки Ольги Андреевны.

— Нѣтъ, ты замолчишь!

Ольга Андреевна закричала: „больно, больно!"

Мужъ выпустилъ ея руки и съ неулегшейся злобой, съ неразряженнымъ, дѣлающимъ больно въ груди раздраженіемъ сказалъ съ ненавистью:

— Дѣлай, дѣлай скандалы. Вѣдь ты только на словахъ проповѣдуешь изысканно-благородныя чувства.

Казалось, нельзя было ранить Ольгу Андреевну сильнѣе, чѣмъ она была ранена, но отъ послѣднихъ словъ мужа она вся затряслась.

— Негодяй!

— Я радъ, что ты считаешь меня такимъ! Пусть негодяй!

Въ дверь стучалась, истерически плакала Леличка. Николай Иліодоровичъ посмотрѣлъ на жену тяжелымъ, злобнымъ взглядомъ и неохотно пошелъ къ двери. Передъ глазами у него медленно плыли красные и зеленые свѣтящіеся круги, сердце то билось частыми, болѣзненными ударами, то замирало, и неудержимо дергалась лѣвая щека. Въ сѣняхъ онъ почти свалился на скамейку. Отвратительная слабость и тошнота охватили все его тѣло, онъ прерывисто дышалъ и прислонился бокомъ къ косяку, чтобы не упасть внизъ лицомъ.

Въ спальнѣ зазвенѣлъ и росъ, приближаясь, какой-то дикій, неистовый, захлебывающійся крикъ. Николай Иліодоровичъ съ трудомъ поднялся, шагнулъ. Навстрѣчу ему вылетѣла Леличка съ перекошеннымъ лицомъ, съ помутнѣвшими, остановившимися, безумными глазами.

— Отравилась, отравилась... мама отравилась, мама умерла,— кричала она, и бѣжала куда-то, охваченная смертельнымъ ужасомъ.

Отецъ схватилъ ее за кисти поднятыхъ кверху, какъ для защиты, дрожащихъ рукъ.

— Что ты?... Что съ мамой?

Леличка оборвалась на полусловѣ, взглянула на отца, безсмысленное лицо ея ожило, слезы полились изъ глазъ.

— Тамъ мама...

— Почему ты думаешь, что она отравилась?... Чѣмъ, наконецъ?

— Поди... поди, посмотри самъ.

Ольга Андреевна лежала наискосокъ на полу. Некрасиво поднялись, открывая ноги, ея юбки, голова на вытянутой шеѣ откинута была назадъ и изъ-подъ растянутыхъ губъ, словно застывшихъ въ страдальчески-злобномъ смѣхѣ, видны были крѣпко стиснутые зубы. Кругомъ валялись осколки зеркала, блестѣла

масляная лужица глицериву. И отъ этого погромнаго безпорядка, отъ некрасиво открывшихся ногъ жены и ея неподвижнаго лица съ оскаленными зубами такой же ужасъ, который выражался на лицѣ Лелички, вошелъ и въ душу Николая Иліодоровича. Случилось непоправимое несчастіе, передъ которымъ все блѣднѣетъ. Кончилась счастливая, честная, свѣтлая жизнь. Стиснувъ зубы, едва самъ не падая въ обморокъ, онъ разстегнулъ платье жены, приподнялъ ей голову, теръ ей виски спиртомъ, пытался влить вино въ ротъ, но все безуспѣшно.

Новость понеслась по деревнѣ. Пришло нѣсколько пожилыхъ, полковыхъ дамъ, не поѣхавшихъ на скачки. Говорили шопотомъ, совѣтовали одна — одно, другая — другое. Вѣстовой поѣхалъ въ деревню, гдѣ квартировалъ одинъ изъ врачей; Николаю Иліодоровичу осѣдлали лошадь ѣхать въ лагерь.

— Леличка!—позвалъ Николай Иліодоровичъ, на ходу пристегивая шашку.

Дочь вышла съ нимъ въ сѣнцы.

— Мама не могла отравиться,—избѣгая глазъ дочери, сказалъ Николай Иліодоровичъ.—Нигдѣ нѣтъ ни рюмки, ни стакана... да мама никогда и не держала такихъ лѣкарствъ. Я сейчасъ привезу доктора. Не безпокойся, все будетъ хорошо... это обморокъ... только обморокъ.

Дочь посмотрѣла на отца съ гордымъ достоинствомъ и молча вернулась въ спальню.

Въ двухъ околоткахъ врачи уже кончили пріемъ больныхъ и уѣхали въ городъ. Изъ полкового лазарета не могли отлучиться, потому что ждали несчастныхъ случаевъ со скачекъ; остальные были командированы на самыя скачки. Николай Иліодоровичъ поѣхалъ въ контору постройки кесоннаго моста, соединенную съ городомъ телефономъ, и вызвалъ къ себѣ знаменитаго врача Поплавскаго. Тотъ же пароходъ, который привезъ Наталью Никодимовну на скачки, привезъ въ деревню и Поплавскаго.

Двери избы Венглоевскихъ были раскрыты. Зачѣмъ-то приходили туда чужія женщины, заглянула торговка помедорами. Ей никто ничего не сказалъ. Разбилась святая святыхъ семейной жизни, и полноправно вошла въ нее улица.

Искусственное дыханіе, горячія и холодныя обтиранія попеременно привели Ольгу Андреевну въ чувство. Она открыла глаза, взглянула на переносную полотняную кровать, на которой лежала, на доктора, на Леличку, встрѣтила испуганный, виноватый взглядъ мужа, задышала часто-часто и опять лишилась сознанія.

Опять обнажили ея увядшее, желтое, худое тѣло, терли его щетками, раздражали горчичниками, горячей и холодной водой.

— Позовите ее!—сердито скомандовалъ Поплавскій.—Возьмите ее за руку, говорите съ ней!

— Оля, Оля...—почти шопотомъ началъ Николай Иліодоровичъ. Слезы кипѣли у него въ горлѣ.—Оля!

И медленно-медленно, словно возвращаясь изъ потусторонняго міра, открыла глаза Ольга Андреевна.

— Оля, прости меня,—прошепталъ Николай Иліодоровичъ однѣми губами.

Невозможно было разслышать, что онъ сказалъ, но Ольга Андреевна разслышала и такъ же беззвучно отвѣтила ему:

— И ты меня, Коля, прости...

Потомъ она приподняла голову, увидала свои голыя ноги, небрежно накинутую на тѣло мокрую узкую простыню, доктора, безпорядокъ въ комнатѣ.

Щеки ея слабо окрасились, она прошептала медленно, словно отыскивая слова:

— Леличка! Отчего... ты... не велѣла... здѣсь убрать?

— Ну-съ, непосредственной опасности сейчасъ никакой не предвидится,—сказалъ Поплавскій, теребя свою жидкую бороду и сердито глядя на Николая Иліодоровича изъ-подъ выпуклыхъ черныхъ очковъ.—Но совѣтую быть очень, очень осторожнымъ.

Комнату привели въ порядокъ. Ольга Андреевна выпила чашку кофе и безъ посторонней помощи перешла на свою кровать. Николай Иліодоровичъ сидѣлъ около нея, грѣя и лаская ея руки. Она засыпала, но чуть онъ отклонялся отъ нея или выпускалъ ея руки, она просыпалась и тревожно на него смотрѣла. Наконецъ, она крѣпко заснула. Николай Иліодоровичъ тихонько высвободился изъ ея рукъ и, перейдя на цыпочкахъ комнату, присѣлъ на свою кровать. Онъ самъ не помнилъ, какъ прислонился къ подушкѣ, какъ заснулъ, не раздѣваясь, мертвымъ сномъ, пыльный, въ кителѣ и въ высокихъ сапогахъ. Когда онъ проснулся, солнце стояло еще высоко. Ольга Андреевна крѣпко спала. Кругомъ было тихо. Только голуби турлыкали на дворѣ, да гдѣ-то въ садахъ визжали, думая, что поютъ, поденщицы.

Николай Иліодоровичъ вспомнилъ прожитый день, прожитую ночь, то рѣшеніе, которое онъ не принималъ,—нѣтъ, но которое вошло въ него само и было имъ. Онъ быстро переодѣлся. Его собственная лошадь была загнана въ конецъ. Онъ велѣлъ ефрейтору осѣдлать свою.

— Ты куда, папа?—ревниво и тревожно прошептала Леличка, увидя, какъ отецъ садится въ сѣдло.

— Я не надолго. Береги маму... мнѣ необходимо...

Николай Иліодоровичъ поѣхалъ полемъ къ мѣсту скачекъ. У него была надежда, почти увѣренность, что Наталья Никодимовна ждетъ его. Ей отдалъ онъ все, все, что имѣлъ въ жизни, и самую жизнь. И не было мысли о томъ, чтобы она могла не понять его, за что-нибудь разсердиться на него, не стремиться къ нему всей душой и всѣмъ тѣломъ, какъ и онъ къ ней. Лошадь тяжело ступала въ размокшую, вязкую землю. Онъ ѣхалъ, опустивъ поводья. Возврата нѣтъ. По крайней мѣрѣ, если только она не захочетъ возврата. Ей отдалъ онъ съ этой ночи свою жизнь. И пусть она сдѣлаетъ изъ нея что хочетъ. Онъ разскажетъ ей все. Всѣ памятные дни свои, всѣ мысли, что передумалъ, всѣ чувства, что пережилъ. И если она не захочетъ дѣлить съ нимъ его бѣдность, его отверженность (онъ подумалъ, что ни за что не подастъ теперь просьбу объ его зачисленіи въ интендантство), онъ уйдетъ безъ словъ, и если велитъ вернуться въ семью, онъ вернется, но не внесетъ туда лжи. Вѣчнымъ упрекомъ будетъ для него то, что пережила жена, но онъ, Николай Иліодоровичъ, знаетъ, что такое горе, какъ переживаютъ его. И если Ольга Андреевна сумѣла пережить сегодняшній день, она переживетъ и слѣдующіе. И будетъ еще знать радость. И гордость незапятнанности, которую онъ утратилъ. Ну... пусть утратилъ. Для нея это сдѣлано, для единственной, для любимой. Прижаться къ ней своей изголодавшейся грудью, взглянуть въ ея глаза и изъ яркихъ губъ услышать похожій на звуки скрипки, ласковый, свирѣльный смѣхъ... и ничего больше не нужно. И жизнь прожита не даромъ.

На скачкахъ Натальи Никодимовны не было, и когда Николай Иліодоровичъ это узналъ, сердце его охватило то же леденящее дуновеніе, то же предчувствіе скорой гибели, которое онъ испыталъ, когда увидѣлъ распростертое на полу неподвижное тѣло жены.

Пиршество въ палаткѣ было въ полномъ разгарѣ. Поздравляли выигравшихъ на скачкахъ. Заставили выпить бокалъ шампанскаго и Николая Иліодоровича.

Адъютантъ подмигнулъ ему лукаво:

— А здѣсь очень интересная дамочка изъ города справлялась о васъ.—Онъ сдѣлалъ двусмысленную гримасу и прибавилъ плаксиво:—Un rendez-vous manqué? Pauvre sous-colonel!

По его лицу Николай Иліодоровичъ догадался, что по полку

уже разошлись преувеличенные и пошлые слухи о томъ, что случилось у него въ семьѣ.

— Я пріѣхалъ къ командиру,—сухо замѣтилъ онъ.

Переговоривъ съ Ильинымъ и сообщивъ ему о болѣзни жены, Николай Иліодоровичъ вскочилъ въ сѣдло и, выѣхавъ за бугоръ, пустилъ лошадь вскачь. Комья грязи летѣли во всѣ стороны, лошадь спотыкалась и останавливалась на всемъ скаку. Но на поворотѣ къ Волгѣ Николай Иліодоровичъ увидалъ, что гналъ лошадь напрасно. Пароходъ, къ которому онъ торопился, шелъ уже посерединѣ рѣки. Онъ все же поѣхалъ на берегъ. Нашелъ какихъ-то рыбаковъ. Они запросили за то, чтобы доставить въ городъ, двадцать рублей, а когда Николай Иліодоровичъ согласился на это, отошли къ сторонкѣ, потолковали между собою и рѣшительно отказались.

Тогда Николай Иліодоровичъ поѣхалъ берегомъ опять въ контору постройки. Рабочій сидѣлъ на крылечкѣ конторы и ѣлъ воблу съ калачомъ. И только увидѣвъ его, Николай Иліодоровичъ вспомнилъ, что почти сутки ничего не ѣлъ и не пилъ. Оказалось, что телефонъ на дачѣ Балашиныхъ еще не поставленъ, а инженеръ, завѣдующій работами, уже уѣхалъ на своей моторной лодкѣ въ городъ.

Лошадь подъ Николаемъ Иліодоровичемъ едва не падала отъ усталости, когда онъ второй разъ доѣхалъ до перевоза. Наконецъ, подошла баржа. Николай Иліодоровичъ кинулся къ мосткамъ. Конечно, никого... Какъ онъ могъ думать, что кто-нибудь пріѣдетъ? Поручивъ отвезти лошадь одному изъ вольноопредѣляющихся, вернувшемуся изъ отпуска, Николай Иліодоровичъ сѣлъ на пароходъ.

XVI.

Какъ темны были улицы С., какъ труденъ подъемъ по размытому взъѣзду, какъ медленно шла извозчичья лошадь, какъ замирало въ тоскѣ неизвѣстности сердце.

Темна и глуха была дача Балашиныхъ. Николай Иліодоровичъ едва достучался караульщика.

— Уѣхала барыня на меркурьевскую пристань. И Серафима Іоновна уѣхали ихъ провожать. А Машу и куфарку не знаю—разсчитаютъ, не знаю — нѣтъ. Поди, чай, барыня, еще и не уѣхала. Только первый еще свистокъ былъ. Тутъ недалечко. Слыхать.

. . . . . .

Гулко во влажной темной безлунной ночи прогудѣлъ длинный и два короткихъ свистка. Николай Иліодоровичъ сбѣжалъ

по колеблющимся доскамъ спуска и подошелъ къ борту парохода. На палубѣ стояла Наталья Никодимовна.

Она его почувствовала, увидала.

— Два свистка было, ваше высокородіе,—предупредилъ матросъ.—Сейчасъ отходимъ.

Наталья Никодимовна поспѣшно сходила съ лѣстницы. И около дверки въ первый классъ, среди катящихся бочекъ съ цементомъ, торопящихся сойти случайныхъ посѣтителей и провожающихъ, она увидѣла Николая Иліодоровича.

— Вы уѣзжаете? Когда? Надолго?... Почему?—заговорилъ онъ, съ трудомъ переводя духъ.

Свѣтъ отъ фонаря падалъ прямо въ лицо Натальи Никодимовны. Она стояла нарядная, свѣжая; губы ея были сложены въ надменную усмѣшку. Она не торопилась отвѣчать и отдала еще какое-то приказаніе прощавшейся съ ней Серафимѣ Іоновнѣ.

— Отчего я уѣзжаю? Меня вызываетъ мужъ... по дѣлу о наслѣдствѣ. Да и вообще, почему вы такъ удивлены, что я уѣзжаю? Я писала вамъ... А встрѣтились, такъ все равно скажу... Я немного виновата передъ вами. Я увлеклась тѣмъ, что называется флиртомъ... Я держала пари на васъ, и вотъ видите... проиграла. Что жъ! Вы сильнѣе меня...—Глаза Натальи Никодимовны сверкали, голосъ звучалъ рѣзко, и неестественный, презрительный смѣхъ безпрестанно слеталъ съ ея губъ.

— Сходни сейчасъ убираютъ, — замѣтилъ матросъ. — Ѣдете, баринъ?

— Развѣ вы ѣдете, Николай Иліодоровичъ? Не нужно, не ѣздите. И, знаете, такъ лучше. Вашъ покой, покой вашихъ близкихъ не будетъ нарушаться. А то опять выйдетъ такъ: сегодня вы „отдадите мнѣ свою жизнь", а завтра придете просить у жены прощенья: „я больше не буду". А меня увѣдомите, что „все еще разъ кончено"... Не сердитесь на меня. На свѣтѣ все проходитъ. Я проиграла изъ-за васъ пари и не сержусь.

— И я не сержусь. Я очень благодаренъ... потому что я тоже... держалъ пари.

Николай Иліодоровичъ, не подавая руки, поклонился, жестомъ удержалъ матросовъ, стаскивавшихъ сходни, и сошелъ на пристань.

Шумѣлъ, грузно работая колесами и выпуская паръ, отходящій пароходъ; раздавались послѣднія привѣтствія провожавшихъ. Громкій женскій крикъ, звучащій мольбой и отчаяніемъ, прорѣзалъ воздухъ:

— Николай Иліодоровичъ!

Венгловскій машинально поднесъ руку къ козырьку и затерялся въ толпѣ. Теперь онъ уже твердо зналъ, что все кончено... Холодное дуновеніе пустоты и смерти окружило его плотнымъ кольцомъ. Онъ даже не вдумывался, какая бездна лежитъ за этой пустотой. Онъ только безповоротно зналъ, что надо сдѣлать. Спокойно вернулся онъ домой съ ночнымъ перевозомъ. Ольга Андреевна еще не спала. Онъ поговорилъ съ ней, справился о здоровьѣ, о дочери, попросилъ ужинать. Какой-то свѣтлый и пустой холодъ шелъ отъ его глазъ, отъ медленныхъ, скучныхъ словъ. Ольга Андреевна не разспрашивала его ни о чемъ. „Онъ вернулся... Значитъ, все хорошо. Ему такъ тяжело. Не надо его тревожить."

Пароходъ быстро уходилъ вверхъ, а обезумѣвшая Наталья Никодимовна хватала капитана за руки и молила его вернуться, спустить лодку и дать ей двухъ матросовъ. Обѣщала заплатить сколько угодно.

Капитанъ, толстый, бывалый мужчина, давно ничему не удивляющійся, говорилъ ей вразумительно и терпѣливо:

— Не безпокойтесь, сударыня. Нельзя волноваться изъ-за того, что абсолютно невозможно. Сейчасъ распоряжусь, чтобы вамъ прислали нашу пароходную фельдшерицу. Вотъ пріѣдете въ Пристанное, тамъ сойдете. Жаль, что раньше десяти утра ни одного парохода вверхъ оттуда не будетъ. И радъ бы что-нибудь для васъ, сударыня, но, видите, сударыня, не могу!

Николай Иліодоровичъ спалъ крѣпко нѣсколько часовъ, всталъ рано и долго прибиралъ и перекладывалъ бумаги въ своемъ столѣ. Дождался письма Натальи Никодимовны, прочелъ его, разорвалъ на мелкіе кусочки и сжегъ. Выпилъ чаю. Пришла поздороваться Леличка. Онъ поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Принеси мнѣ суконную тряпочку, Леля. Разбираюсь со своимъ имуществомъ. Револьверъ заржавѣлъ, надо его почистить.

...Единственная пуля въ револьверѣ, о существованіи которой Николай Иліодоровичъ забылъ, попала въ шею, въ сонную артерію. Такъ не стрѣляются...

Мѣсяцевъ черезъ шесть Сергѣй Сергѣевичъ везъ жену изъ лѣчебницы извѣстнаго московскаго психіатра. Наталья Никодимовна сильно перемѣнилась. Потемнѣли ея низко остриженные волосы, выдались отъ худобы лобныя кости и какъ-то странно запали виски. И только блескъ глазъ да мимолетная ироническая улыбка напоминали былую Наталью Никодимовну.

— Ручаться, конечно, трудно, — сказалъ Сергѣю Сергѣевичу при прощаньи директоръ лѣчебницы,—но думаю, что при надлежащемъ уходѣ, при согрѣвающей семейной обстановкѣ, жена ваша совершенно поправится. Такія не пропадаютъ.

Сергѣй Сергѣевичъ вѣжливо и благодарно улыбался. Серафима Іоновна должна была отвезти на-дняхъ Наталью Никодимовну въ одну дорогую санаторію для нервныхъ, расположенную близъ Берлина. Самъ Сергѣй Сергѣевичъ уже четыре мѣсяца былъ крѣпко связанъ съ молоденькой барышней, дочерью довольно извѣстной актрисы. Тетка барышни была извѣстная diseuse, покойный отецъ—скульпторъ. Сама барышня обѣщала стать выдающейся танцовщицей въ стилѣ Айседоры Дунканъ.

Сергѣй Сергѣевичъ взглядывалъ на чужое лицо жены, постарѣвшее, неподвижное, съ сжатыми губами и опущенными вѣками.

„Воду, чтобы она не разлилась, вливаютъ въ сосудъ, а жизнь заключаютъ въ извѣстныя формы. Какъ я ошибался въ ней... Какъ это я могъ предполагать, что она знаетъ, что такое мудрость жизни? Такъ сгорѣть изъ-за любви къ какому-то совсѣмъ неинтересному старому офицеру. Ну... пожила бы съ нимъ сколько хотѣла... И я ничего противъ не имѣлъ бы. Безъ потомства, разумѣется... Вѣдь разъ въ жизни, какъ коклюшъ, это каждому пережить надо. Живо бы съ нея все это слетѣло... И все было бы хорошо... Теперь бы мы путешествовали съ ней по Америкѣ... Оперу она свою поставила бы. И этотъ тоже... болванъ—застрѣлился! Гдѣ же сдѣлаться женщинѣ новой, если ее окружаютъ такого рода субъекты. Старый споръ, что важнѣе въ жизни: любовь или искусство и общественная дѣятельность... Ахъ ты, Господи, о чемъ спорятъ! Важно и нужно и то и другое, но нужно умѣть умно любить и то и другое. Мудро пользоваться".

Сергѣй Сергѣевичъ быстро, почти боязливо взглянулъ на жену. Какъ разъ въ эту секунду лицо Натальи Никодимовны передернулось. Большіе глаза приняли выраженіе глазъ животнаго, только что получившаго жестокій ударъ, ей вспомнилось то, что стальнымъ лезвіемъ стояло въ ея мозгу всѣ шесть мѣсяцевъ и вначалѣ доводило ее до бѣшенаго воя, до бросанія на людей. Отходитъ пароходъ, и Николай Иліодоровичъ затеривается въ толпѣ... и подноситъ руку къ козырьку фуражки и идетъ на смерть...

— Не смотри на меня, Сергѣй Сергѣевичъ, и не выражай сочувствія. Это абсолютно ненужно,—сухо и дѣловито произнесла, быстро овладѣвъ собой, Наталья Никодимовна.

Сергѣй Сергѣевичъ съежился, какъ отъ холода.

„А вдругъ она проживетъ еще двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ, переходя изъ лѣчебницы въ санаторію и обратно? Брр... Счастье-то, счастье какое, что она получила наслѣдство... Теперь я могу обставить ее самымъ лучшимъ образомъ безъ хлопотъ, безъ особыхъ, по крайней мѣрѣ, хотя вся эта исторія отняла у меня не мало времени и силъ... А кто ее знаетъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, выправится, можетъ еще знаменитостью будетъ... Вѣдь, пожалуй, эскулапъ-то правду сказалъ: „такія не пропадаютъ". Чувство печали о какой-то утратѣ, чувство ревнивой зависти на мигъ охватило его. Онъ тутъ же одернулъ себя и мысленно махнулъ рукой: „Ну и пусть"... И тогда я не буду жалѣть, что разошелся съ ней. Богъ съ ними, съ настоящими знаменитостями. Не хотѣлъ бы быть на мѣстѣ N. Тридцать лѣтъ его косточкамъ покоя не даютъ... мерзость за мерзостью выкапываютъ. Или NN и Z, которыхъ при жизни возвели въ божество и при жизни же кричатъ имъ въ лицо: „Вы исписались, вы пережили самихъ себя". А я никогда не буду старъ и никому не позволю нанести себѣ обиду—всегда предотвращу ее. И я знаю, что меня ждутъ, читаютъ, знаю, что умѣю порадовать читателя свѣтлымъ. Я мягокъ и ровенъ... И Тамара меня любитъ"... Сознаніе своего превосходства, своей мужской силы охватило Сергѣя Сергѣевича. Присутствіе Натальи Никодимовны какъ-то еще рѣзче оттѣняло ту радость, которую давала ему его новая связь.

Ровно и медленно катилась карета, и въ головѣ Сергѣя Сергѣевича подъ ея размѣренное качанье плыли особыя, задушевныя мысли о себѣ, о людяхъ, о жизни,—тѣ мысли, которыя никогда не высказываются вслухъ...

О. Рунова.

ХРОМОЙ.

Романъ Германа Штера.

Съ нѣмецкаго.

Hermann Stehr. „Der begrabene Gott".

Герману Штеру въ февралѣ этого года исполнилось 50 лѣтъ. Онъ принадлежитъ къ тому же поколѣнію, изъ какого вышли Гауптманъ, Баръ, Демель, Ведекиндъ. Поколѣніе—завершающее и вмѣстѣ съ тѣмъ преодолѣвающее натуралистическіе каноны. Здѣсь сошлись „послѣдовательные натуралисты", Арно Гольцъ и Іоганнесъ Шлафъ, съ не менѣе послѣдовательными декадентами—Демелемъ и Ведекиндомъ. Въ творчествѣ Гауптмана этотъ перебой двухъ міроощущеній выразился необыкновенно ярко: „Ткачи"—и „Ганнеле", „Флоріанъ Гейеръ"—и „Потонувшій колоколъ". Штеръ выступилъ въ печати позже своихъ современниковъ—только въ 1898 г. вышла первая книга его разсказовъ („Auf Leben und Tod"). „Открылъ" его Гергартъ Гауптманъ—силезецъ по происхожденію, какъ и Штеръ. Онъ былъ сельскимъ учителемъ, жилъ въ глуши Силезіи и мечталъ о литературной дѣятельности. Скоро имя Штера стало извѣстнымъ въ литературныхъ кругахъ. Большое впечатлѣніе произвелъ разсказъ „Das letzte Kind" (1903), еще большее—романъ „Der begrabene Gott", переводъ котораго предлагается вниманію нашихъ читателей. Въ 1909 г. вышелъ романъ изъ эпохи борьбы за объединеніе Германіи („Drei Nächte"), а въ прошломъ году въ журналѣ *Die Neue Rundschau* напечатана была своего рода хроника дѣтства: „Geschichten aus dem Mandelhause".

Творчество Штера еще не подверглось подробной и точной оцѣнкѣ. Однимъ изъ первыхъ писалъ о немъ его другъ, поэтъ Вильгельмъ Лентродтъ, который уже указывалъ на основную черту его стиля—сочетаніе трагической напряженности съ мягкостью и состраданіемъ. Штеръ—то суровый аналитикъ, который холоднымъ электрическимъ свѣтомъ озаряетъ патологическія глубины человѣческой души, то задумчивый и грустный разсказчикъ. Въ его міроощущеніи есть черты античнаго фатализма—тема обреченности постоянно сквозитъ въ его образахъ. Но эта эпическая суровость всегда смягчается нѣжнымъ лиризмомъ—точно Штеръ вспоминаетъ, что и самъ онъ обреченъ, какъ обречены всѣ, и рядомъ съ ужасомъ являются слезы. Герои Штера—простые сельскіе труженики: крестьяне, сапожники, шорники, суконщики, учителя и др. И все это—не вообще крестьяне и ремесленники, а именно силезцы, въ ихъ быту, среди ихъ природы. Но бытъ этотъ такъ срастается съ самими фигурами, что кажется внутренне необходимымъ и вполнѣ активнымъ. Именно благодаря этому внутреннему слія-

нію быта съ психологіей, творчество Штера не кажется натуралистическимъ—маленькая конкретность сама собой расширяется до предѣловъ особаго, замкнутаго въ себѣ и себѣ довлѣющаго міра. Очень удачно выразился о немъ Оскаръ Лёрке въ своей статьѣ (см. *Die Neue Rundschau,* 1914, II): „Гдѣ-то въ художествѣ Штера послѣдній людской огонекъ сливается съ первой звѣздой, и такъ они похожи, что эта первая звѣзда можетъ стать послѣднимъ людскимъ огонькомъ, а огонекъ—первой звѣздой". Все творчество Штера—на грани этихъ двухъ міровъ, и потому самый „реализмъ" его можно назвать мистическимъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Въ трехъ часахъ ходьбы къ юго-востоку отъ города Глаца, въ одной изъ поперечныхъ долинъ Эйзенскаго кряжа, совсѣмъ въ сторонѣ отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ, лежитъ бѣдная горная деревушка Штейндорфъ,—нѣсколько десятковъ низенькихъ лачугъ и небольшихъ крестьянскихъ дворовъ, спрятанныхъ за фруктовыми деревьями. А кругомъ, во всѣхъ впадинахъ по краямъ окружающихъ горъ, ютятся и лѣпятся выселки.

Домики въ Штейндорфѣ смирны и скромны. Даже въ свѣтлые вечера они рано отходятъ ко сну. А въ мглистые октябрьскіе дни, когда утромъ и вечеромъ надъ Штейндорфомъ клубятся густые туманы, они едва даютъ своимъ обитателямъ время убрать посуду со стола послѣ ужина, спозаранку гонятъ всѣхъ въ постель и тушатъ свои огни.

Только у сапожника Августа Клозе, котораго въ деревнѣ зовутъ чеботарь Густе, домикъ не сонливый: тамъ огонекъ всегда горитъ дольше, чѣмъ у всѣхъ сосѣдей.

Обитатели деревни возмущаются этимъ.

— Чеботарь Густе не въ своемъ умѣ!—говорятъ они.—Зачѣмъ онъ засиживается такъ долго? Жжетъ только дорогой керосинъ да читаетъ всякій вздоръ изъ книгъ, больше ничего.

Однако, имъ наперекоръ, сапожникъ упорно продолжаетъ засиживаться часовъ до десяти вечера, а иной разъ и еще дольше.

Но сегодня онъ, впрочемъ, не одинъ въ своей низкой горницѣ. Истрепанныя старыя книги въ кожаныхъ переплетахъ лежатъ нетронутыя на полкѣ, а Густе сидитъ, облокотившись на столъ, и напряженно смотритъ на своего гостя съ тѣмъ выраженіемъ страстности на лицѣ, какое бываетъ у бѣдняковъ, когда они защищаютъ правое дѣло.

— Нѣтъ ужъ, ты со мной не спорь, дурень,—возбужденно кричитъ онъ.—Вода есть тамъ. Вѣрь ужъ мнѣ. Вѣдь я сколько недѣль ходилъ съ лѣсничимъ Винкельманомъ, когда онъ землю

мѣрялъ, я знаю, гдѣ какой грунтъ, досконально знаю! А въ этомъ все дѣло. У тебя самый лучшій грунтъ, какой нуженъ для колодца. Внизу камень—твердый, какъ желѣзо. На немъ капля воды десять лѣтъ простоитъ и не просочится. Ты не сомнѣвайся. Бери топоръ и лопату и съ Богомъ за дѣло! До зимы еще и кончишь.

Гость сидѣлъ, не шевелясь, опустивъ голову на грудь и зажавъ руки между колѣнъ. Когда Густе кончилъ, онъ поднялъ лицо, нѣсколько разъ задумчиво кивнулъ головой и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Да, а если я деньги затрачу, а воды не окажется...

Сапожникъ раздраженно провелъ рукой по своимъ жесткимъ желтымъ усамъ:

— Ну, Карлъ, коли ты не хочешь вѣрить, тогда тебѣ никто не поможетъ! Тогда тебѣ только и остается, что продать хуторъ, потому что домъ безъ воды все равно, что голова безъ рта. За покупателемъ дѣло вѣдь не станетъ. Венде только и дожидается случая, чтобы купить назадъ эту землю. Продай, уѣзжай отсюда и плюнь на Марію.

Безбородое лицо Карла Экснера грозно нахмурилось.

— Не смѣй упоминать ея имя,—запальчиво крикнулъ онъ.

— Чего сердишься! Вѣдь я не отобью ея у тебя. Даже если бы и хотѣлъ. Для этого я слишкомъ бѣденъ. Ей богатаго нужно. Это всякій знаетъ.

Онъ съ суровымъ видомъ уставился передъ собой, жуя усы. Потомъ глубоко вздохнулъ, словно стряхивая съ себя что-то, и снова заговорилъ:

— Ну, да кому и жить въ богатствѣ, какъ не ей. Лицомъ,— что твоя роза, а волосы—чистое золото. Охъ ужъ эта Марія!

Экснеръ стиснулъ зубы и судорожно глотнулъ. Вдругъ онъ изо всей силы стукнулъ кулакомъ по столу.

За низкой дверью, ведущей въ комнату, гдѣ спала старая мать сапожника, что-то зашевелилось и послышались тихія, неразборчивыя слова, вылетѣвшія изъ устъ человѣка безъ его вѣдома. Это звучало такъ, какъ будто дыханіе спящей старухи, молча пролетѣвъ по воздуху, внезапно пріобрѣло звучность и вдали отъ устъ, изъ которыхъ вырвалось, самопроизвольно сложилось въ слова.

— Слышишь?—испуганно спросилъ Экснеръ.

И такъ какъ сапожникъ сидѣлъ съ невозмутимымъ видомъ, онъ спросилъ еще разъ настойчивѣе:

— Развѣ ты не слышишь?

— Ну, да, слышу,—отвѣтилъ тотъ, наконецъ.—Мать говоритъ во снѣ.

Часы зашипѣли и пробили двѣнадцать.

— Густе, полночь! Это что-то предвѣщаетъ,—пробормоталъ Экснеръ, все еще полный страха, и неподвижно уставился въ одну точку.

— Что? Что мать говоритъ? Ну, да, конечно, это предвѣщаетъ, что она скоро проснется, если мы съ тобой еще будемъ сидѣть и болтать тутъ.

— Не форси, Густе!—остановилъ его Экснеръ.

Но тотъ разсердился.

— Осломъ бы тебя выругать. Неужто ты вѣришь въ такой вздоръ?—пренебрежительно сказалъ онъ.—Потомъ вышелъ изъ-за стола и протянулъ Экснеру руку на прощаніе.—Но колодецъ рой, значитъ!—еще разъ напомнилъ онъ.

— А то какъ же!—отвѣтилъ Экснеръ, все еще въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и ушелъ, не простившись.

На дворѣ стоялъ такой густой туманъ, что не было видно ни зги. Экснеръ находился еще всецѣло подъ впечатлѣніемъ случившагося и первые шаги сдѣлалъ машинально. Но, почувствовавъ подъ ногами мягкую траву, онъ вспомнилъ, что хочетъ итти домой. Чуть замѣтная блѣдная полоса свѣта въ вышинѣ, между черными вершинами деревьевъ, указывала ему направленіе, и онъ пошелъ въ ту сторону, нащупывая дорогу ногами. Чѣмъ выше онъ поднимался по каменистому крутому склону, тѣмъ свѣтлѣе становилась блѣдная полоса, и на ней мало-помалу выступило множество блестящихъ точекъ. Наконецъ, Экснеръ совсѣмъ вышелъ изъ тумана; звѣзды ярко засіяли надъ нимъ въ глубокой синевѣ ночи, а ниже плылъ молочно-бѣлый серпъ мѣсяца, похожій на блестящій черепокъ разбитаго бокала. „Дома", съ облегченіемъ пробормоталъ Экснеръ, когда вслѣдъ затѣмъ на лѣсной опушкѣ показался темный силуэтъ одинокаго хутора.

Мрачный, какъ лѣсъ, служившій ему фономъ, этотъ хуторъ не имѣлъ сосѣдей на много верстъ кругомъ. Угрюмый и безмолвный, стоялъ домикъ и глядѣлъ блестящими оконцами, похожими на жадные глаза, на поля и луга. Даже днемъ онъ лишь на нѣсколько часовъ выступалъ изъ сумрачной тѣни лѣса на радостный, мирный свѣтъ солнца.

Подъ вліяніемъ этого мрака выросъ Карлъ Экснеръ, и недаромъ: онъ носилъ мракъ отцовскаго дома въ своей душѣ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ это былъ веселый, рѣзвый мальчикъ. Не было такого высокаго камня или такого широкаго

рва, черезъ который онъ не отважился бы перепрыгнуть. Но въ одну изъ своихъ прогулокъ по горамъ, глубоко въ чащѣ лѣса, онъ сломалъ себѣ ногу. Долго лежалъ онъ одинокій и безпомощный и звалъ, и кричалъ до тѣхъ поръ, пока голосъ отказался ему служить и только хрипъ вырывался изъ наболѣвшаго горла. Подъ вечеръ его нашли возвращавшіеся съ работы дровосѣки и отнесли на носилкахъ домой. Увидѣвъ, что случилось, отецъ пришелъ въ такую ярость, что избилъ мальчика и гнѣвно оставилъ его одного. Только на слѣдующій день онъ сжалился надъ нимъ и посмотрѣлъ его ногу, которая за это время вся посинѣла и распухла. „Ромашки и теплой воды", буркнулъ онъ и ушелъ, не глядя больше на сына. Черезъ полгода мальчикъ опять могъ ходить; но его нога осталась искалѣченной. Мать заплакала, когда онъ въ первый разъ заковылялъ по комнатѣ. Отецъ поблѣднѣлъ и торопливо вышелъ изъ дому.

Съ этихъ поръ Карлъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, молча уставившись передъ собой. Когда его боязливо окликали, чтобы онъ „не задумывался", онъ поднималъ глаза съ суровымъ выраженіемъ на лицѣ. Прежняя рѣзвая веселость безслѣдно исчезла, онъ сдѣлался угрюмымъ и неразговорчивымъ и началъ сторониться другихъ мальчиковъ. Его замкнутость настолько отдалила отъ него товарищей, что они стали глухи къ голосу состраданія и сдѣлали его хромоту мишенью для своихъ насмѣшекъ. Они дали ему много различныхъ прозвищъ, но въ концѣ-концовъ остановились на одномъ: „колченогій". Карлъ Эксперъ оборонялся отъ этого безсердечія со всей безграничной яростью своей одинокой души. Онъ жестоко избивалъ мучителей, плевался, царапался, пускалъ въ ходъ перочинные ножи и кнутъ, но ничего не помогало: прозвище *колченогій* осталось за нимъ на всю жизнь. Тогда онъ сразу порвалъ всякую связь съ школьными товарищами, прекратилъ всякое общеніе съ ними. Одинокій и молчаливый, онъ держался особнякомъ, выискивалъ себѣ укромные уголки, гдѣ сидѣлъ на солнцѣ или игралъ самъ съ собой, а во время перемѣнъ смотрѣлъ, спрятавшись гдѣ-нибудь поблизости, на шумныя веселыя игры своихъ товарищей съ поблѣднѣвшими щеками и горящими глазами,— глазами, которые зависть сдѣлала острыми, ненависть—злыми, а глухая мука—неподвижными, словно застывшими. Но какъ только ему казалось, что его замѣтили, онъ съ равнодушнымъ видомъ уходилъ.

Однажды учитель засталъ его во время такихъ наблюденій и попробовалъ уговорить его присоединиться къ веселью товари-

щей, а когда слова не помогли, началъ ласково подталкивать его къ нимъ. Понуривъ голову и уставившись въ одну точку, Карлъ молча сопротивлялся рукѣ учителя, которая тѣмъ не менѣе медленно подвигала его впередъ. Вдругъ его лицо исказилось судорожной гримасой, онъ съ пронзительнымъ воплемъ бросился на землю и началъ, какъ безумный, отбиваться руками и ногами, выкрикивая свое полное муки и обвиненія: „Не хочу, не хочу! Оставьте меня, оставьте меня!“

Съ этого дня онъ и на урокахъ точно преобразился. Подозрительно и исподлобья слѣдили его глаза за учителемъ. Его равнодушіе къ ученію все возрастало, превратившись въ концѣ-концовъ, несмотря на палку учителя, въ полное отвращеніе ко всякой умственной работѣ. Самое суровое наказаніе вызывало на его лицѣ только выраженіе холодной злобы, которое всегда очень быстро переходило въ презрительную гримасу. Товарищи начали бояться его и избѣгать столкновеній съ нимъ, когда увидѣли, что онъ надѣленъ такой физической силой, какой не обладалъ даже самый храбрый изъ нихъ.

Родители Карла были слишкомъ заняты, чтобы противодѣйствовать этому одичанію мальчика, да и не обладали необходимой для этого нѣжной, кроткой душой. Они видѣли, что мальчикъ сталъ „совсѣмъ чудной“, но съ обычнымъ фатализмомъ крестьянъ принимали это, какъ нѣчто неизбѣжное,—„что тутъ подѣлаешь?“ А маленькій Карлъ, нуждавшійся въ обществѣ людей, которые не смѣялись бы надъ нимъ, сталъ частымъ гостемъ въ избушкахъ на задворкахъ, у морщинистыхъ старушекъ и подслѣповатыхъ дряхлыхъ стариковъ, живущихъ на покоѣ. Но его приходу къ нимъ не предшествовала та прелестная игра робости и стыдливой нѣжности, съ какой дѣти ищутъ любви взрослыхъ, и за даруемую ему любовь онъ не отплачивалъ трогательной и полной отвѣтной привязанностью. Молчаливый, съ опущенными глазами, входилъ онъ въ темныя каморки стариковъ, хмуро здоровался, словно выплевывая свое привѣтствіе, молча садился, молча просиживалъ нѣсколько часовъ, не отвѣчая ни на какіе вопросы, а черезъ нѣсколько часовъ поднимался и уходилъ совсѣмъ такъ же, какъ и пришелъ, черезъ нѣкоторое время повторялъ свои посѣщенія, а потомъ внезапно прекращалъ ихъ безъ всякой видимой причины. Онъ не принималъ отъ стариковъ ни медовыхъ пряниковъ, ни приторно-сладкаго кофе, онъ только угрюмо ждалъ, чтобы они начали разсказывать про свою жизнь. Они говорили съ одышкой, жалобными тоненькими голосами, восторженно и запутанно, какъ разсказываютъ сказку, потомъ

внезапно умолкали и качали лысыми головами, а ихъ костлявыя руки безпокойно шарили по столу, словно тянулись къ утраченному. Притулившись въ самомъ дальнемъ углу, колченогій жадно впитывалъ въ себя суевѣріе этихъ впадающихъ въ дѣтство людей, а когда они кончали говорить, безмолвно удалялся. Восторженный блескъ глазъ былъ его единственной благодарностью.

Во время своихъ уединенныхъ прогулокъ онъ потомъ дѣлалъ выводы изъ этихъ сказочныхъ повѣствованій, слагая себѣ міровоззрѣніе, чуждое жизни и враждебное жизни. Но онъ ни съ кѣмъ не дѣлился этими мыслями. Только изрѣдка онѣ вспыхивали въ его глазахъ и дрожали въ складкахъ его некрасивыхъ тонкихъ губъ. Такъ онъ росъ—нелюдимый, суровый и одинокій.

Позже къ его остальнымъ несимпатичнымъ чертамъ присоединилась еще одна: любовь къ деньгамъ, граничащая со скаредностью. Онъ никому не давалъ взаймы. „У колченогаго нѣтъ денегъ для васъ",—этими словами онъ спроваживалъ всѣхъ, кто являлся къ нему съ подобной просьбой.

Только сапожникъ Густе могъ требовать отъ него все, что угодно; онъ никогда не получалъ отказа. Въ школѣ онъ всегда пылко и страстно принималъ его сторону, когда другіе глумились надъ „колченогимъ", и позже тоже защищалъ его по мѣрѣ силъ и возможности. Вотъ почему Карлъ Эксперъ былъ искренно привязанъ къ нему. Этотъ единственный человѣкъ замѣнялъ ему все человѣчество. По отношенію же къ остальнымъ онъ оставался холоднымъ и безчувственнымъ, какъ камень. Впрочемъ, съ годами эта привязанность тоже ослабѣла.

Такъ онъ дожилъ до двадцати пяти лѣтъ. И тутъ онъ въ первый разъ со времени своего несчастья однажды улыбнулся дѣйствительно отъ души.

Это было ночью. Его разбудили и позвали внизъ. Отецъ лежалъ при смерти.

— Иди сюда, Карлъ,—сказалъ больной, услышавъ неровные шаги хромого.—Ты хромой, и я виноватъ въ этомъ... одинъ я,—докончилъ онъ робкимъ, замирающимъ голосомъ.

Колченогій поблѣднѣлъ и остановился.

— Подойди ближе, Карлъ,—опять раздалось съ мольбою въ голосѣ.

Хромой подошелъ, сильно стукнувъ по полу своей искалѣченной ногой. Умирающій вздрогнулъ отъ этого, какъ отъ непредвидѣннаго удара, и простоналъ съ еще болѣе настойчивой мольбой:

— Дай мнѣ руку!... Ты на меня не сердишься?

— Не-е...—медленно процѣдилъ сквозь зубы хромой.

Это прозвучало упрямо и злобно.

— Ты черезъ меня наказанъ... Но зато ты и получишь теперь самое лучшее... Хуторъ... который я купилъ у Венде... онъ твой... Я уже записалъ его... на твое имя... Работай усердно, какъ всегда, и молись за меня.

Въ груди старика захрипѣло. Онъ испустилъ духъ.

Братъ заломилъ руки. Женщины съ плачемъ бросились наземь. Хромой стоялъ неподвижно, словно каменный, и улыбался.

Эта улыбка, вѣроятно, должна была означать: „Теперь я начну".

И въ эту ночь, когда онъ вернулся отъ сапожника, онъ тоже улыбался, завертываясь въ одѣяло. Онъ закрылъ глаза, чтобы лучше видѣть то, о чемъ думалъ, и что-то нѣжное и свѣтлое коснулось его души, какъ въ дни радостнаго дѣтства. Его душа затрепетала въ нѣмомъ блаженствѣ, и онъ съ улыбкой погрузился въ сонъ.

2.

Карлъ Экснеръ думалъ не мозгомъ, а кровью. Медленно, машинально, нехотя принималъ его умъ какое-нибудь рѣшеніе, но зато охватывалъ его, какъ клещами, и не выпускалъ больше. Когда его хотѣніе становилось такимъ образомъ инстинктомъ, онъ уже не смотрѣлъ ни назадъ, ни по сторонамъ, а только впередъ, и не останавливался до тѣхъ поръ, пока задуманное не было приведено въ исполненіе.

Послѣ краткаго ночного отдыха онъ рано былъ на ногахъ на слѣдующее утро. Суровый и замкнутый, какъ всегда, спустился онъ въ деревню и попросилъ стараго Фрейвальда, добраго умнаго старика, съ которымъ онъ и раньше обсуждалъ иногда дѣла, прійти къ нему на хуторъ, чтобы начать, наконецъ, давно задуманное устройство колодца.

Въ семь часовъ утра, когда солнце послало на небо красное зарево, предвѣстникъ своего скораго появленія, оба пришли на мѣсто работы, и послѣ долгихъ совѣщаній и таинственныхъ обстоятельныхъ измѣреній со стороны стараго Фрейвальда двѣ кирки начали взрывать дернъ у лѣваго угла дома.

Нѣсколько разъ старый Фрейвальдъ пробовалъ завести разговоръ съ хромымъ, чтобы передохнуть, но тотъ былъ глухъ и нѣмъ отъ усердія. Только изрѣдка онъ разгибалъ спину и бросалъ взглядъ на свой домъ.

Этотъ домъ былъ во всемъ похожъ на домъ его отца. По типу постройки онъ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ деревенскихъ

строеній: жилое помѣщеніе и коровникъ подъ одной крышей— первое бревенчатое, а второй изъ булыжника,—отдѣленные другъ отъ друга узкими сѣнцами, изъ которыхъ крутая лѣстница вела на чердакъ. Домикъ былъ чистенькій, бревна всѣ выбѣлены, а полосы между ними выкрашены въ коричневый цвѣтъ. Но тѣмъ не менѣе на немъ лежалъ тотъ же отпечатокъ негостепріимства и угрюмости, какъ и на домѣ стараго Экснера. Вмѣсто того, чтобы повернуться окнами къ дорогѣ, чтобы со спокойнымъ любопытствомъ наблюдать далеко не оживленное движеніе между Штейндорфомъ и сосѣдней деревушкой, его маленькія оконца хмуро глядѣли въ ближайшій лѣсъ, который находился къ востоку отъ дома на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. И мало того: отъ дороги его еще отдѣляла каменная кладка въ метръ высоты,— стѣна, какъ называютъ такія насыпи штейндорфцы,—скрывавшая домъ отъ всѣхъ любопытныхъ взглядовъ и позволявшая видѣть что-нибудь только его крышѣ.

Но именно такъ нравилось хромому; глубокое чувство покоя и мира охватывало его всякій разъ, когда онъ входилъ въ свои владѣнія. Съ довольной усмѣшкой окидывалъ онъ взглядомъ узкую длинную полосу своихъ полей. Здѣсь его одинокія думы принимали образъ и форму, здѣсь его глаза загорались, и улыбка начинала играть вокругъ губъ.

Хуторъ былъ свободенъ отъ долговъ, а кромѣ того, братъ еще долженъ былъ выплатить ему три тысячи марокъ, завѣщанныя отцомъ. Можетъ быть, современемъ границы его владѣній расширятся и его коровы будутъ пастись по ту сторону стѣны, потому что и та земля тоже будетъ принадлежать ему... Развѣ это ужъ такъ невозможно?! И въ воображеніи хромого на мѣстѣ убогаго домика вырасталъ большой крестьянскій дворъ, окруженный стѣной, какъ городъ, съ голубятней около огромной навозной кучи и съ двустворчатыми воротами для въѣзда... Тогда ужъ никто не посмѣетъ называть его колченогимъ и смѣяться надъ нимъ.

Однако онъ никому не говорилъ о своихъ мечтахъ. Ни братъ, ни сестра, ни мать, ни даже Густе ничего не знали о нихъ. Одиноко носилъ онъ ихъ въ своей душѣ и вынашивалъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не стали яснымъ планомъ...

День за днемъ работалъ старый Фрейвальдъ, безпощадно подгоняемый хромымъ, но воды все не было, хотя яма уже достигла такой глубины, что пришлось связать двѣ пожарныя лѣстницы, чтобы спускаться въ нее. Однажды колченогимъ овладѣлъ гнѣвъ. Онъ сосчиталъ расходы, и сумма привела его въ ужасъ. Къ тому

же начались морозы—безснѣжный суровый холодъ, отъ котораго камни, поднятые изъ ямы, сразу леденѣли.

„Только бы снѣгъ не выпалъ“, думалъ хромой.

Но надъ горой уже стояли сѣрыя тяжелыя тучи. Стоило воздуху немного потеплѣть, и началась бы метель, и тогда работу пришлось бы отложить до весны...

Наконецъ, черезъ два дня изъ ямы глухо раздалось:

— Вода! вода!

Съ радостнымъ испугомъ хромой бросилъ все, что держалъ въ рукахъ, подбѣжалъ къ колодцу и крикнулъ:

— Принеси воду! Воду, воду!

Черезъ нѣсколько минутъ изъ ямы вылѣзъ Фрейвальдъ и протянулъ ему бутылку съ мутной водой, при видѣ которой хромой отшатнулся. Но старикъ засмѣялся:

— Бери ужъ, не пугайся! Первая вода всегда такая. Потомъ станетъ чистой, когда грязь осядетъ. Отвѣдай, и повѣрь мнѣ, вкусъ у нея хорошій.

Хромой попробовалъ. Вода была съ примѣсью глины и невкусная, но по его блѣдному лицу прошелъ лучъ свѣта; вѣдь онъ отвѣдалъ напитокъ своего будущаго.

— А не исчезнетъ она?—спросилъ онъ, снова омрачившись.

— Видишь ли,—послѣ краткаго размышленія нерѣшительно началъ старикъ, серьезно глядя на хромого,—я бы сказалъ, что не уйдетъ. Только мое слово ничего вѣдь не значитъ. Я помогъ ей выйти изъ нѣдръ, и она пришла, потому что у меня рука чистая и душа тоже. Но останется ли она—это ужъ отъ Бога зависитъ и отъ тебя самого. Желаю тебѣ счастья и удачи.

Онъ съ чистосердечнымъ порывомъ протянулъ хромому руку. Когда они уходили, въ воздухѣ замелькали бѣлыя крупинки.

— Къ утру все будетъ бѣлое,—сказалъ старикъ.

— Теперь мнѣ снѣгъ не страшенъ,—съ сдержанной радостью отвѣтилъ хромой.

И они молча разстались.

3.

Съ новаго года въ усадьбѣ богача-крестьянина Венде жила новая служанка. Такъ какъ она пріѣхала среди зимы, то немногіе въ деревни видѣли ее. Ея появленіе взволновало главнымъ образомъ молодыхъ штейндорфскихъ парней, и самые бойкіе изъ нихъ сдѣлали попытки сближенія, чтобы начать обычные шурымуры. Но черезъ нѣкоторое время они ужъ называли ее не иначе, какъ „глупой гусыней“, и громко ругались.

Къ началу весны о ней только и знали, что зовутъ ее Марія Альке и что она родомъ изъ Силезіи. На нее сердились за ея гордость и прозвали „силезкой", что въ графствѣ Глацъ считается браннымъ словомъ.

Но Марія не обращала на все это никакого вниманія. Къ своимъ товаркамъ и къ работникамъ она относилась, какъ къ людямъ, стоящимъ ниже ея, и разговаривала съ ними съ холодной вѣжливостью, которая вызвала общую ненависть къ ней, выражавшуюся во всевозможныхъ преслѣдованіяхъ. Но даже самыя худшія грубости оставляли ее, повидимому, равнодушной.

— Какіе вы необразованные,—говорила она, пожимая плечами, и уходила.

Но когда эта вражда начала принимать злостныя формы, она рѣшительно пошла къ хозяину и заявила, что ей придется уйти, если ея не оставятъ въ покоѣ. Венде грозно накинулся на виновныхъ и распушилъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ, и съ тѣхъ поръ никто не осмѣливался трогать Марію, которая спокойно продолжала дѣлать свое дѣло, не выказывая ни малѣйшаго злорадства. Она только стала еще прилежнѣе, хотя это удвоенное усердіе принесло ей прозвище „подлизы" и „змѣи подколодной". Она упорно избѣгала всѣхъ увеселеній, на которыя ходили остальныя служанки. Когда вечеромъ по окончаніи дневныхъ работъ ея товарки съ громкимъ смѣхомъ затѣвали въ дымной людской возню съ батраками, Марія сидѣла въ сторонѣ у огромнаго стола и при свѣтѣ висячей лампочки приводила въ порядокъ свою одежду или стирала бѣлье. А когда слова и шутки принимали отталкивающій грубо-чувственный характеръ, она молча покидала полутемную людскую и ложилась спать или же шла на холмъ позади двора, откуда можно было видѣть глубокое ущелье Вартскаго прохода.

Когда въ ясные вечера изъ сизой мглы дали выступали туманныя очертанія ея родины, тогда ея большіе синіе глаза загорались, она торопливо наклонялась, срывала какой-нибудь цвѣтокъ и укрѣпляла его въ волосахъ, словно должна была украситься при мысляхъ, которыя вызывалъ въ ней этотъ видъ. Въ такіе вечера она видѣла не только свою далекую родину, а нѣчто гораздо бо́льшее: передъ ней вставали сладостныя и манящія картины жизни, которая нѣкогда была ея жизнью и которая не имѣла ничего общаго съ ея теперешнимъ подневольнымъ существованіемъ.

Она происходила изъ богатой крестьянской семьи. Ея отецъ, захваченный расточительной горячкой семидесятыхъ годовъ, снялъ

исконные кожаные штаны, вынулъ изо рта носогрѣйку и заклялъ бариномъ: карета, кучеръ въ галунахъ, охота, попойки... На катящихся талерахъ несся онъ по безумнымъ садамъ наслажденія, а за нимъ по пятамъ молча слѣдовало разореніе. Послѣ нѣсколькихъ шумныхъ лѣтъ разореніе настигло его, и молотокъ въ одинъ мигъ развѣялъ по вѣтру всѣ атрибуты его недолгаго величія.

Онъ безслѣдно исчезъ послѣ этого; его хрупкой маленькой женѣ горе вскорѣ вырыло могилу въ углу кладбища, а дѣтей судьба раскидала на всѣ четыре стороны и шипами тяжелыхъ безрадостныхъ лѣтъ вписала въ ихъ юныя души горькія воспоминанія.

Марія, предпослѣдній ребенокъ, была въ тѣ дни семилѣтняя дѣвочка, полная солнца и жизнерадостности. Ее взялъ къ себѣ одинъ дядя съ отцовской стороны, жестокій, скупой человѣкъ, который презиралъ ее за вину отца и всячески угнеталъ якобы съ той цѣлью, чтобы изгнать изъ нея духъ легкомыслія. Но въ дѣйствительности это былъ лишь предлогъ, чтобы меньше кормить сиротку и наваливать на ея плечи больше работы. Онъ не зналъ только, что дѣти живутъ и питаются собственной душой, которая умѣетъ даже въ самомъ грязномъ углу воздвигать роскошные дворцы. Вотъ почему и Марія, несмотря на всѣ лишенія, крѣпла, росла и хорошѣла. Съ годами ея красота еще больше расцвѣла, и на нее-то Марія возложила всѣ свои надежды: эта красота должна была ввести ее въ богатую, беззаботную жизнь, подобную той, смутныя заманчивыя воспоминанія о которой у нея сохранились изъ временъ ранняго дѣтства. Поэтому Марія такъ холила свои длинныя тяжелыя золотистыя косы, берегла свое нѣжное лицо отъ загара и украшала себя дешевой мишурой, какую продаютъ разносчики.

Съ тоскующей, алчущей душой стояла она въ темномъ углу своего убогаго существованія и ждала избавителя. Если порой на нее находило отчаяніе, ей стоило только тайкомъ посмотрѣть на себя въ зеркало въ своей чердачной каморкѣ, и опять къ ней возвращалась увѣренность, что въ одинъ прекрасный день къ ней явится красивый богатый крестьянинъ и поведетъ ее, въ качествѣ жены, въ свой полный изобилія домъ. Она не знала его, но онъ существовалъ и втайнѣ томился по ней, и она старалась быть достойной своего будущаго избранника. Поэтому она держалась такъ гордо, поэтому отказывалась отъ всѣхъ развлеченій и работала съ неутомимымъ усердіемъ.

Въ серединѣ лѣта, когда зрѣющіе колосья на поляхъ колыхались подъ зноемъ солнечныхъ лучей, Марія въ первый разъ увидѣла человѣка, къ которому ее хотѣла приковать судьба.

Это случилось въ воскресный день, подъ вечеръ. Сверчки уже чувствовали приближеніе сумерекъ и потихоньку начали чиркать, лѣсъ стоялъ погруженный въ неподвижную задумчивость, природа засыпала. Марія шла среди полей; она была совсѣмъ одна и смотрѣла себѣ подъ ноги, какъ человѣкъ, который ждетъ, что счастье вотъ-вотъ перебѣжитъ ему дорогу, неожиданно и торопливо, какъ звѣрокъ-ласка. Вдругъ на траву рядомъ съ ней упала тѣнь. Испуганно поднявъ глаза, Марія увидѣла передъ собой высокаго, коренастаго незнакомаго мужчину. Его необыкновенно длинныя ноги были обуты въ высокіе до колѣнъ сапоги, а руки прямо висѣли по бокамъ короткаго туловища, словно оттянутыя вѣсомъ огромныхъ кистей. На его сѣромъ лицѣ лежало выраженіе безпомощной радости, глаза съ желтоватыми бѣлками растерянно смотрѣли на дѣвушку, и хотя во всей его фигурѣ было что-то грозное, наводящее ужасъ, тѣмъ не менѣе Марія, несмотря на біеніе своего испуганнаго сердца, на мгновеніе почувствовала себя польщенной нѣмымъ восхищеніемъ, которымъ этотъ уродъ приносилъ дань ея красотѣ. Какое-то странное онѣмѣніе не позволило ей пройти мимо него такъ скоро, какъ ей хотѣлось, и, словно прикованная таинственными чарами, она не могла отвести взора отъ этого человѣка. Только когда блескъ его глазъ, движеніе губъ и непонятное бормотаніе ясно показали ей, что онъ хочетъ заговорить съ ней, она нашла въ себѣ силу пойти дальше, но всетаки еще замѣтила, какъ онъ нѣсколько разъ кивнулъ головой, отчего его картузъ съѣхалъ на лобъ. Это смѣшное движеніе вдругъ превратило для нея все происшествіе въ забавный эпизодъ.

Чуть замѣтно отвѣтивъ на его нѣмой поклонъ, Марія торопливо зашагала дальше. Отойдя немного, она, наконецъ, рѣшилась оглянуться. Онъ уже находился такъ далеко отъ нея, что его фигура до половины была скрыта зрѣлымъ хлѣбомъ, и шелъ онъ какъ-то странно, толчками. При этомъ его голова была склонена на лѣвый бокъ.

Марія облегченно вздохнула и улыбнулась, вспомнивъ, какъ онъ стоялъ передъ ней и кивалъ головой и какъ его картузъ съѣхалъ на носъ. Но тѣмъ не менѣе она не могла избавиться отъ какой-то странной тревоги, отъ какого-то загадочнаго безпричиннаго страха. Чтобы отогнать этотъ страхъ, она постаралась думать о „хорошемъ времени", о „вѣчномъ праздникѣ", какъ она называла свое будущее. Но картины, которыя она вызывала, не вставали передъ ней, пѣсни, которыя она пѣвала, не звучали. Вмѣсто нихъ она услышала мычаніе коровъ въ деревнѣ,

плачъ дѣтей, лай собакъ, скрипъ тачекъ и время отъ времени крикъ сердитаго мужского голоса. Печальная вернулась она въ усадьбу.

4.

Штейндорфцы, какъ и почти всѣ жители графства Глацъ, придерживаются католицизма, и хотя въ ихъ деревушкѣ нѣтъ церкви, а слѣдовательно, нѣтъ и пѣвчихъ, тѣмъ не менѣе каждый годъ семнадцатаго ноября тамъ празднуютъ день св. Цециліи.

И въ этомъ году толстый трактирщикъ Франкъ извѣстилъ деревню, что съ семи часовъ по обыкновенію начнется „балъ".

Общая зала трактира разубрана еловыми вѣтвями, всѣ четыре висячія лампы подъ бревенчатымъ потолкомъ ярко вычищены, а внушительный рядъ пивныхъ бочекъ, загораживающихъ проходъ и въ безъ того тѣсныхъ сѣняхъ, свидѣтельствуетъ о непоколебимой увѣренности стараго трактирщика въ благочестіи своихъ односельчанъ.

Съ наступленіемъ темноты начинаютъ появляться гости, а къ восьми часамъ веселая пестрая толпа наполняетъ залу. Музыканты сидятъ въ спокойномъ ожиданіи за рѣшеткой эстрады; правую сторону залы заняли женатые степенные люди, отцы и матери, иные съ маленькими дѣтьми. А слѣва помѣстилась молодежь. Дѣвушки сидятъ на длинной лавкѣ—все хорошенькія лица. Парни стоятъ и сидятъ кучками, отчаянно курятъ, усердно пьютъ и говорятъ и смѣются неестественно громко, чтобы привлечь вниманіе дѣвушекъ, которыхъ они иногда угощаютъ изъ собственныхъ стакановъ.

Незадолго до начала танцевъ передъ эстрадой, на самомъ видномъ мѣстѣ, ставятъ столикъ и за него садится молодой человѣкъ въ модномъ сѣромъ костюмѣ. Его густые бѣлокурые усы лихо закручены, острые глаза съ презрительной усмѣшкой окидываютъ ряды по-старомодному одѣтыхъ замужнихъ женщинъ; дѣвушкамъ онъ киваетъ головой и многозначительно подмигиваетъ. Онъ всего четыре недѣли тому назадъ вернулся съ трехлѣтней военной службы въ деревушку Таннерау, къ своему отцу, однолошадному крестьянину, и еще полонъ презрѣнія ко всему невоенному, выражая это презрѣніе смѣшнымъ копированіемъ своего эскадроннаго поручика. Подъ равнодушнымъ видомъ онъ втайнѣ наслаждался любопытствомъ, которое его появленіе вызвало въ залѣ и которое особенно сильно у молодежи, соединяясь у послѣдней съ легкой робостью. Но высокіе ли сапоги бутылками, со складками излишней кожи, или его волочащаяся походка, съ

внезапнымъ стукомъ каблуковъ по полу, или вся его осанка и манера судорожно вытягивать шею,—во всякомъ случаѣ, одинъ изъ парней разглядѣлъ подъ грубымъ обманомъ его истинную сущность и отпускаетъ по его адресу язвительную шутку, которая вызываетъ оглушительный хохотъ остальныхъ.

Франтъ въ сѣромъ дѣлаетъ патетическій жестъ въ сторону буфетной стойки, какъ бы желая сказать, что онъ въ своей добротѣ достаточно долго ждетъ вниманія со стороны служителей, и кричитъ сквозь шумъ:

— Человѣкъ, чортъ возьми, человѣкъ! Пива! Настоящаго!

Затѣмъ онъ демонстративно поворачивается къ залѣ спиной.

— Человѣкъ! Чортъ возьми, человѣкъ!—передразниваетъ его одинъ изъ парней.—За грошъ бутылку вина таннерауцу, да только, смотри, доверху полную!

Франтъ быстро оглядывается, мѣняется въ лицѣ, но дѣлаетъ видъ, что не слышитъ гиканія и гоготанія, которыми сопровождается эта насмѣшка. Одинъ изъ служителей приноситъ ему свѣтлаго мартовскаго пива.

— Гмъ,—начинаетъ франтъ, бросая гнѣвный взглядъ на напитокъ,—такъ и думалъ, что у васъ нѣтъ настоящаго... Что это за сопляки вонъ тамъ?—кричитъ онъ затѣмъ на всю залу.

Кельнеръ судорожно теребитъ салфетку, смущенно покашливаетъ и отходитъ, не отвѣчая.

Этотъ выпадъ франта не остается безъ отвѣта; шутки по его адресу продолжаются. Онъ изъ мести обращается къ дѣвушкамъ:

— Славно мы съ вами потанцуемъ сегодня!

Хозяинъ уже въ волненіи; онъ слѣдитъ за ссорой съ все возрастающимъ гнѣвомъ, но только не знаетъ, на какую сторону излить этотъ гнѣвъ. Вдругъ пикировка прекращается, всѣ умолкаютъ и смотрятъ на дверь. Старый лѣсничій, худой, какъ палка, вдовецъ въ обтяжныхъ зеленыхъ брюкахъ и съ окладистой сѣдой бородой, ниспадающей на грудь, энергично вталкиваетъ за плечо въ залу сопротивляющуюся дѣвушку.

— Входи, входи! Такія, какъ ты, тутъ нужны сегодня!—вполголоса говоритъ онъ ей и смотритъ на нее влюбленными глазами черезъ стекла очковъ.

По залѣ проносится удивленный шопотъ:

— Силезка Марія.

Парни за столами явно рады, а Марія все еще стоитъ у входа и не знаетъ, не уйти ли ей лучше. Она раскаивается, что поддалась на уговоры лѣсничаго, но всѣ эти устремленные на нее взгляды словно приковываютъ ее къ мѣсту. Наконецъ, она пре-

одолѣла чары этихъ любопытныхъ глазъ и дѣлаетъ движеніе, чтобы незамѣтно выскользнуть. Но въ этотъ моментъ на эстрадѣ раздаются звуки стариннаго марша; Марія чувствуетъ, что кто-то обнимаетъ ее сзади за талію, и, испуганно обернувшись, видитъ лѣсничаго, который съ торжественной обстоятельностью говоритъ ей что-то, но въ то же время безъ всякихъ церемоній поворачиваетъ ее, какъ ему удобнѣе, и начинаетъ кружить. Словно по уговору, никто изъ присутствующихъ не принимаетъ сначала участія въ танцѣ. Парни со своихъ мѣстъ напряженно слѣдятъ за этой парой.

Старикъ думаетъ, что это дѣлается изъ уваженія къ его должности и чину, и старается представить собой по возможности внушительную фигуру; онъ держится со строго военной выправкой и время отъ времени дѣлаетъ изящные выверты ногами. Франтъ въ сѣромъ пожираетъ Марію глазами. Музыка умолкаетъ; только кларнетъ еще издаетъ рѣзкій вздохъ. Парни рукоплещутъ и кричатъ „браво!“ Лѣсничій, стоя рядомъ съ Маріей среди залы, раскланивается, а потомъ, послѣ краткаго размышленія, ведетъ свою даму къ столику франта, къ которому обращается съ повелительнымъ:

— Вы разрѣшаете?

Франтъ вскакиваетъ, лепечетъ съ заискивающей улыбкой:

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣшиваетъ поклонъ и отодвигается на конецъ стола.

Потомъ разглаживаетъ усы и торжествующе окидываетъ взглядомъ залу,—замѣтили ли всѣ, какой онъ лихой кавалеръ.

Но кругомъ уже началось безудержное веселье пляски. Музыканты стараются во всю. Хозяинъ съ восхищеніемъ смотритъ на нихъ. Глаза женщины пытаются слѣдить за каждой вертящейся парочкой, отцы отбиваютъ тактъ кулаками и каблуками. Общее настроеніе повышается, каждый отдается веселью всей душой.

Когда по окончаніи одного танца парни возвращаются на свои мѣста, они чрезвычайно изумлены, увидѣвъ за однимъ изъ столовъ Карла Экснера и сапожника Густе; передъ обоими стоитъ по стакану пива, сапожникъ что-то говоритъ хромому, энергично жестикулируя, а тотъ хмуро слушаетъ.

— Чудеса, ребята!—кричитъ главный шутникъ и зубоскалъ, рыжій Кленперъ.—Помяните мое слово, либо у Венде лошадей за ночь вырастутъ рога, либо трактирщикъ себѣ наступитъ на брюхо. Сегодня все возможно и непремѣнно что-нибудь случится. Самъ Карлъ тутъ! Добрый вечеръ вамъ обоимъ!

Всѣ шумно захохотали, присѣли къ столу хромого, и вскорѣ

начались всякія шутки и насмѣшки, которыя, очевидно, относились къ Эксперу, хотя никакихъ именъ не называли. Тотъ грозно насупился, но когда это не помогло, онъ схватилъ свой стаканъ, отпилъ изъ него глотокъ, а затѣмъ поставилъ его на столъ съ такой силой, что пиво плеснуло во всѣ стороны. Это образумило шутниковъ. Со смѣхомъ и прибаутками они ретировались, и опять обратили все свое вниманіе на танцы, пиво и дѣвушекъ. Хромой облегченно вздохнулъ и пощупалъ рукой шею.

— Проклятая вещь, такой воротникъ!—раздраженно буркнулъ онъ.—Галстукъ-то сидитъ еще?

— Да, да, все какъ слѣдуетъ,—отвѣтилъ сапожникъ.—Ты сегодня такой щеголь, въ самый разъ, чтобы ей показаться.

— Молчи объ этомъ!

— Да вѣдь за этимъ мы сюда пришли!

— Молчи, говорятъ тебѣ. Еще услышитъ кто.

И хромой опять угрюмо уставился передъ собой. Ему было не по себѣ среди этой шумной толпы по-дѣтски веселыхъ людей, и онъ спрашивалъ себя, зачѣмъ онъ собственно пришелъ сюда.

Сапожникъ уговорилъ его пойти на балъ подъ предлогомъ, что ему необходимо пріобрѣсти нѣкоторый лоскъ, прежде чѣмъ помышлять о сватовствѣ къ Маріи. Но въ дѣйствительности сапожнику просто хотѣлось разокъ поплясать, покурить и попить вволю за счетъ пріятеля—это была главная его цѣль.

— Гляди,—вдругъ подтолкнулъ онъ хромого локтемъ,—погляди-ка, какъ вонъ тотъ, въ сѣромъ, точитъ лясы съ Маріей и какъ онъ ее смѣшитъ! Погляди хорошенько. Вотъ какъ это дѣлается.

Хромой скосилъ въ ту сторону глаза подъ насупленными бровями и долго внимательно разглядывалъ чужака.

— Шутъ онъ балаганный, вотъ что,—со злобнымъ презрѣніемъ возразилъ онъ, наконецъ.—Что онъ умѣетъ, - то я и подавно смогу. Такого молокососа я одной рукой могу вздуть, какъ щенка. Будь увѣренъ.

Онъ отпилъ изъ стакана и издалъ хриплый насмѣшливый звукъ, сбоку глядя на сапожника. Тотъ сидѣлъ молча, положивъ локти на столъ и выпуская изо рта густые клубы дыма. Онъ вдругъ точно преобразился и въ глубокой задумчивости не сводилъ взгляда съ Маріи. При этомъ лицо его приняло страдальческое выраженіе.

— Густе!—шопотомъ окликнулъ его хромой, въ которомъ зашевелилась смутная боязнь, что такое поведеніе пріятеля обнаружитъ передъ всѣми его намѣреніи.—Густе!—повторилъ онъ и

ударилъ его кулакомъ по колѣну, такъ какъ тотъ все еще не слышалъ,—не пялъ на нее глаза!

Сапожникъ вздрогнулъ и улыбнулся счастливой разсѣянной улыбкой, словно онъ виталъ гдѣ-то далеко... Вдругъ его лицо омрачилось.

— Пусть пташки летаютъ, ихъ все равно не поймаешь,—сказалъ онъ и продолжалъ, усиліемъ воли стряхнувъ съ себя мрачное настроеніе:—Пей, Карлъ, пей, говорю я тебѣ! Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ нечего бояться, я вѣдь—жалкій, несчастный голякъ.

Хромой рѣшилъ, что сапожникъ пьянъ, разъ онъ несетъ такую околесицу.

— Густе!—грубо сказалъ онъ ему, — я знаю, чѣмъ это кончится. Самое лучшее, я сейчасъ встану и пойду домой.

Въ это время парни вернулись на мѣста послѣ танца, возбужденные, съ гнѣвными лицами.

— Зубы ему надо выбить, этому ослу! — кричалъ одинъ изъ нихъ.

— Да, да, кабы онъ былъ сахарный, я бы тебѣ сказалъ: хватай, Тоне, куси, куси!—подтрунилъ надъ нимъ высокій Кленнеръ.

— А тебя онъ развѣ не толкнулъ тоже, а? Только ты проглотилъ обиду, а теперь смѣешься надъ другими,—мокрая курица!—огрызнулся тотъ.

Сапожникъ примирительно вмѣшался:

— Бросьте ругаться! Въ чемъ дѣло? Кто кого толкаетъ?

Ему разсказали, что таннерауецъ держитъ себя вызывающе, во время танцевъ постоянно наскакиваетъ на всѣхъ, говоритъ всякія обидныя слова и все танцуетъ съ Маріей, точно заарендовалъ ее. Никого къ ней не подпускаетъ, а она какъ-ни-какъ тоже здѣшняя теперь. Позоръ для всѣхъ стерпѣть такую обиду отъ чужака!

Сапожникъ принялъ дѣло близко къ сердцу.

— Коли вы согласны, предоставьте дѣло мнѣ, я все устрою. Вѣдь я не даромъ жилъ въ Берлинѣ, я знаю, какъ такія дѣла обдѣлываютъ. Дайте мнѣ волю, я и безъ всякихъ дракъ ему такого перца подсыплю, что онъ удеретъ, поджавши хвостъ.

— А по-моему, надрать уши этому шуту гороховому, вотъ и все,—вмѣшался въ разговоръ хромой.

Но большинство придерживалось того мнѣнія, что съ этимъ лучше подождать. Пусть сапожникъ дѣлаетъ, что онъ затѣялъ. Ну, а если ничего не выйдетъ, то для потасовки всегда еще останется время.

Съ задорнымъ смѣхомъ, возбужденные пріятнымъ ожида-

ніемъ предстоящей потѣхи, всѣ поднялись и опять пошли танцовать.

Хромой и сапожникъ остались за столомъ.

— А какъ же я?—спросилъ хромой, когда пляска опять была въ полномъ разгарѣ.

— Ты?—отвѣтилъ сапожникъ.—Ужъ ты положись на меня, часу не пройдетъ, какъ Марія будетъ сидѣть тутъ съ нами.

Хромой поблѣднѣлъ отъ радостнаго испуга, но недовѣрчиво покачалъ головой.

— Только ужъ скупиться теперь нельзя.

— Да развѣ я...?

— Ну, да, конечно, но теперь только начнется самое главное. Вотъ увидишь, это твое счастье, что мы сегодня пришли сюда. Вотъ ужъ я не думалъ, что сама Марія будетъ здѣсь...

Оба, словно по знаку, взглянули на маленькій столикъ, и увидѣли, что франтъ въ сѣромъ за руку привелъ туда Марію, потому что танецъ опять кончился.

— Гляди, вотъ какъ дѣлаютъ въ Берлинѣ!—Сапожникъ возбужденно схватилъ свой стаканъ, залпомъ осушилъ его, тяжело перевелъ духъ и, расталкивая всѣхъ, прямо направился къ столику передъ эстрадой. Всѣ парни напряженно слѣдятъ за тѣмъ, что будетъ дальше. Вотъ сапожникъ заговорилъ съ лѣсничимъ, даже съ самимъ франтомъ въ сѣромъ, а затѣмъ наклоняется къ Маріи и, смѣясь, говоритъ ей что-то прямо въ лицо. Наконецъ, дѣвушка утвердительно киваетъ головой. Сапожникъ выпрямляется и хлопаетъ въ ладоши. Съ эстрады раздаются подмывающіе звуки галопа. Всѣ остаются на мѣстахъ. Только сапожникъ хватаетъ Марію и стрѣлой мчится съ нею по комнатѣ. Дѣйствительно, онъ умѣетъ плясать какъ никто другой!... Музыканты поглядываютъ на него поверхъ нотъ и заражаются его пыломъ. Ритмъ музыки становится все быстрѣе, возбужденнѣе. Въ концѣ-концовъ каждый инструментъ визжитъ и хрипитъ съ дикой страстностью, пока галопъ не обрывается рѣзко на самомъ бѣшеномъ темпѣ.

Сапожникъ притопываетъ въ послѣдній разъ и стоитъ съ минуту въ изнеможеніи. Парни кричатъ:

— Браво, Густе! Браво, музыка! Браво, Марія!

Музыка играетъ тушъ. Среди этого шума Клозе ведетъ дѣвушку на мѣсто. Его глаза блестятъ, онъ возбужденно сжимаетъ ея руку и восторженно шепчетъ ей:

— Маріела, Маріела, ахъ Господи, Маріела!

Марія не разбираетъ его словъ, но она чувствуетъ лихора-

дочное пожатіе его горячей руки, вырываетъ у него руку и одна пробѣгаетъ послѣдніе шаги до своего стула. Сапожникъ большими шагами слѣдуетъ за ней и уже поднялъ было правую руку, чтобы шутливо снова поймать свою даму, но въ эту минуту старый лѣсничій поворачивается къ нему и говоритъ съ неудовольствіемъ:

— Ну, знаете, Густе, это же не пляска, а прямо убійство.

Эти слова внезапно отрезвили сапожника; онъ смущенно отвѣсилъ низкій поклонъ и пошелъ на свое мѣсто. Франтъ въ сѣромъ презрительно усмѣхнулся и, нагнувшись къ Маріи, громко сказалъ:

— Слѣдующій танецъ ты опять будешь танцовать со мной, да? Вонь кожи и старыхъ сапогъ никто долго не выдержитъ.

Сапожникъ услышалъ эту насмѣшку и съ гнѣвомъ соперника подошелъ къ столу хромого, гдѣ парни радостно окружили его.

— Оставьте, это еще только начало,—сказалъ онъ, проталкиваясь къ хромому.

Между ними начался долгій разговоръ. Сапожникъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе и весь свой запасъ убѣдительныхъ жестовъ, и въ концѣ-концовъ хромой сдался. Вытащивъ изъ кармана кошелекъ, онъ нерѣшительно порылся въ немъ и протянулъ сапожнику монету, которую тотъ, однако, отвергъ. Тогда хромой съ крайней неохотой прибавилъ къ ней еще одну. Сапожникъ всталъ и торжествующе направился къ музыкѣ. Послѣ краткихъ переговоровъ съ главнымъ музыкантомъ раздался трубный звукъ, и съ эстрады провозгласили:

— Послѣ антракта полчаса танцевъ для однихъ штейндорфцевъ!

Необычайность этого поступка взволновала даже отцовъ семействъ, а молодые парни были въ восторгѣ. Хромой казался имъ чуть не героемъ. Но тотъ не обращалъ никакого вниманія ни на похвалы, ни на возгласы изумленія; онъ сидѣлъ неподвижно, облокотившись на столъ, и молча смотрѣлъ передъ собой съ мрачно насупленнымъ лицомъ. Блескъ его маленькихъ глазъ былъ злобенъ и полонъ презрѣнія.

Сѣрый франтъ время отъ времени хмуро задумывался, потомъ опять съ судорожной веселостью заговаривалъ съ Маріей.

Когда музыканты снова взялись, наконецъ, за свои инструменты и сапожникъ рѣшительно направился къ Маріи, рыжій Кленнеръ крикнулъ таннерауцу:

— А ты пляши съ метлой!

Музыка заглушила хохотъ всей залы. Сѣрый франтъ поблѣд-

нѣлъ отъ ярости; стиснувъ зубы, онъ неистово курилъ и пилъ торопливо и много.

При каждомъ турѣ повторялась эта шутка. Наконецъ, сѣрый франтъ не могъ дольше сдерживаться и крикнулъ въ притихшую залу:

— Да здравствуетъ контрабанда, кража лѣса и браконьерство! Это прибыльное дѣло!

Изъ угла раздалось въ отвѣтъ:

— Въ Таннерау вся деревня ходитъ побираться; только староста сидитъ дома и нашиваетъ заплаты на суми!

Перебранка разгоралась. По знаку хозяина умолкшая было музыка заиграла фанфару, которая перешла въ галопъ. Сапожникъ опять подошелъ къ Маріи и пригласилъ ее. Увидѣвъ, что Марія поднимается, таннерауецъ смѣрилъ ее гнѣвнымъ взглядомъ и съ яростнымъ крикомъ:

— Танцуй, танцуй съ этимъ чучеломъ огороднимъ!—такъ сильно толкнулъ ее въ бокъ, что Марія отлетѣла на нѣсколько шаговъ, зашаталась и упала.

Музыка оборвалась съ рѣзкимъ диссонансомъ. Молча, въ оцѣпенѣніи, смотрѣли всѣ на случившееся. На секунду воцарилась мертвая тягостная тишина.

Вдругъ ее прорѣзалъ крикъ, похожій на ревъ, съ какимъ разъярившійся быкъ разрываетъ цѣпи. Съ глухимъ шумомъ упалъ на полъ опрокинутый столъ, зазвенѣли разбившіеся стаканы, и колченогій, прихрамывая, бросился къ мѣсту происшествія. У столика онъ остановился. Лицо его стало землистаго цвѣта, зрачки помертвѣли, дыханіе со свистомъ вырывалось изъ полуоткрытаго рта. Все его огромное тѣло тряслось отъ ярости. Франтъ попытался улыбнуться, но поблѣднѣлъ, какъ полотно. Секунда напряженнаго ожиданія. Потомъ кулакъ хромого, словно исполинскій камень, съ размаху опустился на голову чужака.

Безъ звука, не охнувъ даже, тотъ упалъ, обливаясь кровью.

— Вотъ тебѣ отъ браконьеровъ! Вотъ тебѣ отъ воровъ!

Съ этими словами хромой схватилъ лежавшаго безъ чувствъ противника и съ нечеловѣческой силой швырнулъ его черезъ всю залу въ сѣни.

Потомъ онъ удивленно, почти съ любопытствомъ, взглянулъ на себя, словно оглядывалъ не самого себя, а что-то незнакомое, чужое. Вдругъ его взглядъ упалъ на Марію. Она лежала, какъ мертвая, лицомъ внизъ. Изъ раны на лбу сочилась кровь и собиралась на полу въ небольшую лужицу. Внимательно, не шевелясь, хромой смотрѣлъ на нее съ минуту, потомъ улыбнулся

счастливой улыбкой, съ хриплымъ крикомъ радости наклонился къ дѣвушкѣ, схватилъ ее на руки, поднялъ къ свѣту и началъ осыпать ея блѣдное красивое лицо страстными поцѣлуями.

Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда направился со своей добычей къ выходу и исчезъ въ темныхъ сѣняхъ...

Хромой отнесъ Марію до воротъ усадьбы Венде. Такъ какъ она все еще была безъ сознанія, онъ положилъ ее на землю и началъ обтирать ея лобъ покрытой инеемъ травой. Наконецъ, она открыла глаза и удивленно оглядѣлась.

— Что тебѣ надо?—обратилась она къ хромому, который стоялъ на колѣняхъ рядомъ съ ней, обвивъ ее руками, и безостановочно лепеталъ:

— Маріела, Маріела, очнись, очнись!—Выскользнувъ изъ его объятій, она испуганно вскочила на ноги. Хромой тоже поднялся.

— Ты не пугайся, Маріела, я Карлъ Экснеръ, здѣшній, и видишь ли...—И онъ началъ ей разсказывать, что произошло. Она тоже вспомнила теперь все и перебила его:

— Но я для тебя всетаки еще вовсе не Маріела, понялъ? Спасибо за услугу, и на томъ конецъ.

Съ этими словами она хотѣла пройти въ калитку. Хромой схватилъ ее за руку и удержалъ:

— Маріела, видишь ли... я думаю, тебѣ все равно не поможетъ. Вѣдь я...

— Чего тебѣ еще! Вѣдь я тебя уже поблагодарила.

— Нѣтъ, ты обсуди дѣло. Ты должна... Въ воскресенье приходи къ сапожнику Клозе. Тамъ обо всемъ и поговоримъ.

— Что ты себѣ воображаешь!—возмущенно отвѣтила Марія.

— Въ три часа приходи. Я буду ждать тебя,—тихо, но рѣшительно сказалъ хромой, и, когда дѣвушка, не отвѣчая, юркнула въ калитку, онъ молча повернулся и, какъ стоялъ, безъ шапки, пошелъ домой.

5.

Марія поднялась къ себѣ наверхъ. Посредствомъ дощатыхъ перегородокъ для нея была устроена на чердакѣ отдѣльная каморка, въ которой, кромѣ кровати, стоялъ еще только сундукъ съ ея платьемъ. На немъ она и посидѣла немного въ одной юбкѣ, чтобы прохладиться, потому что она вся горѣла, какъ въ лихорадкѣ. Рѣшивъ, что это отъ раны на лбу, она встала, подошла къ оконцу и прижалась лбомъ къ холодному стеклу. На дворѣ было свѣтло, но туманно. Луна стояла въ вышинѣ, словно бѣлый горнъ, изъ котораго безостановочно вырывались клубы

молочно-бѣлаго дыма и плыли къ вѣтьямъ деревьевъ. Тамъ они исчезали, какъ будто поглощенные корявыми сучьями, а отъ блѣдной луны уже снова медленно плыли новые клубы тумана.

Долго стояла Марія не шевелясь и смотрѣла на однообразную безмолвную игру ночного тумана, и все тягостнѣе ею овладѣвало ощущеніе, что эти колыхающіяся бѣлыя волны поднимаютъ ее, покачиваютъ вверхъ и внизъ и хотятъ унести съ собою. Когда это ощущеніе дошло, наконецъ, до невыносимой увѣренности, она сурово проговорила:

— Нѣтъ! Я вовсе не должна!... га!...

При этихъ словахъ раздвинулся мракъ, застилавшій ея душу, и роковая сила, которая хотѣла подчинить ее себѣ, приняла образъ человѣка, который уже два раза такъ загадочно пересѣкъ ея путь. Она видѣла передъ собой хромого, приближающагося къ ней въ дымкѣ тумана, но не въ той одеждѣ, въ какой онъ былъ на балу, а въ высокихъ сапогахъ и въ короткой курткѣ, въ рукавахъ которой руки его висѣли, словно длинныя палки. Склонивъ голову набокъ и низко надвинувъ на лобъ картузъ, приближался онъ къ ней своими неровными шагами съ выраженіемъ безповоротной рѣшимости на лицѣ.

„Все это глупости",—подумала она и пошла къ кровати. Но, почувствовавъ, что ея ноги подкашиваются, она оперлась лѣвой рукой объ стѣну и повторила съ угрозой и насмѣшкой: „Нѣтъ. Я вовсе не должна. Такъ и знай!"

Она тяжело опустилась на постель и зарылась лицомъ въ подушку. Боль во лбу опять усилилась, отдаваясь во всемъ тѣлѣ, и Маріи казалось, что не одинъ ея лобъ разбитъ, а вся жизнь. „Почему я должна? Съ чего онъ вздумалъ?"—спрашивала она себя все снова и снова, судорожно прижимая правую руку къ ушибленному мѣсту, которое она обвязала платкомъ. Но сколько она ни перебирала въ умѣ все, что было до и послѣ происшествія, она не могла найти ничего такого, что дало бы хромому право сказать: „Ты должна",—но находила никакой причины, кромѣ непреложной рѣшимости, которую она прочла на его некрасивомъ лицѣ, и непреклоннаго упорства его неподвижнаго взгляда. Отъ всего этого несуразнаго человѣка исходила какая-то таинственная сила. Марія повернулась на бокъ и насильно закрыла глаза, стараясь думать о своемъ „вѣчномъ праздникѣ", о своемъ солнечномъ будущемъ. Но это ей плохо удавалось. Все время она чувствовала жуткую близость этого человѣка, который вдругъ вошелъ въ ея жизнь, смѣшной и замкнутый, какъ всегда.

Вѣроятно, уже было за полночь, потому что серпъ мѣсяца стоялъ какъ разъ противъ ея оконца, и воздухъ казался полонъ танцующихъ снѣжинокъ. Всюду пѣли пѣтухи. Изъ трактира слабо доносились заключительныя фанфары.

„Завтра я все узнаю",—подумала Марія, отвернулась отъ освѣщеннаго окна и натянула на голову перину. Послѣ внезапнаго испуга ей показалось, что она опускается все ниже и ниже въ какую-то мягкую мглу, изъ которой постепенно начали выступать быстро смѣняющіеся образы сновидѣній...

Скрипъ двери разогналъ туманныя картины. Марія сбрасываетъ перину съ головы и поворачивается къ двери. Нѣтъ, дверь закрыта. Съ удивленной улыбкой она опять ложится лицомъ къ перегородкѣ. Черезъ щель между плохо скрѣпленными досками она можетъ заглянуть въ сосѣднюю каморку и видитъ двѣ тѣни, которыя безшумно скользятъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, а затѣмъ исчезаютъ; онѣ, очевидно, стоятъ справа и слѣва отъ узкаго поля ея зрѣнія.

— Она спитъ крѣпко,—говоритъ грубый мужской голосъ, продолжая начатый разговоръ.

— Нѣтъ, уходи. Я устала и скоро день,—шопотомъ отвѣчаетъ женскій голосъ. Оба куда-то подвигаются. Раздаются чмокающіе поцѣлуи, шелестъ одежды, сдержанный женскій вскрикъ, тяжелое мужское сопѣніе. Потомъ ничего не слышно, кромѣ прерывистаго дыханія двухъ борющихся людей. Паденіе какого-то предмета прекращаетъ ночную борьбу. Воцаряется тишина. Марія слышитъ, какъ ея кровь стучитъ отъ стыда.

— Уходи!—опять говоритъ женскій голосъ.

Онъ звучитъ устало.

— Вотъ *она*, небось, этого не дѣлаетъ? А завтра утромъ опять взглянетъ на тебя такъ, точно хочетъ сказать: знаю я тебя, хороша тоже!

— И дура же ты, Павла,—отвѣчаетъ мужчина.—Силезка хитрая-прехитрая! Га! Я былъ въ Силезіи и знаю, какъ тамъ живутъ—только держись! Въ иныя ночи тамъ въ сѣнѣ больше ногъ, чѣмъ соломы на крышѣ. Святая тоже! Прикидывается мертвой, ломаетъ комедію и позволяетъ колченогому цѣловать ее при всемъ народѣ. А что послѣ того промежъ нихъ было—это они сами лучше знаютъ. Съ чего бы она иначе лежала, какъ мѣшокъ. Думаешь, колченогій отступится такъ легко! Хе-хе-хе!

Что-то кружитъ Марію, приподнимаетъ ее, опять бросаетъ на ложе и, какъ тисками, сжимаетъ ей грудь. Она должна приподняться, чтобы не задохнуться. Ей кажется, что она видитъ ко-

леса безжалостной машины, которая рветъ на части и стираетъ въ порошокъ ея счастіе, ея гордость, ея доброе имя, ея радость и душевный покой—все, все. „Ага, вотъ почему онъ, подлецъ, сказалъ: ты должна. Вотъ почему... вотъ почему...“—думаетъ она и холодно улыбается. У нея кружится голова, и она хватается за столбикъ кровати, чтобы не упасть.

— Слышишь?—спрашиваетъ мужчина за перегородкой, услышавъ царапаніе ея ногтей по дереву.

— Что?... Ничего не слышу.

— Такъ не ломайся больше, скорѣе,—проситъ онъ. Опять тихій шорохъ и шуршаніе, потомъ знойная тяжелая тишина, а затѣмъ раздаются стоны сладострастія. И всѣ эти стоны, этотъ страстный замирающій шопотъ — все это доносится до Маріи, какъ неумолимое обвиненіе. Съ отчаяніемъ стискиваетъ она зубы, обѣими руками хватается за волосы и прячетъ голову подъ перину. Она теряетъ сознаніе, а черезъ нѣкоторое время ея обморокъ переходитъ въ сонъ.

Краткіе часы ея сна были для нея не часами отдыха, а часами тягостной муки; изъ событій предыдущаго вечера и изъ образовъ ея взволнованной души они таинственнымъ образомъ создали выводъ, и когда съ первымъ проблескомъ утра тревога выгнала Марію изъ постели, бѣдная дѣвушка была убѣждена, что ей не уйти отъ хромого.

Но вдругъ эта тупая покорность судьбѣ смѣнилась безумнымъ страхомъ.

„Почему я не бѣгу отсюда? Сейчасъ ночь и всѣ спятъ“,—подумала она. Торопливо и безшумно надѣвъ свое лучшее платье она накрыла голову платкомъ и, взявъ въ руки башмаки, осторожно, на цыпочкахъ, стала спускаться внизъ. Проходя мимо хозяйской спальни, она услышала за дверью скрипучій голосъ хозяина: Венде, видимо, готовился къ своему обычному ночному обходу двора и службъ. Изъ временъ своей долгой холостяцкой жизни онъ сохранилъ привычку каждую ночь раза два обходить свои владѣнія, и требовалъ отъ жены, чтобы она всякій разъ сопровождала его. Та упорно отказывалась, и въ теченіе десяти лѣтъ своего супружества ей приходилось каждую ночь жертвовать частью своего сна на борьбу съ этой нелѣпой причудой.

„Почему она не ушла отъ него на край свѣта?—думала Марія, прислушиваясь къ ссорѣ.—Развѣ не лучше ей было бы хоть и имѣть ребенка, да быть самой себѣ госпожей, чѣмъ жить, какъ теперь, съ этимъ старымъ самодуромъ“.

Все это она думала, торопливо спускаясь по лѣстницѣ, тѣмъ машинальнымъ умомъ, который всегда остается въ нашемъ распоряженіи и не имѣетъ никакого отношенія къ нашей душѣ.

Между тѣмъ голоса въ спальнѣ стали громче; перебранка очевидно близилась къ концу. Марія проскользнула черезъ сѣни, торопливо рванула засовъ входной двери, такъ что онъ съ шумомъ отлетѣлъ къ стѣнѣ, и ощупью начала искать ключъ, висѣвшій на ржавой цѣпочкѣ. Но въ этотъ моментъ наверху распахнулась дверь, и Венде вышелъ изъ спальни, громко бранясь. Марія выпустила ключъ и спряталась за дверь людской.

Венде медленно спустился въ сѣни, освѣщая себѣ путь чадящимъ фонаремъ и бормоча себѣ подъ носъ гнѣвныя слова по адресу жены. Вдругъ онъ умолкъ. Отодвинутый засовъ у двери возбудилъ его подозрѣніе. Пробурчавъ что-то насчетъ „сволочи“ „шатуновъ“ и „полунощниковъ“, онъ внимательно изслѣдовалъ замокъ, два раза повернувъ въ немъ ключъ, грозно крякнулъ и торопливо вышелъ во дворъ.

Марія внимательно прислушивалась къ его удалявшимся шагамъ; ей показалось, что онъ пошелъ направо, къ скотному двору. Собравшись съ духомъ, она тоже выскользнула во дворъ, увѣренная, что ея побѣгъ удался. Но въ тотъ моментъ, когда она хотѣла взяться за щеколду калитки, кто-то, очевидно дожидавшійся снаружи, медленно открылъ послѣднюю, и во дворъ упала красная полоса свѣта. Съ бьющимся сердцемъ она прижалась къ стѣнѣ, гдѣ калитка должна была прикрыть ее отчасти. Венде подождалъ съ минуту, заявится ли тотъ, чьи шаги онъ ясно слышалъ, и крикнулъ въ темноту: „Кто тутъ?“ Не получивъ отвѣта, онъ съ ругательствомъ ударилъ калитку ногой, чтобы излить свой гнѣвъ. Къ стуку дерева примѣшался подавленный вскрикъ. Калитка задѣла Марію по больному лбу, и она не могла удержаться отъ стона. Венде шагнулъ къ ней и освѣтилъ фонаремъ лицо испуганной дѣвушки.

— Ты?—съ радостнымъ удивленіемъ сказалъ онъ, узнавъ Марію.—Чего же ты прячешься? Право, нечего прятаться, когда человѣкъ не такъ лѣнивъ, какъ всѣ другіе.

Но тутъ онъ замѣтилъ на ней праздничный нарядъ.

— Ты когда надѣла это платье?—многозначительно спросилъ онъ.

— Съ полчаса тому назадъ,—пролепетала Марія.

— Гмъ! А зачѣмъ же ты прячешься отъ меня? И зачѣмъ голову повязала платкомъ, такъ что тебя и не узнать?—опять спро-

силъ онъ послѣ небольшой паузы, и голосъ его взволнованно дрожалъ.

— Потому что я хочу уйти... нѣтъ, должна уйти!—отвѣтила Марія, немного овладѣвъ собой.

— Къ портнихѣ или въ церковь—это ты хочешь сказать, да?

— Нѣтъ, совсѣмъ уйти, навсегда,—вырвалось у нея въ мучительномъ возбужденіи.

— Вотъ какъ!—насмѣшливо протянулъ Венде, крякнувъ.— Совсѣмъ уйти! Должна! Что это тебѣ въ голову взбрело? Плохо тебя кормятъ тутъ, что ли? Работой обременяютъ? Или пятьдесятъ талеровъ для тебя слишкомъ мало?... Должна!—снова началъ онъ и саркастически усмѣхнулся.—Гмъ, гм... знаемъ мы это. А я-то думалъ, что ты тверже стоишь, чѣмъ другія. Съ какихъ же это поръ ты должна?

— Нѣтъ, хозяинъ, я все та же. Какая была, такая и осталась. Но уйти я всетаки должна. А если вы меня не отпустите, я... я не знаю, что сдѣлаю... я въ воду брошусь!

— Но, Марія, разъ ничего плохого...

— Ни слова я не скажу, на первомъ задохнусь,—перебила она его.—Христомъ Богомъ молю васъ, отпустите вы меня! Вы все узнаете, когда меня тутъ не будетъ. Я вамъ достану другую служанку. Но я должна уйти. О Господи, Господи!

Она схватила правую руку Венде и сжимала ее, сама не сознавая въ своемъ отчаяніи, что она дѣлаетъ. Венде чувствовалъ, что она дрожитъ всѣмъ тѣломъ, и у него невольно вырвалось полу-растроганно, полу-раздраженно:

— Ну ужъ, коли нельзя иначе...

— Благослови васъ Богъ за это!—вскрикнула Марія и выбѣжала изъ калитки.

Но черезъ мгновеніе крестьянинъ раскаялся въ своемъ великодушіи. „Постой-ка! что я тебѣ скажу!"—крикнулъ онъ. Но ея торопливые шаги уже замерли вдали на дорогѣ.—„Ну, и Богъ съ тобой! Охъ ужъ эти баби! Въ каждой бѣсъ сидитъ!"—крикнулъ онъ ей вдогонку, поднялъ фонарь съ земли и направился къ дому. Вдругъ онъ громко захохоталъ:

— Да вѣдь она не взяла свою расчетную книжку!

Зари еще не было на небѣ. Надъ лѣсами недвижно стоялъ мертвенно-блѣдный, словно застывшій, свѣтъ, и въ немъ плылъ гаснущій серпъ луны. Мглистыя дымки колыхались вокругъ осыпанныхъ снѣгомъ кустовъ, у лѣсныхъ опушекъ лѣниво покачи-

вались сѣдые туманы, а горы были похожи на исполинскія облака, беззвучно спускавшіяся съ неба.

„Почему она не убѣжала лучше на край свѣта?—размышляла Марія надъ судьбой своей хозяйки, представляя себѣ блѣдное отъ гнѣва лицо Венде съ его темной косматой бородой.—Никогда добра не бываетъ, когда дѣлаешь то, чего не надо дѣлать“.

Эта мысль еще ускорила ея шаги. Почти бѣгомъ поднималась она на холмы и спускалась въ долины, и чѣмъ свѣтлѣе становилось, тѣмъ быстрѣе несли ее ноги.

„То, чего не надо дѣлать!...“—эта мысль подгоняла ее, какъ бичъ.

Она спѣшитъ черезъ деревни, проходитъ мимо одинокихъ хуторовъ; люди попадаются ей навстрѣчу. Она все видитъ, но ничего не сознаетъ. Вдругъ она ударяется о фургонъ. Возница, исправляющій что-то у задняго колеса, весело кричитъ:—„Галло!“ Тутъ она приходитъ въ себя и замѣчаетъ, что уже находится въ предмѣстьѣ города Глаца, видитъ длинный рядъ низкихъ грязныхъ домиковъ. Она торопливо опускаетъ подобранныя юбки, а у одной витрины останавливается, чтобы поправить съѣхавшій набокъ платокъ. Съ удивленіемъ разсматриваетъ она свое лицо: румяное и цвѣтущее, какъ всегда, оно совсѣмъ не отражаетъ муки ея души.

Въ подвальномъ ресторанчикѣ она завтракаетъ чашкой кофе съ двумя булочками, а потомъ сидитъ еще нѣкоторое время, чтобы отдохнуть, глядя черезъ окно на ноги прохожихъ. Часы уже пробили нѣсколько разъ, и старуха за грязной стойкой все непріязненнѣе поглядываетъ на эту дѣвушку, которая не платитъ, не уходитъ и ничего не заказываетъ. Наконецъ, она не выдерживаетъ.

— Еще что-нибудь угодно?—рѣзко спрашиваетъ она, подходя къ Маріи.

Марія отрицательно качаетъ головой, платитъ свои двадцать пять пфениговъ и проситъ указать ей хорошую посредницу по найму прислуги. Старуха насмѣшливо отвѣчаетъ, что хорошія посредницы обитаютъ только на лунѣ. Самое лучшее—прямо обращаться къ господамъ... Но если ей непремѣнно нужно, то она можетъ ей порекомендовать Негвершу на Кузнечной улицѣ.

— Только ей пальца въ ротъ не клади,—откуситъ!—заканчиваетъ она. А когда Марія уже вышла изъ дверей, старуха кричитъ ей вдогонку:—Скажите ей, что Мазингерша ей кланяется, тогда она васъ навѣрное пристроитъ.

Послѣ долгихъ разспросовъ и хожденій Марія отыскиваетъ, наконецъ, Кузнечную улицу. Это узкая уличка, круто спускающаяся къ рѣкѣ. Ручьи грязной воды быстро стекаютъ между булыжниками ея неровной мостовой. Тамъ такъ темно, что Марія съ трудомъ разбираетъ фамиліи на дощечкахъ у дверей. Наконецъ, она находитъ: „*Мальвина Негверъ. Посредническая контора*". Эта дощечка прибита къ длинной стѣнѣ съ полуразрушенной черепичной крышей. Тутъ же рядомъ полуразвалившаяся калитка. „Здѣсь никто не живетъ", думаетъ Марія, но всетаки нерѣшительно раскрываетъ калитку и оказывается въ тѣсномъ дворикѣ. Молодой человѣкъ въ синемъ фартукѣ, котораго она принимаетъ за дворника, колетъ тамъ дрова. На ея вопросъ, здѣсь ли живетъ посредница Негверъ, онъ вызывается проводить ее. Когда они стоятъ передъ дверью въ квартиру посредницы, онъ говоритъ Маріи, что она красива, взволнованно пожимаетъ ей руку и убѣгаетъ такъ стремительно, точно укралъ что-то. Марія съ минуту стоитъ въ трепетномъ вихрѣ чувствъ; ей кажется, что отъ ея лба въ окружающій мракъ изливается сіяніе. Взволнованная входитъ она въ квартиру посредницы. Пройдя половину передней, она видитъ двѣ двери, расположенныя одна противъ другой. Она не замѣтила бы ихъ, если бы ея вниманіе не привлекъ возбужденный споръ двухъ женскихъ голосовъ за лѣвой дверью. Эти голоса звучатъ такъ, точно ручная пила и дѣтская игрушечная труба стараются перещеголять другъ друга визгомъ. Думая, что она одна, Марія нагибается къ двери, прислушиваясь. Ручная пила яростно визжитъ: „Нечего рыться въ моемъ грязномъ бѣльѣ!", на что дѣтская труба отвѣчаетъ насмѣшливымъ ржаніемъ. Въ эту минуту за спиной Маріи раздается двойной смѣхъ. Она испуганно оборачивается. Въ нишѣ окна, вытянувъ впередъ головы, сидятъ двѣ дѣвушки. Онѣ смѣются Маріи прямо въ поблѣднѣвшее отъ стыда лицо.

Бѣглаго взгляда на нихъ достаточно для Маріи, чтобы убѣдиться, что эти двѣ дѣвушки—„цыганки", т.-е. что онѣ принадлежатъ къ тому разряду служанокъ, которыя вслѣдствіе безнравственности или неуживчиваго характера хронически находятся безъ мѣста и круглый годъ обиваютъ пороги посредническихъ конторъ. Она подавляетъ готовое сорваться съ языка рѣзкое замѣчаніе и ограничивается тѣмъ, что бросаетъ на нихъ взглядъ глубочайшаго презрѣнія, въ отвѣтъ на который одна изъ дѣвушекъ съ нахальнымъ, злымъ лицомъ иронически спрашиваетъ, не размѣнять ли ей грошъ. При этомъ она поправляетъ свою модную шляпу и придаетъ своему увядшему лицу вы-

сокомѣрное выраженіе. Другая дѣлаетъ Маріи гримасу. Марія поворачивается къ нимъ спиной.

Страхъ и тоска овладѣваютъ ею съ новой силой, и энергія опять смѣняется прежней мучительной нерѣшительностью.

„Зачѣмъ я сюда пришла? Ничего здѣсь не выйдетъ, разъ тутъ такія. Совсѣмъ убѣжать мнѣ надо бы, все бросить“, такъ размышляетъ Марія.

Изъ лѣвой двери выходитъ пожилая женщина, зорко окидываетъ взглядомъ комнату и говоритъ про себя: „Три всетаки. Не ожидала“.

На поклонъ Маріи она отвѣчаетъ любезной улыбкой.

— Ты у меня еще ни разу не была, милочка,—говоритъ она затѣмъ.—Какія у тебя свѣжія щечки. Это хорошо! И хорошая крѣпкая юбка. Полушерстяная, а?

Все это она говоритъ трескучимъ голосомъ, напоминающимъ дѣтскую трубу, и говоритъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы имѣть время хорошенько разсмотрѣть новую кліентку. Потомъ кричитъ, обращаясь къ дѣвушкамъ въ нишѣ:

— Я вамъ уже говорила вчера, что ничего нѣтъ!

А Марію тутъ же завѣряетъ:

— Погоди, душенька, я тебя пристрою!

И снова скрывается за дверью.

Обѣ дѣвушки готовятся уйти, громко проклиная жизнь. Проходя мимо Маріи, одна изъ нихъ, въ большой модной шляпѣ, типъ отслужившей субретки, съ яростью говоритъ:

— Берегись Шлейдерши. Она стерва, скажу я тебѣ. На ея совѣсти то, чѣмъ я стала. Хочешь или нѣтъ—и тебѣ придется. Ха-ха! Всѣ мы научаемся! Вѣрно, Минна?

Съ шумной веселостью обѣ исчезаютъ.

Отвращеніе, гнѣвъ и страхъ лишаютъ Марію всякаго соображенія. Какъ въ чаду, она начинаетъ подтыкать юбки и медленно направляется къ выходу. Но лѣвая дверь снова открывается, и фрау Негверъ зоветъ ее. Марія быстро опускаетъ юбки и идетъ за посредницей въ комнату съ твердымъ рѣшеніемъ не класть ей пальца въ ротъ. По знаку фрау Негверъ она садится на стулъ.

Противъ нея сидитъ дама, одѣтая по послѣдней модѣ. Длинное пальто на шелковой подкладкѣ раскрыто и позволяетъ видѣть черезчуръ пышную грудь. У нея мясистое красное лицо и ястребиный носъ, къ которому она часто подноситъ бѣлый платокъ.

— Какъ тебя зовутъ?—начинаетъ она допросъ своимъ скрипучимъ, непріятнымъ голосомъ.—Умѣетъ ли Марія убирать ком-

наты? Нѣтъ? Ничего, этому скоро научится. Сколько ей лѣтъ? Кѣмъ былъ ея отецъ? Гдѣ служила? Пусть покажетъ расчетную книжку.

Послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ Марія принуждена заявить, что забыла свою расчетную книжку. Она смущена, оторопѣла, но полна радости въ душѣ.

Обѣ женщины обмѣниваются многозначительнымъ взглядомъ.

— Забыла, гмъ, гмъ!—насмѣшливо скрипитъ фрау Шлейдеръ.

Но ничего, она согласна нанять ее, въ надеждѣ, что книжка найдется. Жалованье девяносто марокъ въ годъ и на Рождество десять марокъ праздничныхъ. Но въ ея гостиницѣ всегда много проѣзжающихъ, такъ что дѣвушки зарабатываютъ вдвое больше. Вотъ задатокъ.

Фрау Шлейдеръ протягиваетъ ей талеръ. Марія заявляетъ, что въ гостиницу не поступитъ и что, кромѣ того, она требуетъ сто двадцать марокъ въ годъ. Несмотря на всѣ уговоры, она остается при своемъ. Фрау Шлейдеръ гнѣвно удаляется.

Когда наружная дверь захлопывается за хозяйкой гостиницы, фрау Негверъ разражается довольнымъ смѣхомъ. Это женщина лѣтъ пятидесяти, хорошо сохранившаяся, съ черными какъ смоль волосами. У нея желтое лицо и большіе веселые глаза кошки, играющей съ мышью.

— Да, да, душенька!—обращается она къ Маріи, которая сидитъ съ деревянной неподвижностью, словно она мучительно старается удержать голову прямо, несмотря на сыплющіеся на нее удары.—Да, да, для этой гостиницы ты, право, слишкомъ хороша... Но книжка, книжка, ее непремѣнно надо достать!—тономъ материнской доброты продолжаетъ она и ждетъ отвѣта.

Марія молчитъ и растерянно смотритъ на нее.

— Упала, а?—вдругъ спрашиваетъ она.

Марія удивленно смотритъ на нее.

— Ну, тамъ, на полу, на лѣстницѣ, не то, чтобъ какъ-нибудь иначе, хе-ха! Упала и ушиблась, да?

Марія вспыхиваетъ и нерѣшительно киваетъ головой.

— Здорово, видно, ударилась! У тебя шишка съ куриное яйцо. И синяя-пресиняя,—продолжаетъ фрау Негверъ.—Послѣ каждой фразы она дѣлаетъ паузу, выпячиваетъ губы и играетъ своими веселыми кошачьими глазами.—Могу себѣ представить, изъ-за чего дѣло вышло. Ты прехорошенькая. Кому и кружить головы, какъ не тебѣ. А?... Да говори же, дѣвушка! Не ты первая, не ты и послѣдняя, съ которой случается... Господи, душенька, что это съ тобой? Да говори же...

Марія вдругъ вскакиваетъ блѣднѣе полотна и съ безумнымъ взглядомъ бросается на фрау Негверъ. Та успѣваетъ во-время юркнуть за дверь. Въ слѣпой ярости, съ искаженнымъ лицомъ, Марія подскакиваетъ къ ея стулу, но, видя, что онъ пустъ, приходитъ въ себя. Страдальческая ярость на лицѣ смѣняется выраженіемъ смертельной тоски. Дрожа всѣмъ тѣломъ, она опирается рукой объ стѣну и, шатаясь, выходитъ изъ квартиры.

На темной лѣстницѣ ей встрѣчается какой-то господинъ. Онъ хватаетъ ее за руку, освѣщаетъ ея лицо спичкой и хочетъ ее обнять. Она отталкиваетъ его и опрометью бѣжитъ прочь. Кругомъ нея раздаются человѣческіе голоса, ряды домовъ мелькаютъ мимо нея... Вотъ она, наконецъ, и въ полѣ. Рѣка течетъ передъ ней. Она въ страхѣ опускается на колѣни и молится, молится, простирая руки къ небу. Теперь лѣсъ шумитъ надъ ея головой, свѣтъ и тѣни скользятъ по ней, и ей кажется, что она пятнистая, какъ кошка. Потомъ она падаетъ обезсиленная. У нея такое ощущеніе, точно буря швырнула ее о высокую стѣну. Все въ ней дрожитъ и трепещетъ, какъ дрожитъ хлѣбъ на поляхъ подъ немилосерднымъ палящимъ солнечнымъ зноемъ. Такъ она лежитъ до вечера. Вечеромъ она приходитъ въ себя, приподнимается и изумленно озирается. Она въ Ганскомъ лѣсу, глубоко въ чащѣ. Ея платье доверху забрызгано грязью, головной платокъ она потеряла, волосы разметались и висятъ спутанными прядями.

Когда она замѣчаетъ все это, она обѣими руками хватается за кусты, чтобы не упасть. Потомъ она начинаетъ медленно заплетать косу, такъ медленно, словно хочетъ продолжить это дѣло до безконечности, а кончивъ, снова распускаетъ волосы и начинаетъ заплетать ихъ сначала, а слезы медленно текутъ по ея искаженному мукой лицу.

Съ наступленіемъ темноты она пускается въ обратный путь. Усадьба Венде уже похожа на огромную дремлющую ночную тучу, когда Марія доходитъ до нея. Въ дверяхъ Марію встрѣчаетъ хозяйка, которая, видимо, поджидала ее. Она ласково беретъ дѣвушку за руку и ведетъ ее, какъ родную дочь, въ горницу мимо служанокъ, которыя при свѣтѣ фонарей мѣшаютъ въ большихъ чанахъ дымящееся пойло для коровъ.

— Сядь, глупенькая!—говоритъ фрау Венде, пододвигая ей стулъ.—Хозяинъ еще не вернулся съ ярмарки, такъ я хочу поговорить съ тобой.

— Фрау Венде!—съ дрожью въ голосѣ восклицаетъ Марія, тронутая сердечнымъ участіемъ хозяйки.

Все свое отчаяніе вкладываетъ она въ эти два слова.

— Ну, ну! Не надо плакать. Плакать хорошо, но это можешь послѣ, у себя наверху, одна. А теперь разскажи все. Когда языкъ двигается, на душѣ становится легче.

Марія не понимаетъ, какъ можно говорить обо всемъ этомъ ужасномъ; но по мѣрѣ того, какъ она говоритъ, ею овладѣваетъ какое-то опьяненіе, и съ лихорадочной поспѣшностью, какъ въ чаду, она разсказываетъ хозяйкѣ все, что было.

— Что мнѣ дѣлать!—въ полномъ изнеможеніи заканчиваетъ она свое повѣствованіе.—Куда ни гляну, вездѣ омутъ, вездѣ яма за ямой. Только въ воду броситься, одинъ выходъ. Соглашусь я или нѣтъ, все равно это смерть моя.

Длинное худое лицо фрау Венде серьезно, глаза полны слезъ.

— Да, да, голубушка,—начинаетъ она, задумчиво кивая головой.—У каждаго человѣка, видно, есть свой день, когда разбивается его жизнь. Особенно у насъ, женщинъ. Ничего тутъ не подѣлаешь. Всѣ мы дѣлаемъ то, чего не хотимъ. Какъ это случается, никто не знаетъ. Но вдругъ судьба стоитъ у тебя за дверью и стучитъ въ нее такъ, что у тебя сердце захолонетъ. А если не откроешь дверь и не впустишь ея добровольно, она влѣзетъ на твой домъ и продавитъ крышу... Смерть, ты говоришь... Въ томъ-то и дѣло, что никогда не знаешь, выйдешь ли цѣлая изъ всего этого, разобьешь ли чужую жизнь или сама будешь навѣки разбита...

Ея лицо блѣдно и измѣнилось до неузнаваемости. Рѣзкимъ движеніемъ она поднимается, идетъ къ комоду и начинаетъ нервно переставлять тамъ вещи. Но когда она возвращается къ столу, походка ея опять твердая и спокойная, и обычная тихая улыбка озаряетъ ея лицо.

— Марія,—говоритъ она веселымъ голосомъ.—Не обращай вниманія на то, что я тебѣ сейчасъ говорила. Ты молода. А старый человѣкъ—что старый печной горшокъ: что въ него ни влей, все скиснетъ. Нѣтъ, нѣтъ. Я знаю, оттого что ты краше другихъ, ты и мѣтишь высоко. Не говори, я знаю! Но съ красивыми личиками, что съ лѣтними днями,—чѣмъ лучше день, тѣмъ легче быть дождю. Небомъ не покроешь свой домъ, и красивыми щечками не насытишься. Ты сирота, у тебя ни отца, ни матери нѣтъ, ты бы радоваться должна, что можешь пристроиться такъ хорошо. У Эксепера и хуторъ есть, и деньги. А что до ноги!... Вѣдь во всемъ прочемъ онъ человѣкъ какъ человѣкъ, а *одинъ* какой-нибудь недостатокъ у каждаго есть, и у тебя тоже. Захоти онъ только, за него любая дѣвушка въ Штейндорфѣ пойдетъ. Но

онъ никого не хочетъ, только тебя. Я справлялась. Вся деревня это знаетъ.

— Вся деревня?—испуганно переспрашиваетъ Марія.

— Ну, да, понятно, послѣ вчерашняго.

— Но я ничего не знаю...

— Глупости! Ступай теперь, поѣшь и ложись спать. Обсуди хорошенько все, что я тебѣ сказала, и еще одно замѣть: никто не знаетъ, гдѣ его счастье! Спокойной ночи! Къ веснѣ станешь хозяйкой въ собственномъ домѣ, съ собственными полями, и мы будемъ съ тобой сосѣдками...

Сердечно пожавъ доброй женщинѣ руку, Марія, не ужиная, пошла къ себѣ наверхъ. Такая же одинокая и покинутая Богомъ, какъ утромъ, стоитъ она передъ своей кроватью. Весь вихрь горя и отчаянія ничему не помогъ. Кое-какъ оправивъ измятыя подушки, она ложится, удивляясь тому, что ея глаза сухи и душа такъ покойна. Немного погодя она приподнимается въ полуснѣ и щупаетъ вокругъ себя руками. Руки встрѣчаютъ только доски, и ей кажется, что она лежитъ въ гробу. Съ тупымъ равнодушіемъ она принимаетъ этотъ обманъ чувствъ за фактъ, и ей вспоминаются слова фрау Венде: „У каждаго человѣка, видно, есть свой день, когда разбивается его жизнь“.

Со вздохомъ опускается она назадъ на подушки и засыпаетъ.

7.

Въ то время какъ Марія металась, терзаемая своей на смерть раненой надеждой, хромой ходилъ съ видомъ человѣка, который благополучно наладилъ выгодное дѣльце и теперь занимается только кое-какими второстепенными мелочами, спокойно, съ увѣренностью выжидая конца дѣла.

Позднѣе, чѣмъ обыкновенно, но всетаки еще такъ рано, что онъ могъ видѣть, какъ утренніе туманы исчезли за осыпанными снѣгомъ деревьями, всталъ онъ на утро послѣ „бала“. Въ общей горницѣ онъ засталъ сестру, убиравшую посуду въ шкафъ. При его хмуромъ „здравствуй!“ она повернула къ нему свое большое плоское лицо, покрытое веснушками и обрамленное необыкновенно густыми курчавыми рыжими волосами.

— Ну, ну, Карлъ, отъ трактирнаго пива, видно, голова тяжелѣетъ!—съ оттѣнкомъ шутливости сказала она, внимательно глядя на него своими спокойными сѣрыми глазами.

Хромой недовольно крякнулъ и сѣлъ за столъ. Сестра подала ему завтракъ.

— Кто былъ вчера на музыкѣ? — робко спросила она при этомъ.

— Кэтэ!—сурово крикнулъ онъ, желая этимъ сказать, чтобы она не вмѣшивалась въ его дѣла. Но потомъ прибавилъ, въ видѣ отвѣта на ея вопросъ:—Шуты гороховые.

— Но ты вѣдь тоже былъ тамъ?

— Ну да, былъ! И коли ты все знаешь, чего ходишь кругомъ да около. Хлыщу изъ Таннерау я задалъ памятку, и всѣ только рты разинули отъ удивленія, а Густе былъ пьянъ. Вотъ тебѣ и весь сказъ, и теперь займись своимъ дѣломъ.

Онъ рѣзкимъ движеніемъ протянулъ руку къ хлѣбу, не обращая больше вниманія на сестру. Та вышла въ сѣни и знакомъ подозвала къ себѣ второго брата.

— Іозефъ,—тихо сказала она ему.—Все такъ и есть, какъ мнѣ разсказывала Мэглеръ.

Безбородый Іозефъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Но про другое, про силезку, онъ вѣдь ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, ни слова... Но именно поэтому....—удрученно отвѣтила сестра. Въ глубинѣ души они оба надѣялись, что хромой останется на всю жизнь холостякомъ, и страдали теперь отъ крушенія этой надежды.

Но послѣ краткаго размышленія лицо Іозефа опять прояснилось и стало тихимъ и кроткимъ, какъ всегда.

— Пусть будетъ, что будетъ, Кэтэ. Что его, то его. Насъ это не касается. Но всетаки я поговорю съ нимъ.

И раньше, чѣмъ сестра успѣла отвѣтить ему, онъ уже вошелъ къ хромому. Тотъ встрѣтилъ его враждебнымъ смѣхомъ.

— А тебѣ везетъ,—началъ Іозефъ, садясь рядомъ съ нимъ на лавку.

— Ужъ чего больше!—насмѣшливо отвѣтилъ хромой.

— Ну да, вода въ колодцѣ у тебя оказалась.

— Еще бы... Ну, что же, выпускай ее скорѣй.

Іозефъ вопросительно взглянулъ на него.

— Кошку, которую ты принесъ въ мѣшкѣ,—съ дьявольскимъ хохотомъ пояснилъ хромой.—Только сдается мнѣ, что она не прыгнетъ, какъ ты ее ни дергай за хвостъ. Мышка для нея слишкомъ крупная. Ужъ лучше оставь ее въ мѣшкѣ.

Онъ опустилъ голову, а черезъ минуту насмѣшливо спросилъ:

— Я развѣ вмѣшиваюсь въ *твои* сердечныя дѣла?... Семь лѣтъ, небось, ужъ сватаешься, а?

Іозефъ, дѣйствительно, уже семь лѣтъ страдалъ той робкой любовью, которая является особенностью крестьянъ. Отъ малѣй-

шаго пустяка онъ на много мѣсяцевъ терялъ мужество, хотя въ глубинѣ души никогда не переставалъ надѣяться.

— Видишь ли, это ужъ такое дѣло...—началъ онъ робко, но въ то же время съ нѣкоторымъ сознаніемъ собственнаго превосходства.

Хромого этотъ тонъ взорвалъ:

— Такое дѣло, что я и понять не могу, да?

Іозефъ немного подумалъ и отвѣтилъ съ улыбкой:

— Понять-то можешь, отчего нѣтъ. Но сдѣлать?... Видишь ли, Карлъ, хлѣбъ лучше жать, когда онъ созрѣетъ, а въ твоемъ дѣлѣ съ силезкой еще всѣ колосья до одного зеленые.

— О птичьемъ молокѣ заботься, чтобы оно у тебя не скисло!—крикнулъ хромой и продолжалъ съ все возрастающимъ гнѣвомъ:— Я изъ своего горшка хлебаю, и мухъ, которыя туда попадаютъ, я проглатываю. Соглядатаи и совѣтчики мнѣ не нужны. Когда я отсюда уйду, вы ничего не потеряете, кромѣ доходнаго нахлѣбника.

Іозефъ вскочилъ и подошелъ къ нему, смотря ему въ глаза серьезнымъ, чистосердечнымъ взглядомъ.

— Карлъ, мы ничего отъ тебя не хотимъ, ни Кэтэ, ни я. Развѣ мы не родные тебѣ? Развѣ ты намъ не братъ? Ты не виноватъ, что у тебя такой крутой нравъ. Но люди и такъ ужъ косятся на тебя, и если ты начнешь творить такія дѣла, какъ вчера на музыкѣ...

— Каждая птица свою ягоду клюетъ,—перебилъ хромой ласковую рѣчь брата.—Одна красную, другая черную. Оставь меня въ покоѣ.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Какъ всѣ одинокіе люди, хромой былъ очень подозрителенъ. Спускаясь по крутой тропинкѣ въ деревню, онъ до тѣхъ поръ вертѣлъ и переворачивалъ всѣ слова брата, пока утренній разговоръ не принялъ въ его представленіи самый некрасивый характеръ. Съ мрачнымъ наслажденіемъ выискивалъ онъ во всемъ доказательства злобы и коварства.

До раздѣла младшій братъ обязанъ былъ, согласно волѣ отца, безплатно давать хромому кровъ и столъ, но зато и не платилъ процентовъ на тѣ три тысячи марокъ, которыя еще причитались хромому по завѣщанію.

„Шестьсотъ марокъ процентовъ онъ уже выгадалъ за эти четыре года,—размышлялъ хромой,—шестьсотъ марокъ за тѣ крохи, которыя у него съѣлъ за это время... А теперь онъ подбирается и къ самымъ моимъ деньгамъ, и къ моему хутору,

и къ моимъ сбереженіямъ, чтобы спокойно лѣнтяйничать всю жизнь".

Мысль о сбереженіяхъ, о пятистахъ марокъ, которыя онъ заработалъ тяжелымъ трудомъ дровосѣка и которымъ, по его мнѣнію, грозила опасность со стороны алчнаго брата, такъ взволновала его, что у него дыханіе перехватило. Съ бьющимся сердцемъ думалъ онъ о своемъ сокровищѣ, которое пряталъ подъ тюфякомъ, и постепенно его мысли приняли другое направленіе; изъ золотого блеска червонцевъ онъ началъ ткать свое будущее— большую крестьянскую усадьбу, безконечныя пространства полей, стада сильнаго, здороваго скота...

„А къ веснѣ я женюсь. И тогда увидите!..." — думалъ онъ, смотря вызывающимъ взглядомъ на унылую красоту зимняго ландшафта.

Къ нему опять вернулось праздничное настроеніе, и онъ бодрымъ шагомъ заковылялъ къ деревнѣ, гдѣ заказалъ старому Фрейвальду водокачку для колодца въ видѣ шестиугольнаго зеленаго домика съ красной крышей и краснымъ шаромъ для увѣнчанія крыши.

— Да, да, конечно, надо все сдѣлать покрасивѣе, — лукаво улыбнулся Фрейвальдъ.—Когда сладишь дѣло?

Онъ подразумѣвалъ свадьбу.

— Думаю, что раньше, чѣмъ скворцы прилетятъ, — отвѣтилъ хромой.

— А ты хорошенько все обсудилъ, Карлъ?—вдругъ спросилъ старикъ. Вмѣсто отвѣта хромой только бросилъ на него гнѣвный взглядъ.

— Ты кровью посватался,—продолжалъ Фрейвальдъ, не смущаясь,—и смотри, какъ бы она не сожрала васъ обоихъ, если ты не смиришь свой нравъ. Вѣдь кровь что огонь. Пока она...

Хромой съ ругательствомъ перешагнулъ черезъ порогъ и ушелъ, не простившись.

Фрейвальдъ задумчиво проводилъ его взглядомъ.

8.

Смертоносная молнія ударяетъ обыкновенно съ яснаго неба, и часто случается, что небольшая невинная тучка, одиноко и спокойно плывущая въ вышинѣ, чуть затемняя для насъ свѣтъ дня, внезапно разражается ливнемъ, гроза бушуетъ съ неистовствомъ проснувшагося среди зноя льва, и въ нѣсколько минутъ цвѣтущая мѣстность превращается въ пустыню. Ни слѣда зелени кругомъ; какъ гигантскія лопаты взрываютъ бѣшеные потоки

почву, обнажая мертвый камень; всѣ дороги залиты водой, всюду лежатъ вырванныя съ корнями деревья; рѣдкая птица, залетающая на мѣсто опустошенія, съ боязливымъ крикомъ спѣшитъ улетѣть прочь. Съ трудомъ отыскиваютъ люди мѣсто, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ колыхался ихъ зрѣющій хлѣбъ; всѣ ихъ надежды рухнули, какъ ихъ жилища; гдѣ раньше радостно трепетало сердце, тамъ они теперь носятъ въ себѣ глухую боль неисцѣлимой раны.

Такая же внезапная гроза опустошила душу Маріи, и отъ всей ея цвѣтущей надежды ничего не осталось, кромѣ глухой боли утраты.

Тщетно старалась она въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ дней спокойно обсудить свое положеніе. При первой же попыткѣ думать объ этомъ тяжелая грусть ложилась на ея сердце, и всякій разъ, когда въ какомъ-нибудь уголкѣ души опять шевелилось мятежное желаніе возстать противъ судьбы и бороться, воспоминаніе о томъ, что было, когда она побѣжала въ Глацъ, снова погружало ее въ унылую апатію. Она даже не задавалась вопросомъ, дѣйствительно ли такъ непоправимо то, что произошло; она только чувствовала себя публично опозоренной, поруганной, почти обезчещенной и ходила совсѣмъ убитая.

Видя ея удрученное состояніе, Венде, наконецъ, самъ предложилъ ей уйти отъ него, если она хочетъ.

— Куда мнѣ итти?—устало отвѣтила она.—Мои братья и сестры всѣ живутъ въ услуженіи, а дядя... Какъ я ему скажу, почему я отъ васъ ушла... Нѣтъ, нѣтъ, хозяинъ, я вижу, что выходъ тутъ только одинъ...

Въ концѣ-концовъ она пришла къ заключенію, что все случившееся съ ней есть испытаніе, посланное ей Богомъ, и, какъ вѣрующая католичка, рѣшила пойти въ воскресенье къ святому причастію и помолиться, чтобы Богъ просвѣтилъ ея разумъ и наставилъ. Вѣдь она знала, что въ святую минуту послѣ причастія Богъ иногда непосредственно вступаетъ въ общеніе съ чистой человѣческой душой.

Она никому не сказала о своемъ намѣреніи. Никто не видѣлъ ея, когда она рано утромъ ушла со двора.

Въ церкви еще было совсѣмъ темно. Холодный сырой воздухъ наполнялъ помѣщеніе, напоминавшее въ темнотѣ большую пещеру; тамъ и сямъ понуро сидѣли молящіеся передъ своими маленькими восковыми свѣчками. Когда ихъ дыханіе бѣлымъ паромъ прорѣзало красный кругъ свѣта, можно было подумать, что это сидятъ передъ кострами усталые бѣглецы и раздуваютъ

крошечное пламя, чтобы согрѣть озябшія руки, которыя лежали блѣдныя, словно окоченѣлыя. Время отъ времени они тихо покашливали, и неподвижные глаза ихъ были похожи на стеклянные шары. Алтарь тоже еще не былъ освѣщенъ; только неугасимая лампада теплилась тамъ за краснымъ стекломъ.

Тяжелая дремота овладѣла Маріей: въ какомъ-то оцѣпенѣніи она опустилась на одну изъ скамеекъ и закрыла лицо руками. Но когда кто-то громко кашлянулъ, она встрепенулась, точно услышавъ зовъ, и пошла въ ризницу, гдѣ находилась исповѣдальня.

Не обращая вниманія на обоихъ служекъ, которые, стоя за раскрытой дверью шкафа, облачались въ свои бѣлыя одежды, Марія подошла къ рѣшеткѣ исповѣдальни и начала читать молитвы изъ своего молитвенника, усердно осѣняя себя крестами. Но пока она смиренно читала про грѣховность человѣческой природы, про слабость людей и ихъ наклонность ко всякой скверне, ей вдругъ показалось, что это пустые звуки, усыпляющіе ея душу своимъ однообразнымъ гуломъ. Все въ ея душѣ было сѣро и сумрачно.

А вѣдь она должна благоговѣйно молиться, если хочетъ, чтобы Богъ помогъ ей въ ея бѣдѣ!...

Въ церкви раздались мягкіе медленные шаги.

„Патеръ идетъ", подумала Марія, и страхъ жгучей волной разлился по ея тѣлу.

Запинаясь, она начала читать молитву передъ исповѣдью:

— „Азъ грѣшница...", — бормотала она и никакъ не могла вспомнить слова дальше.

Между тѣмъ шаги остановились передъ алтаремъ, и, минуту спустя, патеръ Лангеръ торопливо вошелъ въ ризницу и прямо направился къ церковному старостѣ, который долженъ былъ облачить его. Тотъ шепнулъ ему, что кто-то есть въ исповѣдальнѣ, но Лангеръ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ, какъ бы желая сказать, что теперь не время.

— Это служанка, ваше преподобіе. Вы, навѣрное, захотите. Изъ Штейндорфа, кажется,—тихо сообщилъ церковный староста.

Священникъ взглянулъ на Марію. Увидѣвъ ея красоту, онъ подумалъ:

„Ага, опять одна изъ такихъ", и надѣлъ епитрахиль.

Марія опустилась на колѣни передъ рѣшеткой и повернулась лицомъ къ священнику. Опустивъ голову на грудь, тотъ посидѣлъ съ минуту, точно молился, потомъ осѣнилъ дѣвушку большимъ крестомъ.

— „Азъ грѣшница...",—испуганно забормотала она.

Когда она кое-какъ добралась до конца молитвы, половину словъ которой рѣшительно не могла вспомнить, и съ глубокимъ вздохомъ хотѣла начать исповѣдь, Лангеръ потребовалъ съ суровой кротостью:

— Говори громче!

Марія почувствовала въ этихъ словахъ недовѣріе къ себѣ и съ дрожью начала перечислять свои грѣхи. Но чѣмъ больше она говорила, тѣмъ яснѣе чувствовала, что священникъ подумаетъ, будто она утаиваетъ отъ него что-то важное, если она ограничится только тѣми грѣхами, про которые она знала навѣрное, что совершила ихъ. Она вспомнила также, что ни одинъ человѣкъ не знаетъ своей души, и ей вдругъ представилось вполнѣ возможнымъ, что она совершила всѣ, всѣ грѣхи, про которые она когда-либо читала въ наставленіи для исповѣдующихся. Поэтому послѣ краткаго колебанія, во время котораго Лангеръ смотрѣлъ на нее суровымъ взглядомъ, она призналась во всѣхъ человѣческихъ слабостяхъ, какія могла припомнить второпяхъ, призналась въ нихъ, какъ въ собственныхъ проступкахъ, чтобы смягчить священника и заслужить милость у Бога.

Наконецъ, она умолкла въ изнеможеніи и умоляюще устремила глаза на патера, который сбоку смотрѣлъ на нее, блѣдный отъ гнѣва.

— Гмъ... Это все?—спросилъ онъ.

Марія кивнула головой.

Лангеръ выпрямился, словно задыхаясь, и судорожно глотнулъ.

— Седьмая заповѣдь!—сказалъ онъ съ грозной мягкостью.

Марія увидѣла презрѣніе въ его взглядѣ и подумала:

„Все напрасно... Одинъ конецъ—въ воду“.

— Седьмая заповѣдь? Какъ читается седьмая заповѣдь?—продолжалъ Лангеръ, весь дрожа.—„Не прелюбы сотвори“,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, самъ бросивъ эти слова въ ея блѣдное лицо, какъ обвиненіе.—Сколько ему лѣтъ?... Вѣдь не забылась же ты до того, что совратила малолѣтняго?! Отвѣчай! Сколько разъ вы сходились преступно?

Но онъ не получалъ отвѣта. Марія опустила голову; дыханіе священника шевелило ея пышные бѣлокурые волосы, и казалось, что отъ ея безвинной головы исходитъ сіяніе.

— За твои волосы дьяволъ втащилъ тебя въ омутъ сладострастія,—продолжалъ священникъ,—а теперь онъ ожесточаетъ твое сердце стыдомъ, которымъ ты такъ легко пожертвовала ему.

Марія подняла голову и съ минуту неподвижно смотрѣла въ лицо исповѣдника.

— Патеръ,—шепнула она,—я несчастна. Больше ничего. Все остальное неправда.

— Пала, значитъ?—холодно сказалъ онъ, принявъ ея слова за признаніе въ винѣ.—И какъ давно ты носишь подъ сердцемъ плодъ грѣха? То-есть какъ давно чувствуешь его въ себѣ?

Голова Маріи упала на грудь, волосы дрожали отъ біенія сердца. Когда священникъ въ крайнемъ раздраженіи задалъ ей эти два послѣдніе вопроса, онъ услышалъ, какъ что-то упало на полъ, и увидѣлъ, какъ руки дѣвушки судорожно схватились за рѣшетку. Но онъ зналъ этихъ „блудницъ" и не вѣрилъ больше ихъ комедіямъ. Онъ началъ отчитывать Марію, какъ привыкъ отчитывать павшихъ. Онъ забылъ, что находится въ исповѣдальнѣ. Его голосъ гремѣлъ на всю ризницу. Онъ отплевывался, называлъ ее падшей, предсказывалъ ей презрѣнную жизнь на землѣ и вѣчныя муки за гробомъ и, наконецъ, презрительно шмыгнулъ ей отпущеніе грѣховъ, какъ подачку. Держась руками за рѣшетку и полуповиснувъ на нихъ, Марія лежала на колѣняхъ, какъ въ обморокѣ. Она не пошевелилась даже тогда, когда Лангеръ громкими шагами вышелъ изъ ризницы. Только при звонѣ колоколовъ, возвѣщавшемъ начало мессы, она встрепенулась.

Церковный староста подошелъ къ ней. Она все еще стояла на колѣняхъ, но теперь—выпрямившись и не сводила взгляда съ пустого кресла исповѣдника. Староста нѣсколько разъ кашлянулъ, давая ей понять, что ей пора уйти. Ея руки судорожно зашевелились, какъ бы ощупывая рѣшетку.

Старику стало жалко ее.

— Дѣвушка, а дѣвушка!—ласково сказалъ онъ.

Она повернула къ нему лицо, но не встала съ колѣнъ, точно не поняла его.

— Вставай же и иди! Слышишь, ужъ органъ играетъ,—настойчивѣе продолжалъ онъ.

Тогда Марія поднялась съ колѣнъ. Прислонившись къ стѣнѣ, она растерянно смотрѣла на старика.

— Онъ мнѣ вѣдь не отпустилъ грѣхи?—беззвучно спросила она.

— Какъ не отпустилъ. Конечно, отпустилъ. Онъ только всегда такой строгій. Ты не тужи, дѣвушка. Вѣдь есть еще Господь Богъ, а Онъ, можетъ, не такъ строго взглянетъ. Иди же, иди теперь!

Онъ поднялъ съ полу ея молитвенникъ и подалъ ей.

Съ трудомъ, точно раздвигая передъ собою горы, шла Марія по церкви, пробираясь на свое мѣсто. Звуки органа гуломъ отдавались въ ея ушахъ, и ей казалось, что скамейки все ниже и

ниже опускаются передъ ней. Вотъ ихъ спинки уже доходятъ ей только до колѣнъ!... Она торопливо ухватилась за одну изъ нихъ и не столько сѣла, сколько упала на сидѣніе. Сидѣвшіе впереди недовольно оглянулись на нее. Но Марія этого не замѣтила. Твердая мертвая оболочка лежала вокругъ ея души, и все внѣшнее было такъ далеко отъ нея, такъ безразлично. Пѣніе то усиливалось, то замирало; священникъ и служки, какъ тѣни, двигались передъ алтаремъ при свѣтѣ восковыхъ свѣчей и подъ звонъ колокольчика; красные огоньки передъ молящимися словно прыгали взадъ и впередъ по скамейкамъ; а когда канторъ пѣлъ, весь свѣтъ гасъ, и мракъ, полный звуковъ человѣческаго голоса, окружалъ Марію, которая съ равнодушіемъ осужденной все замѣчала, но думала все время лишь одно: „Патеръ, патеръ!"—съ укоризной и жалобой.

Вотъ по звону колокольчика многіе поднялись и тихо пошли къ алтарю. Хотя и сомнѣваясь еще, даровано ли ей отпущеніе, Марія всетаки тоже поднялась, схвативъ правой рукой молитвенникъ, какъ хватаютъ камень, который хотятъ швырнуть, и готовая въ сознаніи своей чистоты хоть силой вырвать у священника Тѣло Господне, если онъ не дастъ ей причастіе добровольно. Спокойная, съ плотно сжатыми губами, наклонила она голову надъ бѣлымъ покрываломъ, судорожно стиснувъ молитвенникъ въ рукахъ. Священникъ медленно приближался къ ней справа.

— *Corpus domini nostri Iesu Christi custodiat animam tuam in vitam aeternam, Amen*,—бормоталъ онъ, кладя облатку въ ротъ причастниковъ, которые, получивъ Святыя Тайны, благоговѣйно склоняли голову.

Маріи казалось, что ея сердце разорвется,—такъ оно билось.

— Господи, помилуй меня! Господи, помилуй меня!—молилась она.

Теперь Лангеръ стоялъ передъ ней.

Неестественно широко раскрыла она ротъ и высунула языкъ, словно мучимая жаждой. Глаза застыли въ неподвижномъ блескѣ, лицо было сурово и алчно, какъ лицо голодной. Священникъ понизилъ голосъ, точно желая ослабить дѣйствіе своего благословенія, и вложилъ облатку ей въ ротъ.

Губы Маріи тотчасъ сомкнулись. Она почти не склонила головы. Стиснувъ зубы, не дыша, поспѣшила она на свое мѣсто и закрыла лицо руками.

Облатка прилипла къ нёбу, она, казалось, разбухала, и чѣмъ усиленнѣе Марія глотала, тѣмъ больше суживалось ея горло.

Ей вспомнился разсказъ о грѣшникѣ, который, подавившись

Тѣломъ Господнимъ, упалъ замертво, точно сраженный невидимой рукой.

— Господи Іисусе,—молилась она, и, наконецъ, въ полномъ отчаяніи, пальцемъ протолкнула облатку въ горло.

Черезъ мгновеніе дивное тепло разлилось по ея тѣлу. Душа пѣла; вмѣсто крови по жиламъ струился жемчужный свѣтъ Съ закрытыми глазами и пылающимъ отъ восторга лицомъ, стояла Марія на колѣняхъ и переживала чудо воплощенія Бога въ ея тѣлѣ.

Органъ уже давно умолкъ. Церковь опустѣла. Только въ дальнемъ углу стояла на колѣняхъ одинокая старушка, читая вполголоса молитвы.

Маріи казалось, что надъ нею, тихо касаясь ея, проносятся длинныя одежды, и, хотя ея глаза были закрыты, она видѣла все.

Святые вышли изъ рамъ и начали ходить по церкви; ихъ длинные кудри приподнимались при каждомъ шагѣ.

Вдругъ стало тихо, совсѣмъ тихо. Святые замерли на мѣстахъ и подняли блѣдныя лица ввысь, прислушиваясь. А издали, изъ безконечной дали, донесся шопотъ, который съ каждой секундой становился все яснѣе.

Господь близится...

Марія услышала Его голосъ, который словно принесли на своихъ крыльяхъ робкіе вѣтры. Онъ былъ дряхлый и слабый отъ безчисленныхъ тысячелѣтій.

— Ступай и слѣдуй за нимъ,—сказалъ этотъ голосъ.

Марія стояла, какъ парализованная. Рокочущій гулъ раздался въ ея ушахъ и постепенно замеръ въ вышинѣ...

Когда она, наконецъ, отважилась поднять голову, подъ сводами церкви уже стоялъ сѣрый свѣтъ утра. Было пусто и сумрачно, какъ всегда. Ничто не указывало, что здѣсь прошелъ Господь.

Святой Іоаннъ усердно писалъ въ своей книгѣ со своей обычной улыбкой, а черная птица у его ногъ косила глаза. Одинъ святой стоялъ, сложивъ руки съ такимъ страдальческимъ видомъ, точно у него болѣло что-то; другой напряженно всматривался вдаль, сложивъ губы, точно хотѣлъ свистнуть.

Удрученно старалась Марія еще нѣкоторое время бороться со своимъ нечестивымъ зрѣніемъ, но когда это не помогло, она поднялась и, печальная, пошла домой.

Въ тотъ же день, слѣдуя Божьему велѣнію, она дала хромому свое согласіе.

Перевела **М. Розенфельдъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Анемоны.

Не теплынью ль вѣетъ, анемоны?
Не Весна ли, вѣтренйцы, въ полѣ
Улыбнулась воздуху и волѣ?
Гнѣзда вьютъ на волнахъ гальціоны,
И святятъ затишье корабли.

Бѣлыми подснѣжниками снѣжной,
Долгозимней нашей Киммеріи
Славя Благовѣщенье Маріи,
Вы въ лугахъ—неуловимо-нѣжный,
Повсемѣстный благовѣстъ Земли.

Алой кровью, памятные крины,
Вы кропите въ Пасху, анемоны,
Масличной Горы святые склоны;
И гробницы-óстовы долины—
„Онъ воскресъ!“—аминятъ вамъ вдали.

Вячеславъ Ивановъ.

КОРМЩИКЪ.

Разсказъ.

I.

Часовая стрѣлка достигла четырехъ, возвѣщая тѣмъ конецъ пріема; но еще одинъ запоздалый проситель, неизвѣстный съ виду человѣчекъ, въ потертой лисьей шубѣ, сидѣлъ на скамейкѣ подъ лампой и ожидалъ своей очереди. Пелымовъ, бывшій въ тотъ день дежурнымъ, подошелъ къ нему.

— Вамъ что угодно?

Проситель поспѣшно вскочилъ.

— Вотъ-съ, пожалуйста, справиться нельзя ли?—заговорилъ онъ визгливо и нѣсколько захлебываясь.—Дѣло по жалобѣ симбирскаго мѣщанина Ефима Кутырева на санктпетербургскаго градоначальника... сдѣлайте милость, ваше...—онъ немного запнулся, очевидно, недоумѣвая, какъ слѣдуетъ величать изящнаго молодого человѣка въ длинномъ, разстегнутомъ на груди, мундирѣ, съ высокимъ краснымъ воротникомъ, на которомъ нашитъ былъ золотой жгутикъ,—ваше высокородіе.

Пелымовъ взялъ у него бумажку съ заглавіемъ дѣла и по витой желѣзной лѣстницѣ поднялся наверхъ въ канцелярію. Здѣсь все было полно народу. За столами у оконъ, гдѣ сидѣли докладчики, составлявшіе привилегированное сословіе въ департаментѣ, и за столами посрединѣ, отданными мелкой сошкѣ, скрипѣли перья и шелестѣла бумага. Чиновники шумно переговаривались между собой. Молодые кандидаты, считывавшіе оригиналы указовъ съ копіями, однозвучной скороговоркой бормотали себѣ подъ носъ. Всѣ эти разнородные звуки покрывалъ рѣзкій, раздражающій нервы стукъ пишущихъ машинъ.

Пока архиваріусъ, маленькій старичокъ, насквозь пропитанный бумажною пылью, наводилъ справку, Пелымовъ остановился за стуломъ своего пріятеля, графа Энгельберга, который, угрюмо и кисло сморщившись, разсматривалъ какое-то дѣло въ синей обложкѣ.

— Опять запутался?—спросилъ Пелымовъ, легонько облокачиваясь на плечи графа.—Въ чемъ бѣда?

— Ничего не понимаю,—обратилъ къ нему графъ свое розовое, пухлое, наивное лицо.—Какой-то харьковскій домовладѣлецъ, и отставной полковникъ при этомъ, жалуется на установленіе городского собачьяго налога и ходатайствуетъ объ его отмѣнѣ, такъ какъ, по его словамъ, собака—это „сторожъ и другъ", а не пустая прихоть. Ну, что я по этому поводу напишу?

— Этакій вздоръ! — засмѣялся Пелымовъ. — Впрочемъ, что нужно писать, я скажу тебѣ послѣ. Пока до свиданія. Помни, что сегодня мы провожаемъ Княжевича.

— Какъ же, какъ же, обязательно! А ты развѣ уже уходишь?

— Ухожу. Отдежурилъ и баста. Благодарю, Ѳома Петровичъ,— сказалъ Пелымовъ архиваріусу, выдавшему справку.—Такъ являйся непремѣнно!—еще разъ крикнулъ онъ графу, пожалъ руки сослуживцамъ и вышелъ.

Въ пріемной, гдѣ было теперь совсѣмъ темно, уныло и холодно, просителя не оказалось. Онъ стоялъ въ коридорѣ и шептался о чемъ-то со старшимъ вахтеромъ, но, завидѣвъ Пелымова, со всѣхъ ногъ бросился ему навстрѣчу.

— Ваше дѣло еще не разсматривалось,—промолвилъ молодой человѣкъ,—и до сихъ поръ даже не поступало къ намъ. Давно ли вы подали жалобу?

— Очень давно-съ. Уже двѣ недѣли.

Пелымовъ снисходительно улыбнулся.

— Въ такой короткій срокъ прошеніе не могло дойти до насъ. Навѣдайтесь мѣсяцевъ черезъ пять.

Проситель горестно всплеснулъ руками.

— Пять мѣсяцевъ!—вскричалъ онъ въ чрезвычайномъ волненіи,—никакъ невозможно. Судите сами, господинъ: если человѣкъ здоровъ, то пускай, а хворому да немощному и десять дней выдержать трудно. Помретъ, не дай Богъ. Лучше ужъ намъ всѣмъ сразу живота рѣшиться.

— Погодите, постойте,—остановилъ его Пелымовъ,—я ровно ничего не понимаю... Кто умретъ? На что, собственно, вы жалуетесь?

— Да онъ же самъ и помретъ, Ефимъ Кутырёвъ. Онъ къ нѣжному существованію привыкъ. А тутъ вдругъ сыщики, полиція; ночью разбудили больного человѣка. Самого взяли, книги взяли, вещи кой-какія, стихарь да подрясникъ. И сидитъ теперь нашъ кормилецъ тамъ, гдѣ, я чай, и солнышка не видно. Будьте добры, господинъ, разсмотрите.

— Мы здѣсь ничего не можемъ подѣлать,—сказалъ Пелымовъ, пожимая плечами,—обратитесь въ департаментъ полиціи или, если угодно, къ министру внутреннихъ дѣлъ, изложите тамъ ваши соображенія. А мы не имѣемъ права ускорять ради васъ однихъ ходъ дѣлопроизводства... Да кто у васъ арестованъ?

— Я же говорю: Ефимъ Кутыревъ, родственникъ нашъ, какъ бы домашній. Хворый, говорю, человѣкъ. Неправедно то сдѣлано, господинъ. Всѣ мы вѣры церковной, какъ слѣдуетъ—попа зовемъ, причащаемся, говѣемъ, все по правилу. А что книги Писанія на дому держимъ, такъ нѣтъ того въ законѣ, чтобы не держать книгъ. И рубашки вотъ тоже отобрали, только спаленныя то рубашки, а не радѣльныя, хоть помереть.

— Да, да, обратитесь къ министру,—прервалъ Пелымовъ эту уторопленную, захлебывающуюся рѣчь.

Ему нужно было спѣшить, но отъ просителя оказалось не такъ-то легко отдѣлаться.

— Всюду обращались, господинъ. Рублей, можетъ, пятьсотъ кровопійцамъ переплатили. Все безъ пользы. Кромѣ васъ, помочь некому, господинъ. Вашъ папаша, доподлинно это извѣстно, могущественнѣйшее и знаменитѣйшее лицо. Можно сказать, государственный умъ.

Пелымовъ, которому не однажды случалось выслушивать подобныя просьбы, досадливо сморщился: „Вѣчно эти прохвосты наболтаютъ лишнее, чортъ ихъ дери“, мысленно выругалъ онъ курьеровъ и сухо отвѣтилъ просителю, такъ и плясавшему передъ нимъ:

— Мой отецъ здѣсь ни при чемъ, а я самъ только начинаю службу и помочь вамъ не могу. Обратитесь къ министру.

— Господинъ, разсудите, войдите въ положеніе!—взвизгнулъ проситель, но Пелымовъ съ нетерпѣніемъ отмахнулся отъ него и ушелъ въ мундирную, чтобы переодѣться.

Уже стемнѣло. На дворѣ кружилась метель, и вѣтеръ звенѣлъ въ телеграфныхъ проводахъ. Едва перешагнувъ черезъ порогъ, Пелымовъ былъ охваченъ морознымъ вихремъ.

— Извозчикъ, подавай!—позвалъ онъ, едва различая очертанія конской головы въ снѣжномъ сумракѣ передъ собою.

— Подавай!—раздался гдѣ-то рядомъ знакомый визгливый голосъ.—Извольте садиться, господинъ, вотъ здѣсь, вотъ здѣсь, ножкой не оступитесь. Скользко ужъ очень.

Откуда-то взявшійся давешній проситель посадилъ Пелымова въ сани и крикнулъ кучеру: „Пошелъ!“ раньше, чѣмъ молодой человѣкъ успѣлъ отстранить непрошенную помощь.

Виктору Пелымову было двадцать три года. Учрежденіе, въ которомъ онъ служилъ, не принадлежало къ числу самыхъ шикарныхъ, но зато оставляло много свободнаго времени, а ему только того и хотѣлось. Онъ былъ изрядно лѣнивъ, больше всего на свѣтѣ любилъ балетъ и музыку и службу продолжалъ, лишь уступая настойчивому желанію отца. Онъ велъ разсѣянное существованіе въ кругу гвардейскихъ офицеровъ и своихъ товарищей по Училищу Правовѣдѣнія, стараясь развлекаться, какъ только могъ. Жизнь давалась ему легко. Онъ былъ богатъ, недуренъ собою и обладалъ счастливымъ, беззаботнымъ характеромъ.

Въ тотъ вечеръ у него оказалось довольно много дѣлъ. Нужно было заѣхать къ куафёру, затѣмъ къ портному и, кромѣ того, сдѣлать нѣсколько скучныхъ, хотя совершенно необходимыхъ, визитовъ. Но, къ счастію, сани неслись, какъ стрѣла. Въ какой-нибудь часъ съ небольшимъ Пелымовъ со всѣмъ благополучно покончилъ и вернулся къ себѣ домой.

— Ну, спасибо, хорошо довезъ,—сказалъ онъ, вылѣзая изъ саней.—А я и не зналъ, братецъ, что ты лихачъ.

Онъ протянулъ кучеру деньги, но тотъ вдругъ какъ-то замялся.

— Что такое?—спросилъ Пелымовъ,—или мало?

— Никакъ нѣтъ-съ,—кучеръ смущенно приподнялъ шапку.—Очень благодарны. Только намъ строго-настрого запрещено брать.

— Запрещено? Да ты бредишь, пріятель!

— Запрещено-съ. У насъ такое заведеніе.

— Какое еще тамъ заведеніе. Развѣ ты не извозчикъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Собственные мы. Отъ купчихи Крутозобовой.

Пелымовъ не могъ скрыть своего удивленія.

— Крутозобовой? Да чего же ради ты подавалъ мнѣ, болванъ?

— Макутинъ велѣлъ, приказчикъ ихній. Онъ и подсаживалъ васъ.

Только тутъ Пелымовъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Передай своему Макутину,—сказалъ онъ гнѣвно,—что я не люблю, когда со мною устраиваютъ такіе фокусы. Я звалъ простого извозчика, а твоей купчихи не знаю и не желаю знать.

Онъ съ досадой швырнулъ деньги въ полость саней и сталъ подыматься по лѣстницѣ.

Направляясь къ себѣ въ комнату, чтобы переодѣться, Пелымовъ заглянулъ мимоходомъ въ огромную мрачную столовую, посреди которой его отецъ обѣдалъ въ величавомъ одиноче-

ствѣ. Старикъ Пелымовъ былъ раздраженъ и недоволенъ, что постоянно случалось съ нимъ въ дни засѣданій Совѣта, гдѣ, какъ онъ думалъ, недостаточно цѣнили его государственныя заслуги и опытность.

— Ты куда, Викторъ?—спросилъ онъ по обычаю своему въ носъ и слегка картавя.

— Къ Эрнесту... Василій Княжевичъ, мой товарищъ по выпуску, уѣзжаетъ за границу, надолго. Надо проводить его.

Произнося эти слова, младшій Пелымовъ чувствовалъ себя какъ бы виноватымъ. Ощущеніе неловкости неизмѣнно появлялось у него въ присутствіи отца. Это былъ остатокъ дѣтскаго страха передъ бездушной, непреклонной, придирчивой строгостью, которая хотя и не проявлялась никогда въ наказаніяхъ или грубыхъ окрикахъ, однако бросила печальную тѣнь на всю раннюю пору жизни Виктора.

Старикъ брезгливо сморщился.

— Княжевичъ... Княжевичъ пустой барабанъ; его въ архивъ, въ архивъ давно пора, а не управлять министерствами.

— Что вы! Какими министерствами? Вѣдь онъ и не служитъ вовсе.

— Я не про мальчишку говорю, а про отца его... пустой барабанъ... Тамъ тебя какой-то субъектъ дожидается,—прибавилъ онъ вдругъ,—проходимецъ какой-то. Онъ и со мной порывался разговаривать, но я ему сказалъ, что въ твои дѣла не мѣшаюсь. Кто это такой?

— Не знаю, право. Мнѣ ничего не говорили.

— Пойди и узнай.

Викторъ вышелъ въ людскую, готовясь увидѣться съ однимъ изъ своихъ многочисленныхъ кредиторовъ, но, къ немалому изумленію, встрѣтилъ того же Макутина, для котораго днемъ наводилъ справку.

— Вы опять ко мнѣ лѣзете?—спросилъ онъ, собираясь вспылить, но вмѣсто того расхохотался.—Чего вы добиваетесь отъ меня, смѣшной человѣкъ? Вѣдь я уже двадцать разъ повторялъ вамъ, что ничего не могу подѣлать.

— На васъ, господинъ, все упованіе,—промолвилъ Макутинъ убѣжденно.—Будьте милосердны, вникните. Всѣмъ гибель приходитъ. Ужъ я и папашѣ вашему докладывалъ. Но они только ручкой махнули: иди, дескать, къ сыну, къ вамъ то-есть. Будьте благодѣтель.

Лишь теперь, при яркомъ свѣтѣ электрической лампы, Пелымовъ разглядѣлъ, какъ слѣдуетъ, своего упорнаго преслѣдова-

теля. Это былъ неопредѣленныхъ лѣтъ мужчина, рябой, курносый, съ острыми, бѣгающими глазками. Борода росла кустиками на его лицѣ, сморщенномъ и словно судорогою сведенномъ къ носу, какъ къ центру. Все его тѣло находилось въ безпокойномъ, порывистомъ движеніи. Можно было подумать, что кто-то невидимый, но грозный, подгоняетъ и торопитъ его, не давая ни минуты на передышку.

— Снизойдите,—тараторилъ Макутинъ.—Все у васъ въ кулакѣ. Не дай Богъ помретъ. Тамъ у нихъ нечистота, стѣсненіе. Вы только слово скажите, все исполнится. Тетенька у васъ великой силы женщина. У ней митрополитъ бываетъ, и всѣ синодскіе по струнѣ ходятъ.

— Послушайте,—сказалъ Пелымовъ, полусмѣясь, полусердито.—Пожалуйста, оставьте меня и моихъ родныхъ въ покоѣ. Помочь вамъ я не въ силахъ, понимаете ли: не въ си-лахъ. Дѣйствуйте законнымъ порядкомъ.

— Да какой же законный порядокъ, когда одно беззаконіе?— отчаяннымъ воплемъ вырвалось у Макутина.

Но Пелымовъ не желалъ долѣе его слушать.

— Семенъ, проводи этого господина,—крикнулъ онъ лакею.— А вы, почтеннѣйшій, сдѣлайте милость, не подсовывайте мнѣ впередъ лошадей госпожи Крутозобовой. Я въ нихъ не нуждаюсь.

Макутинъ болѣе не возражалъ и удалился съ низкими поклонами. Но если бы полчаса спустя Пелымовъ, ѣхавшій къ Эрнесту, далъ себѣ трудъ обернуться, онъ увидѣлъ бы, что крутозобовскій рысакъ несется по его слѣдамъ.

II.

Обѣдъ затянулся до поздняго часа. Потомъ всей компаніей поѣхали на вокзалъ, гдѣ снова пили шампанское. Наконецъ, Княжевичъ, напутствуемый шумными пожеланіями, сѣлъ въ вагонъ, поѣздъ двинулся, и провожавшіе стали расходиться. Пелымовъ вышелъ подъ руку съ графомъ Энгельбергомъ, который сильно пошатывался. Время близилось къ полуночи.

— Нѣтъ, ты поѣзжай со мной,—твердилъ графъ, теребя Пелымова за рукавъ. — Ты поѣзжай, я тебя познакомлю. Божественная женщина. Какой характеръ... босоножка... т-танцуетъ, какъ Дунканъ.

Пелымовъ отнѣкивался:

— Да какъ же мы поѣдемъ въ такой часъ? Неловко всетаки.

— Пустяки. Вздоръ. Фантасмагорія. Она артистка, а мы почитатели. Цинцинаты, или то-есть меценаты. Я тебя представлю.

— Послушай, мой милый, вѣдь это ты ея цинцинатъ, а не я. Мнѣ обидно покажется.

— Почему обидно? Не понимаю. Тамъ подруги; куча подругъ; эскадронъ.

— На Петербургскую,—крикнулъ графъ неистовымъ голосомъ, кое-какъ застегивая полость саней, но тутъ же размякъ и всю дорогу только сопѣлъ носомъ.

Пелымовъ, у котораго отъ вина началась было мигрень, полной грудью вдыхалъ морозный воздухъ и, закинувъ голову кверху, смотрѣлъ на небо. Метель давно прошла, тучи порѣдѣли, луна брезжила сквозь нихъ мутнымъ, бѣлёсимъ пятномъ.

Внезапно Пелымову слѣлалось скучно. Онъ заранѣе предвидѣлъ все, что должно было случиться сегодня: опять шампанское, ликеры, пѣніе какихъ-нибудь дурацкихъ куплетовъ подъ рояль, глупыя женщины, безпокойный вочлегъ на чужой постели. Какая тоска!

Онъ завидовалъ Княжевичу, уѣхавшему въ Парижъ изучать скульптуру, завидовалъ кучеру графа Энгельберга, бородатому мужику, до страсти любившему лошадей, готовъ былъ позавидовать самому графу, мирно дремавшему, уткнувшись въ бобровый воротникъ. Онъ—Пелымовъ—не имѣлъ никакой цѣли передъ собою, ни къ чему не былъ сильно привязанъ, ни къ чему не стремился, и къ тому же хмель у него былъ тяжелый и грустный.

Они переѣзжали Тучковъ мостъ. Графъ очнулся и назвалъ улицу. Кони пошли быстрѣе.

— Однако здѣсь порядочная глушь,—сказалъ Пелымовъ, окидывая взоромъ небольшіе деревянные домики, большею частью изъ барочнаго лѣса, кое-гдѣ окруженные садами.—И выбрала же твоя босоножка мѣсто, чтобы поселиться.

— Провинція,—отвѣчалъ графъ мечтательно,—я это люблю; тихая жизнь; простые люди... Стой, стой здѣсь!—закричалъ онъ вдругъ.—Вотъ тутъ, у фонаря.

Сани остановились.

— Что же это такое?—спросилъ Пелымовъ, указывая на безконечно длинный дощатый заборъ, надъ которымъ поднимались древесныя вѣтви, опушенныя снѣгомъ.—Куда ты меня завезъ, несчастный?

— Молчи, чш!...—зашипѣлъ на него графъ.—Строжайшая тайна. Эта женщина есть женщина. Она живетъ на содержаніи у дисконтера.

— И что же отсюда слѣдуетъ?

— Какъ что? Если онъ сейчасъ сидитъ съ нею, мы погубимъ ее своимъ появленіемъ. Я долженъ пойти на развѣдки.

— Но вѣдь это безобразіе,—сказалъ Пелымовъ ворчливо.—Ни за что бы не поѣхалъ съ тобою, если бы зналъ, что такъ выйдетъ.

— Тс... тс... безъ возраженій!

Графъ выбрался изъ саней и побѣжалъ, махая руками для равновѣсія.

— Подожди, куда ты, безумная голова?—попробовалъ остановить его Пелымовъ, но графъ уже исчезъ за угломъ.

— Чортъ знаетъ что за ерунда,—выбранился Викторъ.—Нужно, однако, пойти за нимъ, а то онъ скандалу надѣлаетъ или свалится чего добраго.

Онъ велѣлъ кучеру подождать, а самъ направился по слѣдамъ, оставленнымъ высокими валеными калошами графа. Но слѣды прекращались тутъ же, на деревянныхъ мосткахъ. Улица, насколько хваталъ глазъ, была пустынна. Керосиновые фонари слабо освѣщали ее.

— Энгельбергъ!—закричалъ Пелымовъ,—Энгельбергъ, гдѣ ты?

Отвѣта не было. Лишь собака хрипло протявкала въ отдаленіи. Молодой человѣкъ прошелся еще разъ отъ одного угла до другого.

„Удивительное мѣсто,—сказалъ онъ самому себѣ.—Даже дворниковъ не видать. Совсѣмъ мертвый городъ“.

Внезапно звонкая дѣвичья рѣчь раздалась у него за спиною:

— Ахъ, вотъ вы гдѣ, а я-то, глупая, около саней васъ ищу.

Пелымовъ съ живостью обернулся. Передъ нимъ стояла невысокаго роста дѣвушка въ шубкѣ, кое-какъ наброшенной на плечи. Два темныхъ глаза сверкали изъ-подъ ковроваго платка.

— Васъ... васъ прислали за мною?—спросилъ Викторъ съ нѣкоторой запинкой. Онъ полагалъ, что видитъ передъ собою горничную, но не былъ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ.

„Быть можетъ, она изъ этихъ... изъ подругъ“,—мелькнуло у него въ головѣ.

— Да, просили пожаловать.

Слѣдуя за своей проводницей, Пелымовъ вошелъ въ калитку, имъ ранѣе не замѣченную, и пересѣкъ обширный, весь заставленный дровяными штабелями дворъ. Дѣвушка шла быстро и съ необыкновенной легкостью пробиралась между кучами обледенѣвшаго снѣга. Викторъ насилу поспѣвалъ за нею, путаясь въ своей длинной дохѣ. Итти пришлось довольно долго. Наконецъ, они достигли дома. Замерзлая дверь отворилась передъ ними со скрипомъ.

— Осторожнѣе, здѣсь ничего не видать,—крикнула дѣвушка.

Дѣйствительно, это была, повидимому, черная лѣстница, и тьма стояла на ней, какъ въ погребѣ. Пелымовъ началъ подыматься, ощупью отыскивая перила, но на первой же ступени споткнулся.

— Ну, какой вы!—прозвучалъ впереди насмѣшливый голосъ.— Давайте, я васъ поддержу.

Она протянула ему руку, безъ перчатки и, однако, горячую, несмотря на морозъ.

„Нѣтъ, это не горничная, — размышлялъ Пелымовъ, увлекаемый куда-то вверхъ, куда, онъ и самъ не зналъ.—Кисть у нея маленькая и холеная“.

— Послушайте,—сказалъ онъ громко,—какъ васъ зовутъ?

— Зовутъ разно... Иные кличутъ Оленькой.

— И я тоже могу звать васъ Оленькой?

Она посмѣивалась лукавымъ, серебристымъ смѣшкомъ, который подзадоривалъ Виктора.

— Пожалуй, зовите, какъ знаете. Запрета нѣтъ.

Они дошли до верхней площадки и остановились, окутанные черной, какъ смола, темнотой. Пелымовъ попрежнему держалъ въ своихъ рукахъ руку Оленьки, которая сдѣлала легкую попытку освободиться.

— Вотъ мы и пришли. Пустите же.

Не отвѣчая, онъ придвинулся ближе и вдругъ, отчасти неожиданно для самого себя, обнялъ ее. Благоуханіе, исходившее отъ ея волосъ, обвѣяло его ноздри. Ему показалось, что онъ чувствуетъ запахъ ладана.

„Какъ странно“, подумалъ онъ.

Обнявшись, простояли они нѣсколько мгновеній молча. Пелымовъ искалъ губами лицо Оленьки, но не могъ найти. Вдругъ дѣвушка вьюномъ выскользнула изъ его объятій и, расхохотавшись громко и хмельно, какъ русалка, юркнула въ двери. Онъ устремился за нею, но не догналъ и очутился одинъ въ полутемной передней.

— Оля, подождите, Оля!—кричалъ онъ.

— Она сейчасъ выйдетъ, не извольте безпокоиться,—раздался надъ ухомъ Виктора голосъ, заставившій его вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Пожаловали-таки къ намъ, господинъ. Исполнилъ Вседержитель моленія наши. Милости просимъ сюда, въ горенку.

— Макутинъ!—вскричалъ Пелымовъ въ совершенномъ недоумѣніи,—опять Макутинъ! Что это за волшебство такое, наконецъ!

Онъ до того былъ ошеломленъ, что, не возражая, позволилъ снять съ себя доху и покорно направился въ указанную ему „горенку“—небольшую комнату, единственной мебелью которой служилъ старинный, обитый кожею диванъ, шедшій отъ стѣнки до стѣнки. Яркія лампады пылали въ углу передъ кіотомъ. Другого свѣта въ комнатѣ не было.

— Обождите здѣсь,—промолвилъ Макутинъ и скрылся. Пелымовъ нѣсколько разъ сильно тряхнулъ головой, какъ бы для того, чтобы сбросить отяготѣвшій надъ нимъ кошмаръ.

„Но вѣдь это вздоръ, — подумалъ онъ „какая-то глупая и наглая мистификація. Я покажу имъ, что значитъ меня дурачить“. Онъ рѣшительными шагами направился къ двери, но тутъ вошла Оленька, и все раздраженіе его тотчасъ исчезло.

— Садитесь,—сказала Оленька негромко и сама сѣла первая. Никакихъ слѣдовъ давешняго задорнаго смѣха не видно было на ея лицѣ, которое казалось теперь глубоко сосредоточеннымъ и степеннымъ. Ощущая непонятное волненіе, Пелымовъ жадными глазами впился въ дѣвушку. Была ли она красива? Трудно сказать. Есть такія лица... Иной разъ посмотришь, все готовъ кинуть, отъ всего отказаться, честь и совѣсть продать, душу заложить и все, что есть дорогого въ жизни, бросить къ ея ногамъ: подари хоть взглядомъ! Да что взглядъ! Живи и радуйся, красавица, а я однимъ сознаніемъ, что радости твоей способствовалъ, буду до смерти счастливъ. А иногда, ничего кажется нѣтъ особеннаго: обыкновенное дѣвичье круглое лицо съ немного широкими скулами да съ черными бархатными бровями.

Мигъ одинъ длилось молчаніе, и вотъ словно что-то невыразимое произошло между сидѣвшими; отъ одного сообщилось другому; какъ тенетами ихъ обоихъ опутало быстро и неотвратимо. Оленька взяла руку Виктора и положила себѣ на грудь.

— Такъ выручишь Ефимушку,—шепнула она.—Обѣщаешь?

— А кто онъ такой, что всѣ вы такъ за него безпокоитесь?—спросилъ Пелымовъ тоже почему-то шопотомъ.

— Кормщикъ онъ. Вожатый нашъ. Имъ спасаемся. Выручи. Ты знатный человѣкъ. Ты можешь.

И обняла, ухватилась жаркими руками за его шею. Смотрятъ въ упоръ два огромные глаза, а за ними будто темная бездна мерцаетъ, гдѣ разныя чудища и дива таятся, грозу, и муку, и несказанную утѣху обѣщаютъ.

Странное дѣло: Викторъ былъ судьбою избалованъ и много женской любви продажной и непродажной успѣлъ испытать, несмотря на молодые годы. Все стало, наконецъ, тошно, все надо-

ѣло, и женщина уже представлялась скучной игрушкой, годной только на утѣху глупцамъ. А вотъ здѣсь совсѣмъ простая дѣвушка, по виду мѣщанка какая-то, которая ни одѣться какъ должно, ни разговаривать не умѣетъ и которую видѣть-то приходится впервые, такъ вдругъ околдовала, привлекла и заворожила, что, мнится, нѣтъ ничего въ мірѣ слаще и въ то же время святѣе, чѣмъ этотъ взоръ, эти объятія. Ужъ забылъ Викторъ обо всемъ на свѣтѣ, самъ цѣлуетъ, и шепчетъ нѣжные посулы, и обѣщаетъ непремѣнно освободить кормщика. Оленька слушаетъ его и улыбается ласково и грустно.

Осторожный, но внушительный стукъ раздался за дверью, и на порогѣ выросъ Макутинъ.

— Пожалуйте чай пить.

— Нужно итти,—промолвила Оленька и пошла впереди, показывая дорогу. Нелымову казалось, что онъ спитъ. Черезъ залу, уставленную фикусами и филодендронами, его провели въ столовую, гдѣ кипѣлъ самоваръ, и буфетъ краснаго дерева, громадный словно утесъ, возвышался между горкой съ серебромъ и горкой съ фарфоромъ. Женщины, молодыя и старыя, низко кланялись Нелымову. Онъ былъ, какъ въ столбнякѣ, и машинально отвѣчалъ на привѣтствія. Въ глаза ему бросилась какая-то горбунья съ черными зубами и съ круглымъ, какъ сковородка, чепцомъ на островерхой головѣ. „Навѣрно по злости настоящій демонъ“, подумалось отчего-то молодому человѣку. Отличилъ онъ еще одну женщину, молодую и недурную собой, но одержимую ужаснымъ первическимъ тикомъ, отъ котораго сотрясалось все ея тѣло, и руки ходили ходуномъ. Всѣ же прочія лица слились передъ нимъ въ одно,—некрасивое, блѣдное, одутловатое, съ тупымъ, непріятнымъ выраженіемъ глазъ.

Вышла хозяйка,—Викторъ догадался, что это и есть Крутозобова,—высокая, прямая, суровая на видъ старуха въ темномъ головномъ платкѣ, и попросила дорогого гостя садиться. Тотъ сѣлъ, чувствуя себя какъ бы военноплѣннымъ. Всѣ женщины также усѣлись вокругъ стола. Одинъ Макутинъ продолжалъ почтительно стоять у притолки.

— Слышали мы,—сказала старуха,—что вы хотите оказать намъ благодѣяніе,—освободить нашего... родственника. Большое вамъ спасибо.

Нелымовъ намѣревался было возразить, но лицо Оленьки мелькнуло въ темной рамѣ дверей напротивъ, и слова замерли у него на губахъ. Тѣмъ временемъ Крутозобова начала подробно и толково разсказывать всѣ обстоятельства дѣла. Ефимъ Куты-

ревъ, приходившійся дальней родней ея покойному мужу, проживалъ здѣсь, въ Петербургѣ, у нея на квартирѣ уже второй годъ. Человѣкъ онъ смирный и безусловно надежный, великій къ тому же начетчикъ въ Писаніи, но больной—хвораетъ припадками (она такъ и сказала „припадками", не пояснивъ какими). Тайныхъ ученій онъ не исповѣдывалъ, расколовъ не заводилъ, всегда былъ самымъ богомольнымъ прихожаниномъ въ околоткѣ. Но, дѣйствительно, иногда читалъ онъ здѣсь, въ молельной, по ночамъ часословъ, причемъ надѣвалъ стихарь. Никакого преступленія въ этомъ нѣтъ, а если и есть малая вина, то совершилась она безъ всякаго злого умысла, по невѣдѣнію. Но вотъ двѣ недѣли назадъ явилась ночью въ домъ полиція, всѣхъ до полусмерти перепугала и осрамила. Полицейскій чиновникъ отобралъ книги, дозволенныя книги, все синодальной печати, кое-что изъ платья и всѣ рукописныя тетрадки, какія только нашлись, а самого Кутырева, которому по болѣзни нужно, не вставая, лежать въ постели, гонители посадили въ карету и увезли. Находится онъ, какъ доподлинно извѣстно, въ Литовскомъ замкѣ. За устройство неразрѣшенныхъ молитвенныхъ собраній и за совращеніе православныхъ приговоренъ къ трехмѣсячному заключенію и къ высылкѣ. А никакихъ собраній не было, и приходили только свои. „Ефимъ Петровичъ, какъ сказываютъ, въ тюрьмѣ сильно кашляетъ и, если не выпустятъ его въ скорости, можетъ очень просто помереть. На васъ вся надежда, сударь", закончила Крутозобова свой разсказъ и смолкла. Нѣкоторыя изъ слушательницъ всхлипывали.

— Заступитесь,—простонала женщина съ тикомъ,—отмолимъ за то вашу душеньку!

Ничего не отвѣчая, Пелымовъ размышлялъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Для него было ясно, что онъ имѣетъ дѣло съ сектантами, но, повидимому, секта была безобидная, и гоненія на нее врядъ ли вызывались серьезными причинами. Если это такъ, и за Кутыревымъ не числится никакихъ уголовныхъ дѣлъ, его довольно легко можно будетъ освободить при помощи тетушки Ирины Михайловны, пользующейся большимъ вліяніемъ въ извѣстныхъ кругахъ.

Обѣщавъ сдѣлать все, что только будетъ въ его силахъ, молодой человѣкъ сталъ прощаться, осыпаемый общими благословеніями. Впрочемъ, того слова благодарности, которое единственно могло быть ему пріятно, онъ не дождался въ этотъ вечеръ: Оленька не показывалась. Еще разъ повторивъ обѣщаніе похлопотать, Пелымовъ удалился въ сопровожденіи Макутина.

— А гдѣ графъ Энгельбергъ?—спросилъ Викторъ, выйдя на крыльцо.—Что съ нимъ? И какимъ образомъ все это случилось?

— Господь перстомъ своимъ васъ направилъ,—сказалъ Макутинъ съ хитрой ужимкой,—и вы своей волей къ нашему порогу прибыли. Все по молитвѣ-съ. А за графа не извольте безпокоиться. Они тутъ—въ домѣ напротивъ обрѣтаются, у танцорки Мѣшочкиной, которая на театрѣ Браницкой зовется. Въ полномъ, можно сказать, здоровьѣ.

„Чортъ побери, все-то онъ знаетъ,—подумалъ Пелымовъ,—инквизиторъ какой-то“.

Имъ овладѣла усталость, какъ будто онъ совершилъ въ эти часы тяжкую мускульную работу. Глаза смыкались, мысли застилало туманомъ, и сладкая судорога сжимала горло. Онъ шепталъ: Оленька.

III.

На другое утро Викторъ проснулся поздно и нѣкоторое время сидѣлъ на постели въ совершенномъ недоумѣніи.

„Пьянъ я былъ, что ли?—спрашивалъ онъ себя.—Глупостей ужасныхъ натворилъ, наобѣщалъ Богъ знаетъ чего“.

Тутъ вспомнилъ онъ Оленьку, и, какъ вчера, мучительно блаженная истома объяла душу. Прямо колдовство какое-то.

„Нѣтъ, это былъ сонъ,—боролся съ собою Викторъ.—Вульгарное, нелѣпое, отвратительное приключеніе, кажущееся не совсѣмъ обыкновеннымъ по причинѣ лишняго бокала“.

Но мысль настойчиво устремлялась къ минутамъ волшебнаго самозабвенія тамъ, „въ горенкѣ“, и жарко становилось на сердцѣ, и больно, словно впивалось въ него тонкое, сладко ранящее остріе. Порою онъ готовъ былъ думать, что вчера ровно ничего не происходило, кромѣ питья шампанскаго и ѣзды по морозу. Но сомнѣнія такого рода должны были скоро исчезнуть, такъ какъ слуга доложилъ, что пришелъ и уже полчаса дожидается „вчерашній человѣкъ“. Пелымовъ накинулъ халатъ и велѣлъ впустить.

— Здравія желаю, какъ почивать изволили?—тонкой фистулой прозвучало привѣтствіе Макутина.—А я къ вамъ, господинъ: торопиться нужно, спѣшить до ужасти, а то поздно будетъ. Ужъ вы извините, что я привязался, словно клещъ. Минуточки терять невозможно.

Сегодня Макутинъ держался гораздо свободнѣе и развязнѣе, чѣмъ наканунѣ. Суматошливая, отчаянная торопливость оставила

его. Теперь онъ высматривалъ коварнымъ заговорщикомъ, увѣреннымъ въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія, и чуть не подмигивалъ Пелымову.

— Вотъ что, — началъ онъ дѣловитой скороговоркой, лишь только вышелъ впускавшій его лакей.—Ольга кланяться велѣла. Проситъ: побывайте, молъ, къ намъ. Всегда рады.

Щеки Пелымова вспыхнули:

— Спасибо, я заѣду, непремѣнно... сегодня же; мнѣ надо еще кое-что узнать... разспросить. Вчера такъ торопились.

— Заѣзжайте, заѣзжайте, господинъ,—подхватилъ Макутинъ.— Все сообщимъ. Только еще разъ скажу: ждать, съ Кутыревымъ то-есть, никакъ нельзя. Гнать нужно и въ хвостъ, и въ гриву.

Онъ исчезъ, и Пелымовъ началъ одѣваться.

„Э, была не была,—повторялъ онъ,—пусть все это глупо, но зато по крайней мѣрѣ забавно, необычно, увлекательно, а это самое главное“.

Въ тотъ день ему не сидѣлось въ должности. Онъ заглянулъ въ департаментъ только для того, чтобы подтрунить надъ графомъ Энгельбергомъ. Графъ имѣлъ очень помятый видъ и ничего не могъ припомнить изъ событій минувшей ночи. Итти къ Оленькѣ казалось еще рано. Пелымовъ пошелъ бродить куда глаза глядятъ, но очень скоро очутился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начались вчера его похожденія. Двухъэтажный, крутозобовскій домъ главнымъ фасадомъ выходилъ на боковую улицу. Окна были темны, и не представлялось возможнымъ что-нибудь разглядѣть за ихъ мутными стеклами. Пелымовъ нерѣшительно позвонилъ. Его впустили сразу, какъ хорошаго знакомаго, и, не спрашивая, чего онъ хочетъ, провели въ гостиную. Онъ внимательно осмотрѣлся. Конечно, на этотъ разъ онъ вовсе не былъ пьянъ и потому могъ удостовѣриться, что его окружаетъ самая подлинная дѣйствительность. Горбунья въ чепцѣ заглянула въ дверь и тотчасъ же скрылась. Далеко по дому разнесся ея свистящій шопотъ:

— Иди, что ли, Ольга, гость къ тебѣ.

Легкіе шаги раздались въ сосѣдней комнатѣ. Пелымовъ узналъ ихъ и невольно затрепеталъ. Его дыханіе остановилось. Онъ поднялся съ жесткаго кресла и ждалъ, едва преодолѣвая волненіе.

Оленька вошла. Она была въ своемъ вчерашнемъ простомъ, сѣромъ платьѣ, но волосы, наканунѣ убранные узломъ, заплетены были въ двѣ косы и, переброшенные черезъ плечо, свисали впереди, какъ сытыя, тяжелыя змѣи. Лицо ея вновь глубоко по-

разило Виктора. Вовсе не было оно безупречно правильнымъ или какимъ-нибудь необыкновенно прекраснымъ. Наоборотъ, что-то простоватое, почти деревенское проглядывало въ выраженіи. Вдобавокъ щеки казались черезчуръ бѣлы, совсѣмъ безъ румянца. Хворость какая-то чудилась за ихъ полупрозрачною бѣлизной. А вошла, заговорила грудным, мягкимъ голосомъ, и вотъ Викторъ опять въ ея власти. Куда дѣвалась высокомѣрная насмѣшливость, и благоразуміе, и способность тонко разбираться въ собственныхъ чувствахъ. Все исчезло, растаяло, словно снѣгъ возлѣ костра.

Только теперь разглядѣлъ онъ, что глаза у Оленьки по-настоящему не черные, а темно-темно-сѣрые, печальные и любящіе, будто материнскіе, какіе у дѣвушекъ бываютъ рѣдко.

— Здравствуй,—сказала она и протянула обѣ руки.—Хорошо, что пришелъ. Я и то ожидала.

— Да... мнѣ нужно... еще справиться. Подробности всегда самое главное,—бормоталъ онъ, не зная, что сказать и тяжко переводя духъ.

— Сегодня, что ли, просить будешь?

— Сегодня,—какъ-то само собой вырвалось у него.

— Смотри, обѣщалъ. Ну, ступай за мною.

Она провела его сквозь рядъ тѣсныхъ и слабо освѣщенныхъ комнатъ въ образную. Иконостасъ занималъ здѣсь двѣ стѣны. Золото ризъ, жемчугъ, самоцвѣтные камни сверкнули въ глаза Пелымову. Подъ иконостасомъ висѣли плетеныя лѣстовки, а также богато вышитый воздухъ. Оленька взяла одинъ образъ и протянула его Виктору.

— Поклянешься?

— Къ чему это. Я и безъ клятвы...

— Нѣтъ, нужно. Кто на этой иконѣ присягнетъ, тотъ не обманетъ, а кто къ ней приложится, тотъ одолѣетъ силу вражію.

Пелымовъ съ интересомъ поглядѣлъ на икону. Она была не велика, безъ ризы и, повидимому, не слишкомъ древняго письма, хотя старая. Изображена была на ней женщина въ порфирѣ, съ большимъ краснымъ нимбомъ вокругъ верхней половины тѣла. Серебряный кругъ былъ у женщины подъ ногами, а впереди находился костеръ пылающихъ дровъ, на которыя она лила воду изъ кувшина. Солнце съ косыми лучами вставало сбоку, а въ разверстыхъ небесахъ видѣлся Іисусъ, окруженный ангелами. Лицо женщины, несоразмѣрно большое по отношенію къ фигурѣ, выписано было съ большою тщательностью. Какимъ-то изступленнымъ казалось оно, неистовымъ какимъ-то и гровнымъ.

— Перекрестись и цѣлуй,—шепнула Оленька.

Пелымовъ повиновался. Она сдѣлала то же, что и онъ, и поставила икону на мѣсто.

— Теперь все исполнится,—сказала она.—Миленькій мой, золотой.

Ихъ губы сошлись. Ольгинъ поцѣлуй жегъ, будто уголь. У Виктора голова закружилась и черно стало передъ глазами. Онъ дышалъ часто и трудно, трепетными руками прижимая ее къ себѣ. Никогда неиспытанный восторгъ тѣснилъ его сердце, такъ что, казалось, вотъ-вотъ оно не выдержитъ и разорвется съ послѣднимъ страшнымъ біеніемъ. Онъ изнемогалъ. Какой-то темный потокъ уносилъ его... Когда онъ немного опомнился, они сидѣли на диванѣ рядомъ. Оленька обвила косы вокругъ шеи Виктора и легонько гладила его рукою по лицу. Чудесные глаза ея были покрыты слезами.

— Лежи, лежи,—молвила, видя, что онъ поднялъ голову.—Такъ лучше.

И снова снизошло забвеніе, и часы бѣжали быстрѣе секундъ, и сознаніе теплилось неярко, какъ звѣзда въ предутреннюю пору. Свѣтъ, падавшій изъ окна, началъ синѣть. Наступали сумерки. Пелымовъ очнулся и увидѣлъ, что Оленьки уже не было съ нимъ. Голосъ ея долетѣлъ изъ сосѣдней комнаты.

— Теперь пора. Уходи. Придешь завтра. Помни, что обѣщалъ.

— Буду помнить!—крикнулъ Викторъ.

Горбунья выпустила его.

— Что же все это значитъ?—спрашивалъ себя Пелымовъ, медленно шагая по безлюдной улицѣ.—Кошмаръ, наважденіе, бредъ, наркозъ, или, быть можетъ, это и есть настоящая жизнь, бытія которой я и не подозрѣвалъ, обманутый соблазнами ежедневнаго? Кто эта Оленька? Какую таинственную власть имѣетъ она надо мной, и почему именно меня избрала она своимъ орудіемъ?

Онъ недоумѣвалъ. Ему извѣстно было одно: теперь онъ долженъ итти къ своей теткѣ, а если понадобится, то и дальше, и во что бы то ни стало добиться освобожденія Кутырева; это было необходимо.

IV.

Тетушка Ирина Михайловна и впрямь была очень важная и вліятельная дама. По четвергамъ въ ея салонѣ появлялись члены Синода, видные сановники и заѣзжіе уважаемые іерархи. Направленіе было строго церковное, съ оттѣнкомъ воинствующаго коп-

сервативизма. Викторъ почти никогда не посѣщалъ этихъ чинныхъ собраній, гдѣ ему бывало невыносимо скучно. Но на этотъ разъ онъ пріѣхалъ спозаранку, когда не было еще никого изъ гостей, и ливрейные лакеи накрывали столы для чая.

Ирина Михайловна приходилась сестрой старику Пелымову. Подобно брату, она обладала гордой, властной, честолюбивой душой, но превосходила его въ упорствѣ, ловкости и умѣніи влiять на людей. Поэтому онъ, къ своему величайшему, хотя затаенному отчаянію, оканчивалъ жизнь въ почетной отставкѣ, рядовымъ и малозамѣтнымъ членомъ Государственнаго Совѣта по назначенію, тогда какъ она, несмотря на раннюю смерть мужа, князя Z***, бывшаго въ необыкновенно молодыхъ годахъ министромъ, продолжала пользоваться первостепеннымъ значеніемъ въ кругахъ самыхъ высшихъ и, ловко пуская въ ходъ придворныя связи, большое знаніе свѣта и прочно установленную репутацію благочестія, почти святости, держала въ рукахъ многія весьма важныя нити.

Княгиня, не имѣвшая собственныхъ дѣтей, выказывала большое расположеніе къ племяннику. Викторъ былъ увѣренъ, что она не откажетъ ему въ его ходатайствѣ.

— Я къ вамъ съ просьбой,—молвилъ онъ, цѣлуя руку маленькой румяной старушки,—вы должны помочь мнѣ сдѣлать доброе дѣло, единственное доброе дѣло въ моей жизни.

— Что такое? Нужно право жительства какой-нибудь еврейкѣ, которая хочетъ изучать музыку? Ко мнѣ уже приставали съ этимъ на прошлой недѣлѣ. Но я прошу меня уволить. Въ такихъ затѣяхъ я не помощница.

Пелымовъ улыбнулся:

— Ахъ, вопросъ совсѣмъ не о правѣ жительства. Надо освободить одного... невинно заключеннаго.

— Революціонера? Ну, Викторъ, не ожидала я этого отъ тебя.

— Нѣтъ, не революціонера, какъ разъ наоборотъ!—вскричалъ Пелымовъ, видя, что рѣшительный отказъ готовъ сорваться съ устъ тетушки,—не революціонера, но мирнаго, вѣрующаго человѣка, настроеннаго самымъ лояльнымъ образомъ.

Немилосердно сочиняя, онъ разсказалъ, въ чемъ дѣло. По его словамъ, онъ лично зналъ взятаго подъ стражу Кутырева, неоднократно давалъ ему переплетать книги и потому могъ вполнѣ поручиться за православный образъ его мыслей.

Тетушка колебалась:

— Ужъ не еретикъ ли онъ? Ты, мой другъ, въ этихъ вещахъ вѣдь не много понимаешь.

Пелымовъ сознался, что никогда не былъ силенъ въ богословіи, но тутъ же прибавилъ, что за Кутырева готовъ отвѣтить собственной головой. Послѣ долгихъ моленій ему-таки удалось настоять на своемъ.

— Ладно,—сказала тетушка.—Будь по-твоему. Оставайся на этотъ вечеръ здѣсь. У меня сегодня Труфіанскій будетъ, тотъ самый, что сектантами завѣдуетъ. Не люблю я его: семинаристъ дурного тона, да ужъ Богъ съ нимъ. Ты ему все и объясни.

Начали съѣзжаться гости. Зашуршали шелковыя юбки и атласныя рясы. Негромкій, сдержанный говоръ носился надъ тремя смежными гостиными, гдѣ собралось общество. Здѣсь были генералы, интересовавшіеся вопросомъ о соединеніи церквей, монахи, всецѣло преданные свѣтской политикѣ, редакторы религіозно-нравственныхъ изданій, совсѣмъ не имѣвшіе подписчиковъ, и великосвѣтскіе ханжи всѣхъ возрастовъ. Членъ Думы, огромный звѣрообразный мужчина, всегда ужасно шумѣвшій въ Таврическомъ дворцѣ, угрюмо ворчалъ что-то на ухо худому, какъ палка, геморроидальному протоіерею, извѣстному въ духовной литературѣ за яростнаго противника развода. Баронесса Р., очень красивая и очень набожная молодая дама, переходившая одно время въ католицизмъ и затѣмъ снова вернувшаяся въ лоно православія, чрезвычайно мило наставляла на истинный путь трехъ млѣющихъ старцевъ. Въ кружкѣ у камина, гдѣ предсѣдательствовалъ недавно прибывшій изъ заграничной миссіи краснорѣчивый молодой архимандритъ, разговоръ принялъ благородно оппозиціонное направленіе. Всѣ наперерывъ подтрунивали надъ оберъ-прокуроромъ изъ докторовъ, который вскрывалъ трупы, прежде чѣмъ принять на себя управленіе Церковью. Высказывались довольно рѣзкія мнѣнія.

— Положеніе Церкви въ государствѣ должно опредѣляться волею Церкви и ничѣмъ другимъ,—говорилъ архимандритъ, покачивая въ тактъ рукою.—Всякій иной порядокъ противорѣчитъ каноническимъ установленіямъ.

— Но у насъ уже два вѣка подъ-рядъ не считаются ни съ какими каноническими установленіями.

— Тѣмъ хуже. Когда соберется, наконецъ, Соборъ, онъ покончитъ съ этимъ беззаконіемъ.

— Позвольте, батюшка, позвольте,—кипятился сановникъ съ сѣдымъ хохломъ на головѣ.—Но кто будетъ засѣдать на этомъ Соборѣ? Гдѣ наши Аѳанасіи Великіе и Николаи Мирликійскіе, скажите на милость? Ихъ что-то не видно.

— Соборъ будетъ похожъ на первую Думу,—замѣтилъ кто-то въ углу.

— Если онъ будетъ похожъ на Думу, его постигнетъ участь Думы,—важно возразилъ архимандритъ.

— Ошибаетесь. Собора нельзя распустить. Соборъ самъ себѣ великій господинъ.

Пелымовъ, забившись въ уголъ, съ новымъ для себя любопытствомъ наблюдалъ за собравшимися, когда тетушка позвала его.

— Позвольте представить вамъ моего племянника,—сказала она, обращаясь къ пожилому господину въ сюртукѣ.—Викторъ, это Иннокентій Степановичъ Труфіанскій, о которомъ я говорила тебѣ. Онъ обѣщалъ удовлетворить твое желаніе, если только оно окажется исполнимымъ.

Старушка отошла. Труфіанскій оглянулся.

— Быть можетъ, мы пойдемъ въ кабинетъ?—сказалъ онъ.—Тамъ намъ удобнѣе будетъ бесѣдовать.

Пелымовъ послѣдовалъ за нимъ. Они оба сѣли. Труфіанскій откинулся на спинку кресла и, прищуривъ глаза, поглядѣлъ на Виктора.

— Итакъ,—молвилъ онъ,—я васъ слушаю.

Лицо Труфіанскаго не отличалось пріятностью. Выраженіе его было высокомѣрное, почти дерзкое, но въ то же время какая-то неубѣжденность въ собственномъ достоинствѣ означалась въ немъ, словно владѣлецъ его презиралъ себя вмѣстѣ съ другими. Блестящіе, съ двумя крупными золотыми пломбами зубы скалились въ неизмѣнной саркастической усмѣшкѣ. Галстукъ у Труфіанскаго былъ пестрый, почти красный, и отъ одежды его пахло скверными крѣпкими духами.

Викторъ принялся разсказывать. Послѣ каждой его фразы Труфіанскій кивалъ напомаженной головой съ такимъ видомъ, какъ будто онъ уже прекрасно зналъ все, что предстояло ему выслушать, и заранѣе рѣшилъ ничему не вѣрить.

— Ну да, ну да,—заговорилъ онъ, лишь только Викторъ назвалъ фамилію Кутырева.—Извѣстный религіозный смутьянъ. Былъ когда-то хлыстомъ, а теперь основалъ свою собственную секту. Его бы во времена Побѣдоносцева въ Суздалѣ сгноили. Непремѣнно! Да, впрочемъ, онъ, кажется, уже сидѣлъ тамъ. Скажите, сидѣлъ? Вѣдь вы за него просите, вамъ это должно быть извѣстно.

Пелымовъ смутился. Труфіанскій захохоталъ тоненькимъ презрительнымъ хихиканьемъ.

— Ага, не знаете! А туда же, хотите ручаться. Да у него радѣнія бывали каждую недѣлю по субботамъ, о чемъ прекрасно освѣдомлена полиція. Бабы и дѣвки, среди которыхъ, знаете, есть прехорошенькія, безъ рубашекъ плясали. Совсѣмъ голенькія, „тѣлешомъ", какъ это у нихъ называется. Подъ граммофонъ.

— Какой вздоръ,—сказалъ Пелымовъ съ возмущеніемъ.

— Не вздоръ-съ, а истинная правда! Вы позволили обойти себя, поддались внушенію добраго сердца,—здѣсь Труфіанскій опять хихикнулъ,—и теперь готовы способствовать сокрытію преступленія. Извѣстно ли вамъ, что кутыревское дѣло уже передано судебному слѣдователю?

— Это для меня новость,—отвѣтилъ Пелымовъ.

— Вотъ-съ, примите къ свѣдѣнію. И если даже вашего протеже оправдаютъ, что мало вѣроятно, ему придется года два отсидѣть въ предварительномъ заключеніи. Всѣ дѣла такого рода, какъ вы, можетъ быть, слышали, совершаются со значительной медленностью.

Произнеся эти слова, Труфіанскій съ наслажденіемъ поглядѣлъ на омрачившееся лицо Пелымова.

— Отъ кого же зависитъ въ настоящее время судьба Кутырева?—спросилъ молодой человѣкъ.

Труфіанскій небрежно поигралъ пальцами:

— Странный вопросъ. Разумѣется, отъ насъ. Всецѣло отъ насъ, по крайней мѣрѣ, въ первой стадіи.

— Отъ васъ? Но въ такомъ случаѣ...

— Въ такомъ случаѣ отпустите на свободу этого вреднаго лжеучителя, хотите сказать вы,—подхватилъ Труфіанскій.—Вамъ подобный актъ ложнаго и несправедливаго милосердія представляется чрезвычайно простой и легко выполнимой вещью. Но не полагаете ли вы, что это противорѣчитъ моему служебному долгу, а также моимъ обязанностямъ вѣрующаго? Приходила вамъ такая мысль въ голову, признайтесь?

— Послушайте,—сказалъ Пелымовъ, нахмурившись,—отвѣтьте мнѣ, пожалуйста, вполнѣ опредѣленно: можете вы мнѣ помочь или нѣтъ? Если нѣтъ, я буду вынужденъ вновь обратиться къ тетушкѣ.

Викторъ заговорилъ въ этомъ тонѣ потому, что отчаялся добиться какого-либо толку. Но оказалось, что онъ попалъ на самый вѣрный путь. Труфіанскій радъ былъ случаю поломаться немного, но онъ отнюдь не хотѣлъ возстанавливать противъ себя княгиню Ирину Михайловну, которая хоть и была равнодушна

къ судьбѣ всѣхъ сектантовъ на свѣтѣ, однако ни за что не простила бы „семинаристу“ пренебреженія къ своей особѣ.

— Помилуйте, къ чему это безпокойство,—обиженнымъ голосомъ сказалъ онъ.—Намъ, повѣрьте, совершенно все равно, съ вашимъ ли Кутыревымъ возиться или съ кѣмъ-либо другимъ. Мало ли у насъ пустосвятовъ. Вотъ теперь подготовляется арестъ одного господина, который всегда именуетъ себя не иначе, какъ „вольный сынъ эѳира“. Этотъ будетъ почище.

— Такъ что же,—нетерпѣливо вскричалъ Пелымовъ,—смѣю ли я разсчитывать на ваше содѣйствіе?

Труфіанскій скорчился.

— Воля княгини для меня законъ непреложный. Завтра я войду съ представленіемъ къ завѣдующему отдѣломъ, и онъ, конечно, мнѣ не откажетъ.

Пелымовъ облегченно вздохнулъ. Его во время описанной бесѣды даже въ потъ бросило.

V.

Прошло четыре дня. Пелымовъ ежедневно навѣщалъ Оленьку, съ которой проводилъ цѣлые часы. Повидимому, никому въ домѣ посѣщенія эти не казались неумѣстными. Викторъ и не встрѣчался ни съ кѣмъ, кромѣ Макутина и самой Оленьки. Все надежнѣе и крѣпче овладѣвала она имъ. Уже собственная воля его начала исчезать, растворяться въ ея волѣ, и онъ счастливъ былъ этимъ порабощеніемъ.

На пятый день Труфіанскій далъ знать по телефону, что дѣло Кутырева направлено къ прекращенію. Викторъ поспѣшилъ на Петербургскую съ радостной вѣстью, но, едва ступивъ въ двери, увидѣлъ, что здѣсь уже все знаютъ. Освобожденіе Кутырева состоялось наканунѣ вечеромъ.

На этотъ разъ всѣ женщины, сколько ихъ ни было, высыпали навстрѣчу Пелымову. Показалась сама Крутозобова и объявила Виктору, что Ефимъ Петровичъ проситъ его къ себѣ, такъ какъ желаетъ лично поблагодарить. Слѣдуя за Макутинымъ, Викторъ направился въ помѣщеніе кормщика. Женщины, толпой провожавшія его, благоговѣйно остановились у дверей. „Словно у папы римскаго аудіенція“, усмѣхнулся въ душѣ Пелымовъ. Его немного забавляла вся эта торжественность.

Недалеко отъ окна въ глубокомъ креслѣ помѣщался высокій и узкій въ плечахъ мужчина съ тонкими, слабыми, будто восковыми руками. Но голова у него была внушительная, мощная, съ

полусѣдой гривой спутанныхъ волосъ, черты рѣзкія и энергическія, хотя изможденныя болѣзнью. Онъ сидѣлъ, ни на кого не глядя и покачиваясь всѣмъ туловищемъ налѣво и направо. Пелымовъ также опустился на стулъ, подвинутый ему Макутинымъ. Сперва ему было чуть-чуть смѣшно, но Кутыревъ продолжалъ молча покачиваться, и непонятное смущеніе охватило вдругъ молодого человѣка. Наконецъ, попрежнему не говоря ни слова, кормщикъ поднялъ опущенныя вѣки и внимательно осмотрѣлъ гостя. Глаза у него оказались удивительные—синіе, какъ сапфиры, необычайно пристальные и яркіе. Пелымовъ невольно съежился подъ ихъ пронизывающимъ взоромъ. Но тяжелыя, темныя вѣки тотчасъ же вновь опустились.

— Благодарю, весьма благодарю,—промолвилъ Кутыревъ надтреснутымъ голосомъ.—Извели вы меня изъ пещеры львиной. Я будто апостолъ Петръ, а вы какъ ангелъ, ко мнѣ въ темницу-то... хе-хе-хе.

Онъ разсмѣялся непріятнымъ, слухъ царапающимъ смѣхомъ и вдругъ словно самъ себя перебилъ. Лицо его стало величественно и грозно, вѣки поднялись, какъ щиты надъ бойницами, глаза засверкали.

— Зачтется это вамъ, сударь, сторицею зачтется,—прогремѣлъ онъ.—Въ тотъ часъ, когда всѣ мірскіе люди въ ужасѣ смертномъ вопіять будутъ: горы, падите на насъ и сокройте насъ отъ лица Сидящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнца, вы только крикните: „Ефимъ, гдѣ ты?“, а я ужъ вспомню. Спасибо, спасибо.

Послѣднія два слова онъ прошепталъ еле слышно, затѣмъ умолкъ и видимо ослабѣлъ. Макутинъ знакомъ далъ понять Виктору, что пора уходить.

„Онъ юродивый,—подумалъ молодой человѣкъ.—Но что за взглядъ! Жжетъ, какъ пламя“.

— Что, видѣлъ?—подскочила къ нему Оленька въ коридорѣ. Но онъ не успѣлъ ей отвѣтить. Его окружили и снова принялись благодарить, называли милостивцемъ, благодѣтелемъ, кормильцемъ, не оставляли ни на мгновеніе. Потерявъ на этотъ разъ надежду побыть наединѣ съ Оленькой, Пелымовъ откланялся. Но, выйдя на улицу и сдѣлавъ нѣсколько сотъ шаговъ, онъ, словно по наитію, повернулъ обратно и не обманулся. Она догоняла его бѣгомъ, запыхавшись, простоволосая.

— Ну, довольна ты мной?—спросилъ Пелымовъ.

Оленька утвердительно кивнула. Нѣкоторое время они молча шли рядомъ. Внезапно дѣвушка остановилась и крѣпко сжала ему руку.

— Когда мы увидимся?—спросилъ онъ.—Завтра?

Она потупила голову.

— Завтра нельзя.

— Когда же?

— Не знаю.—Лицо ея склонялось все ниже.—Стыдно мнѣ. Дѣвки меня корятъ тобою. Онъ-де нечестивый, богоборныхъ гонителей племя. И Макутинъ началъ нехорошо поглядывать... Какъ выпустили Ефимушку изъ тюрьмы, такъ онъ сразу и объявилъ: бѣжать намъ надо отсюда, потому что у насъ домъ беззаконіемъ оскверненъ. А вѣдь самъ, небось, высылалъ меня къ тебѣ. Горько это.

— Они смѣютъ попрекать тебя?—вскипѣлъ Пелымовъ.

— Милый,—сказала Оленька.—Единый ты мой! Будь нашимъ.—Голосъ ея дрогнулъ и зазвенѣлъ.—У насъ община. Корабликъ маленькій. Иди къ намъ. Тогда стыдъ минуетъ, и все станетъ свято и праведно.

— И вы примете меня?—спросилъ Викторъ, стараясь не улыбаться.

— Примемъ! Макутинъ съ сестричками тебѣ не вѣрятъ, да они что. Они Ефимушку послушаютъ. А его я умолю.

Дикимъ и сумасброднымъ показалось это предложеніе Пелымову. Хоть и прилѣпился онъ за послѣдніе дни къ Оленькѣ всею душою, но о вѣрованіяхъ ея помышлялъ немного, цѣликомъ отдаваясь сладкому дурману. Въ дѣлахъ вѣры онъ былъ не безбожникъ даже, а просто человѣкъ искренно и глубоко равнодушный. Поэтому мысль о вступленіи въ секту, да еще какую-то тайную, изувѣрную, въ первый мигъ разсмѣшила его, и, лишь боясь опечалить Оленьку, обѣщалъ онъ подумать. Но, возвращаясь домой пѣшкомъ по набережной, мимо величаво сонныхъ, похожихъ скорѣе на скалы, нежели на людскія жилища дворцовъ, глубже вникъ онъ въ слова возлюбленной, и глухое смятеніе начало подниматься въ немъ.

Первый разъ за все это время онъ съ полной ясностью представилъ себѣ, какую неизмѣримую пропасть полагали между нимъ и ею его привычки и взгляды, его воспитаніе и положеніе въ обществѣ. Оленька принадлежала къ непонятному таинственному міру, у границы котораго онъ очутился лишь благодаря капризу случая.

Ничего какъ слѣдуетъ не рѣшивъ, онъ на другой день утромъ заходилъ на Петербургскую сторону съ цѣлью повидать Оленьку и обо всемъ окончательно разспросить ее, но ему сказали, что она отлучилась въ городъ. Онъ поворотилъ назадъ, раздосадованный,

но не успѣлъ сойти съ крыльца, какъ вдругъ услыхалъ, что его зовутъ по имени. Оленька стояла у форточки.

— Сейчасъ намъ нельзя разговаривать,—крикнула она.—Приходи завтра въ пять часовъ. Слышишь, непремѣнно.

Пелымовъ хотѣлъ отвѣтить, но Оленька спрыгнула съ подоконника, и вмѣсто нея за стекломъ появилась фигура горбуньи. Нужно было ждать до завтра.

Цѣлой вѣчностью показались ему эти сутки. Пустой, ничѣмъ незанятый день тянулся безъ конца, а ночь прошла мучительно и тревожно. Безобразные сны осаждали Виктора. Ему мерещилось, что онъ гонится за Оленькой, преслѣдуя ее въ какихъ-то переулкахъ, загроможденныхъ кучами битаго камня и кирпича. Онъ бѣжитъ, спотыкается, падаетъ, вскакиваетъ и снова бѣжитъ. Оленька уже близко; вотъ-вотъ онъ коснется ея руки, онъ простираетъ объятія и вдругъ схватываетъ рыжую лисью шубу Макутина, который стоитъ возлѣ и погано смѣется.

Чуть свѣтъ Пелымовъ былъ уже на ногахъ. Жестокое, хотя смутное безпокойство терзало его. Все его существо рвалось къ Оленькѣ. Но онъ взялъ себя въ руки и выѣхалъ изъ дому всего за полчаса до условленнаго времени.

Лишь только сани повернули въ знакомую улицу, сердце Виктора болѣзненно сжалось: всѣ ставни въ окнахъ крутозобовскаго особняка были наглухо заперты, и, позвонивъ, онъ не услышалъ, какъ прежде, торопливыхъ шаговъ внутри. Казалось, въ домѣ никого не было. Наконецъ, на его настойчивые звонки и стукъ отворилась калитка, и оттуда выглянула заспанная рожа дворника.

— Чего стучите?—спросилъ онъ грубо.—Руки даромъ отобьете. Всѣ уѣхали. Нѣтъ никого.

— Никого? — вскричалъ Пелымовъ съ горестнымъ изумленіемъ.—А гдѣ же Ольга Ивановна?

— Всѣ уѣхали, говорю. И она уѣхала, и хозяйка уѣхала, и Ефимъ Петровичъ уѣхали, и опять Макутинъ тоже. Одинъ я во всемъ домѣ остался.

Пелымовъ подошелъ къ дворнику и положилъ ему въ руку трехрублевку.

— А скажи, куда именно всѣ они уѣхали?

Дворникъ почесался.

— Куда поѣхали-то? Вотъ ужъ и не могу вамъ сказать. На вокзалъ Николаевскій поѣхали. Вещи я самъ отвозилъ. А куда оттудова, не знаю.

— Да развѣ ты не прописывалъ, въ какой городъ они вы-

ѣхали? — воскликнулъ Пелымовъ въ совершенномъ отчаяніи. — Вѣдь это ползгается!

— Прописывалъ, это точно. Только запамятовалъ я спросить, куда, молъ, ѣдете. А прописалъ въ Тамбовъ, потому мы сами тамбовскіе.

Большаго Викторъ не могъ отъ него добиться. Дворникъ либо хитрилъ, либо впрямь ничего не зналъ. Единственное цѣнное свѣдѣніе заключалось въ томъ, что фамилія Оленьки была Семенова. Не довѣряя дворнику, Пелымовъ самъ перерылъ всѣ домовыя книги. Дѣйствительно, тамъ значилась Ольга Ивановна Семенова, двадцати лѣтъ, серпуховская мѣщанка. И болѣе никакого слѣда, никакого намека. Ищи по свѣту Ольгу Ивановну Семенову и надѣйся на свое счастье.

Когда калитка захлопнулась, Пелымовъ вышелъ на средину улицы и обвелъ ее растеряннымъ взглядомъ. Какъ могла Оленька скрыться такимъ образомъ, тайно, не написавъ ни строчки, не простившись? Было похоже на то, что ее увезли насильно. Въ такомъ случаѣ должно гнаться за нею, освободить ее, обратиться, если нужно, къ силѣ, къ полиціи, хоть къ наемнымъ хулиганамъ. Но для этого прежде всего надлежало разыскать ее. А какъ это сдѣлать? Міръ такъ великъ, а отдѣльные люди въ немъ, словно песчинки въ океанѣ.

Виктору чудилось, что онъ видитъ всю необъятную ширь русской равнины, безчисленныя, разбѣгающіяся дороги, темную щетину лѣсовъ, медленныя рѣки, желѣзнодорожныя колеи. Куда устремиться? Гдѣ искать?

Угрюмое небо не давало отвѣта. День былъ гнилой, оттепельный, и мокрымъ снѣгомъ сѣяли низкія тучи.

П. Губеръ.

УЗНИКЪ, КОТОРЫЙ ПѢЛЪ.

Іогана Бойеръ.

Съ норвежскаго.

Звали его Андреасъ. Онъ былъ кругленькій, румяный бѣлокурый коропузъ въ вѣчно заплатанныхъ штанахъ. Была у него мать, горбатая дѣвица, и дядя старый холостякъ, который вѣчно жевалъ табакъ и далеко сплевывалъ. Жили они далеко въ лѣсу, гдѣ дорога дѣлаетъ поворотъ между двумя деревьями.

— Бѣдный парнишка вѣчно самъ-другъ,—говорили люди про Андреаса, которому не съ кѣмъ было и поиграть. Имъ и въ голову не приходило, что онъ и въ одиночествѣ умѣлъ развлекаться. Бывало, когда старшіе лягутъ отдыхать послѣ обѣда, стоитъ ему кинуть въ куръ камешкомъ, тѣ примутся кудахтать, и мать выскочитъ, забывъ про всякій сонъ...

— Ястребъ!—кричитъ мальчикъ.

— Въ умѣ ли ты?—спрашиваетъ мать,—гдѣ ты видѣлъ его?

— Во какой большущій!—Андреасъ разводитъ ручонками.

Мать крестится, хвалитъ сына, а куры вытягиваютъ шеи, словно хотятъ сказать что-то иное. Мальчикъ уходитъ и, посмѣиваясь, ложится на животъ.

Весело было учиться и читать книжку, но еще веселѣе читать въ людскихъ лицахъ. Когда мать лежала въ постели и корчилась отъ коликъ, ея лицо походило на деревянный башмакъ, и Андреасу приходилось отворачиваться.

— Бѣдный ты мой!—онъ плачетъ... Ничего, я скоро поправлюсь,—утѣшала его мать. Но когда горбунья шла изъ хлѣва съ полнымъ подойникомъ молока и, споткнувшись, вдругъ все проливала, тутъ ужъ ему трудно было сдержаться, и онъ фыркалъ.

— У, зубоскалъ!—говорила мать, грозя ему.

Но что было дѣлать, когда нападалъ хохотунъ? Онъ подкрадывался всегда невзначай. Однажды зимой Андреасъ пошелъ съ

дядей въ лѣсъ за хворостомъ. Вязанка была большая, тяжелая, и трудно было пробираться по крутому скользкому скату. Вдругъ старикъ попалъ въ можжевеловый кустъ и застрялъ тамъ, а вязанка выскользнула и тянула его внизъ,—казалось, онъ вотъ-вотъ перервется пополамъ. Вдругъ Андреасъ вскрикнулъ и перекувырнулся. Старикъ обернулся къ нему.

— Постой, вотъ дай только выбраться отсюда...

Но Андреасъ бѣжалъ все впередъ и, когда старикъ, наконецъ, добрелъ до дома, уже лежалъ въ постели: онъ былъ боленъ.

— Тихонько ступай по полу, Иваръ,—говорила мать.

Въ ясныя лѣтнія ночи онъ любилъ подкрасться и смотрѣть, какъ спятъ большіе. Ему зачастую приходило на умъ пощекотать старику соломинкой носъ, и тотъ начиналъ отмахиваться, словно отъ мухъ,—а то щипнуть мать въ спину, и она почесывалась, будто ее блоха укусила. Только зачѣмъ это смѣхъ разбираетъ и всегда въ самую неподходящую минуту? Чѣмъ онъ виноватъ, что взрослые корчатъ такія смѣшныя лица, когда онъ читаетъ вслухъ молитву за столомъ? У матери носъ вытягивается отъ серьезности, а у старика дрожитъ верхняя губа и такой видъ, будто онъ сейчасъ снесетъ яйцо... Какъ тутъ не фыркнуть! Конечно, ему попадало, но если бы надъ нимъ стояли съ топоромъ, онъ не могъ бы сдержаться.

Мѣстечко называлось Нагорное и лежало за пригоркомъ. Андреасъ постоянно видѣлъ передъ собою два сѣрыхъ дома: маленькую избушку и хлѣвъ. Это былъ мужъ и жена, они закорузли, покривились отъ того, что были на улицѣ во всякую погоду.

Въ лѣсу и у ручья лежали ихъ дѣти—большіе камни; имъ не пришлось выйти въ люди, потому что у нихъ не было денегъ.

Однажды онъ высунулся изъ чердачнаго окна и увидѣлъ, что мать съ дядей стоятъ на дворѣ и глядятъ вслѣдъ проѣхавшей телѣгѣ. Какъ знать, что человѣку вдругъ взбредетъ въ голову?... Андреасъ вдругъ пожелалъ, чтобы старики смотрѣли въ другую сторону: онъ снялъ оконце съ петель и сбросилъ внизъ. Рама разсыпалась, задребезжали стекла, и старики разомъ обернулись и воззрились на него, словно тамъ загорѣлось. Вслѣдъ затѣмъ началась бѣготня. Дяденька бросился по лѣстницѣ на чердакъ, но Андреасъ по гладкой стѣнѣ перелѣзъ на крышу и уцѣпился за карнизъ.

— Гдѣ онъ?—кричалъ старикъ на чердакѣ.

— Господи Боже! Да неужели онъ забрался на крышу,—причитала мать.

Немного спустя старики принялись ему грозить со двора.

— Вотъ если ты не спустишься сію минуту, я такъ тебѣ задамъ.—Старикъ принесъ лѣстницу.

— Я соскочу! — крикнулъ Андреасъ, занося ногу за край крыши.

— Андреасъ! Андреасъ!—причитала мать, чуть не лишаясь чувствъ, и тянула брата внизъ.

— Перестань, Иваръ, мы его уговоримъ добромъ.—И она принялась манить сына, но тотъ не поддался на уговоры, пока ему не пообѣщали сливокъ и сахару.

Ему было непріятно, что взрослыхъ осуждали за него, но на него опять находило, и опять онъ проказничалъ.

Сдвинувъ на затылокъ синюю фуражку, онъ отправлялся съ большими въ церковь. Съ пригорка открывался далекій видъ—видна была деревня, раскинувшаяся на ровной мѣстности; крашеные домики мелькали межъ перелѣсковъ и зеленѣвшихъ полей, дальше разстилался фіордъ съ бѣлѣющими парусами, а посреди всего этого церковь; ея звонъ и гудѣнье раздавались по всей округѣ. По дорогѣ шло много народу, и Андреасъ удивлялся, почему не у всѣхъ женщинъ горбы на спинѣ. Мать походила на маленькую церковку: въ горбу помѣщались хоры. Пожалуй, тамъ былъ крошечный священникъ и служилъ обѣдню... Въ церкви нужно было сидѣть совсѣмъ смирно, хотя никто не обращалъ на него вниманія. Онъ думалъ о своемъ, напримѣръ, о томъ, что если бы за проповѣдью встать и сказать:

„Гей ты, Ола Нюбаккенъ! не хочешь ли водочки?“ А то подкрасться сзади къ священнику и кольнуть его шиломъ въ спину?...

— А ты и въ церкви смѣешься!—раздалось шипѣнье у него надъ ухомъ.

Три дня подъ-рядъ, черезъ недѣлю, онъ бѣгалъ съ котомкой въ ближайшую школу. Темно было въ зимнія утра, дорога шла черезъ лѣсъ; слышенъ былъ лай лисы... Въ Реннингенѣ къ нему присоединялась Іонетта. Дѣвочка была однихъ съ нимъ лѣтъ и щеголяла въ материнской юбкѣ, благодаря чему поминутно спотыкалась. Но въ школѣ было весело, особенно на урокахъ географіи и библейской исторіи. Норвегія похожа на сѣрую, пеструю кошку, которая сидитъ въ ожиданіи селедки. Швеція—куль муки, Великобританія похожа на его собственную мать: у нея на горбу Ирландія... Библейская исторія давала богатый матеріалъ его воображенію, когда онъ одинъ шагалъ по полямъ, по лѣсамъ. Онъ возносился, подобно пророку Елисею, укрощалъ бурю, изгонялъ бѣсовъ изъ свиней, проповѣдывалъ кустамъ и камнямъ, которые внимали ему...

Въ хмурый зимній вечеръ малыши брели обратно домой, зачастую таща за собою салазки. Онъ съ жутью думалъ о томъ, что ему придется одному брести по безконечнымъ пригоркамъ, но когда они были въ особенно пріятельскихъ отношеніяхъ, дѣвочка провожала его часть пути. У нихъ всегда было о чемъ поговорить, и особенно много они толковали о томъ, что будутъ дѣлать, когда вырастутъ.

— Лучше Америки ничего не придумаешь!—серьезно объявила Іонетта въ одинъ прекрасный день.

Но Андреасъ нахлобучилъ шапчонку на озябшія уши и замѣтилъ, что онъ желаетъ въ Персію: тамъ ѣздятъ на бѣлыхъ коняхъ и салютуютъ кривыми саблями.

— Ты не въ умѣ! Тамъ тебѣ какъ ничемъ срубятъ голову.

— Вздоръ! Надо только умѣть стрѣлять.

На слѣдующій день она просила его подумать хорошенько, прежде чѣмъ пускаться въ такой дальній путь,—таково, по крайней мѣрѣ, ея мнѣніе. Она въ свою очередь отбросила мысль объ Америкѣ.

У Реннингена они простились, и мальчикъ одинъ поплелся дальше по пустыннымъ пригоркамъ.

Затѣмъ шла недѣля безъ школы, и въ лѣсу было уединенно и тихо: въ диковинку, если мимо прогремитъ колокольчикъ... Что тутъ придумать? Рубить дрова и носить въ кухню можно, зажмуривъ глаза... То ли дѣло на лыжахъ бродить по лѣсамъ, по горамъ—тутъ можно кое о чемъ подумать. Съ моря дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ и гонитъ по небу гряды сѣрыхъ тучъ... Вотъ выглянуло желтое лицо съ безсмысленной улыбкой. На мохнатой рыбѣ!... Тамъ внизу деревня, тамъ живутъ люди... Давно ужъ онъ никого не видѣлъ. Ему хочется поболтать, и онъ заговариваетъ съ камнемъ и отвѣчаетъ за него. Онъ пытается привести людей къ себѣ.

— Да въ умѣ ли ты, Ола Нюбаккенъ! Въ церкви вдругъ спрашиваетъ водки...—Потомъ онъ начиналъ чихать, какъ Секкербритъ, кашлялъ, какъ блѣдный студентъ, и, наконецъ, прихрамывая, направлялся домой.

— Что съ тобою?—спрашивала мать.

— Охъ, я сломалъ себѣ ногу.

Мать жалѣла сына, растирала камфарнымъ спиртомъ и поливала патокой кашу.

Когда въ домѣ появлялась газета, употребленная на обертку,—это было цѣлымъ событіемъ. Андреасъ читалъ и перечитывалъ смятый листокъ. Гдѣ-то былъ пожаръ—подозрѣваютъ мальчика.

Въ другомъ мѣстѣ совершено убійство,—преступникъ еще не разысканъ.

— А что такое подлогъ, мама?—спросилъ Андреасъ.

Мать должна была объяснить, и мальчикъ задумался.

Нехорошо все это, и онъ никогда не будетъ этого дѣлать. А забавно было вообразить, какую физіономію скорчилъ бы дядя, если бы онъ вдругъ приставилъ ему ножъ къ горлу, или что стала бы дѣлать мать, если бы хлѣвъ загорѣлся и куры заметались бы въ огнѣ, закудахтали бы...

Когда въ перемѣну въ школѣ играли въ снѣжки, онъ изловчился закатать въ снѣжокъ камень, запустилъ имъ въ товарища и разбилъ тому носъ въ кровь. Тотъ не зналъ, откуда снѣжокъ былъ брошенъ, но взвылъ отъ боли. При допросѣ учителя Андреасъ подробно разсказалъ, гдѣ онъ находился въ тотъ моментъ... Преступникъ остался неразысканнымъ, и Андреасъ, возвращаясь домой, тихонько напѣвалъ псаломъ.

— Непремѣнно достану газету,—рѣшилъ онъ и не успокоился, пока не раздобылъ.

II.

Трудно было повѣрить, что этотъ здоровый, широкоплечій парень, шагавшій по направленію къ деревнѣ рядомъ съ маленькой горбуньей, былъ только что конфирмованъ. Синяя фуражка не покрывала его густыхъ волосъ, лицо было кровь съ молокомъ, глаза щурились, словно видѣли въ голубой дали что-то веселое. Красивый былъ парень! Одному Богу вѣдомо, какъ это убогое созданіе могло произвести на свѣтъ такого молодца.

Андреасъ зналъ, что народъ смѣется надъ нимъ: все по злобѣ. Онъ любилъ свою мать. Правда, если она шла слишкомъ близко къ краю дороги, ему хотѣлось столкнуть ее въ канаву, но не для того, чтобы сдѣлать ей больно: просто весело было вытаскивать ее оттуда!

Да и гдѣ же ему было, кромѣ нея, искать утѣшенія, когда всѣ преслѣдовали его насмѣшками и издѣвательствомъ! Изъ деревни приходили и жаловались на мелкія кражи,—виноватъ, разумѣется, былъ онъ! Кто-то вечеромъ въ темнотѣ напалъ на дѣвушку, и у той оказалось разорваннымъ платье,—всего легче было обвинить опять-таки его! А онъ сидѣлъ въ лѣсу, работалъ на стариковъ или читалъ свои газеты.

— У тебя голосъ лучше всѣхъ,—замѣтилъ какъ-то ему учитель, когда они возвращались изъ церкви.

— Помилуйте!—улыбаясь, отозвался Андреасъ и сдвинулъ фуражку набекрень.

— Да, пасторъ обратилъ вниманіе на твой голосъ; онъ говоритъ: будь у тебя средства, чтобы обработать его, ты разбогатѣлъ бы и сталъ бы знаменитостью.

Въ самомъ дѣлѣ, бывали минуты, когда Андреасу хотѣлось громко запѣть, но мать удерживала его, говоря, что неловко пѣть громче всѣхъ.

Настало время Андреасу наниматься на лафотенскіе промыслы. Мать продала телку и купила сыну морскіе сапоги съ отворотами, шерстяныхъ фуфаекъ, табаку, непромокаемый плащъ и огромныя рукавицы съ пальцемъ. Андреасъ нарядился и смотрѣлъ молодецъ-молодцомъ. Когда онъ во всемъ нарядѣ съ котомкой провизіи за плечами двинулся въ путь, мать глядѣла ему вслѣдъ и улыбалась сквозь слезы. На слѣдующій день она пошла на гору, откуда былъ виденъ фіордъ и лодки, исчезавшія въ холодномъ туманѣ. „Ужъ больше мнѣ не видѣть его", всхлипывала она, медленно направляясь домой.

Однако черезъ недѣлю Андреасъ возвратился живехонекъ домой, и старики только рты разинули отъ удивленія. Онъ списался со своего судна, продалъ свою морскую экипировку и вернулся на пароходѣ домой съ карманными часами и тросточкой.

— Здравствуй, мама!

Старики все еще не могли прійти въ себя отъ изумленія. Наконецъ, старикъ пробормоталъ:

— Нѣтъ, это ты, Андреасъ!

Все это было такъ странно, но ему ясно представилось, что если онъ прорыбачитъ эту зиму, онъ на всю жизнь останется рыбакомъ, ему навсегда будутъ заказаны пути къ ремеслу сапожника или пастора. Не лучше ли пока вернуться домой и отдаться своимъ мыслямъ? Мать вздыхала, а старикъ сердился и не говорилъ объ этомъ ни слова. Зато въ деревнѣ только и разговоровъ было! Когда онъ пришелъ въ церковь, каждый наперерывъ спѣшилъ посмотрѣть на него. „Вотъ онъ нашъ рыбакъ, хе-хе!" Смѣйтесь, сколько угодно! Онъ про себя рѣшилъ стать проповѣдникомъ трезвости, по крайней мѣрѣ, можно будетъ по утрамъ пить кофе въ постели. Не худо сдѣлаться и портнымъ: руки будутъ бѣлыя и не нужно выходить во всякую погоду. Всего бы лучше быть *всѣмъ* заразъ и одновременно быть въ разныхъ мѣстахъ. Но нужно изучить все это, пережить, а для этого нужно читать газеты и историческія книги. Хорошо было сидѣть съ книгой подъ журчанье материнской прялки, прислу-

шиваясь къ треску дровъ въ печи. Все, о чемъ онъ читалъ, всѣ лица и событія онъ переносилъ сюда, въ избу, и жилъ съ ними одною жизнью. Онъ сопровождалъ апостола Павла на проповѣдь въ Малую Азію, совершалъ съ Юліемъ Цезаремъ походъ въ Египетъ... Однажды мать стала пенять ему, что онъ лѣнтяй и позоръ для всей округи; онъ замѣтилъ, что подобная неудача—пустяки по сравненію съ пораженіемъ при Ватерлоо.

— Что?—Мать выпустила прялку и уставилась на него.—Что онъ болтаетъ? Гдѣ какое сраженіе?... Ва... Ват...

— Да, былъ такой большой съѣздъ трезвенниковъ...

Весною случилось Андреасу быть на похоронахъ. Въ качествѣ близкаго родственника онъ стоялъ у открытой могилы и какъ разъ въ то время, какъ ризничій принялся читать Евангеліе, вдругъ отчетливо раздалось: „Чортъ меня побери!“

Все стихло. Ризничій уронилъ съ носа очки, у всѣхъ перемѣнились лица, словно они ждали, что покойникъ перевернется. Андреасъ одинъ плакалъ, потому его нельзя было заподозрѣть, а между тѣмъ больше некому было. Глаза всѣхъ устремились на него, и тутъ онъ сдѣлалъ то, чего отнюдь не слѣдовало дѣлать: онъ сунулъ псалтирь въ карманъ и улизнулъ домой.

У него мурашки бѣгали по спинѣ. Казалось, вся деревня бѣжитъ за нимъ, чтобы побить его камнями.

Онъ долженъ былъ лечь въ постель и желалъ только одного: никогда не вставать.

Тамъ, на кладбищѣ, на него вдругъ что-то нашло: ему страстно захотѣлось сообщить всѣмъ этимъ удрученнымъ лицамъ иное выраженіе.

И нужно же было этому случиться именно теперь, когда онъ рѣшилъ сдѣлаться хорошимъ столяромъ и снискать почетъ и уваженіе всей округи ради одной извѣстной дѣвушки. Единственнымъ теперь выходомъ было написать ей, доказать и объяснить.

„Милая Іонетта. Только передъ тобой одной мнѣ хотѣлось бы оправдаться. Злые люди чернятъ меня, какъ только могутъ. Сатана силенъ, а грѣхъ самъ несетъ возмездіе“. Далѣе слѣдовали страницы, доказывавшія его невинность и людскую злобу, говорившія объ его страстномъ желаніи встрѣтиться съ нею наединѣ. Съ почтеніемъ Андреасъ Педерсенъ Бергетъ, церковный канторъ.

Нѣсколько дней спустя, когда Андреасъ на солнышкѣ рубилъ дрова, къ нему прибѣжалъ босоногій мальчишка и принялся кружиться вокругъ него, явно затаивъ какую-то новость.

— Что тебѣ нужно, сорванецъ?

Мальчишка только хихикалъ, держась за животъ, но, наконецъ, не выдержалъ и проболтался, что Іонетта показывала въ деревнѣ какое-то письмо и теперь оно ходитъ по рукамъ. Выложивъ все это, мальчишка утекъ во-свояси. Андреасъ зарубилъ топоръ въ бревно и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Нѣсколько дней послѣ того ѣда не шла ему на умъ. Нѣсколько ночей онъ провелъ безъ сна и метался на своей постели. Наконецъ, онъ рѣшилъ сдѣлать самое худшее, что только можно было придумать: вызвалъ Іонетту въ примирительную комиссію.

Въ слѣдующее воскресенье у церкви собралась толпа молодежи. Они шушукались, хлопали себя по ляжкамъ и бились объ закладъ. Замѣтивъ его, одинъ изъ кучки показалъ на него пальцемъ:

— Вотъ онъ идетъ!

Всѣ обернулись въ его сторону, но старались сдерживаться, пока онъ не прошелъ, а вслѣдъ ему полетѣли насмѣшки и брань.

— Эй ты, кавалеръ!

— Эй, адвокатъ Педерсенъ!

— Стряпчій Бергетъ!

— Тутъ есть кого привлечь къ суду!

— Эй, присяжный!

Но Андреасъ только заломилъ фуражку. А въ церкви его звонкій голосъ покрылъ всѣ остальные голоса.

Прохожденіе сквозь строй оказалось для него ужъ не столь тяжкимъ: вѣдь онъ былъ первымъ номеромъ, всѣ смотрѣли на него! Еще бы, онъ сдѣлалъ нѣчто дотолѣ неслыханное и невиданное въ отношеніи дѣвушки. Недаромъ половина деревни рты поразинула!

Для Андреаса началась новая жизнь. Всѣ люди стояли по одну сторону, а онъ по другую, совсѣмъ особнякомъ. Когда молодежь собиралась, онъ держался поодаль. На него указывали пальцами:

— Вотъ онъ идетъ...

Когда съ пригорка онъ смотрѣлъ на лежавшую внизу деревню, она представлялась ему однимъ огромнымъ лицомъ, корчившимъ кислыя мины. Однако, какъ бы тамъ ни было, стоитъ ему иной разъ пощекотать это лицо соломинкой подъ носомъ, и оно должно будетъ чихнуть и примется на него глазѣть.

Въ лѣсу было попрежнему пустынно, времени было много, можно было выдумывать, что хочешь. Пріѣхалъ новый пробстъ и каждое воскресенье проѣзжалъ лѣсомъ. Народъ жаловался на

его сугубую жадность. Свадьбы вздорожали вдвое, онъ бралъ деньги съ конфирмантовъ за то, что ѣздилъ къ нимъ.

„Если бъ ты былъ апостоломъ Павломъ, ты сумѣлъ бы обратить его и внушилъ бы ему состраданіе“, думалъ Андреасъ.

Однажды въ воскресенье онъ усѣлся на дорогѣ какъ разъ въ то время, когда проѣзжалъ пробстъ. Загромыхала телѣжка, и показалась гнѣдая лошадка. Пасторъ сидѣлъ, опустивъ голову, и его лицо съ бѣлокурыми баками было скрыто широкополой шляпой.

Андреасъ всталъ и взялся за шляпу. Лошадь испугалась и шарахнулась. Пасторъ натянулъ вожжи и, когда Андреасъ взялся за узду, поднялъ хлыстъ, будто собирался прогнать его.

— Что тебѣ нужно?

Богу вѣдомо, почему вдругъ Андреасу захотѣлось, чтобы это яростное лицо стало кроткимъ, чтобы въ немъ отразился псаломъ. Онъ принялся разсказывать о своей бѣдной матери: она-де больна, а ѣсть нечего. Одновременно онъ и самъ измѣнился: сталъ несчастнымъ бѣднякомъ, придавленнымъ нуждой. Уловъ былъ плохой, разсказывалъ онъ, и въ долгъ никто не даетъ. Дядя—калѣка, послѣдняя корова пала. Если бы раздобыть двадцать кронъ на боченокъ сельдей, на мѣшокъ муки и на лѣкарство для матери. Онъ вернулъ бы, какъ только Господь пошлетъ удачу.

Пасторъ внимательно выслушалъ, потеребилъ свой большой красный носъ и посмотрѣлъ на сѣрыя лачуги на пригоркѣ.

— Тамъ?

— Да, милостивецъ, да...

— Гмъ...

„Только бы ему не пришло въ голову сейчасъ отправиться къ старикамъ!“ подумалъ Андреасъ.

Пасторъ вынулъ изъ кармана коричневый кожаный бумажникъ: онъ оказался далеко не такъ толстъ, какъ Андреасъ воображалъ.

— Пожалуйста, возьмите. Кланяйтесь старикамъ. Будемъ надѣяться, что все образуется. Но-о!

Телѣжка покатилась. Андреасъ остался съ двумя бумажками. Никогда еще не видывалъ онъ такой глупой спины...

Положительно это былъ особенный день. Онъ пережилъ возбужденіе, которое согрѣвало сильнѣе водки и было гораздо тоньше. Жаль только, что бумажникъ пастора оказался такимъ тощимъ... Ему было совѣстно, и онъ на другой день отослалъ деньги обратно отъ „имени общины“. Ему пріятно было сознавать, что онъ

сумѣлъ заставить пастора смотрѣть иначе, придалъ ему совсѣмъ иное лицо. Онъ расхаживалъ, заложивъ руки въ карманы, и напѣвалъ псаломъ...

Іонетта не явилась въ комиссію, а когда Андреасъ захотѣлъ передать дѣло въ судъ, ленсманъ наговорилъ ему дерзостей. Онъ вернулся домой словно побитый, и наступили тяжелые дни. Мать ходила съ красными глазами, дядя не говорилъ съ нимъ ни слова, ѣда не шла на умъ. Цѣлыми часами простаивалъ онъ на пригоркѣ и смотрѣлъ на деревню: словно его изгнали и онъ не смѣлъ вернуться туда.

Вернулись рыбаки съ лафотенскихъ промысловъ. Вдоль отмели поднимались столбы дыма изъ-подъ огромныхъ котловъ, гдѣ вываривали жиръ, и запахъ его доносился даже сюда. Казалось, люди тамъ копошатся, словно муравьи въ муравейникѣ, и ему приходило въ голову пошевелить кучу палочкой.

Въ одинъ прекрасный день онъ собрался съ духомъ и осуществилъ это. Онъ написалъ жалобу въ судъ по поводу того, что младшая дочь акушерки подозрительно похожа на ленсмана, а между тѣмъ отцомъ ея записанъ другой. Прежде чѣмъ послать это заявленіе, онъ прочелъ его вслухъ нѣсколькимъ лицамъ.

Безумная смѣлость Андреаса напоминала храбрость героевъ, шедшихъ на приступъ крѣпостей, о чемъ онъ читалъ въ исторіи. Онъ ничего не боится! Пріятно было по вечерамъ лежать съ закрытыми глазами и думать о деревнѣ: тамъ изъ дома въ домъ крадется слухъ. Вотъ кто-то перебѣжалъ черезъ дорогу, чтобы поговорить о немъ. Старики съ больными ногами поднимаются и шаркаютъ туфлями, а все изъ-за слуха!...

„Слава Богу", думаетъ мать, слыша, какъ Андреасъ напѣваетъ псаломъ, лежа у себя на чердакѣ.

Скоро было назначено къ слушанію дѣло объ оскорбленіи чести, и Андреасу нужно было представить свидѣтелей. Скандальный процессъ положительно оживилъ деревню. Народъ не зналъ, смѣяться или плакать, но при появленіи Андреаса уже не показывали на него пальцами, а только глазѣли, и Андреасъ принималъ это за поощреніе. Въ эту пору онъ читалъ о великомъ человѣкѣ, котораго звали Вольтеръ, который безстрашно выступалъ обвинителемъ судей, князей и королей. Андреасъ мечталъ о томъ, чтобы подражать этому человѣку, слиться съ нимъ, воплотить его въ себѣ. Постойте, добрые люди, и въ наше время кое-что нуждается въ исправленіи! Онъ написалъ по начальству жалобу на врача, обвиняя его въ убійствѣ роженицы, и копію этой жалобы вывѣсилъ на стѣнѣ въ лавкѣ. Старый докторъ вообще

быстро ѣздилъ, а теперь проѣзжалъ по деревнѣ чуть не въ галопъ. Ризничій былъ обвиненъ въ кощунствѣ, а когда старшина остановилъ Андреаса на улицѣ и вздумалъ его пристыдить, онъ тотчасъ былъ вызванъ въ примирительную комиссію за оскорбленіе въ общественномъ мѣстѣ.

Многимъ туго приходилось, особенно ленсману, на котораго взводились все новыя обвиненія. Люди утратили сонъ: никто не могъ поручиться за завтрашній день.

— Идетъ!—говорили на улицѣ и сторонились, глядя на него.

Человѣкъ, который всегда на виду, не можетъ вѣдь ходить въ заплатанныхъ штанахъ, и Андреасъ сталъ носить праздничное платье и въ будни. Вольтеръ, судя по портрету въ книгѣ, ходилъ въ платьѣ особаго покроя, и Андреасу хотѣлось не отстать. Онъ купилъ на аукціонѣ послѣ стараго ризничаго синій халатъ, который шлепалъ его по ногамъ, и, направляясь въ церковь, опирался на палку, стараясь придать своему лицу такое выраженіе, будто производилъ общую инспекторскую ревизію.

— Идетъ!—говорили въ толпѣ, провожая его глазами.

Однажды онъ рѣшилъ, что ему, какъ первому лицу въ деревнѣ, необходимъ какой-нибудь титулъ, и, прежде чѣмъ кому-нибудь пришло въ голову возражать, онъ объявилъ себя агентомъ.

— Гдѣ ты агентъ?—спрашивали его.

— На четырехъ американскихъ линіяхъ,—отвѣчалъ Андреасъ.

Кто могъ отрицать? Вѣдь эмиграціонная контора посылала ему плакаты, которые онъ развѣшивалъ на стѣнахъ, ему обѣщано было вознагражденіе, если онъ доставитъ эмигрантовъ. Разумѣется, Андреасъ былъ агентомъ!

Однажды мать вернулась домой въ слезахъ: лавочникъ отказался дать кофе въ долгъ. Люди смѣялись надъ нею и говорили, что агентъ можетъ и заплатить.

Андреасъ продумалъ всю ночь и утромъ отправился въ городъ: недурно показать людямъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ!

III.

Онъ бывалъ въ городѣ еще ребенкомъ, когда носилъ за матерью кошелку съ яйцами. Ребята бѣжали за нимъ и дразнили его. Теперь онъ смотрѣлъ на городъ со стороны, какъ часто смотрѣлъ съ горы на деревню. Городъ самъ по себѣ, онъ самъ по себѣ. Тамошнимъ франтамъ до него столько же дѣла, сколько до прошлогодней травы, но онъ попробуетъ—отъ скуки—помѣряться силой съ однимъ изъ нихъ.

Онъ долго бродилъ передъ большими витринами съ роскошной выставкой разнообразныхъ товаровъ. Здѣсь не стоило разсказывать басни о больной матери, ещё безполезнѣе подражать Вольтеру, насаждая въ мірѣ справедливость. Вмѣсто халата на немъ было платье изъ домотканнаго сукна: онъ желалъ казаться степеннымъ крестьяниномъ, требующимъ къ себѣ уваженія.

У него слегка забилось сердце, когда онъ ступилъ на широкую лѣстницу, ведущую въ магазинъ самого „Рэмеръ и С.". Очутившись въ лавкѣ, онъ почувствовалъ нѣкоторый трепетъ: чего тутъ не было! Все—отъ кофе до плуговъ и жатвенныхъ машинъ включительно. О старомъ Рэмерѣ ходили сотни разсказовъ. Онъ любилъ стоять у себя на крыльцѣ и выслѣживать рыбаковъ, возвращавшихся съ лодокъ. Завидя какого-нибудь бѣдняга съ пустымъ мѣшкомъ, сердитый господинъ тотчасъ окликалъ его:

— Эй, ты! если тебѣ нужна мука, ступай сюда, у меня есть мука!

И рыбаки не смѣли ослушаться приказанія. Онъ постоянно хвасталъ, что у него въ лавкѣ есть все, что нужно человѣку, и, когда въ лавку зашелъ какой-то шутникъ и спросилъ петли для пуговицъ, старикъ вышелъ изъ себя и крикнулъ приказчику:

— Оселъ! да гдѣ же у насъ эти петли?!

И съ этимъ человѣкомъ Андреасъ хотѣлъ тягаться! Онъ спросилъ приказчика, нельзя ли говорить съ самимъ хозяиномъ.

Франтъ за прилавкомъ посмотрѣлъ на него, приподнялъ крышку прилавка и предложилъ войти. Въ полумракѣ, въ глубинѣ магазина раскрылась дверь въ полутемную комнату, гдѣ у конторки сидѣли двое людей: старикъ въ большомъ бѣломъ парикѣ съ краснымъ лицомъ и молодой человѣкъ въ пенсне. Какъ только Андреасъ почувствовалъ на себѣ взглядъ старика, онъ сталъ словно другимъ человѣкомъ, у него измѣнилось выраженіе лица, осанка и голосъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Рэмеръ. Онъ сильно гнусавилъ.

Андреасъ назвалъ себя—Андреасъ Педерсенъ Бергетъ—и пояснилъ, что желалъ бы посмотрѣть товаръ. Плохія времена пришли для земледѣльца, говорилъ онъ разсудительнымъ тономъ стараго человѣка; налоги растутъ, рабочія руки дорожаютъ, не знаешь, что ждетъ тебя завтра... Онъ надумалъ открыть небольшую торговлю...

— А большое у васъ хозяйство?

— Нельзя сказать: десятка два-три коровъ, пять-шесть лошадей,—но онъ надѣется поднять его...

— Откуда вы?—Острые глаза Рэмера сузились и пронизывали Андреаса насквозь.

Андреасъ назвалъ свой приходъ. Ему казалось, что его раздѣли, измѣрили, взвѣсили. Старикъ не выпускалъ пера изъ рукъ, но оглядывалъ его съ головы до ногъ. Что-жъ, онъ продаетъ,—Андреасъ покупаетъ, дѣло чистое. Въ эту минуту ему казалось, что онъ всю жизнь былъ степеннымъ, зажиточнымъ крестьяниномъ.

У стараго Рэмера была своя особая манера разговаривать съ новичками: онъ ругательски ругалъ ихъ, стиралъ въ порошокъ, но ошибочно было бы думать, что онъ ихъ отпускалъ. Кто разъ тамъ побывалъ, неминуемо возвращался, словно по обязанности.

— Такъ-съ, вы желаете заняться торговлей...—Толстякъ слѣзъ съ высокаго табурета и принялся мелкими шажками ходить по маленькой комнаткѣ.—А сколько вамъ лѣтъ?

Тутъ Андреасъ вдругъ выпрямился; къ сожалѣнію, онъ не захватилъ съ собою метрическаго свидѣтельства.

Наступила пауза. Богатый купецъ въ упоръ поглядѣлъ на Андреаса, но тотъ спокойно выдержалъ его взглядъ: зажиточный крестьянинъ не хуже лавочника.

— Гонору въ васъ много, сударь! И при этомъ вы всетаки желаете заняться торговлей. Вы думаете, что можете конкурировать съ торговцами въ разносъ, которые хозяйничаютъ тамъ у васъ? Они открываютъ лавочку въ курятникѣ, берутъ у одного на наличныя, у другихъ въ долгъ и дважды въ годъ банкротятся. Хе! Когда ихъ тащатъ въ судъ, они клянутся и божатся, что все вернутъ... хе! а по-моему ихъ всѣхъ слѣдовало бы засадить въ острогъ. Но если вы хотите рисковать своимъ хозяйствомъ, мнѣ все равно; но вы, конечно, покупаете на наличныя—хе?—Онъ остановился передъ молодымъ человѣкомъ и уставился на него.

У Андреаса мурашки забѣгали. Онъ окончательно вошелъ въ свою роль, и Рэмеръ, самъ Рэмеръ, принималъ его за крестьянина и удостоивалъ разговора! Но тутъ пришелъ его чередъ обидѣться.

— Я привыкъ говорить на чистоту,—замѣтилъ онъ;—да я сумѣю дверь найти, прощайте!

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте! Вамъ слова нельзя сказать... А еще собираетесь торговать!

— До сихъ поръ я все покупалъ на наличныя,—отозвался Андреасъ.

— До сихъ поръ! А что вы покупали?

— Стекло и прочее...

— Нигдѣ дешевле нашего не купите. Если хотите имѣть кредитъ, примите за правило все покупать у одной и той же фирмы, все, понимаете? Въ такомъ случаѣ это можетъ быть выгодно и вамъ и намъ.

— А когда я продамъ сельдей...—продолжалъ Андреасъ, оправляясь и чувствуя особый подъемъ.

— Сельдей? У васъ есть сельди? Откуда взяли вы ихъ въ эту пору? Чортъ побери!...

Крестьянинъ видимо рѣшилъ, что всему бываетъ предѣлъ: довольно ужъ сомнѣній въ его правдивости. Взявшись за ручку двери, онъ проговорилъ будто на прощанье:

— Разумѣется, я не укралъ ихъ. Въ послѣдніе дни въ нашихъ мѣстахъ былъ кое-какой уловъ, не Богъ знаетъ что́, съ полсотни боченковъ...

— Да что вы совсѣмъ рехнулись! Вернитесь! Чортъ возьми! Хотите сигару?

Спасибо, онъ не куритъ.

— Можетъ быть, стаканъ вина? Нужно же попробовать договориться. Садитесь вотъ сюда. Пьете портвейнъ?

Андреасу казалось, что глаза старика испытующе глядѣли на него, и потому онъ поблагодарилъ и отвѣтилъ, что совсѣмъ ничего не пьетъ.

Снова наступила пауза. Рэмеръ смотрѣлъ на него уже другими глазами и отступилъ шага на два назадъ, чтобъ лучше разсмотрѣть. Очевидно, онъ выросъ въ его глазахъ: не пьетъ и не куритъ!...

— Такъ вы покупаете сельдей... Значитъ, рыбаки торгуютъ у васъ?

— Случается,— замѣтилъ Андреасъ. Онъ расположился въ удобномъ креслѣ, и старикъ положительно плясалъ вокругъ него.

Мошенниковъ много, но обычно они не бываютъ трезвенниками и не такъ ужъ щепетельны... Если этотъ парень честенъ, онъ можетъ быть хорошимъ покупателемъ. Если упустить его, онъ найдетъ товаръ въ другомъ мѣстѣ и сюда ужъ больше ни ногой!... Заикнись онъ о поручительствѣ, о рекомендаціи,—онъ тотчасъ же уйдетъ. Онъ знаетъ ихъ, этихъ упрямыхъ истыхъ крестьянъ... Честенъ ли этотъ человѣчекъ? Безусловно! Рэмеру ли не знать своихъ покупателей!

— Ганзенъ!—обратился онъ къ юношѣ въ пенсне,—проводите его въ складъ и попросите Доля отложить для него товаръ, ко-

торый ему нуженъ!—Значитъ рѣшено, что вы явитесь ко мнѣ, когда у васъ будутъ сельди? Подпишитесь подъ этой бумагой...

Вечеромъ Андреасъ встрѣтилъ знакомаго земляка, который предложилъ ему выпить пива. Нѣтъ, сегодня пиво и вино казались Андреасу слишкомъ просты. Онъ испытывалъ тонкое опьянѣніе. Вѣдь самъ старый Рэмеръ попался: онъ бранился, горячился, совѣтовалъ и былъ одураченъ, одураченъ, ого! Андреасу казалось, будто онъ летѣлъ высоко на большомъ золотистомъ облакѣ, которое нордвестъ несъ высоко надъ лѣсомъ домой. Необходимо было лечь и отдохнуть, онъ едва держался на ногахъ.

Когда черезъ нѣсколько дней пароходъ присталъ у его родной деревни, на пристани его ожидали ломовыя телѣги и одновременно съ нимъ подъѣхала телѣжка. Все это было заказано по телеграфу изъ города, и рабочіе, стоявшіе, засунувъ руки въ карманы, недоумѣвали, что̀ все это значитъ.

— А не слышно, какъ обстоитъ съ новымъ дѣломъ?—спросилъ одинъ старикъ у другого.

— Да вѣрно, какъ и на прежнихъ, будетъ вздоръ и болтовня. Только этому молодчику изъ лѣсу не миновать острога.

Лодка причалила, и прежде всѣхъ спрыгнулъ на берегъ Андреасъ. Рабочіе уставились на него: такой онъ былъ нарядный, настоящій адвокатъ. Стали выгружать мѣшки съ мукой и ящики, ящики безъ конца, земледѣльческія машины и снова ящики,—и все это было адресовано на имя купца Андреаса Бергетъ. Неудивительно, что рабочіе рты поразинули, когда Андреасъ предложилъ имъ грузить.

— А телѣжка?—спросилъ кучеръ.

— Телѣжка для меня,—отвѣтилъ Андреасъ совсѣмъ по-городски и взялъ у него изъ рукъ вожжи.

Весь поѣздъ двинулся по дорогѣ черезъ деревню. Впереди Андреасъ въ телѣжкѣ, за нимъ возы. Народъ смотрѣлъ, и вѣсть разносилась, словно пожаръ. Мальчишки сбрасывали башмаки, чтобы легче было поспѣвать. Изо всѣхъ оконъ выглядывали лица. Андреасъ наружно былъ совершенно спокоенъ, но въ сущности былъ на седьмомъ небѣ. Прочь съ дороги всѣ, кто смотрѣлъ свысока на Андреаса Бергетъ, вотъ онъ ѣдетъ!

Въ лѣсу на полянкѣ ходила и причитала его мать: ужъ нѣсколько дней у нихъ не было кофе, и она молола жженую картофельную шелуху. Старикъ бранился и проклиналъ, потому что у него не было табаку и онъ жевалъ просмоленную веревку, чтобы что-нибудь было во рту. И всему виною проклятый Андреасъ.

— Гляди!—воскликнула старуха, показывая въ окно.—Что это?...

Никогда еще лѣсъ не видывалъ столько возовъ. За обозомъ бѣжала толпа мальчишекъ, которые, кажется, готовы были провожать его хоть на край свѣта.

— Вѣрно, важный баринъ сидитъ въ телѣжкѣ,—замѣтила старуха.—Вѣрно, онъ хозяинъ всей этой музыки...

— Вѣрно, тамъ все больше мука... — проговорилъ старикъ, сплевывая.—Но куда все это ѣдетъ? Что?... Остановились у калитки... Телѣжка завернула! Весь обозъ сворачиваетъ сюда!—Старики ухватились другъ за друга и смотрѣли во всѣ глаза.

— Такъ... Неужто Андреасъ взялся за умъ?... — замѣтилъ старикъ.

Разумѣется, въ деревнѣ только и разговоровъ было. Откуда этотъ парень добылъ весь товаръ—дѣло одно. Но открывать торговлю среди лѣса, когда лавокъ сколько угодно въ деревнѣ,—вотъ это иное дѣло и нѣчто новое.

Въ лѣсу на полянкѣ была суета и тѣснота. Маленькимъ лачужкамъ не подъ силу было вмѣстить запасы крупной торговли. Корову перевели на лѣтнее положеніе, свинью закололи, курамъ свернули головы: нужно было размѣстить ящики и мѣшки. Свиной хлѣвъ былъ заставленъ бочками и боченками, сарай заваленъ мѣшками, а на чердакѣ кровать старика была вплотную заставлена ящиками и товаромъ: онъ спалъ словно въ раю. Жилая изба была превращена въ лавку. Двѣ бочки съ положенной на нихъ доскою изображали прилавокъ. Нужно начинать потихоньку.

Старики жили, какъ въ сказкѣ. Все это свалилось на нихъ такъ неожиданно, что они были совершенно сбиты съ толку. Просыпаясь утромъ, они усердно протирали себѣ глаза—нѣтъ, это не сонъ! Кофейникъ съ утра до ночи не сходилъ съ плиты—это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, у старика въ обоихъ карманахъ лежалъ табакъ, и онъ могъ жевать безъ перерыва! Для старухи было истиннымъ наслажденіемъ проводить цѣлые дни за прилавкомъ, рыться въ шелку и въ катушкахъ, перебирать ленты и булавки. Дай, Господи, здоровья добрымъ людямъ... Андреасъ все-таки хорошій сынъ. Онъ подарилъ матери хорошую машину Зингера, и она цѣлыми днями до крови колола себѣ пальцы, стараясь научиться шить. По воскресеньямъ, когда они отправлялись въ церковь, она могла взять изъ лавки любую шаль и нарядиться... И она искоса поглядывала на холостяковъ...

Народъ ходилъ въ лѣсъ за покупками. Андреасъ умѣлъ привлекать покупателя. Боже сохрани, чтобы кто-нибудь прошелъ мимо, не выпивъ чашки кофе. Пока приходилось довольствоваться

кухней, но Андреасъ уже поговаривалъ о томъ, что будетъ строиться. И старикъ не жалѣлъ корму лошадямъ. Распрягай, если хочешь, и выпускай на лугъ!

Старики стали ежедневно наряжаться, будто свадьбу справляли. Старуха носила изо дня въ день свою лучшую юбку и усердно мылась каждое утро, а старикъ досталъ свои праздничныя брюки, чтобы быть не хуже людей. Когда ему приходилось давать свою подпись въ качествѣ свидѣтеля, онъ подписывался сборщикомъ податей, хотя ужъ много лѣтъ не пользовался этимъ титуломъ. Въ церковь онъ являлся чисто выбритымъ съ высокой шляпой, опираясь на палку, онъ потиралъ себѣ спину и хвасталъ, что скоро поѣдетъ на югъ лѣчиться ваннами отъ ревматизма.

— Дорого стоитъ,—говорили люди.

— Разумѣется, дорого,—подтверждалъ старикъ, покачивая головой, словно денегъ у него сколько угодно и ему необходимо ихъ истратить.—Конечно, очень дорого это будетъ стоить.

Чтобы показать, что онъ ужъ не какой-нибудь несчастный бобыль, онъ подошелъ къ первому богачу въ приходѣ и протянулъ ему руку.

Андреасъ купецъ былъ щедръ и великодушенъ. Если кто-нибудь бралъ въ долгъ мѣшокъ муки или фунтъ кофе, онъ не записывалъ этого въ книгу, а просто ставилъ мѣломъ крестъ на чердакѣ: это означало кредитъ. Развѣ не ясно? Черезъ недѣлю весь чердакъ былъ испещренъ крестами, и онъ самъ не могъ разобраться, гдѣ мука, гдѣ кофе, и кто будетъ платить. Но современемъ все уяснится.

Былъ кто-то, кого онъ все время поджидалъ, но этотъ единственный не приходилъ. То была Іонетта. И это огорчало Андреаса.

Однажды въ Реннингенѣ сидѣли за обѣдомъ. Іонетта встала изъ-за стола, чтобы подлить супу, когда въ избу вошелъ Андреасъ съ новехонькой швейной машиной.

— Пожалуйста, Іонетта,—проговорилъ онъ, ставя машину,—на память о школьной порѣ.

Всѣ кругомъ остолбенѣли отъ неожиданности и изумленія, и Іонетта поставила миску и тоже молча смотрѣла. Все было такъ невѣроятно, такъ неожиданно, что народъ застылъ въ неподвижности, и Андреасъ величественно отбылъ.

Дѣло съ ленсманомъ не закончилось при первомъ разбирательствѣ, а на вторичномъ докторъ и ризничій выступили противъ Андреаса съ обвиненіемъ въ оскорбленіи чести. Конечно, Андреасъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, но теперь онъ былъ ужъ купецъ, и дѣло грозило принять дурной оборотъ для

ленсмана, доктора и ризничаго. Свидѣтели набрались храбрости и отваживались стать на сторону г. Бергетъ. Многіе видѣли, какъ ленсманъ прогуливался вдвоемъ съ акушеркой. Мужъ роженицы тоже осмѣлился выступить съ жалобой на доктора. Прихожане подтвердили слова Андреаса, что ризничій зачастую ошибался и благодаря этому слова молитвы звучали кощунствомъ. Всѣ дѣла были отложены на осень для вызова новыхъ свидѣтелей. Андреасъ вырооъ въ глазахъ односельчанъ: вѣдь онъ осмѣлился поднять голосъ противъ сильныхъ людей въ приходѣ! Дѣти снимали при встрѣчѣ съ нимъ шапки.

Мѣсяца два длилась коммерція Андреаса многимъ на радость и утѣшеніе. Въ сараѣ, въ хлѣву и на чердакѣ еще кое-что оставалось, когда въ одинъ прекрасный день на лѣсной дорогѣ показался кабріолетъ въ сопровожденіи четырехъ пустыхъ телѣгъ. Видно опять пришла пора деревенскимъ лошадкамъ кое-что заработать.

— Вѣрно, будетъ большой торгъ,—проговорила старуха и побѣжала одѣваться.

Андреасъ все видѣлъ изъ окна. Былъ моментъ, что телѣжка накренилась и чуть не опрокинулась; сидѣвшіе въ ней двое господъ ухватились за края, и лица у нихъ перекосились. Когда Андреасъ узналъ въ подъѣзжавшихъ ленсмана и старика въ бѣломъ парикѣ, онъ понялъ, что злые люди опять злоумышляютъ противъ него.

— Гдѣ Андреасъ Бергетъ?—раздался гнусавый окрикъ еще прежде, чѣмъ телѣжка успѣла въѣхать во дворъ.

— Онъ въ лавкѣ,—отозвался старикъ, выходя, чтобы провести лошадей на лужайку, гдѣ было еще немного травы.

— Вотъ онъ гдѣ!—воскликнулъ Рэмеръ, когда Андреасъ вышелъ и снялъ шапку.—Здравствуйте, хозяинъ тридцати коровъ и пяти лошадей! Здравствуйте, скупщикъ сельдей! Хе!

Старикъ старался выйти изъ телѣжки. Андреасъ принялъ самый невинный видъ и, казалось, былъ радъ посѣщенію. Пришла и мать и остановилась въ нерѣшительности,—можно ли такимъ важнымъ господамъ предложить кофе.

Наконецъ, Рэмеру удалось стать на землю, и онъ, заложивъ руки за спину, уставился на Андреаса и не сводилъ съ него глазъ, будто созерцалъ звѣзду. Кровь бросилась ему въ голову, и слова не шли съ языка. Наконецъ, плотину прорвало.

Старики ничего не понимали, но инстинктивно попятились къ стѣнѣ. Старый коммерсантъ визжалъ, кричалъ, грозилъ Андреасу кулакомъ, обѣщалъ заковать его въ кандалы и на всю жизнь

упрятать въ тюрьму. Онъ неоднократно всуе упоминалъ имя Божіе, поминалъ Андреаса рядомъ съ дьяволомъ. И этотъ висѣльникъ провелъ его, самого Рэмера! Слыханное ли это дѣло? Онъ приказалъ здоровеннымъ парнямъ выносить товаръ и грузить на телѣги. Они все вынесли изъ лавки, дочиста все выбрали изъ сарая, обшарили всѣ углы. Старый Рэмеръ съ развѣвающейся гривой всюду поспѣвалъ, всѣмъ распоряжался и не переставалъ выходить изъ себя. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало добиться, куда дѣвалось остальное. Куда, къ чорту, дѣвался товаръ, когда въ выручкѣ всего три кроны? Андреасъ провелъ его на чердакъ и показалъ на кресты, сдѣланные мѣломъ на потолкѣ. Рэмеръ закинулъ голову и долго смотрѣлъ.

— Это что же такое?

— Кредитъ,—отвѣтилъ Андреасъ.

Старику Рэмеру стало совсѣмъ плохо: на губахъ выступила пѣна, онъ размахивалъ руками и говорилъ безсвязныя слова. Онъ почти ругался, и Андреасу стало, наконецъ, непріятно его слушать. Старикъ неотступно ходилъ за нимъ съ топоромъ въ рукахъ. Ленсманъ сидѣлъ съ трубкой во дворѣ на камнѣ. Туда же вышелъ и Андреасъ: съ него ужъ было довольно. Онъ сѣлъ на другой камень и закурилъ сигару.

— Какъ вы думаете, будетъ завтра хорошая погода?—спросилъ онъ ленсмана.

Тотъ промолчалъ и, улыбаясь, продолжалъ смотрѣть вдаль.

Между тѣмъ Рэмеру удалось вывѣдать у перепуганной старухи имена кое-кого изъ тѣхъ, кто бралъ въ долгъ муку и кофе: пусть все это съѣдено и выпито,—онъ все вернетъ.

Набрался всего одинъ возъ, остальныя три телѣги громыхали пустыя. Мальчишки, прибѣжавшіе поглазѣть, убѣдились, что вся лавка изъ лѣсу уѣзжаетъ обратно въ городъ. Снова вдоль всей дороги въ окнахъ былъ народъ: даже старики, годами не встававшіе съ постели, хотѣли непремѣнно выглянуть въ окно. Вотъ она, торговля-то, и проѣхала... Вѣрно, слѣдомъ поѣдетъ и ленсманъ съ Андреасомъ. Очередь ленсмана пришла послѣ того, какъ телѣги проѣхали. У него положительно не было основаній особенно любить Андреаса и онъ держалъ себя, какъ того и слѣдовало ожидать. По заявленію адвоката, онъ объявилъ купца Бергетъ банкротомъ и наложилъ запрещеніе на его домъ. Онъ прочелъ длинный протоколъ и предложилъ свидѣтелямъ подписать его. Кромѣ того, онъ наложилъ печати на „лавку", хотя тамъ не осталось ничего, кромѣ оберточной бумаги да старыхъ туфель старика. Онъ заперъ и запечаталъ сарай, назвавъ его кладовой, хотя

тамъ остался одинъ старый ящикъ. Грубость его зашла такъ далеко, что онъ приказалъ Андреасу являться къ нему въ контору ежедневно въ двѣнадцать часовъ, въ иномъ случаѣ,—добавилъ онъ,—онъ будетъ вынужденъ арестовать его.

Андреасъ заявилъ, что все это противозаконно, и онъ возбудитъ дѣло.

— До свиданія!—сказалъ ленсманъ, усаживаясь рядомъ съ Рэмеромъ, сгоравшимъ отъ нетерпѣливаго желанія немедленно вернуть муку и проч.

— Прощайте,—сказалъ Андреасъ.

— Прощайте,—сказала старуха, вытирая глаза.

Они стояли и смотрѣли другъ на друга. Изба опустѣла, лугъ, съ котораго слѣдовало запасти сѣна для коровы на зиму, былъ весь потравленъ. Праздникъ миновалъ, и имъ всѣмъ было даже неловко за свое праздничное платье.

Андреасъ готовъ былъ плакать, а вмѣстѣ съ тѣмъ интересно было наблюдать стариковъ во время этой грозы. Мать стояла, прислонясь къ стѣнѣ, и глядѣла—мимо яростнаго Рэмера—на небо, словно въ ожиданіи помощи. А старикъ не выпускалъ изъ рукъ топора. А ихъ лица! Словно ихъ прямо изъ рая призвали на страшный судъ! Это случилось до такой степени неожиданно, что они и сами не понимали, живы они или нѣтъ.

Старикъ жевалъ и плевалъ и, наконецъ, выглянувъ въ окно, спросилъ, глядя на Андреаса:

— Намъ такъ и нельзя войти въ избу?

— Нѣтъ, она подъ запрещеніемъ.

— А кухня?—спросила въ свою очередь мать.

— Кухней мы можемъ попрежнему пользоваться, кухня не запечатана.

Старикъ все смотрѣлъ въ окно и горевалъ о своихъ туфляхъ.

— И твои туфли, и старый ящикъ въ амбарѣ—все описано,—замѣтилъ ему Андреасъ и затянулъ псаломъ.

Старикъ былъ окончательно пораженъ: на его старыя стоптанныя деревянныя туфли наложено запрещеніе. Могъ ли онъ мечтать объ этомъ!

Въ осеннюю сессію Андреасъ фигурировалъ въ четырехъ дѣлахъ. Нелегко ему пришлось: на этотъ разъ его свидѣтели показывали иначе, чѣмъ раньше. Съ Рэмеромъ дѣло было вполнѣ очевидно, и никто не хотѣлъ и слушать о томъ, что ленсманъ и оптовщикъ поступили противозаконно. Какъ только дѣло было доложено по начальству, Андреасъ получилъ казенные прогоны въ городъ и отсутствовалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

IV.

Домой онъ завернулъ только на минутку. Онъ и самъ не зналъ зачѣмъ, но ему хотѣлось побывать въ церкви именно теперь и поглядѣть на лица. Вотъ онъ здѣсь: арестантъ, купецъ и агентъ. Онъ шагалъ съ палкой и внутренно вздрагивалъ подъ взглядами односельчанъ. Онъ благодарилъ за все зажиточныхъ земляковъ, заговаривалъ съ дѣтьми. Въ церкви его голосъ покрывалъ собою всѣхъ.

Потомъ онъ исчезъ. Бѣдно жили въ лѣсной лачужкѣ. Старуха часто прихварывала, старикъ бродилъ и собиралъ топливо. Снова они пили вмѣсто кофе жженую картофельную шелуху и къ зимѣ въ деревнѣ стали поговаривать о томъ, что приходъ долженъ взять ихъ на свое попеченіе, чтобы они не умерли съ голоду.

Вдругъ въ одинъ прекрасный денъ старикъ явился въ лавку и купилъ на наличныя кофе и патоки. Это дало поводъ къ разговорамъ. Отправившіеся на развѣдки въ лѣсъ сообщили, что старики ѣдятъ кашу съ масломъ—это въ будни-то!... Въ воскресенье они пріѣхали въ церковь и старуха была въ новомъ платкѣ. Весною старикъ стоялъ на лѣстницѣ и красилъ стѣны избы красной краской, а оконныя фрамуги бѣлой. Ужъ очень они вознеслись опять. Старуха даже завела себѣ комнатныя растенія, покупала на вѣсъ чернику и платила наличными.

— Гдѣ же Андреасъ?—спрашивалъ народъ.

— На сѣверѣ...

Мать умерла, и Андреасъ явился на похороны. У него былъ цвѣтущій видъ. Золотая цѣпь и толстое золотое кольцо на правой рукѣ придавали ему щегольской видъ и многихъ заставили призадуматься.

Но вечеромъ того же дня, когда онъ сидѣлъ, разсказывая о своей поѣздкѣ на сѣверъ, въ избу явились ленсманъ и полицейскій изъ города.

Андреасъ съ готовностью послѣдовалъ за ними, но въ дверяхъ обернулся. Господи, какъ они были поражены и какъ они всѣ таращили глаза на него.

— До свиданія!—сказалъ онъ.

— До свиданія, Андреасъ,—откликнулись они, и многіе хотѣли протянуть ему руку. Но онъ быстро шмыгнулъ за дверь и захлопнулъ ее за собою.

Черезъ полгода онъ снова заглянулъ на старое пепелище. Тѣмъ временемъ успѣлъ умереть и старикъ. Мѣсто отошло къ

помѣщику, лачуги были проданы и снесены. Передъ Андреасомъ лежалъ пустой участокъ. Онъ присѣлъ на каменную плиту, которая когда-то была крыльцомъ; нѣсколько разъ онъ порывался встать и уйти, но снова садился.

Дня черезъ два послѣ этого, ночью, въ имѣніи произошелъ пожаръ, и Андреасъ снова былъ арестованъ своимъ другомъ ленсманомъ. На допросѣ онъ сумѣлъ доказать свое alibi: въ ночь, когда произошелъ пожаръ, онъ ночевалъ на чердакѣ у Пера. Такимъ образомъ на этотъ разъ онъ не могъ быть привлеченъ.

Трудныя наступили для него времена. Никто не хотѣлъ взять его въ работники, а вмѣстѣ съ тѣмъ у него словно что порвалось въ душѣ и онъ не могъ разстаться съ запустѣвшимъ участкомъ въ лѣсу. Онъ не могъ ужъ больше незваный ходить и ѣсть у односельчанъ, а денегъ не было и продавать было нечего, не было даже и кольца на правой рукѣ.

Нужно было что-нибудь придумать. Однажды онъ пришелъ къ своему прежнему школьному учителю, который былъ предсѣдателемъ попечительства о бѣдныхъ, сталъ кашлять и жаловаться на кровохарканье, на слабость. Учитель былъ добрый, мягкій человѣкъ и тотчасъ же предложилъ взять цвѣтущаго молодого человѣка на попеченіе.

Ему отказали. Андреасъ—язва своего прихода, онъ совращаетъ молодежь съ пути истиннаго. Но тутъ Андерсъ Кольстенъ вызвался взять Андреаса въ работники. Сѣдовласый умный старикъ, жившій у фіорда, всегда думалъ и поступалъ по-своему.

— Ты что же,—хочешь, чтобы твои дома спалили?—спрашивали его.

— Я хочу помочь ему вернуться къ честному труду!—отвѣтилъ старикъ.

И Андреасъ перебрался къ нимъ, хотя молодая жена Кольстена смертельно боялась его.

— Добро пожаловать!—встрѣтилъ Кольстенъ, протягивая ему руку. Онъ явно старался пробудить въ немъ чувство самоуваженія.

Сначала все шло хорошо. Андреасъ желалъ научиться пахать и скоро зашагалъ, погоняя двухъ гнѣдыхъ клячъ: „но-но!“ Плугъ прокладывалъ одну борозду подлѣ другой, и пашня принимала свой обычный видъ. Отрадно было сознавать, что ты живешь честнымъ трудомъ. „Тпру!“ Можно и передохнуть минутку. Андреасъ сдвинулъ шапку на затылокъ и оглянулся вокругъ.

Ясный осенній день. Пожелтѣвшій лѣсъ на вершинахъ, румяныя облака, затихшій фіордъ. Воздухъ былъ такъ чистъ и не-

подвиженъ, что слышно было, какъ за много миль отъ этого мѣста падали доски.

Въ вышинѣ неподвижно стояли облака, какъ Андреасъ стоялъ на пашнѣ. Онъ думалъ о томъ, какъ это люди могутъ въ теченіе долгихъ лѣтъ быть однимъ и тѣмъ же лицомъ. Одни изъ года въ годъ однимъ и тѣмъ же путемъ отправляются на Лафотенскіе острова и возвращаются назадъ, другіе спорятъ все на томъ же дворѣ съ одной и той же женой, годъ за годомъ, десятки лѣтъ, оставаясь все тѣмъ же Кнутомъ или Олафомъ передъ Богомъ и передъ людьми. И ничего—живутъ.

А онъ не можетъ подавить въ себѣ стремленія къ перевоплощенію.

Представимъ себѣ, что ему предложили бы стать священникомъ. На годъ согласенъ. А на всю жизнь—уфъ! Или епископомъ—недурно производить ревизію, освѣщать церкви. Но только не всю жизнь! Или королемъ? Ради коронаціи, ради помилованія нѣсколькихъ осужденныхъ на смертную казнь,—разумѣется! Но только не на всю жизнь! Въ дѣтствѣ онъ любилъ подражать, а теперь онъ желалъ бы совершенно войти въ какую-нибудь роль и быть сегодня Петромъ, а завтра Павломъ. Передъ пасторомъ онъ прикинулся нищимъ, сыгралъ крестьянина у Рэмера, изображалъ Вольтера въ деревнѣ, а теперь онъ отщепенецъ, состоящій на попеченіи общины. Есть люди, которые всю жизнь влачатъ такое жалкое существованіе,—для него оно явилось лишь временнымъ прибѣжищемъ. Онъ хотѣлъ доставить себѣ возможность явиться въ благочестивое собраніе въ качествѣ прокаженнаго, протянуть имъ руку и спросить, ждали ли они его. Развѣ не имѣлъ бы онъ права посмѣяться надъ ними въ душѣ!

Въ вышинѣ стоятъ облака, а на землѣ стоитъ онъ...

— Ну, пашни же, Андреасъ!—окликнулъ его Кольстенъ съ пригорка.

Дни проходили за днями. Каждое воскресенье онъ отправлялся въ церковь въ синей блузѣ, съ веселымъ лицомъ. Народъ разступался и во всѣ глаза смотрѣлъ на него. Среди блѣдныхъ, кислыхъ деревенскихъ лицъ онъ шелъ съ веселой улыбкой и привѣтливо здоровался налѣво и направо, хотя никто не отвѣчалъ на его поклоны.

Понемногу произошла перемѣна. Приходилъ то одинъ, то другой изъ попечителей и кротко съ нимъ заговаривалъ: повидимому, его собирались помиловать. Любовныя рѣчи, кроткіе взгляды—все говорило за то, что его поведеніе достойно награды. Кольстенъ посмѣивался себѣ въ усъ:

„Развѣ я не былъ правъ? Андреаса можно было вернуть къ честной жизни. Сами видите!"

Андреасъ, для приличія, напѣвалъ псаломъ. Однажды его молоденькая хозяйка не приготовила ему къ воскресенью рубашку, на другой же день онъ подалъ на нее жалобу.

Кольстенъ въ себя не могъ прійти. А Андреасъ, взваливъ свой сундукъ на спину, отправился со двора. На его счастье какъ разъ въ это время Берггейменъ и Кольстенъ поссорились изъ-за короля и шведовъ. Подошли выборы, и Берггейменъ вычеркнулъ своего сосѣда изъ партійнаго списка, а теперь, чтобы еще досадить ему, взялъ Андреаса къ себѣ въ домъ.

Это ужъ было нѣкоторое разнообразіе. У Берггеймена былъ самый большой дворъ, и Андреасу пришлось возить его на выборныя собранія. Андреасъ читалъ кучу газетъ и держалъ себя такъ, словно онъ самъ стоялъ во главѣ выборной кампаніи. Такъ шло, пока онъ не обнаружилъ, что тутъ то же, что у Кольстена, но при этомъ его раздражала увѣренность старика, что его изберутъ.

На послѣднемъ собраніи всѣ были увѣрены, что большинство будетъ за Берггеймской партіей, какъ вдругъ впередъ выступилъ ленсманъ. Всѣ почувствовали нѣчто неладное. Ленсманъ—радикалъ и ярый противникъ Берггеймена; что ему нужно здѣсь?

— Прошу замѣтить,—объявилъ онъ,—что одинъ изъ выставленныхъ кандидатовъ обвиняется въ воровствѣ.

Все смолкло. Берггейменъ велъ собраніе и готовъ былъ вышвырнуть ленсмана вонъ.

— Кто же это?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Самъ Берггейменъ.

Пауза. Это нѣчто необычайное. Берггейменъ, самый первый богачъ, трезвенникъ, предсѣдатель христіанскаго братства, извѣстный политическій дѣятель. Берггейменъ—воръ, это положительно ново! Лица окаменѣли, а старикъ поднялся съ мѣста.

— Что же я укралъ?

— Купецъ Андреасъ Берггетъ обвиняетъ васъ въ похищеніи изъ его сундука 10 кронъ. Возможно, что тутъ кроется недоразумѣніе, но я обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія собранія во избѣжаніе крупнаго скандала на всю страну.

И ленсманъ ушелъ.

Когда Берггейменъ, обливаясь потомъ, прибѣжалъ къ себѣ домой и принялся допытываться, гдѣ Андреасъ, ему сказали, что Андреасъ взялъ свой сундукъ и ушелъ.

Разумѣется, никто не придалъ серьезнаго значенія этой новой его выходкѣ, но Берггейменъ не получилъ достаточнаго числа голосовъ.

V.

Жизнь идетъ своей чередой, и годъ спустя Андреасъ сидѣлъ въ арестномъ домѣ въ ожиданіи перевода въ окружную тюрьму. Злые люди опять ополчились на него за то, что онъ въ простотѣ души ѣздилъ по деревнямъ и бралъ задатки на новаго рода плуги фирмы Хаугенъ Даль, которые прибудутъ черезъ нѣсколько дней. Наканунѣ состоялся приговоръ, и его снова ждала казенная квартира и казенные хлѣба.

Дверь отворилась, и вошелъ тюремный надзиратель съ толстымъ пожилымъ господиномъ въ золотыхъ очкахъ.

— Вотъ онъ каковъ,—замѣтилъ онъ.

— Благодарю, я на минутку. — Сторожъ вышелъ. Толстякъ протеръ очки, улыбнулся Андреасу, сѣлъ и заговорилъ.

— Позвольте представиться: докторъ Іенсенъ. Вчера во время судебнаго разбирательства я былъ среди публики. Не знаю, замѣтили ли вы меня?

Да-да, Андреасъ припоминаетъ... Онъ погладилъ бѣлокурую бородку и искоса взглянулъ на гостя.

— Дѣло было очень интересное.—Докторъ потиралъ колѣни и улыбался отъ пріятнаго воспоминанія.

— Гм... Мы всѣ были того мнѣнія, что вы чертовски ловкій парень... Правду говоря, мнѣ плохо спалось въ эту ночь: я все время думалъ о васъ. Разрѣшите мнѣ осмотрѣть вашу голову?

Не безъ усилія поднявшись, онъ подошелъ къ арестанту съ какимъ-то аппаратомъ въ рукахъ. Внимательно ощупавъ его голову руками, онъ съ трудомъ перевелъ духъ и потомъ посмотрѣлъ въ окно, выставивъ впередъ синій бритый бодбородокъ, покачалъ головой, и зашагалъ взадъ и впередъ, поскрипывая сапогами и выпятивъ животъ, на которомъ позвякивала золотая цѣпь.

— Вполнѣ согласуется, мой другъ. Такъ именно я и говорилъ.—При этомъ онъ сдѣлалъ въ воздухѣ нѣсколько движеній пухлой рукой, на которой былъ перстень съ печаткой.

— Послушайте, добрый человѣкъ, вамъ никогда не приходило въ голову, что вы стоите большаго?

Андреасъ вздохнулъ и заговорилъ о своей невиновности.

— Васъ нельзя причислить къ заурядным преступникамъ, мой другъ; вы не только обладаете хорошей головой, но надѣ-

ленія и особымъ дарованіемъ. Когда человѣку не удается попасть въ свою, судьбой ему предназначенную, колею, тогда все идетъ кривь и вкось. У меня на этотъ счетъ своя точка зрѣнія. Скажите, вы знаете, что такое театръ?

Да. Онъ нѣсколько разъ видѣлъ комедію.

— Такъ вотъ, я хотѣлъ бы спросить васъ, не чувствовали ли вы въ душѣ стремленія стать актеромъ, но... пожалуйста, не дѣлайте такого лица, ха-ха-ха!—Докторъ долженъ былъ снять очки, и вытереть глаза платкомъ.

— Не могу вспомнить вчерашняго разбирательства, ха-ха-ха! Неподражаемо, ей-Богу!

Андреасъ самъ улыбнуся.

— Хорошо.—Толстый баринъ надѣлъ очки и зашагалъ по комнатѣ, комкая платокъ въ рукахъ.

— Итакъ, вы крестьянинъ, котораго ничему не научили и которому теперь приходится отбывать наказаніе. Если въ тюрьмѣ можно образовать себя, чтобы стать проповѣдникомъ или епископомъ, такъ можно подготовиться и къ артистической карьерѣ. Я позабочусь о томъ, чтобы доставить вамъ возможность читать... А когда вы черезъ полгода отбудете срокъ наказанія, приходите ко мнѣ. Меня считаютъ скрягой, но порой у меня бываютъ свои фантазіи. Попытаемся сдѣлать изъ васъ великаго актера.

Когда тюремный священникъ увидѣлъ Андреаса, онъ погладилъ свою сѣдую бороду и только замѣтилъ:

— А вы опять здѣсь.—На другой день однако онъ былъ необычайно милъ и внимателенъ. Онъ предложилъ Андреасу заниматься съ нимъ исторіей, нѣмецкимъ и англійскимъ.

Полгода спустя Андреасъ отправился съ докторомъ въ маленькій городской театръ. Они миновали темный коридоръ, прошли черезъ сцену, гдѣ нѣсколько полураздѣтыхъ людей переставляли мебель, и, наконецъ, добрались до маленькой комнатки, куда черезъ нѣсколько минутъ вошелъ худенькій безбородый блондинъ съ свернутой бумагой въ рукахъ. Онъ поклонился имъ.

— Здраствуйте, директоръ,—сказалъ докторъ.—Вотъ и мы.

— Гм... такъ это онъ?—спросилъ вошедшій, мѣряя взглядомъ Андреаса.—Да, ваша теорія геніальности и...

— Объ этомъ мы уже говорили,—остановилъ его докторъ, опуская руки на колѣни.

— Да, если бы это было такъ легко, какъ вамъ кажется. Но это трудно, смертельно трудно.

— Сегодня у насъ было засѣданіе,—заговорилъ докторъ,—и всѣ

пришли къ тому заключенію, что вы можете разсчитывать на поддержку, если замѣните датчанъ норвежскими актерами; въ такомъ случаѣ ваша труппа можетъ основать здѣсь постоянный театръ.

— Норвежцы, норвежцы... Нельзя же собирать людей съ улицы и изъ извѣстныхъ учрежденій, чтобы они несли на сцену подобный ароматъ.

— Извините!—Онъ сдѣлалъ легкое движеніе головой въ сторону Андреаса.

Докторъ поднялся, какъ будто собираясь уйти, но директоръ вызвалъ его въ сосѣднюю комнату, и они еще немного поговорили. Докторъ все повышалъ голосъ и, наконецъ, сталъ взвизгивать. Наконецъ, они вышли.

— Господи Боже!... Ну, пусть онъ придетъ сюда завтра въ 12 часовъ. Сегодня у меня положительно нѣтъ времени, это невозможно.—Но, правда, лицо директора приняло жалкое выраженіе.

— Да, я припоминаю, вы ждали!...

Докторъ потрепалъ его по плечу и улыбнулся.

— Устраивайте, какъ вамъ удобнѣе.

На слѣдующій день Андреасъ явился на пробу. Директоръ и докторъ помѣстились въ креслахъ. Андреаса заставили читать.

— Постойте, милѣйшій, вы читаете, какъ проповѣдникъ. Попробуйте разсказать исторію, какъ будто вы сами были очевидцемъ, скажемъ, напримѣръ, въ такомъ родѣ... И директоръ прочелъ.

Андреасъ стоялъ, разиня ротъ.

— Вотъ это чтеніе!—Андреасъ почувствовалъ, что слезы подступаютъ ему къ горлу.

— Попробуйте-ка.

Андреасъ въ совершенствѣ перенялъ голосъ директора, его манеру и даже жесты. Слушатели не выдержали и расхохотались.

— Довольно!—сказалъ директоръ и, взглянувъ на доктора, покачалъ головой.

— Попробуйте его въ другомъ жанрѣ!—горячился докторъ.—Посмотрите его въ настоящей роли, напримѣръ, епископъ Николай.

— Что вы!... Что вы говорите? Ну, развѣ онъ можетъ.—Директоръ чуть не лишился чувствъ.

— Попробуйте... Если я окажусь неправъ, благодарите небо, что я не сдѣлался актеромъ.

Директоръ всталъ, принесъ изящно переплетенную книгу и подалъ ее Андреасу. Докторъ подошелъ къ нему и, взявъ за пуговицу, предпослалъ небольшое введеніе. Сцена представляетъ собою залъ во дворцѣ короля. Вдоль стѣнъ стоятъ загорѣлые воины въ кольчугахъ, съ копьями. Тутъ стоитъ король Гокопъ, а тамъ герцогъ Скуле, а здѣсь сидитъ епископъ, старый сатана.

— Таковъ-то былъ епископъ!—вставилъ Андреасъ.

Онъ долженъ былъ читать за епископа, а докторъ давалъ реплики за короля и за герцога. Андреасъ вдругъ отчетливо себѣ представилъ, каковъ былъ епископъ, принялъ его мину, вообразилъ на себѣ епископское одѣяніе, состарился, сгорбился, заговорилъ хриплымъ голосомъ. Онъ снова улыбался про себя, но на этотъ разъ ему предстояло ввести въ заблужденіе не пастора, не самого Рэмера, а короля съ герцогомъ и закованныхъ въ кольчугу воиновъ.

— Это ужъ лучше!—замѣтилъ директоръ. Наконецъ, онъ вскочилъ и вырвалъ книгу у Андреаса.

— Довольно, довольно! Быть можетъ, изъ васъ выйдетъ новый Тальма, но васъ нужно обтесать и отполировать. Есть у васъ средства къ существованію?

Андреасъ не сразу отвѣтилъ,—ему нужно было прійти въ себя и изъ епископа снова превратиться въ Андреаса.

— О средствахъ къ жизни мы позаботимся!—проговорилъ запыхавшійся, но торжествующій докторъ.

Было рѣшено, что Андресъ будетъ получать небольшое жалованье въ театрѣ и ежемѣсячную стипендію отъ доктора, и одновременно учиться и работать. Докторъ взялъ на себя всѣ хлопоты и заботы. Онъ помѣстилъ Андреаса въ семьѣ, гдѣ хозяева мыли руки по нѣскольку разъ въ день. Онъ долженъ былъ брать уроки то у одного актера, то у другого. Андреасъ на все соглашался. Кто бы могъ повѣрить, что нужна цѣлая наука, чтобы умѣть войти и выйти, умѣть расшаркиваться, когда кланяешься, умѣть смѣяться, не пугая публику! Вотъ что зовется образованіемъ... Да, многому нужно было научиться... Обѣдалъ онъ всегда у доктора и тотъ толковалъ съ нимъ обо всѣхъ великихъ произведеніяхъ міровой литературы, училъ его разбираться въ прочитанномъ.

— У тебя другого платья нѣтъ?—спросилъ онъ однажды своего питомца.

И, получивъ отрицательный отвѣтъ, повелъ его къ своему „придворному“ портному. И съ Андреаса сняли мѣрку для

платья на разные случаи. Какъ-то разъ за столомъ старикъ замѣтилъ будущему актеру:

— Да ты скоро станешь настоящимъ франтомъ, только вотъ ногти у тебя!... Пойдемъ ко мнѣ въ спальню, я научу тебя, какъ ихъ чистить.

Въ другой разъ онъ училъ его завязывать галстукъ.

Кто бы могъ подозрѣвать, что этотъ циникъ-докторъ, этотъ женоненавистникъ и отшельникъ могъ втайнѣ лелѣять мечту и ждать ея осуществленія?... Пусть ему не удалось стать самому актеромъ, онъ воплотитъ эту мечту въ Андреасѣ. Онъ ходилъ вокругъ него, какъ скульпторъ вокругъ кома глины, изъ которой должно выйти безсмертное произведеніе искусства. Никогда не сталъ бы онъ возиться съ образованнымъ или полуобразованнымъ парнемъ,—нѣтъ, ему нуженъ былъ сырой матеріалъ. Развѣ онъ не въ правѣ имѣть свои капризы?...

Наконецъ, Андреасъ долженъ былъ выступить. Газеты оповѣстили о предстоящемъ дебютѣ молодого человѣка съ необычайной біографіей.

Онъ долженъ былъ изображать стараго кассира, который на склонѣ лѣтъ расхищаетъ кассу банка, чтобы наряжать своихъ легкомысленныхъ дочерей. Андреасъ находилъ, что авторъ вложилъ въ уста старика много глупыхъ рѣчей, и ему хотѣлось говорить отъ себя, но ему не разрѣшили.

Поднялся занавѣсъ. Андреасъ привыкъ въ церкви къ толпѣ и въ этотъ вечеръ испыталъ то же старое ощущеніе. Публика смотрѣла и аплодировала, и у него свѣтло становилось на душѣ. Точь въ точь, какъ въ церкви, когда народъ смотрѣлъ на него и крестился. Въ антрактѣ докторъ пришелъ за кулисы и, блѣдный отъ волненія, замѣтилъ:

— Великолѣпно! Публика въ восторгѣ.

Никто не зналъ, что̀ въ этотъ вечеръ переживалъ этотъ докторъ съ маской циника, а между тѣмъ у него было такое состояніе, словно сбылась мечта его жизни и онъ самъ былъ на сценѣ.

Въ концѣ Андреаса неоднократно вызывали, директоръ пожалъ ему руку, хвалилъ и обѣщалъ прибавку. Театральная критика была представлена въ лицѣ трехъ компетентныхъ судей: книгоиздатель, банкротъ-купецъ и ветеринарный врачъ. Докторъ пригласилъ ихъ всѣхъ на тодди и на слѣдующій день въ газетахъ появились отзывы о дебютѣ, о неизгладимомъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ.

Андреасъ вырѣзалъ замѣтку и послалъ ее Іонеттѣ въ Ренингенъ.

Онъ узналъ, что значитъ прослыть знаменитостью въ маленькомъ городкѣ. Онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ Ромера, и тотъ, Богъ вѣсть, помнилъ ли онъ объ ихъ первой встрѣчѣ, раскланивался съ нимъ. Андреасъ милостиво отвѣчалъ на поклонъ. Докторъ пригласилъ Андреаса на вечеръ, и въ его честь произносились рѣчи, въ его лицѣ привѣтствовали актера, подающаго надежды, а онъ чувствовалъ себя на облакахъ.

Андреасъ разучилъ новыя роли, и труппа отправилась въ турнэ. На этотъ разъ ему ужъ не пришлось ѣхать на палубѣ среди груза; онъ ѣхалъ въ первомъ классѣ, давалъ на чай и разговаривалъ съ дамами въ салонѣ. Онъ былъ со всѣми на равной ногѣ и жалѣлъ, что ленсманъ не увидитъ его. Онъ выступалъ въ большихъ роляхъ, изображалъ королей и рыцарей, убійцъ и закоренѣлыхъ пьяницъ, первыхъ любовниковъ и огорченныхъ отцовъ. Театромъ зачастую служилъ молитвенный домъ или домъ рабочаго ферейна, сцена была не больше кухоннаго стола, и случалось, что кулисы падали на голову герою въ моментъ трогательнаго объясненія съ прекрасной дамой. Сколько было напряженія въ такомъ существованіи, никогда нельзя было быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Останавливались въ гостиницахъ и уѣзжали не платя; и это считалось вполнѣ честнымъ поступкомъ, разъ публика не умѣетъ цѣнить искусство. Въ одномъ городѣ не пускали ночевать, а въ другомъ чествовали обѣдомъ; сегодня не было денегъ на хлѣбъ, а завтра пили шампанское; жизнь походила на сказку, и время летѣло. Въ труппѣ были люди, принадлежавшіе къ обществу, кое-кто получили образованіе и имѣли дипломы. Но ежедневное общеніе, жизнь среди споровъ и раздоровъ, празднествъ и огорченій сглаживали различія. Товарищи по труппѣ во время репетицій, во время представленій были связаны общими надеждами и общей судьбой. Въ труппѣ были партіи, враждовавшія между собою, критиковавшія одна другую, хвалившія другъ друга, помогавшія другъ другу, предававшія другъ друга. Случается, что артиста, опьяненнаго успѣхомъ, за кулисами встрѣтитъ товарищъ и скажетъ: „А сыграно-то плохо!...“ Но бываетъ и такъ, что его поджидаетъ женщина и обрадуетъ горячимъ поцѣлуемъ.

Всѣ сходились въ мнѣніи, что Андреасъ лучше всѣхъ гримировался: нѣсколько штриховъ, и лицо совершенно другое.

Прошелъ годъ съ небольшимъ, и Андреасъ сталъ все сильнѣе чувствовать, что нѣчто назрѣваетъ. Вѣдь всякая игра условна. Зрители знаютъ, что это неправда, никто не впадаетъ въ заблужденіе. Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ въ немъ крѣпло жела-

ніе освободиться отъ обязательствъ, играть внѣ театра—на улицѣ, въ домахъ, на большой дорогѣ, всюду, изображать самыхъ различныхъ персонажей передъ простодушными, ничего не подозрѣвающими людьми, заставлять ихъ изумляться и попадать впросакъ.

Одни пьютъ, онъ не пилъ; другіе курили, чтобъ не рехнуться, ему и это не было нужно; третьи гонялись за женщинами и съ отчаянія теряли разсудокъ, а онъ смѣялся. У него было одно стремленіе, одно непреодолимое желаніе: привлекать къ себѣ вниманіе и обманывать.

Въ одинъ прекрасный день это желаніе: заговорило съ такою силою, что онъ исчезъ, захвативъ немного грима и нѣсколько париковъ. Никто не знаетъ, что ему можетъ понадобиться!

Вернувшись въ городъ, гдѣ жилъ докторъ, онъ узналъ, что его покровитель въ отъѣздѣ. Въ тотъ же день онъ явился въ банкъ и предъявилъ бумажку съ подписью своего благодѣтеля.

Директоръ банка посмотрѣлъ на него поверхъ очковъ. „Какъ его имя? Хорошо, совершенно вѣрно". Городъ былъ небольшой, и директору банка было извѣстно участіе, которое докторъ принималъ въ судьбѣ молодого человѣка. Но сумма была нѣсколько велика.

Андреасъ вздрогнулъ. Вотъ это игра! Это азартъ. Онъ понималъ, что достаточно малѣйшей оплошности, и все рухнетъ. Тутъ требовалось искусство, но была и поэзія.

— Подождите,—замѣтилъ директоръ и вышелъ.

„Онъ телефонируетъ къ доктору,—подумалъ Андреасъ.—Они часто играютъ въ карты въ клубѣ. Но сегодня онъ его не найдетъ".

Черезъ минуту блѣдный плѣшивый господинъ вернулся и видимо колебался. Андреасъ не зналъ, что его ждетъ — деньги или тюрьма.

Наконецъ, директоръ банка протянулъ ему бумажку: онъ рѣшился. Очевидно, выраженіе лица молодого человѣка или какая-нибудь черта содѣйствовала этому.

Бумажка перешла къ другому, и немного погодя кассиръ вызвалъ Андреаса и положилъ передъ нимъ большую пачку ассигнацій. Тотъ, неспѣша, пересчиталъ ихъ, уложилъ въ бумажникъ и медленно вышелъ. Онъ чувствовалъ огонь во всемъ тѣлѣ, словно держалъ въ своихъ объятіяхъ дивную красавицу.

Онъ долженъ былъ нанять себѣ помѣщеніе и лечь въ постель. Онъ испытывалъ неизъяснимое блаженство и опьянѣніе, и выражалъ свое настроеніе тѣмъ, что напѣвалъ псаломъ.

Все, что онъ продѣлывалъ до сихъ поръ дома, было одно ребячество, сущіе пустяки! Не долженъ ли онъ теперь загладить это? Закрывъ глаза, онъ представилъ себѣ и Кольстена и Берггеймена, каждаго на своемъ дворѣ. Не сдѣлать ли ему такъ и такъ?...

Дня черезъ два послѣ этого Кольстенъ получилъ письмо. Онъ былъ на дворѣ и долго разглядывалъ конвертъ сквозь запыленнія очки. Наконецъ, схватилъ себя за сѣдые волосы и кликнулъ жену.

— Олина, тебѣ письмо. Поди сюда!

Бѣлокурая Олина подошла, вытирая на ходу мокрыя руки о клѣтчатый фартукъ и шлепая деревянными туфлями. Письмо было отъ Андреаса. Онъ просилъ у нея прощенія за исторію съ рубашкой и просилъ принять на память пустякъ, который можетъ пригодиться для спальни.

Кольстенъ съ женой переглянулись.

— Что еще онъ выдумалъ?—замѣтила Олина, отодвигая спустившуюся на лобъ прядь волосъ.

Кольстенъ улыбался и думалъ.

Въ эту минуту послышался стукъ колесъ, и во дворъ въѣхалъ возъ мебели.

— Это пришло сегодня съ пароходомъ; приказано доставить къ вамъ.

Жена недоумѣвающе смотрѣла. Кольстенъ закинулъ голову назадъ и долженъ былъ протереть правое стекло, потому что на лѣвый глазъ былъ слѣпъ.

Подошелъ работникъ, и стали разгружать возъ. Тамъ оказался красивый полированный диванъ, шесть стульевъ и двѣнадцать картинъ въ рамахъ для украшенія стѣнъ. Спальня давно ужъ ждала обстановки, это правда. Но только послѣ того, какъ все было разставлено, Кольстенъ пришелъ къ выводу, что не желаетъ принимать этотъ подарокъ. Но и онъ, и жена сидѣли на новыхъ стульяхъ и смотрѣли другъ на друга.

Въ тотъ же самый день Берггеймену принесли запечатанный пакетъ. Изба была полна народу, и всѣ съ любопытствомъ ждали, пока его вскроютъ.

Прежде всего увидѣли письмо отъ Андреаса. Онъ писалъ, что прощаетъ Берггеймену десять кронъ и проситъ принять маленькую вещицу на память.

— Несчастный идіотъ!—воскликнулъ старикъ и, скомкавъ письмо, выкинулъ его въ окно.

Онъ не зналъ, плакать ему или смѣяться. Но остальные расхохотались.

— Тутъ есть еще что-то!—замѣтила старая Маритъ и вынула изъ шелковой бумаги красивые золотые часы.

Всѣ рты поразинули. Берггейменъ вырвалъ часы, намѣреваясь и ихъ отправить вслѣдъ за письмомъ, но жена остановила его и стала уговаривать взять себя въ руки. Она открыла часы и увидѣла выгравированное на крышкѣ имя Берггеймена и слова „На память о другѣ“.

Хотя старикъ и желалъ вышвырнуть часы за окно, но золото все же золото, а у него часы были серебряные. Онъ опустился на стулъ въ полномъ изнеможеніи, молча сидѣлъ, перебирая бороду.

Вернулся и докторъ изъ путешествія и, услышавъ въ клубѣ за картами отъ своего друга, директора банка, о крупномъ чекѣ, уронилъ карты на полъ. Что? Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Но когда на слѣдующій день въ банкѣ онъ взялъ бумажку въ руки, онъ отъ волненія опустился на стулъ и невольно подумалъ, что былъ недостаточно циниченъ, и смотрѣлъ передъ собою, какъ человѣкъ, утратившій свою послѣднюю мечту.

— Хорошо!—проговорилъ онъ, наконецъ.—Хорошо!

Полиція была поставлена на ноги и, казалось, напала на слѣдъ въ отдаленной деревушкѣ. Но тамъ не было никого чужого, кромѣ пожилого проповѣдника съ черной бородой и черными волосами. Онъ продавалъ библіи, устраивалъ бесѣды и пользовался большимъ вліяніемъ.

Но Андреаса найти такъ и не могли.

Перевела **З. Зеньковичъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОЛЬГА ОРГЪ. [1])

Романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Деньги отъ отца пришли, но съ лаконической припиской, что онѣ послѣднія, чтобы Ольга ни на что не разсчитывала, если не хочетъ вернуться домой, потому что жизнь въ Петербургѣ одинъ развратъ, и отецъ этого допустить не можетъ.

Купонъ, на которомъ это было написано, Ольга разорвала, а съ деньгами рѣшила быть экономнѣе.

Рѣшеніе ея остаться въ Петербургѣ и, если можно, никогда больше не уѣзжать отсюда окрѣпло и созрѣло въ ней до полной увѣренности въ невозможности поступить иначе.

И Ольга начала бѣгать по объявленіямъ. Сережа сталъ помогать ей. Онъ въ простотѣ души думалъ, что она такъ только хотѣла заняться дѣломъ „чтобы не коптить неба"; ему и въ голову не приходило, что она нуждается.

Мѣсто, наконецъ, подвернулось.

Случайно разговорившись въ университетѣ съ однимъ дотолѣ мало знакомымъ студентомъ—Скарынинымъ, Сергѣй узналъ, что сестрѣ студента нужна барышня—не то бонна, не то гувернантка къ ея двумъ дѣтямъ. Сестра этого студента артистка и не можетъ, какъ то должно было бы, присмотрѣть за малышами. Предпочтительна была бы русская дѣвушка изъ хорошей семьи. Сережа тутъ же назвалъ Ольгу и на радостяхъ, не желая откладывать дѣла въ долгій ящикъ, потащилъ своего новаго пріятеля къ нашимъ подругамъ.

Застали они ихъ однѣхъ дома и въ хорошемъ расположеніи

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. III.

духа. Раисѣ удалось раздобыть гдѣ-то сильно подержанный рояль на прокатъ за пять рублей въ мѣсяцъ, и теперь онѣ вдвоемъ чистили и настраивали его.

Сережа передалъ Ольгѣ, въ чемъ дѣло.

— Такъ вамъ нужна воспитательница къ дѣтямъ вашей сестры?—совсѣмъ серьезно переспросила Ольга, глядя на нѣсколько смущеннаго Скарынина.

— Да, собственно такъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то добавить, но умолкъ. Нервное лицо его все время мѣняло выраженіе.

Тогда, обернувшись къ Сергѣю, Ольга дурашливо покачала головой.

— Ай-ай, Сережа,—и вамъ не стыдно?

— То-есть какъ это?

— Да очень просто! Развѣ можно меня рекомендовать вашему товарищу какъ воспитательницу...

Она не выдержала и разсмѣялась. Раиса послѣдовала за ней.

Студенты недоумѣвали. Сережа взъерошилъ свои волосы и развелъ руками. Скарынинъ, чуть пожимая плечомъ, поднялся съ мѣста, готовый раскланяться.

Но Ольга удержала его.

— Подождите, не уходите. Почему бы вамъ не остаться нашимъ гостемъ. Этотъ Сережа—я его люблю, но онъ всегда все напутаетъ. Садитесь же и поговоримъ.

Скарынинъ покорно усѣлся. Легкая улыбка дрогнула на его губахъ и мгновенно исчезла.

Онъ былъ гладко подстриженъ, высокъ ростомъ, опрятно одѣтъ. Его нельзя было бы назвать красивымъ, но глаза его были сѣры и внимательны, носъ мягокъ, но прямъ, губы слегка припухлы, но по-дѣтски невинны. Онъ былъ простъ и естественъ, но все существо его точно жило какой-то ускоренной, порывистой жизнью, и поэтому казалось иногда, что онъ смущается и дѣлаетъ непроизвольныя движенія, не соотвѣтствующія смыслу его словъ.

Ольга улыбалась, глядя на него.

— Ну вотъ, теперь поговоримте. Начать съ того, что я вообще ненавижу всякій трудъ т.-е. просто не понимаю, какъ его можно исполнять безъ отвращенія. Это плохо, это гадко, быть можетъ, (не правда ли, Сережа?), но это такъ. Работать нужно, вѣрнѣе зарабатывать,—съ этимъ ничего не подѣлаешь. Но какая же я воспитательница!

Ольга опять засмѣялась, но на этотъ разъ какъ-то тише, и во-

просительно посмотрѣла на Скарынина. Тотъ не зналъ еще, что отвѣчать, и молчалъ.

— Такъ чѣмъ же вы хотите быть тогда?—взволнованно крикнулъ Сережа и заходилъ по комнатѣ.

— Ахъ, Боже мой, чѣмъ!... Ну кассиршей, ну лектрисой, ну приказчицей, наконецъ...

Сережа возмущался:

— Стоило кончать гимназію! Нечего сказать! Вы бы въ натурщицы пошли!...

Раиса, все время тихо улыбавшаяся изъ-за рояля, сказала примиряюще:

— Брось, Сережа, не скандаль! Пойди попроси хозяйку поставить самоваръ, и будемъ чай пить...

Такъ изъ всей этой исторіи ничего и не вышло. Только Сережа еще нѣсколько дней дулся на Ольгу, а Скарынинъ сталъ бывать у подругъ и довольно часто.

Онъ какъ-то все приглядывался и прислушивался. Видимо, Ольга сбивала его съ толку. Странны были ему и ея смѣхъ, и ея безпричинная задумчивость, и ея рѣчи, всегда сбивчивыя, всегда противорѣчивыя, всегда такія, будто она и сама не вѣритъ тому, что говоритъ. А главное пугало его и поражало то, что она какъ-то ужъ очень хорошо знала жизнь и людей, знала всю темную сторону ихъ и уже не удивлялась никакой ихъ мерзости.

Самъ онъ былъ очень чутокъ, очень жалостливъ, отчасти сентименталенъ. Жизнь зналъ по книгамъ, воспитывался до университета дома, у отца съ матерью, гдѣ-то въ самарской глуши, а потомъ, когда родители умерли, поселился у старшей сестры-актрисы, давно ушедшей изъ дому, порвавшей съ семьею и прижившей отъ какого-то актера двухъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ началась у него упорная душевная ломка, и ко всему сталъ онъ относиться какъ-то до болѣзненности внимательно, боясь ошибиться и не такъ понять.

Ольга была для него новой загадкой, новымъ мучительнымъ вопросомъ, который онъ хотѣлъ разрѣшить. Не зная жизни, онъ не зналъ и того, что, не понявъ человѣка впервые, уже никогда его не разгадаешь; что, подойдя близко къ человѣку и внимательно разглядывая его, перестаешь быть объективнымъ, и въ концѣ-концовъ или отвернешься отъ него или полюбишь.

Не умѣя осуждать, Скарынинъ искренно и наивно полюбилъ Ольгу.

VII.

Нѣсколько дней уже у Ольги не было ни копейки, мѣсяцъ истекъ, а мѣстъ не находилось. Мѣста собственно были, но все такія, отъ которыхъ Ольга отказывалась съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Всюду встрѣчали ее преувеличенно любезно, ни въ чемъ не отказывали, обѣщали обязательно все устроить, но тутъ же просили зайти еще разъ для окончательныхъ переговоровъ и лучше всего „вечеркомъ".

Уже переступая порогъ какой-нибудь конторы или квартиры и видя встающаго ей навстрѣчу господина съ баками или безъ бакъ, съ брюшкомъ или безъ брюшка, но всегда охорашивающагося, Ольга съ тоской думала, что сейчасъ же начнется старая, знакомая пѣсня:

— Чѣмъ могу служить?

И потомъ, когда она скажетъ, что ищетъ мѣста, что она пришла по объявленію, ей сейчасъ же предложатъ сѣсть и заговорятъ о погодѣ и о томъ, что такой, какъ она, грѣхъ служить въ этой конторѣ за какихъ-нибудь несчастныхъ 30 рублей, что вотъ ей могутъ предложить другое мѣсто съ большимъ окладомъ, и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ. А на прощаніе будутъ пожимать ей руку, а кто посмѣлѣе, попытается поцѣловать ее и удержать за талію.

Сначала она оскорблялась до слезъ, потомъ научилась выслушивать все это молча, закусивъ губы, потомъ смѣялась прямо въ лицо всѣмъ этимъ животнымъ—старымъ и молодымъ, красивымъ и безобразнымъ, смѣялась, пока ей не предлагали воды или не выпроваживали до дверей, потому что они всѣ боялись скандала.

— Къ несчастію, мы ничего не можемъ для васъ сдѣлать,— говорили они тогда и офиціально раскланивались.

— О, извините, извините... конечно, я понимаю,—отвѣчала она между приступами смѣха:—вѣдь вы такіе занятые люди.

Она все чаще ловила себя на этомъ безпричинномъ смѣхѣ, на этой необычной веселости, вдругъ охватывающей ее въ самыя, казалось бы, тяжелыя минуты. Ее даже немного качало при этомъ, и голова кружилась, и сладко замирало сердце, точно она только что выпила шампанскаго...

А однажды, выйдя изъ одного такого дома, гдѣ, судя по объявленію, требовалась сидѣлка къ престарѣлой женщинѣ, но гдѣ оказалось, что никакой старухи не было, а просто досужіе ли-

цеисты рѣшили позабавиться, Ольга должна была ухватиться за выступъ стѣны,—такъ у нея кружилась голова и ослабѣли ноги.

Она стояла, прислонясь къ стѣнѣ, а глаза ея горѣли и смѣялись, Богъ вѣсть чему, на поблѣднѣвшемъ, осунувшемся лицѣ.

Передъ ней топтался одинъ изъ веселыхъ лицеистовъ, только что одурачившихъ ее. Онъ выбѣжалъ за нею въ одномъ мундирчикѣ, хотя было уже очень холодно, и, улыбаясь, смущенно просилъ вернуться и извинить ихъ, бормоталъ что-то о своей любви и о томъ, что ее не обидятъ.

— Мы выпьемъ съ вами бутылочку Помери—ничего больше,— убѣждалъ онъ и улыбался, недоумѣнно слѣдя за смѣющимися глазами Ольги.

— А если угодно, я могу проводить васъ, и мы столкуемся, право!... Они, дѣйствительно, немного грубы.

Глаза ея продолжали смѣяться, когда она ему отвѣтила:

— Мнѣ хочется ѣсть...

Такъ просто сказала, тихимъ голосомъ, какъ говорятъ это, вернувшись домой, кухаркѣ, запоздавшей съ обѣдомъ:

— Мнѣ есть хочется...

— Ѣсть?

— Да, да, ѣсть...

И кивнула два раза головой совсѣмъ по-дѣтски.

Ничего не было страшнаго ни въ словахъ ея, ни въ голосѣ. Просто она подумала вслухъ, но лицеистъ поблѣднѣлъ, почему-то пошарилъ у себя въ карманахъ, немного потоптался на мѣстѣ и исчезъ.

И сейчасъ же подошелъ къ ней швейцаръ, спрашивая:

— Вамъ, барышня, извозчика нужно?

Тогда она поняла, что пора итти домой, взяла себя въ руки и пошла.

Голова перестала кружиться, мысли прояснились, глаза погасли.

Она шла одной улицей, другой, третьей... Путь былъ далекій.

И странно, какъ-то особенно близкимъ казался ей этотъ городъ—сырой, промозглый, полный зла и соблазна.

Она чувствовала, что онъ уже владѣетъ ею, что она въ его власти. Что стоитъ ей захотѣть, и онъ дастъ ей все за ея жизнь. Почему она борется? Да такъ, она еще не можетъ не бороться, но это скоро, скоро пройдетъ. Одинъ, два, три дня, недѣля... Раньше ей было противно объ этомъ думать, теперь непріятно, потомъ станетъ безразлично...

Ольга шла такъ очень быстро и совсѣмъ не чувствовала го-

лода. Мысли ея тоже быстро и легко смѣняли другъ друга. Все казалось очень простымъ и яснымъ, и душа почти перестала болѣть.

VIII.

Дома Ольгу ждали Скарынинъ и письмо.

— Это вамъ заходившій безъ васъ господинъ оставилъ,— сказала хозяйка.

Ольга молча протянула руку студенту и разорвала конвертъ.

„Я уже третій разъ захожу къ вамъ и не застаю дома. Быть можетъ, вы нарочно избѣгаете меня, но я не забываю старыхъ друзей и попрежнему настойчивъ въ своихъ желаніяхъ. Ваше положеніе мнѣ извѣстно—увы! оно слишкомъ обыкновенно, но тѣмъ лучше. Надѣюсь, на этотъ разъ вы мнѣ не откажете въ свиданіи. Все же я у васъ единственный“.

Далѣе слѣдовалъ адресъ и подпись—„В. Ширвинскій“.

Ольга внимательно прочла все до послѣдняго слова, потомъ подняла глаза на Скарынина и устало улыбнулась.

— Не хотите ли полюбопытствовать?

Студентъ прочелъ переданный ему листокъ и пожалъ плечомъ:

— Что за странный тонъ? Отъ кого это?

— Какъ видите, отъ друга...

— Но чему же онъ радуется?

— Тому, что я стану кокоткой...

Скарынинъ нервно потеръ руки, потомъ лобъ. Губы его дергало, когда онъ заговорилъ:

— Я не понимаю, для чего такъ шутить! Вообще я васъ не понимаю. Что вамъ нужно, чего вы ищете? Кто вы такая?

Ольга нервно засмѣялась. Она опять почувствовала приступы смѣха—вотъ-вотъ, что-то подкатываетъ къ горлу и давитъ грудь, и во всемъ тѣлѣ какая-то необыкновенная легкость, такая, какая бываетъ во снѣ, когда летишь и сливаешься съ небомъ.

— Меня называлъ одинъ актеръ„ сфинксомъ безъ загадки“,— отвѣтила она.

Скарынинъ вздернулъ плечомъ и заходилъ по комнатѣ—отъ рояля къ кушеткѣ, гдѣ сидѣла Ольга, и обратно. Онъ метался почти безшумно въ этомъ маленькомъ пространствѣ, и Ольгѣ казалось, что передъ ней какой-то нелѣпый призракъ, — бьющаяся о стѣны клѣтки большая черная птица. Ей стало страшно, и она крикнула:

— Да говорите же что-нибудь!

Тогда Скарынинъ остановился передъ нею (лицо его трудно

было разобрать, потому что въ комнату уже забрались сумерки) и заговорилъ:

— Вы странная дѣвушка. Я не понимаю васъ и порою мнѣ кажется, что вы сами себя не понимаете. Иногда ваше лицо становится такимъ простымъ, такимъ дѣтскимъ, что, вотъ кажется, видишь всю вашу душу, а потомъ точно тѣнь проходитъ по вашимъ глазамъ, и тогда, сколько ни смотри на васъ, ничего не прочтешь. Вы, должно быть, очень много страдали, очень разувѣрились въ людяхъ и потому вы такая замкнутая, такая несправедливая. Да, да—несправедливая и къ себѣ и къ другимъ.

Онъ вдругъ замолкъ и спросилъ почти обиженно:

— Вамъ надоѣло меня слушать, должно быть?

Она отвѣтила чуть слышно, потому что въ своей неподвижности не чувствовала такъ сильно приступовъ голода, и сладкая дрема все больше и больше овладѣвала ею.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите...

Тогда онъ сѣлъ возлѣ нея, совсѣмъ близко, увлеченный своими мыслями, своимъ представленіемъ о ней, какъ о чемъ-то нѣжномъ и чистомъ.

Онъ говорилъ тихо, находя въ своемъ голосѣ самыя нѣжныя ноты для выраженія того, что волновало его душу. Онъ счастливъ былъ уже однимъ тѣмъ, что, наконецъ, могъ высказаться и этимъ какъ бы осуществить созданный имъ образъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его любовь къ этой странной дѣвушкѣ росла, наполняла все его существо радостной гордостью.

Ольга почти не слушала его. Или нѣтъ, она слышала звукъ его голоса, ласкающій и любящій, и душа ея баюкалась въ волнахъ этого голоса, уплывала, уносилась куда-то и не нарушала покоя измученнаго тѣла.

Тогда онъ взялъ ея руки и сталъ согрѣвать ихъ своими поцѣлуями, робкими, но жаркими нескончаемыми поцѣлуями.

Она смотрѣла на него, не отрывая своихъ рукъ и постепенно выходя изъ оцѣпенѣнія, вновь возвращаясь къ жизни изъ тихихъ сновъ, въ которые погрузили ее его слова.

Она могла только произнести:

— Милый...

Потому что сердце ея было полно благодарности къ этому юношѣ, но неожиданно судороги прошли по ея тѣлу, и она засмѣялась, сначала тихо, потомъ все громче и громче.

Скарынинъ блѣдный вскочилъ съ кушетки. Онъ испугался, потомъ оскорбился. Ему показалось, что она издѣвается надъ нимъ.

— Прощайте...

Но, собравъ послѣднія силы, Ольга сквозь приступы мучительнаго смѣха, разрывающаго ей грудь, крикнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не уходите... Это пройдетъ!

И когда онъ вернулся къ ней, все еще недоумѣвающій, но замкнутый, она ухватилась за рукавъ его пиджака и уже спокойно сказала:

— Останьтесь. Сейчасъ придетъ и Раиса, и мы поѣдемъ съ вами куда-нибудь въ ресторанъ—хорошо?

Скарынинъ молча опустилъ голову. Ему казалось, что у него отняли что-то самое дорогое. Откуда онъ могъ знать, что только голодъ владѣлъ всѣми мыслями Ольги и заставлялъ говорить такія странныя непонятныя вещи.

IX.

Они поѣхали въ кабачокъ, въ который во что бы то ни стало потянулъ ихъ товарищъ Раисы по консерваторіи—Левитовъ. Онъ увѣрялъ, что это самое интересное мѣсто въ Петербургѣ, потому что тамъ можно встрѣтить всѣхъ знаменитостей въ области искусства. Самъ онъ тоже готовился въ знаменитости и много говорилъ о своемъ голосѣ. Онъ позволялъ Раисѣ ухаживать за собой, и со стороны они производили забавное впечатлѣніе.

Хваленый кабачокъ этотъ устроенъ былъ гдѣ-то въ подвалѣ и внѣшнимъ своимъ обликомъ напоминалъ монмартрскіе кабачки, но далеко не такъ былъ оживленъ, какъ они.

Подъ низкими его сводами, ярко расписанными, можно было увидать нѣсколько молодыхъ писателей, художниковъ и актеровъ съ неизмѣнными ихъ спутницами. Собственно спутницы эти были занимательнѣе своихъ знаменитыхъ кавалеровъ, потому что въ нихъ еще все было—плохо скрытая игра; въ ихъ платьяхъ, прическахъ, манерѣ говорить чувствовалось желаніе изображать собою что-то, и это-то заставляло ихъ жить лихорадочной жизнью и часто, дѣлая ихъ смѣшными, вызывало любопытство.

Здѣсь не было легкаго непрерывающагося говора Монмартра, естественно оживленныхъ лицъ, опредѣленно усвоенныхъ кричащихъ костюмовъ и движеній. Здѣсь былъ все тотъ же болотный Петербургъ, желающій во что бы то ни стало походить на Парижъ. И потому все — разговоры, лица, улыбки, самыя стѣны казались нарочитыми, подчеркнутыми, мгновеніями застывали, какъ напряженная натура передъ глазами художника, и вновь оживали, мѣняя маски.

Когда Ольга со своими спутниками входила въ низенькій залъ изъ тѣсной передней и расписывалась въ какой-то книгѣ,— всѣмъ извѣстный актеръ разсказывалъ на эстрадѣ смѣшной анекдотъ, а публика сдержанно смѣялась.

Но донельзя натянутые нервы Ольги заставляли ее особенно остро воспринимать окружающее. Ей сразу же почудилось, что всѣ эти люди дѣлаютъ видъ, что имъ весело, и у нея безнадежно сжалось сердце.

Она жевала сухой бутербродъ, но не чувствовала радости утоленія голода: ѣла только потому, что нужно ѣсть.

На нее обращали вниманіе. Поражали ея скромное синее платье, ея естественность, ея лицо съ выпуклыми невѣрными глазами. Почему улыбался ея ротъ, а въ изломахъ бровей пряталось страданье.

Скарынинъ пилъ красное вино и молчалъ. Онъ молчалъ упорно, соглашаясь на все съ убитымъ видомъ. Онъ не хотѣлъ думать, разбираться въ происходящемъ.

Пѣвецъ Левитовъ переходилъ отъ одной группы къ другой. Раису упрашивали пѣть, и уже кто-то бралъ аккорды.

Высоко держа надъ головами подносъ со стаканами, лакей разносилъ чай.

Невидимый никому режиссеръ разставлялъ на сценѣ маріонетокъ, и все было почти такъ, какъ въ настоящемъ кабарэ.

Полный мужчина въ сѣромъ просторномъ костюмѣ долго смотрѣлъ на Ольгу внимательными глазами изъ-подъ золотого пенсне, раньше чѣмъ она уловила его взглядъ и поняла, что именно на нее смотрятъ.

Онъ медленно подвигался къ ней, точно припоминая что-то и боясь ошибиться.

Потомъ заслоненный чьей-то спиной, онъ неожиданно выросъ передъ вздрогнувшей Ольгой.

Она глянула на него почти испуганно, — такъ внезапно было его появленіе, такъ потрясена была она смутнымъ, но неодолимымъ воспоминаніемъ.

Скарынинъ поднялся вслѣдъ за Ольгой, зараженный ея нервной порывистостью. Онъ стоялъ, склонившись надъ противоположнымъ концомъ круглаго столика, за которымъ они сидѣли до этого, и тоже смотрѣлъ въ лицо незнакомца, готовый на все и почему-то заранѣе предубѣжденный противъ него.

— Неужели вы та самая дѣвушка, которую мы встрѣтили въ прошломъ году на вокзалѣ?...

Она не отвѣчала, она давно знала, кто передъ нею.

— Помните двадцать второе декабря?... Помните этотъ снѣжный вечеръ и нашъ такой необычный разговоръ?

Ну, да, она помнитъ... Что же другое могла она помнить? Она протянула ему руку, быть можетъ, раньше, чѣмъ онъ успѣлъ ей представиться, раньше, чѣмъ самъ вполнѣ увѣрился, что не ошибся. Только потомъ уже услыхала она его имя и фамилію (точно сказанную кѣмъ-то третьимъ) — Николай Герасимовичъ Желтухинъ.

X.

— Скажи мнѣ, что съ тобою, Оля?

Раиса свѣсила голову съ кровати такъ, чтобы лучше было разглядѣть лежащую рядомъ на диванѣ Ольгу.

Передъ образомъ горѣла лампадка (хозяйка зажигала ее всегда подъ праздникъ), и теплыя тѣни ходили по комнатѣ—кругъ за кругомъ. За стѣной давно уже гудѣлъ храпъ счастливыхъ супруговъ.

Ольга лежала, вытянувшись на спинѣ во весь ростъ и закинувъ за голову руки. Она не шевелилась, но и не спала. Раиса видѣла, какъ блестѣли ея глаза.

— Право, ты дѣлаешь глупости,—продолжала Раиса. Она поворачивала голову, и бигуди въ ея волосахъ вытягивались тоненькими рожками.—Глупость за глупостью... Неужели наше недоѣданіе на тебя такъ дѣйствуетъ? Впрочемъ, это понятно—ты еще не привыкла, я крѣпче тебя. Но всетаки надо брать себя въ руки и разсуждать. Вѣдь не хочешь же ты, чтобы такая жизнь тянулась безконечно. На что ты разсчитываешь? На грошовую работу? Но вѣдь это смѣшно! Ты ея не найдешь, да и куда тебѣ работать. Съ отцомъ ты поругалась, со всѣми ты разссорилась...

Ольга спросила почти равнодушно:

— Къ чему ты собственно все это говоришь?

— Къ чему? А вотъ къ чему: тебѣ нужна поддержка—мужъ, любовникъ—все равно кто. Ты не можешь безъ сентиментовъ—такъ пользуйся, пока ты молода. И такъ и этакъ ты будешь недовольной, такъ лучше хоть сытой быть. Тебѣ вѣдь везетъ, а ты зѣваешь. Въ тебя по уши влюбленъ Скарынинъ, а ты заставляешь его ломать надъ тобою голову, мучиться... отталкиваешь отъ себя нелѣпыми выходками. Повѣрь мнѣ, онъ не станетъ несчастнѣе, если ты измѣнишь ему, будучи его женой. А онъ не можетъ тебѣ быть противнымъ...

— Онъ не противенъ мнѣ...

— Вотъ видишь, а надоѣстъ онъ такъ же, какъ и другой, это неизбѣжно... но зато разочарованія не будетъ. Потомъ... что это за выходка въ ресторанѣ? Почему ты не хотѣла говорить съ этимъ Желтухинымъ, почему ты помчалась домой и теперь лежишь, какъ истуканъ... У Скарынина слезы на глазахъ были. Онъ спрашивалъ меня все, что съ тобой. Хотѣла я ему сказать: „накормите вы ее, да и увозите куда-нибудь подальше", и, право, хорошо бы сдѣлала! А то и себя мучишь и другихъ мучишь. На кого ты похожа стала?—кожа да кости!

Раиса помолчала немного и неожиданно спросила:

— А кто это такой, этотъ Желтухинъ?

Ольга отвѣтила чуть слышно:

— Писатель...

— Но откуда ты его знаешь?

Тогда Ольга повернулась лицомъ къ подругѣ и крикнула рѣзко:

— Я не должна объяснять тебѣ!

Раиса свистнула:

— Подумаешь! Да мнѣ безразлично—для тебя же стараюсь. Ты хоть головой объ стѣну бейся...

И потомъ, сразу смягчивъ тонъ, она опять потянулась къ Ольгѣ и, обнявъ ее за плечи, зашептала быстро и вкрадчиво:

— Не злись, Оля, право, не злись. И почему я только люблю тебя? Понимаешь, хочется хоть для тебя счастья. Вѣдь я некрасивая и денегъ у меня нѣтъ и никто въ меня влюбиться не можетъ, а такъ послушаетъ мое пѣніе и побудетъ со мною изъ любопытства. Было бы несчастье, если бы я влюблялась. А такъ хорошо. И легко и весело. Кромѣ того, у меня вообще отвращеніе къ близости съ мужчиной. Меня вотъ сумасшедшей называли, а я вѣдь, правда, чуть съ ума не сошла. Объ этомъ мама только знаетъ, да вотъ тебѣ разскажу. Ты странная—никому ничего про себя не говоришь, а тебѣ такъ и хочется душу открыть. Вотъ мучитъ меня это сегодня.

Раиса оставила плечи Ольги и, спустивъ съ кровати ноги, оперлась ладонями о тюфякъ и смотрѣла на блистающія въ тѣни ризы иконы.

— У насъ въ домѣ дениникъ былъ... Ну, и вотъ... Мнѣ только двѣнадцать лѣтъ тогда было. Больная была потомъ, чуть не помѣшалась. Стала бояться всего, молчала, молчала... А потомъ во мнѣ что-то странное произошло. Боже мой, сколько грязи, гадости!

Она замолкла, не отводя глазъ отъ иконы. Ольга испуганно смотрѣла на нее.

Тѣни отъ лампады ходили по стѣнамъ—кругъ за кругомъ.

XI.

Пришла на имя Ольги открытка отъ какого-то князя Мозовскаго, гдѣ ее очень просили—и убѣдительно и любезно—зайти въ любой часъ для переговоровъ объ очень выгодномъ будто бы мѣстѣ.

Думать долго не приходилось. Скарынинъ не дѣлалъ никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ къ примиренію, и нужно было хвататься за все, что приносила судьба.

Ольга приготовилась ко всему. Иногда расшатанные нервы кажутся особенно крѣпкими. Можно все вынести и остаться нечувствительнымъ.

На Сергіевской Ольга остановилась у одного изъ подъѣздовъ. И сейчасъ же, услышавъ имя князя Мозовскаго, толстый швейцаръ съ четвероугольнымъ синимъ подбородкомъ и жесткой сѣрой щетиной остриженныхъ бобрикомъ волосъ, снялъ передъ ней галунную фуражку и далъ знать о ея прибытіи въ бель-этажъ.

Молодой лакей въ черной тужуркѣ, на которой двумя рядами нестерпимо блестѣли огромныя пуговицы съ княжескими коронами, провелъ ее черезъ высокія краснаго дерева двери въ залъ и попросилъ подождать.

Въ совершенно невозмутимомъ настроеніи (на такой сильной высотѣ напряженія были ея нервы) Ольга видѣла и замѣчала все, во всѣхъ подробностяхъ.

Она замѣтила, что подбородокъ у швейцара былъ плохо выбритъ, сосчитала пуговицы на тужуркѣ молодого лакея и улыбнулась его глупой улыбкѣ, съ какой онъ просилъ ее „подождать".

Она сѣла въ первое попавшееся кресло розоваго полированнаго дерева съ блѣдно-желтой вышитой обивкой и обвела залу внимательнымъ взглядомъ.

Зала была полукруглая той стороной своей, которая выходила зеркальными окнами на улицу; вся бѣлая, съ бѣлыми мраморными подоконниками и такими же у стѣнъ колоннами. На потолкѣ посрединѣ висѣла тяжелая хрустальная люстра съ массой электрическихъ лампочекъ, въ одномъ углу бѣлѣлъ величавый бюстъ Николая I, въ другомъ на мягкомъ розовомъ коврѣ разставлена была немногочисленная мебель въ стилѣ Помпадуръ.

Совсѣмъ одиноко, почти живой, почти дышащій своей матово-блистающей поверхностью, стоялъ рояль.

Ольга машинально приподнялась къ нему навстрѣчу. Ей захотѣлось открыть его черную крышку и найти тамъ застывшую мелодію. Она подошла къ нему и сейчасъ же отпрянула. На кругломъ черномъ стулѣ около рояля лежала свернувшись пушистымъ кольцомъ рыжая лисица. Она лежала неподвижно, слегка оскаливъ бѣлые зубы, широко открывъ выпуклые хищные глаза. Она смотрѣла на Ольгу, а можетъ быть, куда-то дальше, и не шевелилась.

Ольга отважилась приблизиться къ ней и дотронуться до нея рукою.

Лисица не дышала, она была холодна, она давно уже не жила.

Тогда совсѣмъ забывъ, что она не у себя, что она пришла по дѣлу, Ольга стала на колѣни передъ стуломъ и, положивъ худыя свои руки на лисій мѣхъ, еще разъ совсѣмъ близко заглянула выпуклыми сѣрыми глазами въ выпуклые стеклянные глаза лисицы. И чему-то своему, дѣтскому улыбнулась углами смѣющагося рта.

Она точно давно знала эту бѣлую полукруглую залу, и этотъ черный живой рояль, и эту неживую лисицу. Она видѣла все это когда-то во снѣ...

Гулкіе шаги въ полупустой залѣ прервали ея грезы. Она поднялась и увидала передъ собою Ширвинскаго.

Она была такъ далека отъ мысли увидѣть его здѣсь, что одно время ей почудилось, что это галлюцинація.

Но онъ шелъ къ ней увѣреннымъ шагомъ, какъ всегда, корректный, въ черномъ пиджакѣ и лакированныхъ ботинкахъ, такой же изящный, но возмужавшій.

Онъ шелъ къ Ольгѣ, привѣтливо улыбаясь и еще издали дружески протягивая руки.

— Ольга Виталіевна, Оля!...

XII.

Онъ усадилъ ее въ кресло напротивъ себя и началъ говорить вкрадчиво и нѣжно, украдкой слѣдя за производимымъ впечатлѣніемъ:

— Милая, дорогая Оля, вѣдь вы позволите мнѣ такъ называть васъ, вѣдь что-нибудь сохранилось въ вашей памяти обо мнѣ. Я никогда не претендовалъ на вашу ко мнѣ особенную любовь, но все же не пустое любопытство толкнуло васъ ко мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, дайте мнѣ высказаться! Я страшно, я ужасно виноватъ передъ вами—моя страсть иногда толкаетъ меня

на преступленіе. Но вы дороги мнѣ, и вотъ я опять у вашихъ ногъ, чтобы вымолить себѣ прощеніе. Я уѣхалъ, не простившись съ вами, но я никогда не забывалъ васъ, думалъ о васъ. Я написалъ вамъ и не получилъ отвѣта. Потомъ вы пріѣхали въ Петербургъ, вы попробовали этой „самостоятельной жизни" и все же молчали. Я не оставлялъ васъ, я заходилъ къ вамъ, и меня не принимали.

Ширвинскій смолкъ и наклонился надъ Ольгой, снова беря ее за руки.

Она устало сидѣла передъ нимъ, и, казалось, ни о чемъ не думала, ничего не слышала.

Въ этой бѣлой залѣ синее платье ея дѣлало ее еще тоньше, еще блѣднѣе. Голубыя тѣни мягко легли ей на обнаженную шею и лобъ, синіе круги обвели глаза, а щеки слабо розовѣли сквозь прозрачную бѣлизну кожи. И странно было видѣть надъ этимъ скорбнымъ лицомъ какъ-то особенно—золотомъ—горящіе волосы.

Впервые за весь разговоръ Ширвинскій воскликнулъ вполнѣ искренно:

— Однако, какъ это красиво! Вы стали гораздо интереснѣе, Оля!

И, не дождавшись отвѣта, заговорилъ опять убѣдительно и ровно:

— Мы снова съ вами, Ольга, и, я надѣюсь, вы наконецъ поймете меня, и мы пойдемъ рука объ руку. Теперь я свободенъ, а вы достаточно хорошо узнали, что такое жизнь... Я хотѣлъ бы видѣть васъ своей помощницей, своимъ другомъ, а я вамъ необходимъ. Заключимъ перемиріе.

Онъ пожалъ ей руку. Отъ этого движенія къ ней точно вернулось сознаніе дѣйствительности, она отвѣтила холодно:

— Все, что я хочу, это видѣть хозяина дома. Я получила отъ него приглашеніе и буду говорить только съ нимъ.

Ширвинскій улыбнулся, откидываясь въ глубь кресла.

— Вы можете сговориться только со мною. Князя нѣтъ дома, я его замѣняю.

Ольга поспѣшно встала, она силилась быть спокойной, но голосъ ея обрывался, когда она отвѣтила:

— Въ такомъ случаѣ я ухожу. Удивляюсь только, зачѣмъ было все это продѣлывать. Какъ мало у васъ самолюбія!

Ширвинскій поднялся вслѣдъ за нею.

— Вы опять волнуетесь, это нехорошо. Возьмите себя въ руки и не дѣлайте глупостей. Повторяю вамъ, я говорю отъ лица князя, потому что я у него довѣренное лицо. Онъ холостъ, старъ,

богатъ, безбожно глупъ, добръ и вѣритъ мнѣ вполнѣ... во всемъ... Этотъ домъ можетъ принадлежать вамъ, если вы захотите, его состояніе будетъ вашимъ состояніемъ, и ваша воля будетъ его волей. Все зависитъ отъ нашей съ вами дружбы...

Ольга молчала, во всѣ глаза глядя на Ширвинскаго.

Его слова уже больше не оскорбляли ея. Она только смотрѣла на него и спрашивала себя: знала ли она въ дни своей близости къ нему, кто онъ, на что онъ способенъ? Можетъ быть, и знала, можетъ быть, и догадывалась...

Ольга оглянулась по сторонамъ — на бѣлыя стѣны залы, на черный рояль, таящій въ себѣ столько знакомыхъ мелодій, на рыжую лисицу...

Почему все точно ждетъ ее, точно уже принадлежитъ ей...

Мысли ея покрывались туманомъ, знакомая слабость кружила голову, маленькіе молоточки застучали въ вискахъ.

И, желая побороть свою слабость, она почти крикнула:

— Дайте мнѣ вина, чего-нибудь!...

Потомъ почувствовала, какъ кто-то сажаетъ ее въ кресло, подноситъ ей къ губамъ рюмку.

Она жадно ѣла предложенные ей сандвичи, пила густой портвейнъ. Она была похожа на проголодавшагося ребенка и ничего не видѣла, кромѣ ѣды.

Ширвинскій слѣдилъ за нею со снисходительной улыбкой, курилъ сигару и пускалъ кольцами синій дымокъ. Усы его самодовольно топорщились кверху.

Когда она кончила, онъ сказалъ съ подчеркнутой дружеской укоризной:

— Ай-яй, какъ можно было доводить себя до этого? Вы хотите загубить себя, но друзья вамъ этого не позволятъ.

И потомъ самъ принесъ ей ея шубку и помогъ одѣться.

— Сегодня я не настаиваю на окончательномъ рѣшеніи, вы должны успокоиться и прійти въ себя. Я даже не предлагаю вамъ проводить васъ. Но я увѣренъ, что скоро получу положительный отвѣтъ.

А когда Ольга спускалась по лѣстницѣ, онъ стоялъ наверху, склонясь на перила, и посылалъ ей рукой привѣтствіе.

XIII.

Когда Ольга шла къ князю Мозовскому, было грязно, по небу волочились бурыя тучи, брызгаясь дождемъ, и казалось, что такъ безъ конца будетъ тянуться нудная осень. А теперь Ольгу встрѣтилъ во всемъ своемъ бѣломъ блескѣ сверкающій зимній день.

Все горѣло, вспыхивало, празднично улыбалось. Глаза невольно жмурились, и тогда тонкія золотыя иглы тянулись во всѣ стороны, а въ ушахъ звенѣла музыка.

По Литейному вышла Ольга на Невскій. Здѣсь точно былъ какой-то невѣдомый праздникъ. Люди, какъ раньше шли, каждый по своему дѣлу, но солнце на время смѣшало всѣ ходы, заварило какую-то безтолочь и, радуясь, блистало еще великолѣпнѣе.

Въ гулѣ, звонѣ, трескѣ и говорѣ шла Ольга все дальше, точно подхваченная холодной шипящей волной. Щеки горѣли, движенія стали бодрѣе.

Она радовалось, что некогда было раздумывать, что можно было итти такъ просто—впередъ и смотрѣть по сторонамъ.

Потомъ уже за Адмиралтействомъ, за Невой придутъ къ ней мысли, соображенія, Раиса, хозяйка, Скарынинъ... И тоска, тоска...

— Ольга Витальевна, а вѣдь это судьба!

Она остановилась, пораженная.

И также, какъ тогда, въ кабачкѣ, неожиданно выплывъ изъ-за спинъ, остановилась передъ нею полная добродушная фигура Желтухина.

Большой, тяжеловатый, въ мѣховомъ пальто и старомодномъ цилиндрѣ, онъ ласково смотрѣлъ на Ольгу изъ-подъ золотого пенснэ сверху внизъ, какъ смотрятъ на шаловливыхъ дѣтей степенные пожилые люди.

— Вѣдь это судьба,—повторялъ онъ, пожимая ей руку.—Мы сталкиваемся такъ, точно ищемъ другъ друга, а встрѣтившись, забываемъ, для чего нужна была намъ наша встрѣча... Но теперь вы не уйдете отъ меня такъ скоро... не правда ли?

Онъ взялъ ее подъ руку и медленно пошелъ впередъ.

Ольга не противилась, не возражала. Она начинала вѣрить въ судьбу. Такимъ роднымъ казался ей этотъ Желтухинъ, такимъ нужнымъ. Все въ немъ было такъ уютно, и самъ онъ былъ такой большой, такой вѣрный. Конечно, онъ долженъ былъ встрѣтиться ей еще разъ, послѣ того, что она увидала Ширвинскаго, какъ должно было засіять солнце послѣ дождя и тумана. Тотъ разъ, въ кабачкѣ, она почти убѣжала отъ этого человѣка, такъ живо напомнившаго ей того другого, а теперь она рада была его присутствію, какъ радуются близкимъ къ дорогому покойнику. Вѣдь тотъ казался ей ушедшимъ изъ жизни. О немъ осталась одна мечта.

Ольга смотрѣла на своего спутника, и одна мысль, какъ тогда въ кабачкѣ, буравила ея мозгъ. Ей хотѣлось спросить Желтухина о его другѣ, но она знала, что не сможетъ спросить о немъ. О,

какъ она боялась новыхъ разочарованій, какъ она боялась остаться одной...

— Вы простили меня за мое бѣгство, Николай Герасимовичъ?

Онъ улыбнулся, искоса слѣдя за выраженіемъ ея лица.

— Я и не думалъ обижаться на васъ. Съ чего вы взяли?

— Я не хотѣла больше говорить съ вами...

— Знаю, но это бываетъ со всякимъ. Охота вамъ такъ нервничать... Посмотрите вокругъ себя—сколько безтолочи, сколько забавнаго. Вы вѣдь свободны сейчасъ?

— Свободна!

— Ну, вотъ и отлично. Давайте проведемъ этотъ день вмѣстѣ! Поболтаемъ, посмотримъ... По рукамъ?

Ольга, улыбнулась, протянула ему руку.

— Великолѣпно! Итакъ, сначала мы отправимся на выставку—тутъ неподалеку, а оттуда пойдемъ пообѣдать... И рѣшимъ, что дѣлать дальше. Согласны?

Ольга, все такъ же продолжая улыбаться, отвѣтила радостно:

— Конечно, да!...

XIV.

— Ахъ, знаете, я не сказалъ бы, что очень хорошо разбираюсь въ живописи, но я люблю вотъ эти краски, эти изумительныя сочетанія свѣта и тѣни, какія намъ даетъ видимое,—говорилъ Желтухинъ, вводя Ольгу по широкой лѣстницѣ въ помѣщеніе выставки.—Вѣдь живопись, что бы тамъ ни говорили, всякій разъ поетъ намъ о жизни, о радости жизни; по существу своему она оптимистична. Вѣдь какъ бы ни былъ грустенъ сюжетъ, все же онъ живетъ своими красками, все же онъ говоритъ о красотѣ, о изобиліи въ жизни. Краски—вѣдь это солнце, бытіе,—безъ того и другого, нѣтъ красокъ. А какъ хорошо видѣть солнце, какъ хорошо жить!...

Желтухинъ шелъ впередъ, Ольга за нимъ. Писатель размахивалъ руками, говорилъ громко, никого не стѣсняясь. Немногочисленные посѣтители оглядывались на этого большого добродушнаго человѣка въ длинномъ сюртукѣ и на его спутницу—такую маленькую рядомъ съ нимъ.

Ольга улыбалась. Улыбка ея была спокойна; ей казалось, что все ею испытанное такъ недавно уже никогда не повторится, что она перешла въ какую-то тихую покойную жизнь—безъ тревогъ, безъ бурь.

Солнце било въ окна и разсыпалось по заламъ радостнымъ блескомъ.

Желтухинъ волновался. Онъ перебѣгалъ отъ одного полотна къ другому, ерошилъ волосы, снималъ и надѣвалъ пенснэ, хваталъ Ольгу за руку, совершенно забывая, что съ нимъ не старый другъ, а молодая, почти незнакомая дѣвушка.

Но Ольгу это ничуть не смущало. Постепенно она переходила въ чуждый ей дотолѣ, такой необычный міръ красокъ.

Смутно, ощупью, съ недовѣріемъ отдавалась она новымъ впечатлѣніямъ. Быть можетъ, натянутые нервы ея помогали ей впитывать въ себя то, что раньше показалось бы далекимъ.

— Да у васъ есть вкусъ, право, есть вкусъ,—восторгался Желтухинъ и бѣжалъ дальше.

Потомъ неожиданно остановился и, лукаво улыбаясь, посмотрѣлъ на Ольгу.

— А вѣдь сейчасъ я вамъ покажу кое-что... Собственно за этимъ я и пришелъ сюда, и вы попались мнѣ очень кстати... Идемъ...

Онъ взялъ Ольгу за руку.

— Если не ошибаюсь, это въ третьей залѣ... ну да... смотрите...

Они остановились передъ большимъ холстомъ въ дальнемъ углу круглой залы.

Выпустивъ руку дѣвушки, Желтухинъ какъ-то особенно любовно смотрѣлъ на картину, радостно кивая головою:

— Вотъ и она... очень удачно ее помѣстили, очень удачно... Здѣсь такъ мало картинъ и такъ уютно. На нее надо смотрѣть тихо, одному, задумчиво...

Ольга не отвѣчала. Широко раскрытыми глазами смотрѣла она передъ собою.

Если весь этотъ день—только сонъ, то почему онъ такъ долго снится? Почему часъ за часомъ сегодня ее испытываетъ судьба?

— Николай Герасимовичъ!

Ласковый голосъ отвѣтилъ ей изъ-за спины:

— Что, голубушка?... Хорошо вѣдь!

Но это было страшно, или сладко или нѣтъ—просто этого не было.

На опаловомъ небѣ бѣлой ночи въ рамкѣ застывшихъ озеръ и смутныхъ призрачныхъ деревьевъ на переднемъ планѣ въ коляскѣ сидѣла женщина. Лошадей и кучера не было на картинѣ—темнѣлъ только кузовъ коляски, а на мягкой скамьѣ, опустивъ голову, сидѣла женщина—въ большой шляпѣ съ черной плерезой, съ алыми розами на колѣняхъ.

Лицо ея не было грустно, но было задумчиво, почти холодны были ея глаза, и улыбались чему-то рогами перевернутаго мѣсяца

тонкія губы. Безмѣрная усталость смотрѣла съ картины—усталость и горькое равнодушіе.

Передъ Ольгой была она сама.

— Николай Герасимовичъ, да что же это?

Ольга силилась понять, очнуться. Какъ могло случиться, что съ этой картины смотрѣла она сама, такая, какая она теперь, до ужаса похожая, до ужаса близкая.

Желтухинъ, довольный, потиралъ руки.

— Я зналъ, что васъ поразитъ это. Какое сходство! Вѣдь онъ видѣлъ васъ годъ назадъ—только однажды... Но и тогда его захватилъ вашъ образъ. Тогда же, въ вагонѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ, и тогда же зародилась у него идея этой картины. Теперь онъ въ Парижѣ, но на-дняхъ долженъ пріѣхать сюда. Онъ очень интересовался вами и радъ былъ бы познакомиться... Но что съ вами? Почему вы такъ поблѣднѣли? Садитесь сюда, вотъ сюда... Ахъ, ты, Господи, я и не подумалъ, что можно устать отъ такой уймы картинъ!...

Желтухинъ теребилъ ея руки, заглядывалъ ей въ глаза. У него былъ виноватый, растерянный видъ, какъ у человѣка, не привыкшаго обращаться съ женщинами.

Ольга отвѣтила почти спокойно:

— Нѣтъ, нѣтъ, Николай Герасимовичъ, это пустяки. Но на сегодня, дѣйствительно, довольно картинъ. Дайте мнѣ руку и идемъ отсюда. Картина вашего друга мнѣ нравится: она счастливѣе меня, несмотря на свой тоскливый видъ, но я прошу васъ больше никогда не говорить мнѣ о ней и о... немъ, если хотите быть моимъ другомъ.

Выходя изъ маленькой залы, Ольга не выдержала и оглянулась.

Все такъ же на фонѣ мерцающаго опаловаго неба, дремлющихъ купъ деревьевъ и стальныхъ озеръ ѣхала въ своей странной коляскѣ безъ кучера и лошадей усталая, равнодушная „незнакомка“ съ алыми, увядающими розами на колѣняхъ, Ольга Оргъ.

XV.

Поистинѣ этотъ день былъ днемъ неожиданностей для Ольги. Такіе дни выпадаютъ въ жизни, когда судьба точно хочетъ испытывать человѣка, точно хочетъ вознаградить себя и его за однообразіе прожитого.

Послѣ осмотра выставки Ольга съ Желтухинымъ поѣхали въ ресторанъ, гдѣ скромно по-товарищески пообѣдали въ общей залѣ. Говорили о постороннихъ вещахъ, мало касающихся ихъ лично,

посмѣивались надъ сосѣдями, надъ собою; еще болѣе сдружились и сблизились.

Добродушный Желтухинъ ни разу больше не помянулъ своего друга-художника, ни словомъ не намекая о своемъ недоумѣніи по поводу такого запрещенія со стороны своей новой пріятельницы. Слегка меланхоликъ, добродушный острякъ и резонеръ, лѣнивый, но увлекающійся, съ душой умнаго ребенка, онъ мало походилъ на свои изысканныя новеллы и мастерскіе стихи. Скорѣе его можно было принять за разорившагося барина, пріѣхавшаго въ столицу проживать съ легкой безпечностью послѣднія крохи. Кто не видѣлъ его за работой, со строгостью и любовью выбирающаго каждое слово, какъ драгоцѣнный жемчугъ въ ожерелье, тотъ могъ бы подумать, что этотъ человѣкъ никогда ни надъ чѣмъ серьезно не задумывался, не зналъ, что такое трудъ.

Его можно было бы принять за очень разсѣяннаго, мало наблюдательнаго—такъ, казалось, равнодушно, однимъ глазомъ, приглядывался онъ къ окружающему. И ни разу не заговорилъ онъ съ Ольгой о литературѣ, о своихъ вещахъ. Онъ точно стѣснялся назвать себя писателемъ.

Даже неразговорчивая Ольга не стѣсняясь говорила при немъ о тысячѣ мелочей, какія ей приходили въ голову. Ей напомнило это былые дни ея гимназической поры, когда сравнительно такъ безпечна была ея жизнь.

— Вотъ увидите, мы еще пригодимся другъ другу,—шутя говорилъ Желтухинъ, помогая Ольгѣ выйти изъ саней у подъѣзда ея дома,—я это чувствую... Не спроста мы съ вами уже третій разъ сталкиваемся. Припрячьте-ка вотъ эту карточку—она можетъ вамъ пригодиться—здѣсь мой адресъ. Ну, давай вамъ Богъ!...

Ольга запрятала въ муфту поданный ей картонъ и долго еще кивала вслѣдъ удаляющихся саней, съ которыхъ ей махалъ цилиндромъ Николай Герасимовичъ.

А на порогѣ своей комнаты столкнулась лицомъ къ лицу съ братомъ. Она даже какъ-то не удивилась этой новой неожиданности. Только сдвинула брови и плотнѣе сомкнула тонкія губы.

Аркадій даже не потрудился поздороваться.

Онъ подскочилъ къ сестрѣ, сразу начавъ съ повышеннаго тона:

— Кто это съ тобой пріѣхалъ?

Ольга молча прошла мимо него, сняла шубку и начала откалывать шляпку. Потомъ сказала:

— Ты бы поздоровался со мной раньше. Сколько уже не видались?...

Аркадій фыркнулъ, но все же подошелъ къ сестрѣ и небрежно поцѣловалъ ее въ високъ, не вынимая рукъ изъ кармановъ своей кожаной тужурки.

— Пустыя нѣжности, мой другъ! Я пріѣхалъ не цѣловаться, а о дѣлѣ говорить...

И, сѣвъ въ кресло, закинувъ ногу за ногу и закуривъ трубку, продолжалъ:

— Всѣ твои шашни намъ извѣстны. Но думай, пожалуйста, что отецъ и я будемъ смотрѣть на все сквозь пальцы.

Отколовъ шляпку, Ольга медленно повернула свое лицо къ брату, потомъ посмотрѣла на смятую кровать и брошенный рядомъ растрепанный чемоданъ.

— Эта кровать Раисы... Зачѣмъ ты валялся на ней?

Аркадій вспылилъ еще больше.

— Скажите, пожалуйста! Кровать Раисы! Гдѣ же мнѣ было тебя ждать, пока ты тамъ по гостиницамъ шаталась...

— Аркадій!

— Что Аркадій? Я давно знаю, что меня зовутъ Аркадіемъ... нечего тѣнь наводить! Повторяю, мы все знаемъ. И я пріѣхалъ сюда сказать тебѣ, что отецъ больше не намѣренъ давать тебѣ денегъ и требуетъ, чтобы ты возвращалась домой. Довольно! Я тоже не позволю, чтобы ты пачкала наше имя...

Медленно поправляя измятую кровать, Ольга откликнулась:

— А что говорятъ о тебѣ съ Варей, о томъ какъ ты ее бросилъ съ ребенкомъ?

— Это къ чему?

— Да такъ я спрашиваю... Что говорятъ о папѣ и Клеопатрѣ Ивановнѣ?

Сбитый съ толку, Аркадій простодушно отвѣтилъ:

— Ея не будетъ у насъ, если ты вернешься...

Ольга усмѣхнулась. Она сама удивлялась своему спокойствію. Все еще она чувствовала себя подъ защитой Желтухина.

— Великолѣпно. Значитъ, честь нашей семьи въ моихъ рукахъ.

— Не говори вздора... Ты позоришь старика отца.. изъ-за тебя мнѣ совѣстно показаться на улицу. Я экзамена офицерскаго не держалъ изъ-за этого—ни въ какой полкъ меня не примутъ!... Чего ты торчишь здѣсь? Почему ты скрываешь своего любовника?... Кто онъ?... Я заставлю его жениться на тебѣ...

XVI.

Отойдя отъ кровати, Ольга перешла въ другой конецъ комнаты къ окну и заглянула на улицу. Въ ея голосѣ чувствовалась рѣшимость, когда она сказала:

— Тише, не кричи, тамъ... за стѣной сидятъ наши хозяева, и ты лишній разъ можешь себя скомпрометировать. Успокойся, вспомни, что когда-то мы были друзьями и умѣли говорить другъ съ другомъ.

Немного охладѣвшій, Аркадій отвѣчалъ съ обиженнымъ видомъ:

— Это было давно,—много воды утекло. Все пошло шиворотъ-навыворотъ съ тѣхъ поръ какъ умерла мама...

Ольга подошла къ брату и положила ему на плечо руку:

— Не вспоминай маму, не надо... Скажи лучше, что вы отъ меня хотите?

— Мы хотимъ, чтобы ты вернулась къ намъ. Папа не можетъ тебѣ высылать денегъ...

— А я не могу жить съ нимъ. Чтъ дѣлать?...

— Выходи замужъ!

— За кого?

— За своего любовника. Скажи, кто онъ?...

— У меня нѣтъ любовника.

— Онъ тебя бросилъ?

Аркадій снова готовъ былъ вскочить. Ольга удержала его:

— Ни онъ меня, ни я его не бросали... Мы разошлись такъ же случайно, какъ и сошлись... Я охотно назову его тебѣ, но замужъ я за него не пойду, такъ и знай. Но я назову его, чтобы ты хоть разъ немного подумалъ...

— Да ну же, ну...

— Его зовутъ Владиславомъ Ширвинскимъ.

Аркадій схватился за голову.

— Ширвинскій?... Да ты врешь, этого быть не можетъ!... Вѣдь это онъ написалъ мнѣ, что у тебя любовникъ, чтобы я подѣйствовалъ на тебя... Что за чепуха!...

Ольга смѣялась, глядя на бѣснующагося брата. Аркадій выходилъ изъ себя.

— Скажи сейчасъ правду, ты наврала на Ширвинскаго, да?

Ольга, все такъ же смѣясь, отвѣтила:

— Конечно, да!... Я просто пошутила; развѣ могъ Ширвинскій, твой другъ, сдѣлать такую гадость? И притомъ онъ такъ хорошо умѣетъ стрѣлять изъ пистолета...

— Ольга, молчи!

— Нѣтъ, ты молчи. Я хочу теперь говорить. Передай отцу, что я останусь здѣсь и никуда не поѣду. Что у меня есть любовникъ, но я его не назвала, и ты не могъ спасти незапятнанную честь вашего имени. Скажи ему, что я цѣлую его и прошу меня забыть, какъ онъ забывалъ раньше о томъ, что мнѣ нужно ѣсть, что у меня есть душа. Скажи ему, что я погибла только потому, что была строптива, зла, распущенна, потому что не слушала его добрыхъ совѣтовъ. А теперь можешь уходить... Слышишь, бери свой чемоданъ и уходи, уходи скорѣе!

Ольга почти кричала. Глаза ея вспыхивали, руки дрожали, лицо казалось бѣлѣе оконной рамы.

На время смущенный, Аркадій пришелъ въ себя.

— Молчи!

Онъ подошелъ къ сестрѣ совсѣмъ близко. Пѣна выступила у него на губахъ.

— Я убью тебя, если ты еще что-нибудь скажешь!

Въ рукѣ у него появился револьверъ.

Мгновеннымъ движеніемъ Ольга вырвала его.

— Оставь эти фокусы. Вѣдь я тебя знаю. Ты и папа любите это. Не въ первый разъ. Меня не напугаешь, а шуму надѣлаешь и въ тюрьму попадешь. Бери свой чемоданъ и уходи...

Она тяжело дышала отъ напряженія, въ которомъ все время находилась. Знакомая слабость охватывала ее. Въ вискахъ стучало.

Аркадій не пытался отобрать свой револьверъ. Онъ не смотрѣлъ въ глаза сестрѣ.

Молча увязалъ чемоданъ и надѣлъ пальто.

Молча, не подымая глазъ, вышелъ изъ комнаты. Съ трескомъ хлопнули за нимъ двери.

XVII.

Раиса застала Ольгу сидящей за письменнымъ столомъ и разсматривающей револьверъ. Дѣвушка испугалась. Она подбѣжала къ подругѣ и обняла ее за шею.

— Олечка, Господь съ тобою, что ты дѣлаешь? Откуда это?

Ольга улыбнулась.

— Не бойся. Я только разсматриваю эту вещь... ее оставилъ мнѣ мой братъ, должно быть, какъ выходъ...

— Аркадій въ Петербургѣ?

— Да, онъ былъ здѣсь. Просилъ тебѣ кланяться и передать, что твоя кровать ему очень понравилась. Онъ пріѣхалъ спасать мою честь!

Ольга засмѣялась, глядя на подругу.

— Что же онъ хотѣлъ отъ тебя?

— Чтобы я уѣхала отсюда и вышла бы замужъ.

— А деньги привезъ?...

— Разумѣется, нѣтъ. Достаточно съ меня добрыхъ совѣтовъ... Я прогнала его...

Потягиваясь и протирая глаза, Раиса отвѣтила:

— И хорошо сдѣлала. Все равно на нихъ плоха надежда. Давай лучше чай пить, я булокъ отъ Филиппова принесла, совсѣмъ свѣжія. Да убери подальше эту штуку, смерть боюсь разнаго оружія...

Она зажгла лампу, вывалила на тарелку изъ мѣшка булки и пошла заказывать самоваръ.

Ольга все время смотрѣла на нее съ улыбкой. Въ эти минуты ей особенно мила была Раиса. И хорошо, что она такъ просто взглянула на все, что она не стала допытываться, не стала утѣшать. Повѣрила ея словамъ о револьверѣ! Конечно, это было бы глупо. Но иногда приходятъ такія минуты, когда готова сдѣлать такую глупость. Когда кажется, что нѣтъ иного выхода.

Жизнь стала слишкомъ случайной, безсмысленной. Какъ-то даже трудно было желать чего-нибудь. Только быть сытой—вотъ и все. Не ощущать этой постоянной легкости въ желудкѣ и круженія въ головѣ.

Ольга пила чай, говорила съ Раисой, потомъ легла спать и спала тихо, безъ сновидѣній.

На утро, когда хозяйка принесла ей кофе и, поднявъ шторы, пустила въ комнату свѣтъ солнечнаго морознаго дня, Ольгѣ показалось даже, что она вполнѣ счастлива.

Она лежала на кровати, любовалась морозными узорами на окнахъ, медленно пила горячій кофе и мечтала.

Она вспоминала Желтухина, его мѣховое пальто, его старомодный цилиндръ, его добрые глаза изъ-подъ золотого пенснэ, вспоминала отрывки изъ его разговора и думала, что вотъ теперь у нея есть хорошій другъ, который можетъ помочь въ трудную минуту, и что помощь его легко и не стыдно принять. Думала она и о Скарынинѣ. Онъ тоже казался ей хорошимъ и добрымъ. Онъ любилъ ее, и пріятно было сознавать на себѣ его любовь. Почему его долго не было у нихъ? Надо будетъ позвать его. Не хотѣла думать, но думала она и о той „незнакомкѣ", что ѣхала въ своей коляскѣ на фонѣ озеръ и лѣса съ алыми цвѣтами на колѣняхъ. Особенно ярко горѣли передъ ней эти цвѣты. Какъ странно было видѣть себя и не себя тамъ, на полотнѣ,

неподвижную и удаляющуюся... Свое будущее, свое настоящее или только фантазію художника...

Художника... нѣтъ, о немъ она не должна думать. А то, быть можетъ, она захочетъ познакомиться съ нимъ и... Что она ему тогда скажетъ? Что любитъ его, что ждала его долго, что отдалась другому безъ любви, ожидая его, что вотъ живетъ теперь, не зная, зачѣмъ живетъ... Да полно! Его ли ждала, его ли любитъ? А вдругъ не тотъ, не онъ; онъ, но не онъ, какъ она не она на той картинѣ... Слишкомъ много пройдено, много выстрадано, страшно прійти къ цѣли. Пусть она не знаетъ ни его имени, ни того, какой онъ теперь и гдѣ живетъ.

А она выйдетъ за Скарынина или пойдетъ къ Мозовскому, къ Ширвинскому. Если нѣтъ труда, обезпечивающаго существованіе, нужно какъ-нибудь устроиться, пойти на компромиссъ...

Тотъ пусть останется, какъ мечта, какъ ладанка, которую носятъ на груди... Потому что, какъ жить, когда любишь по-настоящему? Этого никто не знаетъ... какъ не загубить свою любовь, какъ *вѣрить* до конца своей любви?...

Но почему страшно прямо стать звѣремъ, брать и отдавать, и забывать о прошломъ?...

Почему страшно не страхомъ передъ людьми, а передъ собою?

XVIII.

Какъ-то вечеромъ зашелъ къ подругамъ Скарынинъ.

Пришелъ онъ блѣдный, осунувшійся, видно много продумавшій за это время. Съ тревогой и вопросомъ взглянулъ онъ на Ольгу и сейчасъ же просіялъ, засуетился, когда увидѣлъ ея отвѣтный одобряющій взглядъ.

Ольга тоже недаромъ прожила эти дни. Она все яснѣе и яснѣе видѣла передъ собою единственный выходъ изъ этой жизни.

Все рѣшительнѣе приходила она къ выводу, что впустую хотѣла устраивать свою жизнь по-своему, что видно итти ей по пути своей матери и бабки—нужно становиться женой и хозяйкой. Лишь бы была охота, а научиться этому не трудно.

И потомъ она можетъ выполнить эту задачу, потому что Скарынинъ далеко не противенъ ей. Она стосковалась по немъ за эти дни. Стосковалась по его взволнованному голосу, по его любящему взгляду, по его маленькой, круглой стриженой головѣ... въ которой бродитъ столько мыслей о ней.

Когда она увидала его на порогѣ своей комнаты, она не

могла даже удержать себя отъ радостнаго вскрика и поспѣшно поднялась ему навстрѣчу.

Она протянула ему обѣ руки и заглядывала участливо въ глаза съ правомъ женщины, знающей твердо свою власть надъ человѣкомъ.

Раиса вскорѣ ушла, улыбающаяся и догадливая, и они остались вдвоемъ.

Они сѣли рядомъ на диванъ, и первая заговорила Ольга, вызывая Скарынина на откровенность, заставляя его безъ обиняковъ сознаться въ своемъ недовольствѣ.

Радостный и смущенный, давно простившій, онъ смотрѣлъ на нее сіяющими глазами. Онъ еще не говорилъ послѣдняго слова, но Ольга чувствовала, что это слово дрожитъ на его губахъ, что только его хотѣлъ бы онъ повторять тысячу разъ.

И, полная нѣжности къ этому мальчику (она казалась въ эти мгновенія гораздо старше его), захваченная его чувствомъ, его восторгомъ, Ольга приподнялась и, схвативъ его голову въ руки, прижала ее къ своимъ губамъ.

— Хорошій мой, дорогой...

Потомъ упала на подушки дивана и заплакала.

Она сама не знала, откуда пришли эти слезы, но противиться имъ не могла.

Они смочили ей все лицо, руки, кожаную подушку дивана,— такъ были обильны, съ такой силой хлынули изъ глазъ.

Скарынинъ склонился надъ ней, взволнованный до глубины души ея горемъ. Онъ шепталъ испуганно:

— Ольга Виталіевна, Оля, что съ вами, что съ тобой? Не надо плакать, успокойся... Ты вѣдь согласна, ты любишь меня, ты будешь моей женой, мы уѣдемъ отсюда... Боже, какъ я люблю тебя!

Онъ бормоталъ безсвязныя слова, приходя въ отчаяніе отъ ея слезъ и торжествуя.

Наконецъ, она смогла приподняться. Онъ обнялъ ее и, не выпуская изъ рукъ, сталъ цѣловать ея мокрое лицо, глаза, волосы.

Она прошептала чуть слышно:

— Оставь меня одну... не сердись, до завтра...

Онъ хотѣлъ возражать. Но она смотрѣла на него съ нѣмой просьбой.

Тогда онъ тихо всталъ, поцѣловалъ ее въ лобъ и поспѣшно вышелъ.

Она лежала неподвижно до тѣхъ поръ, пока не захлопнулись парадныя двери. Глаза ея высохли, скользя по потолку.

Потомъ она вскочила съ дивана, наколола шляпку, надѣла шубку, взяла муфту и выбѣжала на улицу.

Безвѣтреная морозная ночь трескала серебрянымъ снѣгомъ по крышамъ далекихъ домовъ и пустыннымъ улицамъ. Особенно чистое, бодрое небо куталось въ розовый паръ. По матовому неподвижному свѣту, льющемуся откуда-то сверху, можно было догадываться о лунѣ.

Ольга на минуту пріостановилась у подъѣзда, потомъ уже, не оглядываясь, пошла впередъ.

Ей хотѣлось остаться одной, понять свое настроеніе, объяснить свои слезы. Такъ недавно еще она была покойна, почти счастлива. Что встревожило ее? Только нервы или что-нибудь еще? Она прислушивалась къ себѣ: сердце непонятно ныло. Но что, что? Что его тревожило?

Она—невѣста Скарынина. Она, наконецъ, у тихой пристани. Она должна будетъ исполнять свои обязанности и найдетъ покой и любовь.

Ну, да вотъ это... Конечно, она не скроетъ отъ жениха своего прошлаго, но не въ этомъ печаль. Онъ любитъ, онъ проститъ... Но какъ она будетъ скрывать долгіе годы, всю жизнь, что она не настоящая жена, не настоящая мать? Какъ выдержитъ она это, безъ вѣры, безъ чувства непреложности существующаго? Какъ она воспитаетъ своихъ дѣтей, что скажетъ имъ, на какой путь направитъ, если она не знаетъ, гдѣ путь, гдѣ должное? Не быть матерью, будучи женой?... Ради чего притворяться, варить обѣдъ, устраивать квартиру, вить гнѣздо...

О, Боже мой, какъ невыносимо все это!

Ольга остановилась, не зная, что съ собой дѣлать. Къ ней приближались какіе-то люди. Она побѣжала снова. Ее пытались нагнать, что-то кричали, смѣялись.

Замороженный, скованный снѣгомъ и льдомъ Петербургъ хотѣлъ быть страстнымъ. Въ ресторанахъ играла музыка, по улицамъ маялись проститутки.

Конечно, легче итти на содержаніе. Если здѣсь грязь, то нѣтъ ежедневнаго безконечнаго ужаса обмана.

Какъ нужно любить, какъ нужно вѣрить въ необходимость семьи, чтобы имѣть силы создать ее и жить въ ней. Не достаточно желанія, не достаточно любви къ мужу...

Мама знала что-то, мама вѣрила, мама могла страдать...

Мама, мамочка...

Опять слезы застлали глаза. Больно стало рѣсницамъ,—слезы замерзали на нихъ.

Мама, научи, куда итти, чему вѣрить?

— Сударыня, я готовъ къ вашимъ услугамъ...

Ольга вздрогнула. Передъ ней стоялъ какой-то господинъ. Она хотѣла бѣжать, крикнуть. Но неожиданно пришло спокойствіе. Нащупала въ муфтѣ карточку Желтухина и, подойдя къ фонарю, прочла адресъ.

— Вы проводите меня на Каменноостровскій...

Незнакомецъ молча поклонился. Какъ видно, онъ не ожидалъ такого оборота дѣла, но голосъ Ольги звучалъ такъ сухо, такъ рѣшительно, что онъ не могъ отказаться.

И все время, пока Ольга шла съ этимъ человѣкомъ, она молчала и о чемъ-то упорно думала.

XIX.

Желтухинъ сидѣлъ въ кабинетѣ своей маленькой холостой квартиры. По ночамъ онъ не работалъ, но любилъ сидѣть за интересной книгой или править свои старые стихи, или рыться у себя въ библіотекѣ и среди рукописей. Такъ онъ, бывало, короталъ всю ночь.

Иногда онъ отпивалъ маленькими глотками мадеру и заѣдалъ бисквитомъ. Онъ очень любилъ мадеру и бисквиты, это была его слабость. Кромѣ того, любилъ онъ живые цвѣты, книги и старинную мебель. Маленькій, очень маленькій кабинетъ его былъ весь заставленъ столиками, стульями, диванами, по стѣнамъ тянулся сплошной шкафъ съ книгами, висѣли гравюры, а на столахъ среди старинныхъ табакерокъ, ящичковъ, часовъ расцвѣтали ландыши, орхидеи, азаліи...

Начисто выбритый, со строго расчесаннымъ боковымъ проборомъ густыхъ длинныхъ, въ скобку стриженныхъ каштановыхъ волосъ, пахнущій какими-то нѣжными дѣвическими духами, въ мягкомъ полосатомъ „пижамо“ и лакированныхъ туфляхъ, Желтухинъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и читалъ Готье, когда услыхалъ звонокъ.

Удивленно онъ взглянулъ на фарфоровые часы, стоящіе на выступѣ камина. Шелъ уже второй часъ ночи.

Тогда онъ поднялся и, отложивъ книгу, прошелъ темными комнатами въ переднюю. Лакей спалъ, и хозяинъ рѣшилъ не будить его.

Вспыхнулъ матовый свѣтъ электрической лампочки, звякнула цѣпочка, и въ распахнутой двери Желтухинъ увидѣлъ Ольгу.

— Можно къ вамъ?

— Пожалуйста...

Онъ не разспрашивалъ ея, не удивлялся, но по ея лицу онъ понялъ, что она взволнована. Сѣрые глаза его ласково смотрѣли на нее.

Онъ помогъ ей скинуть шубку и провелъ въ кабинетъ, гдѣ горѣла только маленькая переносная лампа подъ зеленымъ абажуромъ у его кресла.

Матовымъ золотомъ блестѣли переплеты книгъ со стѣнъ и стекло рюмки съ недопитой мадерой.

Онъ усадилъ Ольгу въ кресло, а самъ сѣлъ рядомъ на стулъ съ любезнымъ видомъ хозяина, встрѣчающаго званаго гостя.

— Мои окна расписалъ морозъ, должно быть, холодно на улицѣ. Хотите выпить мадеры, чтобы согрѣться?

Нѣтъ, она отказалась отъ мадеры и сидѣла тихо, вся уйдя въ глубину кресла, согрѣтая уютомъ комнаты, слегка опьяненная запахомъ цвѣтовъ.

Ей не хотѣлось говорить, и она чувствовала, что не нужно оправдываться за свой поздній визитъ передъ этимъ добродушнымъ человѣкомъ.

Все тише становилось на душѣ отъ полумрака, отъ теплоты, отъ мирно развернутой на столѣ книги.

— Хотите я вамъ почитаю что-нибудь?

— Ахъ, да, да, пожалуйста... Вотъ эту книгу...

— Это Готье, французскій поэтъ, вы понимаете по-французски?

— Нѣтъ, немного, но все равно, читайте...

Онъ открылъ наудачу первое стихотвореніе и сталъ читать медленно, пѣвуче:

„Adieu, puisqu'il le faut, adieu belle nuit blanche...“

Она не разбиралась въ словахъ, слышала только ихъ музыку, и отъ этого хотѣлось уйти какъ можно глубже въ уголъ кресла, свернуться клубочкомъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, не шелохнуться и грезить.

Когда онъ замолкъ и посмотрѣлъ на нее сквозь свое золотое пенсне, она улыбнулась ему, какъ старому-старому другу и, протянувъ руки, удержала его большую, теплую ладонь.

— Какой вы славный. И какъ хорошо вы дѣлаете, что ни о чемъ не спрашиваете меня. Я ворвалась къ вамъ ночью, а вы посадили меня въ кресло и читаете мнѣ стихи... Это, можетъ быть, даже смѣшно немножко, но это хорошо, право, хорошо... И хорошо то, что я для васъ не женщина, а вы для меня не мужчина... Съ братомъ я не могла бы такъ говорить, какъ съ вами...

А вамъ я скажу... Мнѣ было очень тяжело, я запуталась, а вотъ пришла къ вамъ—и стало легче... Знаете, вѣдь я невѣста?

— Невѣста?

— Да, я выхожу замужъ за хорошаго, добраго человѣка, любящаго меня... Онъ тоже нравится мнѣ...

Она замолкла, выжидая, молчалъ и Желтухинъ, но по лицу его она догадалась, что онъ удивленъ.

— Вамъ кажется страннымъ... Да?...

— И да, и нѣтъ—я почти не знаю васъ...

Тогда она стала говорить. Она передала ему всѣ свои думы, всѣ сомнѣнія, передала ему все, что волновало ее такъ долго. Она разсказала ему про мать свою, отца, брата, про свою гимназическую жизнь, про подругъ своихъ; она точно впервые сама себѣ открывала книгу своего прошлаго и спѣшила перелистывать страницу за страницей. Она только молчала о немъ, о томъ, чей портретъ, быть можетъ, хранился въ этой комнатѣ, чей голосъ еще недавно—какъ знать?—звучалъ здѣсь. Она не скрыла и своего паденія и смерть Васи. Она съ ожесточеніемъ обнажала свою душу, ища чего-то и въ себѣ и въ другихъ, не находя и снова пытаясь найти.

Точно птица, бьющаяся о желѣзные прутья клѣтки,—чѣмъ больнѣе, тѣмъ упорнѣе.

XX.

Ровно—не убывая, не разгораясь—разливала вокругъ зеленоватый свѣтъ электрическая лампа; мирно лежала раскрытая книга съ алмазными строками Готье; матовымъ золотомъ сверкала мадера въ граненой рюмкѣ; истомно дышали цвѣты, и вслѣдъ за шагами морозной ночи за окнами отсчитывали время золотыя стрѣлки фарфоровыхъ часовъ на каминѣ.

Теперь говорилъ Желтухинъ, а Ольга молчала, съ шелковой подушкой на колѣняхъ, съ тонкими руками, вытянутыми на ней.

— Такъ, такъ... да, да... Все, что вы мнѣ сейчасъ говорили, знакомо мнѣ... Я не зналъ только, что уже пришелъ часъ, когда объ этомъ заговорятъ дѣти... Конечно, это нужно было ожидать, иначе быть не могло. Мы въ тупикѣ, нужно какъ-нибудь иначе устраивать свою жизнь. Старое умерло, умерла сущность его; развалилась и его оболочка. Семьи у насъ нѣтъ, нѣтъ даже сознанія необходимости ея, несмотря ни на что... Но изъ-за чего страдать... Да, я понимаю васъ... *не изъ-за чего страдать*... Еще ваша мать могла это, она не ломала себя, она покорялась неиз-

бѣжному, она не понимала иначе любви, но разумнаго въ семьѣ ея уже не могло быть, логика ушла, остались одни лишь завѣты. Завѣты дороги лишь тѣмъ, кто выросъ на нихъ. Для васъ они не нужны. Казалось бы, какъ легко жить—нѣтъ долга, нѣтъ обязанностей, освященныхъ традиціями семьи, общественнымъ мнѣніемъ, все дозволено, лишь бы дать женщинѣ ту же возможность существованія, что и мужчинѣ... И вотъ пришло самое страшное... Какъ уберечь любовь, какъ любить?... Раньше были оправданія пошлости—семья, бракъ—теперь нѣтъ оправданія, нѣтъ прощенія убивающимъ любовь, забывающимъ душу. Все можно и ничего нельзя... Напрасно радовались, напрасно упивались виномъ... Мы стали банкротами... Нѣтъ ничего, что съ насъ не взыщется. Свободная любовь—какъ пошло звучитъ теперь это... Увы, мы не звѣри, и горько похмелье страсти... Бѣдная дѣвочка—вы не единственная, но какъ тяжело вамъ!... Что посовѣтовать? Чему научить?... Я бы сказалъ: не любите, живите для себя... Но вы молоды, красивы, вамъ нужно жить, и каждый разъ ваша страсть будетъ вамъ мукой, новой болью... А выйдя замужъ, вы замучите мужа, замучите себя, исковеркаете своихъ дѣтей... Дѣти... Какъ больно это, но мы, русскіе, меньше другихъ народовъ любимъ своихъ дѣтей... Меньше всего мы думаемъ о нихъ—они растутъ у насъ, какъ сорная трава при дорогѣ, поэтому и горько намъ, русскимъ, и мечемся мы, и строимъ свою жизнь съ перваго шага каждый по-своему. Поэтому больнѣе бьетъ насъ жизнь по открытымъ ранамъ. Сколько силъ уходитъ на это...

Желтухинъ снова подошелъ къ Ольгѣ и взялъ ея руки.

— Простите меня, я зафилософствовался... проклятая привычка... А вы сидите тутъ и слушаете меня... и лицо у васъ такое тихое, точно наяву вы видите сны...

— Нѣтъ, я думаю о той „незнакомкѣ“ на выставкѣ—она тоже такая...

— Но вѣдь это—вы... Художникъ лучше понялъ васъ, чѣмъ я...

И вдругъ, конфузясь и робѣя, онъ спросилъ:

— Скажите, вы вѣдь любите кого-нибудь, не жениха вашего, а другого...

Точно ожидая этотъ вопросъ, Ольга отвѣтила:

— Да, я люблю вашего друга...

Она впервые громко произнесла свою тайну, и такими странными показались ей эти слова. Точно впервые она навсегда закрѣпляла за собою право говорить это. И сидѣла съ широко открытыми глазами, отражающими холодный свѣтъ лампы, съ усталымъ-усталымъ лицомъ, съ руками, безпомощно кинутыми на подушку.

Желтухинъ растерянно повторялъ за нею:

— Моего друга... кого же?

И сейчасъ же, точно озаренный какою-то мыслью, почти крикнулъ:

— Художника? Но почему же вы ни разу не спросили о немъ? Точно бѣжали его? Нѣтъ, не то... конечно, конечно... Боже мой, какъ жестока любовь... Но все же зачѣмъ такъ себя мучить... Если бы я зналъ—вѣдь онъ сегодня еще былъ у меня... Мы говорили съ нимъ о его картинѣ, говорили о васъ...

Ольга вскрикнула. Она все шире и шире раскрывала свои глаза въ то время, какъ говорилъ писатель, и теперь вытянулась, приподнявшись въ креслѣ и крикнула.

Потомъ безпомощно опустилась головою внизъ.

XXI.

Ольгинъ обморокъ былъ долгъ и мучителенъ. Сначала она стонала, точно уплывая куда-то и желая остановиться, удержаться на мѣстѣ, хваталась за ручки кресла. Потомъ затихла, окоченѣла, перестала дышать.

Растерянный Желтухинъ не могъ нащупать пульсъ, расплескивалъ воду, подносилъ ей къ носу вмѣсто нашатыря—духи. Наконецъ, выбившись изъ силъ, перенесъ Ольгу къ себѣ въ спальню на кровать и, разбудивъ лакея, послалъ за докторомъ.

Волнуясь, онъ ходилъ по комнатамъ и то тушилъ, то зажигалъ электричество.

Заслышавъ шаги, кинулся въ переднюю, умоляя доктора поторопиться.

Наконецъ, гостья его пришла въ себя. На щекахъ проступилъ румянецъ, губы первыми улыбнулись жизни. Докторъ долго осматривалъ и остукивалъ больную. Озабоченный, пошелъ въ кабинетъ къ Николаю Герасимовичу; удивленно разводилъ руками.

— Кто она?

— Барышня, изъ интеллигентной семьи, окончила гимназію...

Но все говорило за то, что эта барышня давно уже голодаетъ—весь организмъ изнуренъ, нервная система надорвана, сильное малокровіе—явные признаки недоѣданія, частыхъ голодовокъ.

Эскулапъ пожималъ плечами—это было выше его пониманія.

Писатель кивалъ головой. Его сводили съ ума нахлынувшія на него со всѣхъ сторонъ мысли объ Ольгѣ.

Она заснула въ нимбѣ своихъ золотистыхъ каштановыхъ во-

лось на его подушкѣ, на которой никогда не покоилась женщина, а онъ сидѣлъ надъ нею, не смыкая глазъ, весь остатокъ ночи.

Только въ два часа дня Ольга проснулась. Сонъ укрѣпилъ ее, она чувствовала себя бодрой.

Желтухинъ спалъ, склонившись на спинку стула.

Ей жаль было будить его, и она лежала неподвижно, полная благодарности къ этому человѣку.

Сквозь желтыя занавѣси свѣтъ проникалъ едва-едва въ спальню.

Широкая орѣховаго дерева старинная кровать, такая же шифоньерка съ наклоненнымъ движущимся зеркаломъ, два стула, коврикъ и орѣховая же овальная рама на стѣнѣ съ портретомъ самого хозяина—юношей, въ бѣлыхъ откидныхъ воротничкахъ и съ пухлымъ ртомъ.

На цыпочкахъ подошелъ къ дверямъ лакей. Скрипнула половица. Желтухинъ задвигался и открылъ глаза. Безъ пенсне онъ плохо видѣлъ и смѣшно щурился. Потомъ поднялся со стула, боясь взглянуть въ сторону Ольги.

— Доброе утро, Николай Герасимовичъ!

— Доброе утро, доброе утро... только лежите и не шевелитесь... вамъ нуженъ полный покой. Я уйду кое-за чѣмъ, а вы почитайте...

Онъ поднялся открывать занавѣсъ, но она воспротивилась.

Ей хотѣлось встать и во что бы то ни стало ѣхать домой. Что думаетъ Раиса! Какъ безпокоится...

Напрасно онъ уговаривалъ ее,—она стояла на своемъ.

Черезъ полчаса они уже уѣхали на извозчикѣ къ дому, гдѣ жила Ольга. Молчали или говорили о пустякахъ. Ни одинъ изъ нихъ не вспоминалъ прошедшей ночи—точно ея и не было, точно они только что встрѣтились.

Дома ихъ ждали обезпокоенные Раиса и Скарынинъ.

Скарынинъ пришелъ сегодня очень рано. Онъ не могъ оставаться одинъ. Онъ не спалъ всю ночь, думая объ Ольгѣ, не давалъ спать Сережѣ, котораго, такъ же, какъ Ольга Желтухина, встревожилъ вчера очень поздно. Ему хотѣлось поскорѣе увидѣть свою невѣсту, чтобы еще разъ сказать ей о любви. Теперь она казалась ему недосягаемой и высокой. Ея страданія, которыя онъ чувствовалъ, дѣлали ее святою.

Раиса очень удивилась, не заставъ Ольгу дома. Заснувъ усталая, на утро она еще болѣе забезпокоилась. Спрашивала хозяйку, что случилось. Но та не слыхала даже, когда Ольга ушла.

У старухи явились подозрѣнія, не ушла ли Ольга со Скарынинымъ... Вѣдь эти дѣвчонки—шалыя головы!

Но когда Скарынинъ пришелъ и началъ разспрашивать объ Ольгѣ, сказавъ, что она его невѣста,—хозяйка сразу перемѣнила свое мнѣніе и стала рисовать всякіе ужасы.

Раиса скрыла отъ жениха ночное исчезновеніе Ольги. Сказала только, что она недавно ушла и вотъ—пропала.

Такъ они сидѣли, перебрасываясь отрывочными фразами, и ждали. Наконецъ, Ольга и Желтухинъ позвонили у двери. Желтухинъ попросилъ позволенія войти въ квартиру.

Ему хотѣлось познакомиться съ Ольгиной хозяйкой и Раисой.

Кстати онъ познакомился и со Скарынинымъ, котораго видалъ въ кабачкѣ, но не былъ представленъ.

Писатель нашелъ комнату очень удобной и сдѣлалъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній тающей хозяйкѣ.

Посидѣвъ немного, Ольга попросила оставить ее вдвоемъ со Скарынинымъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ нимъ,—заявила она,—и я хотѣла бы сдѣлать это сейчасъ... Анна Ивановна не откажетъ вамъ, Николай Герасимовичъ, и Раисѣ посидѣть пока у нея...

Хозяйка, конечно, ничего не имѣла противъ, но Желтухинъ предложилъ Раисѣ пройтись:

— Сегодня очень мягкая славная погода. Нужно пользоваться,—увѣрялъ онъ.

XXII.

Когда Раиса вернулась, Скарынина уже не было.

Ольга сидѣла за столомъ и перебирала какія-то бумаги.

Лицо у нея было блѣдное, какъ и утромъ (обморокъ всетаки чего-нибудь стоилъ), но спокойное и рѣшительное.

— Гдѣ же Скарынинъ?—спросила она, сваливая на столъ цѣлый ворохъ разныхъ пакетовъ.

— Онъ ушелъ...

— Скоро вернется?

Раиса во всѣ глаза смотрѣла на подругу.

— Ахъ, да не спрашивай ты! Ну, придетъ, не придетъ, почемъ я знаю!... Ты лучше скажи, откуда у тебя все это?

Раиса замялась, потомъ, хитро прищурившись, отвѣтила:

— Богатой стала, вотъ и купила. Здѣсь лѣкарство тебѣ, масло, булки, ветчина, кефиръ, цѣлая уйма вкусныхъ вещей...

Уже догадываясь, въ чемъ дѣло, Ольга прикрикнула:

— Не дури, Райка... говори толкомъ!

Тогда обиняками Раиса разсказала, что говорилъ ей Желтухинъ, какъ онъ узналъ объ ихъ голодовкахъ, какъ самъ до всего додумался и вмѣстѣ съ нею пошелъ покупать все это. Право, она ничего не говорила ему, потому что онъ все зналъ и безъ нея. И не нужно сердиться...

Раиса еще долго заступалась за Желтухина, а Ольга слушала ее и улыбалась.

— Да я и не думаю злиться,—наконецъ, сказала она,—откуда ты взяла?... Онъ очень славный. Его помощь только пріятна.

Раиса чуть не прыгала отъ радости.

— Ну вотъ молодецъ, Ольга, вотъ люблю!...

Хозяйка принесла яичницу. Старуха была очень внимательна. Она присѣла на стулъ рядомъ съ дѣвушками, красная отъ жара плиты, долго говорила о томъ, какъ полезно кушать яйца, и можно было подумать, что она такъ всегда заботливо относилась къ своимъ жиличкамъ.

Когда, наконецъ, она ушла, Раиса спросила Ольгу:

— Нѣтъ, ты мнѣ всетаки скажи, что со Скарынинымъ? Я чувствую, у васъ съ нимъ опять неладно...

Ольга отвѣтила спокойно:

— Я отказала ему. Я сказала, что не гожусь въ жены.

Раиса всплеснула руками:

— Ахъ, Боже мой! А онъ что же?...

Ольга молчала. Потомъ, отойдя къ окну и глядя на морозные узоры, отвѣтила:

— Онъ казался такимъ несчастнымъ, когда уходилъ...

— Ну, я думаю. Это чортъ знаетъ что такое!... Это безсовѣстно, безчеловѣчно!... Такъ нельзя играть съ людьми... О чемъ ты думаешь, Ольга?

Не поворачиваясь, Ольга прошептала:

— Если бы ты знала, о чемъ я думаю...

И больше не прибавила ни слова.

Смотрѣла на искристые цвѣты въ окнѣ и молчала. Раиса тоже принуждена была замолчать и, разстроенная, раздосадованная, легла на кровать.

Вечеромъ опять заглянулъ Желтухинъ.

Онъ принесъ мадеру и бисквиты и объявилъ, что останется у барышень весь вечеръ—такъ понравилась ему ихъ комната. Онъ старался быть веселымъ и оживить всѣхъ. Заставилъ хозяйку приготовить ему ужинъ „по его вкусу", самъ помогалъ

ей, а хозяина упросилъ играть на віолончели и восторгался его игрой.

Раиса смѣялась до-упаду. Ольга улыбалась.

Потомъ писатель отвелъ Ольгу въ сторону и просилъ серьезно его выслушать.

Она крѣпко пожала ему руку, безъ словъ благодаря за его заботы о ней.

Онъ смутился, покраснѣлъ, сталъ поправлять пенснэ и, наконецъ, сказалъ, что все это глупости. Что нужно устроиться иначе и надолго. Разсказалъ, что нашелъ ей другую комнату—съ пансіономъ, гдѣ она будетъ пользоваться всѣми нужными удобствами и не станетъ забывать ѣсть, какъ она это дѣлала здѣсь. Кромѣ того, пусть не думаетъ Ольга, что онъ старается даромъ,—нѣтъ, она будетъ служить въ одной редакціи, гдѣ ей дадутъ мѣсто, и, кромѣ того, онъ бы попросилъ ее пока вести корректуру его книги, выходящей на этихъ дняхъ.

— Я думаю, вашъ женихъ ничего не будетъ имѣть противъ этого?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— У меня уже нѣтъ жениха,—я отказала ему!

У Желтухина вырвалось почти радостно:

— Ахъ да, тѣмъ лучше!...—и сейчасъ же онъ добавилъ, извиняясь:—у васъ теперь будетъ больше времени—вотъ что я хотѣлъ сказать... Хотя вообще все бываетъ къ лучшему...

Ольга печально отвѣтила:

— Богъ вѣсть!... Я вспугнула бѣднаго мальчика, а какъ знать, могу ли я жить одна... могу ли работать...

Тогда, точно набравшись рѣшимости, быстро-быстро заговорилъ Желтухинъ:

— Конечно, можете; конечно, будете счастливы; конечно, туманъ разсѣется и выглянетъ солнце!... Зачѣмъ унывать, зачѣмъ пугать себя химерами... Не бойтесь и только вѣрьте; не бойтесь разочарованій... надо только вѣрить, вѣрить и вѣрить, и жизнь будетъ имѣть смыслъ. Я познакомлю васъ съ моимъ другомъ. Нѣтъ, не возражайте. Онъ дѣйствительно хорошій, удивительный человѣкъ и знаетъ васъ, хотя и не знакомъ съ вами.

И, цѣлуя ей руки, онъ добавилъ, точно молилъ о любви:

— Такъ вы согласны?—скажите...

Съ сильно бьющимся сердцемъ, съ пылающими щеками Ольга отвѣтила едва слышно, какъ возлюбленному:

— Да, да, согласна... Только не сейчасъ... я напишу вамъ, мнѣ слишкомъ страшно...

XXIII.

Дни шли за днями и вытягивались въ длинную непрерывную нить жизни. Собственно не такъ ужъ много дней уплыло, но тѣ измѣненія, которыя произошли вокругъ Ольги и въ ней самой, дѣлали представленіе о времени болѣе длительнымъ. Человѣкъ никогда не вѣритъ календарю.

Ольга переѣхала въ другую комнату, тоже на Петербургской сторонѣ.

Комната эта была значительно больше, и мебель была здѣсь новѣе. Подавала обѣдъ молодая горничная въ бѣлой наколкѣ и кружевномъ передникѣ; хозяева, мужъ и жена,—оба молодые.

По вечерамъ и мужъ, и жена любили играть. Онъ—на скрипкѣ, она—на піанино, и это у нихъ выходило недурно.

Въ первый день у Ольги отпраздновали что-то вродѣ новоселья.

Опять, извиняясь, краснѣя и поправляя въ смущеніи пенснэ, притащилъ Желтухинъ всякой всячины; пришла Раиса съ Левитовымъ.

Желтухинъ уже раньше былъ знакомъ съ хозяиномъ. Тотъ познакомилъ всѣхъ со своею женой. И сейчасъ же устроился литературно-музыкальный вечеръ. Молодые хозяева играли, Левитовъ пѣлъ; вслѣдъ затѣмъ упросили пѣть и Раису. Желтухинъ пришелъ въ восторгъ отъ ея голоса и за это долженъ былъ прочесть свои стихи...

Ольга опять стала веселой и оживленной. Она даже протанцовала вальсъ съ Левитовымъ. Но больше всѣхъ всетаки радовался Желтухинъ.

Такъ свѣтло началась новая жизнь Ольги въ новой квартирѣ.

Ольга быстро поправлялась; исчезла слабость, не кружилась больше голова, только румянецъ еще проступалъ едва замѣтно, ночами она не могла подолгу заснуть.

Мѣста въ редакціи еще не нашлось, но на столѣ у Ольги лежала корректура новой книги Желтухина.

Работа эта была легкая, почти излишняя, такъ какъ писатель самъ просматривалъ листы, но Ольга исполняла ее съ удовольствіемъ.

О художникѣ ни она, ни Желтухинъ больше не заговаривали. Ольга молчала, молчалъ изъ скромности и Николай Герасимовичъ.

Думала о немъ Ольга ночами, когда приходила безсонница. Днемъ она даже не могла бы объяснить, что это были за думы.

Днемъ ее снова охватывалъ страхъ, и она откладывала рѣшительный отвѣтъ на послѣ.

Но все же въ глубинѣ души она знала, что рано или поздно свиданіе ея состоится, что она не сможетъ отказаться отъ него. Всетаки она была женщиной; любопытство брало верхъ надъ страхомъ. Она чувствовала, что это была ея послѣдняя ставка, и сердце ея бѣшено билось каждый разъ, когда она думала объ этомъ. Она закрывала глаза на будущее, чтобы острѣе чувствовать соблазнъ,—онъ вѣдь замѣнялъ ей всѣ радости...

О Скарынинѣ она ни разу не вспомнила,—такъ эгоистична была ея жажда жить.

Разъ только, увидавъ револьверъ брата, подумала она о томъ, какъ далеки ей теперь всѣ когда-то близкіе...

Но судьба точно хотѣла испытывать ее. Мы всегда приходимъ въ тѣ мѣста, откуда вышли; рѣдко мы навсегда теряемъ тѣхъ, кого знали раньше,—свѣтъ такъ малъ, такъ ограничена наша жизнь.

Какъ-то вечеромъ пришла къ Ольгѣ Раиса со своимъ неизмѣннымъ Левитовимъ. А съ ними еще трое. Ихъ даже Ольга и не узнала въ сумеркахъ. Двѣ женщины и мужчина. Они всѣ смѣялись и кланялись и никто ничего не говорилъ. Хотѣли устроить сюрпризъ.

— Да вѣдь это ты, Ленка!

Одна изъ женщинъ кинулась Ольгѣ въ объятія.

— Ну да, конечно, дурочка. Ну да, это я!

Вслѣдъ за нею бросилась другая.

— Олечка, милая, ненаглядная моя...

— Маня? вотъ удивили!...

Онѣ стояли всѣ трое вмѣстѣ въ полутемной передней, держась за руки,—три школьныхъ подруги,—и смотрѣли другъ на друга.

Какъ недавно были онѣ еще дѣвочками, жили въ провинціальномъ городѣ и влюблялись въ однихъ и тѣхъ же актеровъ. Какъ много воды утекло съ тѣхъ поръ.

— А что же ты не здороваешься еще съ однимъ старымъ другомъ,—говоритъ Раиса.

— Ахъ, да, да, простите... но вѣдь это баронъ?... Ну, конечно,—баронъ Дирксъ! Вотъ неожиданность!...

И всѣ онѣ, какъ въ былое время, гурьбой пошли въ Ольгину комнату.

Тутъ наперебой Ольгѣ разсказали, какъ случилось, что всѣ они здѣсь.

— Дѣло въ томъ, что уже скоро Рождество, и баронъ рѣшилъ повеселиться въ Петербургѣ—онъ вѣдь живетъ теперь въ про-

винціи, открылъ контору и сталъ нотаріусомъ. Ну, вотъ, а тутъ онъ въ кафэ встрѣтился съ Леной. Они разговорились. Вспомнили старые дни. А потомъ баронъ предложилъ заѣхать къ Раисѣ. Вѣдь это его былая страсть, ха-ха! Ну, вотъ. Пріѣхали къ Раисѣ, а тамъ уже сидитъ эта толстая Манька. Вы только посмотрите на нее, что изъ нея стало—настоящая купчиха...

— Положимъ, на купчиху она вовсе не похожа. А что же изъ того, если она немного и растолстѣла—вѣдь теперь она замужемъ, да—мужъ ея почтовый чиновникъ, и у нихъ есть уже ребенокъ—хорошенькій мальчикъ!...

— Какъ! такъ скоро?

— Почему скоро? ничуть не скоро,—какъ разъ во̀-время. И теперь она пріѣхала хлопотать за мужа кое у кого. Знаете, дядя Жоржа—вліятельный человѣкъ, а она давно уже хороша съ нимъ...

— Слава Богу, слава Богу! Значитъ, всѣ вы счастливы и довольны...

Такъ они сидѣли и разговаривали, перебирали знакомыхъ, вспоминали старину. Больше всѣхъ смѣялась и кричала Лена. У нея немного огрубѣлъ голосъ, но она безусловно похорошѣла,—если, конечно, не обращать вниманія на то, что лицо ея искусно разрисовано. Костюмъ у нея тоже самый модный, нѣсколько яркій только.

Маня остепенилась—сразу можно сказать, что она мать семейства. Все время вспоминала своего сына и даже какъ будто гордилась имъ передъ бездѣтными подругами.

Баронъ Дирксъ остался такимъ же. Только еще ниже висла его бѣлокурая голова на тонкой шеѣ, и нельзя было себѣ представить, какъ онъ—меланхоличный и томный—могъ справляться тамъ съ разными купчихами, закладными и другой сухой матеріей.

И вдругъ, точно камень въ затихшій прудъ, въ комнату ворвался Сережа.

XXIV.

Онъ былъ взволнованъ, растерянъ, его нельзя было узнать.

Взглянувъ на незнакомыя лица, онъ сейчасъ же подошелъ къ Ольгѣ и отвелъ ее въ сторону.

Всѣ сидѣли въ напряженномъ ожиданіи. Почему-то взволновались и не находили темы для разговора,—такъ поразилъ всѣхъ неожиданный приходъ студента. Сидѣли и ждали Ольгу, которую увелъ Сережа въ переднюю.

Прошло нѣсколько минутъ, но молчаніе казалось очень долгимъ.

И вдругъ услышали тихій вскрикъ—совсѣмъ тихій. Въ другое время его бы и не замѣтили, но теперь его ясно услыхали всѣ, а Раиса уже кинулась къ двери.

Въ передней было совсѣмъ темно, хоть глазъ выколи.

Протянувъ руки, Раиса шла впередъ.

— Да гдѣ же вы? что это такое?

Сережа молчалъ.

Ольга стояла у вѣшалки, уткнувшись лицомъ въ чье-то пальто и всхлипывала. Плечи ея, которыхъ коснулась Раиса, вздрагивали. Все тѣло дрожало мелкой, нервной дрожью.

— Да что съ тобой? Скажи мнѣ, объясни.

Ей отвѣтилъ сдавленный голосъ, совсѣмъ непохожій на Сережинъ, хотя говорилъ онъ:

— Молчи. Я пришелъ сказать, что Скарынинъ умеръ.

— Что?

Раиса испуганно кинулась въ сторону.

— Что ты врешь тутъ?

И сейчасъ же плачущимъ голосомъ стала звать подругъ:

— Маня, Лена, да идите сюда! Что это, право, такое! Они тутъ всѣ съ ума посходили, а мнѣ страшно, я кричать начну!...

Въ двери появились остальные. Баронъ Дирксъ зажегъ спичку и высоко держалъ ее надъ головами.

Мутный дрожащій огонь съ легкимъ потрескиваніемъ разливалъ желтые круги свѣта.

Видна была только Ленина шляпка и рука барона, все вокругъ стало еще чернѣе и гуще.

Ольга не переставала плакать. Всѣ старались увидать ее и ширили глаза.

— Скарынинъ умеръ... почему умеръ?—проговорила Раиса.

— Умеръ? кто умеръ?—повторили за ней испуганные голоса.

— Человѣкъ умеръ, мой товарищъ,—съ раздраженіемъ сказалъ Сережа.—Застрѣлился. Наскучился вашимъ милымъ обществомъ...

И, найдя въ темнотѣ выходную дверь, ушелъ, громко хлопнувъ ею.

Маня крестилась. Раиса вытирала мокрые глаза. Нервный баронъ быстро ушелъ изъ передней.

Ольга замолкла. Ея не было слышно,—такъ тихо она стояла тамъ, въ своемъ углу. Потомъ, оттолкнувъ утѣшавшую ее Лену, она прошла къ себѣ въ комнату и остановилась у стола.

Черезъ сколько мукъ прошла она сейчасъ: мукъ стыда, раскаянія, жалости, покорности и возмущенія.

Скорбная тѣнь не отступала. Не было мѣста печали—нужно было или отречься отъ себя, или порвать съ прошлымъ.

Для Ольги самоубійство Скарынина не было просто тяжкой утратой. Что-то въ ней самой точно умерло съ нимъ, и почти безсознательно Ольга понимала, что нужно было оторвать отъ себя эту мертвую часть своего я, чтобы остаться жить. А она хотѣла жить, она еще не сдалась. Вася, Скарынинъ—оба они искали любовь тамъ, гдѣ ея не было, требовали у любви то, что она не хотѣла имъ дать. И оба умерли.

А Ольга хотѣла жить, она вѣрила въ послѣднее усиліе, не могла не проявить его, и самоубійство Скарынина готово было убить эту вѣру. Попеременно овладѣвали ею быстро смѣняемыя ощущенія, и она отдавалась имъ какъ будто бы помимо воли, внезапно.

Что-то толкало ее порвать все разомъ, сжечь корабли, сію минуту очутиться на другомъ берегу. У нея захватило духъ; почти радость, жуткая радость ширила сердце, какъ бываетъ это съ человѣкомъ, кидающимся изъ окна горящаго зданія на мостовую, бѣгущимъ отъ предвидимой смерти къ нежданной.

Глаза ея были сухи и блестѣли. На вискѣ билась синяя жилка. Весь обликъ ея выражалъ непоколебимую рѣшимость.

Пальцы на рукахъ ея хрустнули,—такъ сильно она ихъ сдавила. Голосъ сдѣлался стальнымъ, рѣзкимъ. Всѣ съ напряженіемъ смотрѣли на нее.

Она сказала:

— Я ѣду сейчасъ ужинать въ ресторанъ. Кто хочетъ со мною?

Никто не отвѣчалъ. Всѣ чувствовали себя неловко, не знали, какъ отнестись къ ея словамъ

Раиса отвернулась и стала поспѣшно собираться домой.

Ольга повторила такъ же твердо. Въ голосѣ ея теперь звучала даже насмѣшка:

— Что же, никто не поддержитъ мою затѣю? Тогда я ѣду одна—меня будутъ ждать тамъ.

Она порылась у себя въ бюварѣ и начала писать что-то на клочкѣ бумаги. Быстро-быстро забѣгала ея рука.

— Нѣтъ, почему же, мы ничего не имѣемъ противъ,—въ одинъ голосъ смущенно заговорили баронъ и Левитовъ

Ихъ сейчасъ же поддержала Лена. Черные круглые глаза ея зажглись, ноздри раздулись.

— Конечно, это очень хорошо! Намъ нужно развлечься... Нельзя тутъ сидѣть и киснуть! Ольга молодецъ, какъ всегда. Ну застрѣлился человѣкъ, надоѣло ему жить—не слѣдуетъ изъ-за этого и намъ вѣшать носы...

Ольга выпрямилась, держа въ рукахъ запечатанный конвертъ.

— Такъ, значитъ, ѣдемъ?...

— Ѣдемъ, ѣдемъ...

XXV.

Петербургъ видѣлъ свой послѣдній больной сонъ. Уже въ морозной мглѣ ранняго утра слышались голоса и чьи-то шаги.

Кухарки шли за провизіей. Когда просыпаются люди, они хотятъ ѣсть.

Еще рѣялъ ночной звонъ телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, этой эоловой арфы города.

Съ розовѣющей выси сыпался иней. Онъ наполнялъ весь воздухъ серебряной дрожащей паутиной.

По-новому скрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями. Шире становились улицы.

Тотъ, кто не спалъ ночью, не вѣритъ, что наступающій день опять вернетъ его къ прежней жизни.

Тотъ, кто проснулся въ такой ранній часъ, хочетъ вспомнить скорѣе вчерашнее, чтобы забыть сонъ.

Раннимъ зимнимъ утромъ дома—эти каменные ящики, за которыми прячутся люди—разсказываютъ другъ другу свои тайны, и горе тому, кто подслушаетъ ихъ: онъ станетъ пугливымъ, какъ занавѣшанныя окна, боящіяся ночью глянуть на улицу и берегущія безстыдство жилищъ.

Въ раннее зимнее утро, когда Петербургъ пытается улыбнуться новому дню, когда дворники выходятъ дѣлать видъ, что чистятъ улицы, проститутки сонныя возвращаются домой, воры становятся честными людьми, а солнце, самый большой шутникъ въ этомъ городѣ, рѣшаетъ полюбопытствовать и посмотрѣть на землю,— Ольга подъѣхала на тройкѣ къ подъѣзду своего дома.

Она сидѣла рядомъ съ барономъ, Лена рядомъ съ Ширвинскимъ, Раиса—съ Левитовымъ. Припухшія лица горѣли отъ мороза, голоса рѣзко рвали воздухъ.

Пряничная тройка коней фыркала и топталась на мѣстѣ, звеня бубенцами.

Слишкомъ быстро принесла она сюда съ острововъ ширококрылыя сани. Мелькнули пудренныя сосны, бѣлая лента рѣки, гулкій Каменноостровскій...

Нужно прощаться. Что тамъ было такъ недавно? Цѣлая длинная ночь—ужинъ въ ресторанѣ, вызовъ туда Ширвинскаго, „Аквариумъ“, шампанское, много шампанскаго, и смѣхъ, и анекдоты, и рѣзкій высокій голосъ, и поцѣлуи.

Баронъ Дирксъ, этотъ вновь испеченный нотаріусъ, рѣшившій повеселиться въ Петербургѣ, былъ очень смѣшонъ. Онъ декламировалъ стихи и цѣловалъ ей руки. Корректный Ширвинскій въ смокингѣ, съ огромнымъ опаломъ на пальцѣ. Онъ тоже увлекся, и глаза его блестѣли.

— Прощайте...

— Наша богиня, наше солнце, прощайте,—кричитъ баронъ.

Всѣ смѣются. Въ розовомъ инеѣ смѣхъ рвется и мгновенно гаснетъ.

Ширвинскій вылѣзъ изъ саней, чтобы помочь Ольгѣ.

Онъ держалъ ее подъ локоть и говорилъ шопотомъ:

— Такъ сегодня утромъ мы будемъ у тебя съ княземъ... Жди насъ...

— Да, да, конечно...

Заспанный швейцаръ открылъ дверь. Сѣрая, мутная лѣстница, звонокъ, полуодѣтая горничная и, наконецъ, своя комната.

Ольга остановилась и провела кистями рукъ по замерзшимъ щекамъ и лбу. Что-то шумѣло въ головѣ, но мысли были, какъ никогда, ясными. Ни печали, ни раскаянія; казалось, все давно рѣшено и обдумано, давно оборвано съ прошлымъ.

Она прошлась по комнатѣ, передвинула стулъ, поправила шторы. На мгновеніе замерла у окна, сплошь разрисованнаго морозомъ, льющаго въ комнату розовый утренній свѣтъ. Морозные узоры сплетались въ загадочные цвѣты, разсыпались лучистыми звѣздами, медленно двигались сверху внизъ, перемѣшивались, опять сверкали новымъ рисункомъ.

Или это кружилась голова и слипались глаза?...

Ольга отошла отъ окна и легла на кровать. Сейчасъ же невѣроятная слабость овладѣла ею.

Розовый свѣтъ померкъ, и стало темно, какъ ночью.

Когда Ольга очнулась, былъ уже день.

Въ окнѣ стояли серебряные узоры, и виденъ былъ желтый домъ напротивъ. Уже въ квартирѣ хлопали дверями и звенѣли чашками.

Ольга поднялась и присѣла къ зеркалу. Она всматривалась въ свое лицо, котораго давно уже не видала. Нѣжный румянецъ проступалъ сквозь бѣлизну кожи, спутанные по снѣ золотистыя пряди волосъ падали на лобъ и придавали ей видъ маленькой дѣвочки, выпуклые глаза стали глубокими и свѣтлыми, поблѣднѣвшія послѣднее время губы теперь отъ вина заалѣли.

— Да, я красива,—сказала Ольга, и вдругъ лицо ея стало внимательнымъ и серьезнымъ, глаза ушли въ глубь зеркала. Тамъ,

въ зеркалѣ, за нею отражался столъ, на немъ лампа, стаканъ молока, не выпитаго съ вечера, и чье-то письмо.

Да, около стакана лежало письмо съ городской маркой.

Ольга быстро поднялась. Сердце ея шибко билось. Пальцы дрожали, когда она взяла конвертъ съ незнакомымъ мужскимъ почеркомъ и разорвала его.

Нѣкоторое время она даже ничего не понимала, что написано въ письмѣ,—такое волненіе охватило ее. Потомъ упала на стулъ и заплакала. Кусала губы и беззвучно плакала, безъ рыданій, безъ стоновъ.

Вотъ оно, наконецъ, это большое, огромное счастье! Боже мой, какъ долго она ждала его, боялась его и не вѣрила, что это можетъ прійти.

Ну да, вотъ оно, наконецъ, пришло къ ней въ это утро. Какъ она измучилась, какъ устала... Да... очень, очень устала... Хорошо, если бы кто-нибудь пришелъ и тихо-тихо погладилъ ее по головѣ и поцѣловалъ бы въ лобъ, какъ мама.

Такъ она никогда еще не плакала.

XXVI.

И вдругъ буйная радость наполнила ея сердце и быстро подняла ее со стула.

Шубку, шляпку, муфту—скорѣе, скорѣе.

Ольга бѣжала по лѣстницѣ, бѣжала по улицѣ, никого не замѣчая, ничего не видя. Вошла въ цвѣточный магазинъ. Звякнула стеклянная дверь, обдало душистое парное облако.

— Цвѣтовъ!

— Какихъ угодно, сударыня?...

— Всякихъ... ландыши, гвоздики, розъ, хризантемъ... все, что можно... только скорѣе, скорѣе... и вотъ вамъ деньги...

Высыпала на прилавокъ всѣ полученныя наканунѣ деньги—десять золотыхъ... Желтые кружочки разсыпались со звономъ по стеклу. Смотрѣла на изумленнаго приказчика и улыбалась ему совсѣмъ по-дѣтски.

И такой радостью сіяетъ ея лицо, что приказчикъ тоже начинаетъ улыбаться и уже не удивляется ей.

Онъ быстро и ловко завертываетъ въ папиросную бумагу горшки съ цвѣтами.

— Прикажете отослать?

— Нѣтъ, пусть мальчикъ везетъ ихъ вмѣстѣ со мною. Только скорѣе.

И вотъ она у себя въ комнатѣ, а вокругъ нея стоятъ горшки съ цвѣтами, цвѣты лежатъ на кровати, на полу, на подоконникѣ.

За окномъ морозъ и снѣгъ, а у нея зацвѣлъ садъ для ея жениха.

Вѣдь вотъ его письмо. Онъ самъ написалъ ей, что рѣшилъ прійти къ ней сегодня, не ожидая ея отвѣта. Что онъ готовъ полюбить ее, еще не знакомую. Онъ мысленно цѣловалъ ея волосы.

Это письмо передъ нею, и она не спитъ. Она дѣйствительно сидитъ тутъ, у себя въ комнатѣ, послѣ безсонной ночи, а кругомъ нея дышатъ цвѣты...

Ольга опять подошла къ зеркалу. Взглянула на себя и засмѣялась отъ счастья. Она никогда не видала себя такой красивой. И какъ хорошо, что на ней простое синее платье и волосы спущены на уши, какъ у дѣвочки...

Вдругъ тѣнь прошла по ея лицу. Глаза остановились, руки упали внизъ. Ольга чувствовала, что радость, счастье, бѣлое облако, спустившееся къ ней, уплываетъ, таетъ, покидаетъ ее.

Она сдѣлала невѣроятныя усилія, чтобы удержать его, вытянулась даже вся, напряглась, сжала холодѣющими пальцами виски, пробовала улыбаться. Но душевныя силы, вернувшіяся къ ней съ надеждой и цвѣтами, покидали ее, безъ всякой видимой причины ускользали, безостановочно и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе, какъ падаютъ силы физическія передъ обморокомъ. Издерганные нервы, слабѣющая воля не въ силахъ уже были поддерживать ея радостный подъемъ, и гдѣ-то одинокое, потерянное стучало и ныло сердце, просило покоя у измученной души и не находило отклика.

Безконечное равнодушіе, холодъ небытія, душевный обморокъ сковали Ольгу. Она чувствовала себя такъ, какъ чувствуетъ себя человѣкъ, когда, желая поднять только что парализованную руку, онъ съ недоумѣніемъ, покорнымъ отчаяніемъ видитъ ее недвижимой, неповинующейся его волѣ.

Даже на время мысли всѣ ушли куда-то, и не приходило возмущеніе. Сонная одурь заволакивала, какъ туманомъ, все существо Ольги.

Наконецъ, ослабѣвшая чуть проснувшаяся мысль пошла—покорная—за чувствомъ, и родился страхъ, страхъ передъ наступающей минутой.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Но страхъ росъ, переходилъ въ ужасъ! Да что это съ ней, наконецъ?

Нѣтъ, такъ больше нельзя, нельзя. Вѣчный страхъ.

Нѣтъ, нѣтъ, этого не должно быть, этого не будетъ. Какъ она смѣла только думать объ этомъ? Она такъ устала.

Пусть онъ найдетъ только ея тѣло, такое же красивое, какъ

и тогда, когда впервые они увидались, а душу, душу онъ не увидитъ, онъ не ужаснется передъ ея мракомъ, не разгадаетъ ея. Она навсегда останется для него желанной и чистой, чистой...

И неожиданно вспомнила. Вѣдь сегодня—двадцать второе декабря... Да, да... ровно годъ прошло съ тѣхъ поръ, съ того снѣжнаго дня, съ того мгновенія, когда къ ней пришла любовь. Какъ круто тогда повернуло колесо ея жизни, какъ быстро оно привело ее къ концу...

Но почему, почему не жить дальше, не бороться? Да просто не стоитъ... Не нужно, пора все это кончить... Вотъ придетъ къ ней возлюбленный, и умретъ несбереженная ея любовь. Она не умѣетъ строить, а какъ жить на развалинахъ? И почему-то вспомнила свой сонъ, тотъ вѣщій сонъ, что приснился ей въ часъ, когда умерла мать.

Положила руки на столъ, склонила голову на мигъ, закрыла глаза и увидала скорбный ликъ иконы, и вслѣдъ за этимъ мелькнуло въ сознаніи: „вотъ иду за вами слѣдомъ, блѣдный мальчикъ Вася, нѣжный, любящій Скарынинъ". И улыбнулась такъ кротко, примиряюще, будто во снѣ. Спокойно и уготовано стало на душѣ, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда шла къ причастію.

Забылась, уплыла куда-то далеко, на мгновеніе почувствовала себя легкой, безплотной и маленькой и увидала песокъ золотой подъ солнцемъ и ласковое небо и услышала, точно близко гдѣ-то попискиваютъ, чирикаютъ птички, воробьи. Такъ сладко было слушать ихъ быстрый говоръ. Но рѣзко вернулъ къ жизни раздавшійся стукъ въ дверь.

Невольно вскочила Ольга со стула, держась за сердце, вдругъ нестерпимо забившееся, вытянулась—вся тревога и вниманіе. Безсознательно потянулась похолодѣвшей рукой за револьверомъ и быстро запрятала его на груди подъ кофточкой. Глаза пристально впились въ бѣлое пятно дверей.

— Можно войти?

Улыбаясь сладко, нарочито почтительно изгибая станъ, вошелъ въ комнату Ширвинскій, а за нимъ слѣдомъ, семеня короткими ножками, выдвинулся,—съ сѣрыми баками старикашка, бережно несущій передъ собою букетъ цвѣтовъ.

— Позвольте вамъ представить князя...—началъ Ширвинскій.

У обоихъ были лица торжественны, чуть-чуть изумленныя. Смотрѣли на Ольгу, на цвѣты. Ошеломилъ пряный, густой запахъ...

Напряженно всматривалась Ольга въ ихъ лица. На время захватило духъ, синіе круги пошли передъ глазами. Но поборола себя, осилила обволакивающую тѣло крутящую слабость и тот-

часъ же оледенѣла — зимнимъ холодомъ сковало сердце. Еще одно усиліе—и уже спокойно Ольга протянула вошедшимъ руку, съ достоинствомъ дала ее поцѣловать князю.

Ширвинскій улыбался. Радовался Ольгиной выдержкѣ. Уже готовъ былъ примириться съ этой массой цвѣтовъ, наполняющей комнату.

Когда Ольга заговорила, онъ благосклонно закивалъ головой. Ему нравилось, что голосъ ея хотя и глухъ немного, но тихъ и ровенъ.

Она сказала:

— Вы какъ разъ во́-время. Я ждала васъ...

И потомъ, точно вспомнивъ что-то, прислушиваясь къ далекому, ей одной слышному шуму, она добавила:

— Такъ я сейчасъ приду, подождите минуту — не долго... я переодѣнусь...

И ровнымъ шагомъ, какъ будто озабоченная чѣмъ-то незначительнымъ, обычнымъ, она прошла мимо Ширвинскаго и князя изъ комнаты своей въ темный конецъ коридора.

Князь, восхищенный, разглаживалъ баки. Ширвинскій шепталъ значительно:

— Вотъ видите, я же говорилъ вамъ!...

XXVII.

Бѣлые мягкіе хлопья снѣга тайно, неслышно и быстро устилали землю. Легкіе мотыльки кружились въ блѣдномъ свѣтѣ зимняго дня.

Люди шли, улыбаясь самимъ себѣ и зажмурившись. Бубенцы звякали тоньше. У дѣвушекъ стыдливо алѣли щеки изъ-подъ напудренныхъ инеемъ прядей волосъ, а у мужчинъ добродушно обвисли усы.

Въ этотъ день, когда къ спящей царевнѣ приходитъ влюбленный принцъ, когда въ поляхъ расцвѣтаютъ голубые ночевѣи, чьи очи—очи любимой, гдѣ сказывается ея сердце; когда души утопшихъ молятся и плачутъ о грѣхѣ своемъ, отчего и синѣетъ въ эту пору ледъ и слышенъ по рѣкѣ тихій шумъ,—въ этотъ день два человѣка—одинъ высокій, полный, въ старомодномъ цилиндрѣ, другой меньше, тоньше, въ посатой мѣховой шапкѣ—шли по одной изъ тихихъ улицъ Петербургской стороны.

Дойдя до одного подъѣзда, они молча поднялись по лѣстницѣ.

Дверь, передъ которой они остановились, была распахнута настежь и чьи-то растерянныя лица мелькали въ передней.

Тогда господинъ въ цилиндрѣ быстро вошелъ въ квартиру и спросилъ:

— Барышня Оргъ дома?

Но ему не отвѣтили, занятые чѣмъ-то, швейцаръ и дворникъ, а горничная испуганно пробѣжала мимо, махнувъ рукою.

Въ комнатѣ Ольги было пусто, и вяли, сладко дыша, забытые цвѣты.

Полный господинъ въ растерянности остановился. Слишкомъ много было цвѣтовъ и слишкомъ беззвучной казалась покинутая комната.

Его окликнули. Онъ оглянулся.

Въ дверяхъ стоялъ его спутникъ.

— Иди скорѣе... да иди же!...

Въ концѣ коридора за платянымъ шкафомъ, тамъ, гдѣ хозяйственной рукой была повѣшена пестренькая занавѣсочка, отдѣляющая темный уголъ со всякимъ скарбомъ, толклись при свѣтѣ колеблемой свѣчи нѣсколько людей, безтолково и ненужно о чемъ-то споря и ахая.

Молодой господинъ со свѣтлыми усами и сѣрыми холодными, несмотря на волненіе, глазами говорилъ раздраженно:

— Надо же отнести ее въ комнату... что за безобразіе!

А равнодушный голосъ дворника отвѣчалъ дѣловито:

— Никакъ невозможно. Приказано дожидаться полицію.

Полный высокій господинъ, протолкавшись впередъ, растерянно озираясь и спрашивая: „что это, что?“—нежданно тяжело упалъ на колѣни и жалобно всхлипнулъ. Pince-nez его отъ слезъ померкло, но онъ не снималъ его.

Онъ шепталъ, подавленный, раскачивая головой, повторяя одно и то же, точно баюкая:

— Какъ жестока жизнь!... Боже, какъ жестока!...

А другъ его, остановившись за нимъ, замеръ и, не отрываясь, смотрѣлъ передъ собою.

У ногъ ихъ, на полу, прислонившись неловко къ сундуку, лежала неподвижно дѣвушка съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, съ углами посинѣвшихъ губъ, поднятыми вверхъ, и съ застывшими полузакрытыми глазами.

Тонкія руки раскинуты были въ стороны, а волосы, при паденіи дѣвушки проведшіе темный слѣдъ по нетронутому слою пыли, устилавшему крышку сундука, сбились въ жалкій, нелѣпый комокъ.

На синемъ платьѣ темнѣли влажныя пятна крови.

Юрій Слёзкинъ.

Изъ Новалиса.

Пѣснь пѣвца [1]).

Пути пѣвца—труды безъ счета,
Онъ платье о терновникъ рветъ,
Проходитъ рѣки и болота
И помощь—кто ему пошлетъ?
Все безнадежнѣй, безпріютнѣй
Пѣвца усталая мольба.
Еще не разстается съ лютней.
Но тяжела ему борьба.

Мнѣ грустный былъ назначенъ жребій,
Пустынна предо мной земля.
Я всѣмъ пою о свѣтломъ небѣ,

---

[1]) Это стихотвореніе взято изъ III главы I части „Гейнриха фонъ Офтердингенъ" и входитъ въ составъ сказки, которую разсказываютъ Гейнриху купцы, спутники его по дорогѣ въ Аугсбургъ. Гейнрихъ жилъ до сихъ поръ только въ предчувствіяхъ тайнъ жизни и поэзіи, только во снѣ видѣлъ непонятный ему голубой цвѣтокъ, и изъ разсказовъ купцовъ впервые узнаетъ о магической силѣ поэтовъ, о временахъ Орфея и Аріона. О томъ же говоритъ и эта сказка: царевна, гуляя въ лѣсу, набрела на хижину стараго мудреца-отшельника, который жилъ въ лѣсу съ молодымъ сыномъ. Юноша и дѣвушка стали встрѣчаться и полюбили другъ друга; юный мечтатель не зналъ, кто его возлюбленная. Разъ ихъ застала въ лѣсу гроза, они скрылись въ пещеру, и „любовь укачала ихъ подъ печальныя пѣсни грозы". Они не разставались; во дворцѣ настали дни горя о пропавшей. Черезъ годъ юноша пришелъ ко двору на состязаніе пѣвцовъ, привелъ царевну и ея младенца, закрытыхъ покрываломъ, и покорилъ всѣхъ волшебствомъ своей пѣсни.

Эта пѣсня—романтическая апологія любви и поэзіи—и приведена здѣсь въ нашемъ переводѣ. *В. Г.*

Ни съ кѣмъ веселья не дѣля.
Своимъ удѣломъ веселъ каждый
И жизни радъ—черезъ меня.
Но жалокъ даръ ихъ—вѣчной жаждой
Не встрѣтятъ моего огня.

Со мной покойно разлученье,
Какъ съ маемъ, улетѣвшимъ вдаль.
Когда онъ таетъ въ отдаленьѣ—
Кому растаявшаго жаль?
Они просили только хлѣба.
Кто сѣялъ зерна—нужды нѣтъ.
Я въ пѣсняхъ сотворилъ имъ небо—
Въ молитвѣ ихъ найду ль привѣтъ?

Я чувствую: волшебной властью
Окрѣпли слабыя уста.
Ахъ, отчего ихъ дивной страстью
Любви не окрылитъ мечта?
Не вспомнитъ ни одна о бѣдномъ
Пришельцѣ изъ чужой страны.
Къ его моленіямъ безслѣднымъ
Сердца, какъ раньше, холодны.

Онъ падаетъ въ густыя травы,
Въ слезахъ пытается заснуть,
Но геній пѣсенъ величавый
Въ стѣсненную нисходитъ грудь.
Забудь, забудь, что ты униженъ.
Не вѣчны слезы на лицѣ;
Чего не встрѣтилъ въ стѣнахъ хижинъ,—
Тебѣ предстанетъ во дворцѣ.

Конецъ томленьямъ и урону.
Судьба нежданная близка.
Вѣнокъ изъ мирта, какъ корону,
Надѣнетъ вѣрная рука.
Къ престолу славы властнымъ словомъ,
Смятенный, призванъ ты одинъ!

Пѣвецъ по ступенямъ суровымъ
Взошелъ, какъ королевскій сынъ.

Пѣвецъ, отъ грезы пробужденный,
Въ волненьѣ шествуетъ впередъ,
Листвой зеленой осѣненный,
Къ порогу царственныхъ воротъ.
Блистаютъ стѣны крѣпкой сталью,
Онъ пѣсней рушитъ ихъ шутя.
Къ нему съ любовью и печалью
Стремится царское дитя.

Любовь ихъ сводитъ тѣсно вмѣстѣ,
Но вдаль зоветъ бряцанье бронь.
Они таятся въ мирномъ мѣстѣ,
Ихъ мучитъ сладостный огонь.
Но оба, скрытые укромно,
Боятся гнѣва короля,
Всегда—зарей и ночью темной—
Вдвоемъ восторгъ и грусть дѣля.

И о надеждѣ непрерывно
Надъ матерью поетъ пѣвецъ,
И, привлеченный пѣсней дивной,
Къ пещерѣ подошелъ отецъ,
И дочь протягиваетъ внука,
Младенца въ золотыхъ кудряхъ.
Любовь, раскаянье и мука
Ихъ вдругъ повергнули во прахъ.

И нѣжностью душа родная
И звукомъ пѣсенъ смягчена.
Зоветъ, страданья забывая,
Къ веселью вѣчному она.
Любви настало искупленье,
Она свой давній платитъ долгъ,
И въ поцѣлуяхъ примиренья
Напѣвъ небесный не умолкъ.

Приди же, геній пѣснопѣній,
И здѣсь любви не измѣни,
Дочь возврати родимой сѣни
И дочери отца верни.
Ее и внука онъ обниметъ,
А если счастью нѣтъ конца,
Онъ въ царственныя руки приметъ,
Какъ сына милаго, пѣвца.

Василій Гиппіусъ.

Италія въ Тройственномъ Союзѣ.

Изъ переписки Франческо Криспи.

Современный политикъ съ интересомъ и вниманіемъ слѣдитъ за итальянской дипломатіей. Въ составѣ Тройственнаго Союза политика каждаго изъ участниковъ мало схожа съ политикой остальныхъ двухъ союзниковъ. Но ни у одного изъ нихъ линія внѣшней политики такъ не замысловата и не извилиста, какъ у Италіи. Участіе ея въ Союзѣ, конечно, одна изъ интереснѣйшихъ проблемъ современной политической психологіи. Вполнѣ уяснить себѣ ее въ настоящее время едва ли возможно: намъ не дано пока проникнуть за сцену, видѣть, какъ разставляются актеры и какъ режиссеры готовятъ ихъ выступленія. Но, по мѣрѣ того какъ событія уходятъ въ прошлое и начинаютъ появляться историческіе документы, механизмъ этихъ событій обнажается. Вчерашній день наблюдается уже въ подлинномъ видѣ, а это помогаетъ намъ лучше, въ свою очередь, судить и о сегодняшнемъ. Недавнее обнародованіе въ Италіи политической переписки Криспи даетъ отличную возможность произвести такого рода изысканіе относительно судебъ Тройственнаго Союза и участія въ немъ Италіи въ первое десятилѣтіе существованія Союза. Само собой, наблюденія, которыя можно сдѣлать, пользуясь этими историческими документами, не дадутъ намъ ключа къ психологической проблемѣ участія въ Тройственномъ Союзѣ современной Италіи въ цѣломъ и подробностяхъ, ибо за тридцать лѣтъ Союзъ, конечно, внутренне и политически преобразовался: Бетманъ-Гольвегъ не Бисмаркъ, Берхтольдъ не Андраши, Джіолитти не Депретисъ. И тѣмъ не менѣе, рядъ крупныхъ основныхъ чертъ недавняго прошлаго сохраняется въ настоящемъ, и, изучая переписку Криспи, собираешь матеріалъ для рѣшенія политическихъ задачъ современности.

I.

Племянникъ Франческо Криспи, виднаго итальянскаго политическаго дѣятеля второй половины прошлаго столѣтія, Г. Паламенги-Криспи пока

выпустилъ три тома бумагъ своего покойнаго дяди, относящихся къ разнымъ эпохамъ его жизни и разнымъ сторонамъ его дѣятельности. Одинъ томъ касается экспедиціи „Тысячи", извѣстнаго похода Гарибальди въ Сицилію и Неаполь, приведшаго къ объединенію этихъ земель съ итальянскимъ королевствомъ въ 1860—1861 гг.,—экспедиціи, въ которой Криспи игралъ выдающуюся роль; другой томъ посвященъ внѣшней политикѣ Криспи за время 1877—1890 гг.; третій—даетъ переписку по самымъ разнообразнымъ политическимъ вопросамъ за періодъ 1860—1900 гг. Несмотря на внѣшнюю разрозненность и неполноту публикаціи, она содержитъ первостепенный по своей важности и своему интересу матеріалъ для освѣщенія исторіи тѣхъ условій, въ которыхъ возникалъ Тройственный Союзъ и въ которыхъ онъ жилъ первое свое десятилѣтіе. И чрезвычайно полезно, что документы идутъ отъ очень ранняго времени: книга о походѣ „Тысячи" начинается въ данныхъ 1849 г. Читая ихъ, укрѣпляешься въ убѣжденіи, что итальянское правительство Депретиса и Манчини, подписывая въ 1882 г. договоръ о союзѣ съ Германіей и Австро-Венгріей, дѣлало лишь то, что задумано было и подготовлялось итальянской „лѣвой" въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Криспи, въ качествѣ одного изъ вождей этой „лѣвой", разскажетъ намъ объ этомъ съ не оставляющей ни малѣйшихъ сомнѣній ясностью. [1])

Въ 80-хъ годахъ Криспи, въ качествѣ перваго министра, велъ довольно энергическую противорусскую политику; на это мы будемъ еще имѣть случай обратить вниманіе. Едва ли можно сомнѣваться, что по своему тексту актъ Тройственнаго Союза налагаетъ на Италію обязанность, въ извѣстныхъ случаяхъ, воевать съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, конечно, не борьба съ Россіей составляетъ смыслъ участія Италіи въ этомъ Союзѣ. Послѣдній для нея исторически и политически представлялъ собой въ первую голову орудіе противъ Франціи. Но, прежде чѣмъ ясно выразиться, антитеза: Франція—Италія долго въ скрытомъ видѣ существовала, какъ антитеза: Палермо—Туринъ. Внутри этого послѣдняго противорѣчія скрывалось и зрѣло то политическое настроеніе, которое создало Тройственный Союзъ. Если, черезъ два десятилѣтія послѣ Мадженты и Сольферино, Италія, почти какъ милости, просила Бисмарка допустить ее въ Союзъ, направленный противъ Франціи, то это объяснимо только, если вдуматься въ смыслъ и ходъ той вражды, которая, при объединеніи Италіи, въ эпоху, которую

---

[1]) *Francesco Crispi:* „I Mille", Milano, 1912; *Francesco Crispi:* „Politica estera, Memorie o documenti raccolti e ordinati da T. Palamenghi-Crispi", Milano, 1912; „Carteggi politici inediti di *Francesco Crispi* (1860—1900) estratti dal suo archivio, ordinati e annotati da T. Palamenghi-Crispi", Roma, 1912. Есть уже англійскій и нѣмецкій переводы.

итальянцы называютъ „эпохой Воскресенья" (Risorgimento), родилась между итальянскимъ сѣверомъ и югомъ.

Когда сициліанскіе революціонеры-эмигранты и въ ихъ числѣ Криспи, послѣ завершенія борьбы за итальянское объединеніе въ Ломбардіи и въ герцогствахъ средней Италіи, убѣждали Гарибальди стать во главѣ возстанія въ Сициліи, Гарибальди имъ отвѣчалъ: „...Я не боюсь никакихъ дѣйствій, какъ бы рискованны они ни были, когда дѣло идетъ о борьбѣ съ врагами нашей страны. Однако въ эту минуту я не считаю своевременнымъ революціонное движеніе ни въ какой части Италіи, развѣ бы налицо было полное вѣроятіе успѣха. Теперь дѣло страны—въ рукахъ политическихъ дѣльцовъ (Facciendieri politici), которые всѣ хотятъ искать выхода въ дипломатическихъ попыткахъ; надо обождать, пока итальянскій народъ пойметъ безполезность средствъ этихъ доктринеровъ. Тогда придетъ срокъ дѣйствовать"...

„Политическіе дѣльцы" и „доктринеры", о которыхъ писалъ Гарибальди, въ самомъ дѣлѣ, казалось, были господами положенія. Графъ Кавуръ,—ибо именно онъ воплощалъ въ глазахъ радикальной Италіи этихъ людей,—и цѣлая плеяда государственныхъ дѣятелей его толка только-что создали единство сѣверной и средней Италіи и создали его не средствами подпольной революціонной борьбы, не въ союзѣ съ европейской демократіей, а средствами государственными, въ союзѣ съ ненавистнымъ этой демократіи Наполеономъ III. Довольно естественно, что они желали сохранить въ своихъ рукахъ руководство дальнѣйшей борьбой за объединеніе, право выбрать время для него и подготовить необходимыя условія успѣха. Какъ всякій чисто государственный дѣятель, Кавуръ несъ съ собой бремя многообразныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ обязательствъ, бремя правительственнаго вчерашняго дня, отъ котораго всегда чувствуетъ себя свободнымъ дѣятель чисто революціонный. Каждый изъ нихъ—и правительственный революціонеръ, какимъ былъ Кавуръ, и дѣятель народной, „безотвѣтственной", революціи—имѣютъ свои дороги и свои методы. Ни одинъ изъ нихъ, вопреки историческому опыту, не можетъ вѣрить, что обѣ дороги ведутъ крупныхъ людей къ крупнымъ завоеваніямъ и что обѣ методы исторически законны. Исключительное право руководить Италіей, которое за собой признавалъ Кавуръ, оказалось оспореннымъ, къ его негодованію, людьми совершенно иной политической закваски. Таковъ первый источникъ внутренней итальянской распри 60-хъ годовъ.

Криспи вышелъ изъ второй школы: членъ палермскаго революціоннаго парламента 1848 г., политическій эмигрантъ 1849—1860 гг., другъ Маццини, признаннаго вождя итальянскаго политическаго радикализма, онъ пережилъ итальянское Risorgimento въ лагерѣ противниковъ Кавура. Его опытъ и его политическая программа чрезвычайно типичны

и ярко рисуютъ отмѣченный выше первый конфликтъ,—конфликтъ итальянскаго сѣвера и итальянскаго юга. Прослѣдимъ за Криспи времени похода „Тысячи“.

Ненависть къ „сатанинскому бурбонскому правительству“—такова терминологія Криспи и его друзей—и воодушевленная вѣра въ лозунгъ „свободная Италія“ не дали себя сломить доводами благоразумія, даже въ устахъ Гарибальди, не говоря уже о самыхъ серьезныхъ предостереженіяхъ туринскаго правительства. Криспи, руководившій въ 50-хъ гг. изъ-за границы революціонными кружками Сициліи, не согласился признать, что часъ принадлежитъ исключительно „политическимъ дѣльцамъ“ и „доктринерамъ“ сѣвера. Послѣ многихъ усилій ему удалось побѣдить сомнѣнія Гарибальди: 6 мая 1860 г. изъ Генуи тайно вышли два парохода съ легендарной теперь „Тысячью“ Гарибальди; 11-го они высадили отрядъ въ Марсалѣ, а къ августу Сицилія была завоевана, и Гарибальди началъ походъ на Неаполь, занятый имъ въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ недѣль.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Гарибальди въ Сициліи было провозглашеніе тамъ своей диктатуры „именемъ Италіи и Виктора Эммануила“ и назначеніе Криспи „государственнымъ секретаремъ при диктатурѣ“. Громадный энтузіазмъ, вызванный въ Италіи успѣхами „Тысячи“, заставилъ Кавура сдержать чувство досады, порожденное первыми извѣстіями о дѣлѣ, начатомъ вопреки его категорическимъ совѣтамъ. Но, мирясь съ фактами, онъ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы вырвать изъ рукъ сициліанскаго диктатора и его государственнаго секретаря дальнѣйшее руководство событіями. Пользуясь авторитетомъ того, чьимъ именемъ эта диктатура была провозглашена, Кавуръ отправилъ въ Палермо своего человѣка, нѣкоего Ла-Фарина; ему поручалось направлять шаги Гарибальди, ибо Туринъ склоненъ былъ къ нему относиться, какъ къ нѣсколько простоватому народному герою, мало способному разбираться въ сложной внутренней и внѣшней конъюнктурѣ, въ которой создавалось итальянское объединеніе, и нуждавшемуся въ опытномъ совѣтчикѣ. Ла-Фарина занялся—въ разгаръ борьбы Гарибальди съ Бурбонами—борьбой съ правительствомъ Гарибальди и въ первую очередь съ Криспи. Гарибальди колебался нѣкоторое время, и Криспи вынужденъ былъ выйти въ отставку, оставаясь неофиціальнымъ совѣтникомъ Гарибальди. Но въ концѣ-концовъ миссія Ла-Фарина все же не удалась, и, испуганный его интригами, Гарибальди выслалъ его изъ Сициліи. Понятна горечь, испытанная Криспи послѣ этого перваго столкновенія съ туринскимъ правительствомъ. Въ одномъ изъ писемъ къ другу въ Сардиніи онъ говорилъ въ началѣ іюля 1860 года: „Почему Кавуръ продолжаетъ питать ко мнѣ вражду? Неужели намъ суждено всегда бороться другъ съ другомъ? И есть ли это путь для созданія

Италіи?... Ты меня знаешь. Я люблю Италію больше всего и, такъ какъ Италія должна быть создана вмѣстѣ съ Савойскимъ домомъ, я его принимаю безъ всякой задней мысли. Мнѣ принадлежитъ титулъ „короля Италіи", данный Виктору Эммануилу. Я замѣнилъ на публичныхъ актахъ и на государственныхъ зданіяхъ гербъ Трипакріи (Сициліи) гербомъ Савойи, несмотря на недовольство сепаратистовъ, которые со мной борются безъ устали. Только я могу спасти въ Сициліи Италію... Среди маленькихъ знаменитостей края я одинъ могу добиться, чтобы Сицилія вела къ объединенію. Меня не сломятъ ихъ превосходительства съ Піаццы Кастелло (министерство въ Туринѣ), они облегчаютъ мнѣ путь, по которому я пошелъ"...

Кавуръ не измѣнилъ своего отношенія къ Криспи и сициліанской революціи послѣ неудачи миссіи Ла-Фарина. Одинъ изъ друзей писалъ Криспи изъ Турина: „Кавуръ все тотъ же, пустой, лживый, аристократическій, легкомысленный, властолюбивый, безъ совѣсти и безъ нравственныхъ сдержекъ". Усилія этого, теперь ненавистнаго, министра, по окончательномъ занятіи Сициліи, были направлены къ тому, чтобы разъ навсегда отдѣлаться отъ совѣтниковъ Гарибальди и для этого ускорить присоединеніе острова къ Сардинскому королевству. Но Гарибальди и Криспи шли гораздо дальше въ своихъ замыслахъ. Сицилія была для нихъ только началомъ. Криспи, думавшій, мы видѣли, что онъ создастъ „въ Сициліи Италію" и объединитъ всю страну подъ властью Савойскаго дома, хотя бы и вопреки волѣ сардинскаго правительства, считалъ, что послѣ Сициліи предстоитъ завоевать Неаполь, а потомъ Римъ. Кавуръ, хорошо знавшій несочувствіе Наполеона III плану завоеванія Неаполя— въ воздухѣ носилась мысль о возстановленіи тамъ власти Мюратовъ— и его твердую рѣшимость не допустить занятія Рима, видѣлъ въ этомъ новый поводъ стремиться, чтобы присоединеніемъ Сициліи положить конецъ „авантюрѣ" Гарибальди и его приспыхъ. Съ Неаполемъ ему пришлось снова уступить, но, послѣ занятія послѣдняго, Гарибальди подчинился волѣ Турина. Плебисцитъ въ пользу Виктора Эммануила, который исячески хотѣлъ оттянуть Криспи, дабы сохранить въ рукахъ юга дальнѣйшее руководство событіями, совершился, и Гарибальди передалъ власть сардинскому правительству. Однимъ изъ первыхъ актовъ послѣдняго была попыта—того же Ла-Фарина, который былъ посланъ въ Неаполь въ качествѣ представителя новой власти—арестовать Криспи, котораго спасла толпа, но который долженъ былъ скрыться въ Сициліи, гдѣ, съ первыми выборами въ общій итальянскій парламентъ, онъ получилъ депутатское полномочіе. О томъ, что значило въ эти критическія минуты для итальянскихъ радикаловъ ускореніе процесса поглощенія юга Сардиніей, можно судить изъ слѣдующей выдержки изъ письма Маццини къ Криспи въ серединѣ Іюля 1860 года: „...Очевидно,

Гарибальди смотритъ на задачу только съ военной точки зрѣнія. Теперь всякое промедленіе можетъ оказаться фатальнымъ. Луи Наполеонъ и Кавуръ дѣлаютъ все, чтобы ускорить соединеніе Піемонта и Неаполя. Если это имъ удастся, то горе! Я не понимаю Гарибальди. Когда врагъ деморализированъ, секретъ заключается въ томъ, чтобы быстро преслѣдовать свои собственныя выгоды. Съ тремя тысячами добровольцевъ и именемъ Гарибальди... мы создадимъ королевство въ одну недѣлю"...

Не буду останавливаться на томъ, кто былъ правъ—„пустой и аристократическій" Кавуръ или радикалы итальянскаго юга. Событія показали, что обѣ стороны въ извѣстной части своихъ стремленій были правы: Неаполь былъ присоединенъ къ Сардиніи, но объединеніе Италіи „въ недѣлю" завершить, конечно, не удалось. Я старался только отмѣтить, какъ глубока пропасть, созданная событіями 1860 года на итальянскомъ югѣ, между руководящими политическими теченіями и политическими людьми страны.

II.

Конфликтъ сѣвера и юга уже въ то время совершенно опредѣленно велъ итальянскихъ радикаловъ къ распрѣ съ Франціей. Очень ярко выражено это настроеніе въ письмѣ Маццини въ серединѣ іюня 1860 г.: „...Страна не сознаетъ самое себя; надо создать это сознаніе; надо мало-по-малу убѣдить ее, что не Кавуръ, *не Луи Наполеонъ*, не монархія создали единство, а она сама, ея жертвы и ея битвы; надо заставить монархическій Піемонтъ выбрать между двумя дорогами: или снять маску и дѣйствовать противъ единства Родины, или открыто разорвать съ императорской Франціей"...

Существенная часть той, исторически несправедливой и политически неоправданной, программы, которую развивалъ Маццини, была усвоена не „мало-по-малу"—на бо́льшее въ то время даже Маццини не разсчитывалъ,—а очень быстро, значительною частью итальянскаго общественнаго мнѣнія.

Криспи—депутатъ перваго итальянскаго объединеннаго парламента, не менѣе Криспи—государственнаго секретаря сициліанской диктатуры—проникнутъ этимъ настроеніемъ. Ненависть къ Турину, къ Кавуру и его преемникамъ тѣсно переплетается въ немъ съ ненавистью къ императорской Франціи. Переписка 60-хъ годовъ, между походомъ Тысячи и занятіемъ Рима въ началѣ франко-прусской войны, можно сказать, главнымъ образомъ, вращается именно около этихъ двухъ политическихъ темъ. Въ письмѣ къ Гарибальди въ мартѣ 1861 г. Криспи говоритъ: „Графъ Кавуръ въ комедіи, представленной въ Палаццо Ка-

риньяно (палата депутатовъ въ Туринѣ) и названной „интерпелляція Одино", сказалъ вчера, что Римъ, а не Туринъ долженъ быть столицей Италіи, но что мы должны итти въ Римъ, когда это позволитъ Луи Бонапартъ. Сказалъ, что было бы тяжелымъ преступленіемъ, если бы мы завоевали столицу помимо воли великодушнаго союзника даже и въ томъ случаѣ, если бы мы были достаточно сильны для войны съ Франціей. Благодарность, недостаточно оплаченная Ниццой и Савойей (обстоятельство, не отмѣченное благороднымъ графомъ), должна насъ сдѣлать нижайшими рабами того, кто приказываетъ изъ Тюильри. Графъ Кавуръ не сказалъ, будетъ ли позволеніе итти въ Римъ дано даромъ или будетъ оплачено доброй итальянской землей, какъ помощь, оказанная въ 1859 г.". И далѣе: „...Въ Неаполѣ и въ Сициліи отпраздновали ваши именины съ истиннымъ воодушевленіемъ. Эти провинціи теперь въ полной анархіи. Графъ Кавуръ пожинаетъ плоды своей агитаціи за то время, какъ вы управляли. Но исполненныя обѣщанія, на которыя были такъ щедры кавуріане во время диктатуры, естественно вызвали такое недовѣріе, что умѣреннымъ трудно управлять. Край мечтаетъ о возвратѣ къ вашему управленію, и Кавуръ лишенъ другихъ средствъ защищаться, кромѣ обвиненій по адресу маццініанцевъ, республиканцевъ и т. д., которыхъ не существуетъ, но которые могутъ снова взяться за работу, если будетъ продолжаться господство грубѣйшихъ правонарушеній..." Жалобы на Туринъ продолжаются въ теченіе ряда лѣтъ. Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе приведеннаго письма Криспи пишетъ, что положеніе юга хуже, чѣмъ было въ моментъ объединенія. Смерть Кавура нимало не сглаживаетъ этой распри. Въ 1862 г. одинъ изъ друзей Криспи, видный дѣятель юга, маркизъ Паллавичино, говоритъ въ письмѣ къ нему, зная, что найдетъ полное его сочувствіе: „Туринъ попрежнему хочетъ управлять Миланомъ, Болоньей, Флоренціей, Неаполемъ и Палермо при помощи узко-туринскихъ идей" (idee torinese). Говоря двумя годами позднѣе (въ 1864 г.) объ условіяхъ завоеванія Венеціи, Криспи пишетъ: „Нельзя воевать, если не будетъ умиротворенъ югъ полуострова. Если, въ случаѣ движенія въ Венеціи, наши войска вынуждены будутъ покинуть Неаполь и Сицилію, то въ этихъ провинціяхъ, при существующемъ положеніи вещей, повторится то, чему миланцы дали горестный примѣръ при паденіи наполеоновской имперіи. Въ столицѣ итальянскаго королевства кричали тогда: да здравствуетъ Австрія! Въ Неаполѣ и Палермо, усталыхъ и недовольныхъ, мы услышимъ крики еще болѣе плачевные. Послѣдніе выборы меня укрѣпляютъ въ этомъ убѣжденіи". Совершенно параллельна вражда къ Франціи. „Туринское правительство есть французская префектура. Здѣсь ничего не дѣлаютъ, что не было бы приказано изъ Парижа",— читаемъ въ письмѣ Криспи 1862 г. Или вотъ отрывки изъ рѣчи Гари-

бальди, на смотру національной гвардіи въ Палермо, въ томъ же году. „*Крики:* въ Римъ! въ Римъ! въ Венецію! *Гарибальди:* Да... въ Римъ!... въ Венецію!... Мы должны освободить порабощенныхъ нашихъ братій... Но, чтобы достигнуть этого, нужны дѣйствія, дѣйствія, а не слова; дѣйствіями, а не словами мы заставимъ Бонапарта уйти изъ нашего Рима... Онъ находится тамъ, будто бы, для защиты интересовъ Италіи и интересовъ Христовой вѣры, которую представляетъ папа... Ложь! Ложь! Человѣкъ 2 декабря остается тамъ ради своихъ жалкихъ интересовъ, ради жажды власти... Запачканный кровью парижскаго населенія, онъ остается тамъ, потому что онъ тиранъ, потому что у него одна забота съ папою-королемъ—гибель Италіи... Дѣйствія, а не слова, дѣйствія, а не пустые протесты; разъ Бонапартъ въ Римѣ, надо говорить языкомъ..., которымъ вы говорили съ бурбонами въ 1848 и 1860 гг.!“

Неудача двухъ попытокъ „партіи дѣйствія“ во главѣ съ Гарибальди завоевать Римъ, Аспромонте 1862 г. и Ментана 1867 г., еще подогрѣваютъ эти чувства вражды къ Франціи. Рѣчь Гарибальди, которую я приводилъ, произнесенная наканунѣ того вторженія въ папскую область, которое завершилось арестомъ оратора при Аспромонте, была, конечно, импровизаціей, въ которой, быть можетъ, не каждое слово взвѣшивается. Наполеонъ III въ Римѣ, „потому что онъ тиранъ“, есть аргументъ, годный только на площади. Но у насъ есть болѣе обдуманное и болѣе зрѣлое выраженіе тѣхъ же чувствъ. Это цѣлый обвинительный актъ итальянскаго радикализма противъ Наполеона, подписанный Криспи и рядомъ вождей тогдашней итальянской „лѣвой“, отъ имени „итальянскаго освободительнаго союза“, въ началѣ похода Гарибальди на Римъ 1862 г. и конфискованный правительствомъ преемника Кавура Раттацци. Ссылаясь на призывъ короля Виктора Эммануила отказаться отъ насильственныхъ попытокъ противъ Рима, только что передъ тѣмъ изданный, итальянская „лѣвая“ разсуждаетъ такъ. „Франко-сардинская война 1859 г. освободила отъ австрійской власти значительную часть Ломбардіи, нѣсколько болѣе двухъ милліоновъ жителей. Императоръ французовъ получилъ ее отъ Австріи и пожаловалъ ее сардинскому королю, который, вслѣдствіе того, подписалъ цюрихскій миръ, уплатилъ Франціи 60 милліоновъ и уступилъ графство Ниццкое, итальянскую землю, и Савойю. Союзникъ былъ, слѣдовательно, широко удовлетворенъ тѣмъ, кому онъ помогъ. Дѣло было покончено (La partita è chiusa). Италія ему ничего не должна, и тѣмъ менѣе тѣ юноши, которые, по словамъ туринскаго призыва, нарушаютъ благодарность лучшему нашему союзнику, провозглашая войну во имя Рима. И еще менѣе ему должна Италія, если за Наполеономъ видѣть имперію или Францію: если подумать о Франціи, то война 59 года была лишь небольшимъ актомъ искупленія за несмываемыя несчастія, которыя Италія испытала

отъ Карла Великаго, Карла Анжу, Карла VIII, Людовика XII, Франциска I, Людовика XIV, отъ директоріи въ Кампоформіо, отъ республики при походѣ въ Римъ; если думать объ имперіи, то сто тысячъ итальянцевъ, павшихъ, сражаясь за Наполеона I, стоятъ, конечно, двадцати тысячъ французовъ, павшихъ при Маджента и Сольферино"...

Счеты, значитъ, давно покончены, а между тѣмъ Наполеонъ III попрежнему останавливаетъ итальянцевъ на порогѣ Рима. Ментана даетъ поводъ къ новому взрыву ненависти. „Спасемъ страну,—пишетъ Криспи въ 1867 г.,—отъ болѣзни, которая надъ ней тяготѣетъ; докажемъ, что, если правительство принимаетъ господство Франціи, народъ его ненавидитъ и съ нимъ борется; покончимъ съ этимъ благодѣтелемъ, который, послѣ того какъ ему заплатили двумя провинціями и деньгами, продолжаетъ ублажать себя, ежедневно нанося оскорбленія и напоминая о своей услугѣ. Италія не можетъ оставаться подъ тяжестью, которая ее давитъ и, если она отъ нея не отдѣлается, она задохнется"...

III.

Гдѣ было искать выхода изъ этихъ острыхъ противорѣчій, какъ могли разрѣшиться запасы взаимной злобы и ненависти, созданные сложнымъ процессомъ итальянскаго объединенія? Надо отдать справедливость итальянцамъ. Какъ ни велика была вражда сѣвера и юга, какъ ни остръ конфликтъ „туринскихъ идей" и проповѣди „лѣвой", выходъ былъ найденъ, и найденъ подъ знаменемъ идей болѣе крупныхъ, нежели тѣ, которыя питали каждодневныя домашнія распри итальянскихъ государственныхъ людей 60-хъ и 70-хъ годовъ. Спасшимъ страну знаменемъ было знамя монархическаго и конституціоннаго единства.

Революціонная диктатура Гарибальди въ Сициліи была провозглашена именемъ „Italia e Vittorio Emmanuele". Казалось, въ странѣ, много вѣковъ жившей маленькими государственными образованіями, безъ столицы, съ рядомъ мѣстныхъ центровъ, съ борьбой провинцій даже внутри этихъ маленькихъ политическихъ образованій (въ переписке Криспи есть, между прочимъ, любопытныя свидѣтельства центростремительныхъ теченій въ Палермо противъ Неаполя), вражда „къ Турину" должна была породить мѣстный сепаратизмъ, питать такія явленія, какъ хотя бы уже упоминавшійся выше „мюраттизмъ" въ Неаполѣ и т. д. А между тѣмъ, формула „Italia e Vittorio Emmanuele" осталась жива и неприкосновенна.

Криспи, сдѣлавшійся въ 60-хъ годахъ душою итальянской „лѣвой", мы видѣли, страстно переживалъ итальянскія распри. А между тѣмъ, вся переписка его за эти годы борьбы дышитъ сознательной и строгой дисциплиной формулы Гарибальди. Разбитыя надежды не приводятъ на-

лермскаго революціонера къ сепаратизму, къ исканію точки опоры въ неостывшихъ чувствахъ мѣстнаго итальянскаго патріотизма; онъ быстро отмежевывается и отъ крѣпкихъ еще у многихъ традицій революціонной эмиграціи, которая долго жила мыслью о единой итальянской демократической республикѣ.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей еще временъ общей ихъ эмиграціи—Криспи, въ маѣ 1861 г., т.-е. непосредственно вслѣдъ за тяжелымъ для него испытаніемъ, пережитымъ при объединеніи Неаполя, излагаетъ ему свою политическую программу. „Упрямый Кавуръ,—пишетъ онъ,—все еще держится и продолжаетъ свою политику. Несмотря на это, и каковъ бы ни былъ образъ дѣйствія главы сардинскаго кабинета, надо предупредить всякіе безпорядки, помѣшать имъ и въ средѣ нашего народа. Кавуръ, вынужденный своей политикою отказаться отъ завоеванія Венеціи и отъ возвращенія Рима, осужденъ на паденіе. Это вопросъ времени. Отсюда вытекаетъ для насъ необходимость держаться законности, не участвовать ни въ какихъ заговорахъ, запретить народу всякія движенія, всякія выходки. ...У насъ есть законныя средства бороться съ правительствомъ: трибуна, печать, петиціи; этими средствами мы можемъ сдѣлать многое. Всякіе безпорядки могутъ имѣть только плачевный исходъ. Они могутъ поставить въ опасность нашу свободу и, что еще хуже, единство новаго итальянскаго государства... Поэтому спокойствіе и величайшая осторожность: вотъ мой совѣтъ“. Годомъ позднѣе Криспи повторяетъ тѣ же мысли, на этотъ разъ въ письмѣ къ Маццини, отвѣчая на его упреки, что дѣятельность итальянской лѣвой ограничивается „партизанской войной“. „Будучи создателями неаполитанскаго плебисцита и принявъ его за основаніе нашего государственнаго права, мы идемъ по дорогѣ, которую намъ указываетъ наша лойяльность. Мы стремимся къ народному объединенію съ королемъ во главѣ, дабы заставить короля стремиться къ нему вмѣстѣ съ нами и искать достиженія той цѣли, которую мы ему поставили... Поэтому мы должны быть вѣрными исполнителями статута (итальянская конституція), подчиненія коему должны требовать отъ всѣхъ и даже отъ нашихъ враговъ. Если монархія измѣнитъ единству и нарушитъ статутъ, тѣмъ хуже для нея“...

Борьба за статутъ, монархію и единство королевства не ограничилась у Криспи, конечно, этими частными письмами къ друзьямъ изъ болѣе лѣваго лагеря. Въ 1865 г. онъ издалъ составившую въ то время цѣлое событіе брошюру „Republica o Monarchia?“, въ формѣ открытаго письма къ Маццини, въ которомъ рѣзко и категорически заявлялъ о необходимости окончательно и безповоротно принять монархію. Многіе изъ тѣхъ, кто до того считали Криспи своимъ, поспѣшили объявить его ренегатомъ и честолюбцемъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что

та значительная часть итальянскаго населенія, выразителемъ настроенія которой былъ Криспи, слѣдовала за нимъ въ его полемикѣ съ Мацдини. Выборъ между монархіей и республикой былъ окончательно сдѣланъ въ пользу первой. Положеніе итальянской „лѣвой" нимало не оказалось поколебленнымъ „измѣною" Криспи. Напротивъ того, съ каждымъ годомъ слѣдующаго десятилѣтія сила и вліяніе этой лѣвой и сила и вліяніе Криспи росли. Въ 1876 г. „правая" итальянскаго парламента была окончательно разгромлена, и офиціальный глава „лѣвой" Депретисъ сдѣлался первымъ министромъ. То теченіе итальянской политической мысли, которое представлялъ Криспи, восторжествовало и восторжествовало, конечно, потому, что программа, въ которой видѣли „ренегатство" Криспи, исходила изъ здравой политической мысли, питалась здравымъ чувствомъ политической дисциплины и политической отвѣтственности.

Лучшее доказательство того, что люди толка Криспи, пройдя путь отъ революціи къ власти, не растратили по дорогѣ того, что составляло ихъ программу и смыслъ ихъ дѣятельности, даетъ исторія итальянской внѣшней политики. Если „идеи Турина", идеи Кавура и его преемниковъ существенно отличались отъ идей „партіи дѣйствія", то больше всего именно въ области внѣшней политики. Конфликтъ итальянскихъ юга и сѣвера былъ, конечно, конфликтомъ и внутреннимъ; но, какъ внутренній конфликтъ, это скорѣе борьба политическихъ группъ, нежели борьба политическихъ программъ. Напротивъ того, въ области политики внѣшней налицо, несомнѣнно, рѣзкое противорѣчіе программъ. И надо сказать, что свою программу итальянская „лѣвая", оказавшись у власти,—осуществила. Наблюдая современныя событія, мы часто склонны отрицать, что внѣшняя политика государствъ способна теперь мѣняться подъ вліяніемъ торжества въ нихъ той или иной партіи. Такъ, несомнѣнно, бываетъ, когда политическое равновѣсіе установлено крѣпко и когда перемѣна людей въ той или другой странѣ оказывается безсильной передвинуть большіе рычаги міровой политической системы. Не то въ эпохи переходныя, когда равновѣсіе только создается. Тогда вліять на международный порядокъ легче. Въ такую именно минуту достигли власти новые люди въ Италіи, и они оказались въ состояніи дать совершенно новое направленіе внѣшней политикѣ своей страны и существенно видоизмѣнить основы общей европейской системы.

Мы знаемъ, въ чемъ заключалась программа внѣшней политики итальянской „лѣвой" въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за объединеніемъ страны въ 1860 г. Она имѣла, прежде всего и главнымъ образомъ, отрицательное содержаніе, отказъ отъ тѣсныхъ отношеній къ Франціи. Услуга Наполеона III съ лихвой оплачена, и дальнѣйшая связь представляетъ лишь вредное и унизительное рабство,—таковы

основы дипломатической программы „лѣвыхъ“. Но уже въ 60-хъ годахъ начинаетъ намѣчаться, быть можетъ, сначала и не такъ опредѣленно, тезисъ положительный. Этотъ тезисъ подсказывается событіями. Завоеваніе Венеціи въ 1866 г. совершилось, несомнѣнно, съ благосклоннаго содѣйствія Франціи, которая, если прямо и не поощряла союзъ итальянскаго королевства съ Пруссіей противъ Австріи, то все же, несомнѣнно, обезпечила его возможность своимъ благожелательнымъ къ Италіи нейтралитетомъ. [1]) Однако захватъ Венеціи совершился, главнымъ образомъ и прежде всего, съ помощью Пруссіи, и этотъ фактъ не могъ не оставить глубокаго слѣда. Наполеонъ III и здѣсь, благодаря непримиримымъ внутреннимъ противорѣчіямъ своей внѣшней политики, подсказалъ, самъ того не сознавая, конъюнктуру, которая потомъ оказалась весьма вредной для Франціи. Правда, итальянское правительство и послѣ 1866 г. осталось вѣрно Франціи: біографъ Криспи свидѣтельствуетъ, напримѣръ, о томъ характерномъ въ этомъ отношеніи фактѣ, что, когда въ 1867 г. въ первый разъ зашла рѣчь о министерскомъ портфелѣ для Криспи, онъ не могъ его принять изъ-за связей Италіи съ Франціей. [2]) Но несомнѣнно, что въ сознаніи оппозиціонныхъ партій послѣ занятія Венеціи начинаетъ складываться убѣжденіе, что именно въ Пруссіи надо искать противовѣса столь ненавистной для нихъ Франціи. Надежды возлагаются ими отнынѣ на Бисмарка. Въ перепискѣ Криспи имѣется интересное письмо, относящееся къ 1867 г., которое подписано будущимъ итальянскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при заключеніи Тройственнаго Союза, Манчини, и въ которомъ послѣдній дѣлится съ Криспи, товарищемъ по партіи и стариннымъ другомъ, своими взглядами на стоявшій тогда на очереди вопросъ о возвращеніи войскъ Наполеона III въ Римъ послѣ Ментаны. „Я имѣю основаніе думать,—пишетъ Манчини, что, если Франція еще разъ придетъ въ Римъ, не вызвавъ тѣмъ военнаго столкновенія съ итальянскимъ королевствомъ, то Пруссія останется спокойною; но, если случится, что

---

[1]) Вышедшій въ прошломъ году VI томъ интереснѣйшаго сборника дипломатической переписки съ Франціей передъ войной 1870—1871 гг., который подъ названіемъ „Les origines diplomatiques de la guerre de 1870—71“ издается французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, содержитъ чрезвычайно цѣнныя указанія относительно роли Франціи въ дѣлѣ возникновенія союза между Италіей и Пруссіей. Впрочемъ, этотъ важный эпизодъ въ исторіи европейской международной политики былъ и до того хорошо извѣстенъ изъ Зибеля, „Мыслей и воспоминаній“ Бисмарка, Олливье, Ла-Мармора и др.

[2]) *Паламени-Криспи* пишетъ: „Лѣвая не могла тогда принять участіе въ правительствѣ, частью вслѣдствіе вліянія внѣшней политики (читай: Наполеона III) на политику внутреннюю, частью вслѣдствіе мѣстныхъ и династическихъ традицій, частью вслѣдствіе крѣпкихъ предубѣжденій противъ демократическихъ корней лучшихъ представителей этой партіи“. Carteggi politici, стр. 241.

Франція встрѣтитъ нашихъ солдатъ и будетъ съ нами сражаться и проникнетъ на нашу территорію, то Бисмаркъ введетъ въ нашу пользу въ борьбу Пруссію со всѣмъ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ"... Надо ли подчеркивать, сколько вѣры въ спасительность прусскаго союза вложено въ эти строки?

IV.

Первое „лѣвое" итальянское министерство, во главѣ котораго сталъ Депретисъ, образовано было, какъ уже упомянуто, въ 1876 г. Криспи, выбранный одновременно предсѣдателемъ палаты депутатовъ, въ это министерство первоначально не входилъ. Онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ въ концѣ 1877 г., но пробылъ имъ не долго—до марта 1878 г., когда вынужденъ былъ уйти вслѣдствіе начатой противъ него кампаніи, предлогомъ которой было обвиненіе его въ двоеженствѣ. Поднятый вокругъ этого дѣла шумъ вывелъ его политически изъ строя на нѣсколько лѣтъ, такъ что, когда его партія послѣ перерыва 1878—1881 гг., падающаго на управленіе Кайроли, снова во главѣ съ Депретисомъ оказалась у власти, онъ продолжалъ оставаться простымъ депутатомъ. Въ 1887 г. онъ вошелъ въ министерство Депретиса въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ со смертью послѣдняго сдѣлался первымъ министромъ. Время возникновенія Тройственнаго Союза такимъ образомъ падаетъ на годы, когда Криспи офиціально былъ не у дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, продолжая слѣдить за его жизненной карьерой, мы можемъ наблюдать, какъ этотъ Союзъ былъ созданъ. Съ одной стороны, дѣло было сдѣлано людьми его политической партіи и, какъ одинъ изъ признанныхъ вождей ея, онъ принималъ дѣятельное участіе въ томъ движеніи, которое привело Италію въ составъ Тройственнаго Союза. Съ другой стороны, онъ принялъ непосредственное участіе въ тѣхъ первыхъ переговорахъ Италіи съ Бисмаркомъ, которые въ концѣ-концовъ привели къ союзу: въ самомъ началѣ перваго управленія Депретиса въ 1877 г. Криспи, тогда предсѣдатель палаты депутатовъ, былъ отправленъ въ Берлинъ для довѣрительной подготовки союза. Въ лицѣ Криспи мы можемъ поэтому наглядно прослѣдить, какъ итальянская „лѣвая", ставъ у власти, осуществила свой прежній замыселъ полнаго и радикальнаго измѣненія основъ внѣшней политики Италіи.

Возложенная на Криспи въ 1877 г. миссія представляетъ большой интересъ не только потому, что въ ней лежитъ первый приступъ къ переговорамъ объ участіи Италіи въ Тройственномъ Союзѣ, но еще и потому, что со свойственной Криспи легкостью краснорѣчія онъ весьма подробно изложилъ мотивы первой итальянской попытки окончательно

сблизиться съ Германіей. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не отнестись съ вниманіемъ къ этимъ мотивамъ. Программа Криспи оставалась вѣрна традиціи итальянской „лѣвой". Но съ тѣхъ поръ, какъ въ 60-хъ годахъ были заложены основы новой программы внѣшней политики Италіи, произошло событіе, которое, казалось, должно было оказать на нее большое вліяніе: Римъ, который охранялся противъ Италіи Наполеономъ III, былъ занятъ итальянскими войсками, а за двѣ недѣли до того въ Парижѣ была провозглашена республика. Если основная мысль прежней программы сохранялась, то во всякомъ случаѣ приходилось пересмотрѣть старую аргументацію.

Порученіе, данное Криспи, было изложено такъ въ письмѣ къ нему Депретиса: „Германское правительство недавно запросило итальянское относительно болѣе тѣснаго сближенія двухъ государствъ, и итальянское министерство иностранныхъ дѣлъ, не колеблясь, выразило свое сочувствіе мысли о союзѣ для общей защиты. Въ настоящее время его величество, вполнѣ соглашаясь съ вышеизложеннымъ, чувствуетъ потребность болѣе тѣснымъ образомъ завязать дружественныя отношенія Италіи съ Германіей и желаетъ, чтобы ваше превосходительство сообщили его свѣтлости князю Бисмарку, насколько цѣлесообразно было бы достигнуть конкретнаго и полнаго соглашенія посредствомъ союзнаго договора, который, основанный на общихъ интересахъ, предвидѣлъ бы разныя возможности. Итальянскіе интересы могутъ быть нарушены не только побѣдою ультрамонтанской партіи (разумѣется, конечно, во Франціи; надо имѣть въ виду, что строки эти написаны въ то время, когда борьба между монархическими партіями и республиканцами во Франціи не была еще закончена), но еще и увеличеніемъ Австріи путемъ присоединенія какихъ-либо оттоманскихъ провинцій, въ результатѣ восточной войны. Желательно, чтобы оба правительства согласились и относительно этого пункта..."

Внѣшнимъ предлогомъ для миссіи Криспи,—какъ видно, преслѣдовавшей задачи, идущія весьма далеко, ибо рѣчь шла о союзѣ одновременно противъ Франціи и противъ Австро-Венгріи,—былъ выбранъ вопросъ о положеніи итальянцевъ за границей съ точки зрѣнія международнаго частнаго права, и Криспи началъ свою поѣздку съ Франціи. Вынесенныя имъ впечатлѣнія—или, вѣроятно, вѣрнѣе, придуманные имъ аргументы для оправданія мысли, съ которой онъ пріѣхалъ изъ Рима—являются интереснымъ введеніемъ къ переговорамъ съ Бисмаркомъ. Вотъ, что Криспи доносилъ королю Виктору Эммануилу изъ Парижа: „...въ исторіи этой страны (Франціи) непредвидимое составляетъ то чудовище, котораго мы должны опасаться, и такъ какъ нельзя быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, осторожность побуждаетъ думать о безопасности нашихъ жилищъ. Франція переживаетъ кризисъ, исходъ ко-

тораго еще не ясенъ... Какая бы изъ двухъ партій ни побѣдила, она обязана будетъ своимъ торжествомъ войску и духовенству. Войско и духовенство... предъявятъ требованія, которыя придется удовлетворить. Каковы требованія духовенства, всѣ знаютъ: возвращеніе къ прошлому и, какъ первое къ тому условіе, возстановленіе свѣтской власти папы. Войско же пожелаетъ какой-нибудь побѣдой возстановить обаяніе, потерянное въ послѣдней войнѣ съ Германіей. Легко понять, что мѣсто, которое всего болѣе подходитъ реакціи и гдѣ она будетъ надѣяться одержать легкую побѣду, есть наша Италія... Нельзя не предвидѣть осуществленія указанныхъ мной гипотезъ. Горе, если измѣненіе французскаго правительства насъ не найдетъ готовыми защищать итальянскій тронъ и національную независимость..."

Въ этихъ словахъ заключалось то новое оправданіе, которое итальянцами толка Криспи давалось прежнимъ враждебнымъ противъ Франціи чувствамъ. Занятіе Рима прошло даромъ съ точки зрѣнія этихъ чувствъ. Франція и послѣ 20 сентября 1870 г. оставалась главнымъ врагомъ.

Изъ приведенныхъ выше напутственныхъ словъ Депретиса Криспи было видно однако, что, обновленная новыми доводами, но старая по существу, программа внѣшней политики итальянской „лѣвой" включала мысль о борьбѣ не съ одной Франціей, но еще и съ Австріей; искали сближенія съ Германіей противъ обоихъ этихъ враговъ. Такое сочетаніе не свидѣтельствовало, конечно, о большомъ политическомъ чутьѣ и тонкомъ знаніи европейскихъ условій у Депретиса и Криспи, но оно было понятно. Программа лѣвыхъ была создана въ періодъ, когда Австрія представлялась еще наслѣдственнымъ врагомъ итальянской короны и мысль о сближеніи съ нею должна была казаться измѣной итальянскому дѣлу. Но этотъ пережитокъ стараго настроенія долженъ былъ исчезнуть при соприкосновеніи съ дѣйствительностью; пережила только ненависть къ Франціи.

Криспи записалъ въ своемъ дневникѣ два своихъ разговора съ Бисмаркомъ сначала въ Вильдбадѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ. Я приведу существенныя части. *Криспи:* „Въ Римѣ обезпокоены вѣроятностью войны въ случаѣ побѣды реакціонной партіи во Франціи на предстоящихъ выборахъ. А затѣмъ тамъ не чувствуютъ себя въ безопасности въ отношеніи Австріи, которая ведетъ себя далеко не дружелюбно... Мнѣ поручено освѣдомиться, расположены ли Вы заключить съ нами договоръ объ условномъ союзѣ на случай, если мы вынуждены будемъ воевать съ Франціей или съ Австріей"... *Бисмаркъ:* „...Вы знаете наши намѣренія. Если Италія подвергнется нападенію со стороны Франціи, то Германія будетъ солидарной съ вами и соединится противъ общаго врага. Относительно договора съ такою цѣлью мы можемъ согласиться. Надо

надѣяться однако, что война не станетъ необходимой и что можно будетъ сохранить миръ. Республика можетъ жить во Франціи, только будучи миролюбивой; если она не будетъ такой, то она подвергнется риску себя погубить. По моему мнѣнію, война сдѣлается возможной только въ случаѣ возвращенія къ монархіи... Относительно Австріи положеніе совершенно иное. Я не предвижу случая, когда она станетъ намъ враждебной; и, говоря по правдѣ, я даже не хочу предвидѣть такой возможности...“ *Криспи:* „Думаете ли вы, что Австрія будетъ всегда дружественна? Теперь она въ васъ нуждается, такъ какъ должна исправить бѣдствія, вызванныя войной 1866 г., и вы одни можете ей обезпечить миръ, безъ котораго она не въ состояніи исправить своихъ финансовъ и переустроить армію. Но Австрія не можетъ отречься отъ своего прошлаго, не можетъ смотрѣть сочувственно на новаго императора Германіи...“ *Бисмаркъ:* „Австрія слѣдуетъ теперь хорошей политикѣ, и я долженъ вѣрить, что она будетъ ее продолжать... Я надѣюсь, что отношенія вашего правительства съ Вѣной сдѣлаются дружественными и современемъ даже тѣсными. Какъ бы то ни было, если вы будете воевать съ Австріей, вы съ нами не столкнетесь, но мы изъ-за этого не будемъ вести войны...“

Въ концѣ своего второго разговора съ Криспи Бисмаркъ, повторивъ, что готовъ заключить союзъ противъ Франціи, посовѣтовалъ ему повидать Андраши и постараться улучшить отношенія между Италіей и Австро-Венгріей. Криспи, готовый послѣдовать этому совѣту, поѣхалъ въ Вѣну, но Депретисъ телеграфировалъ ему, что считаетъ необходимой крайнюю сдержанность въ разговорѣ съ Андраши, и бесѣда съ нимъ Криспи ограничилась общими мѣстами.

Первый приступъ къ переговорамъ о союзѣ съ Германіей не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Вскорѣ послѣ миссіи Криспи палъ кабинетъ Депретиса, и у власти сталъ Кайроли, который не раздѣлялъ программы своего предшественника. Его трехлѣтнее управленіе представляетъ возвратъ къ офиціальнымъ традиціямъ итальянскаго Risorgimento. Ломбардецъ, онъ враждебно относился къ Австріи, и его программа была окрашена даже нѣкоторымъ „ирредентизмомъ“; напротивъ того, съ Франціей онъ старался поддерживать наилучшія отношенія. Его паденіе оказалось вызваннымъ событіемъ, которое вернуло Италію на дорогу, намѣченную Депретисомъ и Криспи въ 1877 г.,—занятіемъ Туниса французскими войсками. Громадное впечатлѣніе, произведенное этимъ занятіемъ въ Италіи, хорошо извѣстно, и на немъ нѣтъ надобности останавливаться. Нѣсколько искусственные аргументы, которыми оправдывали итальянскіе государственные люди лѣваго лагеря свою вражду къ Франціи въ 70-хъ годахъ, смѣнились теперь доводомъ, который раздѣлялся всѣмъ итальянскимъ общественнымъ мнѣніемъ и который въ самомъ дѣлѣ

былъ вѣскимъ. Рѣчь шла теперь не о гипотетическихъ попыткахъ возстановить во Франціи монархію, но о пресловутомъ „ультрамонтанствѣ", а о существенномъ нарушеніи въ прямой ущербъ Италіи равновѣсія силъ на Средиземномъ морѣ. Не надо удивляться, что передъ этимъ новымъ фактомъ потускнѣли старинные счеты съ Австріей. Партія, взявшая въ свои руки руководство страной послѣ паденія Кайроли, безъ колебаній отказалась отъ борьбы на два фронта. Да, впрочемъ, мысль о столкновеніи съ Австріей едва-ли была особенно сильна и въ эпоху перваго министерства Депретиса. Она сохранила лишь свое традиціонное недоброжелательство къ Франціи и поспѣшила отвѣтить на занятіе Туниса союзнымъ договоромъ съ Бисмаркомъ.

Содержаніе заключенной въ 1882 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ кабинета Депретиса, Манчини, съ Германіей и Австро-Венгріей сдѣлки до сихъ поръ остается тайной. Вотъ что сообщаетъ біографъ Криспи объ этомъ договорѣ: „Австрія и Германія были уже связаны трактатомъ 7 октября 1879 г.... Присоединеніе Италіи на особыхъ условіяхъ, которыя представляютъ государственную тайну, было подписано 20 мая 1882 г.; извѣстно только, что вмѣсто уговора о взаимности нейтралитета, какъ того первоначально хотѣла Австрія, онъ содержитъ обезпеченіе территоріальной неприкосновенности трехъ державъ".

V.

Заключивъ союзъ, итальянцы нѣсколько лѣтъ въ сущности не знали, что съ нимъ дѣлать. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ въ 1890 г. Криспи такъ оцѣнивалъ исторію Тройственнаго Союза: „Это былъ первый шагъ, чтобы выйти изъ одиночества, уменьшить опасности войны. Общественное мнѣніе было имъ удовлетворено... Однако въ первые годы договоръ оставался безплоднымъ. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ не разсѣялись сомнѣнія, которыя вызывались прецедентами; итальянская политика въ ея цѣломъ, внутренняя и внѣшняя, не давала еще возможности достигнуть этого; наша искренность въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ казалась еще спорною. Такъ договоры оставались написанными на случай высшаго испытанія; но наша страна продолжала быть одинокою въ защитѣ своихъ собственныхъ интересовъ. Довѣріе родилось во второй періодъ союза и тогда оказалось полезнымъ..." Если перевести эту нѣсколько туманную характеристику на языкъ болѣе простыхъ историческихъ фактовъ, то дѣло сводилось къ слѣдующему. „Высшее испытаніе"—война съ Франціей, ради котораго Италія подписала обязательства 1882 г., не наступало и даже не угрожало Италіи; повидимому,—объ этомъ свидѣтельствуютъ итальянскіе историки,—Манчини, подписавшій договоръ

противъ Франціи, старался всячески поддерживать съ нею хорошія отношенія, не безъ опаски относясь къ „высшему испытанію“. Ничего другого союзъ не давалъ. Между тѣмъ въ Италіи къ тому времени складывается совершенно опредѣленное стремленіе „найти свое мѣсто на солнцѣ“, по выраженію одного изъ преемниковъ Бисмарка, нарождается свой собственный „имперіализмъ“. А вмѣстить этотъ „имперіализмъ“ въ рамкахъ первоначальнаго тройственнаго союза не удавалось.

Откуда и какъ взялся этотъ новый факторъ итальянской политики, здѣсь изучать не мѣсто. Но и въ предѣлахъ переписки Криспи можно найти интересныя указанія. Итальянскій имперіализмъ не представляетъ ничего непонятнаго въ своемъ происхожденіи. Онъ выросъ изъ естественныхъ и здоровыхъ чувствъ патріотизма, и его развитіе было подсказано событіями. Среди бумагъ Криспи сохранилось относящееся къ 1864 г. прекрасное по мысли и по выраженію письмо тогдашняго предсѣдателя итальянской палаты депутатовъ Кассиниса, предшествующее еще полному объединенію Италіи. Оно служило отвѣтомъ на жалобы Криспи относительно тяжелаго положенія южныхъ провинцій королевства. „Я не думаю,—читаемъ мы въ немъ,—чтобы положеніе въ Сициліи было хуже или лучше, чѣмъ во всякой другой части Италіи. Усвоимъ себѣ, дорогой Криспи, въ первую голову эту истину; даже и въ несчастьѣ мы сдѣлаемъ большой шагъ впередъ, если будемъ объединенными и убѣдимъ себя, что, каковы бы ни были затрудненія, они общи, они равны для каждой провинціи; мы будетъ всѣ сильнѣе и объединеннѣе для того, чтобы встрѣтить бурю и спасти корабль. Знай, что, будучи умѣреннымъ, даже умѣреннѣйшимъ, я больше не смотрю ни на правыхъ, ни на лѣвыхъ, и только молю, плачу и взываю, чтобы всѣ мы, и со всѣмъ тѣмъ, что у насъ есть, сердцемъ и умомъ взялись за то, чтобы создать Италію и вернуть эту древнюю владычицу міра на прежнее мѣсто, сдѣлать ее, если не повелительницей, то по крайней мѣрѣ сестрою и прекрасной сестрою великихъ народовъ свѣта“... Развѣ эти стремленія запять, покончивъ внутреннія распри и дѣло внутренняго объединенія, равноправное мѣсто среди великихъ народовъ не представляютъ здороваго итога усилій великаго народа завоевать свою свободу? Понятно, что они не могли умереть. Нельзя было ожидать, конечно, чтобы они сразу нашли себѣ успѣшное и умѣлое выраженіе. Школа великодержавной политики отсутствовала, и планы новой дипломатіи приходилось импровизировать.

Столь же естественно было, что ближайшее направленіе первоначальныхъ усилій подсказывалось событіями. Двѣ основныхъ задачи выдвинуты были этими событіями: равновѣсіе на Средиземномъ морѣ и тѣсно связанное и переплетающееся съ нимъ равновѣсіе на Адріатикѣ.

Обѣ эти задачи ясно складываются въ Италіи, главнымъ образомъ,

въ концѣ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ и складываются путемъ довольно печальнаго для страны опыта. Мы видѣли выше, что Криспи въ разговорѣ съ Бисмаркомъ во время своей миссіи 1877 г. долженъ былъ затронуть вопросъ о занятіи Австріей Босніи и Герцоговины. Я приводилъ уже выдержки изъ этой бесѣды и приведу теперь часть, касающуюся этого вопроса, потому что она очень важна для исторіи ранняго итальянскаго имперіализма. „Мы итальянцы,—говорилъ Криспи своему собесѣднику, не можемъ оставаться не заинтересованными, какъ вы, въ восточномъ вопросѣ [1]). Слухи, которые ходятъ, заставляютъ опасаться, что наши интересы потерпятъ ущербъ. Если великія державы согласятся воздержаться отъ всякаго рода завоеваній въ балканскихъ земляхъ, и территоріи, отнятыя у турокъ, будутъ оставлены мѣстнымъ народамъ, то намъ нечего будетъ возражать. Говорятъ однако, что Россія, для обезпеченія дружбы Австріи, предложила ей Боснію и Герцеговину. Италія не можетъ позволить, чтобы Австрія заняла эту территорію. Вы знаете, что въ 1866 г. Италія осталась безъ границы со стороны восточныхъ Альпъ. Если Австрія получитъ новыя провинціи, которыя усилятъ ее на Адріатикѣ, то наша сторона будетъ окружена съ двухъ сторонъ и будетъ открыта для нападенія каждый разъ, какъ того пожелаетъ сосѣдняя имперія". Бисмаркъ отвѣтилъ Криспи отказомъ на просьбу помѣшать присоединенію Босніи и Герцеговины, но добавилъ въ утѣшеніе: „Впрочемъ, если Австрія возьметъ Боснію, Италія возьметъ Албанію или какую-нибудь другую турецкую землю на Адріатикѣ". Изъ этихъ объясненій ничего не вышло, какъ, мы знаемъ, не вышло ничего изъ миссіи Криспи вообще. Министерство Кайроли заняло на Берлинскомъ конгрессѣ совершенно пассивное положеніе: Криспи горько жаловался впослѣдствіи, что Кайроли, котораго онъ просилъ, черезъ общаго друга, прочесть его переписку за время поѣздки 1877 г., не пожелалъ сдѣлать даже и этого. Какъ бы то ни было, вопросъ объ Адріатическомъ равновѣсіи былъ поставленъ, и передъ Италіей—еще въ туманѣ—стала вырисовываться Албанія.

Занятіе Туниса французами открыло вопросъ о равновѣсіи на Средиземномъ морѣ. На этотъ разъ впечатлѣніе отъ событій было громадно. Въ письмѣ Криспи, относящемуся къ 1882 г., оно выражено въ слѣдующихъ словахъ: „Если Австрія, собственница Босніи и Герцеговины, проникнетъ въ Салоники, если Франція присоединитъ съ себѣ окончательно Тунисъ и займетъ Триполитанію, если Великобританія обез-

[1]) Отвѣтъ на слова Бисмарка: „Я долженъ сознаться, что въ восточномъ вопросѣ Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ, и для насъ всякое его рѣшеніе, которое не нарушитъ европейскаго мира, будетъ пріемлемо". Какъ извѣстно, таково было въ самомъ дѣлѣ отношеніе Бисмарка къ этому вопросу. Оно многократно и категорически имъ высказывалось.

печитъ за собой господство въ Египтѣ, то будетъ праздно скорбѣть о томъ, какъ непредусмотрительно и неразумно было допущеніе этого. Необходимо воспрепятствовать—и воспрепятствовать, если можно, политикой расчетливой и смѣлой,—тому, чтобы насъ не окружали желѣзнымъ кольцомъ, чтобы не захватили на Средиземномъ морѣ небо и море, на которыя мы имѣемъ право".

Всѣ эти, выдвинутыя событіями, новыя стремленія не находили себѣ никакого выраженія въ договорѣ Тройственнаго Союза, какъ онъ былъ заключенъ Манчини въ 1882 г. Руководители итальянской дипломатіи должны были понимать и понимали, что ни одинъ изъ основныхъ интересовъ Италіи, сознанныхъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, не обезпеченъ союзными связями съ Германіей и Австро-Венгріей. Италія вошла въ союзъ на тѣхъ условіяхъ, которыя ставили ей союзники; ее допустили потому, что она была полезна двумъ имперіямъ; она должна была удовольствоваться гарантіей территоріальной неприкосновенности противъ Франціи и противъ Россіи, едва ли занятыхъ въ то время мыслью округлить свои владѣнія за счетъ итальянскаго королевства. Давнее недоброжелательство къ Франціи, досада на занятіе Туниса получали удовлетвореніе, но служить реальнымъ задачамъ итальянской политики союзъ 1882 г. не могъ.

Вся послѣдующая исторія итальянской дипломатіи заключается въ усиліяхъ извлечь изъ Тройственнаго Союза пользу для собственныхъ интересовъ страны. Союзъ превращается понемногу въ служебное средство для охраны этихъ интересовъ. Дипломаты королевства стремятся использовать его для своей политики Средиземнаго и Адріатическаго равновѣсія, и ихъ гибкій умъ и изворотливость помогаютъ имъ постепенно достигнуть этой цѣли. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ наканунѣ возвращенія Криспи къ власти. Въ 1887 г. министръ иностранныхъ дѣлъ кабинета Депретиса Робиланъ, смѣнившій неудавшагося Манчини, возобновляя Тройственный Союзъ по истеченіи перваго его срока, добился того, что въ новый договоръ, подписанный 19 февраля 1887 г., была включена гарантія statu quo на Средиземномъ морѣ и на Балканахъ. Одновременно состоялось — до сихъ поръ извѣстное лишь въ общихъ чертахъ—соглашеніе на ту же тему съ Англіей, которое было облегчено посредничествомъ Бисмарка.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Криспи сдѣлался первымъ министромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Слѣдуя новому содержанію, данному акту Тройственнаго Союза, Криспи приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы вести ту „расчетливую и смѣлую политику", о которой онъ мечталъ, критикуя Кайроли и Манчини.

Онъ былъ твердо увѣренъ въ великой пользѣ обновленнаго Тройственнаго Союза для Италіи. Въ одной изъ дипломатическихъ депешъ,

имъ подписанныхъ, дана такая оцѣнка международнаго положенія Италіи: „Италія съ 1879 до 1881 г. постоянно подвергалась непріязненнымъ дѣйствіямъ французскаго правительства, ей угрожали австрійцы, ее низко ставили въ Берлинѣ. Въ 1880 г. 40-тысячное войско было готово вступить въ королевство, такъ какъ правительство терпѣло ирредентистскую агитацію. Французская пресса насъ осмѣивала, и французское правительство заняло Тунисъ. Знамениты слова, сказанныя Бисмаркомъ въ 1879 г., что Италія не представляетъ серьезной военной державы и что нѣсколькихъ австрійскихъ полковъ достаточно, чтобы ее проучить. Кавалеръ Мапчини просилъ, убѣждалъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, и только послѣ многихъ усилій добился принятія Италіи въ союзъ двухъ имперій. Теперь все перемѣнилось къ нашей выгодѣ, и я не позволю, чтобы Италія вернулась къ тому унизительному положенію, въ которомъ она находилась до 1881 г. вслѣдствіе своего одиночества".

VI.

Переписка, которую мы изучаемъ, позволяетъ судить лишь о дѣятельности Криспи въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ за 1887—1890 гг. То, что пока обнародовано, не касается ни второго министерства Криспи вообще, ни, въ частности, абиссинскаго похода, съ которымъ связанъ конецъ его политической карьеры. За тѣ годы, съ которыми мы знакомимся, не произошло событій, которыя дали бы Италіи возможность даже приступить къ исполненію новыхъ замысловъ: ихъ осуществленіе еще далеко впереди. Но, если мы не можемъ наблюдать результатовъ, то зато мы можемъ познакомиться съ методой, съ пріемами новой „великодержавной" дипломатіи Италіи. Правда, въ этихъ пріемахъ много индивидуальнаго для Криспи: нѣкоторая суетливость, резонерство, пожалуй, болтливость напоминаютъ отчасти навыки эмигранта 50-хъ годовъ. Тѣмъ не менѣе отличительныя особенности новой политики весьма ярки.

Прежде всего, дѣятельное стремленіе принять непосредственное участіе въ балканскихъ дѣлахъ. Криспи началъ свое управленіе поѣздкой къ Бисмарку. Это свиданіе, происходившее въ Фридрихсруэ въ сентябрѣ 1887 г. и произведшее въ свое время большое впечатлѣніе, составляетъ полную параллель свиданію 1877 г. Какъ и тогда, Криспи предлагалъ тѣснѣе связать Германію и Италію—на этотъ разъ рѣчь шла о заключеніи военной конвенціи—и говорилъ о восточныхъ дѣлахъ; какъ и тогда, Бисмаркъ весьма вяло и неохотно поддерживалъ разговоръ на эту послѣднюю тему. Но какая разница между скромнымъ пожеланіемъ помѣшать занятію Босніи и Герцеговины 1877 г. и широкой программой балканской политики 1887 г. „Мы не можемъ считать себя не за-

интересованными въ восточномъ вопросѣ, — говорилъ Криспи.—Мы не можемъ позволить, чтобы Россія взяла Константинополь. Россія въ Константинополѣ сдѣлается владычицей Средиземнаго моря; ей легко будетъ воспользоваться морями Греціи, которая, въ силу вѣроисповѣдныхъ связей, будетъ съ ней въ союзѣ... Нынѣшній безпорядокъ въ Турціи можетъ быть полезенъ Россіи, которая ждетъ, готовая нанести послѣдній ударъ Турціи. Это не отвѣчаетъ видамъ всѣхъ великихъ державъ, которыя не могутъ позволить Россіи захватить эту территорію. При такомъ положеніи дѣлъ намъ представляется выборъ: или соединиться, чтобы упорядочить турецкую администрацію и въ случаѣ надобности защищать Турцію, словомъ мѣшать ея паденію, или подготовлять основы для правительства или правительствъ, которыхъ надо поставить на мѣсто турокъ. Въ этомъ второмъ случаѣ я не усматривалъ бы ничего лучшаго, какъ, уважая автономію отдѣльныхъ земель, какъ Македонія, Албанія, старая Сербія, устроить ихъ такъ, какъ устроены теперь Румынія, Болгарія и другія балканскія государства". Эта программа, которую Криспи въ рѣчи, произнесенной въ Туринѣ по возвращеніи изъ Фридрихруэ оправдывалъ ссылкой на то, что итальянскіе интересы будутъ лучше охраны путемъ содѣйствія развитію молодыхъ народовъ на Балканахъ, оставила Бисмарка довольно равнодушнымъ. Онъ опять посовѣтовалъ Криспи, какъ и въ 1877 г., сговориться съ Австріей.

Черезъ два года балканская программа Криспи еще расширилась. Пользуясь незначительнымъ затрудненіемъ въ русско-румынскихъ отношеніяхъ въ 1889 г., Криспи выступилъ съ проектомъ балканскаго военнаго союза, который и сообщилъ Кальноки въ Вѣну. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, впрочемъ, отнесся къ нему безъ всякаго энтузіазма. Отмѣчу, попутно, что въ связи именно съ планами активной политики на Балканахъ, Криспи придалъ итальянской политикѣ рѣзко враждебный въ отношеніи Россіи характеръ. Забывъ свою прежнюю ненависть къ „лживому и аристократическому" Кавуру, онъ убѣждалъ Бисмарка въ Фридрихсруэ, что борьба съ Россіей составляетъ традицію итальянской политики послѣ 1854 г. и что Италія никогда отъ нея не отступитъ. Старинная вражда къ Франціи дополняется теперь весьма недоброжелательными чувствами къ Россіи; можно было бы привести множество примѣровъ этого настроенія: всякое выступленіе Криспи и всякая строка, имъ написанная, по дѣламъ Ближняго Востока, дышитъ имъ, и онъ вкладываетъ въ нихъ свой весь страстный темпераментъ и всю свою подвижность. Въ одномъ изъ полученныхъ имъ изъ Парижа донесеній, отражающихъ на себѣ, какъ всегда бываетъ съ донесеніями подчиненныхъ, настроеніе руководителя итальянской политики, дано курьезное описаніе возникшаго тогда сближенія между

Франціей и Россіей, которое едва ли свидѣтельствуетъ о безпристрастіи и справедливости въ оцѣнкѣ совершившагося крупнаго событія. Рѣчь идетъ о министерствѣ Флуранса. „Оно слабо внутри, разсуждаетъ итальянскій дипломатъ, но показываетъ нѣкоторую энергію новиѣ, противясь соблазнамъ Россіи. Давно уже Россія сѣетъ во Франціи и теперь видны уже плоды. Великія князья и княгини пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, ища симпатій въ большомъ обществѣ. Французскіе литераторы, болѣе или менѣе убѣжденные и, вѣроятно, хорошо оплаченные, переводятъ русскіе повѣсти и романы, полные грубыхъ и варварскихъ наивностей и странныхъ именъ, которыя дѣлаютъ ихъ оригинальными. Журнализмъ называетъ Россію „La Nation Soeur". Такъ французскій народъ привыкаетъ смотрѣть на Россію, какъ на союзницу... Но правительство пока, повидимому, еще не побѣждено этимъ теченіемъ, можетъ быть, потому, что знаетъ, что будетъ покинуто, какъ только того пожелаютъ, и несмотря на то, что русскій посолъ, баронъ Морентеймъ, не пропускаетъ случая ласкать республику...

Параллельно нѣсколько назойливымъ и довольно безплоднымъ усиліямъ проявить усиленную дѣятельность на Балканахъ, Криспи хлопочетъ и объ итальянскихъ интересахъ на Средиземномъ морѣ. Воспользовавшись слухомъ объ окончательномъ присоединеніи Туниса къ Франціи или, быть можетъ, самъ распустивъ этотъ слухъ, Криспи вступилъ въ 1890 г. въ переписку съ Солсбери о пріобрѣтеніи Италіей Триполитаніи. „Если перемѣна власти въ Тунисѣ,—писалъ онъ,—совершится безпрепятственно и безъ нашего вѣдома, то скоро наступитъ очередь Триполитаніи. Правительство республики стремится занять эту провинцію, какъ достаточно показываютъ постоянные захваты на границѣ... Такъ какъ Тунисъ нельзя возвратить самому себѣ и такъ какъ нельзя помѣшать протекторату превратиться въ одинъ прекрасный день въ суверенитетъ, то необходимо обезопасить себя отъ возможнаго захвата Триполитаніи Франціей, занявъ эту провинцію раньше ея. Если намъ будетъ принадлежать Триполитанія, то Бизерта не будетъ представлять опасности ни для Италіи, ни для Великобританіи..." Выступленіе было, повидимому, неожиданнымъ для Солсбери, и Криспи получилъ въ отвѣтъ маленькій урокъ. Вотъ, что писалъ ему Солсбери: „Въ такихъ дѣлахъ, преждевременныя предосторожности представляютъ большую опасность. Если Италія заняла бы Триполитанію во время мира, безъ того, чтобы Франція предприняла какое-либо наступательное дѣйствіе, то ее можно было бы справедливо упрекнуть въ томъ, что она открываетъ восточный вопросъ въ условіяхъ весьма неблагопріятныхъ... Если я смѣю дать совѣтъ Вашему Превосходительству, то я буду Васъ усиленно просить дѣйствовать съ большой осторожностью и большимъ терпѣніемъ въ настоящемъ дѣлѣ и избѣгать, пока планы Франціи не выяснятся оконча-

тельно, всякихъ дѣйствій, которыя насъ скомпрометируютъ передъ султаномъ...“ Несмотря на такое наставленіе, Криспи продолжалъ переписку. Онъ писалъ Солсбери, что считаетъ полезнымъ своевременно о намѣреніяхъ Италіи въ Триполитаніи извѣстить „дружескія правительства“ и въ самомъ дѣлѣ снесся въ томъ же 1890 г. съ Берлиномъ и Вѣной. Союзники не рѣшились отвѣтить отказомъ, и такимъ образомъ „преждевременная предосторожность“ его, въ самомъ дѣлѣ довольно суетливой, политики послужила первымъ этапомъ на пути къ занятію Триполитаніи и вмѣстѣ первымъ реальнымъ плодомъ того политическаго союза, въ созданіи котораго онъ принялъ столь дѣятельное участіе. И въ этомъ лежитъ оправданіе программы Криспи: онъ сумѣлъ превратить политику, носившую первоначально чисто отрицательное содержаніе, политику тѣмъ самымъ безплодную, въ политику положительную и творческую. Ему не суждено было дожить до той минуты, когда, черезъ Тройственный Союзъ, Италія дошла до Триполи и Албаніи, но онъ, конечно, участвовалъ въ этихъ политическихъ завоеваніяхъ.

Бар. Б. Э. Нольде.

Свѣтъ Ѳаворскій и преображеніе ума.

По поводу книги священника П. А. Флоренскаго „Столпъ и утвержденіе Истины". Изд. книгоиздательства „Путь". Москва, 1914 г. [1])

I.

Въ Евангеліи есть дивный образъ, ярко олицетворяющій непрекращающееся раздвоеніе земной жизни человѣчества. На горѣ Ѳаворѣ избранные апостолы созерцаютъ свѣтлый ликъ преобразившагося Христа. А внизу, подъ горою, среди общаго смятенія „родъ невѣрнаго и развращеннаго" скрежещетъ зубами и испускаетъ пѣну бѣсноватый; и ученики Христовы „по невѣрію своему" безсильны исцѣлить его.

Это двойное изображеніе нашей надежды и нашей муки прекрасно сочетается въ одну цѣльную картину, которую нѣсколько вѣковъ тому назадъ Рафаэль пытался передать на полотнѣ. Тамъ на горѣ явилось избраннымъ то сіяніе вѣчной славы, которое должно наполнить и душу человѣческую и внѣшнюю природу. Не можетъ эта слава нанѣки оставаться потустороннею міру. Такъ же точно и всѣ человѣческія души и лица должны просіять какъ солнце во Христѣ; такъ точно и весь міръ тѣлесный долженъ стать свѣтлой ризой преображеннаго Спасителя! Пусть присносущный свѣтъ сойдетъ съ горы и наполнитъ собою равнину. Въ этомъ и въ этомъ одномъ—окончательный путь къ дѣйствительному и совершенному исцѣленію бѣснующейся жизни. У Рафаэля эта мысль выражается поднятымъ кверху перстомъ апостола, который, въ отвѣтъ на мольбу объ исцѣленіи бѣсноватаго, указываетъ на Ѳаворъ.

Тотъ же контрастъ, который воплотился въ этой картинѣ, составляетъ основной мотивъ русскаго религіознаго творчества. Съ одной стороны великіе аѳонскіе подвижники, а вслѣдъ за ними—подвижники

---

[1]) Докладъ, читанный въ большей своей части въ Москвѣ на собраніи Религіозно-философскаго Общества 26 февраля 1914 г.

русской церкви—никогда не переставали возвѣщать, что свѣтъ Ѳаворскій—не мимолетное явленіе, а непреходящая, *вѣчная* дѣйствительность, которая уже здѣсь, на землѣ, становится явною для величайшихъ святыхъ, вѣнчая ихъ аскетическій подвигъ. Съ другой стороны, чѣмъ выше поднимались въ гору святые и подвижники, чѣмъ дальше уходили они отъ міра въ своемъ исканіи Ѳаворскаго свѣта, тѣмъ сильнѣе чувствовалось господство зла внизу, въ равнинѣ, тѣмъ чаще раздавался тамъ вопль отчаянія.

„Господи! Помилуй сына моего: онъ въ новолунія *бѣснуется* и тяжко страдаетъ; ибо часто бросается въ огонь и часто въ воду“ (Мате., XVII, 15).

Во всемъ мірѣ есть эта непримиренная противоположность верхняго и нижняго, горняго и равниннаго; но, можетъ быть, нигдѣ она не проявляется такъ ясно и такъ рѣзко, какъ у насъ. И, если есть душа разорванная, раздвоенная, истерзанная противорѣчіями, то это—по преимуществу душа русская.

Контрастъ между преображенной и непреображенной дѣйствительностью такъ или иначе является всюду; но въ странахъ, гдѣ господствуетъ европейская цивилизація, онъ такъ или иначе *замазанъ культурой* и потому менѣе замѣтенъ для поверхностнаго наблюдателя. Тамъ чортъ ходитъ „при шпагѣ и въ шляпѣ“, какъ Мефистофель; у насъ, напротивъ,—онъ откровенно показываетъ хвостъ и копыта. Во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ царствуетъ хотя бы относительный порядокъ и нѣкоторое житейское благополучіе, вельзевулъ такъ или иначе посаженъ на цѣпь. У насъ, напротивъ, ему суждено было вѣками бѣсноваться на просторѣ. И, можетъ быть, именно это обстоятельство вызываетъ тѣ необычайные подъемы религіознаго чувства, которые испытывали и испытываютъ въ Россіи лучшіе ученики Христовы. Чѣмъ безпредѣльнѣе хаосъ и безобразіе мятущагося равниннаго существованія, тѣмъ сильнѣе потребность подняться въ вышнюю область, въ недвижной покой неизмѣнной, вѣчной красоты. До сихъ поръ Россія была классической страной житейскаго неблагополучія; не оттого ли именно она—тотъ край, гдѣ идеалъ всеобщаго преображенія особенно ярко свѣтилъ въ религіозномъ вдохновеніи избранныхъ!

Я говорю не только о тѣхъ высшихъ апостолахъ, которымъ дано видѣть свѣтъ Ѳаворскій лицомъ къ лицу: въ Россіи не было недостатка и въ тѣхъ меньшихъ ученикахъ Христовыхъ, которые не видѣли Преображенія тѣлесными очами, но предвосхищали его умственнымъ созерцаніемъ и вѣрою и будили эту вѣру въ другихъ, возвѣщая въ равнинѣ грядущее сверху исцѣленіе. Вслѣдъ за подвижниками искали Ѳаворскаго свѣта великіе русскіе писатели. Апостолъ, въ отвѣтъ на мольбу объ исцѣленіи перстомъ указующій гору и Преображеніе, выражаетъ

этимъ глубочайшую мысль русской литературы, какъ художественной, такъ и философской. Чистое отвлеченное умозрѣніе, равно какъ и отрѣшенное отъ жизни „искусство для искусства" у насъ никогда не пользовались популярностью. Наоборотъ, и отъ мысли и отъ художественнаго творчества русскіе образованные люди всегда ждали преображенія жизни; въ этомъ отношеніи у насъ сходятся такіе антиподы какъ Писаревъ съ его утилитарнымъ взглядомъ на искусство и Достоевскій съ его лозунгомъ „красота спасетъ міръ". Наше творчество, художественное и философское, всегда жаждало истины не отвлеченной, а дѣйственной; величайшее, что есть въ нашей литературѣ, было создано во имя идеала *цѣлостной жизни*. Сознательно или безсознательно, величайшіе представители русскаго народнаго гонія всегда искали этого свѣта, *изнутри* исцѣляющаго и преображающаго жизнь какъ духовную, такъ и тѣлесную. *Всеобщее исцѣленіе во всеобщемъ преображеніи*,—въ разныхъ видоизмѣненіяхъ мы находимъ эту мысль у великихъ нашихъ художниковъ, у Гоголя, Достоевскаго, даже, хотя и въ искаженномъ, раціонализированномъ видѣ—у Толстого, а изъ мыслителей—у славянофиловъ, у Ѳедорова, у Соловьева и у многихъ продолжателей послѣдняго.

И всегда исканіе Ѳаворскаго свѣта вызывалось у нашихъ писателей живымъ, болѣзненнымъ ощущеніемъ силы зла, царящаго въ мірѣ. Возьмемъ ли мы Гоголя, Достоевскаго или Соловьева,—мы увидимъ у нихъ одинъ и тотъ же источникъ религіознаго вдохновенія: созерцаніе страждущаго, грѣховнаго и бѣсующагося человѣчества, вотъ что вызываетъ величайшіе подъемы ихъ творчества. Передъ ними не одинъ больной, а великое народное цѣлое—родная страна, сугубо страждущая, періодически одержимая духомъ нѣмымъ и глухимъ, немолчно зовущая и требующая помощи. Это ощущеніе ада, царящаго въ нашей земной дѣйствительности, побуждало выразителей нашей религіозной идеи къ различнымъ дѣламъ и подвигамъ. Одни бѣжали прочь отъ міра и восходили на гору—на тѣ высочайшія вершины духовной жизни, гдѣ свѣтъ Ѳаворскій въ самомъ дѣлѣ становится осязаемымъ, видимымъ; другіе, оставаясь подъ горою, снизу мысленно предвосхищали это видѣніе и готовили къ нему человѣческія души. Но такъ или иначе, предметъ религіознаго исканія, основной источникъ религіознаго творчества, и у подвижниковъ, и у художниковъ, и у философовъ былъ одинъ и тотъ же.

II.

Источникъ этотъ не изсякъ и въ наши дни. Яркимъ тому доказательствомъ служитъ недавно появившаяся замѣчательная книга отца Павла Флоренскаго—„Столпъ и утвержденіе Истины". Отецъ Павелъ—

не родоначальникъ какого-либо новаго у насъ направленія, а продолжатель христіанскаго преданія, которое въ жизни нашей церкви насчитываетъ многіе вѣка, а въ русской литературѣ, какъ художественной, такъ и философской, нашло себѣ уже многихъ талантливыхъ и даже геніальныхъ выразителей. Но упомянутая его книга представляетъ собою продолженіе глубоко-оригинальное и творческое: мы имѣемъ въ ней произведеніе недюжиннаго таланта, которое составляетъ выдающееся явленіе въ современной русской религіозно-философской литературѣ.

Движеніе его мысли опредѣляется тѣмъ же основнымъ контрастомъ, который опредѣлилъ собою весь ходъ развитія русской религіозной мысли: это съ одной стороны—бездна зла, грѣховный міръ, внутренно распавшійся, „разсыпавшійся въ противорѣчіяхъ"; а съ другой стороны „свѣтъ Ѳаворскій", въ непреходящей реальности коего авторъ глубоко убѣжденъ. Это—все тотъ же идеалъ совершенной *цѣльности жизни*, который уже до о. Флоренскаго неоднократно воплощался въ твореніяхъ русскихъ религіозныхъ мыслителей. „Софія"—Премудрость Божія—прообразъ цѣлостнаго творенія, Пречистая Дѣва Марія—явное воплощеніе этой цѣлости, явленіе обо̀женной твари на землѣ, наконецъ, Церковь, какъ явленіе той же всецѣлости въ коллективной, соціальной жизни человѣчества, все это—идеи, давно усвоенныя русской религіозной мыслью, вошедшія у насъ въ обиходъ и потому хорошо знакомыя образованному русскому читателю, интересующемуся религіозными вопросами. Самъ о. Флоренскій хочетъ быть выразителемъ не своей личной, а объективной, *церковной* мудрости и потому, понятно, не претендуетъ на новизну основныхъ началъ.

По его словамъ, его книга „исходитъ изъ идей св. Аѳанасія Великаго" (стр. 349) и совершенно чужда желанію изложить какую-либо „свою систему" (стр. 360). Со стороны религіознаго писателя, разумѣется, вполнѣ понятно это стремленіе отказаться отъ *собственной* системы ради высшей Божественной системы откровенія; и тѣмъ не менѣе напрасно думаетъ о. Флоренскій, будто всѣ тѣ „свои взгляды", какіе есть въ его работѣ, происходятъ лишь отъ „недомыслія его, незнанія или непониманія" (стр. 360). Его книга, очевидно, можетъ претендовать не на безотносительную цѣнность откровенія, а лишь на относительную цѣнность *человѣческаго истолкованія* откровенія. А здѣсь, въ этой подчиненной области *человѣческаго* творчества, высказанное, конечно, не менѣе цѣнно изъ-за того, что оно—*свое*.

Въ этомъ смыслѣ то цѣнное, что̀ даетъ намъ о. Флоренскій, заключается прежде всего въ необычайно яркомъ и сильномъ изображеніи основной противоположности, которою доселѣ опредѣлялось и опредѣляется исканіе нашей религіозной мысли. Съ одной стороны—ясное и глубокое сознаніе *вѣчной дѣйствительности Ѳаворскаго свѣта*,—выс-

шаго начала всеобщаго духовнаго и тѣлеснаго просвѣтленія человѣка и всей твари; а съ другой стороны—захватывающее по силѣ освѣщеніе хаотической грѣховной дѣйствительности, той бѣснующейся жизни, которая соприкасается съ геенной. Въ новѣйшей религіозно-философской литературѣ я не знаю равнаго по глубинѣ анализа того внутренняго раздвоенія и распада личности, который составляетъ самую сущность грѣха; въ литературѣ прошлыхъ вѣковъ та же тема съ несравненной яркостью развивается въ исповѣди блаженнаго Августина, и въ данномъ отношеніи о. Флоренскій можетъ быть названъ его ученикомъ. Но главный источникъ его—не какіе-либо литературные образцы, а собственныя мучительныя переживанія, провѣряемыя коллективнымъ, церковнымъ опытомъ.

„Столпъ и утвержденіе Истины" есть произведеніе человѣка, для котораго геенна—не отвлеченное понятіе, а дѣйствительность, которую онъ испыталъ и ощутилъ всѣмъ своимъ существомъ. „Вопросъ о смерти второй,—говоритъ онъ,—болѣзненный, искренній вопросъ. Однажды, во снѣ, я пережилъ его со всею конкретностью. У меня не было образовъ, а были одни чисто-внутреннія переживанія. Безпросвѣтная тьма, почти вещественно-густая, окружала меня. Какія-то силы увлекли меня на край, и я почувствовалъ, что это—край бытія Божія, что внѣ его—абсолютное Ничто. Я хотѣлъ вскрикнуть и—не могъ. Я зналъ, что еще одно мгновеніе, и я буду извергнутъ во тьму внѣшнюю. Тьма начала вливаться во все существо мое. Самосознаніе наполовину было утеряно, и я зналъ, что это—абсолютное, метафизическое уничтоженіе. Въ послѣднемъ отчаяніи я завопилъ не своимъ голосомъ: „Изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ Господи. Господи, услыши гласъ мой". Въ этихъ словахъ тогда вылилась душа. Чьи-то руки мощно схватили меня, утопающаго, и отбросили куда-то, далеко отъ бездны. Толчокъ былъ внезапный и властный. Вдругъ я очутился въ обычной обстановкѣ, въ своей комнатѣ, кажется, изъ мистическаго небытія попалъ въ обычное житейское бываніе. Тутъ сразу почувствовалъ себя предъ лицомъ Божіимъ и тогда проснулся, весь мокрый отъ холоднаго пота" (стр. 205—206).

Что грѣхъ—„моментъ разлада, распада и развала духовной жизни", это съ несравненнымъ краснорѣчіемъ, хотя и въ иныхъ выраженіяхъ, говорилъ еще апостолъ Павелъ [1]); заслуга нашего автора тутъ заключается лишь въ замѣчательно яркомъ раскрытіи жизненнаго значенія этой формулы, въ тонкомъ психологическомъ изображеніи грѣховнаго состоянія. Во грѣхѣ „душа теряетъ сознаніе своей творческой природы, теряется въ хаотическомъ вихрѣ своихъ же состояній, переставая быть субстанціей вхъ: Я захлебывается въ „потокѣ мысленномъ страстей"...

[1]) Римл., VII, 15—25.

„Во грѣхѣ душа ускользаетъ отъ себя самоё, теряетъ себя. Не даромъ послѣднюю степень нравственнаго паденія женщины языкъ характеризуетъ какъ „потерянность“. Но несомнѣнно, что бываютъ не только „потерянныя, т.-е. потерявшія въ себѣ самихъ себя, свое богоподобное творчество жизни женщины, но и „потерянные мужчины“; вообще грѣховная душа—„потерянная душа“ и потерянная не только для другихъ, но и для себя самой, ибо не соблюла себя“ (стр. 172). Грѣховное состояніе есть по преимуществу „состояніе развращенности, разврата, т.-е. развороченности души: цѣлина̀ личности разворочена, внутренніе слои жизни (которымъ надлежитъ быть сокровенными даже для самого Я—таковъ по преимуществу полъ), они вывернуты наружу, а то, что должно быть открытымъ—открытость души, т.-е. искренность, непосредственность, мотивы поступковъ, это-то и запрятывается внутрь, дѣлая личность скрытною“... „Тутъ получаетъ себѣ ликъ и какъ бы личность сторона нашего существа естественно безликая и безличная, ибо она—родовая жизнь, хотя и въ лицѣ происходящая. Получивъ же призрачное подобіе личности, эта родовая подоснова личности дѣлается самостоятельною, а настоящая личность распадается. Родовая область выдѣляется изъ личности и потому, имѣя лишь видъ личности, перестаетъ подчиняться велѣніямъ духа,—становится неразумной и безумной; а самая личность, потерявъ изъ своего состава свою родовую основу, т.-е. свой корень, лишается сознанія реальности и дѣлается ликомъ не реальной основы жизни, а пустоты и ничтожества, т.-е. пустою и зіяющею личиною, и, не прикрывая собою ничего дѣйствительнаго, самой собою осознается, какъ ложь, какъ актерство. Слѣпая похоть и безцѣльная лживость, вотъ что остается отъ личности послѣ ея развращенія. Въ этомъ смыслѣ развращенность есть двойничество“ (стр. 181—182). Она есть „начинающееся еще до геенны разложеніе личности“.

Сомнѣніе въ Истинѣ и, наконецъ, ея утрата есть лишь разновидность общаго грѣховнаго состоянія, частное проявленіе того внутренняго распада личности, который составляетъ самую сущность грѣха. Захватывающее описаніе этого мысленнаго предваренія геенны у о. Флоренскаго опять-таки невольно заставляетъ вспоминать все о томъ же образцѣ, очевидно, носившемся передъ авторомъ,—объ „Исповѣди“ бл. Августина.

„Истины нѣтъ у меня, но идея о ней жжетъ меня“. Но доведенное до послѣдней черты сомнѣніе заставляетъ сомнѣваться въ самой этой идеѣ и въ нашемъ исканіи ея. „Недостовѣрно и то, что я чаю Истины. Можетъ быть, и это—только кажется. А кромѣ того, можетъ быть, и самое казаніе не есть казаніе? Задавая себѣ послѣдній вопросъ, я вхожу въ послѣдній кругъ скептическаго ада, въ отдѣленіе, гдѣ теряется самый смыслъ словъ. Слова перестаютъ быть фиксированы и

срываются со своихъ гнѣздъ. Все превращается во все, каждое словосочетаніе совершенно равносильно каждому другому; и любое слово можетъ обмѣняться мѣстомъ съ любымъ. Тутъ умъ теряетъ себя, теряется въ безвидной и неустроенной безднѣ. Тутъ носится горячечный бредъ и безтолочь".

„Но это предѣльно-скептическое сомнѣніе возможно лишь какъ неустойчивое равновѣсіе, какъ граница абсолютнаго безумія, ибо что̀ иное есть безуміе, какъ не без-уміе, какъ не переживаніе без-субстанціальности, без-опорности ума. Когда оно переживается, то его тщательно скрываютъ отъ другихъ; а разъ переживши, вспоминаютъ весьма неохотно. Со стороны почти невозможно понять, что это такое. Бредовой хаосъ клубами вырывается съ этой предѣльной границы разума, и всепронизывающимъ холодомъ умъ умерщвляется. Тутъ, за тонкой перегородкою, начало духовной смерти" (стр. 38—39).

Завершеніе этихъ земныхъ предвареній духовной смерти—сама подлинная геенна. „Сѣющій вѣтеръ грѣховъ пожнетъ въ томъ вѣки бурю страсти; и, захваченный грѣховнымъ вихремъ, не перестанетъ вращаться имъ и не вырвется изъ него, да и мысли-то вырваться изъ него не будетъ у него, ибо не будетъ безстрастной точки опоры" (стр. 241). Уже здѣсь на землѣ это горѣніе въ геенне огненной совершается въ дѣйствительности; въ этомъ о. Флоренскій видитъ самую сущность одержимости или бѣсованія (стр. 206).

III.

Чѣмъ мучительнѣе ощущеніе геенны, тѣмъ болѣе понятнымъ становится тотъ страстный порывъ къ Истинѣ, который слышится въ словахъ молитвы: „изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ Господи". Въ немъ заключается тотъ непосредственный переходъ къ Ѳаворскому свѣту, который нѣкогда огненными чертами былъ изображенъ блаженнымъ Августиномъ—„Ты поразилъ мое слабое зрѣніе твоими могучими лучами (radians in me vehementer), и я содрогнулся любовью и ужасомъ и увидалъ, что далеко отстою отъ Тебя, пребывая въ чуждой Тебѣ области, и какъ бы услышалъ голосъ Твой съ высоты: Я есмь пища сильныхъ; рости, и будешь питаться Мною. И ты не превратишь меня въ себя, какъ ты превращаешь хлѣбъ твой плотскій, но самъ превратишься въ Меня" [1]).

Переходъ этотъ совершается не процессомъ логическаго разсужденія, а страстнымъ порывомъ человѣческой души. Evigilavi in te. Я пробудился въ Тебѣ [2]),—говоритъ бл. Августинъ. И пробужденіе это

---

[1]) Confess., l. VII, c. 10.

[2]) Ibid., l. VII, 14.

однѣми человѣческими силами невозможно. Оно есть чудо благодати надъ человѣческимъ естествомъ: въ этомъ смыслѣ понимаетъ его и о. Флоренскій.

„Чтобы прійти къ Истинѣ, надо отрѣшиться отъ самости своей, надо выйти изъ себя; а это для насъ рѣшительно невозможно, ибо мы—плоть. Но, повторяю, какъ же именно, въ такомъ случаѣ, ухватиться за столпъ Истины? Не знаемъ, и знать не можемъ. Знаемъ только, что сквозь зіяющія трещины человѣческаго разсудка видна бываетъ лазурь Вѣчности. Это непостижимо, но это—такъ. И знаемъ, что „Богъ Авраама, Исаака, Іакова, а не Богъ философовъ и ученыхъ“ приходитъ къ намъ, приходитъ къ одру ночному, беретъ насъ за руку и ведетъ такъ, какъ мы не могли бы и подумать. Человѣкамъ это невозможно, Богу же все возможно“ (стр. 489).

Что же такое тотъ „Столпъ и утвержденіе Истины“, къ которому мы такимъ образомъ приходимъ? „Столпъ Истины, — отвѣчаетъ нашъ авторъ,—это Церковь, это достовѣрность, это духовный законъ тождества, это подвигъ, это Тріѵпостасное Единство, это свѣтъ Ѳаворскій, это Духъ Святой, это Софія, это Пречистая Дѣва, это дружба, это—паки Церковь“. И все это множество отвѣтовъ въ его изложеніи—одно цѣлое. Ибо Истина есть всеединое. По молитвѣ Христовой въ просвѣтленной твари должно царствовать то самое единство, какое отъ вѣка осуществлено во Святой Троицѣ. Въ этомъ именно и заключается то преображеніе, обóженіе твари, которое дѣйствіемъ Святаго Духа наполняетъ ее свѣтомъ Ѳаворскимъ; это преображеніе—тоже, что адэкватное воплощеніе „Софіи“ въ твари. Но „Софія“ на землѣ является прежде всего въ совершенномъ дѣвствѣ Богоматери и собираетъ человѣчество во единый храмъ Божій—въ Церковь, высшая же ступень церковности есть осуществленіе „дружбы“, точнѣе говоря, совершеннаго дружества людей въ Богѣ. И всеобщее *исцѣленіе* твари выражается прежде всего въ возстановленіи совершенной цѣлости или цѣломудрія [1]).

Во всѣхъ этихъ положеніяхъ нужно видѣть, разумѣется, не какое-либо „новое ученіе“ о. Флоренскаго, а оригинальную попытку его приблизить къ сознанію людей вѣру отцовъ—то древнее христіанское преданіе, которое, къ счастью, успѣло стать преданіемъ и въ русской религіозной философіи. Въ этомъ отношеніи о. Флоренскій дѣлаетъ одинъ новый и въ высшей степени важный шагъ, который до него по настоящему еще никѣмъ не былъ сдѣланъ, а развѣ только былъ *намѣченъ* В. С. Соловьевымъ. Онъ дѣлаетъ попытку использовать для религіознаго ученія тотъ многовѣковой религіозный опытъ, который выразился въ православномъ богослуженіи и въ православной иконографіи; здѣсь

---

[1]) Ср. въ особенности стр. 350.

онъ находитъ и обнаруживаетъ поразительное богатство вдохновенныхъ интуицій, которыя дополняютъ религіозное пониманіе новыми чертами, не находившими себѣ выраженія въ нашемъ богословіи. Помню, какъ покойный В. С. Соловьевъ въ устныхъ бесѣдахъ любилъ указывать на поразительную *отсталость* православнаго богословія отъ православнаго богослуженія и иконописи, въ особенности въ томъ, что касается почитанія св. Богородицы и „Софіи" [1]). Мнѣ было въ особенности пріятно найти въ книгѣ о. Флоренскаго, который объ этихъ устныхъ бесѣдахъ Соловьева, очевидно, не зналъ, почти буквальное воспроизведеніе той же мысли.—„Какъ въ иконостасѣ, такъ и въ богослуженіи Божія Матерь занимаетъ мѣсто симметричное и словно бы равнозначительное мѣсту Господа. Къ ней одной обращаемся съ моленіемъ: „Спаси насъ". Но, если отъ живого опыта, даваемаго Церковью, обратиться къ богословію, то мы чувствуемъ себя перенесенными въ какую-то новую область. Психологически, несомнѣнно, впечатлѣніе такое, словно школьное богословіе говоритъ не совсѣмъ о Той, которую величаетъ Церковь: школьно-богословское ученіе о Божіей Матери несоразмѣрно живому почитанію Ея: школьно-богословское осознаніе догмата приснодѣвства отстало отъ опытнаго переживанія его. Но богослуженіе—вотъ сердце церковной жизни" (стр. 367). Въ послѣднее время у насъ начинаютъ открываться глаза на дивныя красоты старой русской иконописи; пока это—только возрожденіе эстетическаго интереса. Защита же отца Флоренскаго заключается въ томъ, что онъ показалъ, сколько эти красоты, какъ иконописи, такъ и богослуженія, могутъ дать для углубленія религіознаго и философскаго пониманія вѣры. Въ его книгѣ „сердце церковной жизни" дѣйствительно приблизилось къ уму современнаго образованнаго человѣка. Въ этомъ—капитальная заслуга, по сравненію съ которой все остальное—болѣе или менѣе интересныя подробности. Въ эти подробности, хотя и чрезвычайно цѣнныя, я, къ сожалѣнію, не могу входить въ виду краткаго поневолѣ размѣра настоящей статьи. Мнѣ хотѣлось здѣсь главнымъ образомъ познакомить съ духомъ и настроеніемъ книги отца Флоренскаго, а также продумать вмѣстѣ съ нимъ одну религіозно-философскую проблему, которая, какъ мнѣ кажется, не получила у него вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія.

IV.

Печать истинно-религіознаго духа и въ частности народно-русскаго религіознаго генія отецъ Флоренскій видитъ „не въ отсѣченіи, а въ преображеніи полноты бытія" (стр. 772) и съ правильностью постановки основ-

---

[1]) Извѣстно, какъ иного далъ для его ученія образъ св. Софіи въ Новгородѣ. См. его статью „Идея человѣчества у А. Конта", т. VIII (1 изд.), стр. 240—241.

ной религіозной задачи тутъ невозможно не согласиться. Но продумана ли эта задача уважаемымъ авторомъ до конца? Ясно ли онъ сознаетъ *всѣ* вытекающія изъ нея требованія? Тутъ у меня возникаютъ довольно существенныя сомнѣнія.

То духовное преображеніе, которому въ будущемъ вѣкѣ суждено стать и тѣлеснымъ, должно охватить собою *все естество* человѣка; оно должно начинаться *въ сердцѣ* — центрѣ его духовной жизни—и оттуда распространяться на всю периферію. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія я рѣшаюсь поставить отцу Флоренскому вопросъ, вытекающій изъ чтенія его книги. Вѣдь къ человѣческому естеству кромѣ сердца и его тѣлеснаго состава, коему надлежитъ воскреснуть, принадлежитъ еще и *человѣческій умъ. Подлежитъ ли онъ преображенію или отсѣченію*? Вѣритъ ли отецъ Флоренскій въ *преображеніе человѣческаго ума*, признаетъ ли онъ въ этомъ преображеніи необходимую *нравственную задачу*, или же онъ просто думаетъ, что умъ долженъ быть отсѣченъ, какъ соблазняющее „десное око", дабы спасся „самъ" человѣкъ; и можно ли говорить о спасеніи „всего человѣка", если уму его суждено до конца оставаться „во тьмѣ внѣшней", хотя бы даже въ предѣлахъ *этой*, земной жизни. Я не сомнѣваюсь, что полное, *окончательное* преображеніе человѣческаго естества должно завершиться въ той жизни. Но оно должно начинаться и *предваряться* уже здѣсь. Долженъ ли умъ человѣческій *дѣятельно* участвовать въ этомъ предвареніи, или же отъ него требуется простой отказъ отъ всякой дѣятельности,—отъ того, что составляетъ его необходимый законъ?

Ставить эти вопросы человѣку, коего книга представляетъ собою во всякомъ случаѣ выдающійся умственный подвигъ, какъ будто странно; и, однако, я вынужденъ ихъ поставить: ибо, какъ ни парадоксальнымъ это можетъ показаться,—писатель, столь много и плодотворно поработавшій надъ разрѣшеніемъ задачи *преображенія ума*, — недостаточно ясно сознаетъ,—въ чемъ она заключается.

Человѣческій умъ въ земной своей дѣйствительности страдаетъ отъ того самаго мучительнаго разлада и раздвоенія, которое составляетъ общую печать *всей* грѣховной жизни; это, какъ мы видѣли, съ большой яркостью и наглядностью показано отцомъ Флоренскимъ въ его главѣ о сомнѣніи; но, если такъ, то вѣдь *преображеніе* ума должно выражаться именно *въ исцѣленіи* этого его грѣховнаго распада и раздвоенія, въ возстановленіи его внутренней цѣлости въ единствѣ Истины. То ли мы видимъ у отца Флоренскаго? Къ сожалѣнію, именно въ этой точкѣ истина, вообще столь ясно имъ сознанная, вдругъ затмевается и словно подергивается какимъ-то облакомъ. Вмѣсто яснаго рѣшенія поставленнаго вопроса мы находимъ въ его книгѣ лишь неясные и противорѣчивые отвѣты,—словно неразрѣшенную борьбу противоположныхъ стремленій.

Это сказывается въ его ученіи объ *антиномизмѣ*. Тутъ въ его мысли сталкиваются между собою два не только непримиренныхъ, но и непримиримыхъ между собою положенія. Съ одной стороны, антиномичность, т.-е. внутренняя противорѣчивость, есть свойство *грѣховнаго состоянія нашего разсудка*. Съ этой точки зрѣнія необходимо искать примиренія, синтеза противорѣчащихъ другъ другу началъ,—благодатнаго озаренія ума, въ которомъ противорѣчія устраняются, хотя и „не разсудочно, а сверхразсудочнымъ способомъ" (стр. 159—160).

Съ другой стороны, на цѣломъ рядѣ страницъ той же книги утверждается, что антиномична сама истина (т.-е. истина съ малой буквы, а не съ большой, истина объ Истинѣ) антиномиченъ истинный религіозный догматъ; противорѣчіе составляетъ необходимую печать истиннаго вообще. Сама „истина есть антиномія и не можетъ не быть таковою" (стр. 147, 153).

И соотвѣтственно съ этимъ нашъ авторъ колеблется между двумя въ корнѣ различными между собою отношеніями къ мысли человѣческой.

Съ одной стороны, она должна войти въ разумъ истины, стать *цѣльною* подобно богоноснымъ умамъ святыхъ подвижниковъ (стр. 159).

Съ другой стороны, она должна быть приведена къ молчанію, т.-е. просто-напросто отсѣчена, какъ въ корнѣ противорѣчивая, по существу своему антиномичная: самое стремленіе къ „разумной вѣрѣ" есть начало „дьявольской гордыни" (стр. 65).

Можно ли утверждать въ одно и то же время, что антиномиченъ грѣхъ и что антиномична истина? Не значитъ ли это въ переводѣ на болѣе простой языкъ, что истина—грѣховна или же, что грѣхъ и есть настоящая истина?

Мнѣ могутъ возразить, конечно, что тутъ мы имѣемъ нѣкоторую „антиномію объ антиномін", т.-е. противорѣчіе необходимое. А потому здѣсь необходимо внимательно присмотрѣться къ противорѣчивымъ тезисамъ о. Флоренскаго: имѣемъ ли мы въ нихъ въ самомъ дѣлѣ объективно необходимую антиномію или же просто субъективное противорѣчіе индивидуальнаго ума?

Тезисъ о. Флоренскаго, что антиноміи нашего разсудка представляютъ собою свойство грѣховнаго его состоянія, долженъ быть признанъ совершенно вѣрнымъ. „Подъ угломъ зрѣнія догматики",—говоритъ онъ, „антиноміи неизбѣжны. Если есть грѣхъ (а въ признаніи его—первая половина вѣры), то все наше существо, равно какъ и весь міръ, раздроблены" (стр. 159). „Тамъ на небѣ—единая Истина; у насъ—множество осколковъ Истины, неконгруэнтныхъ другъ съ другомъ. Въ исторіи плоскаго и скучнаго (?!) мышленія „новой философіи" Кантъ имѣлъ дерзновеніе выговорить великое слово „антиномія", нарушившее при-

личіе мнимаго единства. За это одно заслуживалъ бы онъ вѣчной славы. Нѣтъ нужды, если собственныя его антиноміи неудачны: дѣло—въ переживаніи антиномичности" (стр. 159).

Не раздѣляя этого рѣзкаго отзыва отца Флоренскаго о новой философіи, я думаю, что *діагнозъ болѣзни* человѣческаго разсудка поставленъ имъ совершенно вѣрно. Но съ этой точки зрѣнія казалось бы, что именно эти внутреннія противорѣчія, эта антиномичность — составляетъ для нашей мысли *препятствіе* къ постиженію Истины, отдаляетъ ее отъ Бога. Однако, къ величайшему моему удивленію, — *антитезисъ* отца Флоренскаго говоритъ какъ разъ обратное. Самая истина есть антиномія: „только въ антиномію и можно вѣрить; всякое же сужденіе не антиномичное просто признается или просто отвергается разсудкомъ, ибо не превышаетъ рубежа эгоистической обособленности его" (стр. 147). По мысли отца Флоренскаго, самая спасительность догмата обусловливается его антиномичностью, благодаря которой онъ можетъ быть точкой опоры для разсудка. Съ догмата-то и начинается наше спасеніе, ибо только догматъ, будучи антиномичнымъ, не стѣсняетъ нашей свободы и даетъ полное мѣсто доброхотной вѣрѣ или лукавому невѣрію" (стр. 148).

Утверждать, что антиномизмъ—печать грѣховнаго раздвоенія нашего разсудка и въ то же время думать, что именно въ немъ-то и заключается сила, насъ спасающая, значитъ впадать въ такое противорѣчіе, которое вовсе не коренится въ существѣ дѣла, не имѣетъ характера объективной необходимости, а должно быть всецѣло поставлено въ вину отцу Флоренскому. Какъ разъ на вопросъ объ „антиномичности" откровенія мы имѣемъ весьма недвусмысленный отвѣтъ апостола Павла: „Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, проповѣданный у васъ нами, мною и Силуаномъ и Тимофеемъ, не былъ да и нѣтъ; но въ немъ было да, (ибо всѣ обѣтованія Божіи въ немъ да, и въ немъ аминь) во славу Божію, черезъ насъ" (II Кор., I, 19—20). Какъ помирить съ этимъ текстомъ утвержденіе нашего автора, что тайны религіи „не могутъ облечься въ слово иначе, какъ въ видѣ противорѣчія, которое заразъ и да и нѣтъ" (стр. 158)? Обращаю вниманіе на чрезмѣрную *общность* этого положенія. Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ вѣрно, что *всякая* тайна религіи—заразъ и да и нѣтъ, то мы должны признать одинаково истиннымъ и то, что есть Богъ и то, что Его нѣтъ, и то, что Христосъ воскресъ и то, что Онъ не воскресалъ вовсе. Отцу Флоренскому во всякомъ случаѣ придется внести нѣкоторое ограниченіе въ свое утвержденіе и признать, что не всѣ, а лишь *нѣкоторыя* религіозныя тайны антиномичны, т.-е. противорѣчивы по формѣ. Однако и такое пониманіе „антиномизма" не выдерживаетъ критики.

Прежде всего спрашивается, что собственно противорѣчиво или анти-

помично — самый ли догматъ или наше несовершенное пониманіе догмата? По этому предмету мысль отца Флоренскаго колеблется и двоится. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что въ Трісіянномъ свѣтѣ, явленномъ Христомъ и отражающемся въ праведникахъ, „противорѣчіе вѣка сего преподѣждено любовью и славою"; съ другой стороны для него противорѣчіе есть „тайна души, тайна молитвы и любви". „Вся церковная служба, особенно же каноны и стихиры, переполнены этимъ непрестанно кипящимъ остроуміемъ антитетическихъ сопоставленій и антиномическихъ утвержденій" (стр. 158). Кромѣ того, въ разбираемой книгѣ есть цѣлая таблица догматическихъ антиномій. Но какъ разъ изъ этой таблицы и выясняется, въ чемъ заключается основная ошибка уважаемаго автора.

Онъ просто-напросто употребляетъ слова „антиномія" и „антиномичность" въ двухъ различныхъ смыслахъ. Въ качествѣ характерной черты грѣховнаго состоянія антиномія всегда обозначаетъ *противорѣчіе*; по отношенію къ разсудку съ этой точки зрѣнія антиномизмъ обозначаетъ его *внутреннюю противорѣчивость*. Напротивъ, когда авторъ говоритъ объ „антиномичности догмата" или церковныхъ пѣснопѣній, это большею частью надо понимать въ томъ смыслѣ, что догматъ есть нѣкоторое объединеніе міровыхъ противоположностей (coincidentia oppositorum).

Нетрудно убѣдиться, что именно этимъ смѣшеніемъ противорѣчиваго и противоположнаго грѣшитъ цѣлый рядъ примѣровъ „догматическихъ антиномій" у о. Флоренскаго. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ въ нихъ вовсе не антиноміи.

Такъ, напримѣръ, вопреки уважаемому автору, вовсе не антиномиченъ догматъ св. Троицы, ибо никакого внутренняго противорѣчія въ немъ не заключается. Антиномія была бы здѣсь въ томъ случаѣ, если бы мы высказывали противорѣчивые предикаты объ одномъ и томъ же субъектѣ въ одномъ и томъ же отношеніи. Напримѣръ, если бы Церковь учила, что Богъ единъ по существу и въ то же время не единъ, а троиченъ по существу,—это была бы дѣйствительно антиномія. Но въ церковномъ догматѣ „единство" относится къ Существу, а „троичность"—къ Лицамъ, что съ точки зрѣнія Церкви не одно и то же: ясно, что никакого противорѣчія, т.-е. никакой *антиноміи* здѣсь нѣтъ: „да" и „нѣтъ" относятся здѣсь не къ одному и тому же [1]).

Такъ же не антиномиченъ и догматъ о взаимномъ отношеніи двухъ естествъ во Іисусѣ Христѣ. Антиномія была бы въ томъ случаѣ, если бы Церковь утверждала въ одно и то же время и раздѣльность и не-

---

[1]) Тотъ мой оппонентъ, который усмотрѣлъ „гегельянство" въ этихъ словахъ, видимо, забылъ Гегеля. Именно Гегель учитъ, что все наше мышленіе движется въ противорѣчіяхъ. Съ его точки зрѣнія, стало быть, противорѣчивъ или „антиномиченъ" и догматъ Св. Троицы. Я же какъ разъ утверждаю, что противорѣчія въ немъ нѣтъ никакого.

раздѣльность двухъ естествъ и сліянность и несліянность ихъ; но въ ученіи о „нераздѣльности и несліянности“ двухъ естествъ никакого внутренняго противорѣчія и, слѣдовательно, никакой антиноміи нѣтъ: ибо нераздѣльность и несліянность логически вовсе не исключаютъ другъ друга; здѣсь мы имѣемъ понятія противоположныя (opposita), а не противорѣчивыя (contraria).

На этихъ примѣрахъ можно выяснить не только ошибку разбираемой книги, но и сущность правильнаго пониманія антиномій и антиномизма. Мы уже убѣдились, что эти догматы сами по себѣ не антиномичны, но для плоскаго разсудка они неизбѣжно превращаются въ антиномію. Когда грубое человѣческое пониманіе превращаетъ трехъ Лицъ—въ трехъ Боговъ, догматъ дѣйствительно превращается въ антиномію, ибо тезисъ, гласящій, что Богъ единъ, никакъ не можетъ быть согласованъ съ антитезисомъ, что есть три Бога. Равнымъ образомъ то грубое пониманіе, которое понимаетъ соединеніе двухъ естествъ по образу вещественнаго соединенія тѣлъ,—превращаетъ догматъ о двухъ естествахъ въ антиномію, ибо оно совершенно не представляетъ себѣ, какъ это два вещественно мыслимыя естества могутъ соединиться въ одно и не слиться.

Антиноміи и антиномизмъ коренятся вообще въ *разсудочномъ пониманіи* міровыхъ тайнъ; когда же мы поднимаемся надъ разсудочнымъ пониманіемъ, антиноміи тѣмъ самымъ разрѣшаются—противорѣчія превращаются въ объединеніе противоположностей—coincidentia oppositorum—и разрѣшеніе совершается *въ мѣру нашего подъема.*

Въ этомъ и заключается настоящій отвѣтъ на вопросъ о разрѣшимости антиномій вообще и религіозныхъ антиномій въ особенности. О. Флоренскій даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Какимъ холоднымъ и далекимъ, какимъ безбожнымъ и черствымъ кажется мнѣ то время моей жизни, когда я считалъ антиноміи религіи разрѣшимыми, но еще не разрѣшенными, когда въ своемъ гордомъ безуміи утверждалъ логическій монизмъ религіи“ (стр. 163).

Въ такой общности черезчуръ рѣзкая формула разбираемой книги представляетъ собою сочетаніе истины и заблужденія. Мечтать о совершенномъ и окончательномъ разрѣшеніи *всѣхъ антиномій* въ этой жизни, разумѣется, такъ же безумно, какъ воображать, что мы можемъ въ земной стадіи нашего существованія совершенно освободиться отъ грѣха. Но утверждать окончательную неразрѣшимость *всѣхъ* антиномій—отрицать самую законность попытокъ ихъ разрѣшенія мыслью—значитъ *покоряться грѣху* мысли. Какъ роковая необходимость грѣха въ этой жизни не исключаетъ нашей обязанности бороться съ грѣхомъ и съ Божьей помощью по возможности отъ него освобождаться, такъ и *неизбѣжность для насъ антиномизма* не упраздняетъ лежащаго на насъ

долга—стремиться возвыситься надъ этой *грѣховной темнотою* нашего разсудочнаго сознанія, пытаться освѣтить нашу мысль тѣмъ единствомъ присносущаго свѣта, въ которомъ упраздняются всѣ наши земныя противорѣчія. Думать иначе—значитъ утверждать плоскость разсудочнаго мышленія не только какъ фактъ нашей жизни, но и какъ *норму должнаго для насъ* [1]).

Раздвоенность и противорѣчивость есть фактическое состояніе нашего разума: это и есть—то самое, что составляетъ суть *разсудочности*; но истинная и подлинная *норма* разума есть *единство*. Недаромъ уже блаженный Августинъ усмотрѣлъ въ этомъ исканіи нашего ума въ этомъ его стремленіи—его формальное богоподобіе, *искание связи* съ Единымъ и Безусловнымъ, истинно же Единое есть Богъ. Августинъ совершенно правильно замѣчаетъ, что во всѣхъ функціяхъ нашего разума предъ нимъ предносится идеалъ единства: и въ анализѣ и въ синтезѣ *я хочу единства и люблю единство* (unum amo et unum volo) [2]). И въ самомъ дѣлѣ,—идеалъ познанія, въ большей или меньшей степени осуществляемый въ каждомъ актѣ познаванія, заключается въ связываніи познаваемаго съ чѣмъ-то единымъ и безусловнымъ.

Тутъ необходимо объяснить одно парадоксальное явленіе, которое какъ будто противорѣчитъ только что сказанному: когда человѣкъ въ духовномъ подъемѣ своего земного усовершенствованія начинаетъ приближаться къ Истинѣ, количество противорѣчій, которыя онъ видитъ, нисколько не уменьшается. Напротивъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ о. Флоренскій, „чѣмъ ближе къ Богу, тѣмъ отчетливѣе противорѣчія. Тамъ, въ Горнемъ Іерусалимѣ нѣтъ ихъ. Тутъ же—противорѣчіе во всемъ". „Чѣмъ ярче сіяетъ Истина Трісіяннаго Свѣта, показаннаго Христомъ и отражающагося въ праведникахъ,—Свѣта, въ которомъ противорѣчіе сего вѣка преобѣждено любовью и славою,—тѣмъ рѣзче чориѣютъ міровыя трещины. Трещины во всемъ".

Наблюденія о. Флоренскаго здѣсь психологически совершенно вѣрны; и, однако, его пониманіе „антиномизма" ими не только не подтверждается, но, напротивъ, опровергается. Противорѣчія обнаруживаются и какъ будто множатся по мѣрѣ просвѣтлѣнія нашего ума вовсе не потому, что истина антиномична или противорѣчива: какъ разъ, наоборотъ, они обнажаются *по контрасту съ единствомъ Истины*. Чѣмъ ближе мы къ Истинѣ, тѣмъ глубже мы сознаемъ свое грѣховное раздвоеніе, тѣмъ яснѣе становится для насъ, какъ еще далеко мы отстоимъ отъ нея: въ этомъ—основной законъ какъ нравственнаго, такъ и умствен-

---

[1]) Замѣчательно, что и самъ о. Флоренскій, сталкиваясь съ антиномі ей Божественнаго правосудія и милосердія, не остается при видимомъ противорѣчіи ея тезиса и антитезиса, а пытается дать ея рѣшеніе.

[2]) Ср. мое соч. „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ". Міросозерцаніе бл. Августина, стр. 56—57.

наго просвѣтлѣнія. Чтобы сознать, что не имѣешь одежды, дабы войти въ чертогъ брачный, надо хоть издали умственнымъ взоромъ видѣть этотъ чертогъ. Такъ и *въ познаніи* Истины; здѣсь, какъ и въ процессѣ нравственнаго усовершенствованія, чѣмъ выше человѣкъ поднимается изъ ступени въ ступень, чѣмъ ярче свѣтитъ ему Истина *единая и всецѣлая*, тѣмъ совершеннѣе сознаетъ онъ собственную свою нецѣлость,—внутреннюю противорѣчивость своего разсудка.

Но *сознать грѣхъ*—значитъ сдѣлать первый шагъ къ освобожденію отъ него; такъ же точно и сознать разсудочныя антиноміи—значитъ уже до нѣкоторой степени подняться надъ ними, надъ самой разсудочностью нашей и сдѣлать первый шагъ къ ея преодолѣнію.

Къ этому надо прибавить еще одно существенное соображеніе. Не только въ будущей, но и въ этой нашей жизни есть *множество плановъ бытія*, и соотвѣтственно съ этимъ—множество ступеней вѣдѣнія. И, пока процессъ совершенствованія нашего еще не закончился,—пока мы возвышаемся духовно и умственно изъ ступени въ ступень, самыя антиноміи нашего разсудка вовсе не лежатъ всѣ въ одной плоскости. Восходя на высшую ступень, мы преодолѣваемъ тѣмъ самымъ противорѣчія, свойственныя нижележащимъ ступенямъ; но зато передъ нами открываются новыя задачи, а, стало быть, и новыя противорѣчія, которыя не были намъ видны, покуда мы стояли ниже. Напримѣръ, для человѣка, переросшаго ту ступень пониманія, на которой три Лица св. Троицы смѣшиваются съ „тремя богами", тѣмъ самымъ исчезаетъ или „снимается" антиномія въ догматѣ св. Троицы. Но тѣмъ яснѣе выступаютъ передъ его умственнымъ взоромъ другія глубочайшія антиноміи нашего непониманія, напримѣръ, антиномія человѣческой свободы и Божественнаго предопредѣленія, антиномія правосудія Божія и всепрощенія. Вообще говоря, антиноміи образуютъ сложную іерархію ступеней и по степени глубины представляютъ множество различій. Съ одной стороны, антиноміи Канта остаются антиноміями только для того неразвитого, плоскаго разсудка, который ищетъ безусловнаго основанія явленій въ порядкѣ временно обусловленныхъ причинъ. Эти антиноміи легко преодолѣваются самостоятельными силами мысли, какъ только она поднимается въ область сверхвременнаго. Съ другой стороны, углубленному религіозному пониманію открываются такія противорѣчія, коихъ разрѣшеніе превышаетъ всю глубину вѣдѣнія, какая доселѣ оказывалась доступною человѣку. И, однако, то, что оказывалось недоступнымъ доселѣ, можетъ стать доступнымъ человѣку на иной, высшей ступени духовнаго и мысленнаго подъема. Предѣлъ этому подъему доселѣ не указанъ и никто не долженъ брать на себя смѣлости его указывать. Въ этомъ заключается главное возраженіе противъ тѣхъ, кто утверждаетъ окончательную неразрѣшимость антиномій.

По мнѣнію о. Флоренскаго примиреніе и единство антиномическихъ утвержденій—„выше разсудка" (стр. 160). Съ этимъ положеніемъ, пожалуй, можно было бы согласиться, если бы оно не было многосмысленно, т.-е. если бы понятіе разсудка было ясно опредѣлено, что̀ исключало бы возможность употреблять слово „разсудокъ" въ различныхъ значеніяхъ. Къ сожалѣнію, у нашего автора, какъ и у многихъ другихъ сторонниковъ того же воззрѣнія, разсудокъ понимается то какъ синонимъ логическаго мышленія вообще, то какъ мысль, прилѣпившаяся къ плоскости временнаго, неспособная подняться надъ этой плоскостью и *потому плоская*.

Если понимать разсудокъ въ послѣднемъ смыслѣ, то мысль о. Флоренскаго совершенно вѣрна; разумѣется, разрѣшеніе антиномій выше плоскости временнаго и потому лежитъ за предѣлами „разсудка". Мало того, для того чтобы не впасть въ эту плоскость *разсудочнаго пониманія*, отъ нашей мысли требуется извѣстный актъ самоотреченія—тотъ подвигъ смиренія, которымъ мысль отказывается отъ горделивой надежды—изъ самой себя почерпнуть всю полноту вѣдѣнія и высказываетъ готовность принять въ себя откровеніе Истины сверхчеловѣческой, Божественной.

Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ о. Флоренскимъ, что „истинная любовь" выражается „въ отказѣ отъ разсудка" (стр. 163). Но, къ сожалѣнію, въ другихъ мѣстахъ разбираемой книги это же требованіе „отказа отъ разсудка" получаетъ у о. Флоренскаго иной смыслъ, съ христіанской точки зрѣнія безусловно неприемлемый.

Онъ требуетъ, чтобы ради Бога мы отказались „отъ монизма въ мышленіи"; и именно въ этомъ онъ видитъ „начало истинной вѣры" (стр. 65). Тутъ у о. Флоренскаго идетъ рѣчь вовсе не о какомъ-либо метафизическомъ монизмѣ; тотъ логическій монизмъ, который онъ отвергаетъ, есть именно стремленіе разума — все привести къ единству Истины: именно въ этомъ онъ видитъ „діавольскую гордыню". По его мысли, „монистическая непрерывность—таково знамя крамольнаго разсудка твари, отторгающейся отъ своего Начала и корня и разсыпающагося въ прахъ самоутвержденія и самоуничтоженія. Напротивъ, „дуалистическая прерывность—это знамя разсудка, погубляющаго себя ради своего Начала и въ единеніи съ нимъ получающаго свое обновленіе и свою крѣпость" (стр. 65).

Именно въ этихъ строкахъ обнаруживается коренная ошибка всего ученія о. Флоренскаго объ антиномизмѣ. Отказаться отъ „монизма въ мышленіи"—значитъ отречься не отъ грѣха нашей мысли, а отъ истинной ея нормы—отъ идеала все-единства и все-цѣлости, иначе говоря, отъ того самаго, что составляетъ *формальное богоподобіе* нашего разу-

ма; а признать за знамя „дуалистическую прерывность"—значитъ возвести въ норму грѣховное раздвоеніе нашего разсудка.

Въ общемъ, отношеніе о. Флоренскаго къ разуму едва ли согласимо съ его христіанскимъ по существу міросозерцаніемъ. Это ясно обнаруживается при сопоставленіи его съ тѣмъ критеріемъ, коимъ апостолъ Іоаннъ учитъ насъ отличать духъ Божій отъ духа заблужденія. Какъ для религіозной жизни, такъ и для религіозной мысли абсолютная норма дана *во образѣ Христа, пришедшаго во плоти* (I Іоанн., IV, 2, 3). Соотвѣтствуетъ ли этой нормѣ ученіе о. Флоренскаго о взаимномъ отношеніи Божескаго и человѣческаго естества въ богопознаніи?

Единеніе Божескаго и человѣческаго, явленное намъ во образѣ Богочеловѣка, *не есть насиліе надъ человѣческимъ естествомъ*. Основаніе нашей надежды заключается именно въ томъ, что ничто человѣческое здѣсь не отсѣкается, кромѣ грѣха: совершенный Богъ является въ то же время и совершеннымъ человѣкомъ; а, стало быть, и *человѣческій разумъ* участвуетъ въ этомъ соединеніи безъ нарушенія своего закона и нормы: онъ подвергается *преображенію, а не искалѣченію*.

То, что во Христѣ-Богочеловѣкѣ есть совершившійся фактъ,—должно стать идеаломъ и нормою для всего человѣчества. Какъ единеніе двухъ естествъ во Христѣ было не насильственнымъ, а свободнымъ, такъ же свободнымъ должно быть соединеніе божескаго начала и человѣческаго ума въ богопознаніи; никакому насилію здѣсь не должно быть мѣста; законъ человѣческаго разума, безъ коего онъ перестаетъ быть разумомъ, долженъ быть не нарушенъ, а исполненъ. *Въ единствѣ Истины человѣческій умъ долженъ найти свое единство*. И никакое различеніе между истиной съ малой буквой и съ большой не упраздняетъ для насъ обязанности стремиться именно къ этой цѣли—искать единства истины: ибо та истина, которая носитъ на себѣ печать нашего грѣховнаго раздвоенія,—вовсе не есть истина, а заблужденіе. Монизмъ мышленія во Христѣ долженъ быть оправданъ, а не осужденъ.

Ошибка о. Флоренскаго заключается именно въ томъ, что у него свободное отношеніе человѣческаго ума къ Истинѣ замѣняется насильственнымъ; онъ ставитъ насъ передъ альтернативой,—или принять истину св. Троицы, съ его точки зрѣнія антиномическую, т.-е. противорѣчивую, или же умереть въ безуміи. Онъ говоритъ намъ: „выбирай, червь и ничтожество: tertium non datur" (стр. 66).

Христосъ, хотѣвшій видѣть въ ученикахъ своихъ друзей, а не рабовъ,—не такъ обращался къ ихъ сознанію. Онъ, явившій имъ на дѣлѣ Тріединство, показавшій въ лицѣ Своемъ Отца Небеснаго въ отвѣтъ на сомнѣнія Филиппа,—сдѣлалъ эту тайну вразумительной для нихъ, *понятной* для любящаго, ибо Онъ сопоставилъ ее съ той любовью, которая осуществляетъ единство во множествѣ—„да будутъ едино, какъ

и Мы" (Іоанн., XVII, 11). Такое обращеніе къ человѣческому сознанію убѣждаетъ, а не насилуетъ; оно исцѣляетъ не только сердце человѣка, но и его умъ, ибо въ немъ нашъ разумъ находитъ исполненіе своей *нормы* всеединства: въ такомъ обнаруженіи тріединства для нашей мысли уже здѣсь, *въ этой* жизни снимается антиномія единства и множества, множество является ему не разорваннымъ и не расколотымъ, а изнутри объединеннымъ, *связаннымъ*.

О. Флоренскій можетъ всетаки возразить мнѣ, что это разрѣшеніе антиномій происходитъ *по ту сторону* нашего разсудка; но и въ этомъ утвержденіи есть опасная двусмыслица, которую необходимо устранить: я повторяю, что, если подъ разсудкомъ разумѣть мысль, прилѣпившуюся къ временному, то о. Флоренскій совершенно правъ, ибо Истина сверхвременна. Если же смыслъ разбираемаго ученія—тотъ, что разрѣшеніе антиномій совершается лишь *по ту сторону человѣческой мысли вообще*, то это—смыслъ безусловно непріемлемый,—ибо тѣмъ самымъ разумъ человѣческій ввергается во тьму внѣшнюю, лишается участія въ радости всеобщаго преображенія.

V.

Съ вопросомъ о христіанскомъ отношеніи къ человѣческому уму неразрывно связанъ и вопросъ о христіанскомъ отношеніи къ представительницѣ ума въ человѣческомъ обществѣ—къ *интеллигенціи*.

Тутъ я опять-таки не могу удовлетвориться рѣшеніемъ о. Флоренскаго. Его черезчуръ страстныя и мѣстами жестокія сужденія объ интеллигенціи и интеллигентахъ, этихъ, какъ онъ ихъ называетъ, „безблагодатныхъ" и „оземлянѣвшихъ" душахъ, звучатъ какъ рѣзкій диссонансъ въ его глубоко христіанской книгѣ. Въ самой чрезмѣрности отрицанія тутъ чувствуется больное мѣсто разбираемаго труда и его автора. Какъ мы уже видѣли, о. Флоренскій вспоминаетъ о томъ „безбожномъ и черствомъ" времени собственной своей жизни, когда онъ по-интеллигентски вѣрилъ въ логическій монизмъ религіи. Бывшій интеллигентъ чувствуется и въ его захватывающихъ описаніяхъ пережитаго имъ когда-то скептическаго ада. Вообще говоря, „интеллигенція" для нашего автора—врагъ внутренній, а не внѣшній. Въ немъ самомъ все еще сидитъ тотъ ненавистный интеллигентъ, котораго онъ отрицаетъ; въ этомъ и заключается причина той безмѣрности въ отрицаніи, которая исключаетъ возможность справедливости.

Мѣстами кажется даже, что не только „интеллигентъ",—собственная человѣческая мысль о. Флоренскаго для него есть врагъ, отъ котораго онъ открещивается. Само собою разумѣется, что такое отношеніе къ мысли и къ „интеллигенціи" не можетъ увѣнчаться полною побѣдою. Сомнѣнія мысли не могутъ быть побѣждены *отрицаніемъ логики, скач-*

комъ къ непостижимому и непознаваемому; чтобы преодолѣть ихъ, надо ихъ *продумать до конца.* Также и „интеллигентъ“ можетъ быть побѣжденъ не отрицаніемъ, а удовлетвореніемъ его законныхъ умственныхъ требованій. Истина откровенія должна стать имманентною мысли; только при этомъ условіи она можетъ восторжествовать надъ мыслью безрелигіозною. Когда содержаніе религіознаго ученія настойчиво утверждается какъ *внѣшнее, потустороннее мысли*, то тѣмъ самымъ и мысль утверждается въ состояніи обособленія и отрѣшенія отъ религіи, а, стало быть, обрекается на безчинство. Мышленіе, изверженное изъ царства, потустороннее религіи, неизбѣжно остается „интеллигентскимъ“ въ дурномъ значеніи этого слова, т.-е. разсудочнымъ, безсодержательнымъ.

Первородный грѣхъ книги о. Флоренскаго заключается именно въ этой зависимости отъ той „интеллигенціи“, которую онъ отрицаетъ. Какъ разъ „антиномизмъ“ есть точка зрѣнія для современнаго интеллигента весьма типичная, а потому и чрезвычайно популярная. Это—не болѣе и не менѣе, какъ *непобѣжденный скептицизмъ, раздвоеніе мысли, возведенное въ принципъ и норму.* Это—точка зрѣнія мысли, утверждающейся въ своемъ противорѣчіи. Какъ ни парадоксальнымъ это можетъ показаться съ перваго взгляда,—между раціонализмомъ и „антиномизмомъ“ существуетъ самое тѣсное сродство,—болѣе того, прямая логическая и генетическая связь. Раціонализмъ возводитъ въ принципъ самодовлѣющую мысль, изъ себя черпающую познаніе истины; а антиномизмъ освобождаетъ ту же мысль отъ имманентной ея религіи и нормы, отъ той *заповѣди всеединства,* которая составляетъ подобіе Божіе въ ней: онъ объявляетъ свойствомъ истины то, что на самомъ дѣлѣ есть *грѣхъ разсудка*—его внутреннее распаденіе. Въ дѣйствительности „антиномизмъ“ есть чисто *разсудочная точка зрѣнія*, ибо онъ утверждаетъ противорѣчія нашего разсудка какъ окончательно неразрѣшимыя и непобѣдимыя, болѣе того, возводитъ ихъ въ религіозную цѣнность.

У о. Флоренскаго, какъ у мыслителя глубоко религіознаго, этотъ модный въ наше время алогизмъ не доводится до крайнихъ его послѣдствій. Типическимъ представителемъ этого направленія является въ наши дни Н. А. Бердяевъ, который окончательно порвалъ съ точкой зрѣнія объективнаго откровенія и изо всего ученія о. Флоренскаго сочувствуетъ почти исключительно его „антиномизму“, т.-е. самому слабому, что въ немъ есть.

Для о. Флоренскаго это сочувствіе должно было бы послужить предостереженіемъ: оно заключаетъ въ себѣ указаніе, что антиномизмъ, возведенный въ принципъ,—въ корнѣ противорѣчитъ его религіозной точкѣ зрѣнія. Это—опасный уклонъ мысли, коего естественный конецъ сказался у Н. А. Бердяева, какъ упадочный дилеттантизмъ, дающій себѣ видъ побѣды надъ разсудочностью.

VI.

Упадокъ есть неизбѣжная участь мысли, утратившей свой имманентный критерій. Освободившись отъ логической нормы всеединства, она неизбѣжно попадаетъ въ плѣнъ, въ рабскую зависимость отъ алогическихъ переживаній: не имѣя критерія, чтобы отличить въ нихъ высшее отъ низшаго, сверхсознательное отъ подсознательнаго, она безконтрольно отдается всякимъ внушеніямъ аффекта, принимая ихъ за пророческія интуиціи. Возведеніе „плѣнной мысли раздраженія" въ принципъ философствованія и есть наиболѣе характерная черта современной упадочной философіи.

Доведенное до конца, это направленіе неизбѣжно приходитъ къ отрицанію объективнаго откровенія, къ возстанію противъ всякаго религіознаго догмата какъ таковаго. И это—по той простой причинѣ, что *во всякомъ догматѣ есть свой строго опредѣленный мысленный, логическій составъ,* который закрѣпляетъ содержаніе вѣры: въ каждомъ догматѣ есть точная логическая формула, которая строго отсѣкаетъ истинное отъ неистиннаго, достойное вѣры отъ заблужденія. Этимъ полагается предѣлъ *аффекту* въ области религіозной жизни, и вѣрующему дается твердое руководство для отличенія истины отъ лжи въ субъективномъ религіозномъ опытѣ. Тѣ догматическія опредѣленія, коими для вѣрующаго отсѣкается возможность смѣшивать Истину съ чѣмъ-либо ей посторонним и чуждымъ, нерѣдко бываютъ образцами логическаго изящества, и отецъ Флоренскій это знаетъ; болѣе того, онъ прославляетъ св. Аѳанасія Великаго, сумѣвшаго „математически точно" выразить „ускользавшую даже въ позднѣйшую эпоху отъ личнаго выраженія для умовъ интеллигентныхъ" *истину единосущія* (стр. 55).

Понятно, что для современнаго религіознаго декадентства, отстаивающаго *свободу аффекта* противъ мысли, такое подчиненіе религіознаго чувства твердымъ логическимъ опредѣленіямъ абсолютно непріемлемо. Именно за преклоненіе передъ „математически точными" догматическими формулами Церкви о. Флоренскій подвергся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны Н. А. Бердяева [1]). Несомнѣнно цѣнная сторона возраженій послѣдняго заключается въ томъ, что они ставятъ о. Флоренскаго передъ необходимостью *рѣзче отмежеваться отъ того декадентскаго алогизма, типическимъ представителемъ коего въ религіозной философіи является Н. А. Бердяевъ.*

Утверждая неограниченное самодержавіе субъективнаго религіознаго опыта, Н. А. Бердяевъ нападаетъ на о. Флоренскаго именно за его стремленіе подчинить этотъ опытъ какимъ-либо объективнымъ началамъ,

---

[1]) „Стилизованное православіе" (*Русская Мысль*, январь, 1914 г., стр. 109—126).

иначе говоря, за то, что онъ вкладываетъ въ вѣру независимое отъ внутренняго опыта личности *мысленное* содержаніе. Онъ упрекаетъ о. Флоренскаго за то, что тотъ утверждаетъ *внѣшнее откровеніе* и „хочетъ транскрипціи религіознаго опыта въ терминахъ трансцендентной онтологіи". Съ точки зрѣнія Н. А. Бердяева, все это—разсудочная схоластика, которую слѣдуетъ бросить. Утонченная религіозная психологія о. Флоренскаго „переходитъ у него въ схоластическое богословіе. Догматъ Тріединства, какъ внѣшній, трансцендентный мистическому опыту, неизбѣжно оказывается богословскимъ. Богословіе всегда покоится на идеѣ внѣшняго откровенія и противоположно мистикѣ, какъ покоящейся на идеѣ внутренняго откровенія. Богословіе есть трансцендентизмъ, мистика—имманентизмъ". По мнѣнію Н. А. Бердяева, „переодѣтая схоластика" священника П. А. Флоренскаго есть „неизбѣжная кара за всякое допущеніе догмата до и внѣ духовной жизни, мистическаго опыта" (цит. статья, стр. 114).

Тотъ принципъ, который Н. А. Бердяевъ противополагаетъ о. Флоренскому, есть абсолютная свобода—„познавательнаго эроса", не сдержаннаго ни догматомъ, ни логикой, ни вообще какими бы то ни было объективными началами, точнѣе говоря,—безграничный произволъ субъективной мистики. По признанію самого Н. А. Бердяева, характерная черта его „новаго" религіознаго сознанія заключается въ убѣжденіи, „что нынѣ міръ вступаетъ въ эпоху антропологическаго откровенія, починъ котораго долженъ взять на себя самъ человѣкъ, на свой рискъ и страхъ, что божественное откровеніе переходитъ внутрь человѣка и чрезъ него продолжается. Это есть вступленіе въ возрастъ религіознаго совершеннолѣтія" (стр. 121).

Для читателя, сколько-нибудь знакомаго съ исторіей христіанскаго, въ частности протестантскаго религіознаго сектантства, въ этомъ „новомъ" религіозномъ сознаніи едва ли много новаго и значительнаго. Но въ качествѣ предостереженія для о. П. А. Флоренскаго точка зрѣнія Н. А. Бердяева сохраняетъ извѣстное значеніе, вслѣдствіе чего намъ приходится здѣсь нѣсколько на ней остановиться.

Очевидно, что эта неограниченная свобода человѣческаго индивида „на свой рискъ и страхъ" опредѣлять истинное откровеніе означаетъ въ дѣйствительности окончательное упраздненіе послѣдняго, полную утрату всякихъ *общихъ* религіозныхъ началъ, связывающихъ людей воедино. Гдѣ критеріемъ истиннаго въ откровеніи является лишь субъективный „религіозный опытъ" индивида, тамъ, очевидно,—столько же противорѣчащихъ другъ другу откровеній, сколько людей. Ясное дѣло, что такая точка зрѣнія сама себя уничтожаетъ. Заслуживаетъ ли въ глазахъ Н. А. Бердяева *его* субъективное откровеніе бо́льшаго уваженія, чѣмъ то объективное откровеніе церкви, противъ котораго онъ

возстаетъ? Во имя чего и на какомъ основаніи? Вѣдь ссылки Н. А. Бердяева на *его* „интуиціи“ не могутъ имѣть внѣшне-авторитетнаго значенія для другихъ людей; да и для самого лица, пережившаго „интуицію“, всегда возможно сомнѣніе, была ли она подлиннымъ откровеніемъ, субъективной галлюцинаціей или явленіемъ сатаны въ образѣ ангела свѣта. Кто отрицаетъ, подобно Н. А. Бердяеву, всякіе объективные критеріи въ религіи, для того такія сомнѣнія безусловно неразрѣшимы.

Слабость религіозной точки зрѣнія Н. А. Бердяева, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ очевидна; и для о. Флоренскаго она не представляла бы серьезной опасности, если бы онъ вполнѣ послѣдовательно и твердо стоялъ на точкѣ зрѣнія *догматически опредѣляемаго и опредѣленнаго* объективнаго откровенія. Но, къ сожалѣнію, въ церковныхъ воззрѣніяхъ о. Флоренскаго есть непослѣдовательность, благодаря которой онъ становится беззащитенъ противъ возраженій Н. А. Бердяева, и религіозный субъективизмъ послѣдняго разрастается въ серьезную опасность для него.

Источникъ опасности заключается именно въ вышеуказанной наклонности о. Флоренскаго *къ алогизму*,—въ его увлеченіи тѣмъ моднымъ въ настоящее время теченіемъ религіозной философіи, которое провозглашаетъ непровѣренныя мыслью субъективныя переживанія индивидуальнаго „религіознаго опыта“ высшимъ критеріемъ въ религіи. Онъ дѣлаетъ этому направленію чрезвычайно существенную уступку какъ разъ въ той точкѣ, гдѣ религіозный субъективизмъ долженъ былъ бы встрѣтить наиболѣе сильный отпоръ съ его стороны—*въ ученіи о церкви*; и именно этимъ онъ даетъ возможность Н. А. Бердяеву одержать надъ нимъ легкую побѣду. Какъ мы уже видѣли, когда идетъ рѣчь о вопросахъ христологическихъ или о взаимномъ отношеніи лицъ св. Троицы, о. Флоренскій настаиваетъ на необходимости такихъ „математически точныхъ“ догматическихъ опредѣленій, которыя бы исключали возможность разнорѣчивыхъ религіозныхъ толкованій съ точки зрѣнія „индивидуальнаго религіознаго опыта“. Каковы бы ни были „переживанія“ этого опыта, отъ усмотрѣнія или „вдохновенія“ индивида не зависитъ считать ли Сына Божія „единосущнымъ“ или „подобносущнымъ“, признавать ли въ Немъ одно или два естества, вѣрить или не вѣрить въ нераздѣльность и неслиянность этихъ двухъ естествъ.

Такова же, казалось бы, должна быть точка зрѣнія и на Церковь. И тутъ нужно *твердое догматическое опредѣленіе*, которое научало бы людей различать церковь истинную отъ ложной и полагало бы въ этомъ отношеніи какой-либо предѣлъ субъективному „дерзновенію“. Но, по странной непослѣдовательности, какъ только заходитъ рѣчь о церкви, въ о. Флоренскаго нападаетъ какая-то боязнь мысли; и онъ становится

апологетомъ логической, а въ данномъ случаѣ и догматической безформенности.

Онъ находитъ, что церковь, какъ *полнота* Божественной жизни, „не можетъ быть уложена въ узкій гробъ логическаго опредѣленія". „Пусть,—говоритъ онъ,—ни я, ни другой кто не могъ, не можетъ и, конечно, не сможетъ опредѣлить, что есть церковность! Пусть пытающіеся сдѣлать это оспариваютъ другъ друга и взаимно отрицаютъ формулу церковности! Самая эта неопредѣленность церковности, ея неуловимость для логическихъ терминовъ, ея несказанность не доказываетъ ли, что церковность—это жизнь, особая, новая жизнь, данная человѣкамъ, но, подобно всякой жизни, недоступная разсудку" (стр. 5).

Когда о. Флоренскій говоритъ о догматическихъ опредѣленіяхъ, касающихся другихъ тайнъ,—его не вводитъ въ заблужденіе двусмысленность слова „опредѣленіе". Онъ хорошо знаетъ, что „опредѣлить" догматически—не значитъ *исчерпать* религіозную тайну разсудочною формулою, уложить *ее безъ остатка* въ понятія. Его не смущаетъ примѣненіе къ этимъ тайнамъ такихъ *понятій*, какъ „Существо" „сущность", „Лицо", „естество" и т. п., потому что онъ хорошо понимаетъ, что въ данномъ случаѣ понятія отнюдь не претендуютъ на исчерпывающее выраженіе того, что они обозначаютъ, а играютъ лишь необходимую роль *вѣхъ* для мысли, ограждающихъ опредѣленное содержаніе вѣры противъ возможнаго его смѣшенія съ чѣмъ-либо неистиннымъ или нечистымъ. Почему же, когда идетъ рѣчь о Церкви, онъ отрицаетъ надобность въ этихъ вѣхахъ и считаетъ возможнымъ оставить здѣсь религіозное чувство индивида безо всякой свыше освященной догматической, *мысленной* опоры?

По отношенію къ Церкви онъ замѣняетъ этотъ догматическій критерій эстетическимъ. По его мысли единственнымъ критеріемъ церковности является *красота*. „Да есть,—говоритъ онъ,—особенная красота духовная, и она, неуловимая для логическихъ формулъ, есть въ то же время единственный вѣрный путь къ опредѣленію, что́ православно и что нѣтъ. Знатоки этой красоты—старцы духовные, мастера „художества изъ художествъ", какъ святые отцы называютъ аскетику. Старцы духовные, такъ сказать, „набили руку" въ распознаваніи доброкачественности духовной жизни. Вкусъ православный, православное обличье чувствуется, но оно не подлежитъ ариѳметическому учету; православіе показуется, но не доказуется. Вотъ почему для всякаго, желающаго понять православіе, есть только одинъ способъ,—прямой опытъ православія".

Вотъ тутъ-то и возникаетъ вопросъ: гдѣ же онъ—этотъ *прямой* опытъ, и какъ каждый изъ насъ, несовершенный и грѣшный человѣкъ, отличитъ

его отъ *непрямого?* Разъ одинъ Христосъ—кромѣ грѣха,—непогрѣшимымъ не можетъ быть признанъ даже и опытъ величайшихъ святыхъ. И, наконецъ, гдѣ тѣ святые старцы, „православному вкусу" коихъ я долженъ довѣрять,—въ нашей ли церкви, въ церкви римской, или у раскольниковъ и въ какой именно сектѣ? Если *именно у насъ* въ православіи, то нѣтъ ли тутъ порочнаго круга: вѣдь только отъ „знатоковъ" и „старцевъ" мы знаемъ, гдѣ истинное православіе! Если же мы начнемъ провѣрять опытъ этихъ „знатоковъ" нашимъ несовершеннымъ опытомъ, мы никогда навѣрное и доподлинно не узнаемъ—гдѣ истинный „вкусъ православный"—у старообрядцевъ, у имяславцевъ, у католиковъ или у святѣйшаго синода? Ничего, кромѣ безконечнаго множества противорѣчивыхъ отвѣтовъ эстетическій критерій православія намъ дать не можетъ; зато онъ даетъ возможность Н. А. Бердяеву поставить отцу Флоренскому вопросъ, на который послѣдній не можетъ дать сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта.

„Если церковность есть жизнь въ Духѣ, и есть критерій правильной церковной жизни—Красота, то почему же, напримѣръ, Я. Бёме не въ церковности, почему онъ не въ Духѣ жилъ? По внѣшнимъ, формальнымъ критеріямъ церковности, Я. Бёме былъ лютеранинъ и еретикъ-гностикъ передъ судомъ офиціально-католическаго и православнаго сознанія,—по критеріямъ Духа и Красоты онъ былъ подлинный церковный христіанинъ. Почему по внутреннимъ критеріямъ Духа и Красоты должны быть отлучены отъ церковности и признаны еретиками многіе мистики, люди праведной жизни, подлинной жизни въ Духѣ и Красотѣ, не вмѣщающіеся по критеріямъ внѣшнимъ, формальнымъ, офиціальнымъ"? (Цит. статья, стр. 117). И Н. А. Бердяевъ уличаетъ отца Флоренскаго во внутреннемъ противорѣчіи.

„*Церковность не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ, формальныхъ признаковъ и критеріевъ, она есть жизнь въ Духѣ и Красотѣ.* Это одинъ тезисъ свящ. Флоренскаго. Другой его тезисъ, которымъ онъ пользуется на протяженіи своей книги, звучитъ такъ: *только та жизнь въ Духѣ и Красотѣ религіозно допустима, правильна, оправдана, которая церковна по формальнымъ, внѣшнимъ критеріямъ церковности. Все не православное въ буквальномъ, вѣроисповѣдномъ внѣшне-формальномъ смыслѣ слова подозрительно, нездорово, все прелесть и даже блудъ*" (стр. 117).

Мысль о. Флоренскаго подверглась здѣсь нѣкоторой стилизаціи, но дѣйствительно въ его книгѣ есть колебанія между двумя діаметрально-противоположными критеріями церковности,—*субъективнымъ, эстетическимъ*, перешедшимъ къ нему отъ „новаго" религіознаго сознанія, и *объективнымъ*,—даннымъ самою церковью. Я всецѣло присоединяюсь къ предложенію сдѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ и думаю, что *критерій эстетическій*, какъ рѣшительно не вяжущійся съ „православной

ѳеодицеей“ о. Флоренскаго, долженъ быть предоставленъ всецѣло и исключительно въ собственность Н. А. Бердяеву. На обязанности православнаго богослова лежитъ — ясно осознать и точно формулировать тотъ *объективный критерій* церковности, который далъ бы возможность разобраться въ шаткихъ и противорѣчивыхъ показаніяхъ индивидуальнаго „религіознаго опыта“ и вкуса. Иначе мы рискуемъ утратить самое *сознаніе единства церкви.* Затменіе вселенскаго сознанія и анархія индивидуальныхъ переживаній вмѣсто церковной соборности — таковъ тотъ неизбѣжный логическій конецъ, къ которому приводитъ критерій „православнаго вкуса“. Признаки этой начинающейся анархіи налицо въ „дерзновеніяхъ“ Н. А. Бердяева; къ сожалѣнію, о. Флоренскій не даетъ ему достаточно сильнаго отпора: въ нѣкоторыхъ его положеніяхъ также можно прослѣдить коллизію индивидуальнаго вкуса съ тѣми объективными принципами и нормами, въ коихъ сама Церковь выражаетъ свое пониманіе церковности.

Возьмемъ, напримѣръ, отношеніе о. Флоренскаго къ католицизму: слѣдуя въ этомъ отношеніи славянофиламъ, онъ отрицаетъ самую наличность духовной жизни и, стало быть, церковности у католиковъ. „Тамъ, гдѣ нѣтъ духовной жизни, необходимо нѣчто внѣшнее, какъ обезпеченіе церковности. Опредѣленная должность, папа, или совокупность, система должностей, іерархія,—вотъ критерій церковности для католика“ (стр. 6). Такова оцѣнка католицизма съ точки зрѣнія старыхъ славянофиловъ, къ ученію коихъ примыкаетъ о. Флоренскій (стр. 608). А между тѣмъ нетрудно убѣдиться, что этотъ „вкусъ“ славянофильскій находится въ полномъ противорѣчіи съ вселенскимъ преданіемъ нашей Церкви. Церковь православная признаетъ дѣйствительность всѣхъ католическихъ таинствъ отъ крещенія до рукоположенія; стало быть, въ виду явной недопустимости кощунственной мысли, что церковныя таинства могутъ происходить внѣ церкви, наша церковь тѣми самымъ признаетъ церковь римскую за церковь. Вотъ наглядная иллюстрація той пропасти, которая можетъ существовать въ отдѣльныхъ случаяхъ между *объективно церковнымъ* пониманіемъ церкви и индивидуальнымъ *вкусомъ* отдѣльныхъ, хотя бы и весьма благочестивыхъ православныхъ.

Отцу Флоренскому было бы нетрудно избѣжать этой коллизіи съ церковнымъ преданіемъ, если бы въ своемъ ученіи о церкви онъ слѣдовалъ тому же методу, который онъ съ успѣхомъ примѣнялъ въ другихъ областяхъ религіознаго ученія. Въ его книгѣ глава „О Софіи“, напримѣръ, представляетъ собою весьма удачную попытку осознать и *закрѣпить въ понятіяхъ* то пониманіе „Софіи-Премудрости“ Божіей, которое дѣйствительно выразилось въ жизни Церкви, въ особенности въ ея богослуженіи и иконописи. Тутъ онъ не боится *логизировать* церковный

опытъ; но почему-то, когда заходитъ рѣчь о церкви—его точка зрѣнія радикально мѣняется: тутъ для него „понятіе" означаетъ конецъ духовной жизни!

А между тѣмъ, пониманіе церковности, выразившееся во всей жизни нашей Церкви, въ ея таинствахъ, богослуженіи и въ ея отношеніи къ другимъ церквамъ и религіознымъ обществамъ *можетъ быть логизировано*, т.-е. осознано и выражено въ понятіяхъ въ тѣхъ же предѣлахъ и въ той же мѣрѣ, какъ и ея пониманіе „Софіи" и другихъ религіозныхъ тайнъ. Исчерпать всей полноты духовной жизни Церкви эти понятія, разумѣется, не могутъ; но въ нихъ мы найдемъ *твердые принципы* для отличенія и отдѣленія церковнаго отъ нецерковнаго. Основной, объективный критерій, коимъ церковь распознаетъ то и другое, выразился уже въ Петровомъ исповѣданіи Христа—Сына Бога живаго, которое, по слову Спасителя, стало основоположнымъ камнемъ Церкви (Мато. XVI, 15—18) и въ словахъ апостола Іоанна, который учитъ насъ отличать Духа Божія отъ духа заблужденія (I Іоанн., IV, 23). Критерій этотъ — дѣйствительное, реальное боговоплощеніе — явленіе Христа Сына Божія, пришедшаго во плоти; критерій этотъ, разумѣется, выражается не въ буквѣ, а въ *смыслѣ* священныхъ текстовъ: это—боговоплощеніе, взятое въ его универсальномъ значеніи содержанія и *смысла всей жизни* человѣчества и твари. Не чѣмъ инымъ, какъ соціальнымъ воплощеніемъ Христа Богочеловѣка, Его всемірнымъ тѣломъ хочетъ быть сама Церковь; гдѣ есть это непрерывно дѣйственное боговоплощеніе,—тамъ и она, а внѣ его она—ничто. Здѣсь въ зернѣ—все ученіе Церкви о себѣ самой; въ этомъ—основаніе для включенія въ нее всѣхъ тѣхъ человѣческихъ общинъ, въ которыхъ непрерывно совершается тайна воплощенія; въ этомъ же—основаніе для исключенія изъ нея всѣхъ тѣхъ обществъ, которыя этой тайны не признаютъ или по какимъ-либо другимъ основаніямъ ею не обладаютъ!

Съ этимъ тѣсно связанъ и тотъ *формальный* признакъ, которымъ Церковь отличаетъ себя отъ всякихъ иныхъ чисто-человѣческихъ организацій. Боговоплощеніе въ Церкви совершается непрерывно чрезъ таинства, а властью совершать таинства обладаютъ лишь апостолы и ихъ преемники, ими рукоположенные: поэтому „лишь та Церковь можетъ быть средою дѣйствительнаго боговоплощенія, *тѣломъ Христовымъ*, которая *обладаетъ преемствомъ апостольскимъ*. Такимъ образомъ, *безусловно невѣрно* утвержденіе о. Флоренскаго, будто понятіе Церкви неопредѣлимо. Оно опредѣляется *догматически* самою Церковью, которая въ символѣ вѣры называетъ себя „соборною и апостольскою"; церковь, стало быть, опредѣляетъ себя *ясными логическими терминами*, дающими возможность въ рядѣ случаевъ точно отличить церковное отъ нецерковнаго. И эти опредѣленія, эти внѣшніе *формальные* признаки, хотя и

не исчерпываютъ и не претендуютъ исчерпать жизненнаго содержанія Церкви,—однако необходимо *логически вытекаютъ* изъ этого содержанія, образуютъ вмѣстѣ съ нимъ одно неразрывное цѣлое. Боговоплощеніе, богочеловѣчество, обоженіе человѣчества, таинства, іерархи—мистагоги, эти *человѣческіе посредники* въ богочеловѣческой мистеріи, совершающейся въ церкви—все это различныя выраженія одного и того же *смысла*, звенья одной неразрывной *жизненной и вмѣстѣ логической системы*: ибо логическое и жизненное въ Церкви—одно и то же. Отсюда ясно, насколько неоснователенъ страхъ о. Флоренскаго опредѣлять церковь *понятіями:* и соборность, и апостольство, и преемство, — все это *понятія,* не только опредѣлимыя, но и *строго опредѣленныя*: каждый, знающій церковное ученіе, можетъ точно передать ихъ значеніе, и Церковь, которая ничего не знаетъ объ „эстетическомъ" критеріи о. Флоренскаго, не боится выражать имъ свою жизненную сущность. Если намъ скажутъ, что тѣ догматическія опредѣленія, какія даетъ себѣ церковь, неполны и несовершенны, что ими оставляются безъ достаточнаго отвѣта многіе вопросы, касающіеся церкви, напримѣръ, вопросъ объ основаніяхъ и предѣлахъ догматической авторитетности соборныхъ постановленій, то это будетъ не возраженіемъ противъ высказаннаго здѣсь, а указаніямъ на необходимость новыхъ догматическихъ опредѣленій и, стало быть, новой задачи церковной мысли. Указывать на неполноту существующаго опредѣленія—значитъ не отрицать его существованіе, а требовать его восполненія. Во всякомъ случаѣ—требовать опредѣленія церковности въ терминахъ слова и мысли—значитъ *утверждать ее*, а не погрѣшать противъ нея. Разъ Слово, ставшее плотью, само выразило себя на человѣческомъ языкѣ, сочетало себя съ человѣческимъ словомъ и мыслью, оно тѣмъ самымъ освятило то и другое. И суетный страхъ передъ мыслью долженъ быть оставленъ. Тотъ *алогизмъ*, который отрицаетъ воплотимость Слова Божія въ словѣ и мысли человѣческой, тѣмъ самымъ погрѣшаетъ противъ тайны боговоплощенія; поэтому онъ, какъ и множество другихъ заблужденій, долженъ быть отсѣченъ во имя критерія боговоплощенія.

Для насъ въ особенности важно установить здѣсь, что этотъ критерій, которымъ распознается христіанское отъ нехристіанскаго, церковное отъ нецерковнаго—*не трансцендентенъ, а имманентенъ мысли*, т.-е. въ немъ мы имѣемъ критерій не только жизненный, но и логическій. Разъ въ Церкви совершается обоженіе всего человѣческаго естества,—оно переживается и самою мыслью; мысль становится божеской, не переставая быть человѣческою. А потому никакого нарушенія *ея законовъ* т.-е. законовъ логическихъ отъ нея въ этомъ актѣ обоженія не требуется: то сверхчеловѣческое, Божественное, что она призвана въ себѣ выразить, есть *совершеніе, а не упраздненіе логическаго.*

Логизмъ есть какъ разъ одно изъ характерныхъ отличій церковнаго пониманія религіи отъ именующаго себя *новымъ* религіознаго сознанія. Между тѣмъ, какъ Н. А. Бердяевъ учитъ принимать „интуиціи" религіознаго опыта безо всякаго мысленнаго испытанія и разсмотрѣнія, критерій св. Іоанна, которымъ руководствуется церковь, подчиняетъ всякія „откровенія" субъективнаго опыта *суду дискурсивной мысли*. „Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они: потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ" (I Іоан., IV, 1).

Смыслъ этихъ словъ какъ нельзя болѣе ясенъ: всякій духъ, какъ чужой, такъ и нашъ собственный, долженъ быть подвергнутъ мысленному испытанію путемъ сопоставленія его показаній съ явленіемъ Христа, пришедшаго во плоти. Дѣлать такъ—значитъ не довольствоваться свидѣтельствами „вкуса православнаго", а подвергать эти свидѣтельства строжайшей критикѣ; все то, что по изслѣдованіи окажется въ явномъ и непримиримомъ противорѣчіи съ тайной боговоплощенія, должно быть потому самому отвергнуто. Критерій св. Іоанна содержитъ въ себѣ непремѣнное требованіе, *чтобы Богочеловѣчество было началомъ логической связи всѣхъ нашихъ мыслей о вѣрѣ*. И въ осуществленіи этого требованія заключается то мысленное предвареніе Ѳаворскаго свѣта, которое составляетъ высшую задачу человѣческаго ума.

На этомъ я могу кончить; но въ заключеніе мнѣ хочется повторить еще разъ, что моя критика исходитъ изъ положительнаго и глубоко сочувственнаго отношенія къ книгѣ о. Флоренскаго: смыслъ ея сводится къ пожеланію, чтобы о. Флоренскій *до конца* продумалъ ту глубокую мысль, которая лежитъ въ основѣ его книги. Воистину свѣтъ Ѳаворскій не есть мимолетное явленіе, а *непреходящая дѣйствительность*, въ которой находятъ въ себѣ исцѣленіе всѣ наши земные грѣхи, страданія, противорѣчія; и свѣтитъ онъ не только *по ту сторону* вселенной, но „просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ" (Іоанна I, 9). А потому уже здѣсь, *въ этой* жизни зачинается то всеобщее преображеніе, которое завершится и станетъ явнымъ въ будущемъ воскресеніи всей твари. Уже здѣсь по молитвѣ апостоловъ Христосъ сошолъ съ горы и явилъ на дѣлѣ исцѣленіе бѣсующейся жизни. Не тѣлесное только исцѣленіе несетъ съ собою этотъ идущій сверху свѣтъ ѳаворскій, но и духовное: весь составъ человѣка долженъ возстановить въ немъ свою утраченную цѣлость—и духъ, и тѣло, и сердце, и умъ. Всѣмъ естествомъ своимъ онъ долженъ участвовать въ этомъ восхожденіи на гору, а, стало быть, и мыслью: развѣ мысль наша не раздѣляетъ общую участь той грѣховной жизни, которая періодически бѣсуется „и часто страдаетъ: ибо часто бросается въ огонь и часто въ воду"? (Мато. XVIII, 15). Лишь „по невѣрію" своему апостолы не могли исцѣлить этихъ противорѣчій въ жизни. Такъ же точно,—лишь „по

невѣрію“ нашему остаются неисцѣленными тѣ противорѣчія мысли, которыя выражаются въ многообразныхъ ея скачкахъ и метаніяхъ.

Полная, возвысившаяся надъ сомнѣніями, вѣра должна возвѣщать то всеобщее исцѣленіе, которое выражается не только въ преображеніи сердца, не только въ одухотвореніи плоти, но и въ просвѣтленіи ума. Въ этомъ откровеніи святыхъ подвижниковъ нашей Церкви заключается исполненіе чаяній русской религіозной мысли. Въ немъ и отецъ Флоренскій нашелъ свой „Столпъ и утвержденіе истины“. Пожелаемъ же ему и дальше строить на этомъ основаніи, столь хорошо и крѣпко положенномъ.

Кн. Евгеній Трубецкой.

Семейство Бакуниныхъ. [1])

(По неизданнымъ источникамъ.)

XXXII.

Зима 1839—1840 г.—Дружба Мишеля съ братомъ Павломъ.—Плохое настроеніе духа Мишеля и разсѣянный образъ жизни въ Москвѣ.—Московскіе кружки и салоны.—Отношеніе Бакунина къ Чаадаеву и Кирѣевскимъ.—Сближеніе его съ кружкомъ Герцена и Огарева.—Споры Бакунина и Бѣлинскаго съ Герценомъ о „разумной дѣйствительности".—Когда произошло знакомство Герцена съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ?—Рѣшеніе Мишеля не откладывать долѣе свою поѣздку въ Берлинъ.—Обращеніе его къ отцу въ письмѣ отъ 23 марта 1840 г.—Письмо его къ Татьянѣ Александровнѣ.—Отвѣтъ Александра Михайловича.—Предложеніе помощи со стороны Герцена и письмо къ нему Бакунина 20 апрѣля 1840 г.—Отношеніе Бѣлинскаго къ предпріятію Мишеля въ письмѣ безъ даты.—Приглашеніе Бакунина къ болѣе дѣятельному сотрудничеству въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Зиму 1839—1840 года Михаилъ Бакунинъ прожилъ въ Москвѣ, пріѣхавъ туда въ самомъ концѣ ноября 1839 г. (почти прямо изъ Петербурга—съ кратковременнымъ лишь заѣздомъ въ Премухино) и пробывъ тамъ почти безвыѣздно [2]) до апрѣля 1840 года. Эту зиму онъ жилъ преимущественно съ младшими братьями, уже поступившими въ университетъ, и съ ихъ товарищемъ Константиномъ Беромъ, младшимъ братомъ Натальи Александровны. Изъ братьевъ своихъ Мишель въ это время особенно сблизился съ Павломъ, съ которымъ у него образовались дружескія отношенія еще съ весны 1839 г. Сохранилось въ архивѣ письмо Михаила Бакунина къ Павлу отъ 12 февраля 1839 г. изъ Премухина, которымъ опредѣленно отмѣчается начало интимныхъ отношеній между двумя братьями, развившихся впослѣдствіи особенно сильно и ярко проявившихся во время заграничной жизни Мишеля. Вотъ это письмо: [3])

---

[1]) *Продолженіе*. См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. III, IV.

[2]) За исключеніемъ кратковременной отлучки въ Шашкино въ январѣ 1840 г.

[3]) Письма этого не было въ архивѣ. Оно нашлось впослѣдствіи въ старомъ бумажникѣ Павла Александровича, совершенно порыжѣвшее и полуистлѣвшее. Очевидно, Павелъ Александровичъ, особенно дорожа этимъ письмомъ, постоянно носилъ его при себѣ.

„Понедѣльникъ, кажется 12 февраля 1839 г. Премухино.

„Милый Пашенька! Позанявшись немного греческимъ языкомъ, я легъ на диванѣ для того, чтобъ подумать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ; какъ вдругъ вошла ко мнѣ Настасья Константиновна и принесла мнѣ разныя бумажки, оставленныя вами [1]). Между ними я нашелъ твои записки и началъ машинально читать ихъ. Потомъ сталъ мало по малу вчитываться въ нихъ, и вдругъ совершенно очутился въ тебѣ, въ твоихъ вопросахъ, мученіяхъ, сомнѣніяхъ. Нѣтъ, другъ, я до сихъ поръ не зналъ тебя и только что съ тобой познакомился. Я не думалъ, чтобы твои вниканія въ себя могли принять такой важный, разумный характеръ. Это уже не ребячество—въ твоихъ запискахъ выговорена глубокая потребность жизни и глубокое страданіе неудовлетворенной потребности. И, *знаешь*-ли, Паша,—ты съ перваго раза попалъ на то, въ чемъ заключается разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и всѣхъ сомнѣній. Ты требуешь *вѣры* и *любви* и ты не находишь ихъ въ себѣ... Другъ! мы родились въ черное время, гдѣ внѣшній міръ не только что не можетъ дать намъ того, что намъ надобно, но, напротивъ, рождаетъ сомнѣніе, дѣлаетъ смѣшнымъ законность самого вопроса. Другъ! Я не могу еще дать тебѣ совершенно того, что тебѣ надобно, но я много, много пережилъ, перестрадалъ. Я также жажду любви и вѣры; — въ нихъ и въ *надеждѣ* на нихъ вся жизнь моя. Дай же руку, мы поймемъ другъ друга;—когда мы будемъ вмѣстѣ, тогда ты не скажешь: *я одинъ*.

„Любовь между двумя человѣками есть уже присутствіе Бога въ нихъ, и эта Любовь будетъ предтечею всеобщей любви въ насъ. Другъ, будь откровененъ со мною. Во мнѣ много болѣзней, много тѣни и мало свѣту, но во мнѣ сильна вѣра въ воскресеніе, и я передамъ тебѣ эту вѣру вмѣстѣ съ моею жизнію. Будемъ же любить другъ друга, перестанемъ быть другъ для друга внѣшними и будемъ искать рука объ руку того, что составляетъ сущность жизни, и безъ чего нѣтъ жизни,— Вѣры и Любви просимъ мы! Она дастся намъ—это вѣрно, это несомнѣнно.

„Паша,—и такъ, дай мнѣ руку, братъ и другъ, на истинную дружбу,—а истинная дружба не терпитъ никакой внѣшности.

„Я написалъ тебѣ, потому что говорить труднѣе. Ты отвѣть мнѣ въ Москву“.

Пріѣхавъ изъ Петербурга въ концѣ ноября 1839 г., Мишель, какъ я уже сказалъ, поселился съ братьями студентами и Константиномъ Бееромъ. Сестры переслали ему его библіотеку; но занятія его въ это время шли, повидимому, плохо. Онъ былъ въ дурномъ состояніи духа.

Переѣхавшій въ это время въ Москву съ молодой женой Огаревъ,

---

[1]) Мальчики пріѣзжали изъ Твери на масляную.

описывая новыхъ знакомыхъ своихъ, писалъ о Бакунинѣ Герцену: „Бакунинъ погружается въ философію Гегеля, когда одинъ, но коль скоро съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, то погружается въ шахматную игру, — такъ, что уже не слышитъ, что говорятъ"... Это было такъ мало похоже на прежнія привычки Мишеля, что могло свидѣтельствовать, конечно, лишь о „разорванномъ настроеніи", въ которомъ находился его духъ. Игра въ шахматы вмѣсто бесѣдъ и проповѣдей—это для Мишеля было все равно, что запой или кутежи съ отчаянія для другого. Впрочемъ, какъ мы видѣли, если и не кутежи въ прямомъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ веселое и разсѣянное времяпровожденіе было тоже въ большомъ ходу въ это время въ московскихъ кружкахъ, въ которыхъ вращался Мишель. Музыкальные вечера съ обильными и вкусными ужинами у Боткина, спектакли и вечера у Огаревыхъ, частое посѣщеніе театровъ—все это мало соотвѣтствовало вкусамъ и взглядамъ Мишеля, и онъ недаромъ писалъ Станкевичу, что боится опошлиться въ этой атмосферѣ московской жизни. Иной характеръ имѣли дневные журфиксы у Чаадаева (по понедѣльникамъ) и вечера у Кирѣевскихъ (по средамъ), гдѣ процвѣтали бесѣды и диспуты на различныя, часто и философскія темы. Но здѣсь Мишель бывать не любилъ: у Чаадаева была слишкомъ чопорная для него обстановка, гдѣ онъ не могъ себя чувствовать свободно; у Кирѣевскихъ же, на-ряду съ друзьями Бакунина—Боткинымъ, Аксаковымъ, Грановскимъ и новыми, только что пріѣхавшими изъ-за границы одновременно съ Грановскимъ, молодыми профессорами Крюковымъ и Рѣдкинымъ, — бывали и старые пріятели Кирѣевскихъ—Погодинъ, Шевыревъ, Хомяковъ и Языковъ, съ которыми у членовъ кружка Станкевича, особенно же у Бѣлинскаго и Бакунина, давно уже сложились опредѣленно враждебныя отношенія. Бакунинъ и теперь—послѣ прекращенія *Московскаго Наблюдателя* и отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ — не только чувствовалъ къ этому кружку прежнее враждебное отношеніе, но и считалъ необходимымъ поддерживать *принципіально* непримиримое отношеніе къ нему. Въ одномъ письмѣ Грановскій жаловался на эту нетерпимость Мишеля Станкевичу.—„Вчера у насъ была,—писалъ онъ 15 февраля 1840 г.,—схватка съ Бакунинымъ. Онъ далъ мнѣ понять, что я дурно дѣлаю, посѣщая общество Кирѣевскихъ. Странный человѣкъ! Я понимаю теперь, что Боткинъ и Бѣлинскій называютъ его абсолютистомъ"... И дальше онъ пишетъ: „Я хорошо знаю слабыя стороны Кирѣевскихъ; ихъ убѣжденія не сходны съ моими; я считаю ихъ даже вредными—и въ данномъ мнѣ кругу дѣятельности борюсь съ ними. Какъ преподаватель я всегда буду нападать на подобныя мнѣнія; какъ писатель (если буду писать) также,—но какъ частный человѣкъ я съ удовольствіемъ бываю у нихъ. Что ни говори—они люди образованные, мыслящіе (хотя и вкось), съ

глубокими интересами и высокой честности,—не въ пошломъ смыслѣ"... И надо сказать, что въ сущности въ тотъ моментъ дѣло вѣдь шло—въ особенности для Бакунина—вовсе не о разницѣ въ политическихъ взглядахъ. Въ этомъ отношеніи во взглядахъ Мишеля было гораздо меньше разницы съ Кирѣевскими и ихъ кругомъ, нежели у Грановскаго; Грановскій тогда гораздо опредѣленнѣе стоялъ на точкѣ зрѣнія западническаго либерализма, нежели Мишель, который еще очень могъ, на равнѣ съ Кирѣевскимъ, порицать французскій либерализмъ и романтизмъ. Для Бакунина дѣло тутъ шло скорѣе о разницѣ въ философско-религіозныхъ воззрѣніяхъ, а она то и открывала ему возможность къ самымъ интереснымъ диспутамъ, до которыхъ онъ прежде былъ такой охотникъ и въ которыхъ всегда признавался однимъ изъ самыхъ сильныхъ и мастерскихъ діалектиковъ. Поэтому я думаю, что отрицательное отношеніе его въ 1839 — 1840 гг. къ диспутамъ на вечерахъ у Кирѣевскихъ наравнѣ съ новымъ пристрастіемъ къ шахматной игрѣ, о которомъ свидѣтельствовалъ Огаревъ, показывали лишь, что онъ пришелъ въ то „разорванное состояніе духа", на которое онъ самъ неоднократно въ то время указывалъ. Это состояніе духа происходило въ немъ главнымъ образомъ отъ сознанія необходимости для дальнѣйшаго самостоятельнаго движенія въ сферѣ изученія философіи и достиженія того знанія, къ которому онъ стремился, поѣхать за границу и отсутствія всякихъ средствъ для осуществленія этой поѣздки.

Какъ бы то ни было, отказываясь отъ всякаго общенія съ салонами Кирѣевскихъ и Чаадаева, Бакунинъ гораздо охотнѣе посѣщалъ въ это время кружокъ старинныхъ друзей Герцена, группировавшихся теперь вокругъ Огарева, несмотря на то, что этотъ кружокъ, по своимъ воззрѣніямъ, казалось бы, былъ въ тотъ моментъ еще дальше отъ Бѣлинскаго и Бакунина, нежели Кирѣевскіе. Тѣмъ не менѣе здѣсь скоро произошло сближеніе, начавшееся, кажется, черезъ Кетчера, который былъ близокъ въ прежнее время съ Герценомъ и его друзьями, а въ періодъ ихъ ссылки близко сошелся съ Бѣлинскимъ и другими, остававшимися въ Москвѣ, членами кружка Станкевича. Можетъ быть, сближеніе облегчалось тутъ еще тѣмъ, что члены обоихъ этихъ кружковъ были люди одного поколѣнія, тогда какъ въ кружкѣ Кирѣевскихъ тонъ давали лица, принадлежавшія къ болѣе старымъ формаціямъ московской интеллигенціи. Какъ бы то ни было, но уже весной 1840 года Бакунинъ былъ на ты и съ Герценомъ и съ Огаревымъ.

Теперь чрезвычайно трудно установить, гдѣ и какъ состоялось первое знакомство Герцена съ Бакунинымъ и въ особенности съ Бѣлинскимъ. Съ одной стороны, по датамъ по крайней мѣрѣ офиціальнаго выѣзда Герцена изъ Владиміра и по перепискѣ Бѣлинскаго съ Боткин-

нымъ [1]) выходитъ, что Герценъ могъ встрѣтиться съ Бѣлинскимъ только въ Петербургѣ—зимой 1839—1840 г.: съ другой стороны, самъ Герценъ совершенно опредѣленно разсказываетъ, что знакомство съ Бѣлинскимъ и первые горячіе споры между ними о разумной дѣйствительности и существующемъ строѣ, въ которыхъ принималъ участіе и Бакунинъ, происходили въ Москвѣ, передъ отъѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ. Разсказывая о своемъ знаменитомъ спорѣ съ Бѣлинскимъ о разумной дѣйствительности и русскомъ самодержавіи, который закончился тѣмъ, что Бѣлинскій прочелъ Герцену, какъ бы дразня его, „Бородинскую годовщину" Пушкина, Герценъ писалъ:

...„Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ; кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинская годовщина".

„Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми"...

Всѣ эти сцены, описанныя неподражаемымъ перомъ Герцена, такъ живо встаютъ передъ нами, что не можетъ прійти въ голову никакого сомнѣнія относительно вѣрности и точности ихъ изображенія. А между тѣмъ, по точнымъ документальнымъ даннымъ, все это не могло происходить вполнѣ такъ, какъ описываетъ Герценъ. Если даже допустить—что, повидимому, не согласуется съ данными, сообщенными въ письмахъ Бѣлинскаго къ Боткину,—что Герценъ познакомился и вступилъ въ первые споры съ Бѣлинскимъ еще въ Москвѣ, куда онъ могъ наѣзжать (и дѣйствительно наѣзжалъ) изъ Владиміра incognito, еще до офиціальнаго окончанія своей ссылки,—то тогда въ этихъ спорахъ не могъ принимать никакого участія Бакунинъ, ибо мы точно знаемъ, что во время отъѣзда Бѣлинскаго изъ Москвы (20 октября 1839 г.) Бакунинъ находился въ Петербургѣ (съ 16 іюля по 14 ноября 1839 г.).

Эти свои воспоминанія Герценъ писалъ уже въ началѣ 50-хъ годовъ, и, разумѣется, къ тому времени въ памяти его многое могло обобщиться и принять въ значительной мѣрѣ видоизмѣненныя формы. Вѣроятно, такъ было и въ этомъ случаѣ. Споры, которые Герцену

---

1) *Пыпинъ*. „Бѣлинскій, его жизнь и переписка". II, стр. 15, 41, 79, 80 (1 изд.).

пришлось вести, можетъ быть, и порознь съ Бѣлинскимъ и съ Бакунинымъ, впослѣдствіи соединились у него въ памяти, и онъ представилъ ихъ въ видѣ законченныхъ художественно воспроизведенныхъ сценъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій въ декабрѣ 1839 и въ началѣ 1840 г. еще очень враждебно упоминаетъ о Герценѣ [1]) и находитъ встрѣчи съ нимъ даже для себя нежелательными [2]), тогда какъ Бакунинъ сходится именно въ это время и съ Огаревымъ и съ Герценомъ уже по-пріятельски.

Стремленіе Бакунина уѣхать во что бы то ни стало за границу доходитъ въ это время до апогея. Страхъ опошлиться доходитъ въ немъ въ это время до того, что онъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ Татьянѣ Александровнѣ,—которое мы приведемъ ниже,—что если ему не удастся достать средствъ на поѣздку въ Берлинъ и въ этотъ разъ, то онъ твердо рѣшилъ во всякомъ случаѣ уѣхать изъ Москвы и въ крайнемъ случаѣ надѣть опять военный мундиръ и отправиться на Кавказъ, но не прозябать долѣе въ Москвѣ или Премухинѣ въ бездѣятельномъ состояніи.

Въ такомъ настроеніи онъ рѣшается, несмотря на враждебное отношеніе, въ которомъ онъ вновь находился по возвращеніи изъ Петербурга съ родителями, [3])—обратиться къ отцу съ просьбой дать ему средства на заграничную поѣздку.

Въ огромномъ, весьма обстоятельномъ и обдуманномъ письмѣ къ отцу отъ 23 марта 1840 г., послѣ весьма дипломатическаго вступленія, гдѣ онъ упоминаетъ о всѣхъ ранѣе бывшихъ недоразумѣніяхъ между нимъ и родителями, Мишель превосходно аргументируетъ свою просьбу, видимо стараясь стать на точку зрѣнія, наиболѣе понятную и пріемлемую для его отца:

„...Я болѣе и болѣе сознаю необходимость выйти изъ неопредѣленности своего внѣшняго, а слѣдовательно и внутренняго положенія и выбрать такой родъ дѣятельности, который, давъ мнѣ вѣрный кусокъ хлѣба и званіе въ обществѣ, позволилъ бы мнѣ быть вмѣстѣ и полезнымъ моему отечеству,—полезнымъ по мѣрѣ силъ моихъ. Я ужъ вышелъ изъ той экзальтаціи, которая меня заставляла думать, что человѣкъ можетъ безнаказанно оторваться отъ всѣхъ общественныхъ условій и вслѣдствіе которой всякая опредѣленность казалась мнѣ стѣсненіемъ безконечности внутренняго міра человѣка“...

Упомянувъ затѣмъ, что онъ не хочетъ удовольствоваться званіемъ

---

[1]) *Пыпинъ*, назв. сочин., II, стр. 15 и 41.

[2]) Тамъ же, стр. 15. Срав. „П. В. Анненковъ и его друзья“, Спб., 1892 г. „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“, стр. 76 и 77.

[3]) Изъ-за вопроса о предстоящемъ выходѣ замужъ сестры его Александры Александровны за Боткина, интересы котораго онъ тогда отстаивалъ (см. предыдущую главу, *Русская Мысль*, 1914 г., кн. IV).

простого учителя, такъ какъ оно очень мало можетъ его обезпечить и не дать ему того положенія въ обществѣ, на которое онъ считаетъ себя въ правѣ разсчитывать и по своему званію и по своему воспитанію, онъ продолжалъ такъ: „Итакъ мнѣ предстоитъ теперь выборъ такого рода дѣятельности, которая бы соотвѣтствовала направленію моего духа и моимъ внутреннимъ и внѣшнимъ средствамъ. Мнѣ предстоитъ выборъ между хозяйствомъ, военною, гражданскою или ученою службою..."

Ставъ, такимъ образомъ, сразу на ту самую точку зрѣнія, на которой стоялъ Александръ Михайловичъ въ своемъ письмѣ къ нему, отправленномъ въ Петербургъ еще въ сентябрѣ 1839 г., [1]) Мишель старался и дальше говорить на одномъ языкѣ со своими родителями. Несмотря на это, письмо его не потеряло въ искренности и силѣ внутренняго убѣжденія; изъ каждой строчки его видно, что онъ защищаетъ свой кровный, жизненный интересъ:

„...Я знаю, какъ вы желаете, любезные родители,—писалъ онъ дальше,—чтобъ я занялся хозяйствомъ,—я понимаю и чувствую, что единственный источникъ вашего желанія есть благосостояніе дѣтей вашихъ, — благосостояніе, которому вы посвятили большую часть своей жизни. Я чувствую, какъ законно ваше требованіе, любезный Батюшка, и какъ непонятно и странно должно вамъ казаться, что я отстраняюсь отъ исполненія его,—вамъ, которые по требованію вашей матери оставили и свою карьеру и блистательную будущность, для того чтобъ зарыться на всю жизнь въ деревнѣ. Я вполнѣ чувствую, какъ велика была жертва, принесенная вами семейству: — но позвольте мнѣ замѣтить одно, Батюшка: когда вы рѣшились удалиться въ деревню, для того чтобъ исключительно заниматься хозяйствомъ, тогда внутреннее развитіе ваше уже достигло своего дѣйствительнаго совершенія; вы уже много знали, видѣли, испытали и потому имѣли въ своей внутренней жизни крѣпкую опору и вѣрное убѣжище отъ всѣхъ суетъ и часто тяжелыхъ отрицаній жизни. Я понимаю, что вамъ тяжело, очень тяжело было оторваться отъ карьеры, которую вы любили, и отъ будущности, на которую вы имѣли полное право надѣяться, и что, сдѣлавъ это, вы принесли огромную жертву семейству, но съ другой стороны, мнѣ кажется, что жертва эта была для васъ возможна, потому что вы уже были тогда крѣпкимъ, дѣйствительнымъ человѣкомъ, съ широкою и опредѣлившеюся внутреннею жизнію.

„Мое положеніе, любезные Родители, совершенно другое. Въ душѣ моей еще ничто не уложилось, она не достигла еще того крѣпкаго и гармоническаго порядка, который составляетъ необходимое условіе внутренней дѣйствительности; но смотря на мою сильную, надъ всѣмъ дру-

---

[1]) См. главу XXXI, *Русская Мысль*, 1914 г., кн. IV.

гимъ преобладающую потребность знать, я еще очень мало знаю. Вы, можетъ быть, скажете, что я самъ виноватъ въ этомъ; я не стану спорить, любезные Родители, напротивъ, я соглашусь съ вами, что я самъ много виноватъ въ неопредѣленности своего положенія, я знаю это и хочу употребить всевозможныя средства, для того чтобъ возвратить утраченное и поправить испорченное. Я предвижу, что вы мнѣ скажете, что исполненіе обязанностей есть лучшее средство къ достиженію того внутренняго мира, той внутренной дѣйствительности, къ которымъ я стремлюсь, и что обязанности сына и брата принадлежатъ къ священнѣйшимъ обязанностямъ человѣка. Да, любезные Родители, не только холодный и желѣзный долгъ, но и любовь къ вамъ, къ сестрамъ и братьямъ,—любовь, которую вы отрицаете во мнѣ, но которая пребываетъ въ душѣ моей,—должна бы была также заставить меня согласиться на исполненіе вашего желанія. Быть дѣятельнымъ помощникомъ вашимъ въ устроеніи семейнаго благосостоянія, сколько-нибудь вознаградить васъ трудами своими за всѣ пожертвованія, принесенныя вами семейству, и доказать вамъ тѣмъ, что моя любовь къ вамъ не пустыя слова, но живое чувство; быть опорою сестеръ, которыя мнѣ дороже всего въ мірѣ, и братьевъ, съ которыми я также тѣсно связанъ,—о, я понимаю, какъ великъ и какъ благороденъ этотъ подвигъ, сколько въ немъ можетъ быть отрады и внутренняго счастья, неразрывно связаннаго съ чувствомъ исполненнаго долга и доказанной, осуществленной любви. И такъ, спросите вы меня, если я такъ хорошо понимаю всю святость семейной обязанности, чтожъ удерживаетъ меня отъ исполненія ея?—Любезные Родители, у меня можетъ быть только одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, отвѣтъ, который я вамъ часто повторялъ и удовлетворительность котораго вы никогда не хотѣли признать; *меня удерживаетъ и связываетъ моя безграничная потребность знанія—потребность, составляющая коренную основу и внутреннѣйшую сущность всего моего духовнаго существованія.* Я знаю, вы не вѣрите этой потребности, вы видите въ ней фразу, пустую претензію, и еслибъ было возможно не упоминать объ ней, то я не сказалъ бы объ ней ни слова. Тяжело, мучительно тяжело открывать свой задушевный внутренній міръ, когда знаешь, что тотъ, передъ кѣмъ обнаруживаешь его, не вѣритъ и видитъ громкія и пустыя фразы въ самыхъ искреннихъ движеніяхъ души,—и я постараюсь быть по возможности короче, для того чтобы не утомить вашего вниманія. Батюшка, неужели потребность, нисколько не уменьшившаяся въ продолженіе четырехъ лѣтъ постоянной и трудной работы, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ усиляющаяся во мнѣ,—не есть дѣйствительная потребность? Неужели пустая, фразерская претензія могла заставить меня отказаться отъ всѣхъ внѣшнихъ наслажденій и удобствъ свѣта, для того чтобъ съ утра до вечера сидѣть за занятіями, которыя бываютъ

иногда очень тяжелы, потому что военное воспитаніе и моя прежняя лѣнь оставили огромные пробѣлы въ моихъ познаніяхъ? Откуда же во мнѣ эта несокрушимая вѣра въ возможность побѣжденія всѣхъ предстоящихъ мнѣ трудностей и въ достиженіе моей единственной цѣли,— истиннаго и дѣйствительнаго знанія,—если она не внушается мнѣ безграничною любовію и потребностію знанія? — Вы мнѣ нѣсколько разъ говорили, любезные Родители, что я не хочу служить и хозяйничать единственно только изъ эгоизма и изъ лѣни. Но эгоизмъ и лѣнь не состоятъ ли именно въ томъ, что, избѣгая всякаго труда и всякаго самоотрицанія, человѣкъ старается пользоваться всѣми внѣшними удобствами и благами жизни? Путь же, избранный мною, требуя безпрерывнаго труда и абсолютнаго самоотрицанія, представляетъ мало внѣшнихъ удобствъ и мало средствъ для наслажденія внѣшними благами жизни.

„Вы, можетъ быть, скажете, что, нисколько не отрицая и не осуждая моей потребности знанія, вы осуждаете ее только, когда она становится крайностію и заглушаетъ собою всѣ другія, необходимыя движенія души; что наука не должна занимать всего моего времени, что она должна быть соединена съ другими, важнѣйшими занятіями хозяйства или службы, и изъ исключительнаго занятія превратиться въ отдохновеніе отъ ежедневныхъ трудовъ.—Любезные Родители, я не отрицаю возможности такого раздѣленія для другихъ, но чувствую, знаю, что я самъ не могу такимъ образомъ разрываться. Еслибъ я сталъ заниматься хозяйствомъ или службою, то это поглотило бы все мое время; я чувствую, что если моя внѣшняя дѣятельность не будетъ соотвѣтствовать моей внутренней жизни, то ни въ первой, ни во второй не будетъ никакого толку. Я долженъ быть весь въ своей дѣятельности, для того чтобы достигнуть дѣйствительнаго результата; заниматься хозяйствомъ или службою только для формы и безъ живого участія въ дѣлѣ я не въ состояніи, потому что считаю такое занятіе въ высшей степени недобросовѣстнымъ и неблагороднымъ; посвятивъ же себя хозяйству или службѣ, я долженъ буду совершенно отказаться отъ науки, потому что, кромѣ того, что наука требуетъ всего человѣка, въ моихъ познаніяхъ, какъ я вамъ уже сказалъ выше, такъ много пробѣловъ, что только совершенно исключительныя занятія могутъ пополнить ихъ. — И такъ, скажете вы, если наука и хозяйство несовмѣстимы, то я долженъ бросить науку для того, чтобъ исключительно посвятить себя хозяйству и исполнить тѣмъ священный долгъ сына и брата. Любезные Родители, я понимаю всю законность вашего требованія и знаю, что признаніе мое болѣе укрѣпитъ васъ въ убѣжденіи, что я не болѣе, какъ холодный и своекорыстный эгоистъ; но я долженъ выговорить передъ вами то, что я чувствую; я не могу, не въ силахъ оторваться отъ науки; ни-

сколько не выдавая моей неограниченной привязанности къ ней за добродѣтель и за достоинство, я вамъ говорю просто, что безъ нея жизнь для меня не имѣетъ никакого значенія, что оторвавшись отъ нея, я оторвусь отъ единственнаго источника своей нравственной и духовной жизни и утрачу все, что во мнѣ есть силы, жизни и вѣры въ жизнь. Можетъ быть эта безусловная привязанность къ наукѣ не болѣе, какъ болѣзненный запой, но вы знаете, любезные Родители, что прекращеніе пьянства для того, кто ужъ привыкъ пить запоемъ, бываетъ почти всегда смертельнымъ. Но нѣтъ, моя потребность знанія не есть безсмысленный запой, нѣтъ, она благородная, чистая, святая потребность,—потребность, наполняющая душу мою и любовію, и вѣрою, и силами для перенесенія всевозможныхъ отрицаній и противорѣчій жизни. Она не заглушаетъ во мнѣ другихъ человѣческихъ чувствъ, но, напротивъ, пробуждаетъ ихъ;—и если мои поступки бывали иногда не хороши, если я поступалъ иногда безнравственно, то это не вслѣдствіе моей потребности знанія, но вслѣдствіе заглушенія ея другими нечистыми движеніями моей страстной и грубой натуры. Если бы вы знали, любезные Родители, какое было внутреннее состояніе моего духа при выходѣ моемъ изъ училища, тогда бы вы сами убѣдились, что потребность знанія была моимъ спасеніемъ. Въ душѣ моей царствовала тогда абсолютная пустота, совершенный религіозный индиферентизмъ, самые святые нравственные законы были для меня не болѣе, какъ внѣшними условными законами общественной жизни. Не мудрено, что при такомъ положеніи тоска и апатія были моими неразлучными сопутницами. Вслѣдствіе моей собственной вины я былъ посланъ въ Литву и тамъ духъ мой погрузился въ еще худшее состояніе; грязная, бездѣйственная апатія и каменное равнодушіе ко всему его окружающему превратились почти въ его вторую природу, и я бъ совершенно погибъ, если бъ во мнѣ не сохранилась одна святая божественная искра, — и эта искра была: *безсознательная, почти инстинктивная жажда знанія.* Она была моею спасительницею, она долго тлѣла подъ рудою грязной апатической чувственности, но никогда не угасала и постепенно усилялась и разгорѣлась наконецъ цѣлымъ огромнымъ пожаромъ, съ которымъ вмѣстѣ пробудилась во мнѣ и любовь, и вѣра, и всѣ святыя человѣческія чувства. Да, любезные Родители, я вамъ говорю не фразы, но совершенную истину; если бы вы знали, чѣмъ я былъ лѣтъ пять, даже года четыре и три тому назадъ, тогда бы вы не стали такъ строго судить меня, и повѣрили бы, что жажда знанія была дѣйствительно моимъ единственнымъ спасеніемъ и что оторваться отъ нея для меня то же, что оторваться отъ жизни.

„Два раза думалъ я пожертвовать ею для семейства; одинъ разъ въ Твери, когда графъ Толстой предлагалъ мнѣ мѣсто чиновника по

особымъ порученіямъ и когда вы мнѣ написали, Батюшка, что это необходимо для вашего спокойствія. Я не могъ устоять противъ вашей просьбы, я согласился; но вы не знаете, какъ много стоило мнѣ это согласіе, вы не знаете, какое уныніе, отчаяніе овладѣло моимъ Духомъ. Я не могъ перенесть этого лишенія и цѣлую недѣлю послѣ моего согласія пьянствовалъ съ утра до вечера, въ точномъ смыслѣ этого слова. Мысль о самоубійствѣ безпрестанно мелькала передо мной, и еслибъ я не уѣхалъ тогда въ Москву, то это состояніе могло бы худо кончиться. Я знаю, это слабость, непростительная слабость, любезные Родители, но слабость, которую побѣдить я рѣшительно не въ силахъ.

„Въ другой разъ, послѣ кончины нашей святой Любаши, когда вы и сестры были погружены въ такую глубокую, безотрадную горесть, вы ничего не говорили мнѣ опредѣленно, но я видѣлъ, что вы желали имѣть во мнѣ дѣятельнаго помощника въ дѣлахъ нашего семейства,— и во второй разъ я не могъ устоять противъ вашей горести, такъ же, какъ въ первый разъ не могъ устоять противъ вашей просьбы,—и во второй разъ рѣшился пожертвовать собою вашему спокойствію и благосостоянію сестеръ и братьевъ. Я ни слова не говорилъ намъ о своемъ рѣшеніи, потому что прежде хотѣлъ испытать самого себя и узнать навѣрное, дѣйствительно-ли я способенъ къ этой жертвѣ? Любезные Родители, я добросовѣстно и строго входилъ въ себя и послѣ долгаго, мучительнаго испытанія убѣдился, что въ случаѣ нужды я готовъ пожертвовать жизнію для семейства, но не могу оторваться для него отъ науки, потому что жить и не знать, для меня въ тысячу разъ хуже, чѣмъ умереть.

„Да, любезные Родители, еслибъ вы могли бросить хоть одинъ взглядъ во внутренность души моей, то вы сами не стали бы совѣтовать мнѣ оторваться отъ того, въ чемъ заключается единственное условіе моего внутренняго спокойствія, моей нравственной чистоты и моего человѣческаго достоинства. Вы писали мнѣ, Батюшка, въ Петербургъ, что я долженъ выбрать между *хозяйствомъ* и *службою*. Я самъ убѣжденъ теперь въ необходимости службы и мнѣ остается только выбрать такой родъ дѣятельности, который бы, соотвѣтствуя внутреннему направленію моего духа, обѣщалъ бы успѣхъ и дѣйствительную пользу. О военной службѣ и говорить нечего,—во первыхъ потому, что было бы смѣшно еслибъ, послѣ четырехъ лѣтъ отставки, я снова опредѣлялся прапорщикомъ,—и во вторыхъ потому, что она менѣе всего соотвѣтствуетъ моимъ внутреннимъ потребностямъ.

„Гражданская служба требуетъ точно такого-же исключительнаго употребленія времени и точно такого-же исключительнаго вниманія, какъ и хозяйство, съ тою только разницею, что она не представляетъ того вознагражденія, какое представляетъ мнѣ хозяйство, которое дало бы

мнѣ по крайней мѣрѣ отрадное, утѣшительное сознаніе, что я полезенъ моему семейству.

„Кромѣ этого, если-бъ я теперь вступилъ въ гражданскую службу, съ моимъ маленькимъ чиномъ и безъ университетскаго диплома,—то это, кромѣ пустой формы, не представило бы мнѣ никакой дѣйствительной пользы.

„Пожертвовать тѣмъ, что составляетъ сущность моей жизни, и посвятить все свое время, всю свою жизнь и всѣ свои силы переписыванію бумагъ и не имѣть средства быть полезнымъ себѣ и другимъ,—и все это только для того, чтобы кончить жизнь не отставнымъ прапорщикомъ артиллеріи, но титулярнымъ совѣтникомъ, вы согласитесь, любезные родители, что здѣсь совершенно справедливо можно сказать: „le jeu ne vaut pas la chandelle“.

„Вотъ причины, по которымъ я не могу посвятить себя ни хозяйству, ни гражданской и ни военной службѣ. Не знаю, покажутся ли онѣ вамъ довольно убѣдительными, но, увѣряю васъ, что онѣ не результаты поверхностной и легкомысленной фантазіи; я ужъ не ребенокъ болѣе,—я вышелъ изъ экзальтированнаго періода своей жизни, изъ той экзальтаціи, которая, смѣшивая всѣ предметы, показывала мнѣ вещи не такъ, какъ слѣдуетъ. Время призраковъ и пустой неопредѣленности для меня прошло, и я жажду опредѣленности и дѣйствительности. Причины, мною изложенныя, любезные Родители, были результатомъ долгаго и строгаго вхожденія въ себя и испытанія силъ своихъ. Я выговариваю ихъ передъ вами искренно и добросовѣстно, какъ передъ единственными законными судьями частныхъ дѣлъ моихъ, и увѣренъ, что если вы отстраните ваши предубѣжденія противъ меня и примете слова мои съ тою же любовію, съ какою я писалъ ихъ, то вы сами убѣдитесь въ ихъ искренности и добросовѣстности и увидите, что они не совсѣмъ лишены основанія.

„Но если я не могу заниматься ни хозяйствомъ, ни военной и гражданской службою, то это всетаки не исключаетъ внутренней и внѣшней необходимости внѣшняго опредѣленія, положительной внѣшней дѣятельности. Кромѣ этого, моя потребность знанія, несмотря на всю силу свою, можетъ превратиться въ ничтожный и болѣзненный призракъ, если она не найдетъ положительнаго, дѣйствительнаго осуществленія. Съ 1837-го года и до сихъ поръ, а особливо въ послѣдніе полтора года, я занимался прилежно,—почти съ утра до вечера; но я не доволенъ еще этими занятіями, въ нихъ нѣтъ довольно строгой системы. Для того, чтобъ дѣйствительно достигнуть своей цѣли, мнѣ нужно учиться и всѣми силами стараться пріобрѣсть то *классическое* образованіе, котораго я не имѣю и безъ котораго я останусь *диллетантомъ*, т.-е. пустымъ человѣкомъ, безполезнымъ для себя и для другихъ. Мнѣ скоро

будетъ 26 лѣтъ, любезные Родители, и если такъ пройдутъ еще года два или три,—то мое положеніе будетъ безвыходнымъ. Безъ состоянія, безъ мѣста въ обществѣ и съ диллетантизмомъ въ душѣ,—я буду осужденъ на пустую, безполезную и мучительную жизнь. Я вижу ясно свое положеніе и хочу употребить всѣ силы души своей, всѣ во мнѣ заключающіяся средства, для того чтобъ выйти изъ него,—и прибѣгаю къ вамъ въ надеждѣ, что, несмотря на всѣ мои прошедшіе проступки противъ васъ и противъ самого себя, вы не откажете мнѣ въ своей помощи.

„Есть одно и, мнѣ кажется, единственное вѣрное средство для достиженія моей цѣли: *это стараться достигнуть профессорскаго мѣста;* во первыхъ, оно позволитъ мнѣ соединить мои занятія со службою, во вторыхъ, оно обезпечитъ мнѣ состояніе и въ третьихъ, оно дастъ мнѣ довольно почетное мѣсто въ обществѣ; но для того чтобъ достигнуть профессорскаго мѣста должно быть, *во первыхъ*, достойнымъ его, т. е. имѣть дѣйствительныя познанія; во мнѣ слишкомъ много добросовѣстности, благородства души и любви къ истинѣ, для того чтобъ я рѣшился, для достиженія внѣшнихъ удобствъ жизни, профанировать святость науки и превратить въ простое средство то, что должно быть цѣлію.

„Какимъ же образомъ достигнуть дѣйствительныхъ, положительныхъ и широкихъ познаній? Я узналъ на опытѣ, что домашнія занятія, заключенныя въ самихъ себѣ, не могутъ дать классическаго образованія, во первыхъ, по бѣдности средствъ, во вторыхъ, по недостатку системы въ занятіяхъ, а въ третьихъ, по недостатку внѣшняго, одинъ разъ навсегда установленнаго порядка, по недостатку безпрестаннаго внѣшняго побужденія, и даже можно сказать,—хоть и стыдно признаться,—внѣшняго принужденія.

„Для классическаго образованія слушаніе университетскаго курса необходимо.

„Между всѣми русскими университетами Московскій считается лучшимъ и потому, повидимому, онъ и есть самое лучшее средство къ достиженію моей цѣли.

„Но слушаніе курса въ Московскомъ университетѣ связано съ большими неудобствами и для меня рѣшительно невозможно. Во первыхъ потому, что будетъ смѣшно, если я, 26 лѣтній мужчина, буду сидѣть на лавкѣ вмѣстѣ съ мальчиками и если я буду курсомъ ниже братьевъ, во вторыхъ потому, что мнѣ надо будетъ начать съ 1-го курса и потерять четыре года на изученіе многихъ такихъ предметовъ, которые мнѣ не будутъ нужны впослѣдствіи и которые полезны только для экзамена. Въ третьихъ потому, что въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ мнѣ надо будетъ оставить свои собственныя, субъективныя занятія, для того чтобъ предаться изученію другихъ, для меня безполезныхъ, предметовъ; и, наконецъ, въ четвертыхъ потому, что по признанію всѣхъ

молодыхъ профессоровъ,—и даже самого правительства, которое не довольствуется нашими университетами и посылаетъ за границу для образованія профессоровъ,—ни одинъ изъ русскихъ университетовъ не можетъ еще дать классическаго, ученаго образованія, для достиженія котораго мнѣ остается только одно средство—*Берлинъ*. Берлинъ представляетъ мнѣ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ Московскій университетъ и ни одного изъ неудобствъ его. Посѣщая Берлинскій университетъ, я могъ бы достигнуть положительнаго, классическаго образованія, учиться въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Теперь я прилежно занимаюсь греческимъ языкомъ, тамъ могъ бы я приняться и за латинскій и изучать вмѣстѣ философію, исторію и право; для латинскаго и греческаго языка могъ бы я брать частные уроки, которые, по словамъ профессора Грановскаго, стоятъ тамъ не болѣе 1-го рубля за два часа. Такимъ образомъ, я соединилъ бы тамъ всѣ собственныя любимыя занятія съ пріобрѣтеніемъ тѣхъ познаній, которыя мнѣ необходимы для достиженія моей цѣли. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, не имѣя другой цѣли и другого занятія, кромѣ науки, я бы могъ сдѣлать огромные „успѣхи, и успѣхъ зависѣлъ бы ужъ собственно отъ моего старанія.

„Другое необходимое условіе для достиженія профессорскаго мѣста есть *докторская степень*, для пріобрѣтенія которой необходимо должно пріобрѣсть сперва *кандидатскую* и *магистерскую* степени. Въ самомъ началѣ пріѣзда моего въ Москву я думалъ готовиться къ кандидатскому экзамену и сообщилъ это намѣреніе знакомымъ мнѣ молодымъ профессорамъ. Они отсовѣтовали мнѣ, говоря что кандидатскій экзаменъ самый трудный и самый невѣрный; во первыхъ потому, что онъ требуетъ *отличныхъ* отвѣтовъ по *всѣмъ* предметамъ, проходимымъ *во всѣхъ четырехъ курсахъ* какого-нибудь отдѣленія, отвѣтовъ на самые спеціальные и мелочные вопросы; и во вторыхъ потому, что степень кандидата дается преимущественнѣе и охотнѣе студентамъ, чѣмъ экзаменующимся частнымъ лицамъ. Они же совѣтовали мнѣ, выслушавъ въ продолженіи трехъ лѣтъ курсъ въ Берлинскомъ университетѣ, держать тамъ экзаменъ на степень доктора, *степень*, которая даетъ мнѣ право экзаменоваться въ Московскомъ университетѣ прямо на *магистра*; магистерскій же экзаменъ гораздо легче и дѣльнѣе, потому что онъ ограничивается *однимъ главнымъ* и нѣкоторыми другими вспомогательными и подчиненными предметами,—и потомъ на степень доктора, представляющую еще менѣе затрудненія. Выдержавъ же экзаменъ на доктора, я могъ бы занять въ Московскомъ или въ другомъ русскомъ университетѣ мѣсто профессора философіи или исторіи или права. Я чувствую, что у меня есть способности, любовь къ знанію никогда не оставляла меня, а въ послѣднее время я узналъ, что во мнѣ есть и возможность трудной, сухой и постоянной работы, въ послѣднее время я сильно развилъ въ

себѣ терпѣніе и постоянство,—эти два необходимыя условія успѣшнаго положительнаго образованія. Вы часто упрекали меня, Батюшка, въ томъ, что я считаю себя геніемъ. Но этотъ упрекъ несправедливъ; я самолюбивъ,—это правда, но самолюбіе мое никогда не доходило до такого уродливаго самообольщенія. Любовь къ истинѣ и потребность жить въ истинѣ были во мнѣ всегда сильнѣе моего самолюбія и вели съ нимъ безпрестанную борьбу и никогда не покорялись ему. Я никогда не считалъ себя геніемъ, но я знаю, что во мнѣ есть умъ, довольно хорошія способности и добрая воля, которыя при постоянномъ трудѣ могутъ принести положительный полезный плодъ. Правда, что я потерялъ много времени и что въ моихъ познаніяхъ огромные пробѣлы, но я чувствую въ себѣ еще такъ много свѣжей, юной силы, такъ много живой потребности знанія, что я вѣрю въ возможность побѣжденія всѣхъ этихъ трудностей, и думаю, что эта вѣра не обманываетъ меня.

„Я знаю, что слово *Берлинъ* пробудитъ въ васъ много непріятныхъ, тяжелыхъ для меня подозрѣній; я знаю, вы не вѣрите моей любви къ наукѣ и думаете, что она служитъ только предлогомъ для того, чтобъ какъ-нибудь съѣздить за границу. Съ словомъ *Берлинъ* для меня неразрывно связано воспоминаніе вашихъ ужасныхъ подозрѣній на счетъ моей честности и любви къ сестрамъ, подозрѣній, которыхъ я здѣсь ни называть, ни опровергать не стану, потому что не въ силахъ сдѣлать ни того, ни другого. Вотъ почему мнѣ было тяжело начать говорить съ Вами о Берлинѣ. Любезные Родители, я не стану опровергать вашихъ оскорбительныхъ обвиненій, я не могу говорить о нихъ; но увѣренъ, что рано или поздно вы сами убѣдитесь въ ихъ несправедливости.

„Кромѣ этого, вы не вѣрите, чтобъ источникомъ моего желанія ѣхать въ Берлинъ была любовь къ наукѣ. Вы, вѣроятно, думаете, что единственный источникъ этого стремленія за границу есть желаніе погулять и покутить. Любезные Родители, я не понимаю, какимъ образомъ въ васъ родилась мысль, что я расточителенъ и что я охотникъ гулять и кутить. Правда, что во время пребыванія моего въ училищѣ, когда въ душѣ моей не было никакого содержанія и когда я былъ совершенно пустымъ мальчишкою, я надѣлалъ много глупостей, много довольно важныхъ долговъ, которые вы, по добротѣ и снисходительности своей, заплатили. Хотя я не былъ способенъ и тогда къ подлости, но во мнѣ не было ни разсудка, ни нравственнаго содержанія и я былъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, легкомысленнымъ и пустымъ мальчишкою. Впрочемъ и тогда даже, по недостатку ли худого примѣра или удобнаго случая, или по безсознательному остатку нравственнаго чувства, внушеннаго мнѣ вами въ дѣтствѣ,—и тогда даже никогда не предавался тому, что между молодыми людьми обыкновенно называется *кутежомъ*.

Но съ тѣхъ поръ, какъ во мнѣ пробудилась сознательная потребность знанія, съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Москвѣ, я ни разу не заслужилъ упрека въ расточительности и безпорядочной жизни; и это ужъ не безсознательно, любезные Родители, но съ полнымъ совершеннымъ сознаніемъ. Оргіи и безпорядочная жизнь, обыкновенно прощаемая молодымъ людямъ, какъ необходимый атрибутъ юности, просто противны всему существу моему. Мнѣ необходима тихая, спокойная, умѣренная жизнь, какъ единственное условіе моего внутренняго счастія и моего нравственнаго достоинства, и я неспособенъ находить поэзію и удовольствіе въ грязномъ болотѣ чувственныхъ наслажденій, не достойныхъ человѣка. Мнѣ немного нужно для удовлетворенія моихъ внѣшнихъ и чувственныхъ потребностей: щи и каша составляютъ теперь мою единственную пищу и это нисколько не огорчаетъ меня. Во мнѣ нѣтъ такого пустого самолюбія, которое бы заставляло меня жить и одѣваться не по состоянію и стараться играть въ обществѣ роль, не соотвѣтствующую моимъ средствамъ. Разумѣется, что еслибъ у меня были средства, то я сталъ бы и одѣваться и жить лучше и посѣщать чаще общество, потому что это не только что не вредно, но бываетъ даже иногда очень полезно и пріятно. Скорбѣть же о томъ, что состояніе мое не позволяетъ мнѣ этого, я не стану и безъ всякаго унынія покоряюсь этой, еще совсѣмъ не тяжелой, судьбѣ.

„Вся расточительность моя состояла въ неаккуратности и въ неумѣніи считать деньги, но необходимость научила меня и этому искусству, такъ что я считаю теперь каждую копѣйку.

„И такъ, любезные Родители, не любовь кутежа и праздной, безпорядочной жизни заставляетъ меня желать ѣхать за границу. Правда, что, кромѣ науки въ ограниченномъ смыслѣ этого слова, меня привлекаетъ туда и живая духовная жизнь запада, сокровища искусства, природа, но это подчиненное желаніе и, въ случаѣ нужды, я могу обойтиться и безъ его удовлетворенія; главная же и единственная цѣль моя есть наука. Я желаю ѣхать не за границу вообще, но въ Берлинъ,—и желаю ѣхать туда, не для того чтобъ гулять и забавляться, но для того чтобъ съ утра до вечера учиться, для того чтобъ удовлетворить тамъ своей потребности знанія и вмѣстѣ достигнуть возможности быть не пустымъ, но дѣйствительно полезнымъ человѣкомъ. Я желаю ѣхать въ Берлинъ, потому что онъ есть единственное и рѣшительное средство для выхода изъ затруднительной и тяжелой неопредѣленности моего настоящаго положенія. И я прибѣгаю къ Вамъ съ двумя слѣдующими просьбами:

„1. Я прошу Васъ позволенія ѣхать въ Берлинъ.

„2. Прошу Васъ дать мнѣ средства къ совершенію этой поѣздки. Я прежде думалъ, что мнѣ можно будетъ пріобрѣсть эти средства соб-

ственными трудами своими, — переводами, журнальными статьями; — но теперь убѣдился, что это связано съ большими затрудненіями и что если даже мнѣ и удастся скопить достаточную сумму, то не иначе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, а я потерялъ ужъ такъ много времени и срокъ, оставшійся мнѣ для достиженія моей цѣли, такъ коротокъ, что я рѣшился прибѣгнуть къ вамъ. Журнальныя статьи и переводы могутъ быть мнѣ помощью при другихъ средствахъ, основнымъ же средствомъ они быть не могутъ, потому что успѣхъ ихъ зависитъ часто отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ.

„Я говорилъ съ профессоромъ Грановскимъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Берлина, и узналъ отъ него, что, живя умѣренно и ограничивая свои расходы, можно тамъ слушать курсъ и жить съ 2,000 рублями. И потому, любезные Родители, я васъ прошу давать мнѣ по 2,000,— а если это вамъ невозможно, то по 1,500 руб. въ годъ,—и это не болѣе, какъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. По возвращенію же изъ Берлина и выдержавъ экзаменъ на магистра, я бы могъ даже вступить въ гражданскую службу, въ ожиданіи удобнаго случая для занятія профессорскаго мѣста въ какомъ-нибудь изъ русскихъ университетовъ, и жить своими собственными трудами, т. е. службою, уроками и литературными занятіями. Съ моей же стороны я вамъ обѣщаю, даю честное слово, что я впродолженіе этихъ трехъ лѣтъ буду стараться не потерять ни одной минуты и что по возвращеніи изъ-за границы я не буду васъ болѣе безпокоить просьбами о деньгахъ.

„Любезные Родители, теперь я высказалъ вамъ свою просьбу и мнѣ остается только ожидать вашего рѣшенія; какое бы оно не было, я безусловно покоряюсь ему. Если, позабывъ всѣ мои прошедшія вины противъ васъ, Вы согласитесь на мою просьбу, то я буду смотрѣть на это, какъ на величайшее благодѣяніе и никогда не позабуду, что Вы первые освободили меня отъ тяжелаго положенія, которому я самъ много способствовалъ. Если жъ Вы не согласитесь, то я съ покорностію, безъ жалобъ и безъ ропота, выслушаю Ваше рѣшеніе, и собственными средствами буду стараться изъ него вырваться; удастся ли мнѣ или нѣтъ, это только одному Богу извѣстно. Кромѣ того, что сынъ не имѣетъ права ничего требовать отъ родителей, кромѣ этого я сознаю, что я часто и во многомъ былъ виноватъ противъ Васъ, и потому менѣе, чѣмъ кто-нибудь, въ правѣ ожидать отъ Васъ помощи.

„Теперь, прошу я Васъ, любезные Родители, выслушать еще нѣсколько словъ и совершенно отдѣлить ихъ отъ моей просьбы и отъ всего, до нея касающагося, и повѣрить, что они не имѣютъ съ ней ничего общаго.

„Я никогда не переставалъ пламенно любить Васъ, но несмотря на это былъ во многомъ виноватъ противъ Васъ. Правда, что Вы иногда

были несправедливы къ сестрамъ и ко мнѣ; но никакая несправедливость не давала мнѣ права оскорблять васъ и переходить за границу сыновней любви и сыновняго почтенія. Я часто позабывалъ это священное правило и вы заключили, и были въ правѣ заключить изъ моихъ оскорбленій, что во мнѣ нѣтъ любви къ вамъ. Если бы можно было возвратить прошедшее, то я дорого заплатилъ бы за возможность исключить изъ прошедшихъ поступковъ моихъ все, что въ нихъ было для Васъ оскорбительнаго. Но это невозможно,—и потому мнѣ остается только съ полнымъ и искреннимъ раскаяніемъ просить у Васъ прощенія, которое мнѣ необходимо для моего внутренняго спокойствія. Любезные Родители, Вы, вѣрно, не откажете мнѣ въ немъ, и повѣрите, что теперь я буду строго блюсти за собой и не буду болѣе допускать себя до преступныхъ крайностей и до забвенія священныхъ обязанностей сына.

„Прошу Вашего благословенія и остаюсь преданный Вамъ сынъ Вашъ

М. Бакунинъ".

Написавъ и отправивъ это письмо, Бакунинъ съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ на него отвѣта и пережилъ въ теченіе недѣли большія мученія, постоянно находясь между надеждой на согласіе родителей и страхомъ получить отрицательный отвѣтъ, который совершенно обезкуражилъ бы его.

Отсылая письмо свое Александру Михайловичу, онъ писалъ и Татьянѣ, причемъ, сообщая ей о содержаніи своего письма къ отцу, говорилъ между прочимъ:

„...Если они согласятся, то для меня начнется новая, чудесная жизнь,—во мнѣ опять пробудится живая, безграничная вѣра въ себя и свое назначеніе. Мнѣ хорошо будетъ тогда, Танюша,—и тогда мы скоро увидимся, для того, чтобы пробыть съ вами около мѣсяца и потомъ разстаться на 3 или 4 года. Но эта разлука будетъ прекрасна, потому что она поведетъ меня къ моей цѣли... Если же они откажутъ, то я не поѣду, долго не поѣду въ Премухино,—до тѣхъ поръ, пока собственныя средства не позволятъ мнѣ совершить поѣздку за границу. Я не поѣду тогда къ вамъ потому, что мнѣ будетъ очень тяжело, а когда мнѣ тяжело, мнѣ необходимо одиночество,—въ тяжеломъ состояніи духа я буду только стѣснять вашу радость, ваши наслажденія и гармонію душъ вашихъ, а я ни за что на свѣтѣ не хочу дѣлать этого. Въ такомъ случаѣ я постараюсь уѣхать въ Шашкино для того, чтобъ тамъ принять какое-нибудь сильное рѣшеніе. Какъ бы то ни было и куда бы то ни было,—но я долженъ вырваться изъ невыносимой неопредѣленности моего теперешняго положенія. И если бы я убѣдился, что поѣздка въ Берлинъ рѣшительно не можетъ осуществиться и мнѣ предстоитъ тихое и постепенное оношленіе, то, оставивъ всѣ занятія и

всѣ книги, я бъ снова надѣлъ военный мундиръ и отправился бы на Кавказъ,—тамъ, по крайней мѣрѣ, нашелъ бы я живую дѣятельность и живое движеніе жизни. Но гнить и опошливаться понемногу—это хуже всего! Au reste il ne faut pas anticiper sur l'avenir; j'ai encore à attendre la reponse de mes parents; après avoir reçu un refus il faudra bien que je me dècide à quelque chose [1]). Ты видишь, милая Танюша, почему я мало пишу о себѣ: я легко попадаю на минорный тонъ и не хочу заражать васъ имъ. Вы будьте здоровыя, умныя дѣвочки,—для васъ начнется скоро новая, прекрасная, широкая жизнь. Разрѣшеніе судьбы Alexandrine, возвращеніе Вареньки и всѣ необходимыя слѣдствія этихъ двухъ счастливыхъ обстоятельствъ вполнѣ вознаградятъ васъ за всѣ претерпѣнныя вами страданія"...

Не получая нѣсколько дней отвѣта на свое письмо къ родителямъ, Мишель написалъ имъ второе, столь же почтительное, въ которомъ, уже мало надѣясь на благопріятное рѣшеніе своей участи, просилъ, если его ожидаетъ отказъ, то прислать его скорѣе, такъ какъ, писалъ онъ, „...и отказъ будетъ мнѣ легче невыносимой неопредѣленности моего настоящаго положенія. Какъ бы то ни было, но оно совершенно объяснится тогда, объяснится во всѣхъ отношеніяхъ. И какъ ни трудно и ни тяжело мнѣ будетъ тогда, я не останусь со сложенными руками, я не предамся праздному и слабодушному унынію; но употреблю всѣ отъ меня зависящія средства для того, чтобы вырваться изъ моего затруднительнаго положенія"...

Дней черезъ десять послѣ отправленія своего письма Мишель получилъ на него отвѣтъ. Родители не отвѣчали отказомъ, но отвѣтъ не былъ достаточно опредѣленнымъ.

Вотъ что писалъ Александръ Михаиловичъ (отъ 30 марта 1840 г.).

„Письмо твое, другъ мой Михайло Александровичъ, отъ 22 марта мы получили, и вотъ отвѣтъ нашъ, котораго, по словамъ твоимъ, ожидаешь ты съ какимъ-то новымъ страхомъ, опасаясь, чтобъ просьба твоя о денежномъ пособіи не умножила еще нашего къ тебѣ презрѣнія — *за преступные поступки*, въ которыхъ *мы*, по недостатку любви, тебя обвиняли. Мы по врожденному чувству родительской любви не переставали тебя любить, несмотря на всѣ твои *не преступные*, а совершенно безразсудные поступки. Ты, какъ новый Донъ-Кихотъ, влюбился въ новую Дульцинею и, увлекаясь мечтательными ея прелестями, совершенно позабылъ всѣ твои обязанности. Посторонній человѣкъ сталъ бы только смѣяться, а я, какъ отецъ, не могъ и не долженъ былъ скрывать отъ тебя моего негодованія, тѣмъ болѣе, что ты завлекъ

---

[1]) Впрочемъ, не слѣдуетъ упреждать событій; мнѣ надо еще выждать отвѣта родителей; послѣ полученія отказа нужно будетъ непремѣнно рѣшиться на что-нибудь.

сестеръ и братьевъ, и мы вдоволь вкусили отъ горькихъ плодовъ его. Ты неоднократно повторялъ намъ, что мы тебя не понимаемъ, (но) я къ сожалѣнію своему вижу, что именно ты не понималъ насъ и не понималъ потому, что не понималъ святости той любви, въ недостаткѣ которой ты насъ упрекаешь. Любовь точно такъ же мертва безъ дѣлъ, какъ и вѣра. Если письмо мое къ Николаю [1]) тебя много оскорбило, то мы невиноваты, что поступки твои впродолженіи многихъ лѣтъ совершенно уничтожили то семейное счастіе, котораго мы вправѣ были надѣяться отъ дѣтей нашихъ. Я боюсь, чтобъ Дульцинея Тобозская—или лучше сказать Ахинея Тобольская—не увлекла за собой и Николая...

„Но какъ прошедшаго воротить уже невозможно, то обращаюсь къ настоящему.

„Мы согласны на твой проектъ, но какъ деньги необходимо нужны для его исполненія, то скажу тебѣ, что мы до сентября мѣсяца ничего еще дать и назначить тебѣ не можемъ. До сентября долженъ я необходимо доплатить болѣе *восьми тысячъ процентовъ, тысячъ до трехъ* партикулярнаго долгу, купить Ильѣ лошадь и обмундировать Николая, который самъ еще не знаетъ, куда поступитъ. Мы сами въ Тверь переѣхали лѣчиться, а не веселиться, и совершенно себѣ во всемъ отказываемъ, что бы содержать дѣтей нашихъ.

„Итакъ денежное пособіе, которое тебѣ нужно, будетъ зависѣть отъ успѣшнаго хода бумажной фабрики, которая въ отсутствіи нашемъ и по безводію не только не дала намъ никакого доходу, но задолжила еще двумя тысячами на покупку матеріаловъ. По просухѣ мы поѣдемъ домой, и я, при дряхлости моей, соберу всѣ послѣднія мои силы и буду работать въ пользу семейства, которое,—въ душевной горести моей скажу—худо или вовсе насъ не понимаетъ“.

Въ припискѣ Варвары Александровны нѣсколько яснѣе говорилось о томъ, что въ принципѣ они рѣшили давать Мишелю по 1,500 р. въ годъ, если обстоятельства позволятъ.

Вѣроятно, Герценъ, видя мучительную жажду Мишеля ѣхать въ Берлинъ за наукой и томительную неизвѣстность, въ которую повергало его неполученіе отвѣта отъ отца, намекнулъ ему какъ-нибудь на возможность пособить его горю со своей стороны и со стороны своихъ друзей.

И вотъ Мишель, тотчасъ же по полученіи письма Александра Михайловича отправившійся въ Тверь и тамъ не получившій болѣе опредѣленнаго отвѣта, рѣшился обратиться къ Герцену съ просьбой дать ему денегъ въ ссуду. 20 апрѣля 1840 г. онъ написалъ Герцену слѣ-

---

[1]) Этого письма нѣтъ въ моемъ матеріалѣ.

дующее письмо, которое показываетъ и ту степень сближенія, которая установилась тогда между ними: [1])

„Любезный Герценъ! Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ отцѣ моемъ согласіе на мой отъѣздъ въ Берлинъ и готовность помочь мнѣ деньгами. Но такъ какъ дѣла его, вслѣдствіе неурожая и мелководья, находятся въ маленькомъ разстройствѣ, то онъ и не можетъ мнѣ дать теперь ничего другого, кромѣ обѣщанія. Онъ говоритъ, что, если дѣла его поправятся, то онъ согласенъ давать мнѣ по 1500 руб. въ годъ; но это *если* такъ неопредѣленно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на немъ, то легко бы могло случиться, что онѣ разстаяли бы „яко воскъ отъ лица огня". Можетъ быть, что со всею готовностью помочь мнѣ, онъ будетъ давать мнѣ не болѣе 1000 или даже 500 руб. въ годъ; а потому, милый Герценъ, для того, чтобы дать поѣздкѣ моей въ Берлинъ твердую и незыблемую основу, я долженъ обратиться къ тебѣ. Если ты и друзья твои можете дать тѣ 5000 руб., о которыхъ ты мнѣ говорилъ, то это меня совершенно обезпечитъ. Имѣя ихъ въ виду, я могу смѣло ѣхать и, въ случаѣ нужды, ограничивъ свои расходы и путешествіе свое только однимъ Берлиномъ, прожить безъ всякихъ другихъ средствъ въ Берлинѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Все же остальное, что я получу отъ отца или пріобрѣту собственными трудами, будетъ употреблено мною на расширеніе моего путешественнаго плана, а, слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копейка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. И потому я прошу тебя и друзей твоихъ, если вамъ это только возможно, дать мнѣ теперь 2000 руб., а въ продолженіе двухъ остальныхъ лѣтъ присылайте мнѣ по 1500 руб. въ годъ такъ, какъ ты говорилъ мнѣ въ Москвѣ. Что же касается 2000 руб., то чѣмъ скорѣе вы мнѣ ихъ доставите, тѣмъ будетъ лучше, потому что я ни минуты медлить не стану.

„Я не могу назначить опредѣленнаго срока для уплаты этихъ денегъ, но вы можете быть увѣрены, что, при первой малѣйшей возможности, я поспѣшу заплатить ихъ. Во всякомъ случаѣ, наслѣдство, которое я получу отъ отца, и образованіе, которое я пріобрѣту за границей, дадутъ мнѣ вѣрное средство къ исполненію этой священной обязанности. Въ случаѣ же моей смерти, братья за меня заплатятъ. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, я проживу еще долго,—во первыхъ потому, что было бы глупо умереть, ничего не сдѣлавъ путнаго, а во вторыхъ потому, что я совсѣмъ не намѣренъ умирать.

---

[1]) Письмо это напечатано въ біографіи Бакунина, составленной Драгомановымъ, на стр. VIII.

„Ты видишь, Герценъ, что я обращаюсь къ тебѣ прямо и просто, безъ всякихъ околичностей и отложивъ въ сторону всѣ 52 китайскія церемоніи. Я дѣлаю это потому, что я беру у васъ деньги не для удовлетворенія какихъ-нибудь глупыхъ и пустыхъ фантазій, но для достиженія человѣческой и единственной цѣли моей жизни. Кромѣ этого, хоть наше знакомство началось и недавно, но мнѣ нужно было немного времени для того, чтобъ полюбить тебя отъ души, и для того, чтобъ сознать, что въ нашихъ духовныхъ и задушевныхъ направленіяхъ есть много общаго и что я могу обратиться къ тебѣ, не боясь недоразумѣній.

„Я не буду говорить тебѣ о своей благодарности, но, повѣрь мнѣ, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія; я никогда не позабуду, что давъ мнѣ средства ѣхать за границу, вы, можетъ быть, спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастія, отъ постепеннаго опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность и что я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства для того, чтобъ стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству и всѣмъ окружающимъ меня людямъ. Да, я надѣюсь, что со временемъ вы меня лучше узнаете и что тогда вы примете меня въ тѣснѣйшій кружокъ своихъ друзей. Покамѣстъ же, Герценъ, прощай. Отвѣчай мнѣ, пожалуйста, скоро, потому что мнѣ хотѣлось бы какъ можно скорѣе уничтожить всякую неопредѣленность въ дѣлахъ своихъ.

„Посылаю тебѣ съ братьями Tagebuch eines Kindes (Bettina) [1]). Пожалуйста только никому не отдавай этой книги, потому что сестра была бы въ отчаяніи, если бы она затерялась.

„Получивъ твой отвѣтъ, я окончательно обо всемъ переговорю съ отцомъ и отправлюсь къ вамъ на другой же день. Прощай.

Твой *М. Бакунинъ*“.

Затѣмъ, не ожидая отвѣта Герцена, Бакунинъ вернулся въ Москву и уже оттуда извѣстилъ отца о томъ, что его новый другъ ссужаетъ его 2000 руб. на неопредѣленное время, и просилъ, чтобы старикъ не задерживалъ его отъѣзда своимъ окончательнымъ разрѣшеніемъ.

Александръ Михайловичъ отвѣчалъ сыну 8 мая 1840 г. письмомъ, писаннымъ рукою Татьяны, въ которомъ, соглашаясь на ускореніе его отъѣзда въ Берлинъ, выражалъ однако же сомнѣніе, чтобы „тотъ

---

[1]) Названіе неточно. Это дневникъ Беттины фонъ Арнимъ, приложенный къ ея перепискѣ съ Гёте. Онъ озаглавленъ: „Tagebuch zu Göthes Briefwechsel mit einem Kinde“. Переписка и дневникъ Беттины имѣются теперь въ изданіи „Universal-Bibliotek“ Реклама съ предисловіемъ Франца Брюммера (№№ 2691—2695).

пріятель, о которомъ ты пишешь, ссудилъ тебя такъ безусловно двумя тысячами". Но пріятель оказался въ этомъ случаѣ человѣкомъ вполнѣ надежнымъ, и отъѣздъ Бакунина былъ такимъ образомъ обезпеченъ, и Мишель спокойно отправился въ Премухино, чтобы провести со своею семьей послѣдній мѣсяцъ передъ разлукой, которая оказалась гораздо продолжительнѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ.

О перепискѣ съ отцомъ Мишель поспѣшилъ увѣдомить и Бѣлинскаго, несмотря на новыя распри, которыя произошли между ними тогда изъ-за боткинскаго романа. И тутъ-то Бѣлинскій отвѣчалъ ему тѣмъ письмомъ, о которомъ мы упоминали въ предыдущей главѣ [1]). Начало этого отвѣта Бѣлинскаго дѣйствительно поражаетъ своею враждебностью.

„Любезный Мишель,—писалъ Бѣлинскій,—видъ твоего письма произвелъ во мнѣ такое впечатлѣніе, какъ будто-то бы у меня по тѣлу поползли мокрицы. Долго я боролся между долгомъ прочесть его и желаніемъ разорвать, не прочтя. Мысль о полемикѣ (онъ, очевидно, думалъ, что это отвѣтъ на его полемическое письмо, отъ 26 февраля 1840 г., содержаніе котораго мы передали, цитируя его по книжкѣ г. Иванова-Разумника. *А. К.*), о прекраснодушныхъ и москводушныхъ продѣлкахъ, за которыя мало драть за уши и пороть розгами,—эта мысль была для меня кислѣе уксусу, вонючѣе (забылъ по латыни) чортова г...а, горше и отвратительнѣе самой гнусной микстуры"...

Но затѣмъ Бѣлинскій продолжалъ уже совершенно въ иномъ духѣ: „Но когда я прочелъ твое письмо, то весьма возрадовался. Спасибо тебѣ за него, сто разъ спасибо тебѣ. Ты поступилъ на этотъ разъ по человѣчески, преодолѣвъ чувство досады и враждебности, которое должно было возбудить въ тебѣ мое письмо (очевидно, письмо отъ 26 февраля. *А. К.*) Въ твоемъ письмѣ нѣтъ ненавистной для меня философіи (т. е. резонерства), но за то есть человѣчность и отъ него вѣетъ духомъ. Знаешь ли, что только одно это письмо еще въ первый разъ убѣдило меня, что твое стремленіе въ Берлинъ не пустая мечта празднаго самолюбія, а дѣйствительная потребность. Прежде я не могъ безъ чувства отвращенія слышать отъ тебя о Берлинѣ (въ который ты—правду сказать—собирался по воздушной почтѣ); но теперь я принимаю это дѣло къ сердцу и,—вѣрь мнѣ—еслибъ я имѣлъ средства, то дѣломъ доказалъ бы мое участіе. Ты подавилъ въ себѣ ложный стыдъ, заглушилъ голосъ одурачоннаго самолюбія и обратился къ прямому и единственно истинному и дѣйствительному средству для поѣздки въ Берлинъ—къ отцу. Поздравляю тебя, Мишель, ты одержалъ великую побѣду надъ своимъ лютѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ—надъ самимъ

---

[1]) *Русская Мысль*, 1914 г., кн. IV.

собою, надъ своимъ самолюбіемъ. Искренно и любовно желаю, чтобъ это обращеніе было искренно и дѣйствительно, а не минутный порывъ, и чтобы ты вошелъ съ отцомъ въ прямыя и чистыя отъ всякія скверны отношенія, т. е. для него самаго, а не для Берлина только.

„Николай чуть не плакалъ отъ твоего письма: онъ говоритъ, что это еще первое *человѣческое* письмо, написанное твоею рукою, которое онъ прочелъ. Онъ говоритъ, что отецъ будетъ радъ и охотно дастъ тебѣ не только 1500, но и 2000 руб.; но что, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поступитъ тутъ не по дѣтски,—а по старчески—и, чтобы испытать для него ли самаго, или только для Берлина, ты обращаешься къ нему, потребуетъ, чтобъ ты ѣхалъ въ Премухино и занялся хозяйствомъ, и продержитъ тебя годъ времени. Николай говоритъ еще, что ты поступилъ бы очень дурно и неразумно, если бы со всѣмъ самоотверженіемъ и со всею искренностью не подвергся этому испытанію. Я совершенно съ нимъ согласенъ.—У всякаго есть свои священныя права и безъ взаимныхъ уступокъ нельзя людямъ ладить другъ съ другомъ.

„Также чрезвычайно меня обрадовало,—писалъ Бѣлинскій, уже обращаясь къ своимъ старымъ спорамъ съ Мишелемъ,—твое признаніе, что ты, безъ поѣздки въ Берлинъ, обратишься въ ничтожество. Я вспомнилъ твои упреки мнѣ, что я ограничиваю свою жизнь конечными условіями, зависящими отъ слѣпого случая. И такъ, моя несчастная дѣйствительность одержала надъ тобою великую побѣду. Да, Мишель, владычество разумной дѣйствительности не подвержено никакому сомнѣнію, но и случай, въ свою очередь, царитъ надъ людьми самовластно. Безъ владычества случая, жизнь была бы не свободною, а машинальною,—не было-бы въ ней борьбы,—а при борьбѣ паденіе такъ же необходимо, какъ и побѣда. Теперь ты, вѣрно, лучше поймешь, какъ иной можетъ въ сочувствіи женщины видѣть условіе своего искупленія и примиренія, и не станешь давать благоразумныхъ совѣтовъ о необходимости Entsagung [1]). Всякому свое, и дѣло дружбы—участіе въ *своемъ* каждаго, а не совѣты, которые только оскорбляютъ и охлаждаютъ дружескія отношенія. Прекрасно сказалъ ты, что „и жизнь всякаго обусловливается совершенно особенными, чисто индивидуальными обстоятельствами, которыя не могутъ и не должны улетучиваться во всеобщемъ, и которыя доступны только для непосредственно и таинственно созерцающей любви“.

„Если ты проживешь годъ въ Премухинѣ, это время не можетъ попусту пропасть и для приготовленій къ Берлину. Можно устроить

---

[1]) Едва ли для Бакунина это неожиданное сравненіе женщины съ Берлиномъ было убѣдительно. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, отвѣчалъ ли Бакунинъ на это письмо Бѣлинскаго.

такъ, что оно не будетъ для тебя потеряно и со стороны *хоть какого-нибудь* обезпеченія черезъ *О(течественныя) З(аписки)*, особенно если ты возьмешься что-нибудь подѣлать и по части исторіи и что-нибудь переводить съ нѣмецкаго. Я готовъ хлопотать тутъ со всѣмъ усердіемъ и думаю, что мое участіе не будетъ для тебя безполезно.

„Теперь о твоихъ статьяхъ. Начну съ того, что твоя статья уже напечатана и что она привела К(раевскаго) въ восторгъ своею ясностью, послѣдовательностью и простотою. Особенно его восхищаетъ твоя катка эмпиризму. Изъ статьи твоей вышло $1^1/_2$ листа съ небольшимъ, т. е. 150 руб. съ небольшимъ. Ты спрашиваешь, будутъ ли твои статьи считаться за одну или за двѣ;—смѣшной и дѣтскій вопросъ.—Тебѣ до этого нѣтъ дѣла: дѣло въ числѣ листовъ, а не въ числѣ статей. Раздроби цѣлую книгу на сто статей, или считай ее за одну статью,—число листовъ въ ней будетъ одно, а слѣдовательно и одна плата. Кр(аевскій) не ограничиваетъ твоей дѣятельности двумя статьями,—ихъ можетъ быть и пять и больше, да только съ разными условіями и ограниченіями“...

На этомъ сохранившаяся часть письма обрывается.

Предположеніе Николая Бакунина и Бѣлинскаго о томъ, что Мишелю придется отложить свой отъѣздъ въ Берлинъ на годъ, какъ уже мы знаемъ, оказалось невѣрнымъ. Онъ въ это время получилъ уже окончательное согласіе отца на немедленный отъѣздъ и спѣшно къ нему готовился. Краевскій, по его порученію, взялъ ему билетъ на пароходъ „Александра“, отходившій изъ Петербурга въ Любекъ 29 іюня 1840 года.

А. Корниловъ.

Ставрогинъ.

Постановка „Бѣсовъ“ въ Художественномъ театрѣ вновь обращаетъ насъ къ одному изъ самыхъ загадочныхъ образовъ не только Достоевскаго, но и всей міровой литературы. Поражаетъ отношеніе самого Достоевскаго къ Николаю Всеволодовичу Ставрогину. Онъ романтически влюбленъ въ своего героя, плѣненъ и обольщенъ имъ. Никогда ни въ кого онъ не былъ такъ влюбленъ, никого не рисовалъ такъ романтично. Николай Ставрогинъ—слабость, прельщеніе, грѣхъ Достоевскаго. Другихъ онъ проповѣдывалъ, какъ идеи. Ставрогина онъ знаетъ, какъ зло и гибель. И всетаки любитъ и никому не отдастъ его, не уступитъ его никакой морали, никакой религіозной проповѣди. Николай Ставрогинъ—красавецъ, аристократъ, гордый, безмѣрно сильный, „Иванъ Царевичъ“, „Принцъ Гарри“, „Соколъ“; всѣ ждутъ отъ него чего-то необыкновеннаго и великаго, всѣ женщины въ него влюблены, лицо его—прекрасная маска, онъ весь—загадка и тайна, онъ весь изъ полярныхъ противоположностей, все вращается вокругъ него, какъ солнца. И тотъ же Ставрогинъ—человѣкъ потухшій, мертвенный, безсильный творить и жить, совершенно импотентный въ чувствахъ, ничего уже не желающій достаточно сильно, неспособный совершить выборъ между полюсами добра и зла, свѣта и тьмы, неспособный любить женщину, равнодушный ко всѣмъ идеямъ, блазированный и истощенный до гибели всего человѣческаго, познавшій большой развратъ, ко всему брезгливый, почти неспособный къ членораздѣльной рѣчи. Подъ красивой, холодной, застывшей маской ставрогинскаго лика погребены потухшія страсти, истощенныя силы, великія идеи, безмѣрныя, безудержныя человѣческія стремленія. Въ „Бѣсахъ“ не дано прямой и ясной разгадки тайны Ставрогина. Чтобы разгадать эту тайну, нужно проникнуть глубже и дальше самаго романа, въ то, что было до его раскрывшагося дѣйствія. И тайну индивидуальности Ставрогина можно разгадать лишь любовью, какъ и всякую тайну индивидуальности. Постигнуть Ставрогина и „Бѣсы“,

какъ символическую трагедію, можно лишь черезъ миѳотворчество, черезъ интуитивное раскрытіе миѳа о Ставрогинѣ, какъ явленіи міровомъ. Если мы прочтемъ религіозную мораль надъ трупомъ Ставрогина, мы ничего въ немъ не разгадаемъ. Нельзя отвѣчать катехизисомъ на трагедію героевъ Достоевскаго, трагедію Раскольникова, Мышкина, Ставрогина, Версилова, Ивана Карамазова. Это принижаетъ величіе Достоевскаго, отрицаетъ все подлинно новое и оригинальное въ немъ. Всѣ положительныя доктрины и платформы „Дневника писателя" такъ жалки и плоски по сравненію съ откровеніями трагедій Достоевскаго! Достоевскій свидѣтельствуетъ о положительномъ смыслѣ прохожденія черезъ зло, черезъ бездонныя испытанія и послѣднюю свободу. Черезъ опытъ Ставрогина, Ивана Карамазова и др. откроется новое. Самъ опытъ зла есть путь, и гибель на этомъ пути не есть вѣчная гибель. Послѣ трагедіи Ставрогина нѣтъ возврата назадъ, къ тому, отъ чего отпалъ онъ въ путяхъ своей жизни и смерти.

Дѣйствіе въ романѣ „Бѣсы" начинается послѣ смерти Ставрогина. Подлинная жизнь его была въ прошломъ, до начала „Бѣсовъ". Ставрогинъ угасъ, истощился, умеръ и съ покойника была снята маска. Въ романѣ среди всеобщаго бѣснованія является лишь эта мертвая маска, жуткая и загадочная. Ставрогина уже нѣтъ въ „Бѣсахъ" и въ „Бѣсахъ" никого и ничего нѣтъ, кромѣ самого Ставрогина. Въ этомъ смыслѣ символическая трагедія „Бѣсовъ". Въ „Бѣсахъ" есть двойной смыслъ и двойное содержаніе. Съ одной стороны, это романъ съ реалистической фабулой, съ разнообразными дѣйствующими лицами, съ объективнымъ содержаніемъ русской жизни. Внѣшнимъ толчкомъ къ написанію „Бѣсовъ" послужило нечаевское дѣло. Съ этой стороны въ „Бѣсахъ" есть много недостатковъ, много невѣрнаго, почти приближающагося къ пасквилю. Революціонное движеніе конца 60 годовъ не было такимъ, какимъ оно изображено въ „Бѣсахъ". Есть въ этомъ реалистическомъ романѣ и художественные недостатки. То, что открылось Достоевскому о русской революціи и русскомъ революціонерѣ, о религіозныхъ глубинахъ, скрытыхъ за внѣшнимъ обличіемъ соціально-политическаго движенія, было скорѣе пророчествомъ о томъ, что будетъ, что развернется въ русской жизни, чѣмъ вѣрнымъ воспроизведеніемъ того, что было. Шатовъ, Кириловъ съ ихъ послѣдними, предѣльными религіозными муками появились у насъ только въ XX вѣкѣ, когда обнаружилась не политическая природа русскихъ революціонеровъ, для которыхъ революція не соціальное строительство, а міровое спасеніе. Достоевскій предвосхитилъ Ницше и многое раскрывшееся лишь теперь. Но я не предполагаю разсматривать „Бѣсы" съ этой стороны, наиболѣе ясной. „Бѣсы" — также міровая символическая трагедія. И въ этой символической тра-

гедіи есть только одно дѣйствующее лицо—Николай Ставрогинъ и его эманаціи. Какъ внутреннюю трагедію духа Ставрогина, хочу разгадать я „Бѣсы“, ибо она донынѣ недостаточно разгадана. Поистинѣ все въ „Бѣсахъ“ есть лишь судьба Ставрогина, исторія души человѣка, его безконечныхъ стремленій, его созданій и его гибели. Тема „Бѣсовъ“, какъ міровой трагедіи, есть тема о томъ, какъ огромная личность—человѣкъ Николай Ставрогинъ—вся изошла, истощилась въ ею порожденномъ, изъ нея эманировавшемъ хаотическомъ бѣснованіи.

Мы встрѣчаемъ Николая Ставрогина, когда нѣтъ у него уже никакой творческой духовной жизни. Онъ уже ни къ чему не способенъ. Вся жизнь его въ прошломъ. Ставрогинъ—творческій, геніальный человѣкъ. Всѣ послѣднія и крайнія идеи родились въ немъ: идея русскаго народа-богоносца, идея человѣкобога, идея соціальной революціи и человѣческаго муравейника. Великія идеи вышли изъ него, породили другихъ людей, въ другихъ людей перешли. Изъ духа Ставрогина вышелъ и Шатовъ, и П. Верховенскій, и Кириловъ, и всѣ дѣйствующія лица „Бѣсовъ“. Въ духѣ Ставрогина зародились и изъ него эманировали не только носители идей, но и всѣ эти Лебядкины, Лутугины, всѣ низшія іерархіи „Бѣсовъ“, элементарные духи. Изъ эротизма Ставрогинскаго духа родились и всѣ женщины „Бѣсовъ“. Отъ него идутъ всѣ линіи. Всѣ живутъ тѣмъ, что было нѣкогда внутренней жизнью Ставрогина. Всѣ безконечно ему обязаны, всѣ чувствуютъ свое происхожденіе отъ него, всѣ отъ него ждутъ великаго и безмѣрнаго,—и въ идеяхъ, и въ любви. Всѣ влюблены въ Ставрогина, мужчины и женщины, П. Верховенскій и Шатовъ не менѣе, чѣмъ Лиза и Хромоножка, всѣ прельщены имъ, всѣ боготворятъ его, какъ кумира, и въ то же время ненавидятъ его, оскорбляютъ его, не могутъ простить Ставрогину его брезгливаго презрѣнія къ собственнымъ созданіямъ. Идеи и чувства Ставрогина отдѣлились отъ него и демократизировались, вульгаризировались. И собственныя ходячія идеи и чувства вызываютъ въ немъ отвращеніе, брезгливость. Николай Ставрогинъ прежде всего аристократъ, аристократъ духа и русскій баринъ. Достоевскому былъ чуждъ аристократизмъ и лишь черезъ влюбленность свою въ Ставрогина онъ постигъ и художественно воспроизвелъ этотъ духъ. Тотъ же аристократизмъ повторяется у Версилова, во многомъ родственнаго Ставрогину. Безграничный аристократизмъ Ставрогина дѣлаетъ его необщественнымъ, антиобщественнымъ. Онъ индивидуалистъ крайній, его міровыя идеи—лишь трагедія его духа, его судьба, судьба человѣка.

Въ чемъ же трагедія Ставрогинскаго духа, въ чемъ тайна и загадка его исключительной личности? Какъ понять безсиліе Ставрогина,

его гибель? Ставрогинъ остается неразрѣшеннымъ противорѣчіемъ и вызываетъ чувства противоположныя. Приблизить къ разрѣшенію этой загадки можетъ лишь миѳъ о Ставрогинѣ, какъ творческой міровой личности, которая ничего не сотворила, но вся изошла, изсякла въ эманировавшихъ изъ нея „бѣсахъ". *Это—мировая трагедія истощенія отъ безмѣрности, трагедія омертвѣнія и гибели человѣческой индивидуальности отъ дерзновенія на безмѣрныя, безконечныя стремленія, не знавшія границы, выбора и оформленія.* „Я пробовалъ вездѣ мою силу... На пробахъ для себя и для показу, какъ и прежде во всю мою жизнь, она оказалась безпредѣльною... Но къ чему приложить эту силу—вотъ чего никогда не видѣлъ, не вижу и теперь... Я все такъ же, какъ и всегда прежде, могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злого и тоже чувствую удовольствіе... Я пробовалъ большой развратъ и истощилъ въ немъ силы; но я не люблю и не хотѣлъ разврата... Я никогда не могу потерять разсудокъ и никогда не могу повѣрить идеѣ въ той степени, какъ онъ (Кириловъ). Я даже заняться идеей въ той степени не могу". Такъ писалъ Николай Ставрогинъ о себѣ Дашѣ. Но писалъ это онъ тогда, когда уже весь истощился, изошелъ, омертвѣлъ, пересталъ существовать, когда ничего уже не желалъ и ни къ чему не стремился. Ему дано было жизнью и смертью своей показать, что желать всего безъ выбора и границы, оформляющей ликъ человѣка, и ничего уже не желать—одно, и что безмѣрность силы, ни на что не направленной, и совершенное безсиліе—тоже одно.

Этому творческому и знавшему безмѣрность желаній человѣку не дано было ничего сотворить, не дано было просто жить, остаться живымъ. Безмѣрность желаній привела къ отсутствію желаній, безграничность личности къ утерѣ личности, неуравновѣшенность силы привела къ слабости, безформенная полнота жизни къ безжизненности и смерти, безудержный эротизмъ къ неспособности любить. Ставрогинъ все испыталъ и перепробовалъ, какъ великія, крайнія идеи, такъ и великій, крайній развратъ и насмѣшливость. Онъ не могъ сильно пожелать одного и одному отдаться. Ходятъ темные слухи о томъ, что онъ принадлежалъ къ тайному обществу растлѣнія малолѣтнихъ и что маркизъ де-Садъ могъ бы ему позавидовать. Бездарный Шатовъ, плебейски принявшій великую идею Ставрогина, въ изступленіи допрашиваетъ его, правда ли это, могъ ли все это совершить носитель великой идеи? Онъ боготворитъ Ставрогина и ненавидитъ его, хочетъ убить его. Все съ тѣмъ же жуткимъ сладострастіемъ безмѣрности Ставрогинъ беретъ ни въ чѣмъ неповиннаго человѣка за носъ или кусаетъ ухо. Онъ ищетъ предѣльнаго, безмѣрнаго, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Одного бо-

жественнаго ему казалось слишкомъ мало, во всемъ ему нужно было перейти за предѣлы и границы въ тьму, въ зло, въ діавольское. Онъ не могъ и не хотѣлъ сдѣлать выбора между Христомъ и антихристомъ, Богочеловѣкомъ человѣкобогомъ, онъ утверждалъ и Того и другого разомъ, онъ хотѣлъ всего, всего добра и всего зла, хотѣлъ безмѣрнаго, безпредѣльнаго и безграничнаго. Утверждать только антихриста и отвергнуть Христа—это уже выборъ, предѣлъ, граница. Но въ духѣ Ставрогина жило и знаніе Богочеловѣка, и отъ Христа онъ не хотѣлъ отказаться въ безмѣрности своихъ стремленій. Но утверждать разомъ и Христа и антихриста значитъ все утерять, стать бѣднымъ, ничего уже не имѣть. Отъ безмѣрности наступаетъ истощеніе. Николай Ставрогинъ—это личность потерявшая границы, отъ безмѣрнаго утвержденія себя потерявшая себя. И даже когда испытываетъ Ставрогинъ свою силу черезъ самообузданіе, черезъ своеобразную аскезу (онъ вынесъ пощечину Шатова, хотѣлъ объявить о своемъ бракѣ съ Хромоножкой и мн. др.), онъ исходитъ, истощается въ безмѣрности этого испытанія. Его аскеза не есть оформленіе, не есть кристаллизація личности, въ ней есть сладострастіе. Развратъ Ставрогина есть переливъ личности за грани въ безмѣрность небытія. Ему мало бытія, онъ хотѣлъ и всего небытія, полюса отрицательнаго не менѣе, чѣмъ полюса положительнаго. Жуткая безмѣрность небытія—соблазнъ разврата. Въ немъ есть прельщеніе смерти, какъ равносильной и равнопритягательной жизни. Метафизику разврата, бездонную глубину его тьмы Достоевскій понималъ, какъ ни одинъ писатель міра. Развратъ Ставрогина, его жуткое сладострастіе, скрытое подъ маской безстрастія, спокойствія, холодности,—глубокая метафизическая проблема. Это одно изъ выраженій трагедіи истощенія отъ безмѣрности. Въ этомъ развратѣ сила переходитъ въ совершенное безсиліе, оргійность — въ ледяной холодъ, въ сладострастіи истощается и гибнетъ всякая страсть. Безпредѣльный эротизмъ Ставрогина перелился въ небытіе. Его обратная сторона—окончательная импотенція чувства. Николай Ставрогинъ—родоначальникъ многаго, разныхъ линій жизни, разныхъ идей и явленій. И русское декадентство зародилось въ Ставрогинѣ. Декадентство есть истощеніе Ставрогина, его маска. Огромная, исключительно одаренная личность Ставрогина не оформлена и не кристаллизована. Единственное ея оформленіе и кристаллизація—жуткая застывшая маска, призрачный аполлонизмъ. Подъ этой маской—безмѣрность и безудержность потухшихъ и истощенныхъ страстей и желаній.

Трагедія „Бѣсовъ“ есть трагедія одержанія, бѣснованія. Въ ней раскрываетъ Достоевскій метафизическую исторію русскаго духа. Всѣ одержимы, всѣ бѣснуются, всѣ въ корчахъ и въ судорогѣ. Одинъ Ста-

врогинъ не бѣснуется,—онъ жутко спокоенъ, мертвенно холоденъ, онъ застылъ, утихъ, умолкъ. Въ этомъ вся суть „Бѣсовъ": Ставрогинъ породилъ этотъ бушующій хаосъ, изъ себя выпустилъ всѣхъ бѣсовъ и въ бѣснованіе вокругъ себя перелилъ свою внутреннюю жизнь, самъ же замеръ, потухъ. Безмѣрность желаній Ставрогина вышла наружу и породила бѣснованіе и хаосъ. Онъ не совершилъ творческаго акта, не перевелъ ни одного изъ своихъ стремленій въ творческое дѣйствіе, ему не было дано ничего сотворить и осуществить. Его личность раскованалась, распылилась и изошла, изсякла въ бѣснованіи хаоса, бѣснованіи идей, бѣснованіи страстей, революціонныхъ, эротическихъ и просто мерзости человѣческой. Личность ничего не сотворившая утеряла себя въ эманировавшихъ изъ нея бѣсахъ. Только подлинный творческій актъ сохраняетъ личность, не истощаетъ ея. Истощающая эманація ничего не творитъ и умерщвляетъ личность. И трагедія Ставрогина, какъ трагедія міровая, можетъ быть связана съ проблемами творчества и эманаціи. Все и всѣ въ „Бѣсахъ" есть эманація Ставрогина, его внутренняго хаоса безмѣрности. Въ этой эманаціи изсякли силы Ставрогина и перелились во всѣхъ и вся, въ мужчинъ и женщинъ, въ идейныя страсти, въ бѣснованіе революціи, въ бѣснованіе любви и пепанисти. Отъ самого же Ставрогина осталась лишь мертвая маска. Эта маска бродитъ среди порожденнаго нѣкогда живымъ лицомъ бѣснованія. Маска мертвеца-Ставрогина и бѣснованіе изъ него выходящихъ, имъ истощенныхъ силъ! Это перевоплощеніе Ставрогина въ П. Верховенскаго, въ Шатова, въ Кирилова, даже въ Лутугина и Лебядкина, и воплощеніе чувствъ его въ Лизѣ, въ Хромоножкѣ, въ Дашѣ и есть содержаніе „Бѣсовъ". Ставрогинъ ни съ кѣмъ не можетъ соединиться, потому что всѣ лишь его порожденіе, его собственный внутренній хаосъ. У Ставрогина нѣтъ его *другого*, нѣтъ выхода изъ себя, а есть лишь выходящее изъ него, лишь истощающая его эманація. Онъ не сохранилъ, не собралъ своей личности. Выходъ изъ себя въ другого, съ которымъ совершается подлинное соединеніе, куетъ личность, укрѣпляетъ ее. Невозможность выйти изъ себя въ творческомъ актѣ любви, познанія или дѣйствія и истощеніе въ собственныхъ эманаціяхъ ослабляютъ личность и распыляетъ ее. Судьба Ставрогина есть распаденіе большой, творческой личности, которая вмѣсто творчества новой жизни и новаго бытія, творческаго выхода изъ себя въ міръ, истощилась въ хаосѣ, потеряла себя въ безграничности. Сила перешла не въ творчество, а въ самоистребленіе личности. И тамъ гдѣ огромная личность погибла и силу свою расточила, тамъ началось бѣснованіе выпущенныхъ силъ, отдѣлившихся отъ личности. Бѣснованіе вмѣсто творчества — вотъ тема „Бѣсовъ". Это бѣснованіе совершается на могилѣ Ставрогина. „Бѣсы", какъ трагедія

символическая, есть лишь феноменологія духа Николая Ставрогина. Реально, объективно и нѣтъ ничего и никого, кромѣ Ставрогина. Все—онъ, все—вокругъ него. Онъ—солнце, истощившее свой свѣтъ. И вокругъ солнца потухшаго, не излучающаго уже ни свѣта, ни тепла, вращаются всѣ бѣсы. И всѣ еще ждутъ отъ солнца свѣта и тепла, предъявляютъ безмѣрныя требованія къ своему источнику, тянутся къ нему съ безконечной влюбленностью и ненавидятъ, и злобствуютъ, когда видятъ солнце потухшее и охлажденное. Одна Даша ничего не ждетъ, согласна быть сидѣлкой у постели больного и умирающаго. Жизнь съ Дашей, маленькая, безконечно маленькая жизнь, и есть то, во что перешла истощенная безмѣрность стремленій, не знавшая границъ и избраній безконечность желаній. Ставрогинъ обреченъ Дашѣ. И есть глубокая правда, глубокое прозрѣніе въ томъ, что Ставрогинъ могъ потянуться только къ сѣрой и прозаической, умѣренной и аккуратной Дашѣ, только около нея искать успокоеніе.

Очень замѣчательны эти переходы въ противоположныхъ оцѣнкахъ Ставрогина со стороны всѣхъ связанныхъ съ нимъ людей. Для всѣхъ образъ Ставрогина двоится: для Хромоножки онъ то князь и соколъ, то самозванецъ-купчикъ, стыдящійся ея; для П. Верховенскаго онъ то Иванъ Царевичъ, о которомъ пойдетъ легенда въ русскомъ народѣ, который станетъ во главѣ переворота, то развратный, безсильный, ни къ чему не годный барченокъ; и для Шатова онъ то великій носитель идеи русскаго народа-богоносца, который тоже призванъ стать во главѣ движенія, то баричъ, развратникъ, измѣнникъ идеѣ; то же двойственное отношеніе у Лизы, которая его обожаетъ и ненавидитъ. Барство Ставрогина всѣхъ прельщаетъ,—аристократъ въ демократіи обаятеленъ,—и никто не можетъ ему простить его барства. Барство—метафизическое свойство Ставрогина, оно—нуменально въ немъ. Его трагическая судьба связана съ тѣмъ, что онъ—обреченный баринъ и аристократъ. Баринъ и аристократъ обаятеленъ, когда идетъ въ демократію, но онъ ничего не можетъ въ ней сдѣлать, онъ вообще не можетъ быть полезенъ, неспособенъ къ „дѣлу". Аристократизмъ всегда хочетъ творчества, а не „дѣла". Только баринъ и аристократъ могъ бы быть Иваномъ Царевичемъ и поднять за собой народъ. Но онъ никогда этого не сдѣлаетъ, не захочетъ этого сдѣлать и не будетъ имѣть силы этого сдѣлать. Его не плѣняетъ, не вдохновляетъ никакая демократизація собственныхъ идей, ему противно и брезгливо встрѣчаться съ собственными идеями въ другихъ, въ объективномъ мірѣ и его движеніи. И реализація собственной любви, собственной эротической мечты нежелана ему, почти отвратительна. Жизнь съ Дашей лучше жизни съ Лизой. Великія идеи и мечты вышли изъ барина и аристократа Ставрогина не потому, что

онъ въ мірѣ совершилъ творческій актъ, а потому, что онъ истощался отъ внутренняго хвоса. Порожденныя имъ идеи и мечты персонифицировались и потребовали отъ него, чтобы онъ осуществилъ, реализовалъ то великое, что въ немъ зародилось, и негодуютъ и ненавидятъ, когда встрѣчаютъ истощеннаго, потухшаго, безсильнаго, мертваго. Ставрогинъ все могъ бы: онъ могъ бы быть и Иваномъ Царевичемъ, и носителемъ идеи русскаго мессіанизма, и человѣкобогомъ, побѣждающимъ смерть, могъ бы онъ и любить Лизу прекрасной, божественной любовью. И онъ ничего не можетъ, ни на что не имѣетъ силы; безмѣрность страстей и стремленій истощила его, нумепальное барство не позволило ему совершить тотъ актъ жертвы, послѣ котораго начинается подлинное творчество. Онъ остался въ себѣ и утерялъ себя, онъ не нашелъ своего другого и изошолъ въ другихъ, не своихъ. Онъ безсиленъ надъ выпущенными имъ бѣсами и духами, какъ злыми, такъ и добрыми. Онъ но знаетъ заклинаній. Какъ безсиленъ Ставрогинъ передъ Хромоножкой, которая оказывается выше его! У Хромоножки есть глубокія прозрѣнія. Разговоръ Хромоножки съ Шатовымъ о Богородицѣ и землѣ по небесной красотѣ своей и глубинѣ принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ міровой литературы. Безсиліе Ставрогина передъ Хромоножкой есть безсиліе нумепальнаго барства передъ русской землей, землей — вѣчной женственностью, ожидающей своего жениха. Идея русской земли жила въ Ставрогинѣ, но и тутъ онъ былъ безсиленъ выйти изъ себя, соединиться. Жениха своего ждетъ и Лиза, но встрѣтитъ его лишь на одинъ часъ. Образъ жениха двоится. Ставрогинъ неспособенъ къ браку, безсиленъ соединиться, не можетъ оплодотворить землю. Ему подъ силу лишь тихая, угасшая жизнь съ Дашей въ унылыхъ Швейцарскихъ горахъ. Онъ обреченъ ей, этотъ баринъ и аристократъ, никогда не вышедшій изъ себя черезъ жертву,—Даша не требуетъ отъ него ничего, не ждетъ ничего, она приметъ его погасшаго. Только при Дашѣ онъ можетъ говорить вслухъ о себѣ. Это—страшный конецъ безмѣрности во всемъ. Но и этотъ конецъ оказался невозможнымъ. Ставрогинъ боялся самоубійства, боялся показать великодушіе. Но онъ совершилъ актъ великодушія и понѣсился. То же нумепальное барство показалъ намъ Достоевскій въ образѣ Версилова, но человѣчески смягченное.

Трагедія Ставрогина—трагедія человѣка и его творчества, трагедія человѣка, оторвавшагося отъ органическихъ корней, аристократа, оторвавшагося отъ демократической матери-земли и дерзнувшаго итти своими путями. Трагедія Ставрогина ставитъ проблему о человѣкѣ, отдѣлившемся отъ природной жизни, жизни въ родѣ и родовыхъ традиціяхъ и возжелавшемъ творческаго почина. Путь творчества для Ставрогина, какъ и для Ницше, былъ путемъ богоотступничества, убіенія Бога.

Нитцше возненавидѣлъ Бога, потому что видѣлъ въ Немъ помѣху для творчества человѣка. Ставрогинъ, какъ и Нитцше, не зналъ религіознаго сознанія, въ которомъ было бы откровеніе о творчествѣ человѣка, откровеніе божественности человѣческаго творчества. Старое религіозное сознаніе воспрещало творческій починъ. Путь къ откровенію творчества человѣка лежитъ черезъ смерть Ставрогина, черезъ гибель Нитцше. Достоевскій ставитъ новую проблему и на муку Ставрогина и Кирилова не можетъ быть стараго отвѣта. Трагедія Ставрогина не излѣчима старыми религіозными рецептами и Достоевскій глубоко чувствовалъ это. Здоровые не могутъ судить о болѣзняхъ, раскрывшихся духу Достоевскаго. И лишь тѣ, которые слѣдуютъ не за духомъ Достоевскаго и не за геніальными и подлинно новыми его прозрѣніями, а лишь за поверхностнымъ сознаніемъ и платформой „Дневника писателя", могутъ думать, что у Достоевскаго все обстоитъ религіозно благополучно и что отпаденіе отъ православной вѣры любимыхъ его героевъ есть лишь грѣхъ, обыкновенный грѣхъ, а не огненная жажда новаго откровенія, отъ которой сгоралъ самъ Достоевскій. *У Достоевскаго было въ глубочайшемъ смыслѣ антиномическое отношеніе къ злу.* Зло есть зло, оно должно быть побѣждено, должно сгорѣть. И зло должно быть изжито и испытано, черезъ зло что-то открывается, оно тоже—путь. Сама гибель Ставрогина, какъ и всякая гибель,—не окончательная и не вѣчная гибель, это лишь путь. Проблема творчества человѣка не разрѣшилась и не могла разрѣшиться въ старомъ сознаніи, изъ котораго не вышелъ еще Ставрогинъ. Гдѣ нѣтъ исхода для творчества, тамъ началось бѣснованіе и развратъ. У Достоевскаго сама проблема разврата несоизмѣримо болѣе глубокая, чѣмъ проблема грѣха. Черезъ гибель что-то открывается, большее открывается, чѣмъ черезъ религіозное благополучіе. Ставрогинъ не только отрицательное явленіе и гибель его не окончательная. Была судьба Ставрогина до „Бѣсовъ" и будетъ судьба его послѣ „Бѣсовъ". Послѣ трагической гибели будетъ новое рожденіе, будетъ воскресеніе. И нашей любовью къ Ставрогину мы помогаемъ этому воскресенію. Самъ Достоевскій слишкомъ любилъ Ставрогина, чтобы примириться съ его гибелью. Онъ тоже возносилъ молитвы о его воскресеніи, о его новомъ рожденіи. Для православнаго сознанія Ставрогинъ погибъ безвозвратно, онъ обреченъ на вѣчную смерть. Но это не есть сознаніе Достоевскаго, подлиннаго Достоевскаго, знавшаго откровенія. И мы вмѣстѣ съ Достоевскимъ будемъ ждать новаго рожденія Николая Ставрогина, — красавца, сильнаго, обаятельнаго, геніальнаго творца. Для насъ невозможна та вѣра, въ которой нѣтъ спасенія для Ставрогина, нѣтъ выхода его силамъ въ творчество. Христосъ пришелъ весь міръ спасти, а не погубить Ставрогина. Но въ

старомъ христіанскомъ сознаніи еще не раскрылся смыслъ гибели Ставрогина, какъ момента пути къ новой жизни. И въ этой гибели есть прохожденіе черезъ Голгоѳу. Но Голгоѳа не послѣдній этапъ пути. Лишь въ новомъ откровеніи раскроется возможность воскресенія Ставрогина и жертвенный смыслъ гибели того, кто безсиленъ былъ совершить сознательную жертву. И вновь будетъ собрана его истощившаяся, распавшаяся личность, которую трудно не ненавидѣть и нельзя не любить. Безмѣрность желаній и стремленій должна быть насыщена и осуществлена въ безмѣрности божественной жизни. Жизнь въ мірѣ губила все безмѣрное. [1]) Безмѣрность не могла еще осуществиться. Но наступитъ мессіанскій міръ, на который призванъ будетъ и Ставрогинъ, и тамъ утолитъ онъ свой безмѣрный голодъ и безмѣрную свою жажду.

Николай Бердяевъ.

---

[1]) Подлинную безмѣрность въ жизни божественной знали германскіе мистики и съ безмѣрности переходили къ сверхбожественному.

Ангелусъ Силезіусъ говоритъ:

„Ich werfe mich allein
Ins ungeschaffne Meer der blossen Gottheit ein".

И потомъ:

Ich muss noch über Gott in eine Wüste ziehn.

И:

Die Ueber-Gottheit ist mein Leben und mein Licht.

Гейне и романтизмъ.

Памяти Эриха Шмита.

I.

Нѣмецкій романтизмъ пережилъ странную судьбу,—обычную судьбу предтечи, пришедшаго слишкомъ рано. Зародившись около 1800 года, онъ въ нѣсколько лѣтъ достигаетъ крайней напряженности жизненнаго чувства. Возникаетъ новая вѣра, которой подчиняется жизнь. Эта вѣра входитъ въ дѣла и мысли каждаго дня, какъ внезапное откровеніе божественнаго,—словно сегодня или завтра, но во всякомъ случаѣ совсѣмъ скоро, на землю опустится Царство Божіе, словно близко совершеніе, и отвѣтственность за него падаетъ на чуткихъ и знающихъ. „Наступило время разорвать покрывало Изиды“, — говоритъ Фридрихъ Шлегель. „Надвигается новый золотой вѣкъ,—предчувствуетъ Новалисъ,—съ глубокими, темными глазами, время пророческое, творящее чудеса и чудесно исцѣляющее, утѣшающее и обѣщающее вѣчную жизнь“. И въ частномъ письмѣ, мечтая создать союзъ, который и матеріальный міръ подчинилъ бы власти поэзіи, онъ говоритъ, что чувствуетъ себя „словно засѣдающимъ во всемірномъ комитетѣ общественнаго спасенія“.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Идеи первыхъ романтиковъ распространяются по всей Германіи, проникаютъ въ литературу и культурную жизнь; изъ Германіи онѣ расходятся по всей Европѣ. Но чуда не совершается: напротивъ того, романтическая культура,—мечта, вошедшая въ жизнь, вездѣ и проще, и слабѣе, чѣмъ гордые замыслы руководителей движенія. Болѣе того, настоящая романтическая мечта постепенно приходитъ въ забвеніе; ей приписываютъ выводы, противоположные ея глубочайшему существу; люди, внутренне чуждые романтизму, какъ Гейне, становятся учителями этого движенія; и не странная ли случайность, что во Франціи и у насъ именно поэзія Гейне, эпигона романтизма, и его теоретическая книга о „Романтической школѣ“ являются единственнымъ живымъ памятникомъ этой эпохи? Отыскать

подлинное содержаніе романтизма было дано только нашему времени; и это понятно: въ противоположность натуралистическому позитивизму недавняго времени, возникшему, какъ реакція противъ романтическихъ настроеній, современный намъ символизмъ является, въ своей основѣ, движеніемъ, родственнымъ романтическому [1]).

Въ основѣ романтизма, какъ и всякаго литературнаго движенія, лежитъ новое переживаніе жизни. Это переживаніе мы могли бы назвать всего лучше непосредственнымъ чувствомъ безконечнаго, или мистическимъ чувствомъ. При свѣтѣ этого новаго чувства весь міръ какъ будто наполняется теплымъ дыханіемъ божественнаго. За гранью конечнаго открывается безконечная даль; но и близко въ этотъ міръ, въ самую душу человѣка входитъ безконечное; оно наполняетъ собой деревья и травы, поля, покрытыя цвѣтами, свободныя рѣки и дальнія свѣтлыя горы; оно открывается и въ глубинѣ души человѣческой, въ переживаніяхъ любви, подчиняетъ себѣ поэзію и становится высшимъ содержаніемъ человѣческой культуры. Не стремленіе въ міры иные, какъ часто говорили, является характерной особенностью романтическаго чувства; конечный міръ, во всѣхъ индивидуальныхъ проявленіяхъ своихъ, всякое переживаніе, въ конкретной полнотѣ и близости своей, становится свѣтлымъ и навсегда необходимымъ, какъ содержащее въ себѣ божественный смыслъ. Такимъ образомъ, романтизмъ ставитъ себѣ задачей то, что и въ эпоху Возрожденія, и опять въ наши дни является главной цѣлью—примиреніе міра и Божества, индивидуальнаго и безконечнаго, культуры и религіи. Въ романтическомъ чувствѣ, въ переживаніяхъ отдѣльныхъ романтиковъ, эта задача рѣшена; въ жизни она завершается мечтой о чудѣ, о новомъ откровеніи, о какомъ-то грядущемъ примиреніи всѣхъ противорѣчій въ Богѣ—въ Царствѣ Духа Святого.

Правда, сквозь всѣ произведенія первыхъ романтиковъ проходитъ какъ бы томленіе по безконечному и божественному. „О, душа моя стремится къ чему-то неземному,—говоритъ одинъ изъ героевъ Тика,—къ тому, что не дано никому изъ людей. Какъ магнитъ, невидимое небо притягиваетъ мое сердце и пробуждаетъ въ немъ всѣ предчувствія, радости, давно выплаканныя, невозможныя наслажденія и надежды, которымъ нѣтъ исполненія". („Странствованія Франца Штернбальда"). То же самое повторяетъ и его Тангейзеръ: „Часто меня охватывала съ такой силой нѣжность и полнота природы, что я протягивалъ къ ней руки и на крыльяхъ хотѣлъ броситься въ ея глубину, чтобы, подобно духу міра, разлиться по горамъ и долинамъ, зашевелиться въ травѣ и кустахъ и вдыхать повсюду обиліе благословеній". Но это переживаніе

---

[1]) Исторія новаго пониманія романтизма въ Германіи разсказана въ моей замѣткѣ „Современная литература о нѣмецкомъ романтизмѣ", *Русская Мысль*, 1913 г., кн. XI.

не носитъ характера потусторонняго и аскетическаго стремленія въ міры иные. Оно приноситъ съ собой утвержденіе жизни, признаніе святости природы и ея таинственнаго существованія. „Смѣло отдайся потокамъ радости! Упади на неземную грудь! Ты узнаешь наслажденія, тебѣ еще неизвѣстныя!“ Такъ говоритъ Тикъ („Императоръ Октавіанъ“); и болѣе таинственно звучатъ слова Новалиса („Ученики въ Саисѣ“): „Чье сердце не бьется отъ радости, когда глубочайшая жизнь природы, во всей своей полнотѣ, входитъ въ его душу, когда въ немъ расширяется, какъ туманъ, въ которомъ теряются всѣ очертанія, то могучее чувство, для котораго человѣческая рѣчь не имѣетъ иного названія, кромѣ любви и сладострастія, и, дрожа отъ сладкаго страха, онъ падаетъ въ темное, манящее лоно природы, и маленькая личность разбивается въ низвергающихся волнахъ радости и остается только, какъ средоточіе неизмѣримой, рождающей силы, какъ жадный водоворотъ въ безконечномъ океанѣ“.

Такимъ образомъ, мистическое чувство природы не заключаетъ въ себѣ стремленія въ другой, болѣе реальный міръ. Только этотъ міръ для „умныхъ очей“ поэта становится глубокимъ и чудеснымъ, какъ въ сказкѣ. И дѣйствительно, описанія природы у Тика носятъ сказочный, чудесный характеръ. Вся природа одушевлена и говоритъ съ человѣкомъ. Какъ въ „Синей Птицѣ“ Метерлинка, въ комедіи Тика „Цербино“ дѣйствующими лицами выступаютъ лѣсъ и кусты, розы, лиліи, фіалки, незабудки, птицы, ключи, потоки, духи горъ и даже небесная лазурь. Всѣхъ охватила одна и та же радость—это мистическая радость бытія, радость жизни, переливающейся черезъ край. И одинокій пустынникъ благословляетъ всю радость Божію, расцвѣтающую вокругъ него; все въ природѣ вызываетъ его умиленіе, и нѣтъ въ ней ничего, что не было бы достойно радости.

„Ласковыхъ птичекъ рать
Будетъ со мной играть.
Бабочекъ радужныхъ видъ
Сердце мое веселитъ“.

Изъ этого поэтическаго чувства природы развивается романтическая натурфилософія, провозгласившая тождество міра природы и сознанія. Шеллингъ возвратилъ природѣ высокую реальность, потерянную ею въ идеалистической философіи Фихте. Природа — безсознательная форма духа на пути къ сознанію. Вся природа одушевлена; она—результатъ дѣйствія духовныхъ силъ; нѣтъ ничего мертваго. Эти особенности натурфилософіи Шеллинга становятся понятными только при сравненіи съ романтическимъ чувствомъ Тика, въ произведеніяхъ котораго тоже намѣчаются слѣды поэтическаго ученія о міровой душѣ.

Это мистическое міровоззрѣніе достигаетъ своего завершенія въ произведеніяхъ Новалиса, тоже преодолѣвшаго въ себѣ идеализмъ Фихте. Въ его „Гимнѣ о причастіи“ вся природа становится божественной плотью и кровью; любовь открываетъ тайный смыслъ природы. „О, пусть порозовѣетъ міровое море, и въ душистую плоть растворятся скалы“. И въ „Духовныхъ стихахъ“, обращаясь съ молитвой къ Богу, онъ проситъ о появленіи Спасителя во всей природѣ. „Собери Его въ тяжелыхъ тучахъ, и такъ пусть Онъ опустится на землю. Въ холодныхъ потокахъ пошли Его намъ, пусть Онъ горитъ въ огнѣ и пламени, въ воздухѣ и въ миррѣ, въ звонѣ и росѣ, пусть Онъ пронижетъ строеніе земли“. Въ своихъ романахъ Новалисъ грезитъ о міровомъ единствѣ, о таинственномъ соотвѣтствіи, слѣды котораго онъ находитъ повсюду. Весь міръ для него—святая церковь, „величественный соборъ, съ каменнаго основанія котораго подымается суровое прошлое, въ то время какъ изъ купола свѣтлое, веселое будущее спускается ему навстрѣчу въ видѣ золотыхъ ангеловъ. Тяжелые удары колокола дрожали въ серебряной пѣснѣ, а въ широкія ворота вступали всѣ существа, и каждое произносило свою просьбу на своемъ особенномъ языкѣ“. („Генрихъ фонъ Офтердингенъ“). Ибо въ божественномъ единствѣ міра не можетъ потеряться для Новалиса никакое отдѣльное существованіе; и въ послѣднемъ избавленіи міра, которое грезится, какъ конечная цѣль, во всѣхъ его романахъ, Царство Божіе приходитъ на землю не какъ что-то новое и далекое, а какъ расцвѣтъ всѣхъ индивидуальныхъ силъ въ ихъ горѣніи и радости, какъ просвѣтлѣніе и оправданіе всего земного существованія.

Тѣмъ самымъ романтическое міровоззрѣніе открываетъ возможность индивидуальнаго пути, обоснованія индивидуальной культуры съ мистической и религіозной точки зрѣнія. Каждый человѣкъ является чѣмъ-то единственнымъ и незамѣнимымъ и по-своему представляетъ безконечное. Каждый имѣетъ свой особенный, для него одного обязательный путь. Идея абсолютнаго долга, выставленная Кантомъ, продолжаетъ существовать во всей своей строгости, но она индивидуализуется; поэтому долгъ не является уже противорѣчіемъ естественнымъ стремленіямъ человѣка. Живи въ безконечномъ! въ божественномъ!—вотъ новое содержаніе нравственнаго велѣнія, и оно же заключаетъ въ себѣ всю полноту индивидуальнаго счастья, всѣ отвѣты на стремленія человѣческой души. Исполненіе мистическаго долга—высокая, свѣтлая радость, и всякая радость имѣетъ въ себѣ святое, божественное, „всякая радость хочетъ вѣчности“ (Ницше)—„высшая радость есть образъ наслажденія безконечнаго существа“,—говоритъ Фр. Шлегель.

Предѣльнымъ понятіемъ этого мистическаго реализма и оптимизма является представленіе о томъ, что всякое мгновеніе жизни и всякое

отдѣльное существованіе, какъ божественное, имѣетъ безконечное содержаніе и безконечную длительность во времени, все отдѣльное и обособленное—безконечно необходимо и вѣчно существуетъ и будетъ существовать въ Божествѣ. Вѣчность представляется Фр. Шлегелю не безконечно продленнымъ мгновеніемъ настоящаго—такая вѣчность была бы „пустой",—въ вѣчности заключается „полнота времени", „совершившееся время",—все многообразіе прошедшаго и будущаго. Также и для Шеллинга, въ Божествѣ уже лежитъ, до начала временъ, какъ въ безконечно плодоносномъ зародышѣ, весь міръ, какъ онъ разовьется впослѣдствіи во времени.

Эти мечты романтиковъ завершаются грезой о новой религіи, представленіемъ объ исполненіи нѣкоторыхъ темныхъ пророчествъ грядущаго, лежащихъ въ историческомъ христіанствѣ. Понятно, что уже скоро мистическій характеръ ихъ переживанія, въ связи съ ослабленіемъ напряженности хиліастическихъ чаяній, вѣры въ грядущія откровенія, долженъ былъ привести искренне религіозныхъ въ романтической средѣ къ мистической религіи католичества. Здѣсь была возможность въ идеѣ исторической церкви отыскать пути превращенія религіи въ дѣйствительную жизнь, въ культуру каждаго дня, связать свои одинокія, индивидуалистическія исканія съ историческими судьбами всего человѣчества и космическими судьбами міра, какъ церкви и тѣла Божія. Но здѣсь лежалъ и отказъ отъ безкрайности юношеской вѣры въ грядущее, отъ вѣры въ возможность конечнаго просвѣтлѣнія всего міра и всякой плоти, и возвращеніе къ аскетическому и идеалистическому началу средневѣковаго мистицизма. Великая задачая Возрожденія и въ романтизмѣ осталась безъ отвѣта.

Позднѣйшія судьбы романтической поэзіи строятся уже на этой основѣ. Романтики пережили трагедію отреченія отъ новой вѣры; романтическое чувство спиритуализируется. Безконечный міръ—единственно цѣнный и желанный, противопоставляется теперь міру конечному, какъ міру низкой дѣйствительности Идеалъ далекъ, неисполнимъ, онъ грезится намъ по ту сторону жизни, въ иномъ, болѣе реальномъ существованіи; но онъ такъ непохожъ на нашу жизнь, что почти что кажется иллюзіей. Такое чувство жизни особенно характерно для произведеній Гофмана. Герои Гофмана живутъ въ двухъ мірахъ: здѣсь на землѣ безпомощные и никому не нужные мечтатели, они въ иномъ мірѣ являются владыками невѣдомыхъ Атлантидъ. Борьба между этими двумя мірами составляетъ содержаніе всѣхъ произведеній Гофмана — борьба безъ рѣшенія, безъ побѣды, потому что, по существу несравнимые между собой, эти міры исключаютъ существованіе другъ друга, превращаютъ другъ друга въ иллюзію, въ небытіе—какъ правда сна и правда жизни, они непримиримы. И вотъ еще одинъ шагъ—міръ безконечный,

міръ болѣе реальный, чѣмъ нашъ, превращается *въ иллюзію*, въ „мечту поэта", мечту о томъ, чего нѣтъ, и эта, земная жизнь, такая близкая и понятная, становится опять единственнымъ предметомъ созерцанія и любви.

И еще на другомъ пути мы замѣчаемъ въ позднемъ романтизмѣ оскудѣніе подлиннаго мистическаго чувства. Индивидуальное вѣрованіе первыхъ романтиковъ кристаллизуется въ формѣ; чувство становится основой новаго способа жизни; вокругъ мистическаго переживанія образуется соотвѣтствующее ему внѣшнее выраженіе; вырастаетъ *новая эстетическая культура*. Ея образованію помогаетъ такъ называемое возрожденіе средневѣковья; художественныя формы этой поры, народная пѣсня и народная сказка, всего болѣе соотвѣтствуютъ особенностямъ новаго чувства. Ихъ снова пробуждаютъ къ жизни, наполняютъ живымъ содержаніемъ, съ ихъ помощью создается новая *форма жизни*. Ибо тѣ поэтическія описанія жизни нѣмецкой провинціи, которыя намъ такъ хорошо знакомы изъ романтическихъ разсказовъ и стиховъ, не являются поэтическимъ вымысломъ; они живы до сихъ поръ въ маленькихъ городахъ около Рейна или въ сердцѣ Тюрингскихъ горъ, вмѣстѣ со старыми улицами и старыми зданіями, вмѣстѣ со своеобразной природой этихъ горныхъ долинъ, съ мягкими, покатыми склонами, поросшими лиственнымъ лѣсомъ или виноградникомъ. Въ картинахъ Швинда мы видимъ, напримѣръ, какъ похожи внѣшнія формы жизни на мечту романтическаго поэта, и угадываемъ за этой формой создавшую ее мечту. Глубокій переворотъ въ душевной жизни отражается во всѣхъ особенностяхъ быта. Романтическое *чувство* становится *культурой*.

При этомъ, конечно, многое должно было потеряться. Тѣ неразрѣшенныя противорѣчія и надежды, которыя жили въ молитвахъ, грезахъ, видѣніяхъ первыхъ романтиковъ, исчезали при свѣтѣ трудового дня; культура всегда проще, чѣмъ создавшая ее новая вѣра. То же и въ болѣе узкой области художественной литературы: Новалисъ и его друзья проповѣдывали и говорили изъ глубины своей жизни; теперь романтизмъ изъ *предмета вѣры* превращается въ *литературу*. Борьба съ формой, со словомъ кончена. Эстетическія формы созданы. Онѣ входятъ въ законный кругъ литературной преемственности, вызываютъ подражанія. Внѣшними пріемами, заимствованными у первыхъ вдохновенныхъ создателей новыхъ образовъ и словъ, становится возможнымъ достигнуть тѣхъ же художественныхъ результатовъ. Характеръ времени требуетъ чудеснаго, таинственнаго, „мистическаго"; романтическая поэзія замѣняется „романтической литературой" удовлетворяющей этому спросу [1]).

---

[1]) Краткая характеристика нѣмецкаго романтизма въ этой вступительной части даетъ лишь общія черты движенія, необходимыя для пониманія Гейне. Обоснованы

II.

Гейне—характерный представитель поздняго романтизма. Въ немъ завершается процессъ саморазрушенія романтическаго чувства. Его мечта о безконечномъ носитъ всѣ черты опредѣленнаго *иллюзіонизма*. Какъ у Гофмана, его поэтъ—бѣдный, одинокій мечтатель; это не могучій волшебникъ, подчиняющій дѣйствительность своей вѣрѣ и мечтѣ, не „мессія природы", созданный пророческой фантазіей Новалиса, это—жалкій обитатель мансарды. Во снѣ ему является прекрасная королевна; съ ней онъ и смѣлъ, и силенъ, и счастливъ; но утро приноситъ съ собой печальное пробужденіе. (Введеніе къ „Лирическому интермеццо"). Таковы первыя стихотворенія Гейне — это сны, видѣнія, образы того, чего не было. Онъ мечтаетъ о счастливыхъ берегахъ священнаго Ганга, о сказочной странѣ „тоскующихъ цвѣтовъ" и „поющихъ деревьевъ". Мимо „острова духовъ", „озареннаго сумеречнымъ свѣтомъ луны", онъ проносится на челнокѣ, вмѣстѣ съ милой, въ тихую ночь; все нѣжнѣе, все радостнѣй звуки, но челнокъ „безнадежно уплываетъ въ далекое море". Онъ разсказываетъ о таинственной любви лотоса, раскрывающагося при свѣтѣ мѣсяца, объ умершей принцессѣ, которая ночью приходитъ цѣловать своего милаго, о королевѣ и пажѣ, которые должны были умереть, потому что „слишкомъ любили другъ друга". Возлюбленная поэта скрывается на днѣ моря, въ глубинѣ затонувшаго города. Въ старинномъ замкѣ оживаютъ обои и слышатся сладостныя вздохи любви: это трубадуръ Жофруа Рюдель и любимая имъ графиня обмѣниваются признаніями „посмертной куртуазности" (posthumer Galanterie) [1]). Поэтическая и нѣжная поэзія невозможнаго, сонъ и сказка, какъ противоположность жизни, въ которой мечта не находитъ воплощенія... Знаменательныя слова напишутъ надъ могилой поэта: „Онъ любилъ цвѣты Бренты!" („Книга Легранъ").

Впослѣдствіи Гейне разовьетъ эту особенность своей поэзіи въ великолѣпный иллюзіонизмъ „Флорентійскихъ ночей". Быть можетъ, это позднее произведеніе—наиболѣе характерное для его романтизма. Странныя повѣствованія о несвершившейся любви, у постели умирающей отъ чахотки женщины: разсказъ о любви къ статуѣ, къ картинѣ (образу Мадонны), къ маленькой дѣвочкѣ, которая умерла давно, къ загадочной танцовщицѣ, „дочери смерти", „бѣлой лиліи, выросшей изъ гроба", „которая была такъ стройна, такъ молода, такъ красива — это прови-

---

эти взгляды въ моей книгѣ: *В. Жирмунскій*. „Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика", Спб., 1914. Сравни также извѣстныя нѣмецкія изслѣдованія Риккарды Гухъ, Маріи Іоахими и Оскара Вальцеля.

[1]) Тема оживающихъ обой заимствована у Тика („Семь женъ Синей Бороды").

дѣніе съ лицомъ ангела и тѣломъ баядерки", и, наконецъ, удивительное и глубоко личное признаніе, что въ любви къ земнымъ женщинамъ такъ много любившій поэтъ нашелъ лишь одно мученіе, что образъ истинной любви и послѣдняго счастья являлся ему только во снѣ. „Я думаю, Марія, вы не вѣрите въ банальные предразсудки противъ сновъ; вѣдь правда—эти ночныя видѣнія такъ же реальны, какъ и болѣе грубыя созданія дня, которыя мы можемъ ощупать руками, и отъ которыхъ такъ легко запачкаться".

Личныя переживанія Гейне только усилили въ немъ эту особенность эпохи. Онъ дважды испыталъ всю горечь безотвѣтной любви, и разъ навсегда настроилъ свое поэтическое чувство на этотъ ладъ. Онъ снова и снова повторяетъ все ту же грустную повѣсть о безконечной боли и безконечномъ отреченіи, о вѣрѣ въ возлюбленную, и въ радость, и въ свѣтъ, которая не нашла исполненія въ жизни, которую жизнь такъ грубо оскорбила и уничтожила. Подъ вліяніемъ этой любви создаются стихи объ одинокомъ освѣщенномъ окнѣ, въ которомъ когда-то онъ видѣлъ милую, объ опустѣломъ домѣ, передъ которымъ, по ночамъ, плачетъ и ломаетъ руки его двойникъ, тѣ безконечно грустные осенніе стихи, которыми заканчивается „Лирическое интермеццо":

„Опять звѣзда упала
Съ сіяющей высоты".
. . . . . .
„Звѣзда въ вышинѣ потухла,
И лебедь пѣсню спѣлъ".

Такъ въ своемъ собственномъ душевномъ опытѣ Гейне находитъ основаніе для поэзіи потустороннаго идеала, противоположнаго злой земной дѣйствительности. Этой „романтической" любви, почти безплотной, несбышейся и несбыточной, противополагаются вскорѣ любовь чувственная и земная, любовь къ „многимъ" женщинамъ („Verschiedene")—страстная, но, какъ будто нарочно, неодухотворенная. Именно эта двойственность была совершенно невозможна въ эпоху „Люциды": въ таинствѣ любви открывалась первымъ романтикамъ святость всего земного, любовь открывала имъ безконечную жизнь, любовь была святой молитвой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикосновеніемъ самымъ радостнымъ, жизненнымъ и плотскимъ—истиннымъ воплощеніемъ духовнаго и одухотвореніемъ плоти въ одномъ нераздѣльномъ переживаніи.

Отсюда, изъ безсилія мечты-иллюзіи, непохожей на жизнь,—глубокій пессимизмъ гейневской поэзіи. Байронъ долженъ былъ казаться и ему „властителемъ думъ"; и онъ любилъ Байрона, но онъ—не байронистъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Байронъ тоже только съ

большими оговорками можетъ быть причисленъ къ романтикамъ [1]); но въ своемъ отношеніи къ жизни онъ всетаки ближе къ первымъ романтикамъ, чѣмъ Гейне: въ немъ нѣтъ мечтательности и любви къ иллюзіямъ; въ немъ живетъ жажда безконечнаго, божественнаго счастья, вѣчныхъ мгновеній, горячей и одновременно просвѣтленной жизни здѣсь на землѣ. И потому его пессимизмъ сильнѣе и послѣдовательнѣе: онъ доходитъ до молитвы о небытіи, до отказа отъ жизни, въ которой нѣтъ исполненія мечтѣ о безконечномъ счастьѣ. Гейне—тоже пессимистъ по отношенію къ этой жизни, но только къ филистерской, скучной дѣйствительности; надъ ней, въ душѣ его—царство сновъ, прозрачныхъ, акварельныхъ, несуществующихъ видѣній; потому онъ и пессимистъ, что эти видѣнія—только грезы, иллюзіи, мечты о небываломъ. Подлинный романтизмъ начальной, іенской поры—это было уже сказано—завершается, въ противоположность и Гейне, и Байрону, безграничнымъ оптимизмомъ, вѣрой въ жизнь, оправданіемъ жизни въ Богѣ.

Противъ дурной и пошлой дѣйствительности направляетъ поэтъ свою иронію. Иронія—обратная сторона лирическаго чувства, стремленія въ иной, болѣе реальный міръ. Дѣйствительность превращается въ романтическую карикатуру, какъ у Гофмана, какъ у нашего Гоголя. Но уже у Гофмана мы видимъ то, что особенно характерно для лирики Гейне: иронія направляется противъ своего источника, противъ поэтическаго одушевленія. И это опять черта иллюзіонизма, какъ пробужденіе послѣ сна,—это смѣхъ надъ безсиліемъ мечты, надъ странными, убогими формами, въ которыхъ мечта выражается въ жизни. Поэтъ задремалъ на краю корабля, онъ наклонился и глядитъ черезъ бортъ—на днѣ моря открываются его мечтѣ волшебные чертоги затонувшаго города, тамъ спряталась его возлюбленная, онъ хочетъ къ ней, въ глубину таинственнаго города... и только во время останавливаетъ его грубый окрикъ капитана, хватающаго его за ногу (эфектъ, заимствованный Гейне изъ „Золотого горшка“ Гофмана). Мечта-иллюзія безсильна: что можетъ она сдѣлать, такая хрупкая, блѣдная, противъ надвигающейся на нее грубой и чувственно-осязательной дѣйствительности? Но было бы совершенно невѣрно въ этой насмѣшкѣ надъ безсиліемъ мечты видѣть то, что первые романтики подразумѣвали подъ „романтической ироніей“. Фр. Шлегель формулировалъ еще въ началѣ своей дѣятельности въ статьѣ „О греческой комедіи“ идеалъ „чистой“ комедіи, *свободной отъ насмѣшки надъ несовершенствами жизни,* идеалъ смѣха, рождающагося изъ преизбытка радости,

---

[1]) Подлинные англійскіе романтики—это поэты такъ называемой „озерной школы“ (Вордсворть и Кольриджъ), близкій къ нимъ Вальтеръ Скоттъ и поздніе ученики этихъ поэтовъ, Шелли и Китсъ. Обо всѣхъ можетъ быть сказано то же, что и о нѣмецкихъ романтикахъ. Это мистики новаго, современнаго типа, благословляющіе жизнь въ ея индивидуальномъ многообразіи и чувственной полнотѣ.

для котораго прототипомъ являются комедіи Аристофана и сказочная интрига „Fiabe“, Гоцци. Это требованіе выполнилъ Тикъ въ своихъ комедіяхъ-сказкахъ; впослѣдствіи, съ помощью философіи Фихте, Фр. Шлегель еще точнѣе формулировалъ свою мысль: человѣческое *я* безконечно и чувствуетъ себя выше всѣхъ своихъ конечныхъ проявленій; отсюда, для поэта-творца, „обязательность и невозможность“ полнаго выраженія своего *я* („Фрагменты Атенеума“)—подобная той мистической невыразимости безконечнаго переживанія, о которой говорили наши романтики, Жуковскій и Тютчевъ.

Такъ глубокомысленный романтическій замыселъ, связанный съ послѣдней основой міроощущенія, превращается въ рукахъ Гейне въ техническое (поэтическое) средство, въ красивую игрушку. Это вообще тотъ путь, который такъ характеренъ для оскудѣнія подлиннаго мистическаго переживанія въ позднемъ романтизмѣ. Переживаніе исчезло,—осталась художественная форма, въ которой оно когда-то нашло выраженіе, — форма, которой именно Гейне владѣетъ особенно искусно. Одной изъ особенностей романтическаго чувства является переживаніе одушевленности всего міра. Все живо, все дышитъ, во всемъ чувствуется вѣяніе Божества, все въ природѣ связано, и въ каждой части мірозданія отражаются лучи, идущіе отъ всѣхъ его частей. Эта поэтизація—не дѣятельность нашей души, изъ себя привносящей что-то новое во внѣшній міръ, и не только поэтическій пріемъ. Она переживается романтической душой, какъ впечатлѣніе, идущее извнѣ, какъ положительное чувство присутствія безконечнаго во всемъ конечномъ. Смѣлыя метафоры, олицетворенія — не поэтическій вымыселъ и украшеніе рѣчи. Мы знаемъ, что Новалисъ пользовался въ своей натурфилософіи самыми невѣроятными поэтическими сближеніями и аналогіями, чтобы проникнуть въ живое, божественное единство міроздавія. И Фр. Шлегель не разъ повторяетъ, что только для легкомысленнаго поэта-подражателя образы и метафоры имѣютъ значеніе произвольнаго вымысла; у настоящаго поэта могъ бы учиться натурфилософъ. „Поэзія абсолютно реальна, чѣмъ поэтичнѣе, тѣмъ ближе къ правдѣ“, эту мысль Новалисъ считаетъ основой своей философіи.

Въ произведеніяхъ позднихъ романтиковъ одухотвореніе природы становится все болѣе и болѣе лишь поэтическимъ средствомъ, унаслѣдованнымъ по традиціи способомъ передавать „настроеніе“, связанное съ созерцаніемъ природы, грусть при заходѣ солнца, таинственный голосъ лѣсного одиночества, радость и томленіе весенняго дня. Гейне и здѣсь стоитъ на концѣ пути. Собственно говоря, онъ природы совсѣмъ не чувствуетъ. Ея живая жизнь служитъ ему лишь отраженіемъ его собственной жизни. Одухотвореніе природы становится знакомъ для явленій внутренней жизни въ душѣ поэта. Всѣ эти розы, лиліи и фіалки,

таинственно шепчущіе травы и цвѣты, тоскливые соловьи въ ночномъ саду и „маленькія звѣзды съ золотыми ножками“ не имѣютъ самостоятельной жизни: это — декорація, разставленная вокругъ самого поэта, единственнаго героя всей лирики Гейне:

„Кулисы расписавы были пестрѐ
Въ весьма романтическомъ стилѣ“.

Такъ пародируетъ Гейне свою собственную поэзію („Возвращеніе“, стр. 44). Въ этомъ отношеніи лучшіе лирики поздняго романтизма совершенно противоположны ему по чувству. У Эйхендорфа въ стихотвореніяхъ живутъ и свѣтлая звѣздная ночь, и спокойно зрѣющія поля, и почтовая дорога, по которой идетъ путникъ, и ручей, бѣгущій вдоль дороги. Въ лѣсахъ и поляхъ, въ долинахъ и на холмахъ своей родины онъ теряетъ душу свою, чтобы получить ее снова ото всего, что живетъ и дышитъ вокругъ. Гейне остается одинъ среди фантастическихъ и довольно однообразныхъ картинъ, созданныхъ имъ *изъ себя*. И характерно, что только одно море, съ его безграничнымъ одиночествомъ, съ его далью и свободой, дѣйствительно *живетъ* въ его стихахъ („Сѣверное море“). Поэзіи близкаго, теплаго, маленькаго въ жизни каждаго дня онъ почти не чувствуетъ [1]), потому что, какъ дуалистъ, онъ можетъ только противъ дурной дѣйствительности выставлять непохожій на нее идеалъ, созданный свободной человѣческой душой.

Особенно замѣчательна судьба романтической миѳологіи въ лирикѣ Гейне. И здѣсь романтики творили съ вѣрой: въ народную сказку, въ христіанскую легенду они погружались съ благоговѣніемъ, какъ въ остатки подлинныхъ вѣрованій прежнихъ временъ. Всѣ формы религіи, всѣ миѳологическіе образы воскресаютъ въ эпоху романтизма. „Въ религіи нѣтъ суевѣрія“,—говоритъ А. Шлегель. Эти образы наполняются содержаніемъ новаго мистическаго чувства, получаютъ натурфилософскій смыслъ. Сказки Тика, съ ихъ одухотвореніемъ природы и олицетвореніемъ ея таинственныхъ силъ, были для романтиковъ своеобразной поэтической миѳологіей. Въ „Тангейзерѣ“ (Тика) Венеринъ гротъ является средоточіемъ демоническихъ силъ природы, еще непобѣжденнаго хаоса, влекущаго къ себѣ обѣщаніемъ безконечнаго счастья и послѣдняго удовлетворенія индивидуальной воли. Въ поэтическомъ образѣ Ундины (Фукэ) нашло себѣ выраженіе романтическое представленіе о природномъ существованіи, стремящемся къ одушевленію и человѣчности, къ радостямъ и страданіямъ человѣческой души. И здѣсь опять поздніе роман-

[1]) Этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ (напримѣръ, въ „Горной идилліи“, изъ „Путешествія по Гарцу“) сложной и запутанной жизни поэта-индивидуалиста противопоставляются простая, идиллическая жизнь людей, близкихъ природѣ, изображенная съ большой любовью.

тики подчиняютъ образы миѳологической фантазіи законамъ поэтическаго настроенія. Многочисленные духи природы, наполняющіе собой лирику Эйхендорфа, Мёрике и Уланда, только подчеркиваютъ таинственныя настроенія этой лирики, вырастая изъ лѣсного одиночества, изъ глубокихъ рѣчныхъ затоновъ, изъ темныхъ озеръ, покрытыхъ большими лиліями. Въ поэзіи Гейне завершается этотъ процессъ *очеловѣченія* религіозныхъ образованій. Видѣнія его фантазіи не имѣютъ подлиннаго существованія; всѣ эти привидѣнія, русалки, эльфы и горные духи лишены собственной жизни; они обозначаютъ собой земныя чувства и переживанія поэта: въ образѣ морской царевны скрывается рыбачка, и принцесса Ильза—не сказочная дѣва, живущая въ свѣтлыхъ волнахъ горной рѣчки, это—созданіе любовной мечты поэта, бродящаго по живописнымъ долинамъ Гарца.

И вотъ, это послѣднее—самое важное. Творчество Гейне было своего рода освобожденіемъ. Романтизмъ снова усилилъ связь человѣка со всѣмъ міромъ, поставилъ его въ зависимость отъ живыхъ, повсюду дѣйствующихъ силъ. Въ лирикѣ Гейне поэтическое чувство опять сосредоточивается на самой индивидуальности поэта; происходитъ какъ бы *секуляризація поэзіи*, освобожденіе ея отъ органической, религіозной связанности человѣка съ Богомъ и міромъ въ романтической поэзіи, отъ этой теплой, полной радости и дыханья жизни атмосферы одушевленности, близости, подчиненности другъ другу всѣхъ отдѣльныхъ существованій. То, что дѣлало міръ живымъ и близкимъ,—мистическое чувство присутствія Бога во всемъ, и въ каждомъ явленіи жизни, исчезло; человѣкъ опять свободенъ, „покинутъ на самого себя". Оттого отъ живыхъ тканей романтическихъ формъ остались только лоскутья, покрытые блестками: розы, соловьи, мечтательныя, часто сантиментальныя видѣнія. Но пусть пройдетъ еще немного времени, исчезнетъ и это послѣднее наслѣдіе минувшаго, и свободная „покинутая на самое себя" душа человѣческая разскажетъ удивительными по простотѣ и глубинѣ словами о своихъ человѣческихъ страданіяхъ и радостяхъ.

Таковъ Гейне, въ сущности говоря, уже и въ первыхъ стихахъ „Книги пѣсенъ". Только это подлинное, истинно человѣческое переживаніе мы должны сами искать за многочисленными остатками иной, не подходящей къ его чувству поэтической формы. Таковъ онъ особенно въ „Романцеро" и въ послѣднихъ стихахъ. И пусть будетъ сказано именно здѣсь, что эти замѣтки нисколько не направлены противъ поэтическаго значенія Гейне, одного изъ лучшихъ лириковъ Германіи. Важно лишь подчеркнуть для дальнѣйшаго, что интересъ его поэзіи лежитъ въ ея „свѣтскомъ" характерѣ, въ тонкости, въ импрессіонистической отзывчивости на всѣ зовы жизни. Чѣмъ дальше, тѣмъ свободнѣе эта поэзія; чѣмъ ближе къ истоку, тѣмъ болѣе въ ней „романтиз-

ма“, тѣмъ яснѣе намъ становится въ ней процессъ саморазложенія романтизма, со всѣми признаками „декаданса“, т.-е. эпохи упадка.

III.

Этихъ замѣтокъ о личномъ душевномъ опытѣ Гейне, какъ романтика, будетъ вполнѣ достаточно, чтобы понять его отношеніе къ романтизму. Поздніе романтики ему душевно близки и понятны: онъ цѣнитъ Арнима и Брентано, лирику Уланда и Вильгельма Мюллера. По отношенію къ первымъ романтикамъ у него нѣтъ непосредственнаго, индивидуальнаго пониманія. Золотые дни „Іенской поры“ давно миновали; самъ Фр. Шлегель и его друзья успѣли измѣниться душевно; и Гейне смотритъ на нихъ сквозь призму этихъ позднихъ явленій, точно также, какъ и сквозь свои собственныя переживанія эпигона романтизма.

Правда, начало литературной дѣятельности Гейне связываетъ его съ именемъ одного изъ вождей первой романтической школы. Студентомъ въ Боннѣ онъ слушаетъ лекціи Августа Шлегеля по исторіи нѣмецкаго языка и литературы. Между нимъ и учителемъ завязываются личныя отношенія. Шлегель, одаренный исключительнымъ критическимъ чутьемъ, сумѣлъ почувствовать поэтическое дарованіе, даже столь непохожее на его собственное. Онъ „открылъ“ Гейне, какъ открылъ когда-то Ваккенродера и Тика. Гейне читалъ Шлегелю свои стихи, учился у него всѣмъ тонкостямъ романтической метрики, и безъ сомнѣнія, онъ воспиталъ свое чувство стиля съ помощью уроковъ этого мастера формы. Но въ болѣе глубокія особенности романтическаго чувства жизни Шлегель не могъ ввести своего ученика: эстетъ среди романтиковъ, онъ пережилъ религіозно-мистическій періодъ, какъ самъ впослѣдствіи признавался, лишь какъ „артистическое увлеченіе“. Въ это время Шлегель для Гейне „великій человѣкъ“; „невидимыя граціи летаютъ вокругъ него и учатся отъ него новымъ прелестямъ“ (Письмо къ другу, 15 іюля 1820 г.). Глубокое уваженіе ученика къ учителю нашло выраженіе въ трехъ сонетахъ, посвященныхъ Августу Шлегелю: знаменитый романтикъ освободилъ молодого поэта отъ „кинжальныхъ мыслей сомнѣнія“, ему хотѣлось бы „цвѣсти маленькой вѣткой“, въ „волшебномъ саду“ учителя, „гдѣ цвѣты разговариваютъ между собой и деревья поютъ“. Чувство личнаго уваженія расширяется въ апологію романтическаго ученія; только эта апологія не можетъ быть названа глубокой и не касается эзотерическаго, извѣстнаго однимъ посвященнымъ: не романтическое чувство и пониманіе жизни, а эстетическія теоріи эпохи находятъ въ Гейне пламеннаго защитника. Шлегель освободилъ нѣмецкую поэзію отъ стѣснительныхъ правилъ французскаго классицизма, онъ указалъ на богатства народной поэзіи и средневѣковой культуры; своими переводами онъ проложилъ путь къ созданію новой, міровой лите-

ратуры. Гейне гордится тѣмъ, что онъ ученикъ прославленнаго вождя романтизма. Въ письмѣ къ Гёте, въ запискѣ къ издателю Брокгаузу, которому онъ предложилъ свой первый сборникъ, дружба и участіе Шлегеля выставляются, какъ рекомендація, чтобы вызвать интересъ къ неприславленному еще молодому поэту.

Полнѣе всего юноша Гейне высказался о романтизмѣ въ небольшой журнальной статьѣ 1820 года („Die Romantik"). Онъ находится здѣсь всецѣло подъ вліяніемъ опредѣленій романтизма, заимствованныхъ у Шлегеля. [1]) Античная поэзія — это прославленіе внѣшней, чувственной жизни, романтическая поэзія—поэзія мистическаго христіанства. Средневѣковый романтизмъ, такимъ образомъ (какъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Шлегеля), совершенно несправедливо отождествляется съ современнымъ. Внѣшнимъ выраженіемъ романтическаго чувства жизни является поэзія настроенія и символовъ; ея происхожденіе тоже лежитъ въ средневѣковомъ христіанствѣ. „Необходимо было найти новыя слова,—говоритъ Гейне,—и притомъ такія, которыя своимъ тайнымъ симпатическимъ родствомъ съ этими новыми чувствами были бы въ состояніи постоянно вызывать ихъ въ душѣ". „Образы романтизма должны давать лишь намеки,—не точныя обозначенія". Гейне подчеркиваетъ однако, что и въ романтической поэзіи возможна ясность и опредѣленность. Въ этомъ усматривали начало освобожденія молодого поэта отъ теорій его учителя. Такое мнѣніе совершенно несправедливо. Образцами романтической опредѣленности служатъ ему „наши величайшіе романтики: Гёте и Августъ Шлегель". Полемика Гейне направлена лишь противъ чрезмѣрной фантастичности и неясности произведеній эпигоновъ романтизма. „Истинный романтизмъ ни въ коемъ случаѣ не сводится къ смѣси изъ испанскихъ блестокъ, шотландскихъ тумановъ и итальянскаго пустозвонства, изъ спутанныхъ и расплывчатыхъ образовъ". Я полагаю, что и здѣсь онъ слѣдуетъ указаніямъ Шлегеля. Тонкій цѣнитель и знатокъ формы, помогавшій Гёте въ исправленіи „Римскихъ элегій", А. Шлегель рано выступилъ противъ фантастическихъ крайностей эпигоновъ романтизма. „Поэты послѣдняго времени,—пишетъ онъ Фуке (1806 г.),—сдѣлали фантазію основой своихъ произведеній, притомъ фантазію играющую, бездѣятельную, мечтательную". Въ искусствѣ, какъ и въ жизни, „выше всего—простое и незамысловатое". Вообще первые романтики нерѣдко жаловались на непризванныхъ подражателей и неумѣренныхъ приверженцевъ; болѣе, чѣмъ вѣроятно, что подобные упреки выслушивалъ не разъ и Гейне отъ своего учителя: его юношескій сборникъ, особенно отдѣлъ „Сны", полонъ такихъ преувеличеній и фантастическихъ образовъ, часто совершенно не оправдываемыхъ переживаніями поэта и, скорѣе, заимствованныхъ у предшественниковъ.

---

[1]) Объ этихъ опредѣленіяхъ подробнѣе см. ниже, V.

Ближайшіе годы не приносятъ въ отношеніи къ романтизму ничего новаго. Въ Берлинѣ Гейне знакомится съ Л. Тикомъ и становится завсегдатаемъ въ романтическомъ салонѣ Рахили Варнгагенъ фонъ Энзе. Лишь постепенно въ его сужденіяхъ намѣчается нѣкоторое измѣненіе. Какъ авторъ „Путевыхъ картинъ" (1825—31 гг.), онъ начинаетъ борьбу противъ господства въ нѣмецкомъ обществѣ эстетическихъ интересовъ.[1]) Въ центрѣ „эстетической эпохи" (Kunstzeitalter) стоитъ Гёте. Романтики—его союзники и друзья. „Идея искусства является средоточіемъ эпохи, которая начинается съ появленія Гёте и только теперь приближается къ концу". „Шлегели, исходя изъ идеи искусства, провозгласили „объективность" главной задачей художественнаго произведенія". Такимъ образомъ, романтизму ставится въ вину эстетическое отношеніе къ жизни, непониманіе интересовъ дѣйствительности. Гейне — уже не союзникъ романтиковъ. Онъ привѣтствуетъ наступленіе новой эры. „Исчезаетъ идея искусства, основной принципъ гётевской эпохи, и прекрасный объективный міръ, созданный его словомъ и примѣромъ, съ необходимостью распадается на части". „Новыя, свѣжія силы будутъ вызваны къ жизни новой идеей новаго времени; какъ сѣверные варвары, онѣ ворвутся въ южныя земли и уничтожатъ цивилизованное царство Гёте". Романтики, „янычары" эстетической эпохи, тоже осуждены на гибель: они тѣсно связаны съ прошлымъ временемъ, „эстетическимъ" и немного абстрактнымъ. Такой взглядъ на романтическую литературу установился у Гейне навсегда; впослѣдствіи онъ разовьетъ его и доведетъ до конца: тогда и нравственныя, и религіозныя убѣжденія романтиковъ представятся ему оторваннымъ отъ жизни, потустороннимъ и аскетическимъ ученіемъ о мірахъ иныхъ, и въ то же время онъ будетъ стоять передъ неразрѣшеннымъ вопросомъ—скрывается ли за этимъ романтическимъ ученіемъ новое чувство жизни, или весь романтизмъ былъ только эстетической игрой и имѣетъ только литературное значеніе. Собственный душевный опытъ Гейне, какъ эпигона романтизма, могъ способствовать возникновенію этого сомнѣнія. Мы же знаемъ, что романтизмъ былъ явленіемъ жизненнымъ, а не только литературнымъ; всей своей жизнью, хотя бы переходомъ въ католицизмъ, романтики доказали глубину и жизненную значительность своихъ переживаній. Литературный, эстетическій характеръ романтическаго мистицизма—лишь позднее явленіе романтической культуры.

IV.

Въ этотъ начальный періодъ полемика Гейне противъ эстетической эпохи никогда не принимаетъ личнаго характера. Попрежнему онъ от-

---

[1]) Ср. его рецензію „Нѣмецкой литературы", Менцеля. Оттуда дальнѣйшія извлеченія.

зывается съ величайшимъ уваженіемъ о вождяхъ романтическаго движенія. Ученость Фр. Шлегеля, натурфилософія Шеллинга и его учениковъ, даже мистицизмъ Гёрреса и его друзей находятъ въ немъ сочувствующаго цѣнителя. „Изъ молочныхъ протестантскихъ соображеній" онъ не можетъ осудить этихъ явленій. (Рецензія книги Менцеля). Личное озлобленіе противъ старшихъ романтиковъ проникаетъ въ сочиненія Гейне по личному поводу. Поворотнымъ пунктомъ является путешествіе его въ Мюнхенъ и въ Италію (1830 г.), попытки получить профессуру въ столицѣ Баваріи и связанныя съ ними столкновенія съ антисемитами и католической партіей. Полемика съ графомъ фонъ Платенъ и обидная для него выходка поэтовъ „швабской школы" присоединяются сюда же. Переполнилъ мѣру его терпѣнія Авг. Шлегель, съ пренебреженіемъ отозвавшійся передъ Гумбольтомъ въ Парижѣ о его стихахъ и высмѣявшій его „неестественное" одушевленіе въ остроумной эпиграммѣ. [1])

Съ этого времени отзывы Гейне о старшихъ романтикахъ получаютъ окраску не всегда справедливаго личнаго озлобленія. Мы не будемъ подробно разбирать всѣхъ его полемическихъ выходокъ въ сочиненіяхъ парижской эпохи. Остроуміе и эстетическая привлекательность этихъ характеристикъ создали имъ бо́льшую славу, чѣмъ заслуживала бы ихъ историческая достовѣрность. [2]) Гейне умѣетъ въ душевныхъ особенностяхъ каждаго романтика отыскать одну карикатурную черту, какъ бы лейтмотивъ своей насмѣшливой характеристики. Фр. Шлегель умеръ отъ „гастрономической непоздержанности"; онъ—представитель „спиритуализма жареной курицы" (des gebratenen Hühnertums); съ высоты индійской пагоды онъ судитъ всѣ времена и народы. [3]) Тикъ — человѣкъ легкомысленный и необразованный, „несвѣдующій въ философіи и филологіи"; въ немъ характерно то „простодушіе грудного младенца, передъ которымъ мадамъ де Сталь благоговѣла съ такимъ трудомъ". [4]) Шеллингъ вступилъ въ Мюнхенѣ въ союзъ съ католической партіей, его теософія— это „поэзія или глупость"; онъ надѣлъ „блестящую ливрею власти", „какъ червь, извивается въ передней теоретическаго и практическаго абсолютизма и помогаетъ работѣ въ іезуитской пещерѣ, гдѣ куютъ оковы духу". [5]) Но прежде всего и больше всего и по всякому по-

---

[1]) *Strodtmann:* „H. Heine", II, 238—39.

[2]) Портреты *романтиковъ въ старости*, созданные Гейне, запечатлѣлись въ воображеніи потомства; и лишь глубокая интуиція современной неоромантической поэтессы, Риккарды Гухъ („Blütezeit der Romantik"), быть можетъ, будетъ въ состояніи замѣнить ихъ изображеніемъ романтиковъ и ихъ жизни *въ молодости*, въ счастливую іенскую пору.

[3]) „Романтическая школа", „Исповѣдь".

[4]) „Ром. школа", „Дѣвушки и женщины Шекспира".

[5]) „Изъ исторіи религіи и философіи въ Германіи".

воду достается Августу Шлегелю, учителю Гейне. [1]) Всѣ слабости его старческой жизни ученикъ безжалостно выноситъ на свѣтъ Божій: тщеславіе, любовь къ титуламъ и знакамъ отличія, его кокетство и смѣшное самомнѣніе. Дипломатическій Гёте „спокойно выслушивалъ Шлегелей... и иногда кормилъ ихъ со своего стола"; „Шиллеръ былъ человѣкъ честный и не хотѣлъ имѣть съ ними дѣла". Съ особенной любовью, съ непріятнымъ многословіемъ распространяется Гейне объ интимной жизни Шлегеля, его дружбѣ съ мадамъ де Сталь и женитьбѣ старика-поэта на молоденькой дочери раціоналиста Паулуса. Всѣ сплетни, передававшіяся въ профессорскихъ и литературныхъ кругахъ о похожденіяхъ „безполаго генія", размазываются имъ безо всякой необходимости и въ самой циничной формѣ. Описаніе послѣднихъ лѣтъ жизни Шлегеля въ Парижѣ носитъ поистинѣ трагическій характеръ.

Но однимъ только личнымъ нерасположеніемъ нельзя объяснить характера отзывовъ Гейне о романтизмѣ въ его парижскихъ статьяхъ, особенно въ знаменитой „Романтической школѣ" (1832—36 гг.) и въ „Исторіи религіи и философіи въ Германіи" (1834—35 г.). „Романтическая школа", какъ и всѣ сочиненія Гейне „о Германіи",—произведеніе *партійное*. Оно направлено противъ книги мадамъ де Сталь („De l'Allemagne"), написанной въ значительной степени подъ вліяніемъ А. Шлегеля и сочувственно настроенной по отношенію къ романтизму. Цѣлью Гейне не является научное, объективное изслѣдованіе вопроса о романтизмѣ: онъ хочетъ съ новой стороны показать французамъ нѣмецкую литературу недавняго прошлаго, а нѣмцевъ освободить отъ духовнаго наслѣдія эпохи реакціи; онъ борется противъ прошедшаго, чтобы очистить пути будущему. Гейне нисколько не скрываетъ, что это его главная задача. 8 апрѣля 1833 года онъ пишетъ поэту Лаубе: „Необходимо было представить нѣмецкой публикѣ итогъ литературы послѣ смерти Гёте. Если теперь начинается новая эпоха, моя книга будетъ ея программой". „Я нисколько не отрицаю полемическихъ цѣлей моей книги,—пишетъ онъ впослѣдствіи въ своей „Исповѣди" (1854 г.).—Сознаваясь въ томъ, что я написалъ произведеніе партійное, я, можетъ быть, принесу изслѣдователю истины больше пользы, чѣмъ если бы я старался лицемѣрно прикрыться ни къ чему не обязывающей безпартійностью". Особенно противъ католиковъ и ихъ друзей въ романтическомъ лагерѣ направлена полемика Гейне. „Это — враги моей родины, это сбродъ низкопоклонниковъ, это лицемѣры, лжецы и трусы... Но мы сокрушимъ главу древнему змію!" („Романтическая школа"). То же самое въ письмѣ къ Варнгагену фонъ Энзе (16 іюля 1833 года): „Я

---

[1]) „Ром. школа", „Исповѣдь", „Французскіе фельетоны", предисловіе къ „Книгѣ пѣсенъ" и т. д.

долженъ начать страшную борьбу съ этой гидрой. Вотъ для чего я собираю всѣ силы". Вполнѣ справедливо замѣчаніе проф. Оскара Вальцеля, современнаго изслѣдователя романтизма (въ примѣчаніяхъ къ его изданію сочиненій Гейне, томъ 7, стр. 432), что поэтъ „изъ-за католической и реакціонной романтики жертвуетъ всей обширной областью романтизма".

Вотъ почему, для того чтобы понять отношеніе Гейне къ писателямъ іенскаго круга, мы необходимо должны выяснить основныя черты его міровоззрѣнія въ началѣ его пребыванія въ Парижѣ. Всѣ сочиненія его этой поры построены на нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ, которыми онъ пользуется для выраженія своего новаго отношенія къ жизни.

Мы видѣли Гейне въ Германіи представителемъ дуалистическаго міровоззрѣнія позднихъ романтиковъ: противополагаются другъ другу далекій неземной идеалъ, скорѣе похожій на иллюзію, и грубая земная дѣйствительность, столь непохожая на идеалъ. Мы прослѣдили пути постепеннаго освобожденія его чувства жизни отъ унаслѣдованныхъ отъ романтизма религіозныхъ навыковъ и переживаній. И вотъ теперь далекій идеалъ, неясная, ненужная иллюзія уже не требуетъ больше вѣры; а близко, у самаго сердца поэта лежитъ живая, знакомая дѣйствительность, единственно для него реальная, единственно любимая и нужная. Уже въ эпоху „Путевыхъ картинъ" мы замѣчаемъ нарожденіе этого новаго чувства: какое-то стремленіе къ дѣйствительной жизни и горькія насмѣшки надъ возвышенными метафизическими грезами, надъ томленіемъ по мірамъ инымъ, надъ тѣмъ, что въ обычномъ словоупотребленіи понимается подъ романтизмомъ. *Эту* жизнь благословляетъ поэтъ, *эта* жизнь безконечна и божественна, и *въ полнотѣ и силѣ жизни*—высшая цѣнность существованія. „Да, я живу! Красная жизнь кипитъ въ моихъ жилахъ, подъ моими ногами дрожитъ земля, въ пламени любви я обнимаю деревья и мраморныя изваянія, и они оживаютъ въ моихъ объятьяхъ... Каждое мгновеніе для меня безконечно... И мнѣ не нужно обѣщанья иной жизни изъ устъ священника, ибо въ этой жизни я могу пережить достаточно... Да, я живу! Сердце природы бьется и въ моей груди, и, когда я ликую, тысячу разъ мнѣ отвѣчаетъ эхо!" („Книга Легранъ").

Такъ превращается это обожествленіе жизни въ чувственный и радостный пантеизмъ, напоминающій доромантическое міровоззрѣніе молодого Гёте и его друзей. „Міръ не только наполненъ божественнымъ, не только носитъ въ себѣ божественное, онъ тождественъ съ Богомъ". „Богъ,—повторяетъ Гейне въ своей „Исторіи религіи и философіи"... вслѣдъ за Спинозой,—тождественъ всему, что существуетъ". „Онъ—и матерія, и духъ, и тотъ, кто оскорбляетъ святость матеріи, такъ же грѣшенъ, какъ совершающій грѣхъ противъ Духа Святого".

Въ послѣднихъ словахъ уже чувствуется полемическая нота; за ними непосредственно послѣдуетъ борьба противъ дуалистическаго и аскетическаго міровоззрѣнія. Два психологическихъ типа ставитъ Гейне другъ противъ друга: христіанина (Nazarener) и эллина, спиритуализмъ и сенсуализмъ, отреченіе отъ жизни и чувственную радость бытія (Sinnenfreude): „два міровоззрѣнія, одно изъ которыхъ хочетъ разрушенія матеріи во славу духа, въ то время какъ другое защищаетъ естественныя права матеріи отъ незаконныхъ захватовъ духа". Эта психологическая разница служитъ основой для историческаго построенія по діалектическому методу Гегеля: чувственный античный міръ достигаетъ вершины своего развитія въ развращенномъ матеріализмѣ Римской имперіи и превращается тѣмъ самымъ въ свою противоположность, въ односторонній спиритуализмъ мистическаго христіанства. Современный пантеизмъ— это синтезъ, его принимаетъ Гейне: онъ исповѣдуетъ не матеріализмъ, а религію жизни.

Несомнѣнно также вліяніе сенъ-симонизма на эти идеи. Но, какъ показали французскіе изслѣдователи поэта, [1]) его сенъ-симонизмъ носитъ довольно односторонній характеръ; не экономическія и соціальныя, а только нравственныя и религіозныя идеи этого ученія встрѣчаютъ откликъ въ его душѣ: обоготвореніе жизни, пантеистическія мечты и новая нравственность, „эмансипація плоти", или, по выраженію самого Гейне („Исторія религіи"...), „возвращеніе матеріи ея прежняго достоинства... признаніе ея религіозной святости". Но всего сильнѣе подѣйствовали на поэта глубокій оптимизмъ этого ученія и его пламенная вѣра въ будущее. „Истинно говорю вамъ, наши потомки будутъ прекраснѣе и счастливѣе насъ. Ибо я вѣрю въ прогрессъ и вѣрю, что люди рождены для счастья". ...„Болѣе счастливыя и прекрасныя поколѣнія, рожденныя свободной любовью и воспитанныя въ религіи радости, будутъ съ улыбкой сожалѣнія вспоминать о своихъ бѣдныхъ предкахъ, которые жили въ воздержаніи отъ наслажденій этой прекрасной земли". (Тамъ же.)

Во имя такихъ надеждъ выступаетъ Гейне противъ міровоззрѣнія прошедшей эпохи, какъ обвинитель и судья. Живымъ примѣромъ этого міровоззрѣнія служитъ ему романтизмъ. Нѣкотораго сродства своихъ идей съ подлинно-романтическимъ чувствомъ жизни онъ не замѣчаетъ: между нимъ и іенскимъ романтизмомъ стоитъ эпоха позднихъ романтиковъ, отреченіе вождей самого движенія, его собственный душевный опытъ, какъ эпигона романтизма [2]).

---

[1]) *Lichtenberger:* „H. Heine". *Jules Legras*: „H. Heine poète", 1897, стр. 195—98.

[2]) Принятіе и обоготвореніе жизни сближаютъ пантеизмъ Гейне съ романтическимъ міровоззрѣніемъ. Но при всей напряженности его жизненнаго чувства, оно принимаетъ въ его разсужденіяхъ характеръ *механическаго* пантеизма, а не живого, религіознаго переживанія таинственной и чудесной святости всякаго существованія.

V.

Романтизмъ былъ, по мнѣнію Гейне, [1]) „возрожденіемъ поэзіи средневѣковья, въ той формѣ, какъ она изшла себѣ выраженіе въ пѣсняхъ, въ скульптурныхъ и архитектурныхъ произведеніяхъ, въ жизни и въ искусствѣ". „Эта школа была охвачена тѣмъ безуміемъ, которое вдохновляло благороднаго Донъ-Кихота на всѣ его глупости; она такъ же хотѣла возстановить средневѣковое рыцарство и возвратить къ жизни погибшее прошлое". Средневѣковье понимается Гейне, какъ эпоха господства аскетическаго католицизма. „Я говорю о той религіи, въ основѣ которой лежитъ умерщвленіе плоти, и которая не ограничивается признаніемъ верховенства духа надъ плотью, но хочетъ уничтожить послѣднюю, чтобы возвеличить духъ". Такимъ образомъ, романтическое ученіе оказывается реакціоннымъ по отношенію къ современной жизни, оно отрицаетъ міръ и возвращается къ средневѣковому, аскетическому христіанству.

Это подведеніе современнаго романтизма, вмѣстѣ съ романтическимъ средневѣковьемъ, подъ болѣе общее понятіе эпохи христіанской, аскетической, спиритуалистической не было выдумано самимъ Гейне. Онъ только подчеркиваетъ тѣ взгляды, которые встрѣчаются въ позднихъ произведеніяхъ самихъ романтиковъ, въ лекціяхъ Авг. Шлегеля и въ книгѣ г-жи де Сталь, съ которой Гейне полемизируетъ. „Культура грековъ,—говоритъ Шлегель въ своихъ „Чтеніяхъ по исторіи драмы",— была совершеннымъ развитіемъ природныхъ способностей... ихъ религія—обожествленіемъ силъ природы и земной жизни... они жили и цвѣли въ полномъ здоровьѣ и создали, благодаря на рѣдкость благопріятнымъ условіямъ, все, что можетъ создать человѣкъ, ограниченный конечнымъ существованіемъ". „У грековъ человѣческая природа была самоцѣлью, она не ощущала въ себѣ никакихъ недостатковъ и не стремилась ни къ какому совершенству, кромѣ того, которое было для нея достижимо... Въ христіанскомъ міровоззрѣніи все это совершенно измѣнилось; созерцаніе безконечнаго уничтожило конечное; жизнь стала царствомъ тѣней и мрака, и только въ мірѣ иномъ восходитъ вѣчный свѣтъ истиннаго существованія".

Эти мысли Шлегеля повторяетъ Гейне, но смыслъ ихъ онъ обращаетъ противъ самого романтизма. На немъ онъ хочетъ доказать всю непозволительность аскетическаго спиритуализма, чтобы проложить пути новому міровоззрѣнію, принимающему и благословляющему жизнь. Трудно представить себѣ точку зрѣнія, менѣе благопріятную для пони-

---

[1]) Эти и дальнѣйшія извлеченія—изъ „Романтической школы" и изъ „Исторіи религіи и философіи въ Германіи".

манія романтическаго чувства жизни, чѣмъ это соединеніе въ одномъ понятіи средневѣковой и современной мистики. Мы показали выше, что романтическій мистицизмъ носитъ подлинно-реалистическій характеръ, что онъ принимаетъ жизнь во всемъ ея многообразіи и во всей ея полнотѣ и, подобно эпохѣ возрожденія, является попыткой примиренія „античнаго“ и „средневѣковаго“ идеала, Бога и міра, религіи и культуры. Только позднія явленія въ дальнѣйшей эволюціи романтизма могли оправдать опредѣленія Гейне. Переходъ къ католицизму, къ положительной религіи происходитъ въ исторіи романтизма съ полной психологической необходимостью, какъ завершеніе мистическихъ устремленій отдѣльной человѣческой души, „чтобы“, какъ говоритъ Фр. Шлегель („Рѣчь о миѳологіи“), „въ самомъ главномъ (въ религіи) мы не были бы до такой степени покинуты на самихъ себя“. Но положительная религія вступаетъ въ кругъ романтическихъ интересовъ только около 1800 года, въ эпоху „Рѣчей“ Шлейермахера, „Европы“ Новалиса и „Идей“ Фр. Шлегеля. Что же касается преклоненія передъ средневѣковьемъ, какъ временемъ поэтическимъ и религіознымъ по преимуществу, то и оно является лишь *послѣдствіемъ* основного мистическаго чувства, а именно попыткой создать соотвѣтствующую ему внѣшнюю форму, эстетическую культуру, и ведетъ свое начало отъ „Сердечныхъ изліяній монаха, любителя искусства“, Ваккенродера,—сперва, какъ отдѣльная струя общеромантическаго міровоззрѣнія. Во всякомъ случаѣ, объективный изслѣдователь долженъ, не останавливаясь, какъ Гейне, на этихъ внѣшнихъ формахъ и позднихъ образованіяхъ, опредѣлить всю глубину новаго переживанія жизни, скрытаго въ романтизмѣ. Мы опредѣлили его какъ „мистическій реализмъ“ [1]).

Самъ Гейне, несмотря на отождествленіе понятія романтизма съ „возрожденіемъ средневѣковья“, какъ это ни странно, совершенно не въ состояніи объяснить причины перехода романтиковъ въ католицизмъ. Онъ сомнѣвается нерѣдко въ искренности и честности и въ душевной необходимости этихъ „обращеній“; иногда онъ приводитъ патологическія причины—старость, утомленіе; почти всегда онъ выставляетъ противъ

---

[1]) Намеки на болѣе глубокую оцѣнку романтизма встрѣчаются въ „Исторіи религіи и философіи...“ Здѣсь міровоззрѣніе Гёте и его современниковъ характеризуется какъ поэтическій пантеизмъ. „Романтики руководились неяснымъ пантеистическимъ инстинктомъ“; въ средневѣковьѣ ихъ привлекали остатки народныхъ вѣрованій (одухотворенія природы). Съ этой точки зрѣнія даже обращеніе въ католицизмъ является „неосознаннымъ стремленіемъ вернуться къ пантеизму древнихъ германцевъ“, и „заблужденія первыхъ романтиковъ заслуживаютъ, такимъ образомъ, снисхожденія“. Однако это мѣсто представляетъ исключеніе. Можно развѣ еще указать на любовь Гейне къ натурфилософіи Шеллинга, связь которой съ романтизмомъ онъ, впрочемъ, рѣшительно отрицаетъ. Свою собственную „религію жизни“ Гейне развиваетъ въ терминахъ натурфилософіи Шеллинга (ср. нѣмецкое изданіе Elster'a, IV, стр. 222).

послѣдователей романтическаго католицизма такія ничего не говорящіе партійные упреки, какъ „реакція", „владычество феодаловъ и священниковъ" и т. п. При этомъ, конечно, преслѣдуется политическая цѣль; но кромѣ этой причины непониманія, есть и другая, болѣе серьезная: въ характеристикѣ романтизма мы встрѣчаемъ у Гейне еще новую тенденцію, нерѣдко находящуюся въ противорѣчіи съ первой: романтизмъ, даже въ его увлеченіи средневѣковьемъ, представляется ему исключительно эстетическимъ направленіемъ, его сущность исчерпывается созданіемъ новыхъ литературныхъ формъ, поэзіей намековъ и настроеній, „поэтизаціей" природы и т. д.

Съ большимъ художественнымъ пониманіемъ опредѣляетъ Гейне разницу между классической и романтической формой. Онъ подчеркиваетъ символизмъ романтической поэзіи, являющійся, по его мнѣнію, слѣдствіемъ стремленія воплотить въ чувственныхъ образахъ безконечное, чудесное, мистическое. Правда, и здѣсь онъ слѣдуетъ за теоретиками романтизма; только для романтиковъ всякое искусство, а не одно лишь романтическое, было выраженіемъ безконечнаго въ конечной формѣ. Слѣдуя за Шеллингомъ, А. Шлегель говоритъ въ своихъ „Берлинскихъ лекціяхъ": „Красота есть символическое выраженіе безконечнаго... Какъ можетъ быть выражено безконечное въ явленіи? Только символически, въ образахъ и знакахъ". И еще раньше этихъ теоретиковъ движенія тоже самое предчувствовали поэты романтизма, когда они называли искусство „чуднымъ языкомъ Божіимъ", „аллегоріей Божественнаго", „іероглифомъ, означающимъ единую и вѣчную любовь".

Это стремленіе выразить словами безконечное и чудесное было причиной развитія романтической поэтики. Поэзія недосказаннаго, настроеній и предчувствій, намековъ и полутоновъ, музыкальная значительность слова скорѣе, чѣмъ его логическій смыслъ, смѣлыя метафоры, соединяющія самое несходное, должны были служить средствомъ воплощенія мистическаго чувства въ словѣ. Цѣлью всего этого была не поэтическая игра, не простая любовь къ новымъ, изысканнымъ и неиспытаннымъ формамъ. Мы уже знаемъ слова Новалиса: „поэзія истинно реальна; чѣмъ поэтичнѣе, тѣмъ ближе къ правдѣ". Романтическая поэзія была служеніемъ, и вѣрой, и великимъ жизненнымъ дѣломъ.

Переживаніе Гейне было совсѣмъ другое; онъ перенялъ поэтическую технику романтизма по традиціи—безъ вѣры. Сообразно своему собственному душевному опыту онъ судитъ своихъ предшественниковъ. О вѣрѣ ихъ онъ говоритъ очень мало; эстетическій моментъ заслоняетъ болѣе глубокое душевное переживаніе. Такъ онъ даетъ красивое описаніе изображеній природы въ сказкахъ Тика, „гдѣ царитъ таинственная глубина чувства и странная связь съ природой", гдѣ растутъ „незнакомые чудные цвѣты", „со свѣтлыми, тоскующими глазами", гдѣ

качаются „высокіе грибы, какъ золотые колокольчики“ и рѣютъ „большія молчаливыя птицы“. „На бѣломъ конѣ проносится дивная женщина, съ развѣвающимися перьями на шляпѣ, съ соколомъ на рукѣ“. Это—„фантазія нашего достойнаго Людвига Тика, которая охотится въ волшебномъ лѣсу за сказочными звѣрями“. Описаніе Гейне чрезвычайно поэтично, но при этомъ какъ-то сразу исчезаетъ вѣра въ подлинность этой „связи съ природой“, исчезаетъ вѣра въ чудесную и безконечную жизнь природы, что для Тика—самое главное. Эту вѣру замѣняетъ эстетическое созерцаніе природы, эстетическое „вчувствованіе“ (Einfühlung). Какъ въ эпоху борьбы противъ „эстетическаго періода“, романтическій міръ представляется Гейне міромъ поэтическихъ сновъ; онъ не замѣчаетъ, что романтики *вѣрили въ реальность этихъ сновъ.*

Точно также, въ характеристикѣ „Генриха фонъ Офтердингенъ“ Новалиса Гейне ограничивается передачей художественнаго впечатлѣнія отъ этого произведенія: онъ говоритъ о неясныхъ воспоминаніяхъ, встающихъ въ душѣ читателя, о чертахъ лица, знакомыхъ съ дѣтства, даже съ героиней романа Софіей (Матильдой?), кажется ему, онъ гулялъ когда-то въ буковой аллеѣ; „все это лежитъ въ сумеркахъ минувшаго, какъ полузабытый сонъ“. И здѣсь онъ какъ будто не подозрѣваетъ, что эти художественныя особенности служатъ Новалису только для того, чтобы напомнить намъ о таинственной связи въ природѣ, чтобы отыскать слѣды мірового единства, которое было когда-то, „въ тѣ времена, когда природа была одушевленнѣе и живѣе, чѣмъ теперь“, и чтобы снова, въ Царствѣ Божьемъ, возвратить это единство; онъ не замѣчаетъ трансцендентнаго смысла романа, заключающагося въ освобожденіи міра поэтомъ, „Мессіей природы“.

Именно въ пониманіи романтизма, какъ явленія исключительно художественнаго порядка, лежитъ главная причина того, что переходъ романтиковъ въ католицизмъ казался Гейне такимъ непонятнымъ. Оттого онъ сомнѣвается въ искренности религіозныхъ убѣжденій романтиковъ, особенно же А. Шлегеля, которому вообще „оказываютъ незаслуженную честь, приписывая ему опредѣленныя симпатіи и антипатіи“. Чисто внѣшнее, литературное объясненіе получаетъ и самый фактъ увлеченія романтиковъ средневѣковьемъ. Шлегели, замѣтивъ, что нѣмецкая литература страдаетъ старческой слабостью, рекомендовали средневѣковую поэзію, какъ источникъ обновленія. „Художники... рѣшили отправиться къ этому источнику, изъ котораго старинные мастера черпали свое чудесное вдохновеніе; они двинулись на паломничество въ Римъ, гдѣ намѣстникъ Христа долженъ былъ возстановить чахоточное нѣмецкое искусство молокомъ своей ослицы“.

Не менѣе своеобразной особенностью построенія романтизма у Гейне является отрицаніе имъ связи литературнаго движенія съ развитіемъ

философскаго идеализма Фихте и Шеллинга. „Въ лучшемъ случаѣ" онъ соглашается признать вліяніе на романтиковъ „фрагментовъ мысли Фихте и Шеллинга". Нѣмецкій философскій идеализмъ представляется ему, въ противоположность поэзіи того времени, явленіемъ прогрессивнымъ, освобожденіемъ отъ средневѣковаго авторитета, подобнымъ французской революціи. Между тѣмъ для насъ изслѣдованіями Гайма и Дильтея въ достаточной мѣрѣ установлена глубокая связь философіи и поэзіи въ романтическую эпоху. И даже тотъ, кто усматриваетъ въ романтизмѣ преодолѣніе философскаго идеализма реализмомъ мистическаго чувства, долженъ считаться съ развитіемъ философіи, какъ съ глубочайшимъ образовательнымъ элементомъ этого литературнаго направленія. Точно также, для пониманія романтической ироніи, какъ мы уже замѣтили выше, знакомство съ метафизикой Фихте является необходимымъ условіемъ. И Гейне, какъ представитель либерализма 30-хъ годовъ, подъ „ироніей" подразумѣваетъ нѣчто совершенно чуждое Фр. Шлегелю и Тику, а именно „эзоповскій" способъ выражать свои мысли „во времена цензуры и духовнаго рабства".

VI.

Таково общее направленіе критики романтизма у Гейне. Если бы мы шагъ за шагомъ прослѣдили его отношеніе къ отдѣльнымъ писателямъ іенскаго круга, мы могли бы, съ помощью данныхъ современной науки, видоизмѣнить почти всю картину эпохи, созданную имъ. Только нѣкоторыя частности необходимо выдвинуть на первый планъ.

Фр. Шлегель представляется Гейне реакціонеромъ, влюбленнымъ въ прошлое, „пророкомъ, обращеннымъ назадъ". „Онъ ненавидѣлъ настоящее, боялся будущаго и только въ любимое прошлое проникалъ его пророческій взглядъ". „Въ страданіяхъ нашего времени онъ видѣлъ не боли рожденія, а предсмертныя муки, и изъ страха смерти онъ спасся подъ колеблющіеся своды католической церкви". Между тѣмъ Фр. Шлегель, подобно Ницше, принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ существованіямъ, вся жизнь которыхъ—въ будущемъ. Во французской революціи, въ идеализмѣ Фихте и гётевскомъ „Вильгельмѣ Мейстерѣ" онъ привѣтствовалъ наступленіе новой жизни („Фрагменты"). „Новое время дастъ себя знать, какъ легконогое и окрыленное; утренняя заря надѣла семимильные сапоги". („Идеи".) Даже въ изученіе культуры прошлаго онъ вносилъ всегда живой интересъ вопросовъ настоящаго. Античность давала ему отвѣтъ на современныя художественныя и нравственныя искания и научила его пониманію Гёте, соединившаго „истинно-античное съ истинно-современнымъ". Въ „Гамлетѣ" Шекспира онъ охарактеризовалъ „интересную" противорѣчивость наступающей эпохи импресс-

низма, заканчивающуюся „колоссальнымъ диссонансомъ—послѣднимъ и единственнымъ результатомъ всякаго бытія и мышленія“. Вообще, о попыткахъ Шлегеля отыскать пути новой нравственности, о его юношескомъ періодѣ, Гейне не знаетъ почти ничего; поэтому „Люцинда“ представляется ему случайнымъ заблужденіемъ чувственнаго юноши, которое привело автора къ отреченію и покаянію. Онъ не замѣчаетъ той особенности юношескихъ произведеній Шлегеля, которая съ необходимостью привела его къ религіи: это—постоянное „стремленіе къ безконечному“, „горячая жажда вѣчности“, „томленіе по Божеству“ (все—выраженія его раннихъ писемъ). Да это и понятно: въ эпоху, когда писалъ Гейне, юношескія произведенія Шлегеля были забыты, его переписка—еще неопубликована, и въ глазахъ либеральной публики онъ былъ прежде всего реакціонеромъ и сотрудникомъ Меттерниха.

Точно также и юношескія произведенія *Тика* остались Гейне неизвѣстными. Онъ ничего не знаетъ о своеобразномъ психологическомъ солипсизмѣ и „идеализмѣ чувства“ въ его романѣ „Вильямъ Ловель“, являющемся предшественникомъ многихъ особенностей современнаго крайняго субъективизма и эстетическаго индивидуализма. Мистическое чувство природы въ зрѣлыхъ произведеніяхъ Тика вызываетъ любовь и вниманіе Гейне; по вѣру поэта въ одушевленность міра онъ превращаетъ въ произвольную „поэтизацію“ и эстетическую игру. Вслѣдствіе этого понятно, что онъ приходитъ къ мысли, будто Тикъ писалъ свои произведенія по заказу, „по рецепту“ Шлегелей, чтобы оправдать ихъ теоріи, въ то время какъ намъ извѣстно, что цѣлый рядъ романтическихъ разсказовъ написанъ поэтомъ до знакомства съ критиками, и что въ дальнѣйшемъ развитіи романтизма никогда не прекращалось живое взаимодѣйствіе и взаимное вліяніе другъ на друга эстетической критики и поэзіи. Вслѣдствіе той же эстетизаціи романтической вѣры Гейне не приходитъ на умъ сопоставленіе чувства природы Тика и натурфилософіи Шеллинга. Единственное, что ему кажется въ этомъ отношеніи возможнымъ, это—вліяніе натурфилософіи „на углубленіе чувства природы“ въ романтической поэзіи. Между тѣмъ и здѣсь, на самомъ дѣлѣ, имѣло мѣсто не одностороннее вліяніе, а взаимодѣйствіе философской теоріи и поэтической интуиціи. И самая натурфилософія Шеллинга вырастаетъ прежде всего на почвѣ чувства природы Гёте и романтиковъ.

Шеллинга Гейне признаетъ только, какъ автора натурфилософіи. Поворотъ къ положительной философіи и религіи, какъ всегда, такъ и здѣсь остается ему непонятенъ. Шеллингъ измѣнилъ натурфилософіи для католицизма, онъ „предалъ“ натурфилософію и сдѣлалъ это изъ зависти къ Гегелю, который затмилъ его славу. Здѣсь Гейне лишь повторяетъ сплетню, распространенную въ либеральныхъ кругахъ и ни на чемъ не основанную. Органическій характеръ поворота Шеллинга къ

религіи признается всѣми новѣйшими изслѣдователями; къ тому же этотъ поворотъ относится къ 1802—04 гг., тогда какъ всемірная слава Гегеля начинается съ приглашенія его въ берлинскій университетъ (1818 г.).

Но и *Новалисъ*, къ которому Гейне относится съ симпатіей, по существу, ему не очень понятенъ. Это—чахоточный юноша-поэтъ, сочиненія котораго ведутъ къ отрицанію жизни. На почтовой дорогѣ, въ станціонномъ домикѣ Гейне часто видѣлъ у окна блѣдную дѣвушку въ свѣтломъ платьѣ, читавшую Новалиса. Теперь и она умерла отъ чахотки, и надъ могилой ея, какъ глубокомысленный символъ, стоитъ „изсохшій тополь, на которомъ дрожатъ послѣдніе листья, и осенній вѣтеръ качаетъ его, не какъ живое дерево, а какъ призракъ дерева". Между тѣмъ именно Новалисъ былъ для іенскихъ романтиковъ вѣрнымъ залогомъ того, что все въ этой жизни можетъ стать „хлѣбомъ и виномъ жизни вѣчной", залогомъ близости грядущаго Царства Духа Святого.

И многое еще будетъ недоставать современному читателю въ описаніяхъ Гейне: свѣтлый образъ юноши Ваккенродера, учившаго о святости искусства и о томъ, что природа—„дивный языкъ Божій", религіозное и нравственное одушевленіе Шлейермахера (Гейне даже *не упоминаетъ* о „Рѣчахъ о религіи" и „Монологахъ"), наконецъ, живая противорѣчивость въ самомъ *развитіи* романтизма, счастливые дни совмѣстной жизни романтиковъ въ Іенѣ, которые такъ дивно изобразила въ своей книгѣ современная поэтесса—Риккарда Гухъ, и прежде всего, и больше всего, какъ живое средоточіе этой жизни, образъ гостепріимной хозяйки шлегелевскаго дома, вдохновительницы романтиковъ, голубоглазой Каролины [1]). Впрочемъ, предъявлять къ Гейне требованіе такого рода несправедливо. Его цѣль была написать не научное сочиненіе, а живую, субъективную картину романтической культуры, чтобы помочь разрушенію этой культуры, во имя позитивнаго міровоззрѣнія. Эту цѣль онъ выполнилъ блестяще.

VII.

Рожденный остроумнымъ сатирикомъ, Гейне часто радовался впослѣдствіи, что онъ, ученикъ романтиковъ, такъ жестоко расправился со своими учителями (Предисловіе къ „Атта Тролль"). Онъ оправдываетъ тонъ своей полемики примѣромъ дикарей, которые умерщвляютъ сво-

---

[1]) Ср. „Caroline". Briefe aus der Frühromantik, herausg. v. Erich Schmidt Insel-Verlag. 1913. Также статью М. Ливеровской „Каролина Шеллингъ", [illegible] 1914 г., № 1).

ихъ стариковъ. По его мнѣнію, этотъ обычай сводить счеты съ прошедшимъ господствуетъ и въ литературѣ. Мы не будемъ вдаваться въ разборъ нравственной цѣнности или исторической правильности такого утвержденія. Но замѣтимъ одно. Художественно чрезвычайно привлекательная, книга Гейне на долгое время затруднила пониманіе подлинныхъ идей романтической школы. И во Франціи, и у насъ отзывы Гейне и его поэзія одно время являлись почти единственнымъ живымъ и дѣйственнымъ культурнымъ факторомъ романтической эпохи. Этому обстоятельству мы обязаны общераспространеннымъ представленіемъ о романтическомъ дуализмѣ, о презрѣніи романтиковъ къ жизни и стремленіи ихъ въ міры иные, о томъ, что это движеніе носило исключительно литературный характеръ и имѣло цѣлью замѣну жизни поэтической мечтой, не похожей на дѣйствительность. Подъ вліяніемъ этихъ опредѣленій Гейне находятся Геттнеръ и Брандесъ. Эти опредѣленія не умерли до сихъ поръ даже въ наукѣ, а, тѣмъ болѣе, въ широкихъ кругахъ „читающей" публики. Только болѣе новыя нѣмецкія изслѣдованія Гайма и Дильтея, Риккарды Гухъ и Оскара Вальцеля положили конецъ этой сказкѣ о романтизмѣ. Наше время такъ похоже на подлинный романтизмъ, наша мечта—это та же мечта о просвѣтлѣніи въ Богѣ *всей жизни*, и всякой плоти, и каждаго индивидуальнаго пути. Поэтому особенно важно научиться истинному пониманію романтизма. А эти замѣтки посвящены лишь историческому объясненію происхожденія нашихъ заблужденій о немъ.

В. Жирмунскій.

Отрезвленіе.

Изъ „Дневника свободнаго человѣка".

Со временъ Владиміра Красна Солнышка мы привыкли считать пьянство полноправнымъ членомъ семьи нашихъ добродѣтелей и нашихъ слабостей,—семьи, въ которой всѣ должны быть другъ другу одинаково милы, потому что всѣ родные. И мы любовно нянчимся съ нашимъ пьянствомъ, какъ съ капризнымъ ребенкомъ или какъ съ больнымъ родственникомъ. Когда ребячьи капризы или сумасбродныя выходки родного больного становятся нестерпимыми, мы прибѣгаемъ къ шлепкамъ или къ санитарнымъ полицейскимъ мѣрамъ, но, кажется, и сейчасъ еще у насъ нехватаетъ духу признать пьянство *врагомъ* народа и объявить ему *войну*,—войну и регулярной арміей драконовскихъ законовъ и партизанскую—всѣми здоровыми и благомыслящими силами страны.

Для этого, очевидно, еще не грянулъ громъ. Еще лишь начали видны грозовыя тучи. А мы всѣ знаемъ, что иногда только безнадежный страхъ предъ неминуемой гибелью можетъ заставить какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлый народъ остановиться на краю бездны и повернуть на путь спасенія.

...Помните вы милаго принца Гарри, „царственнаго Галя", который сумѣлъ остаться такимъ очаровательнымъ въ своихъ грязныхъ кутежахъ съ этой жирной скотиной — Фальстафомъ? Вѣдь это едва ли не лучшее изъ лучшихъ твореній Шекспира!... Наслѣдникъ англійскаго престола, почти наканунѣ вступленія на тронъ проводящій дни и ночи въ кабакахъ, въ обществѣ бродягъ и развратныхъ бабъ,—принцъ, допускающій маленькій грабежъ на большой дорогѣ и самъ потомъ отнимающій у грабителей добычу,—какія это *шекспировскія* картины! И нигдѣ ни тѣни карательнаго отношенія автора къ своимъ героямъ, никакихъ признаковъ бичующей сатиры. Предъ вами жизнь, какъ она есть, предъ вами люди и ихъ дѣла, отраженныя, какъ въ зеркалѣ, въ

душѣ великаго художника,—въ душѣ, не знающей иного чувства ко всѣмъ людямъ, какъ только любовь.

Если вы молоды, если ваша воля неустойчива и не закалена, вы въ обществѣ принца Генриха и Фальстафа непремѣнно будете кутилой.

Ахъ, какъ несказанно любилъ я въ ранніе дни моей молодости этого милаго кутилу—шекспировскаго принца Гарри!

Еще бы!

Онъ своей личностью оправдывалъ всѣ мои юношескіе кутежи, всѣ мои озорническіе поступки.

И не только оправдывалъ ихъ въ ихъ настоящемъ, но и предуказывалъ подходящій моментъ будущаго отрезвленія. Ибо если въ самой вашей молодости природой уже заложены благія творческія силы, если ваша еще неустойчивая воля способна уступать не только низменнымъ влеченіямъ—пользуйтесь каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ круто и безповоротно порывать со всѣми грѣхами своего прошлаго, и создавайте себѣ новую жизнь, создавайте себѣ свѣтлое будущее.

Помните чудную заключительную сцену въ „Генрихѣ IV", когда принцъ Гарри сталъ уже королемъ Генрихомъ V,—помните, какъ онъ встрѣтилъ своего недавняго собутыльника Фальстафа, явившагося къ новому королю съ надеждой сыграть при немъ роль временщика?

„I know thee not, old man: fall to thy prayers...
. . . . . .
Я не знаю тебя, старикъ! Иди, молись!...
Сѣдинамъ не пристало дурачество и шутовство.
Тебѣ подобнаго кого-то долго видѣлъ я во снѣ...
Но вотъ, проснулся я—и сонъ мой презираю..."

Не всякому кутящему принцу судьба посылаетъ бремя отвѣтственной королевской власти, какъ серьезный поводъ для отрезвленія; но почти у каждаго человѣка бываютъ въ жизни такіе рѣшающіе моменты, когда требуется только небольшое усиліе воли, чтобъ совершился нравственный переломъ.

Я это и испыталъ на себѣ.

Я родился и выросъ въ пьяной атмосферѣ. Я родился, когда мой отецъ былъ откупщикомъ; мнѣ было восемь лѣтъ, когда откупная система смѣнилась вольно-акцизной, и отецъ мой сейчасъ же сдѣлался владѣльцемъ двухъ винокуренныхъ заводовъ; а съ наступленіемъ моего совершеннолѣтія я уже и самъ былъ винокуреннымъ заводчикомъ и кабатчикомъ.

Я видѣлъ близко и пьянство бѣдноты, и пьянство богачей.

Кутили въ домѣ отца по 24 часа безъ перерыва, а съ перерывами и по нѣсколько дней сряду. Во время такихъ попоекъ было принято не угощать гостей, а просто передъ каждымъ ставились бутылка за

бутылкой то или другое вино, портеръ, шампанское. Такія попойки устраивались не слишкомъ часто, не были безобразными и не мѣшали моему отцу быть просвѣщеннымъ, дѣловымъ, трудолюбивымъ, религіознымъ, — попойки только казались естественными принадлежностью всего строя жизни богатаго и щедраго человѣка. При такихъ условіяхъ, конечно, никому не приходило въ голову видѣть въ пьянствѣ порокъ и проповѣдывать трезвость. Напротивъ, пьянство мужицкое, какъ источникъ дохода, всячески поддерживалось и поощрялось; пьянство господское служило завиднымъ примѣромъ.

Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда меня, въ компаніи отца, напоили въ первый разъ до безчувствія. А въ семнадцать я уже умѣлъ кутить и самостоятельно по три, четыре ночи сряду, отдавая въ то же время всѣ дни напряженной работѣ. Страдали отъ этого мои нервы, но никогда не страдало дѣло: очень большая доза алкоголя могла вызвать у меня симптомы только физическаго утомленія, пресыщенія, но опьяненія духовнаго, умственнаго я не зналъ никогда.

Отцу было подъ пятьдесятъ, когда онъ замѣтилъ, что попойки расшатали его могучее здоровье. И онъ сразу же навсегда прекратилъ всякое употребленіе алкоголя. Черезъ годъ его разбилъ параличъ.

Меня это не отрезвило. Представитель новаго поколѣнія, я не былъ отвѣтственъ за грѣхи стараго. Какъ и отецъ, я вѣдь не былъ „пьяницей". „Опрокинуть добрую чару зелена вина"—это вѣдь было только проявленіе силы и удали. Что стало въ пятьдесятъ лѣтъ невозможнымъ для „пожившаго" отца, казалось еще совершенно необходимымъ для сына, только что вступающаго въ ряды полноправныхъ гражданъ. Выпить залпомъ если не чайный стаканъ, то чайную чашку водки было для меня не въ диковину. Вѣдь видалъ я, какъ дѣлали это съ особенной охотой мужики, отчего же было не сдѣлать этого и мнѣ, здоровому и сильному, какъ мужикъ! А выпить въ теченіе дня дюжину пива—это было для меня только утоленіемъ жажды, не больше.

Безъ сомнѣнія, я никогда не сдѣлался бы пьяницей, если бъ даже продолжалъ пить такъ, какъ пилъ тогда; но, конечно, никогда и не постигъ бы я такъ ясно всего зла, какимъ намъ угрожаетъ „сладкій ядъ"—алкоголь, если бъ не одинъ горькій случай, за который мнѣ теперь приходится благословлять судьбу, какъ за спасительный ударъ „грома", заставившаго меня „перекреститься".

Мнѣ шелъ двадцать пятый годъ. Я пилъ уже меньше и рѣже, чѣмъ, бывало, въ юности. Одинъ—я ограничивался одной рюмкой, за ѣдой, и больше ничего. Но въ компаніи—я не только не отставалъ, а первый подавалъ примѣръ и не допускалъ, чтобъ кто-нибудь могъ превзойти меня въ количествѣ выпитаго. Никакихъ похмелій, никакихъ раскаяній съ перепою я не зналъ. Меня чрезвычайно поразила и плѣнила все-

общая трезвость жизни, которую мнѣ пришлось наблюдать у американцевъ во время моей тогдашней поѣздки въ Соединенные Штаты, но это ничуть не помѣшало мнѣ выпивать на атлантическомъ пароходѣ на обратномъ пути ежедневно за обѣдомъ бутылку шампанскаго, по примѣру англичанъ.

Когда, весной 1877 года, была объявлена турецкая война, я былъ въ Казани. У меня было воинственное настроеніе. Мой братъ, только что окончившій казанское юнкерское училище, назначался на Кавказъ. Мечталъ пойти въ армію добровольцемъ и я. Какъ-то вечеромъ я, въ компаніи съ братомъ и знакомымъ офицеромъ, гулялъ въ общественномъ саду. Каждый разъ, проходя мимо ресторана, мы подходили къ буфетной стойкѣ, выпивали по рюмкѣ водки и чѣмъ-нибудь закусывали. Выпили по одной, по другой, по третьей. Продолжаемъ гулять, встрѣчаемъ въ саду еще знакомаго прапорщика. Рѣшено было провести весь вечеръ вмѣстѣ. Идемъ, уже вчетверомъ, опять къ буфету. Я говорю:

— Какъ же, господа, мы, трое, будемъ пить уже по четвертой, а опоздавшій Имярекъ только первую? Надо, чтобъ онъ догналъ насъ. Налить вамъ четыре?

Молоденькій, розовенькій, какъ дѣвушка, прапорщикъ запротестовалъ-было. А я ему:

— Эка невидаль, четыре рюмки! Въ хорошей купеческой компаніи водку пьютъ аршинами, а тутъ не будетъ и четверти.

Прапорщикъ согласился выпить сразу четыре рюмки, если и мы трое сдѣлаемъ то же самое. Мы переглянулись, улыбнулись; я, угощавшій, сказалъ буфетчику:

— Поставьте намъ четыре каре.

Знакомый буфетчикъ весело досталъ намъ съ полки шестнадцать новенькихъ рюмокъ, построилъ ихъ въ четыре каре, подлилъ изъ бутылки въ графинъ водки, налилъ рюмки:

— Пожалуйте.

Хлопъ! Хлопъ!—рюмка за рюмкой, каждый изъ насъ выпилъ свою порцію.

Но не успѣлъ прапорщикъ проглотить четвертую рюмку, какъ она вся выскочила у него назадъ изъ горла, прямо на полъ. Юноша закашлялся, въ глазахъ слезы, страшно смутился, сталъ торопливо вытирать платкомъ забрызганное водкой пальто и не то виновато, не то сердито смотрѣлъ на насъ. Мы смѣялись. Но мнѣ стало немного досадно и на него, за его слабость, и на себя, какъ виновника, во всякомъ случаѣ, некрасивой сцены. И я задорно сказалъ ему:

— А еще на войну собираетесь! Военный человѣкъ! Да я вотъ одинъ такихъ четыре каре опрокину, и не поморщусь.

Теперь уже выпивающе посмотрѣлъ на меня онъ:

— А ну-ка! Попробуйте! Покажите!

— И покажу. Очень просто.

Говорю буфетчику:

— Возобновите.

На стойкѣ передо мной опять шестнадцать полныхъ рюмокъ водки.

Я шутя выпилъ ихъ одну за другой и не пожелалъ даже закусить чѣмъ-нибудь. Пошли гулять по саду. О выпитыхъ рюмкахъ не нашли нужнымъ больше и разговаривать. Такія ли еще порціи случалось выпивать безнаказанно! Но къ буфету уже не подходили. Пошли въ билліардную, играли, пили пиво, что-то ѣли и за полночь разошлись по домамъ.

Я не чувствовалъ ни опьяненія, ни недомоганія. Только обычное для всякаго кутежа легкое возбужденіе, смѣнившееся подъ конецъ усталостью. Хорошо проспалъ ночь и проснулся въ обычный часъ.

Но едва всталъ съ постели, почувствовалъ, что въ груди у меня что-то неладно.

Торопливо умывался, торопливо одѣвался... скорѣе стаканъ чаю!... Но первая же ложечка совсѣмъ не пошла въ горло,—чувствую тошноту. И я смотрѣлъ теперь на стоявшій предо мной стаканъ съ какимъ-то непонятнымъ чувствомъ ужаса. Вѣроятно, нѣчто подобное испытываютъ страдающіе водобоязнью. Я мучительно хотѣлъ этого чаю, и не могъ уже больше и рѣшиться попробовать глотнуть хоть ложечку. А въ груди—тоска! Смертельная тоска! Не боль, не спазмы, не стѣсненіе дыханія,—просто неопредѣленная, необъяснимая, никогда дотолѣ не испытанная тоска.

Не притронувшись больше къ чаю, я вышелъ на улицу, взялъ перваго стоявшаго у подъѣзда извозчика и поѣхалъ кататься. Велѣлъ везти себя за городъ, на воздухъ. Доѣхали до Куртинъ, до кладбища. Извозчика оставилъ у ограды, а самъ пошелъ бродить между могилами. Отъ притока чистаго воздуха тоска въ груди нисколько не уменьшалась, напротивъ, усилилась. Ноги плохо повиновались,—точно я былъ пьянъ. Я присѣлъ на одну изъ могильныхъ плитъ и мрачно смотрѣлъ на окружавшіе меня кресты. Я испытывалъ такой позывъ на тошноту, точно въ горло мнѣ была засунута рука великана, точно чьи-то цѣпкіе, костистые пальцы схватили мои внутренности, чтобъ разомъ вывернуть меня наизнанку. Но я только отплюнулъ маленькій сгустокъ чистѣйшей желчи съ кровавыми жилками. И опять тоска въ груди, безумная *физическая* тоска!

Хочется, наконецъ, какой бы то ни было цѣной покончить съ этой мукой. Хоть въ воду головой! Хоть ужъ скорѣй бы, что ли!... Смерть глянула мнѣ въ глаза... Я молодъ, силенъ, богатъ, впереди жизнь—зачѣмъ же, за что же я погибну?...

Умереть не жаль и не страшно.

Но отвратительной представляется причина этой возможной смерти. Какъ! Изъ-за какого-то глупаго мальчишескаго хвастовства—и чѣмъ? и предъ кѣмъ?—я разбилъ свою жизнь! Жизнь, которая, можетъ быть, могла бы быть прекрасной... Да развѣ я *такой*, чтобъ, какъ мужикъ, опиться водкой! Развѣ я не рвался съ самаго дѣтства къ поэзіи, къ красотѣ, къ героизму!...

Въ душѣ рядомъ съ смертельной тоской поднимается чувство непримиримой злобы: и противъ самого себя, и противъ всей этой сложности условій, въ которыхъ мы совершаемъ наши безобразные поступки—и атавистическіе и привычные, и случайно внушенные и произвольно нелѣпые!...

И я тутъ же даю,—не клятву, нѣтъ,—даю себѣ крѣпкое слово: если теперь останусь живъ, никогда больше не пить никакого вина, ни въ какомъ видѣ, ни при какихъ условіяхъ.

Съ кладбища ѣду къ доктору. Діагнозъ—острое отравленіе алкоголемъ. Не помню, прописалъ ли мнѣ докторъ какое-нибудь лѣкарство, принималъ ли я что-нибудь, но черезъ день-два всѣ скверныя стороны безобразной выпивки уже и не вспоминались. Быть можетъ, главнымъ образомъ потому, что въ душѣ уже безраздѣльно властвовали только хорошія стороны моего *предсмертнаго* рѣшенія: я переродился.

Въ тотъ же годъ мнѣ удалось продать свой винокуренный заводъ со всѣми принадлежащими къ нему кабаками. Я переселился въ Петербургъ съ цѣлью стать вольнымъ литераторомъ.

Съ тѣхъ поръ вотъ уже 37 лѣтъ, какъ я не пью. Изъ нихъ первыя пять лѣтъ я, дѣйствительно, не пилъ ни капли. Потомъ дѣлались отступленія: случалось пользоваться виномъ, какъ лѣкарствомъ, по совѣту докторовъ,—случалось пригубить бокалъ шампанскаго на торжествахъ. Но теперь совсѣмъ ничего не пить—это для меня уже не воздержаніе, это потребность въ сохраненіи ясности моего настроенія. Зато, если я не знавалъ *умственнаго* опьянѣнія, когда пилъ самъ, я испытываю теперь опьянѣніе при видѣ пьянаго человѣка: я пьянѣю отвращеніемъ. Видъ безобразно пьянаго лица производитъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я вижу мертвеца, съ копошащимися въ глазныхъ впадинахъ червями.

Мнѣ непріятно вспоминать мое старое. Не для удовольствія читателей и пишу я о немъ. Но, можетъ быть, въ моихъ строкахъ какой-нибудь юноша еще во̀-время увидитъ, какъ въ зеркалѣ, отраженіе и своихъ увлеченій и подумаетъ: каково же это отражаемое?

Въ мою недавнюю заграничную поѣздку мнѣ пришлось побывать въ рейнскихъ провинціяхъ, которыя я видѣлъ впервые болѣе сорока лѣтъ тому назадъ и по которымъ случалось проѣзжать съ тѣхъ поръ много

разъ,—и меня поразилъ теперь видъ мѣстныхъ жителей въ ихъ массѣ: это не тѣ здоровые, сильные, красивые, гордые нѣмцы, которыми я восхищался на Рейнѣ въ дни моей юности. Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ показалось теперь, что это племя уже вырождается. Тутъ, конечно, прежде всего сыграла роль фабричная жизнь, тяжелая борьба за существованіе, тѣснота, недоѣданіе. Но, можетъ быть, я опять ошибаюсь,—пусть это у меня навязчивая идея,—но мнѣ думается, что этому вырожденію Rheinland'а способствуетъ всего болѣе *алкоголизмъ:* свой, мѣстный, *рейнскій* алкоголизмъ, отличный отъ алкоголизма другихъ мѣстностей. Въ былыя времена институтки, чтобъ пріобрѣсти интересный блѣдный цвѣтъ лица, пили уксусъ—и допивались до чахотки. А вѣдь дешевые сорта рейнскаго вина—это тотъ же „рейнсковый уксусъ". Изъ поколѣнія въ поколѣніе хронически сосутъ эту кислую дешевку аборигены рейнскихъ провинцій, и посмотрите, какъ рѣзко отличается ихъ „интересный" цвѣтъ лица отъ лица хотя бы ихъ сосѣдей—баварцевъ.

Ну, а у баварцевъ свой микробъ вырожденія—пиво. Съ виду здоровяки, толстые, краснощекіе, баварцы въ огромномъ большинствѣ страдаютъ пивнымъ ожирѣніемъ и перерожденіемъ сердца. Bierherz—это болѣзнь Баваріи, какъ государства. И когда я мысленно сравниваю лоснящагося, сытаго баварца съ нашимъ, нерѣдко голодающимъ, но все еще рослымъ, мускулистымъ волгаремъ, я утѣшаюсь: какъ народъ мы всетаки еще моложе и сильнѣе западныхъ народовъ.

Сильнѣе *пока!...*

Однако мы забили тревогу для борьбы съ пьянствомъ во-время! Какія бы ужасающія цифры ни подносила намъ статистика, смертельный ужасъ поголовнаго вырожденія и перерожденія еще не глядитъ намъ въ глаза,—насъ только пугаетъ возможность матеріальнаго разоренія, насъ только одолѣло пьяное озорство. Есть еще время побороться съ бѣдой.

Но не-сегодня-завтра можетъ грянуть надъ всѣми народами міра такой громъ, который заставитъ всѣхъ отрезвиться. Наши сосѣди, очнувшись, поведутъ борьбу съ пьянствомъ съ присущимъ имъ во всемъ умѣньемъ и упорствомъ. Горе намъ, привыкшимъ опаздывать, если мы опоздаемъ. Міръ съ небывалой быстротой летитъ навстрѣчу какимъ-то еще неизвѣстнымъ, но всѣми смутно чуемымъ переворотамъ. Державными народами останутся только народы совершенно отрезвѣвшіе,—горе пьянымъ плотамъ! Если во время оно пьяный ямщикъ могъ съ успѣхомъ править бѣшено мчавшейся тройкой; если пьяный капитанъ „Титаника" могъ бы, при счастливой случайности, избѣжать столкновенія съ ледяной горой,—то пьяный авіаторъ неизбѣжно опрокинетъ аэропланъ и сломаетъ себѣ шею.

Великое будущее будетъ принадлежать только трезвымъ!

Алкоголь—это блуждающій огонекъ, который сбиваетъ съ настоящаго пути. Маня лишь *призраками* наслажденій, алкоголь всегда мѣшаетъ намъ и творить настоящую красоту жизни, мѣшаетъ и полнотѣ пользованія окружающими насъ свѣтлыми радостями.

Человѣчество, уставъ отъ вѣчныхъ страданій, хочетъ во что бы то ни стало найти пути къ счастію. У футуристовъ, при всей болѣзненности и нелѣпости ихъ мертворожденныхъ попытокъ создать новый міръ, есть въ основѣ ихъ исканій здоровое зерно, которому суждено дать здоровые ростки: это ихъ борьба съ „пассеизмомъ", борьба съ догматомъ *непогрѣшимости* всѣхъ и всякихъ догматовъ прошлаго. Такъ вотъ, если они, во имя этой борьбы, во имя свободы новой жизни, видятъ врага даже въ безспорной прошлой красотѣ и готовы *безъ оглядки* ниспровергнуть все, чѣмъ жили и наслаждались лучшіе люди былыхъ вѣковъ, то... не будемъ подражать имъ въ объектѣ ихъ вражды, но воспользуемся примѣромъ напряженности ихъ воли въ стремленіи достичь своей цѣли: неужели у тѣхъ, кому дорого все, что въ прошломъ было безспорно прекраснаго, не хватитъ мужества безповоротно признать *непримиримымъ* врагомъ и въ прошломъ и въ будущемъ *безспорное* вѣчное зло—*пьянство?* Неужели не хватитъ рѣшимости вступить съ нимъ въ борьбу не полицейскими мѣрами, а всенародной истребительной войной, какъ съ врагомъ народа! Духовное взаимное воздѣйствіе—мода на трезвость—можетъ оказать болѣе сильное вліяніе, чѣмъ запретительныя мѣры. Только бы явилось сознаніе *ужаса* пьянства! И надо рѣшительно сказать себѣ: не можетъ быть дѣйствительной никакая обособленная борьба съ *мужицкимъ* пьянствомъ, пока правящіе, наставляющіе и руководящіе будутъ подавать соблазнительные примѣры. Начинать отрезвленіе надо непремѣнно и прежде всего съ высшихъ классовъ.

Лѣстницу всегда метутъ сверху.

Ал. Луговой.

На перевалѣ.

Начинается...

Годъ тому назадъ въ апрѣльской книжкѣ *Русской Мысли* я помѣстилъ статью „Передъ Вальпургіевой ночью". „Зарождаются,—писалъ я тамъ,—настроенія Вальпургіевой ночи: и „пестрые огни", и „клубы дыма", и въ особенности эта надежда на чудесное разрѣшеніе всѣхъ загадокъ. Мысль „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше" рождается изъ дыма такихъ настроеній... Часто слышишь фразу: дальше итти некуда. Пока это еще невѣрно: реакція есть еще куда итти. Реакція—не только форма, въ которой выражается страсть ко всеобщему ущемленію. Реакція заключаетъ въ себѣ и опредѣленное содержаніе, сводящееся въ той или иной степени къ интересамъ опредѣленныхъ соціальныхъ группъ... Эти группы на пріобрѣтенномъ не остановятся, онѣ потребуютъ бо́льшаго. Силою вещей народное представительство даже въ формѣ Государственной Думы IV созыва вынуждено будетъ столкнуться съ этими притязаніями. Надо думать, оно вступитъ съ ними въ борьбу и, быть можетъ, серьезно пострадаетъ".

Теперь нѣтъ надобности доказывать справедливость этого діагноза. Окончательное крушеніе земскихъ реформъ,—и общей и волостной,—покушенія на право думской законодательной инициативы и на свободу депутатскаго слова, проводимая на практикѣ теорія безотвѣтственности правительства и отвѣтственности Государственной Думы передъ правительствомъ,—таковы послѣднія завоеванія „реакціи"...

О „реакціи" у насъ не переставали говорить съ 18 октября 1905 г. Къ сожалѣнію, тенденціозно-партійная фразеологія успѣла затуманить и мысль нашихъ общественныхъ дѣятелей. Привыкши къ рѣзкимъ словамъ, пускаемымъ въ ходъ „по тактическимъ соображеніямъ" (весьма нехитрымъ: требуй *всего*, получишь хоть *что-нибудь*), наши общественные дѣятели оказались мало способными къ оцѣнкѣ вещей по существу. Моментъ наступленія подлинной „реакціи" практически былъ ими „прозѣванъ". Избирательный законъ 11 декабря 1905 г., который въ

свое время именовался „преступленіемъ гр. Витте противъ народа“, былъ оцѣненъ только послѣ акта 3 іюня 1907 г. Наиболѣе важные моменты нашей исторіи начинаютъ получать надлежащую оцѣнку лишь съ тѣхъ поръ, какъ пришествіе настоящей, подлинной „реакціи“ стало очевиднымъ для всѣхъ. Въ рѣзкихъ и грубыхъ чертахъ моментъ этотъ совпалъ съ исторіей съ морскими штатами, т.-е. съ середнной 1909 г.

Съ годъ тому назадъ какъ потянуло въ обществѣ „настроеніями Вальпургіевой ночи“. Къ этому неизбѣжно должны были привести воцарившіеся у насъ порядки послѣ того, какъ окончательно выяснилась неудача нашего „обновленія“. Настроенія эти все усиливались и теперь уже бьютъ въ глаза своею яркостью. Многіе оптимисты для характеристики ихъ пользуются даже словомъ „революція“. Такъ, крайняя лѣвая печать очень обрадовалась, когда *Новое Время* по поводу обструкціи 22 апрѣля заговорило о „революціи въ парламентѣ“. Нововременская тема была подхвачена и съ усердіемъ разработана. Все это одно самообольщеніе. Я настаиваю на своемъ опредѣленіи. Мы стоимъ не передъ „революціей“, а передъ настроеніями Вальпургіевой ночи, общественной сумятицы.

Неорганизованность общества, его слабая политическая воспитанность, съ одной стороны, совершенно невѣроятная слѣпота и удивительная тупость лицъ командующихъ, съ другой,—вотъ условія, вліяющія на эти настроенія.

Возьмите хотя бы тотъ же инцидентъ 22 апрѣля. Впервые въ IV Государственной Думѣ произошла обструкція или, чтобы быть точнымъ, стилизація, символика обструкціи, ибо никакого подлиннаго насилія ни съ той, ни съ другой стороны употреблено не было, и все, къ счастію, обошлось безъ всякой трагедіи. Но инцидентъ вызвалъ шумъ, и печать усердно занялась имъ. Но какъ? Лежавшій въ основѣ „обструкціи“ вопросъ о покушеніи на свободу депутатскаго слова былъ забытъ. Пропущено было мимо ушей совершенно невѣроятное „привѣтствіе“ И. Л. Горемыкина, напоминавшее обращеніе „добраго дядюшки“ изъ водевиля. Забыли про всю нашу внутреннюю политику, про дѣйствительно наступившую реакцію, поставившую точку къ реформамъ и листъ за листомъ общипывающую, какъ артишокъ, всѣ пріобрѣтенія 1905 г. Все было забыто. Вся страсть, вся энергія, вся язвительность печати устремились на кадетовъ, виновныхъ въ томъ, что они не только не приняли участія въ „обструкціи“ и не облегчили министрамъ прохожденія бюджета, удалившись изъ Государственной Думы на 15 засѣданій, но и не голосовали противъ исключенія крайнихъ лѣвыхъ. Долженъ оговориться, что я лично тактику воздержанія, усвоенную въ данномъ случаѣ кадетской фракціей, считаю ошибочной. Исключать крайнихъ лѣвыхъ на 15 засѣданій (высшая мѣра думскаго дисципли-

парнаго взысканія) не было серьезныхъ основаній. Къ тому же М. В. Родзянко сумѣлъ такъ обставить свои дѣйствія, что его угодничество прямо било по нервамъ. Насколько правы были кадеты, рѣшительно отказавшись отъ участія въ „обструкціи", настолько же они были неправы, оставивъ безъ протеста дѣйствія предсѣдателя Государственной Думы. Вопреки сыплющимся на нихъ обвиненіямъ въ „гибкости", тутъ кадеты, наоборотъ, проявили недостатокъ гибкости тактики. 22 апрѣля кадетской фракціей была допущена ошибка, не представлявшая, однако, ничего важнаго. Надо утратить всякое чувство реальности, чтобы по поводу инцидента 22 апрѣля заговорить о „геройствѣ" крайней лѣвой, о „позорной трусости" либераловъ, о тиранахъ и проч., и проч. [1]) Не надо забывать, что все происходившее 22 апрѣля было только „символикой", заранѣе подготовленной и довольно плохо разыгранной какъ обструкціонистами, такъ и Родзянкомъ. Какъ говорятъ дѣти, все это было „не въ самомъ дѣлѣ". Кадеты, если бы захотѣли, могли бы безъ всякой для себя опасности проявить то самое высочайшее „геройство", которое проявили и крайніе лѣвые.

И когда прогрессивная печать на событіе 22 апрѣля отвѣтила совершенно истерическимъ припадкомъ кадетоѣдства, то *этотъ фактъ по своему общественному значенію во много разъ превышаетъ значеніе самой обструкціи*. Онъ чрезвычайно показателенъ для душевнаго состоянія общества. Когда, наприм., *Одесскія Новости* позволяютъ себѣ писать, что „если П. С. Чхеидзо будетъ преданъ суду, то это будетъ уже дѣломъ не столько правительства, сколько кадетовъ и прогрессистовъ", [2]) то газета не только топчетъ ногами истину и завѣдомо искажаетъ простѣйшіе факты. Такая чудовищная ложь свидѣтельствуетъ и о болѣзненномъ психическомъ изломѣ. Жгучая партійная ненависть затмила глаза людей, и они уже ничего не видятъ, кромѣ ненавистнаго

---

[1]) Какъ характерно, что именно тѣ господа, которые все время издѣвались надъ „парламентскимъ кретинизмомъ", на практикѣ и поспѣшили проявить этотъ „кретинизмъ", поведя парламентскій инцидентъ на степень грандіознаго трагическаго событія. Къ сожалѣнію, они проявили и „кретинизмъ" въ „парламентаризмѣ", не понявъ, что примѣненіе безрезультатной „принципіальной" обструкціи ставитъ въ смѣшное положеніе депутатовъ, возвращающихся послѣ этого при неизмѣнившихся условіяхъ къ обычному старому оружію: къ пользованію словомъ.

[2]) Цитирую по № 94 *Русскаго Слова*, съ большой охотой собравшаго [illegible] букетъ кадетоѣдства. Это чрезвычайно характерно, ибо и *Русское Слово*, и *День*, и *Одесскія Новости*, и *Кіевская Мысль*, и проч., и проч., все—типичныя буржуазныя прогрессивныя изданія, на самомъ дѣлѣ ни въ какой органической связи съ боевыми крайними лѣвыми силами не состоящія. Ихъ безмысленное [illegible]—чистѣйшій продуктъ политической безотвѣтственности. Люди отлично знаютъ, что никакого серьезнаго крайняго выступленія они не поддержатъ и все же „толкаютъ". Только недостаткомъ политической зрѣлости можно объяснить успѣхъ такого рода публицистики.

ближайшаго сосѣда, который многіе годы ведетъ неустанную борьбу за водвореніе въ Россіи началъ конституціонализма. Выходка *Одесскихъ Новостей*—фактъ не единичный. Подобныхъ было много, и въ нихъ ярко отразился общій тонъ почти всей прессы. Если эта печать дѣйствительно отражаетъ настроеніе общества, которое въ разгаръ свирѣпой реакціи, грозящей жалкимъ остаткамъ права и народнаго представительства, тратитъ свои силы на безумное кадетоѣдство, то такое общество не можетъ завоевать себѣ свободы. Оно можетъ только толкнуть своихъ „представителей" на одно-другое нераціональное выступленіе и затѣмъ позорно предоставить ихъ собственной судьбѣ, пальцемъ не шевельнувъ для ихъ поддержки. Такъ уже было въ іюнѣ 1906 г. и въ іюлѣ 1907 г. И когда теперь тѣ же газеты, которыя упражняются въ кадетоѣдствѣ, утѣшаютъ крайнихъ лѣвыхъ, что „народъ съ ними", то цѣну этимъ газетнымъ утѣшеніямъ опредѣлить не трудно.

Такова одна сторона... А вотъ и другая.

Членъ Государственной Думы М. А. Карауловъ посѣтилъ министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова и велъ съ нимъ бесѣду о легализаціи представленнаго въ присутствіе устава національно-прогрессивно-народной партіи. Газеты дали объ этой бесѣдѣ отчетъ, не вызвавшій никакого опроверженія. „Зачѣмъ еще новая партія?—изумился Н. А. Маклаковъ.—Въ Думѣ и такъ довольно партій". М. А. Карауловъ объяснилъ, что партія учреждается для дѣятельности не только въ Государственной Думѣ, но и въ странѣ. Тогда министръ предложилъ депутату „серьезно подумать о цѣляхъ, намѣреніяхъ и программѣ новой партіи, ибо если въ программѣ будетъ что-нибудь похожее на партію к-д., онъ заранѣе можетъ сказать, что партія легализована не будетъ. Да и какая въ ней надобность?—спросилъ еще разъ Н. А. Маклаковъ".

Съ перваго взгляда трудно даже опредѣлить: что это—серьезно или взято изъ Щедрина? Но несомнѣнно, что это серьезно, хотя и взято изъ Щедрина. Да, таково міросозерцаніе лица, стоящаго во главѣ внутренней политики. Вы тамъ хотите организовывать какую-то партію, собирать людей? Къ чему вамъ все это? Какое тамъ общество? Существуемъ мы, начальство, мы даемъ разрѣшеніе людямъ соединяться въ союзы—отчего не побаловаться? Но только когда находимъ это нужнымъ, если же у васъ на умѣ нѣчто кадетское, то оставьте всякія надежды...

Какъ можетъ подобнымъ языкомъ говорить министръ, какъ можно управлять страной при такомъ отношеніи къ правамъ и стремленіямъ гражданъ, это, конечно, едва ли поймутъ европейцы. Но ихъ непониманіе—только свидѣтельство о нашей „самобытности".

Однако, именно такая „самобытность" и рождаетъ настроенія Вальпургіевой ночи. На какія мысли, кромѣ самыхъ крайнихъ, могутъ на-

толкнуть эти изумительныя рѣчи? Развѣ возможно развитіе какого бы то ни было подлиннаго консерватизма въ обществѣ, съ которымъ такимъ образомъ разговариваютъ? Фатумъ толкаетъ людей, и они хотятъ насъ снова заставить продѣлать всю старую дорогу, пересчитать всѣ тѣ ужасныя ступеньки, которыя, какъ одно время казалось обществу, оно уже оставило позади. И „бу́ди, бу́ди..." Все старое повторится... Возобновятся подлинныя старыя трагедіи, но стилизованныя, не символическія, а страшно реальныя, облеченныя плотью и кровью...

Вопросъ, что странѣ надо, совсѣмъ не сложенъ и для огромнаго большинства ясенъ. Зато совсѣмъ неясно, какъ добиться того, что надо.

Страна нуждается въ честномъ, сильномъ, имѣющемъ опредѣленныя цѣли правительствѣ. Охраняя жизнь, неприкосновенность личности и имущества каждаго человѣка, охраняя порядокъ на улицѣ, правительство должно отказаться отъ смѣшной боязни словъ, и въ печати и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ предоставить населенію настоящую свободу слова и союзовъ. Это—первая, самая настоятельная задача. Не заявленія Чхеидзе, а какъ разъ возбужденіе преслѣдованія противъ Чхеидзе сдѣлали первый серьезный шагъ по пути республиканской пропаганды въ Россіи. И если бы И. Л. Горемыкинъ не былъ насквозь проникнутъ старческимъ и барскимъ индифферентизмомъ, онъ обязанъ былъ бы указать на такія послѣдствія „новѣйшаго курса".

Противъ признанія настоящей свободы слова существуетъ единственный, отвѣчающій дѣйствительности, аргументъ: такая свобода причинитъ много безпокойства и огорченія начальству. Но и снисходя къ исторической слабости начальства, правительство должно было бы „преодолѣть" эти опасенія. А вмѣсто того тотъ же И. А. Маклаковъ, на желаніе депутата устроить собраніе для отчета своимъ избирателямъ, отвѣтилъ: къ чему вамъ это, вы и такъ все хорошо знаете, а давать отчетъ передъ избирателями вы не обязаны по закону.

Противъ свободы союзовъ выдвигаютъ другое соображеніе: отъ стачекъ житья не будетъ. Стачки, конечно, будутъ—особенно въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ условія работы ужъ очень скверны. Но не слѣдуетъ черезчуръ преуменьшать и силы хозяевъ и изображать ихъ въ видѣ бѣдныхъ овечекъ, безпомощныхъ передъ стакнувшимися рабочими. Рабочіе союзы ведутъ къ усиленію энергіи и хозяйскихъ союзовъ. Въ рукахъ предпринимателей находится могущественное средство, болѣе сильное и болѣе опасное, чѣмъ стачка,—локаутъ. Вести „перманентную стачку" рабочіе безъ сочувствія общественнаго мнѣнія не могутъ. Та истерическая забастовочная сумятица, которая наблюдается у насъ теперь, возможна только при современномъ настроеніи общества, приво-

деннаго въ отчаяніе и прострацію реакціонной политикой, поставленнаго въ моральную невозможность протестовать противъ какого бы то ни было антиреакціоннаго движенія, хотя бы оно приняло вредный, по его мнѣнію, характеръ.

При существованіи сильныхъ и богатыхъ рабочихъ союзовъ, которымъ есть чѣмъ дорожить, „стачечный азартъ“ сокращается до минимума. Примѣръ тому Германія. Недаромъ синдикалисты ведутъ такой походъ противъ богатыхъ и прочныхъ профессіональныхъ союзовъ. Но то, что за границей дѣлаютъ анархисты-синдикалисты, у насъ осуществляетъ администрація. Чуть только рабочій профессіональный союзъ начинаетъ развиваться и становиться на ноги—его закрываютъ. Столь нервно реагируя на двѣ-три рѣзкихъ фразы, администрація своими дѣйствіями поддерживаетъ и укрѣпляетъ анархическія настроенія среди рабочихъ.

Да не только среди рабочихъ. Препятствуя свободной организаціи общества и искусственно насаждая правые союзы, администрація, быть можетъ, и создастъ себѣ на нѣкоторое время помощниковъ, но покупаетъ ихъ цѣной разрушенія консервативныхъ силъ общества. Всѣ эти „Филареты“, естественно превращающіеся въ доносителей и шпіоновъ, чуждыхъ какой бы то ни было культурной работы, пользуются только презрѣніемъ общества, встрѣчающаго помѣхи при каждой попыткѣ свободной организаціи.

Наша реакція думаетъ, что она пріобрѣла какое-то чудодѣйственное средство охраны въ возбужденіи національной розни, въ разнузданіи антисемитскихъ страстей. Противъ революціи у насъ есть прекрасное средство,—говорятъ Дубровины и Марковы 2-ые,—это—погромы. Но „погромы“—та же „революція“. И если въ отдѣльномъ случаѣ страхъ передъ погромомъ и можетъ обезпечить власть какому-нибудь Пеликану, то для судебъ всей страны революція и погромы означаютъ лишь усугубленіе разрушительныхъ процессовъ. Для иностранныхъ завоевателей совершенно безразлично, будутъ ли нашу родину раздирать „революціонеры“ или „погромщики“. Тотъ, кто сѣетъ „погромъ“, пожнетъ „революцію“. Въ этомъ онъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ.

Только послѣ установленія общественныхъ свободъ и простѣйшихъ основъ правового строя, и общество и правительство смогутъ серьезно взяться за столь необходимыя у насъ экономическія и юридическія преобразованія. При существующемъ же теперь полицейскомъ строѣ всѣ мѣропріятія неизбѣжно будутъ носить политическую окраску. Всѣ прогрессивныя нововведенія будутъ приниматься обществомъ лишь какъ новое орудіе для борьбы съ политической реакціей. Нельзя скрывать отъ себя, что такой порядокъ вещей ведетъ подчасъ къ тяжелому извращенію хозяйственной жизни, что онъ тормозитъ развитіе культуры. Но это неизбѣжно и неотвратимо.

Что́ странѣ нужно—ясно, а какъ этого добиться, никто опредѣленно не знаетъ. Вѣдь сказать: намъ нужна парламентарная монархія или полное народовластіе, или что другое,—не значитъ еще что-либо указать. Слово, какое бы оно рѣзкое ни было, словомъ и останется. Кто изъ насъ можетъ рѣшиться утверждать, что вообще удастся добиться необходимаго преобразованія. Давно ужо сказано геніальными политиками, что для отсталой страны самый опасный моментъ тотъ, когда она начинаетъ переходить къ неизбѣжному переустройству. Въ прошломъ мы знаемъ примѣры Польши, Римской имперіи, передъ глазами у насъ—Персія, Турція, Китай...

Одно мы можемъ и должны знать твердо. Борьба предстоитъ длительная. Надежды на возможность какихъ-нибудь мгновенныхъ „просіяній" должны быть разъ навсегда отброшены. Нѣтъ, *ни у кого* не имѣется такихъ средствъ, которыя въ непродолжительное время могли бы измѣнить положеніе. Ни въ Думѣ, ни внѣ Думы такихъ средствъ нѣтъ. Настоящимъ политическимъ дѣятелемъ будетъ тотъ, кто поверхъ и помимо всѣхъ временныхъ тактическихъ комбинацій и внѣдумскихъ жестовъ, поведетъ планомѣрную, обдуманную работу по сплоченію живыхъ, необходимыхъ для обновленія родины, силъ.

Такія силы могутъ быть почерпнуты только въ демократическихъ, такъ называемыхъ буржуазныхъ слояхъ народа, весь бытъ которыхъ построенъ на частной собственности, *какія бы соціалистическія фразы эти люди ни произносили*. Только организаціей этихъ элементовъ, владѣющихъ органами самоуправленія и большинствомъ экономическихъ и культурныхъ учрежденій, можно заставить власть пойти по дорогѣ права и государственнаго разума.

Среди крайнихъ партій много молодыхъ, честныхъ, самоотверженныхъ людей. Хотя они и не способны къ положительному строительству, но въ общей экономіи жизни и ихъ дѣятельность можетъ принести большую пользу странѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Эти условія сводятся къ тому, чтобы рядомъ съ ними, но совершенно отъ нихъ независимо, стояла общественная прогрессивная организація среднихъ элементовъ.

Теперь очень охотно говорятъ объ „объединеніи оппозиціи". Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ,—особенно въ Государственной Думѣ, сплошь и рядомъ вынужденной дѣлиться только на два лагеря, изъ которыхъ одинъ говоритъ: да, другой: нѣтъ,—такое объединеніе не только возможно, но и неизбѣжно.

Но какъ общее правило, требованіе „объединенія" глубоко ошибочно и вредно. Оно только обезсиливаетъ умѣренныя, но дѣйствительно конституціонныя и демократическія, группы. Даже „координацію" дѣйствій крайнію лѣвыя понимаютъ лишь какъ полное подчиненіе ихъ так-

тикѣ (исторія съ „обструкціей“ вполнѣ это доказала), да иначе понимать и не могутъ.

Прогрессивные круги общества должны знать и постоянно быть къ этому готовы, что въ ту самую минуту, когда имъ удастся, наконецъ, внести въ жизнь какое-нибудь реальное, а не словесное, улучшеніе, на нихъ будетъ сдѣлано нападеніе не только справа, но и слѣва за „измѣну“, „половинчатость“, „соглашательство“ и проч. Прогрессивныя партіи должны быть настолько сильны и независимы, чтобы въ каждую данную минуту быть въ состояніи отражать нападеніе съ двухъ сторонъ.

Въ этомъ основная задача конституціоннаго преобразованія Россіи. Дѣятельность крайнихъ лѣвыхъ только тогда и будетъ полезной, когда прогрессисты будутъ выступать отдѣльно и независимо отъ нихъ, не поддаваясь террору лѣвой фразеологіи.

Надо продолжать работу, начатую Д. Н. Шиповымъ въ срединѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Слова, что жизнь идетъ мимо Государственной Думы, становятся общимъ мѣстомъ, но эти слова пока-что и остаются только словами. Надо сдѣлать изъ нихъ выводъ и, дѣйствительно, приняться за организацію внѣдумскихъ общественныхъ силъ, освобождая ихъ какъ отъ террора правыхъ, такъ и отъ гегемоніи крайнихъ лѣвыхъ устремленій.

Въ странѣ жизнеспособной должны найтись и люди для этого огромнаго дѣла.

А. С. Изгоевъ.

Открытое письмо редактору „Русской Мысли".

Многоуважаемый Петръ Бернгардовичъ!

Долгое мое сотрудничество въ *Русской Мысли*, съ одной стороны, и съ другой—ваше всегдашнее вниманіе даже къ тѣмъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, которыхъ вы не раздѣляете, даютъ мнѣ надежду, что вы не откажетесь помѣстить эти нѣсколько строкъ на страницахъ вашего журнала. Меня не занимаетъ полемика; мнѣ хотѣлось бы только привести нѣкоторыя поясненія и дополненія,—чисто принципіальныя,—къ вашей статьѣ „Почему застоялась наша духовная жизнь?" (*Русская Мысль*, мартъ) со стороны той группы русскихъ интеллигентовъ, которую вамъ угодно было назвать „Д. Мережковскій и его друзья".

Вполнѣ присоединяюсь къ вашимъ словамъ о необходимости свободной и независимой мысли, о томъ, что среди русской интеллигенціи въ этомъ направленіи дѣлается мало: мысль стѣснена и подчинена всяческимъ традиціямъ.

Благодаря сложности внѣшнихъ условій (ихъ касается и вы), „традиціи" и „завѣты" играютъ до сихъ поръ несоотвѣтственно большую, порабощающую роль для части мыслящей Россіи. Но мы,—та группа, которую вы тоже упрекаете въ подчиненіи имъ, въ „ереси общественнаго утилитаризма",—слишкомъ хорошо знаемъ, что подобное подчиненіе было бы именно „ересью". У насъ есть собственная мысль (насколько она „самобытна", насколько можно съ ней соглашаться—вопросъ другой) и, не измѣняя этой мысли, мы не можемъ ставить себя въ какое бы то ни было подчиненіе какимъ бы то ни было „традиціямъ". Но правда: наша же мысль (убѣжденіе, вѣра, пониманіе, назовите, какъ хотите) заставляетъ насъ относиться къ „завѣтамъ" и „традиціямъ" безъ предубѣжденія. Если въ содержаніи данной традиціи есть, съ нашей точки зрѣнія, доля истины, мы не отталкиваемся и отъ традиціи—только потому, что это „традиція" и „завѣтъ". Мы стремимся высвободить долю истины изъ отжившей исторически формы, больше ничего.

Наша мысль очень проста, болѣе или менѣе извѣстна; такъ же проста и ближайшая наша, изъ нея вытекающая, задача вскрыть религіозный смыслъ во всѣхъ,—отъ нельзя до нельзя,—проявле-

ніяхъ жизни; утвердить и выявить сознаніе *связи* между высшими жизненными стремленіями человѣчества и божественной силой. Такое осознаніе и было бы подлинной религіей,—religio. Вы приводите опредѣленіе Гере: „религія тамъ, гдѣ человѣкъ сознаетъ себя противостоящимъ нѣкой конечной божественной силѣ и находящимся съ нею въ какихъ-нибудь, хотя бы и не поддающихся контролю, отношеніяхъ". Это опредѣленіе нами цѣликомъ принято. Мы лишь прибавляемъ: не только *человѣкъ*, но и *человѣчество*, ибо религія для насъ дѣло не только личное, но и коллективное.

Съ этимъ можно не соглашаться, можно не признавать, что религія—дѣло всечеловѣческое, всенародное, коллективное (не аристократическое, какъ утверждаетъ Гере, а демократическое), но врядъ ли можно доказать, что стремленіе внести религіозное сознаніе *и* въ коллективъ—есть по существу стремленіе, дискредитирующее религію. Въ той же книгѣ *Русской Мысли*, гдѣ вы высказываетесь противъ „религіознаго народничества", есть замѣтка г. Быстренина. Онъ выражаетъ мысли, весьма близкія нашимъ, „о соотношеніи матеріальнаго роста и религіозной культуры". Совершенно правильно указываетъ онъ на коренную жажду народа Царствія Божія „не когда-то, въ концѣ міровой исторіи, а сейчасъ, на землѣ", и прибавляетъ, что „въ этомъ стремленіи заключается вся сущность народнаго религіознаго движенія". „Запросы народной мысли уже не удовлетворяются офиціальной церковностью,—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію...", говоритъ далѣе г. Быстренинъ. „Да, народъ отходитъ отъ церкви, но это отхожденіе не только не атеизмъ и не индифферентизмъ, а исканіе новой праведной церковности, вѣрнѣе, соборности, исканіе Града Грядущаго" на землѣ. Г. Быстренинъ затѣмъ признаетъ, что „устроеніе Царства Божія на землѣ,—эта пламенная мечта лучшихъ вождей человѣчества и безсознательная мечта народа,—есть устроеніе новой свободной общественности".

Связь тутъ достаточно утверждена. Правда, это пока все общія теоретическія положенія; кромѣ того, Быстренинъ говоритъ о народѣ, вы же говорите объ интеллигенціи, и не только о мысляхъ, о цѣляхъ данной ея группы, но и о дѣйствіяхъ, о тактикѣ. Вы переходите отъ сужденій о томъ, *что* думаетъ интеллигенція, къ тому, *какъ* она свои мысли воплощаетъ. (Пользуюсь терминологіей Вяч. Иванова.) Вы упоминаете о „демагогіи". Скажу, прежде всего, что общее мнѣніе о низменности такъ называемой „демагогіи" я раздѣлять не рѣшаюсь. Что такое демагогія? „Будучи свободенъ отъ всѣхъ, я всѣмъ поработилъ себя, дабы болѣе пріобрѣсть; для іудеевъ я былъ какъ іудей, чтобы пріобрѣсть іудеевъ; для подзаконныхъ былъ какъ подзаконный, чтобы пріобрѣсти подзаконныхъ; для чуждыхъ закона, какъ чуждый закона, не будучи чуждъ закона передъ Богомъ, но подзаконенъ Христу, чтобы

пріобрѣсть чуждыхъ закона; для немощныхъ былъ какъ немощный, чтобы пріобрѣсти немощныхъ. Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ" (I, Кор., гл. 9). Таковы „приспособленія", „демагогіи" апостола Павла. И я не могу осуждать ее, какъ „порчу мысли", какъ пріемъ антирелигіозный. Но дѣйствительно: въ современномъ человѣчествѣ ни у кого нѣтъ, и не можетъ быть, необходимой для этого, апостольской силы. Мы не въ состояніи дѣйствовать демагогически-апостольски—и не должны. И современныя наши религіозныя устремленія этого не требуютъ.

Безъ „приспособленій" и „замазываній", но и безъ страха „заразы общественнаго утилитаризма", мы открыто утверждаемъ всякій разъ тотъ коллективъ, то направленіе, тотъ „завѣтъ", гдѣ мы видимъ наибольшую часть нашей правды, могущей освѣтиться религіознымъ сознаніемъ. Много разъ и мнѣ лично приходилось писать, съ послѣдней рѣзкостью, противъ „соціализма какъ религіи", противъ тѣхъ, кто дѣлаетъ изъ соціализма религію. Но сей день, по сей часъ и я, и мы всѣ находимся въ жестокой борьбѣ съ „обратной" цензурой, имѣющей власть зажимать намъ рты, когда мы идемъ „къ подзаконнымъ" (точнѣе, „подзавѣтнымъ"...) не для того, чтобы быть, „какъ они", а чтобы говорить имъ о ихъ рабствѣ. При малѣйшей же возможности мы возвращаемся къ открытому осужденію всѣхъ попытокъ соціализма „подмѣнить" религію. Но въ то же время мы утверждаемъ идею соціализма и жизненные, реальные пути къ ея воплощенію, какъ дѣло, могущее стать праведнымъ и Божьимъ, при условіи религіознаго сознанія.

Г. Быстреннъ еще конкретнѣе и частнѣе говоритъ: „кооперативное движеніе и движеніе религіозное идутъ рука объ руку"... Почему одна мысль о „связи мистической религіи съ политикой и соціализмомъ"—есть уже „порча мысли", „дурное выраженіе утилитаризма"? Почему отозваться на религіозно-политическое дѣло Бейлиса утвержденіемъ идей истинной религіи и праведной общественности—значило только создавать „шумиху"?

Еще разъ скажу: можно протестовать противъ чьихъ-либо ошибокъ, можно не соглашаться съ извѣстной мыслью, въ данномъ случаѣ съ мыслью о связи религіи со всей совокупностью жизненнаго историческаго движенія; но правильно ли судить дѣйствія тѣхъ или другихъ лицъ съ точки зрѣнія завѣдомой несостоятельности ихъ идеи и отказывать послѣдней въ правѣ на существованіе?

Примите, многоуважаемый Петръ Бергардовичъ, мое увѣреніе въ совершенномъ къ вамъ почтеніи.

З. Н. Гиппіусъ.

Ментона (Франція).
$^{8}/_{21}$ апрѣля 1914 г.

Религія и общественность.

Отвѣтъ З. Н. Гиппіусъ.

Если соціализмъ, политика, вообще общественность не есть религія, то какъ можетъ быть „религіозная общественность“?

Вотъ вопросъ, который въ упоръ ставится въ моемъ спорѣ съ Мережковскимъ и его друзьями. На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать *фактическими* ссылками. Конечно, въ цѣломъ рядѣ случаевъ религіозныя стремленія бывали тѣсно связаны съ общественными теченіями разныхъ оттѣнковъ. Но именно возможность, фактически-психологическая, соединенія съ подлинной религіозностью какъ консерватизма, такъ и радикализма въ общественныхъ вопросахъ указываетъ, что эта связь—чисто психологическая, исторически-обусловленная. Тѣ или другія общественныя рѣшенія отъ вѣчныхъ религіозныхъ цѣнностей въ необходимой объективной зависимости не находятся.

Разъ это понято,—идея религіозной общественности становится невозможна. Или она становится явно и соблазнительно тактической. И тогда либо общественность уловляетъ души для религіи, либо религія уловляетъ души для общественности. То и другое я называю тактикой и демагогіей. Пусть религія есть дѣло не аристократическое, а демократическое въ смыслѣ доступности чистой религіозности массамъ, пусть религіозное сознаніе воплощается въ коллективѣ, все это не мѣняетъ своеобразія и автономности религіознаго отношенія къ міру и къ жизни, все это еще не даетъ намъ права говорить о религіозной общественности въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаютъ Мережковскій и его друзья.

Религіозная общественность предполагаетъ, что религія прямо устрояетъ общественныя отношенія. А такъ какъ, съ другой стороны, явно, что религія Мережковскаго и его друзей должна быть понимаема какъ утвержденіе какой-то *церковности*, хотя бы и отрицающей всю исторически сложившуюся, традиціонную церковность, то, значитъ, эта церков-

ность, связанная съ извѣстной общественностью, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ своего рода теократіей. Это слово вызываетъ опредѣленныя историческія ассоціаціи: и цезаропапизмъ и папоцезаризмъ и религіозную диктатуру Кальвина. Никто, знакомый съ ходомъ развитія религіозной культуры, не можетъ отрицать, что въ самой идеѣ церкви, связанной съ государственностью и общественностью, заключена огромная опасность и угроза для личной свободы вообще, религіозной свободы, въ частности. Неслучайно, поэтому, свободная общественность проводитъ идею отдѣленія церкви отъ государства и абсолютно „частнаго" характера религіозной жизни (Religion ist Privatsache). И точно такъ же чистая религіозность должна настаивать на томъ, что все общественное и государственное въ значительной своей части—*религіозно безразлично*. Въ томъ, что З. Н. Гиппіусъ характеризуетъ какъ „демагогію" Павла, обнаруживается не „демагогія", а наоборотъ, общественное безразличіе этого основателя христіанства. Это безразличіе вытекало у Павла изъ того, что всѣ политическія и соціальныя цѣнности для него исчезали передъ основной религіозной цѣнностью, спасеніемъ души. Первохристіанство вообще было слишкомъ революціонно въ своемъ религіозномъ индивидуализмѣ, сочетавшемся съ универсализмомъ, для того, чтобы еще заниматься общественностью и интересоваться государствомъ. Отсюда своеобразный консерватизмъ первохристіанства, который опредѣлился именно позиціей Павла. Это—консерватизмъ изъ безразличія. „Консервативная позиція христіанства—мѣтко говоритъ Трельчъ—покоилась не на любви къ существующимъ учрежденіямъ и не на ихъ положительной оцѣнкѣ, а на смѣси изъ презрѣнія, покорности и относительнаго признанія" [1]). Христіанство не обращено къ міру, а отвращено отъ міра. Но это въ извѣстной мѣрѣ положеніе, занимаемое всякой религіей. Разница между современностью и эпохой первохристіанства лишь въ томъ, что отвращеніе отъ міра для первохристіанства было связано съ ожиданіемъ близкаго и тѣлеснаго пришествія Царства Божія, съ наивно-историческимъ ощущеніемъ преходящности, не только индивидуальной, но и коллективно-исторической, бытія міра, т.-е. съ тѣмъ, что можно назвать эсхатологическимъ ощущеніемъ христіанства. Первохристіане чувствовали себя стоящими въ концѣ и при концѣ міра. Этого ощущенія у современныхъ христіанъ нормально быть не можетъ. Для современныхъ христіанъ и, я скажу, для всей современной религіозности религіозная отвращенность отъ міра есть обращенность внутрь себя. Конечно, для религіознаго человѣка всѣ проявленія жизни, человѣческой въ особенности, должны быть религіозно оцѣниваемы. Но именно

---

[1]) Ср. *Ernst Troeltsch*. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. Tübingen, 1912. S. 72.

для религіозной оцѣнки общественныя и государственныя явленія не могутъ не располагаться въ иной рядъ, чѣмъ для оцѣнки политической и соціальной.

И именно эта религіозная перспектива сказывается въ томъ, что—съ точки зрѣнія соціологической—можно назвать „безразличіемъ“ и „консерватизмомъ“ апостола Павла [1]). Такъ же, какъ непозволительно изъ этой позиціи выводить религіозное освященіе какихъ-либо земныхъ учрежденій консервативнаго характера, такъ же изъ христіанскаго религіознаго индивидуализма, утверждающаго равноцѣнность человѣческихъ личностей предъ Богомъ, нельзя дѣлать какихъ-либо выводовъ въ духѣ радикальной политики и соціализма. Поэтому „консерватизмъ“ и „радикализмъ“ христіанства, въ сущности—лишь соціологическія истолкованія чисто религіознаго ядра христіанства и всякой подлинной религіи. Эти истолкованія, какъ соціологическія, чужды религіозному ядру, его не затрогиваютъ.

Для того, кто это понялъ, идея „религіознаго народничества“ представляетъ такую же цѣнность съ точки зрѣнія религіозной, какъ и идея христіанскаго государства въ смыслѣ Ф. Ю. Шталя, который, какъ извѣстно, умѣренный конституціонализмъ выводилъ изъ „духа христіанства“ [2]).

Въ качествѣ соціологическихъ преломленій христіанской идеи мы находимъ въ исторіи и современности и анархизмъ, и соціализмъ, и либерализмъ, и консерватизмъ. Конечно, въ самомъ христіанствѣ заложены возможности этихъ различныхъ истолкованій и преломленій. Но всѣ они стоятъ по существу внѣ религіознаго ядра христіанства.

Вотъ почему, оставаясь на религіозной почвѣ христіанства, нельзя въ наше время *сознательно* его мистическую религіозность связывать съ политическимъ и соціальнымъ радикализмомъ, такъ же, какъ нельзя и связывать ее съ какими-либо видами консерватизма. Психологическія и соціологическія связи, которыя можно нащупать въ этой области, лишены нормативнаго руководящаго значенія для религіознаго сознанія.

Въ пропагандѣ и агитаціи Мережковскаго и его друзей я не могу не видѣть „порчи мысли“ и фальсификаціи религіи именно потому, что религіозная идея въ этой пропагандѣ поглощается и извращается соціологическими выводами изъ нея, ей посторонними, для нея случайными. Почему извѣстный откликъ с.-петербургскаго религіозно-философскаго общества на дѣло Бейлиса былъ „шумихой“?—спрашиваетъ меня З. Н. Гиппіусъ. А именно потому, что въ этомъ откликѣ совершенно отсутствовало религіозное содержаніе и религіозное углубленіе, что̀ и ска-

---

[1]) Ср. *Troeltsch*, l. c. SS. 58—83.
[2]) Ср. *Troeltsch*, l. c. SS. 76—77.

залось между прочимъ въ безразборчивомъ привлеченіи къ этому отклику лицъ и элементовъ, и индивидуально и по своей общественной позиціи индифферентныхъ къ религіи и даже ей враждебныхъ.

Религія для того, кто ее признаетъ и пріемлетъ, должна дѣйствительно проникать и освящать всю жизнь. Въ частности, христіанская религіозность въ этомъ отношеніи обязываетъ къ извѣстнымъ рѣшеніямъ. Но получить эти рѣшенія, какъ религіозно-обязательныя, можно, лишь оставаясь на чисто религіозной почвѣ. Первохристіанство въ лицѣ апостола Павла, вошло для своего времени живыя формулы этихъ рѣшеній, рожденныя изъ самаго духа христіанскаго ученія. Наше время изъ этихъ вѣчныхъ формулъ отношенія религіознаго сознанія къ обществу и государству должно сдѣлать живые выводы. Это большая и трудная задача, которая религію призываетъ быть самозаконнымъ судьей общественности и государственности. Для меня ясно, что отвѣтъ современнаго религіознаго сознанія на эту задачу не можетъ заключаться въ присоединеніи къ какой-либо политической и соціальной „программѣ", къ какимъ-либо общественнымъ и политическимъ движеніямъ. Религіозный отвѣтъ на политическія и соціальныя задачи долженъ и можетъ заключаться прежде всего въ указаніи того, что въ общественной и государственной жизни для религіознаго сознанія, обращеннаго, какъ таковое, внутрь человѣка, принципіально, съ точки зрѣнія верховной религіозной цѣнности, спасенія души, *непріемлемо*.

Это есть проблема религіозной оцѣнки общественности, проблема, для разрѣшенія которой религіозное сознаніе нуждается прежде всего—въ *самоочищеніи*, въ осознаніи верховной *самозаконности* религіи. Въ другихъ условіяхъ міровой жизни и духовнаго развитія современное религіозное сознаніе призвано разрѣшить задачу, уже однажды для міра и человѣчества, охваченнаго эсхатологическимъ ощущеніемъ, разрѣшенную первохристіанствомъ.

Я ставлю удареніе на словахъ: *самоочищеніе* и *самозаконность*. Если дѣйствительно ставится задача, выраженная въ этихъ словахъ, то проблема религіозной оцѣнки общественности прежде всего требуетъ очищенія религіи и религіозной идеи отъ чуждыхъ ей примѣсей. Въ своей статьѣ, рисуя современное религіозное положеніе, я указалъ на трагическое положеніе религіи въ современности. Это положеніе характеризуется тѣмъ, что современная прогрессивная общественность, въ лицѣ ея дѣйственныхъ носителей на западѣ, враждебна религіи, а консервативныя силы общественности въ значительной мѣрѣ, сознательно или безсознательно, склонны разсматривать религію какъ служебное орудіе для политики. Отталкиваніе современнаго соціализма отъ религіи и въ частности отъ христіанства неслучайно, не основано на недоразумѣ-

ніи—въ немъ сказывается расхожденіе основныхъ принциповъ. Христіанское сознаніе не можетъ ставить классовую борьбу на то мѣсто, которое ей не только фактически, но и идейно принадлежитъ въ современномъ соціальномъ движеніи. Тотъ, кто хочетъ христіанизировать современное соціальное движеніе, носителемъ котораго являются рабочіе, долженъ вынуть изъ этого движенія или, по крайней мѣрѣ, религіозно обуздать его нехристіанскую душу, идею классовой борьбы.

Современный рабочій классъ проникнутъ идеей классовой особности и борьбы сильнѣе, чѣмъ какая бы то ни была другая соціальная группа; онъ не только проникнутъ, но прямо одержимъ этой идеей, составляющей основной „завѣтъ“ современнаго дѣйственнаго соціализма. Поскольку это такъ, рабочій классъ изъ всѣхъ „коллективовъ“ современной общественности наиболѣе далекъ отъ религіи и христіанства, какъ бы ихъ ни понимать, лишь бы только не фальсифицировать.

Таково, настаиваю я, истинное положеніе религіи въ современности—мои слова какъ объективное констатированіе можетъ подписать всякій искренній и мыслящій соціалистъ — и игнорированіе этого положенія есть либо слѣпота, либо демагогія, въ жертву которой приносится сама религіозная идея.

Петръ Струве.

М. Е. Салтыковъ.

Салтыковъ-Щедринъ многимъ русскимъ читателямъ извѣстенъ и останется всегда извѣстнымъ только по имени. Это грустная правда, объемлющая собой цѣлую личную трагедію, въ которой отразилась судьба и всей русской общественности и, въ особенности, русской литературы. Салтыковъ—жертва великой любви и великой ненависти, жертва самоотверженія и гнета.

Нѣтъ сомнѣнія, что Салтыковъ былъ большимъ художникомъ. Но онъ систематически приносилъ свой художественный талантъ въ жертву общественному призванію, служенію народу, пробужденію сознанія и возбужденію протеста.

Приносилъ въ жертву?

Да, достаточно прочесть сплошь какой-либо томъ Щедрина, чтобы почувствовать это непрерывное самозаклаціе художника на алтарѣ общественности. Но аскетическое служеніе общественной идеѣ въ то же время непрерывно питало художественное творчество Салтыкова. И никто не можетъ сказать, что вышло бы изъ этого художника, если бы его не подстегивала вѣчно настороженная, никогда не засыпавшая совѣсть печальника о народѣ. Можетъ быть, безъ этой совѣсти чиновникъ Салтыковъ желчно разсказывалъ бы пикантные анекдоты и писаніемъ умныхъ бумагъ въ томъ замѣчательномъ стилѣ, который выработали вѣка бюрократической умственности и отъ котораго такъ много взялъ сатирикъ Щедринъ, поднимался бы со ступеньки на ступеньку по лѣстницѣ должностей и чиновъ. Да, литературная дѣятельность Салтыкова не есть просто печальный продуктъ русской исторіи, порча художественнаго таланта политическимъ гнетомъ и общественными задачами. Совѣсть Салтыкова не только насиловала, но и питала его творчество.

Тѣмъ не менѣе многое въ этомъ творчествѣ дѣйствительно искривлено и даже извращено гнетомъ. Совѣсть питала и насиляла литературное творчество не свободно: она дѣйствовала не прямыми и въ то же

время глубинными путями моральной интуиціи, а преломляясь сквозь публицистическую мысль. Человѣческое предстояло писателю не въ своихъ вѣчныхъ образахъ и проблемахъ, а въ условныхъ костюмахъ случайнаго историческаго момента, сочиненныхъ примѣнительно къ „обличительному“ заданію публицистики и къ недреманному оку цензуры. Въ этомъ различіе между Салтыковымъ и Гоголемъ,—различіе, которое первый преодолѣвалъ только въ своихъ высшихъ достиженіяхъ, гдѣ онъ сбрасывалъ съ себя публицистическія путы.

И потому мы съ полнымъ правомъ можемъ считать Салтыкова жертвой. Его мучила цензура, но онъ и самъ самоотверженно принесъ свой художественный талантъ въ жертву публицистикѣ.

Теперь эта публицистика уже мертва, она уже исторія, которую нужно толковать, которая требуетъ „примѣчаній“ и притомъ до извѣстной степени гадательныхъ. Творчество Салтыкова—большой лѣсъ, въ которомъ живая зелень причудливо сплелась съ сухими вѣтками и сучьями, и этотъ сухой лѣсъ уже никогда не возродится и будетъ вѣчно печалить взоръ своей смертью.

Несмотря на всѣ условности терминологіи и фразеологіи, было время, когда эти сухія и мертвыя слова были хотя и заглушеннымъ, но живымъ голосомъ. Послѣднее поколѣніе, которое слышало и ощущало голосъ Салтыкова живымъ во всей его полнотѣ и силѣ, это было то поколѣніе, которое приблизилось къ сознательной жизни въ 80-хъ гг. Пишущій эти строки рѣшалъ тригонометрическую задачу на выпускномъ экзаменѣ въ тотъ день, когда хоронили Салтыкова. Про себя я могу сказать, что изъ всей литературы, появившейся въ дни моей юности, ничто такъ не повліяло на образованіе моихъ морально-общественныхъ чувствъ и взглядовъ, какъ сатиры Щедрина, печатавшіяся уже не въ *Отечественныхъ Запискахъ*, а *Вѣстникѣ Европы*, и морально-философскія произведенія Толстого той же эпохи. Цѣлыя мѣста изъ „Пестрыхъ писемъ“ прямо вонзились въ мою память, когда я былъ на гимназической скамьѣ. Нужно было пережить реакцію 80-хъ гг. для того, чтобы на всю жизнь запомнить такія слова:

„Живые притаились въ могилахъ; мертвые самолично встали изъ гробовъ и ходятъ по стогнамъ, стуча костями. Кладбищенское волшебство замѣнило здоровую, реальную жизнь. Такія слова вновь вошли въ обиходъ, которыя считались давно упраздненными; такія мысли пріобрѣли авторитетъ, отъ которыхъ недавно даже и самъ отказывался: что вы! никогда ничего подобнаго я не мыслилъ! На-дняхъ мнѣ случилось въ одной изъ газетъ вычитать „правду“, въ четырехъ строчкахъ нѣкоторымъ обывателемъ нацарапанную,—клянусь, я и не подозрѣвалъ, чтобы человѣческій языкъ былъ способенъ выговорить тѣ звуковыя сочетанія,

которыя въ этой „правдѣ“ безъ малѣйшаго затрудненія въ обнажонномъ видѣ осуществлены“. [1])

Эта отвлеченная характеристика, въ которой не было и не могло быть названо ни одного ненавистнаго имени, въ свое время ощущалась нами какъ ударъ бича по реакціи, въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же „Пестрыхъ писемъ“ охарактеризованной сатирикомъ-публицистомъ какъ „цѣлую побѣду, сразу доведенную до безчинства“.

Теперь публицистика Салтыкова отвлеченна и подчасъ темна, въ свое время она была жива и ударяла по сердцамъ. Я думаю, что наиболѣе глубокое дѣйствіе *мысль* Салтыкова оказывала именно въ 80-е гг., когда начался разгулъ реакціи и подъ покровомъ молчанія совершалась, какъ всегда, углубленная и обостренная работа мысли.

Тогда ярче, чѣмъ прежде, сказалось и то, что Салтыковъ былъ моралистомъ. Задумываясь надъ тѣмъ, чѣмъ вліялъ Салтыковъ на поколѣніе, выросшее въ 80-хъ гг. и вошедшее въ жизнь въ 90-хъ гг., я, осознавая свое собственное духовное развитіе, могу сказать, что Салтыковъ дѣйствовалъ на насъ прежде и болѣе всего какъ публицистъ-*моралистъ*.

О Салтыковѣ сложилось представленіе какъ объ обличителѣ, съ легкостью высмѣивавшемъ политическихъ противниковъ въ лицѣ консервативныхъ элементовъ бюрократической и помѣщичьей Россіи. Конечно, онъ это дѣлалъ. Но это не самое важное и не самое сильное даже въ его идейномъ творчествѣ, не говоря уже о художественномъ. Основной чертой, сообщающей писаніямъ Салтыкова подлинную идеальную и моральную силу, была не потребность, обличивъ, сразить врага и уничтожить его, а глубочайшее чувство *жалости*. Салтыковъ жалѣлъ не только угнетенныхъ, но и угнетателей. До конца своихъ дней онъ сохранилъ тотъ идеализмъ, юношескую форму котораго онъ самъ окрестилъ наименованіемъ „анонимной восторженности“ и который означалъ любовное жалѣніе всякаго человѣческаго лица. Отъ этой этической „восторженности“ желчный обличитель никогда не могъ отдѣлаться, и въ послѣдніе годы его жизни она, превратившись въ горѣніе сердца умирающаго на нестерпимомъ современномъ гноищѣ Имярека, обнаружилась явственно какъ основная стихія его души и творчества. „Онъ чувствуетъ, что сердце его горитъ и что онъ пришелъ къ цѣли поисковъ всей жизни, что только теперь его мысль установилась на стезѣ правды“. [2])

Есть замѣчательный портретъ Салтыкова — одна изъ тѣхъ фотогра-

---

[1]) „Пестрыя письма“. Полное собраніе. 3-е изд., т. VI (1894 г.), стр. 370.

[2]) „Молочи жизни“. Полное собраніе. 3-е изд., т. V, стр. 365.

графій, которыя могли бы прославить лучшаго изъ портретистовъ [1]). Достаточно увидѣть это скорбное лицо, чтобы на немъ прочесть страдальческую жалость-любовь желчнаго и грознаго обличителя. Когда вглядываешься въ это лицо, въ душѣ рождается то высшее примиреніе, которое носитъ страданіе, преображенное любовью. Пусть въ Салтыковѣ художникъ часто приносилъ себя въ жертву политику,—политикъ въ немъ въ концѣ-концовъ склонился передъ глашатаемъ нравственной правды, у котораго отъ этой правды сердце горѣло пламенемъ живой любви.

Петръ Струве.

---

[1]) Эта фотографія снята Л. Ѳ. Пантелѣевымъ и имѣется въ превосходномъ воспроизведеніи, исполненномъ въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Хозяйство Петербурга и тенденція его смѣтъ. Сѣверянина.—2. Метаморфозы „ритуальной" литературы Юлія Гессена. — 3. Къ характеристикѣ культурной промышленности. Я. Букшпана. — 4. Кризисъ въ германской клерикальной партіи. И. О. Левина.—5. Производительныя коалиціи въ Англіи. С. И Рапопорта.—6. Внутреннее положеніе Японіи и новый премьеръ гр. Окума. Бориса Шацкаго.

II. Литература и искусство.

1. Годъ русской поэзіи. Валерія Брюсова. — 2. „Роза и Крестъ". Василія Галахова.—3. О современной частушкѣ. А. Дермана.—4. Пушкинскій домъ въ Петербургѣ. М. Гершензона. — 5. Литературная зима. Рене Гиля.—6. Г. А. Ларошъ. Виктора Вальтера.—7. Самоистолкованіе. Конст. Эрберга.

III. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

1. Живая вода. Г. Штильмана. — 2. Современный предприниматель. И. И. Левина.

IV. Некрологъ.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Хозяйство Петербурга и тенденція его смѣтъ.

По поводу проекта городской смѣты на 1914 годъ.

За послѣдніе годы въ жизни городовъ Россіи, несомнѣнно, замѣчаются нѣкоторые признаки оживленія или, правильнѣе сказать, пробужденія. Горожане начинаютъ сознавать необходимость удовлетворенія растущихъ запросовъ муниципальной жизни. Раньше неудовлетворенность городскихъ нуждъ въ лучшемъ случаѣ *ощущалась*, теперь она уже *болѣзненно чувствуется*, и представители городского населенія начинаютъ настойчиво искать выхода изъ тѣхъ убійственныхъ тупиковъ, въ которыя завела ихъ общая некультурность русской жизни. Моря невыдуманной грязи или пыли, зовущіяся у насъ городскими площадями и улицами, вопіющее отсутствіе сносной воды, больницъ, освѣщенія, недостатокъ школъ и всякихъ просвѣтительныхъ учрежденій, безобразное состояніе рынковъ и пѣтый рядъ другихъ недостатковъ городского неустройства, дѣлающихъ русскую городскую жизнь, какъ по справедливости съ какимъ-нибудь Нейрбергомъ, столь сѣрой, безобразной и недорогой,—все это десятки (а то и сотни) лѣтъ непринимаемыя горожанами обыкновенныя, какъ бѣдствія неизбѣжныя и неизлѣчимыя. „Ну, у насъ не Ватер-

та, а у насъ грязь. И ничего съ этимъ не подѣлаешь—такъ было и такъ будетъ"—вотъ, въ недавнемъ прошломъ, схема мышленія жителя Мурома, Вязьмы, Царицына и сотенъ русскихъ городовъ въ области городского благоустройства. Но за послѣднія 5—10 лѣтъ откуда-то потянуло свѣжимъ вѣтромъ. И муромцы, и царицынцы, и майкопцы—всѣ, какъ будто сговорившись, начинаютъ не только чувствовать, но и понимать, что русская городская жизнь можетъ и должна быть реформирована въ корнѣ, что благоустройство и чистота русскому городу нужны не меньше, чѣмъ иностранному. Разъ сознанныя нужды требуютъ для своего удовлетворенія расходовъ—отсюда ростъ городскихъ бюджетовъ, обостреніе борьбы съ земствами изъ-за обложенія на земскія нужды и т. д., и т. д. Это пробужденіе городской жизни давно уже отмѣчено спеціалистами; оно рѣзко сказывается въ провинціальной хроникѣ газетъ, въ спеціальной прессѣ; оно, наконецъ, обратило на себя вниманіе всей Россіи на прошлогоднемъ кіевскомъ съѣздѣ.

Не будемъ поддаваться, однако, иллюзіямъ. Это движеніе, замѣтное и столь желательное, не вышло еще изъ стадіи эмбріональной. Не надо забывать, что бюджеты всѣхъ русскихъ городовъ вмѣстѣ еще отстаютъ отъ бюджета одного Парижа, и что половину этой общей бюджетной суммы поглощаютъ двѣ столицы! Что же остается на мелкіе и средніе русскіе города?

Такимъ образомъ, если имѣть въ виду не относительный ростъ цифръ, а ихъ абсолютную высоту, то лишь московское и петербургское муниципальныя хозяйства представляютъ собою въ настоящій моментъ такія крупныя единицы, хозяйственная жизнь которыхъ, каждой въ отдѣльности, представляетъ серьезный интересъ для читателя-неспеціалиста. Въ настоящей бѣглой замѣткѣ я, пользуясь недавно опубликованнымъ проектомъ смѣты Петербурга на 1914 г., предполагаю, однако, обратить вниманіе не на всѣ стороны хозяйственной дѣятельности столичнаго управленія, а лишь на общую тенденцію его смѣтъ. Имѣя въ виду эту задачу, я позволяю себѣ ниже сопоставлять даже цифры, не вполнѣ тождественныя, я буду сравнивать *отчетныя* цифры за 1912 г. съ цифрами *утвержденной* смѣты 1913 г. и съ *проектомъ* смѣтныхъ назначеній на 1914 г. Для цѣлей объективнаго изслѣдованія такое сопоставленіе, конечно, было бы недопустимо; но, стараясь, какъ уже сказано, выяснить лишь общій характеръ развитія петербургской смѣты и ея направленіе, мы, быть можетъ, путемъ сопоставленія отчетныхъ данныхъ перваго изъ трехъ отмѣченныхъ годовъ съ проектируемой смѣтой 1914 года сможемъ отмѣтить нѣкоторыя особенности петербургскихъ бюджетовъ даже съ особою наглядностью.

Общій итогъ обыкновенныхъ и спеціальныхъ доходовъ по смѣтѣ Петербурга исчисленъ на 1914 годъ въ 53,4 милліона рублей—сумма солидная, приближающаяся къ бюджету сербскаго королевства. Правда, болѣе половины общихъ смѣтныхъ доходовъ Петербурга (31,1 милліона рублей) оказывается доходомъ отъ городскихъ предпріятій и сооруженій. Эти предпріятія и сооруженія вызываютъ значительные эксплоатаціонные расходы (15,1 милл. руб.), которые, пожалуй, было бы правильнѣе, для выясненія истинной физіономіи городского хозяйства, скинуть съ общей суммы какъ доходовъ, такъ и расходовъ Петербурга, опредѣливъ такимъ образомъ общій итогъ проекта смѣты 1914 года въ *38,3* милл. руб. (53,4—15,1 м.). Однако, отмѣтивъ это обстоятельство, я въ дальнѣйшемъ изложеніи считаю болѣе цѣлесообразнымъ брать общія бюджетныя цифры въ томъ видѣ и въ томъ именно размѣрѣ, въ какихъ онѣ внесены въ проектъ смѣты, т.-е. не выдѣляя эксплоатаціонныхъ расходовъ предпріятій. Дѣ-

даю я это не только ради большаго удобства пользованія прямо уже готовыми, отпечатанными цифрами, но подвергая ихъ низкому предварительному пересчету, а и по слѣдующимъ соображеніямъ. Выключить расходы по предпріятіямъ изъ общей городской смѣты было бы весьма интересно въ томъ случаѣ, если бы мы могли выдѣлить дѣйствительно всѣ соотвѣтствующія суммы, а въ томъ числѣ, прежде всего, и расходы по займамъ въ той долѣ, въ которой они дѣйствительно на предпріятія падаютъ, а также расходы по образованію возобновительныхъ фондовъ и по всякимъ спеціальнымъ отчисленіямъ. Къ сожалѣнію, имѣющійся въ проектѣ смѣты матеріалъ не даетъ возможности точно исчислить суммы двухъ послѣднихъ категорій по отдѣльнымъ городскимъ предпріятіямъ (газъ, водопроводы, трамваи и т. п.). А разъ это такъ, т.-е. разъ мы не можемъ точно выдѣлить нѣкоторыхъ изъ указанныхъ, образующихъ внушительные итоги общей суммы расходовъ по предпріятіямъ, то для насъ уже не имѣетъ значенія выдѣленіе лишь части, хотя бы и значительной, соотвѣтствующихъ статей расходной смѣты. Вотъ почему, а также имѣя въ виду удобство сравненія данныхъ по отдѣльнымъ годамъ, я беру прямо цифры проекта смѣты.

Приведемъ прежде всего маленькую табличку, съ указаніемъ роста нѣкоторыхъ главнѣйшихъ статей городскихъ доходовъ.

	По отчету 1912 г.	По смѣтѣ 1913 г.	По проекту смѣты 1914 г.	Прирость цифръ 1914 г. въ % % по отношенію къ отчету 1912 года.
Сборы съ недвижимыхъ имуществъ	7,3 милл. р.	7,3 милл. р.	7,6 милл. р.	3,6%
Сборы съ торговли и промысловъ	3,7 „ „	3,7 „ „	3,9 „ „	6,9%
Доходъ съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей	3,6 „ „	3,4 „ „	4,1 „ „	12,5%
Доходы отъ городскихъ предпріятій	25,6 „ „	27,7 „ „	31,1 „ „	21,3%
Общая сумма дохода . .	44,1 „ „	47,2 „ „	53,4 „ „	20,7%

Характерныя и общепѣстныя черты петербургскаго бюджета бросаются въ глаза при самомъ бѣгломъ ознакомленіи съ этими немногими цифрами. Коренныя и основныя статьи нормальнаго городскаго бюджета—сборы съ недвижимости, торговли и промысловъ—составляютъ лишь 11,5 милл. р. (7,6+3,9), т.-е. около 22% всѣхъ городскихъ доходовъ; и возрастаютъ онѣ не богъ вѣсть какъ быстро (6,5% за 2 года). Городскія имущества и арендныя статьи (земли, пристани и т. п.) даютъ, сравнительно, очень немного (4,1 милл. р., или около 7%); городскія же предпріятія приносятъ главную долю городскихъ доходовъ (58,2%) и, увеличивъ за 2 года доходъ на 21,3%, составляютъ, очевидно, главную опору городскихъ финансовъ. Первое мѣсто, конечно, занимаетъ трамвай, съ котораго городъ предполагаетъ получить въ 1914 году 16,3 милліона рублей, за трамваемъ идутъ водопроводъ (4,8 милл. р.), телефонъ (3,5 милл. р.), газовый заводъ (1,4 милл. р.). Рядомъ съ этими 27 милліонами рублей сборы

съ другихъ городскихъ предпріятій и сооруженій даютъ, сравнительно, очень немного; въ отдѣльныхъ случаяхъ предпріятія приносятъ даже убытокъ.

Ростъ доходности главнѣйшаго изъ этихъ доходовъ Петербурга поистинѣ замѣчателенъ. Въ 1904 году городскія желѣзныя дороги—тогда еще почти исключительно конныя—давали 4,6 милл. р. валового дохода и всего 1,3 мвлл. р. чистаго. По смѣтѣ же 1914 года валовой доходъ по этой статьѣ исчисленъ 18,3 милл. р., а, за вычетомъ эксплоатаціонныхъ расходовъ, доходъ по этой статьѣ предположенъ въ *9,8* милл. р.! Рядомъ съ этими, столь быстро растущими, цифрами, необычайно малоподвижными представляются цифры, касающіяся хотя бы, напримѣръ, водопроводовъ. Въ то время, когда городскія желѣзныя дороги двигались впередъ гигантскими шагами, водопроводъ развивался, судя по нашимъ цифрамъ, весьма вяло; это видно какъ изъ медленнаго роста его валового дохода, такъ и изъ постоянства чистаго дохода. Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько цифровыхъ данныхъ.

	Валов. доходъ	Чистый доходъ (безъ отъ водопровода. экспл. расходовъ).
1904 г. . . .	3,3 милл. р.	2,4 милл. р.
1912 г. . . .	4,3 „ „	2,4 „ „
1913 г. (по смѣтѣ) . .	4,4 „ „	2,2 „ „
1914 г. (по проекту смѣты) . .	4,8 „ „	2,5 „ „

Можно, конечно, много спорить о томъ, нормально ли для городского хозяйства извлекать изъ водопровода значительный доходъ; но объ этой сторонѣ дѣла мы въ данную минуту не говоримъ; мы отмѣчаемъ лишь фактъ: за 10 лѣтъ *валовой* доходъ отъ водопровода, несмотря на быстрый ростъ Петербурга, возросъ примѣрно лишь на 45%, въ то время какъ сборы съ трамвая увеличились чуть ли не на 300%. Положимъ, городскія желѣзныя дороги пережили за это время крутой переворотъ, перейдя отъ конной тяги къ электрической. Но, кромѣ того, городъ вложилъ въ дѣло развитія путей сообщенія и солидныя денежныя средства, и массу труда и заботъ. И мы невольно останавливаемся на вопросѣ: а что было бы, если бы хотя бы небольшую долю того вниманія и тѣхъ суммъ, которыя были отданы за эти 10 лѣтъ трамваю, городъ удѣлилъ бы водопроводу—не поднялось ли бы, къ пользѣ и города, и жителей, водопотребленіе нѣсколько быстрѣе, чѣмъ оно поднималось ихъ дѣйствительности?

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Изстари однимъ изъ неоспоримыхъ и естественныхъ доходовъ городовъ считается доходъ отъ рынковъ. Это и понятно. Устраивая рынки, городъ выполняетъ одну изъ своихъ серьезнѣйшихъ задачъ—способствуетъ (къ выгодѣ какъ жителей-покупателей, такъ и плательщиковъ-купцовъ) благоустройству торговли и ея развитію. За эту свою услугу городъ имѣетъ, конечно, и формальное и—что не менѣе важно—нравственное право получать извѣстное вознагражденіе, какъ въ видѣ сборовъ съ торговли и промысловъ, такъ и въ видѣ прямой платы за свои лавки. Отсюда ясно, что развитіе и усовершенствованіе рынковъ не только составляетъ прямую задачу города, но и служитъ однимъ изъ средствъ къ поднятію городскихъ доходовъ. При той огромной потребности въ сколько-нибудь благоустроенныхъ пунктахъ торговли, которая вызвала къ жизни въ Петербургѣ за послѣдніе годы десятки частныхъ рынковъ, при отсутствіи центральныхъ рынковъ-складовъ и рынковъ-холодильниковъ для мяса, овощей, птицы, рыбы и т. д., казалось бы, что для петербургскаго городского управленія въ данномъ направленіи открываются самыя широкія перспективы созидательной работы. Что же говорятъ намъ по этому поводу цифры проекта смѣты 1914 года?

	Валовой доходъ отъ рынковъ и лавокъ.	Расходъ на рынки и лавки.	Чистый доходъ.
1911 г.	417,000 руб.	13,000 руб.	404,000 руб.
1912 г.	566,000 „	28,000 „	538,000 „
1913 г. (смѣта)	597,000 „	22,000 „	575,000 „
1914 г. (проектъ смѣты)	571,000 „	29,000 „	542,000 „

Принимая во вниманіе общій подъемъ арендныхъ цѣнъ въ Петербургѣ, мы, всматриваясь въ эту таблицу, должны признать, что за десятилѣтіе ростъ дохода отъ рынковъ въ Петербургѣ совершенно ничтоженъ; но еще характернѣе, быть можетъ, для бюджета нашей столицы ничтожность расходовъ на содержаніе рынковъ. Очевидно, что на 20—30 тысячъ въ годъ петербургскіе городскіе рынки сколько-нибудь удовлетворительно обслужены быть не могутъ; очевидно, что городъ или перезагаетъ всѣ относящіеся сюда расходы на лавкопринимателей, или ограничивается въ этомъ отношеніи лишь минимальными, совершенно неизбѣжными расходами на администрацію и охрану, не заботясь ни о чемъ другомъ. О правильномъ, прогрессивно улучшающемся, удовлетвореніи нуждъ городской торговли и лавочниковъ при такихъ условіяхъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Результатъ мы видимъ: доходъ города по этой статьѣ не только не растетъ, а даже какъ бы показываетъ тенденцію къ пониженію...

Итакъ, доходная смѣта нашей столицы въ ея главнѣйшихъ и характерныхъ чертахъ представляетъ рядъ особенностей, которыя мы должны признать и ненормальными и нежелательными. Получая лишь незначительную часть своихъ доходовъ путемъ прямого обложенія недвижимости и торговли, городъ, конечно, можетъ въ свое оправданіе ссылаться на пресловутую предѣльность обложенія и на другія, отъ него независящія, условія. Однако и тутъ мы въ правѣ задаться вопросомъ, что сдѣлано городомъ для проведенія основы обложенія недвижимости — городской оцѣнки—въ соотвѣтствіе съ бѣшенымъ ростомъ арендныхъ цѣнъ за послѣдніе годы? И если мы это обнаружимъ, если окажется, что при выявленной постановкѣ этого дѣла, городъ могъ бы получить изъ этого источника еще значительныя суммы. Какъ бы то ни было, главнымъ рессурсомъ Петербурга являются доходы съ предпріятій и сооруженій. Но и здѣсь мы видимъ не планомѣрное развитіе всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя эксплоатируются городомъ на коммерческихъ основаніяхъ, а, напротивъ, одностороннее развитіе одного, особенно выгоднаго, предпріятія (трамвая) и какого-то пока, быть можетъ, даже небрежное, отношеніе къ другимъ доходнымъ статьямъ рынки, газовый заводъ и т. п.. Очевидно, что даже съ чисто-бюджетной точки зрѣнія дѣло нельзя такъ итти и не можетъ и не должно. Правильное и систематическое развитіе и усовершенствованіе всѣхъ городскихъ предпріятій оказывается для петербургскаго городского управленія, судя по проекту смѣты 1914 года, одной изъ неотложнѣйшихъ задачъ, скорѣйшее разрѣшеніе которой представляетъ для всѣхъ обывателей, несмотря на всѣ старанія министерства внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто безпречныхъ выбранныхъ лицъ, своихъ ставленниковъ) составъ с.-петербургскаго городского управленія дѣло первѣйшей важности.

Я долженъ былъ бы, для полноты изложенія, сказать нѣсколько словъ о проектѣ и расходной смѣтѣ Петербурга на 1914 годъ. Но, въ сущности, то, что я предполагалъ отмѣтить въ предѣлахъ этого краткаго очерка, уже отмѣчено мною по поводу смѣты доходовъ, и относительно расходовъ я ограничусь лишь нѣсколькими словами. Крупнѣйшимъ смѣтнымъ назначеніемъ

по расходамъ (15,1 милл. руб.) оказывается, конечно, ассигнованіе на содержаніе и эксплоатацію городскихъ сооруженій и предпріятій. Вмѣстѣ съ оплатой долговъ (7,7 милл. руб.), значительная часть которыхъ истрачена на тѣ же предпріятія, этотъ расходъ составляетъ 43,5% расходной смѣты. Если же прибавить сюда 2,5 милл., отчисляемыхъ на образованіе капиталовъ на развитіе трамваевъ и телефоновъ, то мы получимъ около половины (49%) всего расходнаго бюджета Петербурга. Далѣе—болѣе 25% расходовъ предназначено на медико-санитарную часть (8,4 милл. руб.) и на народное образованіе (4,9 милл. руб.). Всѣ же остальныя, многочисленныя, частью обязательныя, а частью вопіющія, нужды города, какъ, напримѣръ, общественное призрѣніе, содержаніе полиціи, общественнаго управленія, пожарной части и т. д., и т. д., приходится покрывать изъ остальныхъ 26% общаго бюджета. Своею мизерностью для такого города, какъ Петербургъ, особенно рѣзко выдѣляются двѣ серьезныя категоріи расходовъ. Оказывается, что собственно на *благоустройство города* Петербургъ предполагаетъ въ 1914 г. затратить лишь 3,8 милліоновъ рублей, т.-е. лишь 7,25% расходной смѣты. Можно ли послѣ этого удивляться, что благоустройство нашей столицы стоитъ столь низко?

Невелики также расходы Петербурга и на содержаніе и устройство городскихъ недвижимыхъ имуществъ (всего 359,000 рублей). Не стоитъ ли эта ничтожная цифра въ прямой связи съ ничтожными размѣрами дохода города по соотвѣтствующей статьѣ поступленій въ городскую казну и не замѣтитъ ли здѣсь читатель нѣкоторой аналогіи съ отмѣченнымъ уже выше соотношеніемъ между расходами и доходами по рынкамъ?

Сѣверянинъ.

2. Метаморфозы „ритуальной“ литературы.

Въ дни процесса Бейлиса появились пестрыя брошюры, „разъясняющія замыслы іудеевъ и ритуальныя убійства“. Врядъ ли этимъ книжкамъ суждено долго ходить по рукамъ; онѣ разсчитаны на злободневный интересъ. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ умалять значеніе этой литературы. Угрожающимъ является то обстоятельство, что она крайне легко возрождается. Составленіе коллекціи подобныхъ брошюръ не требуетъ особаго труда, потому что въ своей основѣ это не новыя произведенія. Въ сущности, уже въ теченіе болѣе вѣка не появляется оригинальныхъ сочиненій; вѣру въ навѣтъ путемъ печатнаго слова распространяютъ не столько авторы, самостоятельно изслѣдующіе вопросъ, сколько издатели, ограничивающіеся преимущественно тѣмъ, что наряжаютъ старыя выцвѣтшія произведенія въ новыя одежды. Однако нельзя сказать, чтобы вновь выходящія книжки были вполнѣ тождественны съ тѣми, на смѣну которымъ являются. Произведенія, посвященныя обвиненію евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ, неоднократно видоизмѣнялись позднѣйшими редакторами, старавшимися припоровить ихъ къ требованіямъ времени. И эти-то поправки редакторовъ служатъ критеріемъ для оцѣнки самихъ произведеній.

Въ польско-русской литературѣ наибольшей популярностью пользуются произведенія ксеевдзовъ Жуховскаго (1713 г.) и Пикульскаго (1758 г.). Оба они обязаны своимъ успѣхомъ не одному только собственному усердію, но и содѣйствію ренегата Серафимовича. Чтобы охарактеризовать Серафимовича, достаточно сказать, что, по его словамъ, онъ былъ раввиномъ; случилось, однако, что онъ сталъ много размышлять на тему, что Христосъ—Мессія; въ это время, какъ передаетъ Серафи-

мовичъ, умъ его помутился; знахарь-еврей посадилъ его въ погребъ на цѣпь, но Серафимовичъ далъ обѣтъ принять христіанство, если получитъ свободу, и вотъ, тотчасъ цѣпи спали, окно растворилось, и Серафимовичъ побѣжалъ къ ксендзамъ. [1]) Они встрѣтили его съ распростертыми объятіями. И не удивительно: онъ завѣрилъ ихъ, что, будучи раввиномъ, самъ совершилъ преступленіе съ ритуальной цѣлью. Хотя подобныя дѣянія карались смертной казнью, „признаніе" Серафимовича не повлекло за собою никакихъ непріятностей для него. Серафимовичъ сталъ писать объ обрядахъ еврейскихъ, удѣляя вниманіе и мнимому обряду умерщвленія христіанскихъ дѣтей. Это повѣствованіе было принято съ тѣмъ же довѣріемъ, что и разсказъ Серафимовича о событіи въ погребѣ и о томъ, что еще, будучи раввиномъ, онъ умѣлъ творить чудеса, заставлялъ горы и лѣса прыгать. А между тѣмъ, въ писаніяхъ Серафимовича умерщвленіе христіанскихъ дѣтей сопровождалось обстоятельствами сверхъестественнаго порядка: Серафимовичъ увѣрялъ, что изъ замученнаго въ его присутствіи христіанскаго ребенка текла *кровь, бѣлая, какъ молоко!*

Сочиненіе Серафимовича было использовано Пикульскимъ, а отъ послѣдняго оно перешло въ цѣлый рядъ позднѣйшихъ книжекъ, сочетаясь въ различныхъ комбинаціяхъ съ матеріаломъ, заимствованнымъ изъ другихъ подобныхъ источниковъ. А такъ какъ русская кровавая литература вышла изъ нѣдръ польской, то вся эта хаотическая смѣсь бредней и клеветы стала достояніемъ русскаго общества.

Въ связи съ обвиненіемъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ Серафимовичъ пустилъ въ оборотъ не одну только версію о бѣлой крови, но, повидимому, и о другихъ сверхъестественныхъ явленіяхъ. Особый успѣхъ [illegible] остался на долю [illegible], [illegible] изъ [illegible]: онѣ грызутъ евреевъ, но [illegible] христіанъ.

Въ 1791 г. Перемышльская [illegible] выпустила [illegible] „Бесѣды Талмудъ", отъ имени жидовъ [illegible]", и вотъ мы здѣсь читаемъ, что въ январѣ мѣсяцѣ, „какая жидовское невѣріе", [illegible] существуетъ [illegible] восхищеніемъ [illegible] въ ихъ брашна (пища) каши [illegible], такъ [illegible], что когда жидовинъ [illegible] къ устамъ [illegible] брашно, [illegible] жизнія лишается и умираетъ. Но онъ удивительно [illegible] [illegible] на видѣлыхъ умѣлъ [illegible] (по свидѣтельству мнѣнія [illegible] жидовъ) [illegible] христіанамъ отъ жидовъ продается тяжко брашна ничтоже вредятъ ядущимъ". Подобная же кара постигаетъ евреевъ и въ нѣкоторые другіе мѣсяцы. Эти каши имѣли даже особое названіе „куфъ".

О кровавыхъ кашахъ разсказывается и въ другой книжкѣ, обвиняющей евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Это сочиненіе—„Опроверженіе іудейской религіи"—приписывается какому-то монаху Нефиту, быть можетъ, никогда не существовавшему. Сочиненіе появилось на молдавскомъ языкѣ (1813 г.), но оно, повидимому, [illegible] [illegible] происхожденія.

Сочиненіе Нефита (въ [illegible] переводѣ) было [illegible] къ дѣлу [illegible], и въ [illegible] мы читаемъ, что, по словамъ Нефита, на евреяхъ лежитъ проклятіе „за то, что сказали Пилату: кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ". Вслѣдствіе этого въ четыре времени года, именно: [illegible], лѣтомъ, осенью и зимою, изъ кожъ отъ [illegible] времени до другого—[illegible] и [illegible], въ самомъ началѣ этихъ временъ, т. е. въ тотъ моментъ, когда оканчивается лѣто и начинается весна, и когда оканчивается весна и начинается лѣто, и когда оканчивается лѣто и начинается осень, и когда четыре времена въ нихъ кровавыхъ, не бы-

[1]) „Записка о ритуальныхъ убійствахъ (приписываемая В. И. Далю) и ея источники". Спб., 1914 г.

шихъ на огнѣ, т.-е. молокѣ, маслѣ, овощахъ, капустѣ, огурцахъ и проч., сверху, *изъ воздуха,* оказывается какая-то кровь, каковая кровь ими называется „Текифа", и если отъ этихъ кушаній вкушаетъ какой-нибудь еврей, то онъ тотчасъ умираетъ, а если дадутъ христіанамъ кушать такія кушанья, то христіанинъ не умираетъ. Господи, сколь велики чудеса Твои".

Какъ видимъ, Неофитъ повторяетъ то, что сказано въ „Басняхъ Талмудовыхъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ и о другихъ диковинахъ. Такъ, въ силу проклятія Моисея, „всѣ европейскіе евреи имѣютъ коросту на сѣдалищѣ, всѣ азіатскіе имѣютъ на головѣ паршу, всѣ африканскіе имѣютъ чирьи на ногахъ"... и проч.

Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что люди, злонамѣренно разглашавшіе, будто евреи употребляютъ христіанскую кровь, говорили о свиныхъ зубахъ у евреевъ, о кровавыхъ капляхъ и даже о томъ, будто въ еврейскомъ народѣ и мужчины подвержены менструаціи. Если предположить, что одни изъ этихъ разсказчиковъ были душевно-больные, наслышавшіеся разныхъ небылицъ и передававшіе все, что мерещилось въ ихъ потускнѣвшемъ сознаніи, то другіе дѣйствовали въ твердой памяти, зная психологію своихъ современниковъ: то, что носило на себѣ печать сверхъестественнаго, выслушивалось съ жаднымъ вниманіемъ и внушало вѣру во все невозможное: можно ли было сомнѣваться въ томъ, что евреи употребляютъ кровь христіанъ, когда высшая сила караетъ ихъ за это страшное преступленіе!

Однако небылицы представляли обоюдоострое оружіе; то, что годилось для людей, жившихъ предразсудками, было не только не нужно, но даже опасно для болѣе образованныхъ людей, такъ какъ болтовня о кровавыхъ капляхъ и свиныхъ зубахъ могла вызвать скептиковъ на размышленія о достовѣрности разсказа объ употребленіи евреями крови христіанъ. Вотъ почему появляются книжки, въ которыхъ сохраняется все то, что касается умерщвленія евреями христіанскихъ дѣтей, но выбрасывается посторонній балластъ, способный потопить съ собою вѣру въ кровавый навѣтъ.

Такъ, польская книжка, выпущенная Почаевской лаврой подъ названіемъ „Басни Талмудовы", появилась на рускомъ языкѣ (1787 г.) и въ другомъ переводѣ, подъ названіемъ „Обряды жидовскіе". Сравнивая оба перевода, легко замѣтить стремленіе освободить книжку отъ суевѣрныхъ представленій: въ „Обрядахъ жидовскихъ" выпущены кровавыя капли; это было сдѣлано, повидимому, не русскими переводчиками, а издателями польскаго оригинала.

Подобная же метаморфоза произошла и съ сочиненіемъ Неофита. Мы привели выше цитаты изъ этой книги о разныхъ диковинахъ. Однако недавно вышли на русскомъ языкѣ три перевода этого сочиненія и ни въ одномъ изъ нихъ не оказывается нелѣпой болтовни; сохранились лишь болѣе или менѣе слабые слѣды вытравленныхъ сказокъ.

Такимъ-то образомъ книжки, рожденныя во мракѣ невѣжества и предразсудковъ, модернизируются механическимъ путемъ, чтобы заслужить бо́льшее довѣріе. И невольно возникаетъ вопросъ: не слѣдовало ли бы—въ цѣляхъ борьбы съ навѣтомъ—переиздать старыя книжки въ неприкосновенномъ видѣ?

Юлій Гессенъ.

3. Къ характеристикѣ кустарной промышленности.

Русская кустарная выставка въ Берлинѣ, устроенная главнымъ управленіемъ земледѣлія и землеустройства и организованная по иниціативѣ нѣмецкаго Lycentclub'a, женской благотворительно-просвѣтительной организаціи, сама по себѣ не представляетъ ничего

примѣчательнаго. Кто бывалъ на столичныхъ кустарныхъ выставкахъ, или по крайней мѣрѣ въ складахъ петербургскомъ и московскомъ, для того здѣсь нѣтъ ничего новаго. Небольшая, но представляющая различныя области Россіи, она пестритъ главнымъ образомъ тканями, кружевами, кружевами женской работы, какъ бы долженствующей подчеркнуть во славу Lyceumclub'a нежную роль женщины не только въ народной промышленности западной Европы, но и „экзотической" Россіи.

Въ универсальномъ магазинѣ Вертгейма расположилась она, и среди утомительнаго ряда товаровъ, среди этого залежья массовыхъ шаблонныхъ вещей сразу бросаются въ глаза своеобразныя цвѣта ея деревянныхъ игрушекъ, платковъ, разнообразныхъ бездѣлушекъ и вещицъ—роговыхъ, селинитовыхъ, мраморныхъ.

Для полноты національнаго колорита на выставкѣ фигурируютъ живые кустари—рѣзчики по дереву, по металлу, ткачи, ткачихи и т. д. Ихъ окружаютъ любопытствующіе німцы и берлинцы-русскіе, пользующіеся случаемъ поговорить съ роднымъ человѣкомъ. Здѣсь весело тренькаетъ великорусская балалайка, тамъ въ углу уныло голоситъ молодой кобзарь, удивляя своихъ слушателей причудливой бандурой. Много мелкихъ довольно дубочныхъ аксессуаровъ „русскаго". Виземскіе пряники, чай изъ самовара, маленькій оркестръ съ русскимъ репертуаромъ. Несмотря на высокую входную плату (1 мар.) выставка обильно посѣщалась, вещи бойко продавались, и каковы бы ни были коммерческіе результаты выставки, она лишній разъ подтвердила, что наши кустарныя издѣлія успѣшно прокладываютъ себѣ путь на европейскіе рынки.

Между тѣмъ на-ряду съ успѣхами кустарной промышленности на международномъ рынкѣ, свѣдѣнія о ней въ внутренней литературѣ весьма скудны, а общенія русскихъ кустарныхъ дѣятелей съ дѣятелями въ области агрономической домашней промышленности почти не существуютъ.

На международномъ съѣздѣ по кустарной (домашней) промышленности въ Цюрихѣ въ 1912 году присутствовало всего 2 русскихъ,—столько же, сколько отъ Люксембурга, Португаліи, Румыніи. Это ничтожное участіе русскихъ въ занятіяхъ международнаго съѣзда по домашней промышленности — не случайность, не отсутствовъ, а плодъ нашего теоретическаго безразличія, сказывающагося какъ въ изученіи кустарной промышленности, такъ и въ практической дѣятельности въ этой области. Заслуженное это заключается въ неопредѣленномъ трактованіи кустарной промышленности, какъ русской кустарной формы, несходной съ западно-европейской домашней промышленностью, и въ невѣрномъ ея опредѣленіи, прямымъ практическимъ послѣдствіемъ. Въ связи съ этой ложной конструкціей кустарной промышленности находится цѣлый рядъ ошибокъ: неправильный учетъ количества кустарей, игнорированіе многихъ формъ мелкой промышленности, ложное представленіе о путяхъ развитія кустарной промышленности и т. д.

И когда я раскрылъ тѣмъ путеводитель по выставкѣ, составленный отличительнымъ знатокомъ—это сочиненіе представляетъ прямо мнѣ во всей ихъ наглядности. Перелистывая взъ книги въ книги, онѣ перескочили мнѣ изъ родной литературы въ иностранную, оставляя нелѣпыя представленія о русской экономической дѣятельности.

Вотъ нѣсколько положеній, заимствованныхъ русскимъ авторомъ нѣмецкому читателю (Alexander Ilkowski. Volkskunst. Berlin, 1914. S. 12—14):

„Въ Германіи надъ кустарной (домашней) промышленностью принимаетъ форму промышленности, основанную на капиталистическихъ принципахъ, въ то время какъ въ Россіи надъ этимъ занятіемъ возникаетъ семейная организація. Кустарная промышленность есть семейная организація,

т.-е. она основана на работѣ членовъ крестьянской семьи... Сущность кустарной промышленности состоитъ въ томъ, что она является побочнымъ къ земледѣлію промысломъ крестьянъ... Кустарь не есть ремесленникъ. Кустарь остается въ деревнѣ и занимается земледѣліемъ, ремесленникъ связанъ съ городомъ. Существенная разница между работой ремесленника и кустаря лежитъ въ свободѣ труда послѣдняго. Ремесленникъ— не хозяинъ своего предпріятія, а наемный работникъ. Кустарь, наоборотъ— господинъ своего предпріятія. Онъ не работаетъ на опредѣленнаго заказчика".

Наконецъ, оказывается, что „въ Россіи насчитывается приблизительно 20 мил. кустарей съ годовымъ производствомъ въ 4 милліарда руб.".

Эта характеристика кустарной промышленности основана на русскихъ опредѣленіяхъ, которыя грѣшатъ тѣмъ важнымъ недостаткомъ, что подъ кустарными разумѣютъ непремѣнно промыслы, *связанные съ сельскимъ хозяйствомъ*. Имъ грѣшатъ всѣ народническія опредѣленія, отъ него не избавился даже М. И. Туганъ-Барановскій, опредѣляя въ своихъ „Основахъ политической экономіи" кустарную промышленность, какъ „обычно сочетающуюся съ земледѣліемъ". Это опредѣленіе вполнѣ усвоено было нашей офиціальной статистикой, которая игнорировала совершенно городскіе промыслы. Въ результатѣ мы совершенно лишены свѣдѣній о *городской кустарной промышленности*.

Между тѣмъ еще въ 60-хъ годахъ замѣчательный русскій изслѣдователь А. Корсакъ [1]) имѣлъ ясное, лишенное всякой идеализаціи, представленіе о природѣ кустарной промышленности и конструировалъ ее, отчетливо подчеркивая, что она можетъ быть городской и сельской, равно какъ ясно отличая ее отъ ремесла. Только въ изслѣдованіяхъ послѣднихъ лѣтъ начинаютъ становиться на правильный путь въ пониманіи существа кустарной промышленности, хотя заблужденій на этотъ счетъ еще достаточно.

О кустарной промышленности появилось много земскихъ районныхъ описаній и работъ, которыя являются отличнымъ сырымъ матеріаломъ для выясненія технической и экономической природы кустарныхъ промысловъ [1]), а труды, выпущенные въ 1913 г. главнымъ управленіемъ земледѣлія въ трехъ томахъ [1) промыслы по обработкѣ дерева, 2) женскіе промыслы, 3) разные промыслы], даютъ довольно полную картину художественной, производственной и хозяйственной стороны промысловъ. Правда, и тамъ забыта городская мелкая промышленность, но тѣ деревенскія картины труда и организаціи сбыта, какія рисуетъ изданіе главнаго управленія земледѣлія и землеустройства, далеко не соотвѣтствуютъ объяснительному каталогу берлинской выставки, напечатанному по указанію того же вѣдомства. Особливо же заслуживаетъ быть отмѣченнымъ напечатанный въ 1913 г. „Докладъ организаціоннаго комитета по созыву земскаго съѣзда по сбыту кустарныхъ издѣлій", составленный *А. А. Рыбниковымъ* и *А. С. Орловымъ* (Ку-

---

[1]) *А. Корсакъ*. „О формахъ промышленности вообще и значеніи домашняго производства въ западной Европѣ и Россіи". Москва, 1861 г. Морфологическая ясность Корсака была отчасти заимствована у него Альфонсомъ Туномъ, который своей работой „Die Industrie am Nieder Rhein" въ свою очередь оказалъ вліяніе на Карла Бюхера, автора замѣчательной схемы формъ промышленности.

[1]) Большое оживленіе замѣчается также въ области кустарной политики, задачи которой обсуждаются въ общей кооперативной литературѣ и въ спеціальной кустарной. См., напр., „Матеріалы по кооперацiи въ Московской губ.", Изд. Моск. губ. земства и *Вѣстникъ всероссійскихъ съѣздовъ дѣятелей по кустарной промышленности*. Ежемѣс. журналъ № 1—въ ноябрѣ 1912 г.

старная промышленность и сбытъ кустарныхъ издѣлій. Москва, 1913 г.).

Считая кустаремъ, вслѣдъ за П. Б. Струве [1]), *мелкаго производителя, работающаго на неопредѣленный рынокъ*, А. А. Рыжиковъ становится на правильный путь, такъ какъ опредѣленіе это своимъ критеріемъ („Работа на широкій неопредѣленный рынокъ") отграничиваетъ кустарную промышленность отъ ремесла и вмѣстѣ съ тѣмъ объединяетъ въ этомъ пониманіи какъ городскіе, такъ и сельскіе промыслы. Возрѣніе на кустарную промышленность, какъ на дополнительные къ сельскому хозяйству, утрачиваетъ, такимъ образомъ, свой смыслъ.

Соприкосновеніе съ широкимъ рынкомъ ведетъ за собою утрату экономической самостоятельности, которую отмѣчаетъ авторъ путеводителя по кустарной выставкѣ, какъ характерную черту. Невѣрно также, что работа кустарей организована на семейныхъ началахъ. Работа можетъ протекать: на дому, въ помѣщеніи посредника или скупщика, въ нанятой общей мастерской, въ мастерской предпринимателя, наконецъ смѣшанно—и у послѣдняго, и у себя на дому. Кустари могутъ быть одиночками, имѣть помощниковъ семейныхъ или наемныхъ—существо дѣла не мѣняется. Кустарная промышленность не перестаетъ отъ этого оставаться *работой на широкій неопредѣленный рынокъ*, организованной торговымъ капиталомъ, либо промышленнымъ, дополняющимъ производство на фабрикахъ сторонней раздачей. Въ послѣднемъ случаѣ фабрика обрастаетъ кустарями, обрабатывающими розданное фабричное сырье. Здѣсь выступаетъ наружу важный признакъ кустарной промышленности—ея *капиталистическій характеръ*.

Правда, мыслимо создать такую соціально-политическую обстановку, при которой кустарь можетъ сохранить свою самостоятельность и въ цѣляхъ этой соціально-политической дѣятельности слѣдуетъ различать самостоятельную „свободную" форму кустарной промышленности отъ „зависимой" формы; но капиталистическій характеръ кустарной промышленности остается въ силѣ.

Правъ въ этомъ смыслѣ М. И. Туганъ-Барановскій, дѣлавшій такое различеніе еще въ „Русской фабрикѣ" и подчеркнувшій его въ „Основахъ политической экономіи" (такое различеніе дѣлалъ и Альфредъ Веберъ въ трудахъ „Союза соціальной политики"), но напрасно онъ считаетъ неправильнымъ сближеніе нашей кустарной промышленности съ европейской Hausindustrie, проведенное имъ въ „Русской фабрикѣ" и не мѣшавшее ему однако отличать „свободную" форму отъ „зависимой". Вотъ что онъ пишетъ въ „Основахъ". „Еще недавно у насъ господствовалъ взглядъ на кустарную промышленность, какъ на „народную" промышленность, долженствующую спасти русское крестьянство отъ „язвы капитализма". Какъ сегодняшняя реакція противъ этой ни на чемъ не основанной идеализаціи нашего хозяйственнаго быта—явилось перенесеніе къ намъ германскихъ возрѣній на кустарную промышленность, какъ на Hausindustrie. Это было исполнено Струве въ его „Критическихъ замѣткахъ". Однако, если народническія возрѣнія на кустарную промышленность никоимъ образомъ не находятъ себѣ опоры въ фактахъ, то и противоположная точка зрѣнія Бухера и др. германскихъ экономистовъ (съ которой я согласился въ „Русской фабрикѣ") не можетъ быть признана вполнѣ правильной".

„Германскія возрѣнія" М. И. Туганъ-Барановскаго на кустарную промышленность не мѣшали ему не только отмѣтить существованіе „свободной" и „зависимой" формы, но даже закрѣпить терминологически это различеніе. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ русскомъ оборотѣ существуютъ два термина: origi-

[1]) „На разныя темы", стр. 450.

нальное слово—„кустарная промышленность“ (отъ голландскаго слова Kustenaar (Künstler), занесеннаго къ намъ при Петрѣ Великомъ) и переводное—„домашняя промышленность“ (Hausindustrie). М. И. Туганъ-Барановскій, говоря о разложеніи фабрики, писалъ между прочимъ въ „Русской фабрикѣ“ (2 изд., стр. 215):

„...И вотъ нашъ *домашній работникъ* превращается въ такъ называемаго самостоятельнаго *кустаря... Домашняя промышленность* превращается въ *кустарное производство*“. (Курсивъ мой, *Я. Б.*).

Это мѣсто даетъ терминологическое указаніе: называть свободную форму „кустарной промышленностью“ въ собственномъ смыслѣ, а зависимую—„домашней промышленностью“, сохраняя такимъ образомъ оба слова, вошедшія въ нашъ научный оборотъ.

Между тѣмъ Туганъ-Барановскій, подчеркивая въ „Основахъ“ свое „новое“ различеніе, забылъ о терминологическомъ его закрѣпленіи, сдѣланномъ въ „Фабрикѣ“.

Морфологическая путаница, царящая въ русской кустарной литературѣ, образчикъ которой я встрѣтилъ на нѣмецкомъ языкѣ въ скромномъ каталогѣ, предназначенномъ поучать любознательнаго европейца—настоятельно требуетъ борьбы съ остатками народническихъ воззрѣній на кустарные промыслы и выработки ясныхъ опредѣленій и терминовъ. Правильное опредѣленіе даетъ возможность установить формы мелкой промышленности и надлежащимъ образомъ ихъ изучить независимо отъ того, сельскія они или городскія.

Наши свѣдѣнія о кустарной промышленности до того неточны, что мы не знаемъ даже, сколько кустарей въ Россіи. Какъ извѣстно, учеты, сдѣланные въ 80-хъ годахъ Е. Н. Андреевымъ и въ 1902 г. (на Всероссійскомъ съѣздѣ) В. П. Воронцовымъ, колеблются между $7^1/_2$ и 10—12 милліон. кустарей. Милліонами не стѣсняются. Такъ, въ одномъ изъ докладовъ (В. І. Гомилевскаго) 2-му всероссійскому съѣзду 1910 г. читаемъ:

„Е. Н. Андреевъ, бывши предсѣдателемъ комиссіи по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ въ Россіи въ 80-хъ годахъ, исчислялъ общее число кустарей въ $7^1/_2$ мил. Эта цифра сильно преуменьшена“... И затѣмъ авторъ доклада рѣшительно удваиваетъ эту цифру и говоритъ, что въ Россіи можно допустить 15 мил. кустарей.

Заслуга указанной выше работы А. А. Рыбникова и заключается именно въ томъ, что она разсѣиваетъ нѣкоторымъ образомъ мракъ, образовавшійся вокругъ этой статистической миѳологіи.

Рыбниковъ полагаетъ, что наиболѣе достовѣрныя данныя можно почерпнуть только въ земско-статистическихъ матеріалахъ. „Имѣя данныя о кустаряхъ, основанныя на фактическомъ учетѣ почти по $^3/_4$ всѣхъ земскихъ губерній, составляющихъ общепризнанное ядро кустарной промышленности, мы полагаемъ, что это даетъ намъ право утверждать, что тѣ цифры въ 10, 12, 15 мил. человѣкъ кустарей, которыми пестрятъ многія справочныя замѣтки и статьи о кустарной промышленности, являются большимъ недоразумѣніемъ“.

По его подсчету—въ 40 земскихъ губерніяхъ всего около 1,800 тыс. кустарей. А деревенское населеніе 40 земскихъ губерній составляетъ 65% всего числа населенія Россійской имперіи и наибольшее количество кустарей живетъ именно въ этихъ 40 губерніяхъ.

Такимъ образомъ въ свѣтѣ научно провѣренныхъ данныхъ вмѣсто фантастическихъ *20* мил. кустарей мы находимся въ предѣлахъ *2-хъ* милліоновъ. Дистанція огромнаго размѣра! Поистинѣ безмѣрна фантазія „кустаромановъ“. При 20 милліонахъ кустарей да еще съ годовымъ оборотомъ въ 4 милліарда рублей мы могли бы не только наводнить европейскіе рынки, но и завоевать весь міръ. Европѣ положительно грозила бы русская кустарная опасность!

По этой [illegible] кустарной мифологіи.

Я. Букшпанъ.

4. Кризисъ въ германской клерикальной партіи.

Не только германская соціалъ-демократія переживаетъ теперь глубокій внутренній кризисъ, выражающійся въ борьбѣ ревизіонистскаго и ортодоксальнаго направленій въ марксизмѣ. Такая же внутренняя борьба происходитъ и въ рядахъ другой германской партіи, которая какъ по числу избирателей, такъ и по числу представителей въ рейхстагѣ идетъ непосредственно за соціалъ-демократами, — въ рядахъ клерикальнаго центра. Наличность двухъ направленій въ центрѣ недавно очень рельефно обнаружилась на почвѣ вопроса о профессіональныхъ организаціяхъ рабочихъ-католиковъ. Оба направленія получили, по случайнымъ причинамъ, напримѣръ, по мѣсту выхода въ свѣтъ органовъ того или другого направленія, названіе „кельнскаго" и „берлинскаго". „Берлинское" направленіе требуетъ, чтобѣ рабочіе-католики участвовали только въ католическихъ рабочихъ союзахъ, „кельнское" же допускаетъ участіе католиковъ и въ „смѣшанныхъ" христіанскихъ организаціяхъ рабочихъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ на-ряду съ католиками состоятъ членами и протестанты.

Споръ по вопросу о профессіональныхъ организаціяхъ рабочихъ былъ только проявленіемъ болѣе глубокаго по существу разногласія, сводящагося къ тому, чѣмъ должна быть партія клерикальнаго центра, т.-е. должна ли она быть исключительно католической организаціей, или же она можетъ быть „интерконфессіональной" христіанской партіей. Отвѣтъ на этотъ вопросъ объ основномъ характерѣ политической организаціи центра уже предопредѣлялъ и отношеніе къ вопросу о характерѣ профессіональныхъ организацій. Пытаясь въ кратцѣ опредѣлить сущность обѣихъ теченій — „интегральнаго" и „интерконфессіональнаго" [1]. Въ вопросѣ о рабочихъ организаціяхъ первому соотвѣтствуетъ „берлинское", второму — „кельнское" точнѣе.

Споръ начался нашумѣвшей въ свое время статьей д-ра Юліи Бахема, редактора вліятельнаго клерикальнаго органа *Kölnische Volkszeitung*, помѣщенной 1 марта 1906 г. въ *Historisch-politische Blätter*. Въ этой статьѣ Бахемъ предостерегалъ политическую организацію германскихъ католиковъ противъ „гипертрофіи конфессіонализма въ общественной жизни" и доказывалъ необходимость избѣгать всего, „что можетъ вызвать впечатлѣніе, что центръ, вопреки всѣхъ заявленій его вождей, всетаки является только католической фракціей".

Статья, которая вслѣдствіе своего заглавія: „Мы должны выйти изъ башни", стала извѣстна подъ названіемъ „статья о башнѣ" (Turmartikel) и вызвала оживленную полемику и рѣшительный отпоръ „интегральнаго" направленія въ центрѣ, признающаго всѣ „интерконнфессіональныя" тенденціи несовмѣстимыми съ основными принципами партіи центра. Интегральное направленіе, однимъ изъ представителей котораго является извѣстный депутатъ центра Реренъ (отказавшійся отъ своихъ депутатскихъ полномочій въ февралѣ 1912 г.), выработало свою декларацію на конференціи въ Кельнѣ, состоявшейся въ третій день Пасхи 1909 г. (Osterdienstag-Konferenz), и на собраніи въ Кобленцѣ 9 августа того же года. Конференція предъявила необходимость борьбы съ отстаиваемымъ Бахемомъ

[1] Подробности при этомъ статьей *Heinz Brauweiler*: „Der Kern und die Bedeutung des Zentrumsstreits", въ апрѣльской книгѣ католическаго журнала *Hochland* за текущій годъ. Тамъ же указана литература по этому вопросу.

и его сторонниками изъ „интерконфессіональнаго“ лагеря ученіемъ о „политической некопфессіональной“ основѣ центра и требовать отъ партіи, чтобы ея политика „была согласована съ католическимъ міровоззрѣніемъ“. Съ тѣхъ поръ борьба между двумя направленіями въ центрѣ велась безпрерывно, вызвала появленіе множества статей и брошюръ съ обѣихъ сторонъ и не можетъ еще и теперь считаться исчерпанной, хотя формально декларація, опубликованная 8 февраля нынѣшняго года и подписанная всѣми членами фракціи клерикальваго центра во всѣхъ германскихъ парламентахъ, снова подтвердила, что центръ есть партія „интерконфессіональная“. Представители интегральнаго направленія такимъ образомъ потерпѣли пораженіе. Но извѣстно, что принципіальныя разногласія путемъ голосованія и резолюцій и не устраняются. Въ этомъ отношеніи тѣ или иныя постановленія партійныхъ совѣщаній большого значенія имѣть не могутъ.

По мнѣнію „интегралистовъ“ центра, идея, что дѣятельность центра зиждется не на католической, а на общехристіанской основѣ, представляетъ большую опасность для католицизма, можетъ привести „къ разложенію католическихъ убѣжденій“ и католической „практической“ церковной жизни. Это направленіе стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что представленіе объ общехристіанскомъ міровоззрѣніи не выдерживаетъ никакой критики. „Существованіе обще-христіанской основы,—пишетъ Реренъ,—на которую должны опираться большія организаціи, участвующія въ культурной жизни, есть фикція не только не полезная для совмѣстной работы разныхъ христіанскихъ исповѣданій, но, наоборотъ, безусловно вредная, такъ какъ она поневолѣ ведетъ къ обезличенію религіозныхъ убѣжденій и такимъ образомъ препятствуетъ развитію истинной культуры, которая можетъ строиться только на почвѣ положительной религіи“.

Не существуетъ, доказываетъ онъ далѣе, „общаго христіанскаго міровоззрѣнія“, есть только „католическое“ или „протестантское“ міровоззрѣнія. Если у католиковъ и протестантовъ и существуютъ извѣстные постулаты, которые общи обоимъ вѣроисповѣданіямъ и могутъ служить нормами для совмѣстной политической жизни, то они все-таки совпадаютъ только по формѣ; содержаніе же ихъ, съ религіозной точки зрѣнія, совершенно иное у протестантовъ и у католиковъ.

На это Бахемъ и представители интерконфессіональнаго теченія возражаютъ, что, говоря о христіанскомъ міровоззрѣніи или христіанскомъ государствѣ, они не вкладываютъ въ это понятіе никакого положительнаго религіознаго содержанія, а примѣняютъ его только въ политическомъ и государственно-правовомъ смыслѣ. Въ религіозномъ отношеніи они придаютъ ему лишь отрицательное содержаніе и „видятъ въ немъ лишь выраженіе борьбы противъ „антихристіанскаго“ міровоззрѣнія, противъ либеральнаго, матеріалистическаго, атеистическаго и нигилистическаго направленія, а въ такой борьбѣ заинтересованы вѣрующіе протестанты такъ же, какъ и вѣрующіе католики“.

Различію во взглядахъ на содержаніе понятія обще-христіанскаго міровоззрѣнія соотвѣтствуетъ и различная оцѣнка требованія, чтобы дѣятельность партіи была приведена въ согласіе съ католическимъ міровоззрѣніемъ. Реренъ и другіе „интегралисты“ требуютъ, чтобы „специфически католическое проявлялось осязательно и опредѣленно въ общественной жизни“ и чтобы вѣрующій католикъ ни въ какомъ случаѣ не вступалъ въ политическую организацію, которая „признаетъ иные, чѣмъ конфессіонально-католическіе, принципы въ качествѣ религіозныхъ нормъ“. „Однако „интегралисты“ недостаточно ясно конкретизируютъ это свое требованіе, которое логически должно привести къ

тому, чтобы сдѣлать формальную принадлежность къ католической партіи условіемъ для участія въ партіи центра. Они не указываютъ на практическія послѣдствія, которыя должны вытекать для практической политики изъ „конфессіонально-католическихъ" основныхъ принциповъ.

На эту неясность именно и напираетъ интерконфессіональное направленіе. Бахемъ говоритъ: „Не существуетъ „католическаго міровоззрѣнія", которое могло бы служить въ политикѣ опредѣленнымъ и рѣзко очерченнымъ понятіемъ, обязательнымъ для всѣхъ католиковъ. Это очень неясное, расплывчатое, многозначное и поэтому непригодное на практикѣ понятіе". Онъ согласенъ съ тѣмъ, что католикъ обязанъ согласовать свою политическую дѣятельность съ католическимъ ученіемъ о вѣрѣ и нравственности. Католикъ обязанъ: 1) не дѣлать ничего такого, что противорѣчитъ божественному и церковному праву и нравственному закону; 2) исполнять все, чего требуетъ церковь въ области отведенныхъ ей задачъ, и избѣгать того, что она запрещаетъ въ силу своей пастырской власти. Въ вопросѣ о принадлежности католика къ политической партіи изъ этихъ положеній, слѣдовательно, вытекаетъ: 1) католикъ не можетъ принадлежать къ партіи, которая не чтитъ божественныхъ и церковныхъ законовъ; 2) въ партіи, членомъ которой онъ состоитъ, католикъ долженъ располагать свободой исполнять эти законы. Такимъ образомъ католикъ не можетъ принадлежать къ партіи, которая въ принципѣ враждебна религіи и церкви, какъ, напримѣръ, социалъ-демократическая партія. Но онъ не имѣетъ права вступать ни какой бы то ни было политической партіи, не исповѣдующей вражды къ религіи и церкви. Такъ, напримѣръ, не избѣгнувъ острыя фазы бисмарковскаго „культуркампфа" католики принадлежали къ консервативной и національно-либеральной партіямъ, и церковь не возражала противъ этого. Если бы, доказываютъ „интерконфессіоналисты", центръ рѣшилъ измѣнить свою дѣятельность тому, что Рерсъ и его сторонники называютъ „католическимъ міровоззрѣніемъ", дѣйствительными руководителями партіи должны были бы стать римскій папа и католическіе епископы. Такое положеніе, говоритъ Бахемъ, привело бы къ безконечнымъ столкновеніямъ съ Св. Отцомъ и на папскій престолъ въ Римѣ. Отстаиваніе католическихъ интересовъ въ Германіи было бы тогда крайне затруднено", такъ какъ и теперь уже враги центра обвиняютъ германскихъ католиковъ въ томъ, что они слушаютъ свои политическія директивы изъ Ватикана, который, конечно, руководствуется не германскими интересами, а интересами куріи. Виндтгорстъ и другіе основатели центра,—доказываютъ сторонники интерконфессіональнаго направленія,—не желали, чтобы центръ былъ исключительно католической организаціей, а хотѣли, чтобы вѣрующіе католики и вѣрующіе протестанты имѣли возможность работать сообща въ партіи, которая должна стоять на стражѣ интересовъ католической части населенія Германіи, но въ то же время служить также и дѣлу національнаго развитія Германіи. Въ партіи центра дѣйствительно принимали участіе и протестанты, хотя и крайне немногочисленные. Интерконфессіональное направленіе по тому гораздо болѣе національно, чѣмъ „интегральное", идеологія котораго въ значительной степени является разложеніемъ, вызываемымъ въ предѣлахъ Германіи, напримѣръ, по Франціи, въ католическихъ кругахъ, антинаціональнымъ характеромъ дѣятельности папства. Въ отличіе интегральнымъ рецептамъ интегральныя направленія должны въ конечномъ счетѣ до нуля интегральнаго демократическаго государства, до крайней вѣрѣ къ политикѣ, которая отмахнулась бы къ такому идеалу. Интерконфессіональное же направленіе признаетъ современное

государство, въ которомъ всѣ вѣроисповѣданія равноправны, и, поэтому находитъ, что религіозные интересы католиковъ и протестантовъ могутъ совпадать. Такъ, напримѣръ, они вмѣстѣ могутъ требовать „христіанской школы", не смѣшанной интерконфессіональный школы, а католической школы для католиковъ и протестантской для протестантовъ. Католики поэтому должны, думаютъ „интерконфессіоналисты", прибѣгать къ помощи религіозныхъ консервативныхъ силъ и въ протестантствѣ, которыя могутъ оказать католикамъ существенную помощь при наступленіи момента, когда и въ Германіи, по примѣру Франціи, станетъ на очередь вопросъ о борьбѣ съ клерикализмомъ и отдѣленіи церкви отъ государства.

Таковы въ общихъ чертахъ основныя различія обоихъ направленій въ германскомъ центрѣ. Подобно тому, какъ въ германской соціалъ-демократической партіи ревизіонистское направленіе есть попытка приноровить первоначальные догматы международной соціалъ-демократіи къ потребностямъ національнаго развитія Германіи, интерконфессіональное теченіе въ центрѣ также стремится примирить въ политической жизни національные и государственные интересы Германіи съ ученіемъ католичества. Удастся ли этому направленію одержать побѣду надъ непримиримыми „интегралистами"—побѣду не въ видѣ бумажной резолюціи, а дѣйствительную,—это будетъ зависѣть въ меньшей степени отъ борьбы теоретическихъ аргументовъ того или другого направленія, чѣмъ отъ того, какую долю вѣротерпимости будетъ проявлять государство. Внутреннее состояніе германскаго центра въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстное сходство съ положеніемъ, въ которомъ находится германская соціалъ-демократія, въ рядахъ которой также о серьезной побѣдѣ ревизіонистскаго направленія можно будетъ говорить лишь тогда, когда дѣятельность германскаго правительства получитъ болѣе либеральное содержаніе, чѣмъ въ настоящее время.

И. О. Левинъ.

5. Производительныя коопераціи въ Англіи.

Изслѣдованіе, изученіе и наблюденія всегда составляли существеннѣйшую часть работы фабіевъ, или фабіанцевъ, членовъ *Фабіанскаго Общества*, этихъ осторожныхъ и вдумчивыхъ защитниковъ соціализма; пропаганда для нихъ стоитъ на второмъ планѣ. Года два-три тому назадъ изслѣдовательская работа Фабіанскаго Общества, по иниціативѣ Сиднея Вебба и жены его Беатрисы, получила новую, болѣе широкую постановку. Былъ созданъ спеціальный отдѣлъ съ особымъ штатомъ и съ капиталами, независимыми отъ капиталовъ Общества. И первый предметъ, которымъ занялся этотъ отдѣлъ, было изученіе проблемъ, связанныхъ съ организаціей промышленности, не находящейся въ рукахъ капиталистовъ. Мы знаемъ, что, помимо капиталистовъ, разныя промышленныя предпріятія ведутся и коопераціями, и муниципалитетами, и государствомъ. И невольно является вопросъ: что въ этомъ отношеніи далъ опытъ? Какія формы хозяйствованія оказались наиболѣе успѣшными? Какія условія благопріятствуютъ или мѣшаютъ тому или другому виду предпріятія?

Раньше всего отдѣлъ занялся кооперативной формой промышленности, раздѣливъ все изслѣдованіе на три части: производство, потребленіе и соединеніе обоихъ видовъ коопераціи. Отчетъ, заключающій результаты первой части изслѣдованія, только что напечатанъ въ видѣ приложенія къ издаваемому Веббомъ и другими фабіанцами еженедѣльнику „The New Statesman". При изученіи вопроса изслѣдователи не ограничились одной Англіей, а воспользовались матеріалами, касающими-

ся и Франціи, Бельгіи, Италіи и Германіи. Такимъ образомъ выводы ихъ основываются на разнообразномъ и богатомъ опытѣ и не могутъ не представлять высокой теоретической и практической цѣнности. Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду указать преимущественно на общіе выводы изслѣдованія и лишь для иллюстраціи ихъ намъ понадобится дѣлать ссылки на конкретный фактическій матеріалъ, а для этого достаточно будетъ, если мы ограничимся одной Великобританіей. При этомъ слѣдуетъ прибавить, что изслѣдованіе имѣло дѣло лишь съ коопераціями въ фабрично-заводской, горной и распредѣлительной отрасляхъ промышленности и не коснулось сельскаго хозяйства. Затѣмъ, такъ какъ собранные матеріалы взяты изъ жизни большихъ и густо населенныхъ странъ, то и выводы, основанные на нихъ, не могутъ быть всегда примѣнимы къ небольшимъ и полукультурнымъ обществамъ.

Въ своихъ поискахъ за производительными коопераціями изслѣдователи прежде всего имѣли въ виду такія организаціи, которыя дѣйствительно составляютъ общую собственность занятыхъ въ нихъ рабочихъ и которыя управляются всецѣло представителями самихъ рабочихъ. Оказалось, что хотя такого рода кооперацій за послѣднія 60 или 65 лѣтъ появлялось въ каждой изъ обслѣдованныхъ странъ многое множество, на самомъ дѣлѣ осталось и существуетъ ихъ теперь очень мало. Въ Германіи ихъ вовсе нѣтъ. Въ Англіи есть лишь одна. Въ Бельгіи авторы изслѣдованія нашли очень небольшое число такихъ предпріятій. Нѣкоторымъ богатствомъ ихъ отличаются лишь Италія и Франція. Но въ Италіи это собственно не кооперативы, а артели рабочихъ, очень распространяющіяся тамъ за послѣдніе годы. Эти итальянскія артели принимаютъ на себя общественные и казенные подряды, какъ и частныя работы. Но хотя итальянскія артели имѣютъ болѣе постоянный характеръ и болѣе сплоченную и усовершенствованную организацію, чѣмъ русскія, онѣ навряд ли могутъ считаться кооперативами въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы тутъ понимаемъ это слово, т.-е. въ смыслѣ постояннаго промышленнаго предпріятія, принадлежащаго опредѣленному кругу его рабочихъ и управляемаго ими. Членъ итальянской артели является лишь работникомъ, а не собственникомъ; общаго имущества у нихъ нѣтъ или если и есть, то въ видѣ лишь мелкихъ, ручныхъ орудій. Что же касается до Франціи, то ея производительныя кооперации, *Associations Ouvrières*, существуютъ благодаря лишь денежной поддержкѣ правительства, и филантроповъ. Эти французскія ассоціаціи рабочихъ представляютъ собою очень маленькія организаціи, занятыя ремесленнымъ трудомъ, въ которомъ требуются спеціальные знанія и навыки. Онѣ дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга и являются взаимными конкурентами. Когда по счастливой случайности какой-либо изъ этихъ ассоціацій удается добиться прочнаго положенія и преуспѣянія, то члены ея обыкновенно превращаются въ простыхъ „хозяевъ", нанимающихъ рабочихъ. Единственнымъ результатомъ ихъ было дать возможность небольшому числу очень искусныхъ ремесленниковъ подняться до положенія хозяина",—говоритъ проф. Ш. Жидъ [1]). Еще болѣе рѣзкій отзывъ далъ одинъ французскій кооператоръ въ *Association Ouvrière* за 25 ноября 1912. „Мы думали создать кооперативное производство,—писалъ онъ,—а на самомъ дѣлѣ создали лишь рядъ мелкихъ лавчонокъ, которыя конкурируютъ другъ съ другомъ и которыя по духу своему ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ борющихся между собою лавочниковъ, торгующихъ на противоположныхъ углахъ улицы тѣмъ же товаромъ".

[1]) Цитирую по англійскому отчету.

Но если производительная кооперація, въ которой могутъ работать лишь члены ея и члены которой только состоятъ изъ рабочихъ ея, очень плохо прививается къ современнымъ условіямъ экономической жизни, то нѣкоторыя уклоненія отъ этого чистаго типа, повидимому, имѣютъ большіе шансы на развитіе. Составители отчета раздѣляютъ поэтому промышленныя коопераціи на три типа: на самоуправляющіяся предпріятія, полуавтономныя и зависящія отъ потребительныхъ обществъ. Къ первому типу, въ чистомъ его видѣ, принадлежитъ на всемъ огромномъ полѣ англійской промышленности собственно лишь одинъ кооперативъ. Это—фабричное общество самопомощи въ Нельсонѣ, въ Ланкаширѣ (Nelson Self-Help Manufacturing Society), вырабатывающее на собственной небольшой фабрикѣ коленкоръ. Оно было основано въ 1888 г. и существуетъ по настоящее время. На этой фабрикѣ никто не можетъ быть рабочимъ, кто не владѣетъ паемъ по крайней мѣрѣ въ 20 ф. стерл., и никто не можетъ быть пайщикомъ ея, кто не работаетъ въ ней лично. Фабрика управляется выборнымъ комитетомъ изъ восьми лицъ, которыя сами заняты на фабрикѣ; выборы комитета происходятъ ежегодно. За свое 25-лѣтнее существованіе фабрика эта мало подвинулась впередъ какъ въ финансовомъ, такъ и въ техническомъ отношеніи. Она работаетъ безъ особыхъ убытковъ, но и безъ особыхъ прибылей. Выручка отъ продажи товара колеблется въ годъ между 28000 и 38000 ф. ст. и изъ этихъ предѣловъ не выходитъ.

Къ тому же типу коопераціи авторы изслѣдованія относятъ группу изъ 13 коопераціій, изготовляющихъ обувь, и еще двѣ другія коопераціи, одна изъ которыхъ (въ Волсолѣ, недалеко отъ Бирмингема) выдѣлываетъ замки и разные слесарные предметы, а другая (въ Кеттерингѣ, тоже близъ Бирмингема) фабрикуетъ платье. Всѣ эти коопераціи приближаются къ нельсоновской лишь въ томъ отношеніи, что управляются самими рабочими черезъ выборные комитеты. Но далеко не всѣ рабочіе являются въ нихъ пайщиками, и значительная часть паевъ находится не въ рукахъ рабочихъ. Да и комитеты тоже не всегда состоятъ изъ однихъ только рабочихъ въ соотвѣтственныхъ предпріятіяхъ, а заключаютъ и другихъ лицъ, какъ представителей постороннихъ участниковъ предпріятія.

Всѣ эти коопераціи, представляющія не вполнѣ чистый типъ самоуправленія, дѣйствуютъ довольно успѣшно, а нѣкоторыя изъ нихъ проявляютъ и несомнѣнный прогрессъ.

Второй типъ, названный въ отчетѣ полуавтономнымъ (Partial Autonomies), въ лучшемъ случаѣ представляетъ собою помѣсь капитализма съ кооперативнымъ началомъ. Въ худшемъ же случаѣ эти „полуавтономіи"—кооперативы лишь по имени, а по существу—чисто капиталистическія, да еще весьма зловредныя для рабочихъ интересовъ предпріятія. Въ Англіи этотъ типъ очень хорошо извѣстенъ подъ именемъ „Labour Copartnership", и составители разсматриваемаго здѣсь отчета насчитали около 30 коопераціій этого типа. Онѣ распространяются и поддерживаются особымъ обществомъ Labour Copartnership Association. Главная основа этихъ яко бы коопераціій состоитъ въ томъ, что изъ доходовъ вполнѣ капиталистическаго предпріятія отчисляется ежегодно извѣстный процентъ въ пользу рабочихъ. Послѣдніе, однако, не получаютъ этого процента наличными. Онъ лишь записывается въ ихъ счетъ, какъ взносъ за пай или акцію въ предпріятіи, которая будетъ современемъ имъ принадлежать, когда накопится достаточная сумма, равная стоимости акціи. Во многихъ случаяхъ никакія акціи въ пользу рабочихъ тамъ и не пріобрѣтаются уже просто потому, что процентныя отчисленія, дѣлаемыя для этой цѣли, поступаютъ для уплаты процентовъ по облигаціямъ предпріятія или

на другія нужды его. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочимъ удается сдѣлаться владѣльцами акцій, доля ихъ въ предпріятіи оказывается слишкомъ ничтожной, чтобы оказать какое-либо вліяніе на управленіе предпріятіемъ. Въ теоріи эти коопераціи призваны мало-по-малу превратить большія капиталистическія предпріятія въ собственность рабочихъ. Таковъ идеалъ. На практикѣ же этого рода „копартнершипъ" оказывается дѣлежомъ, хорошо намъ знакомымъ изъ басни „Левъ на ловлѣ".

Третій типъ трудовыхъ коопераціи представляютъ собою предпріятія, „зависимыя" отъ потребительныхъ обществъ. Это пока наиболѣе удачныя попытки кооперативнаго производства. Въ этихъ предпріятіяхъ главными, а иногда и единственными, пайщиками состоятъ разныя потребительныя коопераціи. Онѣ снабжаютъ дѣло своими капиталами; ихъ представители стоятъ во главѣ администраціи, а ихъ заказы служатъ вѣрнымъ и постояннымъ рынкомъ для продуктовъ предпріятія. Рабочіе въ такихъ „зависимыхъ" предпріятіяхъ не имѣютъ почти никакого голоса въ комитетѣ, стоящемъ во главѣ коопераціи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ рабочіе имѣютъ своихъ представителей въ комитетѣ, ихъ участіе въ немъ имѣетъ лишь номинальное значеніе. Ихъ финансовое участіе не только не требуется, не поощряется, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не допускается. Отчетъ насчиталъ въ Англіи около 12 такихъ „зависимыхъ" производительныхъ коопераціи, которыхъ, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ мастерскими, фабриками и заводами, принадлежащими всецѣло тому или другому потребительному обществу. Изслѣдованіе этого послѣдняго вида кооперативнаго производства составитъ предметъ особаго отчета. Какъ хозяйственная единица, „зависимая" коопераціи вполнѣ самостоятельна, но это лишь формальная самостоятельность, а не по существу. Это—коопераціи скорѣе потребительская, чѣмъ трудовая. Достаточно сказать, что изъ 124 членовъ въ комитетѣ этихъ 12 обществъ лишь 13 принадлежатъ къ рабочимъ соотвѣтствующихъ предпріятій.

Наиболѣе крупнымъ трудовымъ обществомъ этого типа и въ то же время наиболѣе старымъ является манчестерское кооперативное общество печатнаго дѣла, основанное въ 1869 г. Оно занимаетъ до 550 рабочихъ и исполняетъ въ годъ заказовъ на сумму приблизительно въ 118000 ф. ст. Нѣсколько его рабочихъ имѣютъ паи, но по уставу его пайщики-рабочіе не могутъ быть избираемы въ комитетъ. Замѣчательна и другая коопераціи этого же типа „зависимыхъ", въ Гебденъ-Бриджѣ (въ Іоркширѣ), вырабатывающая бумажныя издѣлія. Она была основана въ 1870 г. и среди ея пайщиковъ состоитъ 382 потребительныхъ общества, которыя, собственно говоря, и составляютъ весь кругъ ея покупателей. Въ противоположность манчестерской коопераціи печатнаго дѣла, гебденъ-бриджская требуетъ, чтобы всѣ рабочіе ея были участниками и въ паяхъ, но и въ ней пайщики изъ рабочихъ лишены права засѣдать въ правленіи фабрики, т.-е. быть членами распорядительнаго комитета.

Таковы факты. Чѣмъ же объясняется большая или меньшая успѣшность производительныхъ коопераціи третьяго типа и почти полная неудача перваго типа?

Отчетъ многократно и очень обстоятельно останавливается на причинахъ, оказывающихъ вліяніе на дѣятельность трудовыхъ или, какъ онѣ называются въ отчетѣ, производительныхъ коопераціи. Оказывается, главную роль играютъ не размѣры капиталовъ, не степень доброжелательности постороннихъ лицъ, а человѣческая натура самихъ участниковъ. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Когда

нѣтъ хозяина - капиталиста, съ которымъ нужно было бы бороться, то рабочіе начинаютъ воевать съ управляющимъ-товарищемъ, съ членами комитета, а члены комитета между собою. Управляющій на фабрикѣ, если онъ самъ изъ рабочихъ и находится подъ властью комитета, избраннаго рабочими, не пользуется достаточной самостоятельностью и авторитетомъ. Его распоряженія или не исполняются, или сейчасъ же отмѣняются подъ давленіемъ комитета. „Въ концѣ-концовъ дѣла кооперативнаго общества, въ которомъ сами рабочіе его стоятъ во главѣ предпріятія, достигаютъ точки, дальше которой не могутъ прогрессировать, и получается застой“... „Система, при которой рабочіе являются и членами комитетовъ, оказывается неправильной въ принципѣ и вредной на практикѣ. У нихъ нѣтъ достаточнаго дѣлового чутья; они не хотятъ признавать распоряженій управляющаго и необходимой дисциплины и своими дѣйствіями подаютъ дурной примѣръ рабочимъ, не состоящимъ членами комитета“.

Но шаткость дисциплины лишь одинъ изъ недостатковъ, да и то не наиболѣе важный. Этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ распространеніемъ и углубленіемъ кооперативныхъ принциповъ, истиннаго пониманія собственныхъ интересовъ и воспитаніемъ духа товарищества. Уже сейчасъ среди самоуправляющихся трудовыхъ кооперацій въ Англіи встрѣчаются нерѣдко и такія, въ которыхъ между рабочими-пайщиками, комитетомъ и управляющимъ царствуетъ полное согласіе и равенство.

Но есть другой недостатокъ, являющійся наиболѣе серьезной причиной неуспѣха, это—боязнь потерять работу изъ-за введенія какого-либо усовершенствованія или новой машины. Когда правленіе фабрики или завода состоитъ изъ лицъ, привыкшихъ къ старымъ пріемамъ работы и боящихся потерять ее съ введеніемъ новыхъ, они, конечно, окажутся сильными противниками всякихъ перемѣнъ и новшествъ.

„Общество наше,—сказалъ представитель самоуправляющейся коопераціи одному изъ составителей отчета,—имѣетъ теперь очень удобный случай поставить новыя машины, такъ какъ недавно умерло пять рабочихъ-пайщиковъ“. Благодаря такой отсталости, коопераціи перваго типа не могутъ никоимъ образомъ выступать конкурентами частно-капиталистической промышленности на общемъ рынкѣ и могутъ только существовать при обезпеченіи себя постояннымъ покупателемъ, которымъ для нихъ являются потребительныя общества.

Этихъ-то недостатковъ именно и чужды коопераціи третьяго типа, въ которыхъ рабочіе сами не являются хозяевами, или же являются хозяевами лишь косвеннымъ путемъ, черезъ потребительныя общества. Во всякомъ случаѣ, правленіе дѣла находится въ рукахъ управляющаго и комитета, представляющихъ постороннюю силу. Распоряженія и перемѣны дѣлаются не въ зависимости отъ одного только желанія рабочихъ, и въ результатѣ такого рода коопераціи не только могутъ существовать, но способны къ росту и развитію.

Но хотя будущность коопераціи перваго типа весьма сомнительна, онѣ не лишены и положительныхъ свойствъ, придающихъ имъ извѣстную цѣнность. Вотъ, напримѣръ, какъ отчетъ описываетъ нѣкоторыя изученныя его составителями трудовыя „самоуправленія“. „Здѣсь отсутствуютъ попуканье и фельдфебельскій тонъ. Мужчины и женщины работаютъ поштучно, и за работой вольны говорить и пѣть. Они могутъ отлучиться на чашку чая безъ всякаго спроса и могутъ запаздывать безъ страха наказанія. Могутъ получить отпускъ въ любое время и заниматься какими угодно общественными дѣлами. Занятіе на фабрикѣ можно

считать постоянным, такъ какъ прилагаются всѣ старанія къ тому, чтобы никого изъ людей не увольнять, и рабочій положительно обезпеченъ отъ риска быть уволеннымъ по капризу или злобѣ какого-либо надсмотрщика или директора. Принято даже за правило ни одного рабочаго не увольнять безъ серьезной съ его стороны вины. Мастерскія и всѣ мѣста, гдѣ производится работа, содержатся очень хорошо въ санитарномъ отношеніи, хорошо провѣтриваются, и рабочіе—выше средняго уровня въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Неудивительно, что рабочіе вообще рады попасть въ трудовой кооперативъ, и списокъ кандидатовъ, желающихъ заниматься тутъ, всегда очень великъ".

Такимъ образомъ, самоуправляющіеся трудовой кооперативъ выдвигаетъ именно тѣ хорошія стороны, которыми должны отличаться всѣ истинно кооперативныя организаціи. Онъ иллюстрируетъ собою возможность гуманизаціи фабрики, возможность уваженія къ человѣческому труду, что рабочій не выбрасывается, какъ щепка, на улицу по прихоти ли хозяина и его агентовъ, или вслѣдствіе старости и потери трудоспособности.

С. И. Рапопортъ.

6. Внутреннее положеніе Японіи и новый премьеръ гр. Окума.

Новая конституціонная эра ведетъ свое начало въ Японіи, какъ извѣстно, съ 1889 г., но было бы, однако, большой ошибкой думать, что съ того времени и вплоть до нынѣшнихъ дней основная линія правительственной политики въ странѣ „Восходящаго Солнца" неизмѣнно опредѣлялась желаніями парламента и чаяніями народа. Наоборотъ, творецъ конституціи, маркизъ Ито, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы, вручивъ коронѣ нѣкоторое количество правъ, настолько же широкихъ, какъ и безконтрольныхъ, не допустить преобразованія конституціонно-дуалистическаго строя имперіи въ парламентарный образъ правленія. [1]) Включеніе такого рода „предохранительныхъ" постановленій въ защищенный отъ непосредственныхъ посягательствъ парламента текстъ конституціи, съ точки зрѣнія защитниковъ королевской прерогативы, было необходимо въ особенности потому, что ни въ одной странѣ, кажется, не было столь благопріятныхъ историко-политическихъ условій для развитія парламентаризма, какъ именно въ Японіи. Въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій страна привыкла къ своеобразному зрѣлищу микадо, совершенно лишенного фактической власти—съ одной стороны, и сегуна, съ успѣхомъ выполняющаго роль главы правительства—съ другой.

Однако, несмотря на то, что въ Японіи никогда не было главнаго условія, въ свое время предшествовавшаго въ Западной Европѣ развитію парламентаризма—исторически сильной императорской власти,—послѣдняя оказалась все-таки настолько могущественной, чтобы успѣшно выдерживать почти до самаго послѣдняго времени натискъ прогрессивнаго общественнаго мнѣнія, все время упорно стремившагося къ расширенію полномочій парламента.

Послѣдніе этапы этой борьбы между правительствомъ и представительствомъ страны отмѣчены уже значительнымъ ослабленіемъ того государственнаго порядка, который былъ названъ виконтомъ Акимото мѣткимъ словомъ „кланархія" („clan'archy"). Наивысшее вліяніе

[1]) См. чрезвычайно интересныя „Commentaries on the Constitution of the Empire of Japan" маркиза Ито, въ особенности p. 2—16. Любопытное, хотя и менѣе авторитетное освѣщеніе юридической природы японской конституціи можно найти у Kiyoshi Kawakami „The political ideas of modern Japan", въ особенности p. 165—179.

изъ японскихъ политическихъ организацій партія Сейо-Кай, руководимая маркизомъ Сайондзи, уже въ 1912 году вступила въ ожесточенный конфликтъ съ безотвѣтственными вліяніями, олицетворяемыми могущественными кланами Чошіу и Сатсума и проводимыми черезъ посредство „Генро". Конфликтъ этотъ, которому суждено сыграть рѣшающую роль въ политическомъ развитіи Японіи новаго времени, въ основныхъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

Въ декабрѣ 1912 года кабинетъ маркиза Сайондзи, осуществляя предначертанную имъ программу сокращенія государственныхъ расходовъ, столкнулся съ организованнымъ противодѣйствіемъ клана Чошіу, члены котораго занимаютъ всѣ высшія должности въ арміи. Военный министръ, ген. Уехара, офиціально заявилъ главѣ кабинета, что увеличеніе мирнаго состава арміи на двѣ новыхъ дивизіи представляется ему, вопреки мнѣнію другихъ министровъ, абсолютно необходимымъ для безопасности государства. Кабинетъ примирился съ отставкой ген. Уехара, но оказалось, что найти послѣднему преемника совершенно невозможно въ силу того постановленія конституціи, которое предусмотрительно требуетъ замѣщенія должности военнаго министра обязательно военными. Считая невозможнымъ подчиниться требованію военной партіи и не будучи въ то же время въ состояніи подыскать замѣстителя ген. Уехара, кабинетъ маркиза Сайондзи подалъ въ отставку, приведшую къ поразительному для Японіи результату. Популярность партіи выросла въ странѣ въ нѣсколько дней, немедленно образовалась „лига защиты конституціи", тонъ печати во главѣ съ вліятельными органами *Дзи-дзи, Ничи-ничи, Асахи, Іородзу* и даже болѣе умѣреннымъ *Кокуминъ* повысился и дошелъ до небывалой остроты [1]), во всѣхъ крупныхъ центрахъ стали организовываться митинги, съѣздъ объединенныхъ торговыхъ палатъ всей Японіи по предложенію своего предсѣдателя Накано вынесъ рѣзкую резолюцію осужденія политикѣ клана Чошіу. Напрасно фельдмаршалъ Ямагата—несомнѣнный инспираторъ всей кампаніи за увеличеніе арміи—пытался усмирить волны поднявшагося протеста своимъ интервью съ представителемъ газеты *Дзи-дзи,* въ которомъ престарѣлый государственный дѣятель прямо указывалъ, что увеличеніе арміи на двѣ дивизіи составляетъ только часть выработанной въ 1907 году схемы 25 дивизій и увеличенія морскихъ силъ на 500,000 тоннъ. Общее возбужденіе только усиливалось съ каждымъ днемъ, и никакими мѣрами нельзя было заставить страну примириться съ ростомъ расходовъ, вызываемымъ имперіалистской политикой военной партіи.

Такое расхожденіе между общественнымъ мнѣніемъ страны и настроеніемъ бюрократіи неизбѣжно должно было сказаться въ послѣднее время, благодаря крайнему экономическому напряженію населенія и тяжелой переобремененности плательщиковъ налоговъ. Въ бытность мою въ Японіи мнѣ пришлось убѣдиться изъ офиціальныхъ свѣдѣній, касающихся сбора податей въ Токіо, въ томъ, насколько налоговое бремя въ странѣ переросло платежеспособность населенія: напримѣръ, въ части столицы Хонджо, населенной по преимуществу бѣднѣйшими жителями, было зарегистрировано въ 1912 году 97,500 плательщиковъ; изъ нихъ только 41,000 уплатили налоги въ срокъ, 60 же процентовъ всего количества осталось въ числѣ недоимщиковъ. Изъ этихъ послѣднихъ 28,000 заплатили послѣ второго оповѣщенія, сопряженнаго съ

[1]) Подробныя выдержки изъ наиболѣе вліятельныхъ японскихъ органовъ печати постоянно помѣщаются въ мѣстной иностранной (главнымъ образомъ англійской) прессѣ, въ составѣ которой первыя мѣста занимаютъ *Japan Advertiser, Japan Daily Times* и др.

крайне невыгодными для плательщиковъ послѣдствіями, а 23,000 такъ и остались въ числѣ недоимщиковъ, несмотря на угрозу судебнымъ преслѣдованіемъ и наложеніемъ запрещенія на имущество. Однако и средній классъ страдаетъ не въ меньшей степени отъ тяжести падающихъ на него налоговъ, въ числѣ которыхъ фигурируютъ подоходный, муниципальный и въ особенности обременительный промысловый налогъ: такъ, въ одной изъ наиболѣе дѣловыхъ частей Токіо Ріо-гоку изъ 8,000 плательщиковъ послѣдняго налога болѣе 50% (4,200 человѣкъ) подверглось процедурѣ взысканія, а изъ 10,200 плательщиковъ подоходнаго налога 35% были недоимщиками. Если же мы возьмемъ самые богатые кварталы Токіо (Нихонбаши), то увидимъ, что здѣсь недоимщиковъ оказалось 39%. Однако, можетъ быть, наибольшую опасность представляетъ то обстоятельство, что вообще въ Токіо число недоимщиковъ, начиная съ 1910 года, регулярно возрастаетъ на 10% въ годъ. [1])

При такихъ условіяхъ не приходится удивляться тому, что разобщенность населенія и правительства, проявлявшаяся въ краткій періодъ пребыванія у власти послѣдняго кабинета Катцуры, должна была смѣниться новой бурей общественнаго протеста, когда оказалось, что послѣднее по времени министерство Ямамото, добившееся, благодаря сложнымъ парламентскимъ интригамъ, утвержденія кредитовъ на судостроеніе, въ то же время не было въ состояніи предотвратить позорной морской панамы. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ найти преемника адм. Ямамото среди старыхъ бюрократическихъ дѣятелей, „Генро" рѣшило, наконецъ, предложить составленіе кабинета гордости и славѣ Японіи—графу Окуме.

Призваніе къ власти гр. Окуме, сумѣвшаго счастливо сочетать популярность перваго общественнаго дѣятеля страны съ богатымъ опытомъ государственнаго человѣка, несомнѣнно, вернетъ правительству утраченное имъ довѣріе народа, а при благопріятныхъ условіяхъ можетъ даже открыть новую эру въ японской политической жизни. Гр. Окуме, яраго пацифиста, предсѣдателя общества „Мира", часто называютъ японскимъ гр. Толстымъ, но сравненіе это, конечно, слишкомъ поверхностно для того, чтобы его можно было признать удачнымъ. Представить себѣ Толстого въ столь несвойственной ему роли руководителя сложной машины современнаго государства—столь же трудно, насколько легко представить себѣ возвращеніе къ власти гр. Окуме, уже бывшаго членомъ кабинета въ первомъ конституціонномъ министерствѣ маркиза Ито и уже организовавшаго въ 1898 году прогрессивное правительство, вскорѣ свергнутое усиліями консерваторовъ.

Новому кабинету выпадаетъ на долю далеко не легкая задача. Несмотря на переживаемый населеніемъ экономическій кризисъ, правительство не будетъ въ состояніи уменьшить расходы по оборонѣ страны теперь, когда международное положеніе Японіи въ силу довольно обостренныхъ отношеній съ Соединенными Штатами и назрѣвающихъ въ Китаѣ новыхъ осложненій требуетъ крайняго напряженія всѣхъ силъ государства. Отношеніе новаго премьера къ очереднымъ вопросамъ международной политики чрезвычайно характерно для пониманія общественнаго мнѣнія Японіи.

Годъ съ небольшимъ назадъ, когда я, благодаря любезному содѣйствію декана юридическихъ и политическихъ наукъ Waseda University, профессору Шибусава, получилъ возможность посѣтить графа Окуме въ Токіо, послѣдній слѣ-

[1]) Ср. статью *Б. Е. Шамкаго* „Иностранная политика Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ" (*Извѣстія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*, 1914 г.), въ которой проведена параллель между экономическимъ положеніемъ и иностранной политикой Японіи.

дующимъ образомъ формулировалъ передъ авторомъ этихъ строкъ свои воззрѣнія по вопросамъ международной политики. Гр. Окума убѣжденъ въ томъ, что вооруженное столкновеніе между Россіей и Японіей явилось неотвратимымъ результатомъ историческаго непониманія, господствовавшаго ранѣе между двумя этими странами. Теперь оба государства научились понимать другъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уважать другъ друга. Враждебныя чувства между ними постепенно исчезаютъ и уступаютъ мѣсто сознанію, что только соединенныя усилія обѣихъ державъ могутъ обезпечить миръ на Дальнемъ Востокѣ. Во всей Японіи теперь нѣтъ ни одного политическаго дѣятеля, ни одной политической организаціи, мечтающей о разрывѣ добрососѣдскихъ отношеній съ Россіей. Русско-японское общество, во главѣ котораго стоитъ представитель императорской власти въ Кореѣ, генералъ Тераучи, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большую популярность въ странѣ. Страна мечтаетъ о дальнѣйшемъ сближеніи съ Россіей, которое диктуется реальными политическими условіями. На нашихъ глазахъ въ Китаѣ совершаются измѣненія, которыя могутъ привести къ послѣдствіямъ величайшаго международнаго значенія. „Вы видите,—иллюстрируетъ свою мысль гр. Окума, „насколько трудно сохранить миръ при осложненіяхъ на Ближнемъ Востокѣ [1]); проблема сохраненія мира на Дальнемъ Востокѣ въ случаѣ возникновенія аналогичныхъ условій будетъ сопряжена съ еще большими трудностями. Россія и Японія, обладающія наиболѣе крупными интересами на Дальнемъ Востокѣ, а также и вооруженными силами для ихъ защиты, должны быть господами положенія („the masters of the situation") въ случаѣ возникновенія осложненій". Гр. Окума, подчеркивая эвентуальный характеръ своихъ предположеній, а также и то обстоятельство, что проектируемое имъ русско-японское вмѣшательство должно преслѣдовать цѣль сохраненія мира, но вовсе не раздѣла Китая, тѣмъ не менѣе счелъ возможнымъ конкретизировать свою мысль. Гр. Окума признаетъ наличность крупныхъ интересовъ Англіи въ Южномъ Китаѣ и нѣкоторую заинтересованность Франціи и Германіи въ общемъ положеніи вещей на Дальнемъ Востокѣ, но ему остается совершенно непонятной претензія на разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ со стороны отдаленнаго государства, не имѣющаго въ Китаѣ непосредственныхъ владѣній и интересовъ и руководящагося только соображеніями національнаго самолюбія. Гр. Окума снова проситъ не усматривать въ его замѣчаніяхъ какихъ-либо агрессивныхъ намѣреній, но не можетъ скрыть своего убѣжденія въ томъ, что вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ въ китайскія дѣла (которое уже имѣло однажды мѣсто во время предложенія статсъ-секретаря Нокса о нейтрализаціи желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи) можетъ привести къ серьезнымъ треніямъ между двумя дружественными державами, а тогда возникнетъ опасность подавленія требованій разсудка волной народныхъ страстей. Въ то же время гр. Окума считаетъ необходимымъ отмѣтить, что центральное правительство Соединенныхъ Штатовъ принимаетъ всѣ мѣры для того, чтобы избѣжать столь печальныхъ послѣдствій: такъ, когда возникло предположеніе объ устраненіи японцевъ отъ участія въ международной выставкѣ, устраиваемой по случаю открытія Панамскаго канала въ г. Санъ-Франциско, федеральное правительство прекратило враждебную Японіи агитацію угрозой перенести выставку въ Seattle. Поэтому и самъ гр. Окума во время конфликта съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами изъ-за земельнаго билля, принятаго въ штатѣ Калифорніи, прила-

[1]) Бесѣда имѣла мѣсто во время осложненій, возникшихъ въ періодъ второй балканской войны.

галъ всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать трагической развязки событій. Однимъ изъ способовъ для достиженія этой цѣли явился обмѣнъ популярными лекторами между Японіей и Америкой. Гр. Окума находитъ много благопріятныхъ сторонъ въ такого рода обмѣнѣ лекторовъ и горячо сочувствовалъ бы перенесенію этой идеи въ плоскость русско-японскихъ отношеній, о чемъ и просилъ передать М. М. Ковалевскому, какъ предсѣдателю русскаго общества „Мира".

Но, можетъ быть, еще болѣе любопытными являются взгляды гр. Окума въ области внутренней политики Японіи. Гр. Окума считаетъ, что усиліями японскаго правительства, до послѣдняго времени стоявшаго впереди общества, страна была поднята на такую высоту, которая является до нѣкоторой степени искусственной. Слѣдствіемъ этого быстраго поступательнаго движенія является экономическій кризисъ, въ свою очередь питающій всеобщее недовольство. Обществу теперь пора уже взять національное дѣло возрожденія страны изъ рукъ бюрократіи въ свои руки. Организація новыхъ политическихъ партій, уходъ приверженцевъ Осаки изъ наиболѣе вліятельной партіи Сейо-Кай, вызванный явной коррупціей въ нѣдрахъ послѣдней, говоритъ объ усиленіи представительной формы правленія въ Японіи. Прогрессъ страны неразрывно связанъ съ функціонированіемъ конституціоннаго аппарата.

Размѣры небольшой журнальной статьи лишаютъ меня возможности подробнѣе остановиться на характеристикѣ воззрѣній гр. Окума и описаніи тѣхъ безчисленныхъ затрудненій, которыя предстоитъ преодолѣть его кабинету, но едва ли приходится сомнѣваться въ томъ, что тотъ исключительный авторитетъ, которымъ имя гр. Окума пользуется внутри Японіи и за границами ея, сослужитъ странѣ большую службу при разрѣшеніи сложныхъ проблемъ международной политики.

Борисъ Шацкій.

II. Литература и искусство.

1. Годъ русской поэзіи.

Апрѣль 1913—апрѣль 1914 г.

Минувшій годъ въ русской поэзіи останется памятенъ всего болѣе спорами о футуризмѣ. Въ столицахъ и въ провинціи устраивались публичныя чтенія и диспуты о футуризмѣ, привлекавшіе полную залу. Футуристическія пьесы шли въ переполненныхъ театрахъ. Тощіе и болѣе объемистые сборники стиховъ и прозы футуристовъ, появлявшіеся одинъ за другимъ (всего за годъ, по приблизительному подсчету, ихъ вышло свыше 40), постоянно находили критиковъ, читателей и покупателей. Издавалось нѣсколько періодическихъ изданій футуристовъ, объединившихся, наконецъ, въ довольно толстомъ „первомъ журналѣ русскихъ футуристовъ" [1]). Надъ футуристами смѣялись, ихъ всячески бранили, но все же ихъ читали, слушали, смотрѣли въ театрахъ, и даже синематографъ, это вѣрное отраженіе нашего „сегодня", считалъ долгомъ касаться футуризма и футуристовъ, какъ „злобы дня".

Несомнѣнно, со времени своихъ первыхъ выступленій (о которыхъ мы имѣли случай говорить здѣсь) нашъ русскій

---

[1]) *Футуристы.* Первый журналъ русскихъ футуристовъ. Редакторъ: Василій Каменскій. Издатель: Давидъ Бурлюкъ. № 1—2. Москва, 1914 г. Стр. 160. Раньше издавались: *Петербургскіе Глашатаи*, *Союзъ Молодежи*, *Очарованный Странникъ*, *Мезонинъ Поэзіи* и др.

футуризмъ развился значительно, и главное, постарался самъ выяснить свою „идеологію". Въ своихъ журналахъ и брошюркахъ футуристы попытались выработать теорію футуризма. Дѣлясь (какъ это всегда бываетъ въ молодыхъ литературныхъ школахъ) на рядъ враждующихъ между собою фракцій, они высказывали не мало противорѣчивыхъ взглядовъ. Но въ концѣ-концовъ всѣ различныя направленія русскаго футуризма можно свести къ двумъ опредѣленнымъ типамъ: къ футуризму умѣренному и футуризму крайнему. Эти два типа различаются по существу дѣла: умѣренные, признавая первенствующее значеніе въ поэзіи „формы", пользуются ею, чтобы выявить нѣкое новое (съ ихъ точки зрѣнія) „содержаніе"; крайніе — ничего, кромѣ „формы", въ поэзіи не знаютъ и видѣть не хотятъ.

Умѣренные русскіе футуристы сравнительно близко примыкаютъ къ итальянскому футуризму Маринетти и его соратниковъ. Въ „манифестахъ" итальянскаго футуризма [1]) на разные лады повторяется фраза: „Да придетъ, наконецъ, ослѣпительное царство Божественнаго Электричества!" Пренебреженіе и презрѣніе ко всему историческому, восхваленіе современности, вѣка механизмовъ и ускоренной жизни, и возведеніе въ культъ всего нынѣ существующаго— вотъ основныя черты итальянскаго футуризма. „Венеція это—исторія?—Такъ засыплемъ венеціанскіе каналы, сожжемъ гондолы и разрушимъ Академію!" „Аэропланъ и синематографъ механизмы?—Прославимъ ихъ!" „Война нынѣ существуетъ?—Будемъ ее восхвалять!" Такова логика Маринетти и его послѣдователей. Поэзія же, если она во всемъ этомъ при чемъ-нибудь, предлагается повторять эти мысли и по возможности приспособляться къ „ритму современности".

Наши „умѣренные" футуристы, въ теоріи, неохотно повторяютъ всѣ положенія Маринетти. Подъ вліяніемъ, можетъ быть, своихъ „крайнихъ" сотоварищей они предпочитаютъ говорить, что „въ поэзіи *есть* только форма" [1]). Но въ своихъ стихахъ они довольно близко слѣдуютъ за итальянцами. Разница лишь въ томъ, что среди русскихъ футуристовъ этого направленія не оказалось сильныхъ темпераментовъ, и поэтому выкрики о разрушеніи музеевъ и о томъ, что „война—единственная гигіена міра", отпали или, вѣрнѣе, потускнѣли. Однако, хотя и въ иномъ освѣщеніи, „умѣренные" все же развиваютъ теоріи Маринетти.

Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, объявить презрѣніе всему „историческому" или обратиться къ „имитаторамъ греческаго" съ такимъ стихомъ:

Ихтіозавръ на проспектѣ! Ихтіозавръ
въ цилиндрѣ! [2])

Смыслъ одинъ и тотъ же: прошлому нѣтъ мѣста на современномъ проспектѣ, на который подобаетъ выходить въ цилиндрѣ, а не въ эллинскомъ гиматіи. Не все ли равно, восхвалять войну теоретически или воспѣвать въ „дредноутовой поэзіѣ", какъ—

Отрадно улавливать ассонансы въ оркестрѣ рѣжущемъ

---

[1]) *Маринетти.* „Манифесты итальянскаго футуризма". Переводъ Вадима Шершеневича. М., 1914 г. Ц. 1 р. Стр. 80. *Ф.-Т. Маринетти.* „Футуризмъ". Переводъ М. Энгельгардта. К-во „Прометей". Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 241. *Генрихъ Тастевенъ.* „Футуризмъ". Съ приложеніемъ перевода главныхъ футуристическихъ манифестовъ Маринетти. Изд. „Присъ". М., 1914 г. Ц. 90 к. Стр. 80+38.

[1]) *Вадимъ Шершеневичъ.* „Футуризмъ безъ маски". К-во „Искусство". М., 1914 г. Ц. 50 к. Стр. 102. Сходныя идеи въ брошюрѣ *И. В. Игнатова.* „Эго-футуризмъ". Изд. „Спб. Глѣшатай". Спб., 1913 г. Ц. 50 к. Стр. 16.

[2]) *Вадимъ Шершеневичъ.* „Романтическая пудра". Спб., 1913 г. Ц. 30 к. Стр. 16.

Кашляющихъ громово пушекъ [1]).

Или такъ же воспѣвать красоту фабрикъ, гдѣ—

Цѣлыя сутки аудіенція у ея величества,
Великолѣпнѣйшей изъ великолѣпныхъ
Медичей [2]).

Наконецъ, не значитъ ли, что поэтъ возводитъ въ культъ *все, что нынѣ существуетъ*, если онъ любовно изображаетъ и поминаетъ въ каждой строчкѣ то „Oiselaux de Chypre", то „брызги Maccheroni", то „Луна-Паркъ", то „esprits" (дамскіе), то „jupe-culotte", то вернисажи, будуары, небоскребы, бутерброды, кодаки, моторы и т. д. [3]). Что бы ни было, только бы оно принадлежало сегодняшнему дню,—и его спѣшатъ вмѣстить въ стихъ, говоря, что „небо обклеено газетами", что „мои слова я развѣшиваю, какъ рекламы", что „на душу я надѣваю очки", что „мечты сплелись въ пудренницѣ сердца" и т. д. [4]). Современная парфюмерія и новыя изобрѣтенія, пресса нашихъ дней и нынѣ выдѣливаемыя вина, „знаменитости" этого года и самое послѣднее усовершенствованіе техники,—все обожествлено въ этомъ культѣ „сегодня"!

Въ одномъ только рѣшительно разошлись съ итальянцами наши русскіе футуристы: во взглядѣ на любовь и на женщину. Какъ извѣстно, школа Маринетти проповѣдуетъ „бойкотъ любви". Русскіе поэты оказались для этого слишкомъ романтичны. Любовь въ ихъ стихахъ удержалась, хотя они и стараются всячески придать ей оттѣнокъ „кокоточный". Иные даже сознаются, что у нихъ бываетъ совсѣмъ не футуристическія мгновенія, когда—

Ей шепчу: „Дорогая моя!" [1])

Разошлись съ итальянцами русскіе поэты и въ неодолимомъ для нихъ желаніи „открывать свою душу". Итальянцы, какъ европейцы, душу свою показывать не любятъ. Русскіе, все же воспитанные на Достоевскомъ, не въ силахъ замкнуться въ одномъ прославленіи внѣшностей, и нѣтъ-нѣтъ да и срывается у русскаго футуриста признаніе:

Скорбь моя: Байронъ
Передъ нею бѣднѣе горба:
Въ мантіи гаеръ онъ! [2])

Или еще:

Съ каждымъ часомъ все ниже и ниже
Опускаюсь, падаю я...
Но теперь печальна дорога
И тяжелъ мой удѣлъ.
Я не смѣю тревожить Бога:
У него много дѣлъ [3]).

Основной недостатокъ поэзіи „умѣренныхъ футуристовъ" тотъ, что въ погонѣ за пресловутымъ „ритмомъ современности" они сознательно дробятъ свои стихотворенія на отдѣльные стихи, давая каждому самостоятельную жизнь. Извѣстное впечатлѣніе мелькания, кинематографичности получается, но исчезаетъ, какъ-то распыляется цѣлое, не объединенное единымъ символомъ. Къ нѣкоторой экстравагантности сравненій и метафоръ (непремѣнно заимствованныхъ изъ самой послѣдней „современности") читатель легко привыкаетъ; къ тому же есть среди нихъ и удачныя (напримѣръ, „Въ гостиной осени" К. Большакова, „Громоздились другъ на друга десятиэтажные вымыслы" В. Шершеневича и др.). Техническія смѣлости у „умѣренныхъ" довольно скромны и не идутъ дальше осторожныхъ слово-

[1]) *Борисъ Лавреневъ*, въ *Мезонинѣ Поэзіи*.

[2]) *Константинъ Большаковъ*, тамъ же.

[3]) См. *Мезонинъ Поэзіи*, *Футуристы*, книги *Вадима Шершеневича* („Романтическая пудра", „Экстравагантные флаконы"), *Рюрика Ивнева* („Пламя пышетъ"), *К. Большакова* („Сердце въ перчаткѣ") и др.

[4]) Тамъ же.

[1]) *В. Шершеневичъ*.

[2]) *Хрисанѳъ*, въ *Мезонинѣ Поэзіи*.

[3]) *Рюрикъ Ивневъ*, въ *Мезонинѣ Поэзіи*.

образованій (хотя зачастую и весьма неудачныхъ, какъ нарѣчіе „скрестяруко“), переноса половины риѳмы въ другой стихъ (примѣры чему есть уже у И. Анненскаго), постановки союза „и“ на концѣ стиха (что дѣлали уже поэты XVIII вѣка), нарушеній условнаго размѣра и т. п. Есть ли среди нашихъ „умѣренныхъ“ футуристовъ подлинныя дарованія,—пока не видно. Часто интересны стихи Вадима Шершеневича; природнымъ даромъ музыкальнаго стиха обладаетъ Константинъ Большаковъ.

Сразу все мѣняется, когда мы переходимъ къ стихамъ футуристовъ „крайнихъ“. Итальянскій футуризмъ они отвергаютъ яро, заявляя, что свое „движеніе“ создали и независимо, и раньше. Въ своихъ статьяхъ и „деклараціяхъ“ [1]) они на разные лады повторяютъ одно: „Смотрите, толстогубые! До насъ не было словеснаго искусства!“ [2]) Разъясняя это, они сообщаютъ, что „разгадка слова въ буквѣ“, что „*р*—красная, *ж*—желтая, *с*—синяя и т. д.“, что „согласныя даютъ—національность, гласныя—вселенскій языкъ“ и пр. [3]). Когда же „крайнимъ“ указываютъ (а имъ это неоднократно указывали въ печати), что „теорія“ ихъ крайне не нова и по меньшей мѣрѣ идетъ отъ Артюра Римбо, а точнѣе отъ временъ миѳической древности, они отвѣчаютъ: „кулакъ у меня—4 пуда“, „оно (нѣкое лицо одного поэта) само плюнетъ тебѣ въ рыло“ и „это—фонарные столбы по поношеннымъ мордамъ!“ [1]) Затѣмъ „идеологія“ крайнихъ кончается. [2])

Изъ стиховъ и прозы „крайнихъ“ раньше всего знакомишься съ ихъ тоже „крайней“ неосвѣдомленностью въ разныхъ областяхъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, старательно отмѣчаетъ въ своихъ стихахъ особымъ шрифтомъ всѣ ассонирующіе звуки [3]), какъ будто онъ первый ввелъ въ стихи ассонансы и ихъ не безмѣрно больше (и гораздо болѣе тонкихъ и исхищренныхъ) въ стихахъ Пушкина и Вергилія!—или особенно подчеркиваетъ, что его стихи [4]) написаны „безъ буквы *р*“, какъ будто это его „изобрѣтеніе“ и того же не дѣлалъ еще Державинъ! Другой громоздитъ сотни ново-сочиненныхъ словъ: „зарошь, дебошь, варошь, студошь, жарошь, сухошь, мокошь, темошь“ [5]) или „словойназа. словолю, слово-жди, словойдутъ, словоплямивъ, словолявъ“... [6]) и т. д., какъ будто такія случайныя сочетанія буквъ могутъ имѣть какое нибудь значеніе для поэзіи. Третій, въ

---

[1]) *А. Крученыхъ* и *В. Хлѣбниковъ*. „Слово, какъ таковое“. М., 1913 г. Ц. 30 к. Стр. 16. *А. Крученыхъ*. „Стихи В. Маяковскаго“. Спб., 1914 г. Ц. 40 к. Стр. 32. „Грамоты и декларацiи русскихъ футуристовъ“. Изд. „Свирельга“. Спб., 1914 г. (Святокъ) и др.

[2]) „Трое“ (В. Хлѣбниковъ, А. Крученыхъ, Е. Гуро). Изд. „Журавль“. Спб., 1913 г. Ц. 1 р. Стр. 96.

[3]) „Грамоты и декларацiи“.

[1]) *А. Крученыхъ*. „Стихи Маяковскаго“, стр. 4, 6, 7.

[2]) Исключеніе составляетъ вполнѣ разсудительно написанная статья Бенедикта Лившица, котораго, по его послѣднимъ выступленіямъ, приходится также зачислить въ ряды „крайнихъ“,—„Освобожденіе слова“ (2-е изд. сборника „Дохлая луна“. М., 1914 г. Ц. 1 р. 75 к. Стр. 127). Въ статьѣ вновь развивается та мысль, что „слово—автономно“ и что поэзія, „за исключеніемъ своей отправной точки, не ставитъ себя ни въ какія отношенія къ міру“.

[3]) *Давидъ Бурлюкъ*, въ журналѣ *Футуристы*.

[4]) *Онъ же* въ сборникѣ „Дохлая луна“ 2 изд.

[5]) *Велемiръ Хлѣбниковъ*, въ сборникѣ „Требникъ троихъ“. М., 1913 г. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 94.

[6]) *Василiй Каменскiй*, въ сборникѣ „Молоко кобылицъ“. М., 1914 г. Ц. 1 р. Стр. 87.

прозѣ, глубокомысленно разсуждаетъ: „до сихъ поръ утверждали,—мысль диктуетъ законы слову, а не наоборотъ" (а труды В. Гумбольдта, Потебни и др.!) или „наши новые пріемы учатъ новому постиженію міра, разбившему убогое построеніе Платона и Канта и др. идеалистовъ, гдѣ человѣкъ стоялъ не въ центрѣ міра, а за перегородкой" (прекрасное пониманіе философскаго идеализма!) и т. п.

„Творчество" крайнихъ соотвѣтствуетъ этому первому впечатлѣнію. Гонясь за тѣмъ, что имъ кажется новизной, они порой безвкусно подражаютъ старшимъ, какъ, напримѣръ, въ такихъ стихахъ:

Лѣнивой лани ласки лепесткоаъ
Любви лучей лука—и т. д. [1]).

(Какъ не вспомнить Бальмонта: „Ландыши, лютики, ласки любовныя"...) Порой—ищутъ своего „заумнаго" языка, рѣшительно порывая всякую связь съ читателемъ и, слѣдовательно, уничтожая самое существованіе поэзіи для другихъ:

е у ю
и а о... [2])

(Впрочемъ, одинъ изъ „крайнихъ" весьма послѣдовательно уже объявилъ „смерть искусству" и свою послѣднюю поэму „читалъ ритмо-движеніемъ", т.-е. движеніемъ руки, безо всякихъ словъ.) [3] Порой,—для пущей новизны, печатаютъ свои opus'ы въ видѣ таблицъ, разграфленныхъ прямыми и косыми линіями [4]) (такъ что при изображеніи, напримѣръ, „Скотнигъ-ринка" получается особый загонъ для разнаго рода рекламъ расклеенныхъ по стѣнамъ). Порой, наконецъ,—начинаютъ писать самые шаблонные стихи, какъ, напримѣръ:

Не мало славныхъ полководцевъ,
Сказавшихъ „счастливъ" умирая,
Зналъ родъ старинныхъ новгородцевъ,
Въ потомкѣ древнемъ догорая...

Погибли воины. Засада
Давно въ лѣсу ихъ стерегла,
Давно желанная награда
Врагу уплачена была.

Мы воду пьемъ—кто изъ стакана,
А кто прильнувъ къ струѣ устами,
Среди весенняго тумана
Идя полночными брегами.

И, въ сновидѣньяхъ замирая,
Вдыхаютъ заозерный медъ
И голубыя розы рая
И голубь розовыхъ высотъ... [1])

Ко всему этому присоединяется намѣренная *грубость* стиховъ нашихъ „крайнихъ". Съ условной красотой поэзіи они хотятъ бороться усиленнымъ употребленіемъ словъ рѣзкихъ, бранныхъ, выражающихъ что-либо отвратительное или просто считаемыхъ „неприличными". „Я весь хорошъ, даже бранный", заявляетъ одинъ изъ „крайнихъ" [2]). Поэтому инымъ изъ поэтовъ

---

[1]) *Давидъ Бурлюкъ*, въ журналѣ *Футуристы*.

[2]) *А. Крученыхъ*, въ сборникѣ „Дохлая луна". М., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 120.

[3]) *Василискъ Гнѣдовъ*. „Смерть искусству". Изд. „Петербургскій Глашатай". Спб., 1913 г. Ц. 30 к. Стр. 8.

[4]) *Василій Каменскій*, въ журналѣ *Футуристы*.

[1]) *В. Хлѣбниковъ*, *А. Крученыхъ*, *Н. Бурлюкъ*, *Бенедиктъ Лившицъ* (сборники: „Молоко кобылицъ", „Полуживой", „Садокъ судей II", „Волчье солнце"). Имя „поэмы" А. Крученыхъ почти сплошь написаны такими стихами, напоминающими „сказки" А. Ремизова. Приведенные нами примѣры принадлежатъ къ числу болѣе удачныхъ четверостишій, такъ какъ мы не хотѣли цитировать явные промахи, какъ, напримѣръ, у В. Хлѣбникова: „о у [illegible]ицы *же* блещутъ слезы..." (сборникъ „Рѣчь", Спб., 1914 г.).

[2]) *А. Крученыхъ* въ сборникѣ такъ и озаглавленномъ „Утиное гнѣздышко дур-

приходится въ книгахъ замѣнять иныя слова или части словъ точками. При такомъ „наклонѣ“ къ сквернословію не знаешь, какъ относиться къ нѣкоторымъ стихамъ: видѣть въ нихъ неостроумную шутку или считаться съ ними тоже, какъ съ сознательнымъ осуществленіемъ футуристами своей программы. Что сказать, напримѣръ, о такомъ четверостишіи:

Безконечность—мой горшокъ,
Вѣчность—обтиралка,
Я люблю тоску кишекъ,
Я зову судьбу мочалкой [1]).

Предпочтемъ все же счесть это шуткой, какъ и другія сходныя (ихъ не мало) [2]) „выступленія“ нашихъ „крайнихъ“.

Какъ бы то ни было, безпомощность теоретическихъ разсужденій и противорѣчивость всѣхъ попытокъ „творчества“ гг. „крайнихъ“ приводятъ къ неоспоримому выводу, что они нисколько не подготовлены къ прокладыванію новыхъ путей въ искусствѣ. Весьма недостаточно поносить бранными словами все, что было, и все, что есть внѣ своего кружка, чтобы уже найти нѣчто новое. Именно „новаго“ мы у нашихъ крайнихъ футуристовъ и не видимъ: напротивъ, то, что они дѣлаютъ,—или повтореніе весьма стараго, или только безпорядочное (и безвкусное) смѣшеніе словъ, полусловъ и звуковъ. Объявивъ, что „поэзія не ставитъ себя ни въ какія отношенія къ міру“, футуристы въ то же время пишутъ стихи, которые; послѣ дешифрованія ихъ намѣренно замысловатаго языка, оказываются обычнѣйшими „стихотвореніями“, написанными на обычнѣйшія „поэтическія“ темы (таково большинство стиховъ В. Шершеневича, К. Большакова, а также многіе стихи В. Маяковскаго.) Если и есть какая правда въ ученіи о „словѣ, какъ таковомъ“, то ея проповѣдники сами этой правды не понимаютъ и проявить ее въ поэзіи не умѣютъ.

Довольно тягостный трудъ—выискивать въ десяткахъ книжекъ, наполненныхъ безсодержательными и безформенными стихами, отдѣльныя удачныя выраженія. Гораздо чаще находишь или безнадежную прозу („Недугъ кончиной угрожалъ“—В. Хлѣбниковъ, „Какая въ немъ корысть“—онъ же, „Какъ скудны дни твои“—Д. Бурлюкъ, и т. д.), или повтореніе давно сказаннаго („огонь надеждъ“—Д. Бурлюкъ, „весна, когда все такъ стыдливо“—Н. Бурлюкъ, „упьюсь нивомъ послѣдней мести“—А. Крученыхъ, „поцѣлуй поймаешь жаркій“—онъ же, и т. д.), или сочетанія, совершенно непріемлемыя („Мноеоликъ таенъ и теблядины пятнаты моймомъ“—В. Хлѣбниковъ, „Любшина, влюбравы, влюбивень прилюбъ“,—онъ же, „Глаза, заплеванные верблюжьимъ моремъ собственныхъ хижинъ“ — Б. Лившицъ). Справедливость заставляетъ насъ, однако, повторить то, на что мы уже указывали раньше: больше всего счастливыхъ исключеній мы находимъ въ стихахъ, подписанныхъ В. Маяковскій. У г. Маяковскаго много отъ нашего „крайняго“ футуризма, но есть свое воспріятіе дѣйствительности, есть воображеніе и есть умѣніе изображать. Конечно, не хитро сочинить метафору:

Я сошью себѣ штаны изъ бархата голоса моего
И по Невскому міра...

Но какъ въ маленькомъ сборникѣ г. Маяковскаго [1]), такъ и въ его стихахъ, помѣщенныхъ въ разныхъ сборникахъ,

---

выхъ словъ“. Ц. 40 к. (Мѣсто изд. и стр. не означены.)

[1]) *В. Хлѣбниковъ*, въ сборникѣ „Затычка“. Херсонъ, 1914 г. Ц. 60 к. Стр. 16.

[2]) Напримѣръ, у *А. Крученыхъ*, въ сборникѣ „Поросята“. Спб., 1914 г.:

Что-то ротъ мой становится уже уже,
Бочка никакъ не вмѣщается въ пузо.

---

[1]) *В. Маяковскій*: „Я“. М., 1914 г. Ц. 50 к. (Стр. не означены.)

и въ его трагедіи, [1]) встрѣчаются и удачные стихи, и цѣлыя стихотворенія, задуманные оригинально. Наконецъ, дѣйствительно художественныя и проникнутыя чувствомъ страницы есть въ посмертномъ сборникѣ стиховъ и прозы Е. Гуро. [2])

Еще разъ подводя итоги русскому футуризму, мы должны сказать, что ничего положительнаго онъ такъ и не далъ,—по крайней мѣрѣ за 2—3 года своего существованія. Попрежнему только намѣчаются какія-то возможности новыхъ путей, но никто еще увѣренно на эти пути не вступилъ и, конечно, не „крайнимъ" оказаться на нихъ проводниками. На этомъ можно, намъ кажется, разстаться съ нашимъ футуризмомъ и, вѣроятно, надолго. Интереснѣе теперь разсмотрѣть, какъ футуристическое движеніе отразилось на поэтахъ, непосредственно къ футуризму не примыкающихъ.

Валерій Брюсовъ.

2. „Роза и Крестъ".

Александръ Блокъ. „Роза и Крестъ". Драма въ 5 дѣйствіяхъ. „Сириусъ". Спб.

Замѣчательная драма Блока не просто опытъ русской драмы на средневѣковый сюжетъ и не просто новая драма Блока. Все творчество Блока отъ первыхъ его шаговъ до недавнихъ было большой, единой драмой, и „Роза и Крестъ" прежде всего—новая страница *этой* драмы. Въ *этой* драмѣ, мы знаемъ, мечтательная восторженность такъ скоро смѣнилась страстной горечью, пришло то, что простодушно называли прежде „разочарованіемъ въ жизни". Но въ этомъ разочарованіи не было ни усталости, ни покоя,—изъ него рождалась и тоска объ уже невозможномъ очарованіи, и острая потребность найти пути въ этомъ—уже не волшебномъ—мірѣ, въ которомъ надо жить. И „Роза и Крестъ" во всей эпической строгости своихъ образовъ говоритъ о томъ же.

Въ суровомъ замкѣ въ Лангедокѣ томится молодая графиня Изора. Въ Бретани живетъ старый отшельникъ Гаетанъ, живетъ въ видѣніяхъ и пѣсняхъ—не въ мірѣ, и на груди его—черный знакъ креста, знакъ отреченія. Его странныя пѣсни о „радости-страданьѣ" ходятъ въ народѣ, доходятъ до слуха Изоры и смущаютъ ея сердце. Изора больна, и услужливый докторъ готовъ лѣчить ее по правиламъ своей науки—вѣчная сказка о томъ, какъ лѣчатъ мечтателей. Изора не знаетъ спасенія отъ тоски и думаетъ, что поможетъ странная, томительная пѣсня о томъ, кто ее сложилъ. Вѣрный рыцарь Изоры — Бертранъ — „рыцарь - Несчастье"—пошелъ „страсти чужой послужить" и нашелъ Гаетана. Но не Гаетанъ и не черный крестъ отреченія могутъ спасти Изору. Вѣдь сама она „роза изъ розъ", и тоска ея—тоска не о крестѣ, а о розѣ—о сладкой земной страсти. Гаетанъ поетъ среди другихъ менестрелей, его не поняли, и онъ исчезъ. Для веселой толпы его пѣсни мрачны, для Изоры—онъ только старикъ, и она уже склоняется къ безпечному юношѣ - Алискану. Ночь любви Изоры и Алискана была ночью смерти для „рыцаря-Несчастье": раненый на смерть въ бою, онъ стоитъ на стражѣ у оконъ Изоры. И онъ когда-то затвердилъ пѣсню Гаетана о радости-страданьѣ, не постигая ея смысла, теперь ему открылся этотъ смыслъ и съ нимъ—горестный смыслъ его жизни, тоже въ отреченіи, тоже подъ знакомъ креста. Смертью Бертрана, изнемогшаго отъ ранъ, и завершается драма.

За сухой и строгой исторической внѣшностью въ драмѣ Блока скрыты острыя волненія современной души—современной въ лучшемъ смыслѣ, не

---

[1]) „Владиміръ Маяковскій". Трагедія *Владиміра Маяковскаго.* М., 1914 г. Ц. 1 р. Стр. 46.

[2]) *Е. Гуро.* „Небесные верблюжата". М., 1914 г. Ц. 1 р. 20 к. Стр. 128.

современностью дня или минуты, а той, подлинной, уже, быть можетъ, уходящей изъ общаго сознанія современностью — современностью послѣднихъ десятилѣтій, такихъ трагическихъ и прекрасныхъ. Вѣдь это она съ новой силой и страстью поставила вопросъ: быть или не быть? принять міръ или отвергнуть? святъ онъ или не святъ? Міръ никогда не былъ для Блока святымъ. Святость была для него въ мірахъ иныхъ, въ тѣхъ, о которыхъ говорятъ „Стихи о Прекрасной Дамѣ". И когда онъ кричалъ: „узнаю тебя, жизнь! принимаю!"—онъ принималъ ее не въ святости; принимая, грѣшилъ передъ своей вѣрой, измѣнялъ своимъ мірамъ. И въ новой своей драмѣ онъ *свою* святость воплотилъ въ нездѣшнемъ Гаетанѣ.

Тяжки, должно быть,
Цѣпи земныя.
Я ихъ не зналъ никогда,

такъ говоритъ онъ Бертрану. Онъ пославъ „въ міръ дождливый, въ міръ туманный" изъ міра фей, и его удѣлъ— „людямъ быть зовомъ безцѣльнымъ" и вѣчно пѣть имъ пѣсни, которыхъ они не поймутъ.

Безконечно далекъ прежнему Блоку рыцарь Бертранъ, который кидается въ бой съ крикомъ: „святая Роза". Вѣдь свята она только въ его мечтѣ: въ жизни Изора, которую онъ и назвалъ своей Розой, измѣнила: измѣнила прежде всего своей большой и, казалось, неутолимой тоскѣ, своимъ вѣщимъ снамъ и предалась юношѣ Алискану въ избыткѣ чувственнаго, но вовсе не вѣщаго опьяненія.

Страшные сны миновались.
Сны мнѣ снились
Лишь о тебѣ.

Но Бертранъ умираетъ въ вѣрности своей мечтѣ, своей Розѣ, своей Изорѣ, которая сама отреклась отъ всякой мечты. Въ немъ нѣтъ ни презрѣнія, ни злобы, которыхъ было такъ много въ еще недавнихъ стихахъ Блока—злобы къ невидящимъ (хотя бы въ „Вольныхъ мысляхъ"). Теперь его герой слишкомъ знаетъ свою правду—правду „выцвѣтшаго креста"—и горечь своей судьбы и неизбѣжность „радости - страданья" въ мірѣ.

Счастлива будь, Изора.
Мальчикъ красивый
Лучше туманныхъ и страшныхъ
сновъ!...
...О какъ далекъ отъ тебя, Изора,
Тотъ феей данный,
Тотъ выцвѣтшій крестъ!
...Цвѣти, о роза,
Въ саду заповѣдномъ...

Въ этихъ предсмертныхъ словахъ Бертрана раскрытъ смыслъ основныхъ символовъ драмы—розы и креста и двухъ судебъ, съ ними связанныхъ. А трогательная и мудрая мука Бертрана говоритъ о томъ, что Блокъ, который былъ поэтомъ влюбленности, страстности и негодованія, становится, быть можетъ, поэтомъ любви. Недаромъ и въ сердцахъ современниковъ онъ, быть можетъ, одинъ изъ немногихъ вызываетъ не холодное признаніе заслугъ, а живую любовь къ себѣ.

Внѣшность драмы въ полномъ соотвѣтствіи съ ея строгимъ и мрачнымъ идейнымъ смысломъ: строгая, скупая на слова, на діалоги, даже на ремарки. Сжато, быстро и живо движется дѣйствіе, этой живости помогаетъ разнообразіе формы: чередуются проза, стихи риѳмованные, нериѳмованные ямбы и прерывистыя „вагнеровскія" строки (какъ въ нашихъ цитатахъ). Послѣднія своимъ лирически-медленнымъ ритмомъ могутъ легко помѣшать драмѣ развиваться съ нужной для нея стремительностью, но магія блоковскаго слова такъ велика, что эта опасность почти вездѣ побѣждена. Наибольшая магичность—въ почти неуловимыхъ сознаніемъ, но непосредственно гипнотизирующихъ звукахъ пѣсни Гаетана:

Реветъ ураганъ,
Поетъ океанъ,
Кружится снѣгъ,
Мчится мгновенный вѣкъ,
Снится блаженный брегъ...

Драма, намѣренно скупая во всемъ, скупа и въ историческомъ колоритѣ, но каждая ея подробность дышитъ подлиннымъ средневѣковьемъ. Послѣдняя сцена—ночная стража Бертрана у оконъ любовниковъ—какъ бы выхвачена изъ романскихъ альбомъ—„пѣсенъ разсвѣта". Воинственный деспотъ графъ, сластолюбецъ-капелланъ, докторъ, цитирующій Галена и Гиппократа, нарисованы нѣсколькими штрихами съ большимъ мастерствомъ. А главные образы драмы—томящаяся Изора, мечтатель-Гаетанъ и трагическій Бертранъ—должны остаться въ памяти прочитавшихъ драму навсегда. И какъ бываетъ всегда, когда въ нашу душу входятъ образы подлиннаго искусства, намъ уже трудно представить себѣ, что еще недавно мы не знали Изоры, Бертрана и Гаетана.

Василій Галаховъ.

3. О современной частушкѣ.

Б. П. Симаковъ. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Ярославль, 1913 г. Ц. 2 р.

Вниманіе, удѣляемое современной частушкѣ въ нашей литературѣ, далеко не соотвѣтствуетъ ни ея распространенности, ни ея роли въ народной жизни, ни ея значительности, наконецъ, какъ явленія искусства. И это, разумѣется, неслучайно. Причинъ такого несоотвѣтствія много, но главныхъ можно выдѣлить три: во-первыхъ, издавна зародившись, она лишь въ послѣднія $1^1/_2$—2 десятилѣтія стала быстро распространяться, а до того ютилась лишь въ отдѣльныхъ уголкахъ Россіи (напримѣръ, въ каменноугольномъ районѣ Донецкаго бассейна), невѣдомая никому, кромѣ непосредственныхъ ея создателей и, такъ сказать, потребителей; во-вторыхъ, она и сейчасъ еще находится въ процессѣ оформленія, а между тѣмъ слаборазвитая у насъ теоретическая работа изслѣдованія народнаго творчества именно въ силу своего слабаго развитія съ трудомъ справляется даже съ изученіемъ уже законченныхъ формъ народнаго творчества,—гдѣ тутъ поспѣть за частушкой! Наконецъ, третья причина, обусловленная самымъ существомъ частушки, пожалуй, самая серьезная: она заключается въ рѣзкомъ противорѣчіи между тѣмъ искусствомъ, какое представляетъ изъ себя частушка, и искусствомъ, къ которому въ настоящее время тяготѣетъ массовая публика.

„Софія", „Старые годы", „Русская икона", „Аполлонъ", Треченто, Кватроченто, Боттичелли, Фра-Анжелико, Старинный театръ, Ванда Ландовская, старая живопись, старая музыка, старая архитектура, старинныя ткани, примитивъ и еще примитивъ,—вотъ слова, лозунги и линіи современнаго эстетическаго движенія. Конечно, и Боттичелли и Треченто не со вчерашняго дня стали понимать и въ Россіи; весьма возможно даже, что подлинныхъ цѣнителей и любителей искусства Возрожденія, старинной музыки и проч. очень мало прибавилось за эти годы массовыхъ архаическихъ устремленій, и, напримѣръ, герои „Ключей счастья" гжи Вербицкой, предающіеся утѣхамъ любви не иначе, какъ въ присутствіи Вероніза и Тиціана, весьма въ этомъ смыслѣ подозрительны... Но я именно о снобизмѣ и говорю. Современное эстетическое движеніе оставитъ, конечно, свои благотворные слѣды на вкусахъ массовой публики, но сейчасъ доля снобизма въ немъ—громадная.

Надо ли доказывать, какъ мало успѣ дѣйствуетъ такое движеніе на тѣхъ, кто питаетъ его матеріаломъ? Если лѣтъ 15 назадъ еще можно было говорить о спросѣ и предложеніи въ области литературы и искусства въ высокомъ и сложномъ значеніи слова, какъ о ду-

ховномъ взаимодѣйствіи, то въ настоящемъ этотъ процессъ представляется уже гораздо элементарнѣе (исключенія, конечно, и сейчасъ бываютъ)...

Госпожа Публика *требуетъ* старины, Фра-Анжелико, Треченто; кто же ей рѣшится подать—

Я отца разунѣрялъ,
Чтобъ надѣлъ не закрѣплялъ;
Не послушалъ, укрѣпилъ:
Черезъ годъ, гляжу, пропилъ.

Вѣдь надобно вдуматься въ характеръ текущаго снобизма, въ его психологію: почему именно всѣмъ вдругъ захотѣлось старины? Почему героямъ г-жи Вербицкой подавай Треченто, ничего иного они знать не хотятъ? Да потому, конечно, что этотъ уходъ въ старину есть наиболѣе почетный, эстетическій и благородный уходъ отъ дѣйствительности. Безошибочный барометръ общественной энергіи—характеръ и направленіе господствующихъ массовыхъ эстетическихъ увлеченій. Когда въ 60-е годы молодые (да и не одни молодые) люди сплошь увлекались записываніемъ народной поэзіи, то это было не только слѣдствіемъ повышеннаго интереса къ дѣйствительности, но и симптомомъ дальнѣйшаго роста послѣдняго. Увлеченіе (и при томъ пассивное) старинной музыкой, Джотто и Боттичелли зачастую имѣетъ цѣлью не столько познать прошлое, сколько забыть настоящее.

А между тѣмъ частушка—символъ настоящаго, кипящаго, рождающагося на нашихъ глазахъ! Народъ творитъ ее буквально ежеминутно, а интеллигенція не выдѣляетъ изъ своей среды „делегатовъ", которые изучили бы ея рожденіе и жизнь и подѣлились затѣмъ своими изслѣдованіями,—это сейчасъ не требуется, не въ ходу. И вотъ—результаты: собираніемъ частушекъ занимаются, по большей части, деревенскіе интеллигенты, близкіе къ народу, но далекіе отъ литературы, инстинктивно чувствующіе, что это что-то нужное, важное и интересное (развѣ можетъ не быть важнымъ и интереснымъ народное творчество!); а систематизаціей и изученіемъ этихъ грудъ сырого матеріала некому позаняться. Сырой матеріалъ—и книга г-на Симакова: „въ нашу задачу,—заявляетъ онъ,—не входило подробное изслѣдованіе даннаго творчества, а всѣ наши старанія въ этомъ дѣлѣ были направлены къ одной лишь подготовительной работѣ для будущихъ изслѣдователей".

Это всегда такъ говорится, когда нѣтъ работниковъ! Всегда поминаютъ этого „будущаго изслѣдователя", когда чувствуются дефекты въ текущей работѣ... Большое спасибо г-ну Симакову и за то, что онъ сдѣлалъ, но вѣдь нельзя скрыть отъ себя и того, что безъ изслѣдованія и самое собираніе и опубликованіе не можетъ быть выполнено достаточно удовлетворительно. Вѣдь частушекъ—десятки тысячъ! Какія изъ нихъ предпочесть? Какъ ихъ распредѣлить въ книгѣ? Развѣ эти (главные) вопросы можно разрѣшить безъ предварительнаго изслѣдованія матеріала?... „Настоящій сборникъ,—читаемъ мы въ предисловіи,—составленъ изъ очень большого запаса собранныхъ частушекъ; выбраны изъ нихъ только тѣ, которыя по содержанію своему болѣе подходятъ къ тѣмъ отдѣламъ, на какіе подраздѣленъ сборникъ. Весь матеріалъ, не подходящій подъ избранныя рубрики, остался непапечатаннымъ по недостатку мѣста".

Итакъ, не содержаніе и характеръ частушекъ опредѣлили отдѣлы сборника, но, наоборотъ, какое-то апріорное подраздѣленіе (по какому признаку?) опредѣлило и бытіе въ сборникѣ и мѣсто частушки... Комментаріи, я думаю, излишни... А въ общемъ, сборникъ г-на Симакова—такой хаосъ и неразбериха, что и нарочито такого не создашь. Почему, напримѣръ, частушка 2836-я:

Изъ Питера пріѣхалъ я—
Любите дѣвушки меня;
Тальяночку новую привезъ
Она играетъ на семь верстъ,

почему она попала въ отдѣлъ „Хулиганщина",—едва ли кто объяснитъ... Такихъ примѣровъ можно привести великое множество.

И несмотря на этотъ хаосъ, на случайный подборъ частушекъ, какая живая, интересная книга! 3281 частушка въ книгѣ; я хотѣлъ ее „просмотрѣть", останавливаясь лишь на особенно интересныхъ отдѣлахъ, но это мнѣ *не удалось, я вынужденъ* былъ прочесть, частушку за частушкой, всю книгу.

Я беру наиболѣе грубую, озорную частушку:

По спинѣ ходила гиря,
По зубамъ ходилъ кулакъ,
По затылку кирпичина,
А по брюху толстый стягъ.

Да, грубая. Но нужна она или не нужна? Эстетическаго наслажденія она *сейчасъ* дать не можетъ, по познанію нашему она даетъ ли нѣчто? Несомнѣнно, даетъ. Она говоритъ фактомъ своего возникновенія и характеромъ своимъ о—пусть ужасной—бытовой чертѣ. А затѣмъ—эстетика... Мы съ истиннымъ наслажденіемъ читаемъ теперь новеллы Треченто и Кватроченто,—но чѣмъ онѣ были для современниковъ? Вѣдь Боккачіо—далеко не самый непристойный изъ новеллистовъ,—вѣдь были чудовищно-непристойные и грубые. Прошли вѣка, и „частушка Ренессанса",—новелла,—даетъ (и не мало) не только познанію нашему, но и нашимъ эстетическимъ запросамъ: данная литературная форма лежитъ передъ нами чистая, какъ препаратъ, не подавленная грубымъ житейскимъ фактомъ, ее создавшимъ, заслонявшимъ отъ многихъ современниковъ ее, какъ искусство.

Это самое происходитъ сейчасъ съ частушкой. Ея эстетика (т.-е. ея грубѣйшей части) въ будущемъ станетъ ясна даже для тѣхъ, кто сейчасъ презрительно на нее фыркаетъ, ибо народное творчество, какъ наиболѣе злободневное, особенно нуждается въ перспективѣ, въ удаленіи отъ глаза.

Пусть только читатель представитъ себѣ, что не онъ, а его праправнукъ читаетъ:

Милые родители,
Отдайте за учителя:
Онъ будетъ книжечки читать,
А я слухать да лежать!

Вѣдь это неоцѣнимо! Это такъ наивно и прелестно и въ то же время такъ ясенъ изъ этихъ прыгающихъ 4-хъ строчекъ психологическій рисунокъ нарушеннаго, переходного быта, что одинъ только футлярный эстетъ объявитъ это нѣтъ искусства. Вотъ мы изучаемъ по былинамъ міровоззрѣніе русскаго народа и проч., а эти 4 строчки развѣ менѣе пригодный для того матеріалъ?

И затѣмъ — ложно мнѣніе о грубости частушки, какъ таковой. Какъ и въ любомъ литературномъ родѣ, особенно народнаго творчества, здѣсь безчисленное множество оттѣнковъ, здѣсь вся громадная гамма человѣческой души и окрашивать ее въ одинъ цвѣтъ грубости столь же несправедливо, какъ новеллу Ренессанса — въ одинъ цвѣтъ непристойности. Сравните (по признаку грубости) слѣдующія двѣ частушки:

1) Не садись, фартовый, рядомъ:
У тебя рыло съ подварядомъ;
Разъ поцѣловался,—
Вся переблевалася.
2) Кабы знала свое счастье,
Лучше бъ не родилася:
Кабы я была хрустальна,
Взяла бы разбилася.

Развѣ не пропасть между настроеніемъ той и другой? Еще примѣръ:

Гдѣ мы съ миленькимъ смикались,
Тамъ цвѣточки расцвѣли;
Гдѣ мы съ милымъ разставались,
Ручеечки протекли.

Этотъ самостоятельно открытый образъ хрупкости („Кабы я была хрустальна"), эти чудесныя воплощенія радости—въ цвѣтахъ, скорби—въ ручьѣ,—не только подлинное искусство, но и

выразительное, тонкое искусство. Оно нисколько не уступаетъ въ смыслѣ образности и чистоты рисунка лучшимъ изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Тамъ, конечно, есть свои преимущества (богатство ритма, полнота тематической обработки), но и частушка имѣетъ свои преимущества: яркую и заразительную эмоціональность, при необычайной сжатости выраженія:

Заигралъ милый въ тальянку
За высокой за горой;
Захватилъ за ретивое,
Только вымолвила: ой!

или:

Мнѣ миленка жалко стало,
До вокзала провожала;
Не успѣла руку дать—
И машины не видать.

Насъ коробитъ, нашу (молодую) изысканность вкуса оскорбляютъ всѣ эти „тальянки", „миленки", „носовики" (носовой платокъ),—но лично мнѣ кажется, что въ этомъ пуризмѣ, въ этой боязни вульгарнаго—мало цѣннаго. Прирожденной или прочно усвоенной строгости эстетическаго вкуса здѣсь гораздо меньше, чѣмъ трусости, оглядки въ сторону господствующаго снобизма. А боязнь вульгарнаго сплошь да рядомъ есть, въ дѣйствительности, не болѣе, какъ непониманіе народнаго искусства, или, вѣрнѣе, невниманіе къ нему...

У меня какой умокъ,
Какъ у пятилѣточки;
Бережется скоро годъ
Отъ дролечки [1]) конфеточка.

Помилуйте: дролечка, конфеточка, вѣдь это пошлость! Нѣтъ, это удивительный образчикъ безыскусственной наивности. Безотносительно пошлыхъ словъ—нѣтъ въ природѣ, пошлымъ бываетъ лишь словоупотребленіе. И въ данномъ случаѣ напоенное искреннимъ чувствомъ примѣненіе словъ „дролечка" и „конфеточка" отъ пошлости далеко, какъ небо отъ земли.

[1]) Дроля—милый.

И вотъ—все это богатство лежитъ втуне, богатство, творимое на нашихъ глазахъ! Будемъ вѣрить, что это явленіе кратковременное, что ущербъ общественной депрессіи скажется и въ повышеніи интереса къ частушкѣ, этому зеркалу народной жизни, шлифуемому самимъ же народомъ.

А. Дерманъ.

4. Пушкинскій домъ въ Петербургѣ.

14 іюля 1907 года было Высочайше утверждено „Положеніе о Пушкинскомъ домѣ", первые параграфы котораго гласятъ такъ: „Пушкинскій домъ учреждается въ благоговѣйную память о великомъ русскомъ поэтѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, для собиранія всего, что касается Пушкина, какъ писателя и человѣка. „Пушкинскій домъ" предназначается также для храненія всего, что касается жизни и дѣятельности представителей русской изящной словесности. „Пушкинскій домъ" составляетъ государственное достояніе и находится въ вѣдѣніи Императорской Академіи Наукъ".

Только что изданный „Временникъ Пушкинскаго дома" за 1913 годъ впервые знакомитъ публику съ исторіей и современнымъ состояніемъ этого молодого учрежденія. Въ 1905 году, когда открытый за шесть лѣтъ до того всероссійскій сборъ на постройку памятника Пушкину въ Петербургѣ достигъ суммы, повидимому, достаточной для этой цѣли, — въ средѣ комиссіи, завѣдующей этимъ дѣломъ, возникла мысль на-ряду съ памятникомъ поэту создать какъ бы литературный Пантеонъ его имени, музей, гдѣ могли бы храниться реликвіи какъ самого Пушкина, такъ и другихъ дѣятелей русской словесности XIX вѣка,—и на этотъ предметъ направить всѣ суммы, какія дастъ дальнѣйшая подписка. Съ тѣхъ поръ, какъ было принято это рѣшеніе, прошло всего восемь лѣтъ; въ настоящее время

Пушкинскій музей занимаетъ 4 залы и вестибюль Академіи Наукъ и представляетъ собою уже замѣчательное собраніе книгъ, рукописей, портретовъ и вещей. Сюда поступили за эти годы: библіотека Пушкина, парижскій архивъ А. Ѳ. Онѣгина, библіотека и архивъ П. А. Плетнева, библіотека села Григорскаго, семейные портреты, хранившіеся въ Болдинѣ, архивъ Н. А. Добролюбова, архивъ поэта Садовникова, архивъ и библіотека Щеглова-Леонтьева, бумаги С. Е. Раича, множество „дѣлъ", имѣющихъ отношеніе къ русскимъ писателямъ, изъ архивовъ министерствъ, окружныхъ судовъ, губернскихъ правленій и пр. и пр.—всего до 25.000 книгъ и брошюръ, свыше тысячи рукописей и около 300 портретовъ, между которыми есть рѣдчайшіе. И коллекціи эти все растутъ и растутъ, обогащаемыя частью покупками, а всего больше пожертвованіями. Уже проектируется постройка спеціальнаго зданія, и современемъ Пушкинскій домъ станетъ, можетъ быть, настоящимъ дворцомъ русской литературы, какъ Третьяковская галлерея будетъ дворцомъ русской живописи, а Бахрушинскій музей—дворцомъ русскаго театра. И это будетъ, вѣроятно, первое въ мірѣ учрежденіе подобнаго рода, потому что спеціально-литературныхъ музеевъ, т.-е. общихъ, сколько намъ извѣстно, нигдѣ нѣтъ: существуютъ только частныя собранія, какъ Гетевское, Ницшевское, Толстовское.

О научной цѣнности такого музея нѣтъ надобности распространяться; само собою понятно, какъ удобно будетъ для редактора сочиненій, для изслѣдующаго жизнь или творчество писателя найти здѣсь сосредоточенными рукописи и письма, предметы обиходъ и портреты изучаемаго автора. Понятно также, какъ многое, иначе, можетъ быть, обреченное на исчезновеніе, удастся сохранить просто въ силу наличности такого сборнаго мѣста, или же благодаря заботливости и розысканъ завѣдующихъ музеемъ. Но есть и другая сторона дѣла, менѣе явная. Дворецъ русской литературы будетъ имѣть большое воспитательное значеніе. Человѣческая душа такъ устроена, что она сильнѣе чувствуетъ духовное въ вещественномъ, нежели тамъ, гдѣ оно отрѣшено отъ великой вещественности, на этомъ основана обрядность всѣхъ религій. Пусть кто хочетъ называетъ фетишизмомъ то волненіе, которое мы испытываемъ, разглядывая сквозь стекло витрины подлинную рукопись „Мертвыхъ душъ", или даже писменный столъ Тургенева въ Радищевскомъ музеѣ,—это чувство естественно и неискоренимо; и такъ какъ фетишизмъ неискоренимъ въ насъ, то, очевидно, вся забота воспитателя должна быть посвящена выбору того, *на что* направить вещественное обожаніе воспитанника. Я нисколько не защищаю „пассеизма", не предлагаю окружать нашихъ дѣтей вещами прошлаго; но я думаю, что вещи, созерцаніе которыхъ способно вызывать въ душѣ наиболѣе чистыя духовныя эмоціи, дѣйствуютъ благотворно, и что именно такое воспитательное дѣйствіе будетъ оказывать на посѣтителей литературный музей. Смутно и неразложимо для сознанія будетъ чувство, которое унесетъ отсюда юноша, но это чувство будетъ однородно съ тѣмъ, какое пробуждаетъ въ душѣ сама поэзія:

> ...Вздохнетъ о славѣ младость,
> Утѣшится безмолвная печаль
> И рѣзвая задумается радость.

Пожелаемъ же успѣха основателямъ Пушкинскаго дома въ ихъ дальнѣйшей дѣятельности. Первый отчетъ, изданный ими, очень хорошъ; здѣсь нѣсколько прекрасныхъ иллюстрацій—виды комнатъ музея, фасимиле Пушкина, Гоголя, Ал. Григорьева, Чехова, Н. А. Добролюбова; главная же цѣнность „Временника"—данное въ приложеніи образцовое описаніе Добролюбовскаго архива, составленное г. Н. Княжни-

нымъ. Дальнѣйшіе выпуски „Временника“ обѣщаны ежегодно къ 29 января, дню кончины Пушкина.

М. Гершензонъ.

5. Литературная зима.

Поэтическія утра.—Стихотворенія.—Романы.

Письмо изъ Парижа.

Новый литературный сезонъ въ Парижѣ озваменовался какимъ-то безпокойнымъ и воодушевленнымъ порывомъ къ поэзіи... Словно невидимая волна энергіи, со всей силой, вдругъ коснулась приподнятаго чела новаго поколѣнія, и оно вдругъ поняло и съ радостью признало, какъ необходима была творческая дѣятельность поэтовъ старшаго поколѣнія.

Безспорно, за послѣднее десятилѣтіе, и даже больше, французская поэзія переживала періодъ упадка. Вновь вспоминались слова Верлэна о риторической мудрости, еле влачащей свое существованіе, которая не болѣе какъ „литература“... Но сама эта поэзія хвалилась тѣмъ, что она „реакція“, пришедшая на смѣну Символизма и Научной Поэзіи...

„Литература“, по Верлэну, есть выраженіе такого времени, когда чувство, мысль и поэтическое слово, вполнѣ естественно и какъ бы безсознательно, замѣняются литературными темами и мнемотехнически-обобщенными пріемами рѣчи. Именно такое время переживали мы. Было явно, что поэтическая воспріимчивость утратила ту утонченность, ту сложность, тотъ великій индивидуальный тактъ, которые отличали предыдущее поколѣніе. Не чувствуя въ себѣ порывовъ новой воли для возсозданія заново Міра (ибо таковъ истинный смыслъ всякой поэзіи) и въ то же время ничѣмъ глубоко не связанные со своими предшественниками, новопришедшіе охотно слушали тенденціозное ученіе тѣхъ, кого не могла обезоружить даже ненависть къ „новаторамъ“. И тогда-то, на-ряду съ другими, Сюлли Прюдомъ обнародовалъ свою странную метрическую теорію „малѣйшаго усилія“, пригодную для темъ, также не требующихъ никакого усилія, цѣль которой—освободить слухъ отъ всякаго удивленія и сознаніе—отъ всякаго напряженія вниманія.

У насъ воцарился такимъ образомъ нео-классицизмъ и нео-романтизмъ. Чтобы не возбуждать ничьего изумленія, полагалось передѣлывать то, что было сдѣлано раньше и что мало-по-малу всплывало въ памяти, какъ простѣйшій ритмъ. Впрочемъ, Сюлли Прюдомъ, поэтъ, чьи поэтическіе опыты (ради его философскихъ устремленій) я когда-то защищалъ, хотя все наше поколѣніе ихъ безжалостно отвергало, посовѣтовалъ своимъ новымъ читателямъ заимствовать кое-что изъ ненавистныхъ ему теорій, умѣло ихъ приспосабливая. И „новаторы“, усвоивъ это ученіе, стали бѣгло пользоваться чужими идеями, конечно, не понимая ихъ, но „передѣлывая и поддѣлывая подъ буржуазные вкусы“, какъ писалъ когда-то въ *Mercure de France* незабвенный Пьеръ Килларъ.

Были, конечно, и счастливыя исключенія, не говоря уже о тѣхъ произведеніяхъ, которыя давали намъ Верхаренъ и Вьеле Гриффинъ, въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія, съ величайшимъ мастерствомъ слова и мысли. Но замѣчательно, что въ эти годы наибольшую воспріимчивость проявили женщины-поэты и что именно онѣ были ближе всѣхъ къ тому великому поэтическому поколѣнію, которое придало стихотворному творчеству чисто симфоническое расположеніе и, черезъ теорію „научной поэзіи“, всеобщее значеніе. Жанъ де Гурмонъ, печатая свою антологію „Современныхъ Музъ“ („les Muses d'aujourd'hui“), вполнѣ ясно отмѣтилъ исключительное мѣсто женской поэзіи этого времени. Такіе поэты, какъ Мари

Доге, Далярю-Мардрюсъ, Жанна Нордріэль Весслеръ, засвѣтили, къ нашей чести, о наши пылающіе факелы вдохновенія своихъ страстныхъ душъ.

Рѣдко бываетъ, чтобы новое въ области духовнаго творчества являлось совершенно самостоятельно. Можно сказать, что почти всегда фундаментъ новаго индивидуальнаго художественнаго произведенія складывается изъ вновь возстановленныхъ прежнихъ идей, изъ устремленій и намѣреній, или не вполнѣ еще осуществленныхъ или сохранившихъ въ себѣ достаточно энергіи для того, чтобы быть примѣненными заново по прошествіи вѣковъ. Въ исторіи французской литературы мы видимъ, какъ все поразительно-логично развивается. Въ настоящее время уже проявляются, пока еще разрозненные, конечно, признаки, которые позволяютъ думать, что духъ новый поэзіи приближается къ творчеству поэтовъ предшествующаго поколѣнія.

Признакъ того возвращенія къ Поэзіи, о которомъ былъ рѣчь выше, мы усматриваемъ прежде всего въ организаціи ряда поэтическихъ утръ, эклектически объединившихъ этой зимой значительное число поэтовъ и сумѣвшихъ заинтересовать и привлечь широкіе круги публики. Раньше у насъ бывали „поэтическія утра", устраивавшіяся Осеннимъ Салономъ. Но самая идея такихъ утръ получила новое развитіе послѣ опыта театра Антуана, организовавшаго, въ честь Малларме, торжественное чтеніе стиховъ тѣхъ, нынѣ всѣми признанныхъ и знаменитыхъ поэтовъ, которые когда-то были бливки къ безупречному учителю. Три такихъ утра было устроено въ сентябрѣ этого сезона поэтомъ Эдуардомъ Дюжарденомъ; они удались прекрасно и память о нихъ сохранится долго. Въ томъ же театрѣ Антуана вслѣдъ затѣмъ былъ устроенъ цѣлый рядъ поэтическихъ собраній, на которыхъ была представлена вся исторія поэзіи за двадцать лѣтъ. А новый художественный театръ „théâtre du Vieux Colombier", во главѣ котораго стоитъ Жакъ Копо, театръ синтетическихъ исканій въ области разумнаго упрощенія декорацій, театръ, гдѣ работаютъ интеллигентные артисты, далъ намъ рядъ представленій высокаго литературнаго значенія. Здѣсь по субботамъ, кромѣ обычныхъ спектаклей, читались стихи поэтовъ, новыхъ и прежнихъ. Но еще раньше того, [illegible] прошлаго года, уже существовалъ „Théâtre Réalisme", директоромъ котораго состоитъ молодой поэтъ Карлосъ Ларронда. Спектакли этого театра и періодическія чтенія стиховъ въ немъ создали здѣсь рѣдкую и полную вкуса атмосферу.

Всѣмъ этимъ духовнымъ празднествамъ мы тѣмъ болѣе радуемся, что долгое время были ихъ лишены. Ихъ устроители принадлежатъ къ молодому, почти „новѣйшему" поколѣнію, и поэтому слѣдуетъ особенно подчеркнуть, что во всѣхъ программахъ на первыхъ мѣстахъ стояли имена поэтовъ старшихъ. Мнѣ думается, что такое благородное стремленіе—знакомить съ творчествомъ недавняго прошлаго, бывшаго повѣтрія великой поэтической эпохой, — надо признать въ высшей степени полезнымъ какъ для современныхъ поэтовъ, такъ и для публики нашихъ дней, съ ея стремительной и тревожной жизнью, не оставляющей времени для чтенія. Нѣтъ сомнѣнія, что молодые поэты получили на этихъ чтеніяхъ какъ бы нѣкоторое откровеніе и теперь лучше уяснятъ себѣ все значеніе музыкальнаго слова и гармонически размѣренной рѣчи, со всей силой ея ритмической энергіи: все то, что оставалось невѣдомо промежуточному поколѣнію, лишенному всякаго значенія въ исторіи поэзіи.

Скажу, однако, что, къ сожалѣнію, чуткая и воспринимчивая душа поэтовъ почти не находила отклика въ душѣ чтецовъ или чтицъ, даже когда въ ихъ роли выступали прославленные и по справедливости оцѣненные артисты

Comédie Française, Одеона и др. нашихъ театровъ. Мы могли убѣдиться еще разъ въ томъ, что уже давно знали: артисты нашихъ театровъ, по большей части, не умѣютъ читать стиховъ, и тѣмъ болѣе стиховъ современныхъ, построенныхъ на музыкальности слова и на глубокой интенсивности чувствъ, облекающихъ мысль, которая вибрируетъ въ гармоніи съ универсальнымъ ритмомъ. Артисты слишкомъ часто понимаютъ стихотворенія лишь приблизительно, ощущаютъ ихъ слишкомъ искусственно и къ тому же въ противорѣчіи со смысломъ; а что до интуиціи и ритмическихъ познаній артистовъ, то—какъ они ими бѣдны!

Поэтому я хочу назвать одно имя (вмѣсто того, чтобы о немъ поговорить подробнѣе, какъ оно того заслуживаетъ), хочу отмѣтить неожиданный, удивительный и полный энтузіазма пріемъ, какой оказали одной очень молоденькой дѣвушкѣ—чтицѣ стиховъ—писатели, литераторы и вся публика, гдѣ бы эта дѣвушка ни выступала этой зимой. Зовутъ ее Вильма Кнапъ (Knaap), принадлежитъ она къ яванскому племени, и родомъ она изъ Батавіи.

Figaro (іюнь, 1912 г.), на своей первой страницѣ, привѣтствовалъ дебютъ этой семнадцатилѣтней артистки, прочитавшей, при открытіи памятника, стихотвореніе, заказанное мнѣ въ честь національнаго португальскаго поэта Камоэнса. Послѣ того m-lle Кнапъ рѣдко выходила на эстраду, но въ нынѣшнемъ году стала появляться передъ избранной публикой, неустанно выступая какъ чтица-художница на поэтическихъ утрахъ. Поочередно она становилась толкователемъ души и ритма поэтовъ старшаго и новаго поколѣнія, и ей удавалось передать и цѣломудренную страсть Дебордъ Вальморъ и іератическія, чисто мыслительныя эмоціи Стефана Малармэ.

Искусство Вильмы Кнапъ не походитъ на искусство другихъ,—оно просто и мудро, но проникнуто тайной, захватывающей мысль и сердце... Дѣвушка эта произноситъ стихи (не читаетъ, какъ всѣ другіе), принимая при этомъ какъ бы священную позу и укрываясь своимъ особеннымъ жестомъ, выражающимъ то передаваемый ею образъ, то самый ритмъ стиховъ. Жестъ этотъ заимствованъ ею и перенесенъ къ намъ изъ ритуальныхъ жестовъ яванскаго танца. „Поэты и обычная публика поэтическихъ утренниковъ называютъ Вильму Кнапъ Сказительницей Стиховъ (Diseuse de Poème),—писалъ *Gil Blas* (декабрь, 1912 г.),—и ей поэты должны поручать защиту своего дѣла“. Поль Форъ, извѣстный король поэтовъ, прослушавъ m-lle Вильму Кнапъ на одномъ изъ утренниковъ въ театрѣ Антуана, говорилъ, что только она или только поэты могутъ такъ чувствовать и передавать Поэзію.

—

Выше я говорилъ объ особенной чуткости предыдущей эпохи — эпохи Символизма и Научной Поэзіи—къ жизни словъ, когда они были такъ проникнуты мыслью и чувствомъ поэта, что выражали гораздо больше, чѣмъ выражаютъ въ повседневномъ разговорномъ языкѣ. Особая поэтическая энергія поэзіи этого періода основана преимущественно на словесной музыкальности и ритмикѣ метровъ.

Все это мы вновь находимъ у Эдуарда Дюжардэна [1]) въ изданіи ne varietur его стихотвореній. И не напрасно выявляется здѣсь вся прелесть словесной музыки! Вся жизнь чувства проникнута здѣсь сладостной и захватывающей меланхоліей, съ неустанно звучащими строгими нотами, но въ то же время это—пѣснь юности, возрождающейся и какъ бы распускающей молодую листву подъ яркими лучами солнца... Съ самаго начала мнѣ все вспоминались слова автора изъ его трогательнаго предисловія: „Надо воспѣвать истину,

---

[1]) *Edouard Dujardin*. „Poésies“. *Mercure de France*, édit.

надо всю свою жизнь посвятить истинѣ, которую самъ создалъ для себя, надо новой истиной обновить свою жизнь".

Въ лѣтнемъ воздухѣ иногда чувствуется нѣкое торжество, какое-то духовное напряженіе радости, которое временами становится сильнѣе Жизни и превращается въ безконечную и грустную ясность, но безъ горечи для устъ, хранящихъ неизъяснимую улыбку... Такое торжество таитъ въ себѣ книга Эдуарда Дюжардэна: его стихи пронизываютъ насъ счастливыми и нѣжными лучами. Сколько изящества и очаровательной чистоты, еще усиленныхъ святымъ и почти страшнымъ чувствомъ страданія, заключено въ двухъ стихотвореніяхъ „Memoraro", которыя хочется скорѣе лепетать, чѣмъ произносить! Поэтъ достигаетъ высшей силы выраженія, когда, съ материнскимъ благоговѣніемъ и съ отеческой тоской, онъ окружаетъ поклоненіемъ божественное и трепетное тѣло дѣвственницы и потомъ, съ горестнымъ рыданіемъ, говоритъ о мучительной минутѣ, превращающей ее въ женщину. Въ этихъ стихахъ есть невыразимое очарованіе. Сборникъ поэмъ Э. Дюжардена — какъ бы новая „Пѣсня Пѣсней" въ самой современной трактовкѣ сюжета: пламя и холодъ одновременно, благоуханіе, слитое съ ароматомъ жизни, исходящее отъ рукъ, жадно ищущихъ радости жизни, и смѣхъ и рыданіе вмѣстѣ...

Отъ книги Эдуарда Дюжардэна, принадлежащаго къ Старшему поколѣнію, я перейду естественно къ книгѣ Карлоса Ларронда, поэту новому. Его произведенія какъ бы иллюстрируютъ и подтверждаютъ мою мысль о близости современной молодежи къ творчеству ихъ предшественниковъ. К. Ларрондъ, благодаря устраиваемымъ имъ поэтическимъ собраніямъ, вполнѣ доказалъ, что его можно причислить къ лучшимъ силамъ среди вновь выступающихъ и формирующихся дарованій.

Сборникъ стиховъ К. Ларронда [1]) „Livre d'heures" (Молитвенникъ) показываетъ намъ, несомнѣнно, исключительный темпераментъ, большую чуткость и индивидуальность воспріятій. Поэтъ явился къ намъ безъ предвзятыхъ идей и формулъ той или другой школы, хотя его творчество, весьма самостоятельное, и наполнено отголосками поэтовъ старшаго поколѣнія. Онъ просто, искренно отдается впечатлѣніямъ отъ жизни и отъ природы, и, возсоздавая міръ, умаетъ самого себя, и, творя, находитъ отзвуки пѣсенъ, сложенныхъ раньше него. Окончательное впечатлѣніе отъ книги таково: К. Ларрондъ умѣетъ давать характеристики, умѣетъ найти отношенія каждаго проявленія съ міровымъ цѣлымъ и благодаря этому дать впечатлѣніе обобщающее. Этого достаточно, на нашъ взглядъ, какъ мы уже не разъ доказывали, чтобы быть причисленнымъ къ истиннымъ поэтамъ.

Перейдемъ къ романамъ. Многіе видѣли въ прекрасномъ романѣ Шарля Женіо „Океанъ" слишкомъ близкое сходство съ увѣнчанной Академіей Гонкуровъ книгой Марка Эльдера... Ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ; сходство обоихъ произведеній лишь въ томъ, что тотъ и другой авторъ одинаково изучали Бретань и ея морскіе нравы. Характерное и положительное несходство этихъ произведеній — въ томъ, что романъ Женіо заключаетъ въ себѣ всю книгу Эльдера, какъ цѣлое заключаетъ въ себѣ часть. „Морской народъ" М. Эльдера [2]) дѣлится на три части, вѣрнѣе—на три длинныхъ разсказа, объединяемыхъ между собою лишь тѣмъ, что всѣ проникнуты одной и той же тоской и неустанной борьбой за существованіе,

---

[1]) *Carlos Larronde.* „Le livre d'heures". Figuière et C-ie, édit.

[2]) *Marc Elder.* „Le peuple de la Mer". Ondin éd. Paris, 1913.

борьбой съ коварствомъ моря. Первая часть—разрывающее душу описаніе недолгаго существованія рыбачей лодки и ея гибели вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ. Во второй части—женщина. Авторъ сливаетъ видѣніе о женскомъ тѣлѣ съ жизнью матросовъ, заставляетъ женщину, въ жизни полной тоски и унынія, подстрекать къ опьяняющимъ опасностямъ... И, наконецъ, въ третьей части говорится о притягательной силѣ моря, о зовѣ моря, о которомъ тоскуютъ и которое властвуетъ надъ бретонскими моряками, безпрестанно замѣняющими одни другихъ, тѣхъ, что погибли въ волнахъ. Житейскія подробности—живописно-истинны и проникнуты чувствомъ; есть страницы, которыхъ нельзя читать безъ волненія.

Но должно еще въ большей степени, со всѣмъ восторгомъ, преклониться передъ писателемъ, вѣрнѣе поэтомъ, Шарлемъ Женіо, написавшимъ героическую книгу „Океанъ". [1]) Здѣсь также—какія эпическія страницы! Скалы и приливы, человѣческія груди въ борьбѣ со стихіей! Кажется, что бурное дыханіе моря дышитъ отъ этихъ главъ романа, сливаясь съ черными порывами сѣверо-восточнаго вѣтра. И какой силой чувства проникнутъ разсказъ! сколько въ немъ тоски по родномъ! Какъ хорошъ образъ молодой пѣвицы-рыбачки Шанны Рузъ (т.-е. Jeanne la Rousse), танцующей въ память тысячелѣтія Азіи, откуда происходитъ, вѣроятно, таинственное племя бретонцевъ.

Да, это Океанъ! Книга по праву можетъ называться именемъ необъятной водной стихіи, которая яростно сотрясаетъ Бретанскій полуостровъ, напоминающій собою огромный сѣвшій на мель корабль. Авторъ представляетъ себѣ, что эта скалистая страна когда-нибудь въ незапамятные дни отдѣлялась отъ материка. Черезъ всю книгу проходитъ какое-то таинственно непонятное воспоминаніе этой земли. И люди живущіе на ней,—не здѣшніе люди, у нихъ одна страсть — броситься въ тоскующую пучину волны со всей первобытной животной радостью, которая сильнѣе смерти.

Я не могу вдаваться въ подробности, говорить о дѣйствующихъ лицахъ, преисполненныхъ жизненной силы, всегда готовыхъ на подвиги духа. Хотѣлось бы передать каждое мгновеніе моихъ волненій и моего восторга... Герой, истинный герой, не умѣющій дать имени своимъ дѣяніямъ, умираетъ въ морѣ, черезъ море. Далѣе слѣдуетъ прекрасная страница, истинная находка художника, отъ которой содрогаешься... Матросы, принося его (героя романа) домой, приносятъ мертвымъ, но въ стоячемъ положеніи, на его лицѣ все еще виднѣется выраженіе твердой воли, желаніе вновь спасать себѣ подобныхъ.

Все время, пока читаешь эту книгу, и по прочтеніи ея, уже въ памяти, неотступно стоитъ предъ глазами видѣніе Океана, никогда не знающаго спокойствія и тщетно ищущаго равновѣсія.

Это—выдающаяся книга нынѣшняго года и лучшее произведеніе Шарля Женіо.

Рене Гиль. [1])

6. Германъ Августовичъ Ларошъ

(род. 13 мая 1845 г., † 7 октября 1904 г.)

„Музыкально - теоретическая библіотека въ Москвѣ" предприняла изданіе музыкально-критическихъ статей Г. А. Лароша. Вышелъ первый томъ, содержащій все, что написано Лароше́мъ о Глинкѣ, и статьи общаго характера. Вступительную статью далъ М. И. Чайковскій, близкій другъ писателя; воспоминанія о Ларошѣ далъ проф. Н. Д. Кашкинъ, учившійся музыкѣ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Ларошемъ и бывшій съ нимъ въ близкихъ отно-

[1]) *Charles Géniaux.* „L'Océan". Fasquelle et C-ie éd. Paris, 1913.

[1]) Переводъ съ рукописи.

шеніяхъ до 1870 г. Руководство изданіемъ взяла на себя комиссія, состоящая изъ слѣдующихъ лицъ: Е. В. Богословскій, Н. Д. Кашкинъ, С. И. Танѣевъ, М. И. Чайковскій и Ю. Д. Энгель.

Ларошъ писалъ статьи о музыкѣ въ теченіе 37 лѣтъ, и собраніе его статей представляетъ важнѣйшій матеріалъ для изученія исторіи русской художественной музыки, считающей всего на всего седьмой десятокъ жизни (съ постановки „Жизни за царя" 27 ноября 1836 г.). Но было бы ошибочно разсматривать статьи Лароша только съ этой точки зрѣнія. Статьи эти имѣютъ гораздо большее и притомъ непреходящее значеніе для каждаго, кто хочетъ не только получать удовольствіе отъ музыкальныхъ воспріятій, но и выработать сознательно нѣкоторыя основанія для критической оцѣнки музыкальныхъ явленій и, значитъ, для сознательнаго пониманія музыки. При чрезвычайной бѣдности нашей литературы о музыкѣ статьи Лароша имѣютъ огромное значеніе для рѣшенія нѣкоторыхъ общихъ теоретическихъ вопросовъ (наприм., о національномъ характерѣ музыки, о преподаваніи теоріи музыки, о содержаніи и формѣ въ музыкѣ и др.). Но и относительно частныхъ вопросовъ, оцѣнки значенія того или иного композитора, того или другого сочиненія, Ларошъ, благодаря своимъ знаніямъ и выдающемуся литературному таланту, будетъ, я надѣюсь, имѣть самое благодѣтельное вліяніе на развитіе вкуса и пониманія музыки среди нашихъ музыкантовъ и нашей публики.

Въ своей вступительной статьѣ М. Чайковскій очень обстоятельно указываетъ, какое вліяніе имѣлъ Ларошъ въ свое время своими статьями и личнымъ авторитетомъ на двухъ главныхъ представителей русской композиціи: на Чайковскаго и Римскаго-Корсакова. Если вліяніе Лароша на Чайковскаго можно отчасти объяснить тѣсной дружбой, связывавшей этихъ двухъ музыкантовъ во всю ихъ жизнь, то такое объясненіе совсѣмъ неприменимо по отношенію къ Римскому-Корсакову. Какъ это вполнѣ наглядно видно изъ посмертной книги этого композитора „Лѣтопись моей музыкальной жизни", Римскій-Корсаковъ питалъ къ Ларошу настоящую ненависть, для которой не было никакихъ основаній въ личныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ людей. Любопытно, что, когда Римскій-Корсаковъ писалъ свою „Лѣтопись", онъ уже давно отрекся отъ „самобытныхъ" идей балакиревскаго кружка и вступилъ именно на тотъ путь пріобрѣтенія композиторской техники, который такъ настойчиво указывалъ Ларошъ. Вотъ что писалъ въ 1877 г. Чайковскій объ этомъ переворотѣ у Римскаго-Корсакова: „Онъ такой же самоучка, какъ и остальные (члены балакиревскаго кружка), но въ немъ совершился крутой переворотъ. Это натура очень серьезная, очень честная и добросовѣстная. Очень молодымъ человѣкомъ онъ попалъ въ общество лицъ, которыя, во-первыхъ, увѣрили его, что онъ геній, а во-вторыхъ, сказали ему, что учиться не нужно, что школа убиваетъ вдохновеніе, сушитъ творчество и т. д. ...Корсаковъ, единственный изъ нихъ, которому лѣтъ пять тому назадъ пришла въ голову мысль, что проповѣдуемыя кружкомъ идеи въ сущности ни на чемъ не основаны, что ихъ презрѣніе къ школѣ, къ классической музыкѣ, ненависть авторитетовъ и образцовъ есть не что иное, какъ невѣжество. У меня хранится одно письмо его этой эпохи; оно меня глубоко тронуло и потрясло. Онъ пришелъ въ великое отчаяніе, когда увидѣлъ, что столько лѣтъ прошло безъ всякой пользы... И онъ сталъ учиться"... (*Модестъ Чайковскій*, „Жизнь П. И. Чайковскаго".)

Я не пойду такъ далеко, какъ М. Чайковскій, который говоритъ, что Римскій-Корсаковъ, какъ музыкальный дѣятель, „прямо ученикъ Лароша". Но цитаты, приводимыя Чайковскимъ изъ статей Лароша (1869 и 1872 гг.) и изъ

„Лѣтописи“ Римскаго-Корсакова, весьма убѣдительно показываютъ силу вліянія музыкальнаго критика на убѣжденія композитора.

Приведу еще примѣръ вліянія Лароша. Въ своей замѣчательной книгѣ „Подвижной контрапунктъ“ С. И. Танѣевъ (московскій), одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ композиторовъ и учителей композиціи, пишетъ: „Я посвящаю эту книгу памяти Г. А. Лароша, статьи котораго имѣли большое вліяніе на направленіе моей музыкальной дѣятельности“ (1906 г.).

Писатель, который могъ имѣть такое вліяніе на столь сильныя музыкальныя индивидуальности, какъ Чайковскій, Римскій-Корсаковъ и С. Танѣевъ, и притомъ столь различныя между собой, представляетъ явленіе замѣчательное, и нужно желать, чтобы значеніе его для композиторовъ настоящаго времени было не меньше, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка и позже. Тогда образцами для русскихъ композиторовъ „могучей кучки“ были: Берліозъ, Шуманъ и Листъ (Вагнера они не признавали). Теперь наша молодежь хочетъ воспитываться на Штраусѣ, Скрябинѣ, Шенбергѣ, по отношенію къ которымъ названные авторы, когда-то передовые, являются просто невинными младенцами.

Чтобы понять причину такого вліянія Лароша на современныхъ ему композиторовъ, нужно посмотрѣть, каковы были тѣ данныя, которыя послужили основою его писательской дѣятельности.

Ларошъ родился въ Петербургѣ 13 мая 1845 г. Отецъ его былъ учителемъ французскаго языка, мать его, урожденная Фредерици, тоже была учительницей. Ей именно Ларошъ всецѣло обязанъ былъ своимъ образованіемъ (онъ хорошо зналъ русскій, французскій, нѣмецкій и англійскій языки) до 15-лѣтняго возраста. Будучи уже 16-лѣтнимъ юношей, Ларошъ не выходилъ изъ дому безъ провожатаго (въ это время Ларошъ съ матерью жили въ Москвѣ, гдѣ его мать давала частные уроки) и не читалъ ни одной книги безъ предварительнаго разрѣшенія матери. Бо́льшая свобода наступила для мальчика съ 1860 года, когда онъ началъ заниматься на роялѣ у А. И. Дюбюка и подружился съ Н. Д. Кашкинымъ, тоже ученикомъ Дюбюка. Но еще до поступленія къ Дюбюку Ларошъ далеко подвинулся въ музыкѣ, такъ какъ уже десятилѣтнимъ мальчикомъ сочинилъ увертюру и маршъ, которые даже были исполнены оркестромъ князя Волконскаго въ Зарайскѣ. Дюбюкъ призналъ фортепіанныя способности Лароша недостаточными, но тѣмъ болѣе обратилъ вниманіе на его композиторскія данныя. Два смычковыхъ квартета, сочиненные Ларошемъ подъ руководствомъ Дюбюка, были доставлены на просмотръ основателю (въ 1862 г.) с.-петербургской консерваторіи Антону Рубинштейну, и онъ немедленно предложилъ Ларошу поступить стипендіатомъ въ петербургскую консерваторію. Пришлось разстаться съ матерью, которая не могла покинуть Москву, и зажить самостоятельной жизнью.

Въ консерваторію Ларошъ поступилъ гораздо болѣе подготовленнымъ по музыкѣ, чѣмъ всѣ его товарищи, въ числѣ которыхъ былъ и П. И. Чайковскій, съ которымъ Ларошъ вскорѣ подружился на всю жизнь. Своимъ товарищамъ Ларошъ въ высшей степени импонировалъ какъ своими музыкальными познаніями, такъ и общимъ образованіемъ и природнымъ умомъ. Въ консерваторіи Ларошъ пробылъ съ 1862 г. до 1866 г. и здѣсь изучалъ теорію музыки у Зарембы, а свободное сочиненіе—у Антона Рубинштейна. О преподаваніи въ консерваторіи въ то время имѣются ярко написанныя воспоминанія Лароша въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“. Въ этихъ воспоминаніяхъ Ларошъ не упоминаетъ однако, что его личныя занятія шли столь плохо, что Антонъ Рубинштейнъ, ненавидѣвшій лѣнь, даже предполагалъ лишить Лароша стипендіи. Именно въ консерваторіи обнаружилась одна черта въ ха-

рактерѣ Лароша, которая была камнемъ преткновенія къ продуктивной работѣ во всю его жизнь. Онъ страдалъ непобѣдимою, чисто болѣзненною лѣнью, вслѣдствіе которой онъ безъ внѣшняго, и самаго сильнаго, побужденія (вродѣ опасности умереть съ голоду) не могъ вообще работать. Ларошъ любилъ учиться, и усердно учился всю жизнь—онъ былъ разносторонне и глубоко образованный человѣкъ, но примѣнять свои познанія къ продуктивной работѣ онъ не былъ въ состояніи безъ крайней необходимости.

Вотъ почему Ларошъ не сдѣлался композиторомъ, хотя имѣлъ выдающіяся композиторскія способности. Весьма вѣроятно, что кромѣ лѣни въ этомъ отношеніи имѣла значеніе недостаточная сила природнаго творческаго дара, что при скептическомъ умѣ Лароша и само по себѣ было достаточно, чтобы удержать его отъ публичныхъ выступленій въ качествѣ композитора. Какъ бы то ни было, все же послѣ Лароша остались слѣдующія сочиненія: четыре романса на слова Фета, увертюра „Кармозина", инструментованная Чайковскимъ, и маршъ къ „Антонію и Клеопатрѣ" Шекспира, инструментованный Глазуновымъ. Что Ларошъ все же до конца своей жизни сознавалъ въ себѣ композитора, свидѣтельствуетъ письмо его ко мнѣ отъ 30 апрѣля 1900 года. Я послалъ ему на просмотръ статейку („Ларошъ") для малаго энциклопедическаго словаря Брокгаузъ—Ефрона, гдѣ я составлялъ музыкальный отдѣлъ. Сдѣлавъ въ статьѣ нѣкоторыя дополненія, Ларошъ пишетъ: „Хотѣлъ было поставить *композиторъ*, но во-время спохватился, что не мнѣ подобаетъ рѣшать, композиторъ ли я или нѣтъ".

О томъ, какъ Ларошъ сдѣлался писателемъ, имѣется его собственный разсказъ въ указанной книгѣ М. Чайковскаго. Чайковскій шелъ съ Ларошемъ по Максимиліановскому переулку; дошли до подъѣзда, куда Чайковскому нужно было войти. Но пріятели оказались такъ погруженными въ разговоръ, что „мы усѣлись на двухъ тумбахъ и продолжали говорить или, вѣрнѣе, говорилъ я, а слушалъ онъ, такъ какъ я былъ, по крайней мѣрѣ, вчетверо словоохотливѣе. Какъ теперь помню, я съ желчью и озлобленіемъ говорилъ о теоріи „совокупнаго художественнаго произведенія будущаго". Петръ Ильичъ сочувственно слушалъ и помалчивалъ, и вдругъ сказалъ: „Вмѣсто того, чтобы говорить все это, вы бы должны были это написать. У васъ несомнѣнное призваніе стать музыкальнымъ критикомъ..." Эти спокойныя слова, произнесенныя среди бѣлаго дня, въ прозаической обстановкѣ грязнаго отъ оттепели переулка, повергли меня въ совершенное опьяненіе. Какъ сумасшедшій, дѣлая промахъ за промахомъ и перенося щелчокъ за щелчкомъ, бросился я, девятнадцатилѣтній мальчишка, искать сотрудничества въ тогдашнихъ петербургскихъ журналахъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ эти поиски привели къ какому-нибудь результату, но для меня нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первоначальный толчокъ мнѣ былъ данъ Чайковскимъ".

Несмотря на свою лѣнь, Ларошъ все же окончилъ въ декабрѣ 1866 г. петербургскую консерваторію, и его экзаменаціонная работа „Симфоническое Allegro" настолько понравилась Николаю Рубинштейну, директору только что основанной московской консерваторіи, что онъ исполнилъ ее въ одномъ изъ концертовъ музыкальнаго общества (рукопись этого сочиненія должна храниться въ архивѣ московской консерваторіи), а самого Лароша пригласилъ преподавателемъ теоріи музыки къ себѣ въ консерваторію. Здѣсь Ларошъ работалъ до 1870 г. Если лѣнь мѣшала Ларошу сдѣлаться композиторомъ, то не менѣе мѣшала она и его преподавательской дѣятельности. Небрежнаго отношенія къ дѣлу Николай Рубинштейнъ не выносилъ, и дальнѣйшее пребываніе Лароша въ консерваторіи стало невозможнымъ.

Онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ преподавалъ теорію музыки въ консерваторіи въ 1872—1879 годахъ. Въ Москву Ларошъ вернулся еще разъ, въ 1883 г., и читалъ здѣсь въ консерваторіи исторію музыки до 1886 г., послѣ чего окончательно поселился въ Петербургѣ, посвятивъ себя исключительно музыкальной критикѣ.

Для такой дѣятельности, не говоря уже о природныхъ данныхъ ума и литературнаго таланта, Ларошъ былъ подготовленъ какъ нельзя лучше. Онъ прошелъ самую основательную школу композиторской техники и, какъ преподаватель, дополнилъ свои знанія личными наблюденіями надъ учениками. Поэтому въ высшей степени цѣнны его статьи и указанія, касающіяся обученія композиціи. Тотъ фактъ, что Ларошъ не сдѣлался композиторомъ, послужилъ только на пользу его критической дѣятельности. Композиторъ, даже обладающій наилучшимъ литературнымъ талантомъ, повидимому, не можетъ справедливо судить о другихъ композиторахъ. Вспомнимъ, что писалъ Шуманъ о Мейерберѣ и Вагнерѣ, что писалъ Берліозъ о Вагнерѣ, что писалъ Вагнеръ о Шуманѣ и Берліозѣ и т. д. Особое значеніе для критической дѣятельности Лароша имѣло глубокое знаніе имъ исторіи музыки, которая именно въ 80-хъ гг., благодаря работамъ Амброса, получила новые горизонты въ изданіяхъ сочиненій контрапунктистовъ XVI и XVII вѣка. Это знаніе исторіи музыки соединялось у Лароша съ обширнымъ историческимъ и философскимъ образованіемъ, съ необычайной ясностью изложенія и строгой логичностью его аргументаціи. Если въ его разсужденіяхъ о формѣ и содержаніи въ музыкѣ, написанныхъ, какъ онъ самъ говоритъ, подъ сильнымъ вліяніемъ Ганслика, и не заключается самой истины, то, во всякомъ случаѣ, они написаны такъ, что, желая опровергнуть то, что въ нихъ невѣрно, противникъ Лароша въ области философіи невольно долженъ будетъ прійти къ открытію истины, и въ этомъ высокая цѣнность философской стороны въ статьяхъ Лароша.

Но эти статьи, кромѣ того, имѣли въ свое время (и еще будутъ имѣть) огромное значеніе, какъ выдающіяся по яркости изображенія характеристики отдѣльныхъ авторовъ, особенно русскихъ. Для бездарностей, насильно вторгающихся въ храмъ русской музыки, Ларошъ имѣлъ языкъ, положительно уничтожающій.

Въ первомъ томѣ изданія сочиненій Лароша даны всѣ статьи его о Глинкѣ, который вмѣстѣ съ Моцартомъ былъ богомъ музыки для Лароша.

Говоря о Глинкѣ и его „Русланѣ", Ларошъ необходимо долженъ былъ коснуться и Вагнера, къ которому онъ не разъ возвращался и позже. Статьи эти, написанныя въ 1867 г., заключаютъ въ себѣ такое основательное и глубокое изложеніе элементовъ, создающихъ драматическую музыку, что нельзя въ достаточной мѣрѣ рекомендовать ихъ всѣмъ музыкантамъ и любителямъ музыки. Поразительны при этомъ та самостоятельность и проникновенность въ сужденіяхъ о музыкѣ и теоріяхъ Вагнера, которыя мы видимъ у Лароша уже въ 1867 г., когда звѣзда Вагнера только взошла, и всѣ музыканты либо пали ницъ передъ новымъ идоломъ, либо бросали въ него камнями. [1]) Ларошъ пре-

---

[1]) Въ то время какъ Сѣровъ, буквально ослѣпленный красотою музыки Вагнера, совершенно не былъ въ состояніи критически отнестись къ его теоріямъ, кружокъ Балакирева не признавалъ ни теорій, ни музыки Вагнера. Римскій-Корсаковъ пишетъ въ *Лѣтописи:* Въ 1868 году „данъ былъ въ первый разъ вагнеровскій „Лоэнгринъ". Дирижировалъ Н. К. Лядовъ. Балакиревъ, Кюи, Мусоргскій и я были въ ложѣ вмѣстѣ съ Даргомыжскимъ. Лоэнгрину было выражено, съ нашей стороны, полное презрѣніе". Бородинъ, наиболѣе самостоятельный въ своемъ творчествѣ и наиболѣе обще-образованный членъ кружка, писалъ въ статьѣ (*С.-Петербургскія Вѣ-*

восходно оцѣнивалъ слабыя и сильныя стороны въ музыкѣ Вагнера и уничтожающе писалъ уже тогда о его теоріи музыкальной драмы: отрицательное отношеніе Лароша къ этой теоріи не заслоняло передъ нимъ силы и яркости музыкальнаго генія Вагнера.

Я не буду останавливаться на остальныхъ статьяхъ перваго тома. Отмѣчу только, что въ нихъ читатель найдетъ важнѣйшія указанія на значеніе техники въ композиціи, подробныя объясненія того, какъ должно изучать и обучать этой техникѣ, оцѣнку историческаго изученія музыки.

Въ статьѣ „Нѣчто о суевѣріяхъ музыкальной критики" забавно и, можно сказать, убѣдительно изображено, какъ публика слушаетъ музыку, воображая, что она видитъ ту или другую картину, обозначенную въ заглавіи пьесы или преподнесенную критикомъ - истолкователемъ. „Бывало ему (слушателю) скучно дѣлалось отъ слушанія музыки: теперь онъ пріобрѣлъ возможность *смотрѣть* музыку".

Въ связи съ указанной статьей о публикѣ находятся и двѣ статьи Лароша: 1) о Ганслике и 2) о его противникѣ Амбросѣ. Обѣ статьи написаны чрезвычайно тепло и затрогиваютъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ музыкальной эстетики—о содержаніи и формѣ въ музыкѣ — вопросъ, я повторяю, раздѣляющій писателей о музыкѣ на два лагеря. Ганслике, написавшій свою книгу „О музыкально-прекрасномъ" въ 1854 г., когда нѣмецкіе писатели о музыкѣ умудрялись истолковывать содержаніе чуть ли не каждаго такта въ музыкѣ Бетховена, въ пылу полемики совершенно отвергъ „содержаніе" въ музыкѣ, отождествивъ его съ формою, и, чтобы отрѣзать себѣ всякую возможность къ компромиссу, сравнилъ музыку съ калейдоскопомъ или арабеской. Ларошъ, называя Ганслика своимъ учителемъ, не могъ однако не видѣть слабость его позиціи и обидность такого уподобленія музыки арабескѣ. Онъ возвращается къ шлегелевскому сравненію музыки съ архитектурой и тѣмъ возвращаетъ ей права на выраженіе чувствъ. Но и при такомъ сравненіи, дающемъ очень важные выводы, Ларошъ все же лишаетъ музыку той ея стороны, которая отличаетъ ее коренным образомъ отъ архитектуры, и приближаетъ къ жесту, мимикѣ и сценическому искусству. Музыка существуетъ реально, какъ живое явленіе, только въ моментъ исполненія, и то „содержаніе" музыки, изъ-за котораго и до сихъ поръ спорятъ, вкладывается въ нее исполнителемъ. Всѣ мы испытали, какъ измѣняется эмоціональное содержаніе музыки въ зависимости отъ исполненія: ноты, темпы, оттѣнки какъ будто тѣ же, а впечатлѣніе совершенно другое. Здѣсь и лежитъ ключъ къ рѣшенію спорнаго вопроса, и по этой-то причинѣ ни одинъ исполнитель не можетъ стать на сторону Ганслика (Ларошъ это отмѣчаетъ!). Несмотря на такое коренное разногласіе съ Ларошемъ, я долженъ признаться, что къ отысканію указаннаго ключа болѣе всего способны подвинуть именно статьи Лароша—говорю это по собственному опыту.

Будемъ ждать скорѣйшаго выхода слѣдующихъ томовъ сочиненій Лароша, и пусть труды этого писателя послужатъ могучимъ средствомъ для борьбы съ музыкальнымъ невѣжествомъ не только нашей публики, но и огромнаго большинства музыкантовъ: именно это невѣжество, съ которымъ такъ ревностно боролся въ свое время Ларошъ, и теперь является главнымъ препятствіемъ къ пониманію музыки и къ развитію музыкальнаго вкуса.

Викторъ Вальтеръ.

домости) въ 1869 году объ увертюрѣ Вагнера къ „Нюрнбергскимъ мейстерзингерамъ": „Трудно представить себѣ что-нибудь скучнѣе и безцвѣтнѣе этой музыки! Хоть бы одна свѣжая мысль въ цѣлой увертюрѣ"!

7. Самоистолкованіе.

По поводу книги: *Auguste Rodin.* L'art. Entretiens réunis par *Paul Gsell.* Paris. Bernard Grasset. 7-me éd.

> ...une tâche beaucoup plus malaisée pour moi que d'animer le bronze: celle d'exprimer comment j'y parvins.
>
> *Rodin.*

Современное состояніе психологіи творчества едва ли оставляетъ мѣсто для сомнѣній въ томъ, что чистое художественное творчество, въ существеннѣйшемъ своемъ моментѣ, является полубезсознательнымъ. „Я лежу подобно лирѣ. Мною движетъ высшій плектрумъ“... Такъ говоритъ экстатическій поэтъ былыхъ временъ. Художникъ новѣйшаго времени никогда этого не скажетъ. Отойдя отъ углубленной духовной культуры средневѣковья и заразившись поверхностнымъ и ложно воспринятымъ раціонализмомъ, онъ поневолѣ принужденъ все объяснять отъ разума. И когда онъ пытается дать себѣ отчетъ въ своихъ творческихъ переживаніяхъ и стремится пояснить другимъ скрытые мотивы своихъ творческихъ дѣйствій,—здѣсь-то видимъ мы всю его безпомощность. Художникъ оказывается плохимъ вожатымъ по путямъ своего собственнаго творчества, зачастую прекраснаго. Художникъ заблудился. Самъ себя не понялъ. И то, что художникъ самъ себя не понялъ, служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ того, что художникъ, когда онъ творитъ, и художникъ, когда онъ поясняетъ, это два разныхъ человѣка: ибо одинъ исходитъ отъ интуиціи, другой отъ арзума.

Вспомнить только Гоголя, который заблудился въ узкихъ переулкахъ своей „Переписки съ друзьями“. Вѣдь авторъ „Мертвыхъ душъ“ и авторъ „Переписки“ ничего общаго другъ съ другомъ не имѣютъ. Тамъ—пареніе творца, здѣсь же—недоумѣнныя слова неумѣлаго гида. А Левъ Толстой: сколько провàловъ въ его сужденіяхъ объ искусствѣ! И все это на-ряду съ геніальными взлетами. О томъ, „что такое искусство“ и что такое его собственное творчество—Толстой сказалъ много такого, что не достойно его величія. И почти каждый разъ, какъ только встрѣчается художникъ съ необходимостью пояснить свое собственное творчество, — видимъ мы ошибки и ошибки. И лишь какъ рѣдкость встрѣчаются случаи, когда художникъ бываетъ хорошимъ вожатымъ по путямъ своего творчества. Но для этого надо, чтобы онъ былъ Гёте, въ которомъ „такъ рѣдкостно сочетался поэтъ съ мыслителемъ“, чтобы онъ былъ Пушкинымъ.

Винить ли художниковъ за тѣ ошибки, въ которыя они такъ наивно впадаютъ, когда пытаются пояснить намъ „божественныя тайны“ своего творчества? Нельзя обвинить ихъ, нельзя осудить. Художника, какъ побѣдителя, не судятъ за необдуманныя (вѣрнѣе, за слишкомъ обдуманныя) слова. Не по словамъ, а по дѣламъ слѣдуетъ судить художника. Но слова критика—это его дѣла. И дѣла эти подлежатъ суду.

Критики и біографы великихъ людей особенно любятъ останавливаться на признаніяхъ творцовъ по поводу побудительныхъ мотивовъ къ творчеству. Очевидно, легче дать сырой матеріалъ, чѣмъ представить его въ переработкѣ. Здѣсь-то, по большей части, и терпитъ крушеніе корабль біографа, перегруженный ненужнымъ сырьемъ и ведомый рукою неопытной. Исторія искусства знаетъ много примѣровъ такихъ біографическихъ и критическихъ потопленій художниковъ, и о нихъ часто приходится вспоминать при чтеніи книги Поля Гзелля по поводу искусства Родэна. [1])

---

[1]) Русскій переводъ этой книги выпущенъ книгоиздательствомъ „Огни“. Спб., 1913 г.

Огюстъ Роденъ едва ли не первый изъ современныхъ скульпторовъ. Его творенія говорятъ, что это могучій талантъ, всегда знающій, чего онъ хочетъ. Но какимъ немощнымъ смотритъ онъ иной разъ со страницъ книжки Гзелля! И это бываетъ почти всегда тамъ, гдѣ Гзелль вкладываетъ въ уста Родэна сужденія о его собственномъ творчествѣ или побуждаетъ его дѣлать общіе выводы о сущности искусства. Получается рядъ досадныхъ недоразумѣній, которыя происходятъ здѣсь между Родэномъ-скульпторомъ и Родэномъ-интерпретаторомъ своего искусства.

Эта разобщенность становится особенно явственной тогда, когда читатель обращается отъ текста къ тѣмъ снимкамъ съ произведеній Родэна, которыми въ большомъ количествѣ снабжена книга Гзелля. (Впрочемъ, снимки эти плохіе, — какъ во французскомъ, такъ и въ русскомъ изданіи.)

Примѣровъ приводить я не стану уже потому, что, изъ концѣ-концовъ, и самъ Родэнъ сознается, что для него объяснить, какими средствами онъ достигаетъ своихъ творческихъ результатовъ, „труднѣе, чѣмъ оживить бронзу". „Если я передалъ извѣстныя чувства въ моихъ произведеніяхъ, то нечего мнѣ пояснять ихъ словами: я не поэтъ,—я скульпторъ". И здѣсь онъ несомнѣнно болѣе правъ, чѣмъ его услужливый другъ Гзелль, закрѣпляющій въ книгѣ то, что хотя и можетъ быть интереснымъ съ точки зрѣнія біографической, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ не къ выясненію, а къ затемненію художественнаго облика знаменитаго скульптора. Во всякомъ случаѣ, въ изданіи, разсчитанномъ на большую публику, не должно быть мѣста тѣмъ противорѣчіямъ, которыя такъ бросаются въ глаза въ книгѣ Гзелля тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ противорѣчій, въ сущности, и не противорѣчія; ибо кто хорошо знаетъ Родэна, тотъ можетъ все это понять, и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, принять его противорѣчія. Но читатель, незнакомый съ произведеніями Родэна, будетъ сбитъ съ толку этими противорѣчіями и за ними, пожалуй, не замѣтитъ того положительнаго, что въ книгѣ содержится.

А въ ней есть тонкія замѣчанія и умныя мысли, касающіяся техники преимущественно того искусства, въ которомъ нѣтъ равнаго Родэну. Въ этомъ смыслѣ интересна глава третья, о лѣпкѣ; въ главѣ четвертой принципъ движенія въ искусствѣ поясненъ очень мѣтко взятыми примѣрами; въ седьмой главѣ хороша интерпретація старой и современной портретной скульптуры и, наконецъ, девятая глава даетъ интересную сравнительную характеристику двухъ направленій въ сферѣ скульптуры, — одно, опредѣляющееся именемъ Фидія, другое — именемъ Микель-Анджело. Главный интересъ здѣсь, конечно, не въ томъ, вѣрно ли охарактеризованы эти двѣ концепціи, а въ томъ, что характеристика эта въ устахъ Родэна есть характеристика его самого. Фидій и Микель-Анджело на этотъ разъ являются здѣсь лишь фонемъ, на которомъ рѣзче выступаютъ мощные контуры нашего знаменитаго современника.

„Я не поэтъ,—я скульпторъ" — говоритъ Родэнъ. — Нѣтъ, онъ и поэтъ, и скульпторъ, притомъ подлинный поэтъ и великій скульпторъ, но онъ не судья самому себѣ, ибо не принадлежитъ къ числу тѣхъ исключительно рѣдкихъ творцовъ, въ которыхъ художникъ сочетался съ мыслителемъ-критикомъ. И самосознаніе — не его дѣло.

Конст. Эрбергъ.

III. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

1. Живая вода.

По поводу книги *Е. Н. Ефимова.* „Естественно-научная теорія преступленія“.

Естественно-научная теорія преступленія! Объ этомъ у насъ давно уже не говорятъ. И хорошо, что къ этому насъ снова возвращаетъ большая и серьезно написанная книга.

Движеніе едва насчитываетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. А между тѣмъ имѣется уже не малое число разъ навсегда пройденныхъ этаповъ. Какою-то далекою реминисценціей представляется намъ сейчасъ ученіе о „врожденномъ преступникѣ“. Но всѣ мы помнимъ, что съ этого именно и началось... Торжество „побѣды“! Удары критики! Пора сомнѣній! Окончательный „разгромъ“! Одно слѣдовало за другимъ съ поистинѣ кинематографической скоропалительностью. Отъ перваго уголовно-антропологическаго конгресса въ Римѣ, гдѣ воспѣвалась „тріумфальная арка“, черезъ которую призваны вступить въ святилище права вновь открытыя истины, до третьяго, въ Брюсселѣ, гдѣ онѣ форменнымъ образомъ отпѣвались, прошло не болѣе шести лѣтъ. Естественно, что выводы, мѣнявшіеся съ такою быстротой, не могли претендовать на исключительную обоснованность.

Колебаніямъ долженъ былъ способствовать и самый составъ конгрессовъ, далеко не постоянный. Очень многое явно здѣсь зависѣло отъ случайнаго преобладанія делегатовъ той или иной національности. Въ Римѣ главенствовали самъ Ломброзо и его соотечественники. Въ Брюсселѣ задавалъ тонъ находившійся тогда въ расцвѣтѣ своихъ силъ Францъ Листъ. И результаты работъ на томъ и другомъ съѣздѣ явно носятъ на себѣ отпечатокъ индивидуальности руководителей обѣихъ уголовныхъ школъ.

Новыя идеи въ области криминалистики родились, какъ извѣстно, подъ горячимъ итальянскимъ небомъ. Но Европа, а за нею и весь культурный міръ не вняли „фантастическимъ“ призывамъ изъ Турина и Флоренціи, а откликнулись на эрудицію Марбурга, Галле, Гейдельберга и Берлина. Подъ преобладающимъ вліяніемъ нѣмецкой школы находится, несомнѣнно, и международный союзъ криминалистовъ. Извѣстно, что и эта, нынѣ весьма сдержанная, организація начала съ бури и натиска. На протяженіи пятнадцати лѣтъ союзъ съ неослабной энергіей велъ атаку на основы, незыблемость которыхъ еще такъ недавно стояла по ту сторону споровъ. Остановилось это движеніе только предъ препятствіями чисто фактическаго свойства. Пришло время реформировать дѣйствующее германское уголовное законодательство. А достигнуть на этомъ поприщѣ какихъ-либо успѣховъ можно не иначе, какъ войдя въ опредѣленное соглашеніе съ приверженцами „старины“. Надо было искать средняго пути.

Юристы обоихъ полушарій напряженно слѣдятъ за тѣмъ, во что въ итогѣ выльется программа компромисса. И надо думать, что именно поэтому г. Ефимовъ, въ отступленіе отъ хронологическаго и всякаго иного порядка, начинаетъ свой анализъ съ вопроса о „борьбѣ школъ вокругъ реформы уголовнаго законодательства *въ Германіи*“. Благодаря такому пріему, изложеніе становится въ высокой степени актуальнымъ. Зато оно весьма существенно проигрываетъ въ стройности. Читатель сразу видитъ, что проблемы, о которыхъ идетъ рѣчь, полны далеко не одного только теоретическаго интереса. Но книга г. Ефимова все равно не разсчитана на широкую публику. А спеціалисты не нуждаются въ такого рода возбудителяхъ. Въ конечномъ ре-

зультатѣ „живость“ изложенія покупается цѣной его архитектурной законченности. Отсутствіе послѣдней—одинъ изъ минусовъ прекрасно въ общемъ удавшейся работы г. Ефимова.

Заслуга автора прежде всего въ томъ, что онъ даетъ обстоятельную и яркую картину развитія новыхъ началъ отъ первыхъ опытовъ Ломброзо и до нашихъ дней. Необычайно поучительна эта исторія постепенной смѣны прямолинейныхъ построеній геніальнаго туринскаго ученаго болѣе сложными концепціями Гарофало и Ферри, изящными, хотя и нѣсколько расплывчатыми догадками Лакассаня и Манувріэ, строгими и логически безукоризненными формулами Листа, глубоко продуманной и выстраданной аргументаціей Варги.

Всѣ авторы отправляются отъ того, что анализу подлежитъ не какая-либо абстрактная юридическая сущность, а опредѣленный жизненный феноменъ. Но каждый на свой ладъ подходитъ къ этому вопросу. Надо быть особенно благодарнымъ г. Ефимову за то, что онъ подвергаетъ обстоятельному разбору труды французскихъ писателей. Они даютъ не мало цѣннаго. А между тѣмъ, застрявъ гдѣ-то посрединѣ между высокими пареніями итальянцевъ и конструктивной законченностью нѣмецкой доктрины, такъ называемая ліонская школа осталась за предѣлами своего отечества въ тѣни. Опредѣлить мѣсто, принадлежащее французскимъ авторамъ въ развитіи естественно-научной теоріи преступленія, г. Ефимовъ, несомнѣнно, заполняетъ имѣющійся въ нашей литературѣ пробѣлъ.

Книга написана очень тщательно. Можно сказать, что по временамъ авторъ обнаруживаетъ даже нѣсколько излишнюю щепетильность, пространно, напримѣръ, доказывая, что Ферри не столь великъ, какъ Галилей, или детально обосновывая наличность весьма „существенной разницы“ между „гармоніей мозгового и часового механизма“.

Центръ тяжести своей задачи Е. Н. Ефимовъ видитъ въ разсмотрѣніи вопроса, мыслима ли вообще перестройка уголовнаго права на естественно-научныхъ основахъ. На вопросъ этотъ онъ отвѣчаетъ отрицательно. И, шагъ за шагомъ разбирая всѣ предпринимавшіяся въ указанной области попытки, авторъ вскрываетъ моральную природу изслѣдуемаго понятія, его принадлежность къ міру оцѣнокъ, его нормативную, вытекающую изъ категоріи должнаго, сущность. Сами же криминалисты-антропологи, помимо своей воли, неминѣнно переходятъ отъ безстрастнаго анализа явленій конкретной дѣйствительности къ пылкимъ разговорамъ на тему о добрѣ и злѣ. Это наблюдается уже въ трудахъ Ломброзо. Но это еще рѣзче выступаетъ у его послѣдователей. Въ конечномъ результатѣ всѣ они отрекаются отъ своихъ исходныхъ предпосылокъ. И не случайно, разумѣется: „...понятіе преступленія можетъ быть конструировано не теоретическимъ, а практическимъ разумомъ. И здѣсь кроется источникъ логической драмы Гарофало. Она заключается въ томъ, что авторъ попытался пріемами точныхъ наукъ, въ формахъ теоретическаго мышленія, разрѣшить проблему, лежащую, по своей этической и широкомъ смыслѣ слова природѣ, за предѣлами теоретическаго познанія. *Но драма Гарофало есть вмѣстѣ съ тѣмъ драма всего естественно-научнаго направленія въ уголовномъ правѣ.* Въ работѣ Гарофало она лишь развернулась во всей своей полнотѣ, и, благодаря этому, мы имѣли возможность изучить ее всесторонне. Въ результатѣ нашего анализа работы Гарофало мы можемъ высказать увѣренность, что всякое естественно-научное опредѣленіе преступленія—*существующее или возможное*—будетъ таить въ себѣ ту же логическую драму: о ней будетъ свидѣтельствовать критерій оцѣнки, при существіи котораго въ той или другой формѣ можно будетъ обнаружить въ любомъ изъ такихъ опредѣленій (стр. 274).

Е. Н. Ефимовъ называетъ свою работу „методологическимъ изслѣдованіемъ“. Въ качествѣ таковой она и явится предметомъ оцѣнки въ спеціальныхъ изданіяхъ. Можно ли быть въ области уголовнаго права естествоиспытателемъ? Нѣтъ,—отвѣчаетъ нашъ авторъ,—нельзя. И антропологическая и соціологическая школы шли неправильнымъ путемъ. Но это далеко еще не значитъ, что онѣ шли зря. Напротивъ, несмотря на всѣ ошибки, „рѣшеніе уголовно-правовой проблемы ускорено и облегчено“ натуралистами.

Можно быть различныхъ мнѣній относительно правильности всей этой концепціи. Но нельзя не присоединиться къ послѣднему выводу автора. И нельзя въ то же время не пожалѣть, что Е. Н. Ефимовъ не развилъ этого тезиса болѣе обстоятельно.

Да, новая школа поработала не даромъ! Пусть нѣкоторые изъ позитивистовъ весьма плохіе теоретики. Пусть всѣ они въ извѣстномъ смыслѣ заблуждаются. *У нихъ хорошее чутье.* И, сами не зная пути, они все же ведутъ человѣчество къ желанной цѣли.

Это прежде всего надо сказать о такомъ грубомъ съ внѣшней стороны матеріалистѣ и такомъ, по существу, мечтателѣ, какимъ былъ Чезаре Ломброзо. Камня на камнѣ не осталось отъ воздвигнутой имъ на спѣхъ неуклюжей постройки. И капитальный трудъ его можетъ дѣйствительно служить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ ученому обращаться съ фактами. А всетаки Ломброзо всколыхнулъ болото, заставилъ не однихъ только спеціалистовъ призадуматься надъ проблемами преступности, нанесъ сокрушительный ударъ столь наивному въ криминалистической средѣ индетерминизму. Какъ подлинный искатель истины, знаменитый туринскій профессоръ никого въ результатѣ не сбилъ съ толку. И очень многимъ, напротивъ, онъ помогъ себя выявить.

Создалась школа. И хотя преемники Ломброзо безъ особенныхъ усилій обнаружили въ теоріяхъ ея основателя цѣлый рядъ ошибокъ, они не изъ одного только піэтета называли себя его учениками. „Я не знаю, — замѣтилъ на брюссельскомъ конгрессѣ Габріэль Тардъ,—что намъ останется отъ Ломброзо. Но долженъ сказать, что если даже отъ него ничего не останется, онъ будетъ тѣмъ не менѣе служить сильнымъ возбуждающимъ средствомъ. Я сравниваю Ломброзо съ кофе, который не питаетъ, а возбуждаетъ и не даетъ умереть отъ истощенія“.

Въ то время, когда „Uomo delinquente“ появился, господство схоластики, дѣйствительно, настолько было велико, что подобное нирыскиваніе представлялось далеко не излишнимъ. Но оно сохраняетъ свою силу по сей день. Ибо то, что далъ криминалистамъ основатель антропологической школы, болѣе цѣнно, чѣмъ отдѣльная готовая истина. Онъ оставилъ намъ безошибочное правило поведенія.

Не принимайте ничего на вѣру, анализируйте, изслѣдуйте, доискивайтесь причины, избѣгайте шаблона—вотъ завѣтъ Ломброзо. И, слѣдуя по этому пути, ученики покойнаго, а было ихъ не мало, подошли къ доктринѣ своего профессора съ достаточнымъ запасомъ критицизма, безпощадно отнеслись къ отдѣльнымъ ея выводамъ, сглядили ея острые углы, отдѣлили въ ней существенное отъ второстепеннаго и на мѣстѣ, гдѣ стояла поражавшая несоразмѣрностью своихъ частей постройка, сумѣли воздвигнуть удовлетворяющее строжайшимъ архитектурнымъ критеріямъ зданіе.

Ломброзо во многомъ раздѣлилъ судьбу Маркса. Одни его до небесъ превозносили. Другіе отрицали за его наблюденіями и выводами всякую цѣнность. Были и такіе, что, слѣпо увѣровавъ сперва въ каждое слово пророка, со злобою и гнѣвомъ впослѣдствіи отъ него отворачивались, по-дѣтски мстя

учителю за собственное свое недомысліе. Четвертые, наконецъ, не подозрѣвая того, что они „говорятъ прозой", двигались въ хвостѣ итальянской школы, о смерти которой они неустанно твердили. Объясняется это отчасти тѣмъ, что Ломброзо и его послѣдователи ставили нерѣдко во главу угла то, что являлось въ ихъ теоріи наименѣе цѣннымъ. Попытка итальянцевъ доказать наличность особаго атавистическаго типа, отъ рожденія предназначеннаго нарушать нормы человѣческаго общежитія, потерпѣла, какъ извѣстно, полный крахъ. Не удалось установить какіе-либо антропологическіе признаки, свойственные хотя бы только ворамъ, убійцамъ и насильникамъ,—не говоря уже о правонарушителяхъ вообще,—и не встрѣчающіеся у „честныхъ людей". Нѣтъ такой порочной организаціи, которая способна была бы сама по себѣ заставить человѣка совершить преступленіе. „Можно себѣ представить,—говоритъ Энрико Ферри, — такого врожденнаго преступника, который... умираетъ въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ, не прійдя ни разу въ столкновеніе съ уголовнымъ закономъ, такъ какъ онъ имѣлъ счастье жить въ обстановкѣ, въ которой у него не могло появиться соблазна нарушить норму" [1]).

Взятая въ такомъ видѣ теорія врожденной преступности сводится къ указанію на болѣе или менѣе существенную роль индивидуальнаго фактора въ каждомъ отдѣльномъ послѣдствіи и въ общемъ криминальномъ бюджетѣ. Многаго ли это стоитъ? Да и нѣтъ! Если измѣрять цѣнность добытой истины той *непосредственною* пользой, которую мы можемъ изъ нея извлечь, отвѣтъ послѣдуетъ, конечно, отрицательный. Но если видѣть цѣль лишь въ приближеніи къ разгадкѣ тайны, то указаннаго вывода достаточно для права на вѣчную признательность потомства.

[1]) „Die positive kriminalistische Schule in Italien", 1903, S. 45.

Старо-греческая пословица гласила: „никто не бываетъ плохимъ по своей волѣ". И аналогичныя изреченія мы можемъ найти въ сокровищницахъ мудрости другихъ народовъ. Общественный коллективъ не склоненъ отдаваться чувству слѣпой злобы. Такъ чего же лучше? Если снисходительность должна войти кому-либо на пользу, то, очевидно, прежде всего, неудачливѣйшимъ изъ „плохихъ людей"—преступникамъ. Въ дѣйствительности наблюдалось до недавнихъ поръ обратное. На преступниковъ смотрѣли, какъ на людей, нарушившихъ заповѣдь, *которую они въ силахъ были соблюсти*, а потому заслуживающихъ отомщенія. Противъ такого пониманія Ломброзо съ объективными данными въ рукахъ и выступилъ.

Онъ выступилъ не во имя гуманности. Истинѣ, которою, ему казалось, онъ располагаетъ, невѣдомы добро и зло. Она не знаетъ мести и награды. Предъ нею только факты и „неотвратимыя послѣдствія". Факты же гласили,—и въ этомъ безсмертный элементъ ломброзіанства,—что личность не свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, что причина хорошихъ и дурныхъ поступковъ коренится въ индивидуальности человѣка, въ свою очередь обусловленной совокупностью унаслѣдованныхъ имъ и, стало быть, лежащихъ внѣ сферы его самоопредѣленія положительныхъ и отрицательныхъ психо-физіологическихъ свойствъ, что, словомъ, „никто не бываетъ плохимъ по своей волѣ".

Въ другой формѣ говорили, конечно, объ этомъ и прежде. Но говорили художники изящнаго слова, религіозные проповѣдники, моральные статистики, благотворители, политики, тюремные дѣятели, — только не криминалисты-теоретики. Нарушить же это молчаніе ихъ заставилъ не кто иной, какъ Ломброзо. И сдѣлалъ онъ это съ такой силой, что уголовно-правовая доктрина, можно съ увѣренностью сказать, никогда больше не вернется въ рецепцію

безразличнаго отношенія къ индивидуальности правонарушителя.

Такъ положено было начало ученію о факторахъ преступности, блестяще разработанному впослѣдствіи въ „Уголовной соціологіи“ Энрико Ферри. И этой заслуги у итальянцевъ никто не отниметъ. Пусть конечная цѣль, поставленная себѣ позитивистами, недостижима. Предъ нами фактъ движенія. И двухъ оцѣнокъ этотъ фактъ не допускаетъ. Развѣ не бьетъ сейчасъ ключомъ мысль тамъ, гдѣ прежде царила мертвая догма? Развѣ не перестраивается на нашихъ глазахъ сверху довизу вся карательная система? Развѣ не впервые сейчасъ серьезно ставится вопросъ, почему данный человѣкъ вступаетъ на путь воровства, убійства, насилія? Развѣ не сдѣлано за послѣднюю четверть вѣка для борьбы съ преступностью больше, чѣмъ за нѣсколько предыдущихъ столѣтій?... Повсюду въ области криминалистики струя живой воды. И для всѣхъ ясно, откуда именно она беретъ начало. Это принесла съ собой ошибочная въ положительныхъ выводахъ, но безусловно здоровая въ своей критической части, естественно-научная теорія преступленія.

Г. Штильманъ.

2. Современный предприниматель.

Брентано далъ въ свое время опредѣленіе предпринимателя въ широкомъ смыслѣ слова. Для него предпринимателемъ является всякій, кто производитъ хозяйственныя цѣнности. Право распоряженія необходимыми элементами производства, выборъ хозяйственной цѣли и соотвѣтственное использованіе элементовъ производства, дѣятельность за собственный счетъ и рискъ,—таковы отличительныя черты предпринимателя. Въ этомъ смыслѣ рабочій, распоряжающійся своей рабочей силой, является предпринимателемъ. Наоборотъ, директоръ акціонерной компаніи таковымъ, съ точки зрѣнія Брентано, не является.[1])

Недавно вышли двѣ работы по этому же вопросу, которыя разсматриваютъ предпринимателя въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, интересуясь, главнымъ образомъ, историческимъ типомъ капиталистическаго предпринимателя.

Потребность раздѣлить и уменьшить рискъ производства на широкій рынокъ побудило на рынкѣ же искать капиталы для оборудованія производства. Но развитіе акціонерной формы предпринимательства заключаетъ въ себѣ безличный элементъ. Акція, какъ удачно выразился Sombart, есть не что иное, какъ „Verhältnis von Unbekannt zu Unbekannt“. Виденфельдъ (K. Wiedenfeld. Das persönliche im modernen Unternehmertum. Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot, 1911, S. 108) старается показать, что это лишь кажущееся явленіе, что въ дѣйствительности за безличной формой остается широкое поле для проявленія индивидуальности. Авторъ желалъ бы показать, что капитализмъ вовсе не препятствуетъ развитію личности, онъ не такъ грубо-вещенъ, какъ это полагаютъ обычно, а, наоборотъ, пожалуй, является воспитателемъ личности, могучимъ и сильнымъ факторомъ культурнаго развитія.

Авторъ пользуется въ значительной мѣрѣ методомъ сравнительно-психологическимъ. Онъ рисуетъ намъ національные типы современнаго предпринимателя. Указывая на застой французской хозяйственной жизни, Wiedenfeld подчеркиваетъ меркантилистскій характеръ французской политики. Кольберъ и Наполеонъ I — нотъ еще и нынѣ господствующіе хозяйственные идеалы. Боязнь риска, конкуренціи, стремленіе къ „регулярнымъ“

---

[1]) Сравн. *Brentano*. Der Unternehmer (*Volkswirtsch. Zeitfragen*), Berlin, 1907.

операціямъ (банковое дѣло!), любовь къ бумагамъ опредѣленной доходности— все это характерно для француза, въ дѣятельности котораго проявляется остатокъ средневѣковья: сила привычки, традиція опредѣляетъ форму и содержаніе какъ всей жизни, такъ и хозяйства. Немудрено, что и предпріятія являются точными отпечатками хозяйствующихъ лицъ. Гдѣ имѣется элементъ риска, нуженъ размахъ, тамъ преобладаютъ иностранцы. Выводъ автора: французскій предприниматель не заслуживаетъ этого имени въ строгомъ смыслѣ слова.

Напротивъ, Англія, Германія и Соед. Штаты даютъ намъ типъ современнаго хозяйственнаго человѣка, рискующаго, идущаго впередъ, для котораго спекулятивный характеръ мірового рынка сталъ жизненнымъ нервомъ.

Но этотъ типъ различенъ въ каждой странѣ.

Англійскій предприниматель—больше техникъ, онъ меньше интересуется организаціей рынка; отсюда сравнительно слабое развитіе картелей въ Англіи; онъ обращаетъ бо́льшее вниманіе на качество продукта, чѣмъ на возможность его удешевленія. Нелюбовь англійскаго предпринимателя къ конкуренціи на почвѣ цѣнъ, взглядъ на „dumping", какъ на нѣчто безнравственное, все это объясняется аристократизмомъ народа, упрочившаго свое положеніе. Сходство съ Франціей можно видѣть въ томъ, что англійскій предприниматель преобладаетъ тамъ, гдѣ предпріятіе носитъ спокойный, равномѣрный, привычный характеръ; наоборотъ, гдѣ имѣется значительный элементъ риска, нужна сильная подвижность и т. д.—замѣчается, какъ и во Франціи, преобладаніе иностранцевъ. Банковое дѣло даетъ наглядную иллюстрацію: Joint Stock Banks — строго англійскія учрежденія; „перегуляриія" операція—въ рукахъ иностранныхъ предпринимателей (нѣмцевъ и американцевъ).

Абсолютнымъ контрастомъ типу англійскаго предпринимателя можетъ служить американскій, представляющій собою типъ классическаго economical man. „Американизмъ" представляется Wiedenfeld'у однообразнымъ, безличнымъ, подъ одну гребенку стриженнымъ. И эту черту авторъ признаетъ характерной для молодой капиталистической страны, связываетъ съ первыми ступенями капиталистическаго развитія; дальнѣйшее развитіе означаетъ дифференціацію, разрывъ съ безличностью.

Если у англичанина уже перевѣшиваетъ личный моментъ, то у американца еще преобладаетъ вещный моментъ. Среднюю ступень между этими типами занимаетъ нѣмецкій предприниматель. Рѣзко характерныя формы организаціи тяжелой индустріи въ Германіи авторъ считаетъ возможнымъ объяснить только на почвѣ пониманія той длительной, своеобразной борьбы, которую ведутъ въ груди каждаго предпринимателя реальныя требованія техники и хозяйственности съ ирраціональнымъ требованіемъ проявленія личности. На-ряду съ сильнымъ чувствомъ самостоятельности и крупнымъ организаторскимъ талантомъ нѣмецкій предприниматель обладаетъ ярко выраженнымъ интересомъ къ научной техникѣ.

Авторъ удачно иллюстрируетъ свои мысли примѣрами, главнымъ образомъ, изъ области картельнаго движенія всѣхъ странъ.

Каковъ же общій выводъ? Онъ выраженъ въ немногихъ словахъ: „One man's theory ist also nicht überwendener Standpunkt, sondern noch immer und erst recht aller Organisationsweisheit letzter Schluss" (S. 97).

Капиталъ не задавилъ предпринимателя, онъ сталъ на-ряду съ нимъ, чтобы дать матеріальную основу болѣе крупнымъ задачамъ. Результатъ—возрастаніе могущества личности.

Къ этому же выводу приходитъ и *Pohle* (*Pohle*. Der Unternehmerstand. Vortrag

gehalten in Gehe-Stiftung zu Dresden, Leipzig, 1910. B. G. Teubner).

Поле указываетъ, что предприниматель сталъ руководящимъ классомъ современной хозяйственной жизни; это—аристократія современнаго народнаго хозяйства, аристократія, правда, не крови, но энергіи, организаторскаго таланта и хозяйственныхъ способностей. Что характерно для современнаго предпринимателя? Что онъ всегда въ то же самое время работодатель, что онъ пользуется чужой рабочей силой, которая слѣдуетъ его указаніямъ и не имѣетъ никакого притязанія на участіе въ прибыли. Функціи предпринимателя къ тому и сводятся, чтобы: 1) нести рискъ производства (Поле указываетъ здѣсь на неизвѣстность спроса и т. д.), 2) организовать предпріятіе и руководить имъ. Вотъ почему для успѣшнаго веденія предпріятія необходимы въ равной мѣрѣ техническія и купеческія познанія: „Erst Techniker und Kaufmann bilden zusammen den Vollunternehmer“ (S. 24).

Обрисовавъ современное значеніе предпринимательскаго класса, Поле переходитъ къ разсмотрѣнію перемѣнъ, совершающихся въ связи съ экономическимъ развитіемъ. Развитіе крупнаго предпріятія связано съ ростомъ и усиленіемъ значенія предпринимательскаго класса; но и крупное производство имѣетъ свои границы развитія—въ частности теперь темпъ прироста уменьшился. Согласно съ вышецитированнымъ мнѣніемъ Виденфельда, Поле видитъ въ акціонерной компаніи расширеніе поля дѣятельности предпринимателя (contra Зомбартъ: „die Unternehmer fangen als Conquistadores an um als Beamte zu endigen“). Не ограничиваютъ сферы дѣятельности отдѣльнаго предпринимателя, по мнѣнію Поле, и предпринимательскіе союзы: если предприниматель и ограниченъ въ своемъ предпріятіи, то вѣдь онъ зато принимаетъ участіе въ руководствѣ другими предпріятіями (contra Ламирехтъ, который считаетъ картели періодомъ „связаннаго“ предпринимательства). Лишь рабочее движеніе, дѣйствительно, нѣсколько ограничиваетъ свободу и сферу дѣятельности предпринимателя.

Виденфельдъ затрогиваетъ мелькомъ и вопросъ объ историческомъ происхожденіи предпринимателя. Современное предпринимательство, котораго внѣшнее начало совпадаетъ съ эпохой крестовыхъ походовъ, внутренне есть дитя Ренессанса, той эпохи, когда западный европеецъ, впервые снова освободившись отъ цѣпей и традицій въ чувствованіи и мышленіи, началъ становиться личностью. На мой взглядъ, мысль связать происхожденіе капиталистическаго духа съ эпохой Quattro- и Cinquecento можетъ оказаться плодотворной. Почему именно Италія страна ранняго капитализма? Не наталкиваетъ ли насъ это на мысль о связи Ренессанса съ зарожденіемъ капитализма?

Въ шекспировскихъ драмахъ изъ эпохи Возрожденія, въ его изображеніи общества этой эпохи, чувствуется, что мы присутствуемъ при зарожденіи капитализма. Вспомнимъ „царственнаго купца“ Антоніо, который ищетъ обезпеченія своимъ оборотамъ въ ихъ грандіозности—развѣ это не типъ „предпринимателя“, которому противопоставляется „капиталистъ“ Шейлокъ?

Работа Гейнена (Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig, Stuttgart u. Berlin, 1905) кладетъ фактическій фундаментъ подъ мою мысль. Возражая Зомбарту, авторъ рисуетъ вамъ венеціанскаго купца—не ремесленника, который далекъ отъ традиціоннаго шаблона мелкаго предпріятія и не довольствуется необходимымъ, а напротивъ, начавъ съ малаго, вырастаетъ въ капитана, крупнаго судовладѣльца, который развиваетъ широкую спекулятивную дѣятельность, открываетъ новые источники дохода и приспособляется къ конъюнктурѣ,—словомъ, законченный типъ не вѣдающаго устали предпринимателя, какимъ его

знаетъ современная хозяйственная жизнь. Здѣсь, въ лагунахъ, рано преодолѣвъ переходную феодальную стадію, достигаетъ полнаго расцвѣта городская культура, вынесенная интеллигентнымъ, стремящимся вперёдъ купеческимъ сословіемъ, которому совершенно чужда идиллія доживающаго малымъ ремесленника (S.123—124).

Гейненъ легко локализуетъ существованіе въ Венеціи того времени двухъ формъ капиталистическаго предпріятія, представляющихъ заемный и торговый капиталъ (S. 124). Это — Шейлокъ и Антонио шекспировской драмы.

Благодарная задача ждетъ изслѣдователя, который занялся бы этимъ вопросомъ.

И. И. Лесинъ.

IV. Некрологъ.

К. П. Михальчукъ.—А. А. Копяхинъ.—І. Хелмонскій.—І. Е. Крачковскій.—А. П. Рѣдкинъ.—А. К. Бегтровъ.—В. Л. Протопоповъ.—А. П. Барсуковъ.—Л. С. Тагапцева.—А. А. Бибиковъ.—М. М. Крамлей.—П. П. Муратовъ.—А. П. Лосъ.—П. А. Ермоловъ.—В. П. Лавровскій.—Бар. В. А. Розенъ.—Бар. А. А. Будбергъ.—Е. Ф. Турау.—Кн. П. П. Голицынъ.—А. А. Эльмина.—А. А. Винницкая - Будзіаникъ.—П. П. Лельковъ.—А. Буржинскій.—Гр. А. Голуховскій.—Э. Ганзенъ.—К. Цеймеръ.—С. М. Гергенсенъ.—Т. Маттеи.—С. Д. Роллесъ.—А. Бендратъ.—Э. Зюссъ.—А. А. Круазеванъ-деръ-Копъ.—К. Хунъ.—Х. Моргенштернъ.—А. Вейсбахъ.—Г. Петри.—Р. Кнѣтель.—Альвардтъ.—Бар. Г. Фейервари.—Имм. Харуко.—А. Фишеръ.—Люсъ Гервенъ.—П. Эрсперейхъ.—Ф. Козленъ.—Герц. Аргайльскій.—О. Геванъ ванъ Ринъ.—І. Шейренбергъ.

Михальчукъ, Константинъ Петровичъ, († въ апрѣлѣ 1914 г., на 74-мъ году), видный украинскій филологъ, членъ-корреспондентъ петербургской академіи наукъ. Его большой трудъ „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины“ вошелъ въ VII томъ „Труденъ экспедиціи въ Югозападный край“. Изъ многочисленныхъ другихъ его работъ можетъ быть отмѣчено „Открытое письмо къ А. Н. Пыпину“, вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ въ Кіевѣ въ 1909 г. Онъ принималъ также участіе въ работахъ по составленію украинскаго словаря и въ собираніи матеріаловъ о малорусскихъ говорахъ, и былъ представителемъ лингвистической комиссіи кіевскаго украинскаго научнаго общества. Покойный украинскій ученый служилъ до конца дней бухгалтеромъ на кіевскомъ пивоваренномъ заводѣ.

Конягинъ, А. А. († въ апрѣлѣ 1914 г.), членъ третьей и четвертой Государственной Думы, принадлежавшій къ фракціи октябристовъ. Въ теченіе 15 лѣтъ былъ городскимъ головой въ Ананьевѣ.

Хелмонскій, Іосифъ († въ мартѣ 1914 г., 64 лѣтъ), выдающійся польскій художникъ, пейзажистъ и жанристъ, изображавшій польскій бытъ и польскій пейзажъ. Нѣкоторыя изъ его картинъ написаны на историческіе сюжеты.

Крачковскій, Іосифъ Евстафьевичъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 59 лѣтъ) художникъ-пейзажистъ, академикъ. Въ академіи художествъ Крачковскій былъ ученикомъ барона М. К. Клодта, въ 1878 г. и 1879 г. получилъ малую и большую золотыя медали, въ 1880—1884 гг. находился въ заграничной командировкѣ за счетъ академіи, по возвращеніи въ Россію получилъ званіе академика. Въ послѣднее время былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ выставокъ „Товарищества художниковъ“.

Рѣдкинъ, Александръ Платоновичъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 69 лѣтъ), писатель, въ молодости сотрудничалъ въ „Искрѣ“ В. Курочкина и въ „Будильникѣ“ Н. А. Степанова. Сотрудничалъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, „Московскомъ Телеграфѣ“, „Міровыхъ Отголоскахъ“, „Образованіи“ и др. изданіяхъ. Превосходно владѣя иностранными языками, составилъ нѣсколько самоучителей по извѣстной методѣ Туссена-Лангеншейдта.

Бенгровъ, Александръ Карловичъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 73-хъ лѣтъ), художникъ-маринистъ, почетный членъ академіи художествъ. Служилъ долгое время во флотѣ, былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи. Картины свои выставлялъ на выставкахъ передвижниковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сейчасъ находятся въ музеѣ Александра III въ С.-Петербургѣ, а также въ другихъ музеяхъ. Онъ пожертвовалъ академіи художествъ капиталъ въ 60 тысячъ рублей, съ тѣмъ условіемъ, чтобы проценты выдавались ему пожизненно, а послѣ его смерти вдовамъ и сиротамъ художниковъ. Кончилъ жизнь самоубійствомъ, повидимому, вслѣдствіе мучительной и неизлѣчимой болѣзни.

Протопоповъ, Василій Яковлевичъ († въ мартѣ 1914 г.), видный общественный дѣятель въ Одессѣ, занявшій постъ городского головы этого города въ 1905 г. Начавъ адвокатскую дѣятельность въ концѣ 60-хъ гг. Протопововъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при одесской судебной палатѣ, но вышелъ изъ совѣта въ 1904 г. и посвятилъ всю свою дѣятельность городскому самоуправленію. Въ 1907 году, послѣ побѣды правыхъ на городскихъ выборахъ, оставилъ должность городского головы и переѣхалъ въ Петербургъ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ умѣреннымъ прогрессистомъ.

Барсуковъ, Александръ Платоновичъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 74 лѣтъ), послѣдній остававшійся въ живыхъ изъ трехъ братьевъ историковъ, получившихъ извѣстность изданіемъ и обработкой многочисленныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ по русской исторіи (Николай Платоновичъ, авторъ монументальнаго труда „Жизнь и труды М. И. Погодина“, и Иванъ Платоновичъ умерли оба въ 1906 г.). А. П. кончилъ Воронежскій кадетскій корпусъ, служилъ въ синодѣ и въ сенатѣ. Главнымъ трудомъ его является многотомное изданіе „Родъ Шереметевыхъ“.

Таганцева, Любовь Степановна († въ апрѣлѣ 1914 г., 69 лѣтъ), основательница и начальница одной изъ лучшихъ петербургскихъ женскихъ гимназій. Въ ея гимназіи, основанной въ 1883 г., работали люди, составившіе себѣ почетное имя на научномъ и педагогическомъ поприщѣ.

Бибиковъ, А. А. († въ мартѣ 1914 г., 74-хъ лѣтъ), помѣщикъ Тульской губерніи, общественный дѣятель, другъ Л. Н. Толстого, послѣдовательно проводившій въ жизнь свои народническія воззрѣнія. Въ 60-хъ годахъ былъ мировымъ посредникомъ, привлекался по дѣлу Каракозова, былъ сосланъ въ Вологодскую губернію. Большую часть своего имѣнія въ Тульской губ. онъ роздалъ крестьянамъ, женился на крестьянкѣ и старался вести крестьянскій образъ жизни. Одно время онъ управлялъ бузулукскимъ имѣніемъ Толстого. Въ послѣдніе годы жилъ въ Самарѣ, былъ членомъ мѣстнаго комитета конституціонно-демократической партіи.

Крамалей, М. М. († въ апрѣлѣ 1914 г.), бывшій отвѣтственный редакторъ газеты *Русь*, много разъ подвергавшійся судебному и административному преслѣдованію за свою журнальную дѣятельность. Въ послѣднее время былъ сотрудникомъ московской „Искры“.

Муратовъ, Николай Павловичъ († въ апрѣлѣ 1914 г.), земскій дѣятель, бывшій долгое время предсѣдателемъ ковровской земской управы, уѣзднымъ предводителемъ дворянства, гласнымъ вла-

димірскаго губернскаго земскаго собранія. Очень много сдѣлалъ для школьнаго дѣла и для земской медицины въ Ковровскомъ уѣздѣ. Былъ участникомъ общеземскихъ съѣздовъ. Принадлежалъ къ партіи к.-д.

Лосъ, А. П. († въ мартѣ 1914 г., 35 лѣтъ), артистъ. Игралъ ранѣе въ Московскомъ Художественномъ театрѣ, потомъ въ петербургскомъ „Кривомъ зеркалѣ", а въ послѣднее время въ Суворинскомъ театрѣ въ Петербургѣ же. Кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Ермоловъ, Н. А. († въ мартѣ 1914 г., 83 лѣтъ), одинъ изъ старѣйшихъ артистовъ русскаго балета. Покойный считался яркимъ представителемъ старой театральной Москвы.

Лавровскій, В. П. († въ мартѣ 1914 г., на 50 году), ассистентъ терапевтической клиники Московскаго университета, занимавшійся изученіемъ вліянія рентгеновскихъ лучей при разнаго рода болѣзняхъ. Нѣкоторыми врачами было высказано предположеніе, что смерть его могла явиться результатомъ постепеннаго воздѣйствія рентгеновскихъ лучей.

Розенъ, В. А., *баронъ* († въ апрѣлѣ 1914 г., на 67 году), присяжный повѣренный въ Курскѣ, членъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Харьковской судебной палаты; въ прошломъ году праздновалъ 40-лѣтній юбилей своей адвокатской дѣятельности.

Будбергъ, Александръ Андреевичъ, баронъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 60 лѣтъ), членъ Государственнаго Совѣта, бывшій главноуправляющій Собственной Его Величества канцеляріи по принятію прошеній.

Турау, Евгеній Федоровичъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 63 лѣтъ), членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ. Служба Турау прошла по вѣдомству министерства юстиціи. До назначенія сенаторомъ (въ 1900 г.) онъ служилъ въ Варшавѣ, въ качествѣ товарища прокурора и прокурора судебной палаты и принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по кодификаціи мѣстныхъ узаконеній Царства Польскаго. Въ должности сенатора неоднократно получалъ отвѣтственныя порученія по дѣламъ, имѣвшимъ большое общественное значеніе: на него возлагалось обслѣдованіе дѣятельности пироговскихъ съѣздовъ и съѣздовъ по техническому образованію, въ 1905 г. онъ былъ посланъ въ Кіевъ для изслѣдованія обстоятельствъ анти-еврейскихъ безпорядковъ. Былъ однимъ изъ активныхъ участниковъ Общества содѣйствія промышленности и торговлѣ, участвовалъ въ организаціи кустарныхъ съѣздовъ и кустарнаго музея. Членомъ Государственнаго Совѣта назначенъ въ 1906 г.

Голицынъ, Павелъ Петровичъ, князь († въ апрѣлѣ 1914 г., 57 лѣтъ), членъ Государственнаго Совѣта (по избранію отъ Новгородскаго земства). Новгородскій губернскій предводитель дворянства. Въ молодости служилъ на военной службѣ, потомъ былъ членомъ новгородской уѣздной земской управы. Въ Государственномъ Совѣтѣ принадлежалъ къ группѣ центра.

Эльмина, Александра Александровна († въ апрѣлѣ 1914 г.), артистка Александринскаго театра въ Петербургѣ, исполнявшая преимущественно роли комическихъ старухъ.

Винницкая-Будлянникъ, Александра Александровна († въ апрѣлѣ 1914 г., 66 лѣтъ), писательница. Первая повѣсть ея была помѣщена въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ 1881 г. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ повѣстей, романовъ и разсказовъ, печатавшихся въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, *Вѣстникѣ Европы*, *Русскомъ Богатствѣ*, *Наблюдателѣ*, *Новомъ Времени* и др. изданіяхъ; нѣкоторыя произведенія вышли и отдѣльными книгами.

Лельковъ, Петръ Ивановичъ († въ апрѣлѣ 1914 г.), старшій нижегородскій биржевой маклеръ, видный представитель торговаго Поволжья, основатель и издатель *Нижегородской Биржи*.

Буржинскій, А. († въ апрѣлѣ н. ст. 1914), польскій дѣятель, завѣщавшій милліонный фондъ на образованіе въ Галиціи польскихъ дружинъ „юныхъ развѣдчиковъ“, по типу спортивныхъ дѣтскихъ дружинъ развѣдчиковъ въ Англіи.

Голуховскій, Адамъ, графъ († въ апрѣлѣ н. ст., 55 лѣтъ), ландмаршалъ (президентъ сейма) въ Галиціи, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи. Наибольшая часть службы Голуховскаго прошла на дипломатическомъ поприщѣ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ онъ былъ съ 1895 г. до 1906 г. и въ это время игралъ выдающуюся роль въ международной политикѣ.

Ганзенъ, Эйгилъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 27 лѣтъ), датскій поэтъ, авторъ двухъ „трагикомедій индивидуализма“: „Паравойя“ и „Каннибалы“, и вышедшаго два года тому назадъ сборника разсказовъ.

Цеймеръ (Zeumer), Карлъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 63 лѣтъ), профессоръ берлинскаго университета, историкъ и юристъ, спеціалистъ по исторіи права. Ученикъ Вайтца и въ извѣстномъ смыслѣ продолжатель его научныхъ традицій. Онъ былъ членомъ центральнаго комитета „Monumenta Germaniae Historica“, въ составѣ которыхъ выпустилъ образцовыя изданія юридическихъ памятниковъ; эти изданія создали ему первостепенный авторитетъ въ области „эдиціонной“ техники. Въ числѣ трудовъ его: „Deutsche Städtesteuern ins Mittelalter“(„Городскіе налоги въ Германіи въ средніе вѣка“), „Quellenversammlung zur Geschichte des deutschen Reichsverfassung“ („Собраніе источниковъ по исторіи государственнаго устройства германской имперіи“), „Die goldene Bulle Kaiser Karls IV“ („Золотая булла императора Карла IV“) и др.

Іергенсенъ, С. М. († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 76 лѣтъ), датскій ученый, химикъ, имѣющій большія заслуги въ области неорганической химіи. Состоялъ президентомъ научно-художественнаго института Карлсбергъ (Carsbergfond), основаннаго извѣстнымъ пивоваромъ и меценатомъ Якобсеномъ.

Маттеи Тито († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 74 лѣтъ), итальянскій композиторъ и піанистъ. Въ свое время сражался подъ знаменемъ Гарибальди. Особенной извѣстностью пользовались его изложенія англійскихъ и итальянскихъ пѣсенъ. Написалъ также оперу, которая ставилась въ Лондонскомъ театрѣ.

Роллесъ Драйверъ, Самюэль († въ мартѣ н. ст. 1914 г.), англійскій гебраистъ, спеціалистъ по Ветхому завѣту, профессоръ въ Оксфордѣ. Изъ его ученыхъ трудовъ наибольшее распространеніе имѣетъ книга „An Introduction to the Literature of the old Testament“ („Введеніе въ литературу Ветхаго завѣта“), выдержавшая девять изданій.

Бендратъ, Артуръ († въ мартѣ н. ст. 1914 г., 42-хъ лѣтъ), дрезденскій художникъ, пейзажистъ. Особенно извѣстны его картины, изображающія старинные ганзейскіе города.

Зюссъ, Эдуардъ († въ апрѣлѣ н. ст., 83-хъ лѣтъ), знаменитый австрійскій геологъ, бывшій профессоръ геологіи въ Вѣнскомъ университетѣ (до 1901 г.), президентъ вѣнской академіи наукъ (до 1911 г.) и общественный дѣятель; къ числу наиболѣе извѣстныхъ его работъ принадлежатъ: „Die Enstehung der Alpen“ („Происхожденіе Альпъ“), „Die Zukunft des Goldes“ („Будущее золота“), „Die Zukunft des Silbers („Будущее серебра“), „Das Antlitz der Erde“ („Лицо земли“). Послѣдняя его работа, отличающаяся также и художественностью изложенія, переведена на нѣсколько языковъ. Среди экономистовъ одно время пользовались нѣкоторымъ вѣсомъ его предсказанія (въ 70-хъ годахъ) о предстоящемъ сокращеніи добычи золота и совѣты перейти къ серебряной валютѣ. Зюссъ не мало потрудился и на общественномъ поприщѣ въ качествѣ городского гласнаго въ Вѣнѣ, депутата въ нижне-австрійскомъ сеймѣ и въ имперскомъ парламентѣ. Вѣна,

многимъ обязана ему, между прочимъ, въ дѣлѣ устройства водоснабженія. Въ парламентѣ З. былъ горячимъ защитникомъ либеральныхъ началъ и принадлежалъ къ наиболѣе блестящимъ ораторамъ лѣвой. З. состоялъ почетнымъ членомъ нашей академіи наукъ.

Круазе-ванъ-деръ-Конъ, Анна Арнольдовна († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г.), голландская ученая, избравшая своею спеціальностью славяновѣдѣніе. Она изучала славянскій міръ не только по книгамъ, но наблюдала подлинную народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и особенно хорошо знала Россію и Польшу. Послѣдніе годы она жила почти безвыѣздно въ Россіи, много ѣздила по Россіи и пріобрѣла у насъ много знакомыхъ и друзей. Она много работала надъ вопросомъ о польскихъ вліяніяхъ въ русской литературѣ и культурѣ, интересовалась также исторіей русско-голландскихъ отношеній. Ея статьи помѣщались въ различныхъ спеціальныхъ журналахъ, между прочимъ, и въ *Извѣстіяхъ* нашей академіи.

Хунъ, Карлъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 62-хъ лѣтъ), профессоръ зоологіи и директоръ зоологическаго института при Лейпцигскомъ университетѣ. Былъ руководителемъ нѣмецкой научной экспедиціи для изученія глубоководной фауны въ 1898—1899 году; результаты изслѣдованій этой экспедиціи онъ изложилъ, кромѣ подробныхъ научныхъ отчетовъ, также въ популярно написанномъ сочиненіи: „Aus den Tiefen des Weltmeers" (1902 г.) (Изъ глубинъ океана.) Много важныхъ изслѣдованій сдѣлано имъ и въ области общей біологіи.

Моргенштернъ, Христіанъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 43-хъ лѣтъ), нѣмецкій поэтъ, извѣстный своими переводами Ибсена и другихъ сѣверныхъ авторовъ и своими лирическими сборниками: „Galgenlieder" и „Palmström". Одно время редактировалъ Рейнгардтовскій журналъ „Das Theater".

Пенсбахъ, Іоганнесъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 78 лѣтъ), австрійскій врачъ, пріобрѣтшій большую извѣстность своими работами по краніологіи. Былъ старшимъ врачомъ въ національномъ госпиталѣ въ Константинополѣ и собралъ превосходную коллекцію череповъ изъ древнихъ турецкихъ гробницъ.

Петри, Генрихъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 58 лѣтъ), дрезденскій скрипачъ.

Кютель, Рихардъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 58 лѣтъ), нѣмецкій художникъ, профессоръ, писавшій историческія картины, сюжетомъ которыхъ главнымъ образомъ служили нѣмецкія войны.

Альвардтъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 года, 67 лѣтъ), нѣмецкій политикъ и агитаторъ, типичный представитель воинствующаго антисемитизма, бывшій депутатъ германскаго рейхстага. Его агитаціонная брошюра „Judenflinten" навлекла на него судебное преслѣдованіе и осужденіе. Его полемическіе пріемы были осуждены и рейхстагомъ. Въ свое время онъ дѣлалъ много шума своими публичными выступленіями и мнимыми разоблаченіями всякаго рода, но уже много лѣтъ, какъ онъ совершенно сошелъ съ политической сцены. Погибъ отъ несчастнаго случая въ Лейпцигѣ.

Фейерварри, Геза, баронъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 81 года), бывшій министръ военной обороны (министръ гонведовъ) и министръ-президентъ въ Венгріи. Молодымъ офицеромъ отличился во время итальянской кампаніи. Вскорѣ послѣ введенія дуалистическаго режима перешелъ въ венгерскіе гонведы. Съ 1894 г. состоялъ министромъ гонведовъ въ цѣломъ рядѣ сменявшихъ другъ друга министерствъ. Въ 1905 г. въ моментъ наибольшаго обострѣнія борьбы короны съ венгерскимъ парламентомъ, послѣ пораженія на выборахъ правительственной партіи Тиссы, Ф. былъ призванъ на постъ министра-президента и управлялъ страной, имѣя противъ себя сплоченное парламент-

ское большинство, и при всеобщемъ почти революціонномъ возбужденіи въ странѣ. Послѣ достиженія соглашенія съ оппозиціей, Ф. оставилъ должность министра-президента, переселился въ Вѣну и не возвращался уже къ политической дѣятельности. Ф. пользовался большимъ личнымъ расположеніемъ императора Франца Іосифа и имѣлъ нравственный авторитетъ, какъ прямой человѣкъ, свободный отъ партійныхъ путъ.

Харуко, († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 64-хъ лѣтъ), японская вдовствующая императрица.

Фишеръ, Адольфъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., на 60 году), создатель и директоръ музея восточно-азіатскаго искусства въ Кёльнѣ. Онъ не былъ ученымъ въ подлинномъ смыслѣ слова, но былъ энтузіастомъ своей идеи, много путешествовалъ на Востокѣ, собралъ богатыя коллекціи восточно-азіатскаго искусства, и созданный имъ кёльнскій музей представляетъ большое культурное дѣло.

Герпенъ, Люсъ († въ апрѣлѣ н. ст., 85 лѣтъ), французская писательница, печатавшая свои работы подъ псевдонимомъ „Люсьенъ Перей". Ея работы относятся главнымъ образомъ къ культурной исторіи 18-го вѣка. Нѣкоторыя изъ нихъ были премированы академіей. Наиболѣе извѣстны: „La vie intime de Voltaire" (Вольтеръ въ частной жизни), „Histoire d'une grande dame au XVIII Siècle" (Жизнь знатной дамы XVIII вѣка), „Correspondance de l'abbé Galiani" („Переписка аббата Галіани"), „Un petit neveu de Mazarin" (Внучатный племянникъ Мазарини). Нѣкоторыя работы были написаны Г. совмѣстно съ Гастономъ Могра.

Эренрейхъ, Пауль († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 58 лѣтъ), профессоръ берлинскаго университета, замѣчательный этнологъ, много путешествовавшій съ научными цѣлями по экваторіальнымъ странамъ южной Америки и изучившій бразильскія племена. Онъ интересовался также вопросами сравнительной миѳологіи и опубликовалъ въ 1910 г. трудъ: „Общая миѳологія".

Колленъ, Фредерикъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 75 лѣтъ), видный норвежскій художникъ.

Герцогъ Аргайльскій, Джонъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 69 лѣтъ), видный представитель англійской аристократіи, политическій дѣятель, писатель. Былъ женатъ на дочери королевы Викторіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ членомъ палаты общинъ, сначала примыкалъ къ либераламъ, потомъ къ уніонистамъ. Написалъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ „Жизнь королевы Викторіи", „Жизнь Пальмерстона", „Соединенные Штаты послѣ войны" и др.

Геннъ амъ Ринъ, Отто († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., на 86 году), швейцарско-нѣмецкій историкъ, архивистъ, публицистъ. Изъ его работъ наиболѣе извѣстны: „Geschichte des Schweizer Volkes" („Исторія швейцарскаго народа") „Kulturgeschichte des Judentums" („Исторія культуры евреевъ"), „Allgemeine Kulturgeschichte von der Urzeit bis zur Gegenwart" („Всеобщая исторія культуры съ первобытныхъ временъ до настоящаго времени, 6 тт.), а также изслѣдованія о іезуитахъ и о вольныхъ каменщикахъ. Работалъ и на газетномъ поприщѣ.

Шейрёнбергъ, Іосифъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 67 лѣтъ), нѣмецкій художникъ, портретистъ. Лучшія его картины, преимущественно религіознаго содержанія, находятся въ берлинской національной галлереѣ.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Май 1914 года.

Содержаніе: I. Книги: Литература, исторія литературы и литературная критика. — Исторія. — Философія и религія. — Публицистика. — Политическая экономія, статистика и финансы. — Искусство. — Педагогика и народное образованіе. — Естествознаніе и математика. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1914 года.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Полное собраніе сочиненій *М. Ю. Лермонтова.* Т. V. Изд. Академіи Наукъ.—*М. Гершензонъ.* Грибоѣдовская Москва. *П. Сакъ Викторъ.* Боги и люди. Перев. М. Волошина.

Академическая библіотека русскихъ писателей. Вып. 6-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе Разряда изящной словесности Академіи наукъ. Томъ пятый. Спб., 1913. Стр. CXXVIII + 257.

Пятый томъ академическаго Лермонтова, несомнѣнно, получитъ такое же значеніе въ лермонтовской исторіографіи, какое до послѣдняго времени имѣлъ шестой томъ сочиненій Лермонтова, редактированныхъ П. А. Висковатовымъ и изданныхъ В. О. Рихтеромъ въ 1891 году. Къ шестому тому Висковатова мы обращались какъ къ лермонтовской энциклопедіи—за свѣдѣніями литературными, біографическими, библіографическими. Прошло, однако, вотъ уже 23 года со времени его появленія, и теперь въ немъ многое оказалось ошибочнымъ, многое устарѣло; въ литературѣ появилось много новыхъ и цѣнныхъ данныхъ, и обозначилась постепенно необходимость въ новомъ генеральномъ пересмотрѣ всѣхъ матеріаловъ по Лермонтову. Навстрѣчу этой потребности идетъ пятый томъ академическаго изданія. Онъ открывается обзоромъ источниковъ для біографіи, въ которомъ Д. И. Абрамовичъ даетъ характеристику содержанія и опредѣляетъ степень достовѣрности воспоминаній о Лермонтовѣ и другихъ источниковъ. Далѣе слѣдуетъ литературно-біографическій очеркъ; авторъ далъ ему скромное названіе „Матеріаловъ для біографіи и литературной характеристики“, но очеркъ, если и не имѣетъ литературной оригинальности и законченности, является, однако, связной и полной біографіей поэта: Д. И. Абрамовичъ извлекъ изъ него много свѣжихъ данныхъ, разбросанныхъ порознь въ неизданныхъ

документовъ. Къ очерку тѣсно примыкаетъ „хронологическая канва для біографіи“, дающая возможность быстро получать точныя справки; за послѣднее время вошло въ обычай снабжать критическія изданія писателей такой „канвой“, и нельзя не сочувствовать этому. Лермонтовская канва, впрочемъ, не богата фактами — и, конечно, не по винѣ составителя: самый обильный матеріалъ для такой канвы обыкновенно дается перепиской писателя, переписка же Лермонтова поразительно скудна; въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ даже Кольцову, не говоря уже о Пушкинѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Толстомъ. Зато рукописи Лермонтова обильны и дошли до насъ въ большой сохранности; онѣ хранятся въ Лермонтовскомъ музеѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, въ Румянцевскомъ музеѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ; описаніе ихъ занимаетъ большое мѣсто въ пятомъ томѣ и составляетъ заслугу Д. И. Абрамовича, лучшаго теперь знатока лермонтовскихъ бумагъ. За описаніемъ рукописей слѣдуютъ списокъ произведеній Лермонтова по времени перваго появленія ихъ въ печати и обзоръ отдѣльныхъ изданій его сочиненій. Эти указатели очень полезны для спеціалистовъ-изслѣдователей, но, конечно, мало говорятъ широкому кругу читателей. Зато весьма поучителенъ для послѣднихъ слѣдующій дальше „Обзоръ литературы о Лермонтовѣ“. Кругъ статей редактора замыкается изслѣдованіемъ о языкѣ и стихѣ Лермонтова. Эта статья, несомнѣнно, стоила автору большого труда и составляетъ полезный вкладъ въ бѣдную пока исторію русскаго литературнаго языка и стиля; здѣсь тщательно собраны наблюдаемыя въ поэтическомъ языкѣ Лермонтова черты церковно-книжной рѣчи, особенности народнаго языка, иностранные элементы; охарактеризованъ процессъ выработки стиля, на основаніи наблюденій надъ автографами, и проч. Небольшой экскурсъ въ лермонтовское стихосложеніе будетъ полезенъ не только учащимся, но и теоретикамъ поэзіи.

Кромѣ самого Д. И. Абрамовича, въ пятомъ томѣ приняли участіе и нѣкоторые другіе изслѣдователи — каждый по своей спеціальности. П. А. Заболотскій, Fr. Duckmeyer, A. Mazon и К. Н. Фаминскій предложили обширные обзоры переводовъ и критическихъ оцѣнокъ Лермонтова у славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ; бар. Н. Н. Врангель и Б. С. Мосоловъ дали оцѣнку художественныхъ работъ Лермонтова и иллюстрированныхъ изданій его произведеній; проф. С. К. Буличъ характеризуетъ Лермонтова въ русской музыкѣ. Въ концѣ книги приложенъ указатель собственныхъ именъ (ко всѣмъ томамъ).

Н. Пиксановъ.

М. Гершензонъ. **Грибоѣдовская Москва. Изд. М. и С. Саблашниковыхъ. М., 1914 г. Стр. 120. Ц. 1 р.**

Это новый для М. О. Гершензона родъ писательства. Точно усталъ онъ отъ туманной, такъ часто безплодной утонченности умниковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, философскія и мистическія переживанія которыхъ онъ училъ насъ понимать и изучать, усталъ, и захотѣлъ отдохнуть среди простоты быта, съ его крѣпкими и вѣчными инстинктами, желаньями, страстями. Съ усмѣшкой старшаго, снисходительной и любовной, слѣдитъ онъ за семьей Римскихъ-Корсаковыхъ, чьи письма отдала въ рас-

пареніе историка покойнаго Н. А. Огарева. Въ центрѣ книги стоитъ умная и своеобразная рукопись огромной силы, М. Н. Римская-Корсакова, которую кн. Н. А. Вяземскій называлъ какъ типъ „московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ значеніи этого слова". Ея полныя мѣткости и образности письма рисуютъ ту среду, откуда Грибоѣдовъ бралъ своихъ героевъ. Мы видимъ этотъ своеобразный міръ и въ тяжелый годъ бѣгства изъ Москвы, когда испуганные москвичи бѣгутъ отъ французовъ въ Нижній и переносятъ туда свои привычки, свои развлеченія, свою суетность. Потомъ опять Москва, балы, маскарады, пріѣздъ императора Александра I, красавицы дочери, которыхъ заботливая мать старается выдавать замужъ, сыновья-офицеры, съ ихъ кутежами, съ ихъ мотовствомъ тогда неуклонно къ начальству. Рядъ мелочей, подробностей, анекдотовъ ставитъ насъ въ соприкосновеніе съ живыми человѣческими переживаніями, и хотя авторъ беретъ эпиграфомъ: „Быль за сказкой не угонится", но иногда кажется, что читаешь не простую быль, а художественную небывальщину.

Самъ М. О. Гершензонъ опредѣляетъ свою книгу, какъ „опытъ историческій иллюстраціи къ „Горе отъ ума". Скорѣе, это эскизъ къ историческому роману.

У автора та нѣжная внимательность къ отдѣльнымъ лицамъ, хотя бы мимолетно освѣщеннымъ его хроникой, какая бываетъ у настоящихъ романистовъ, для которыхъ каждый герой близокъ и дорогъ. Одна изъ дочерей М. Н. Римской-Корсаковой, Варвара, умерла молодой отъ чахотки. Была она красивая и милая, но не особенно счастливая. Отъ нея уцѣлѣло только одно письмо къ брату. „Вотъ все, что осталось отъ ея земного существованія, одинъ этотъ листокъ, — говоритъ Гершензонъ. — Но въ немъ она еще и теперь жива, въ немъ не остыла живая теплота ея чувства. Развѣ это не чудо?... Все золото, какое есть на землѣ, не можетъ уравновѣсить цѣну этого бѣднаго листка почтовой бумаги, бережно несущаго черезъ вѣка безсмертную жизнь сознанія. Тѣ прекрасные глаза закрылись сто лѣтъ назадъ, но ихъ бархатный взглядъ все свѣтитъ намъ, какъ лучи давно угасшихъ звѣздъ..."

Такъ глубоко, такъ любовно ощущаетъ М. О. Гершензонъ и дѣла, и душу давно умершихъ людей, что, пожалуй, многіе читатели послѣ „Грибоѣдовской Москвы" будутъ ждать отъ него настоящаго историческаго романа. Вѣдь послѣ „Войны и мира" ни одинъ беллетристъ насъ не порадовалъ любовнымъ изображеніемъ начала XIX вѣка, въ которомъ такъ много красоты и движенія, мистическихъ порывовъ и поэтической дѣйственности.

А. Тырковъ.

П. де Сенъ Викторъ. Боги и люди. Переводъ М. Волошина. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Стр. 478. М., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поль де Сенъ Викторъ — не только „Донъ-Жуанъ мысли", какъ его называли современники, но и Донъ-Кихотъ ея. Это — [illegible] литературы и вѣрный ея рыцарь. Литература — это Дульцинея, [illegible], безплотная. Онъ, какъ и Донъ-Кихотъ, „доскакалъ отъ рѣчки къ королямъ и любезничалъ съ инфантами", и рѣчь его — [illegible] sursum corda". Поэтому, можетъ быть, это [illegible] и Донъ-Кихотъ — одинъ изъ лучшихъ въ книгѣ. Слабость [illegible] Автора

очень любезно раскланивается передъ античностью, но дальше поклоновъ не идетъ. Удачнѣе всего—страшный отдѣлъ цезарей и королей. Здѣсь чувствуешь себя, какъ въ паноптикумѣ, среди восковыхъ фигуръ. Неронъ, Маркъ Аврелій, Аттила, Людовикъ XI, Цезарь Борджіа, Генрихъ III, Карлъ II—все это выставлено напоказъ, разодѣто, разукрашено, все смотритъ на васъ мертвыми восковыми глазами. Поль де Сенъ Викторъ—не портретистъ и не историкъ. Онъ—хранитель восковыхъ фигуръ, страстный ихъ почитатель и жрецъ. Недаромъ такъ часто говоритъ онъ о смерти и такъ, въ сущности, спокойно.

Предисловіе М. Волошина ярко рисуетъ весь обликъ Сенъ Виктора, какъ писателя. Совершенно вѣрно, что онъ способенъ былъ „воспринимать лишь ту дѣйствительность, которая уже разъ прошла черезъ человѣческое воспріятіе". Именно, поэтому онъ—не только Донъ-Жуанъ, но и Донъ-Кихотъ литературы. Его реальность—„реальность библіотекъ и музеевъ". Его творчество—„творчество комбинацій и сопоставленій".

Переводъ сдѣланъ весьма литературно. Не знаю, „*нуженъ*" ли, дѣйствительно, русскому читателю такой авторъ, но, во всякомъ случаѣ, интересенъ и развлекателенъ.

Б. Эйхенбаумъ.

ИСТОРІЯ.

И. П. Козловскій. Первыя почты и первые почтмейстеры въ Московскомъ государствѣ. Т. I и II.—*Владиміръ Пархоменко.* Начало христіанства Руси.

И. П. Козловскій. **Первыя почты и первые почтмейстеры въ Московскомъ государствѣ. Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ исторіи русской культуры во 2-й половинѣ XVII в. Т. I (изслѣдованіе). Стр. 536+6 таблицъ+карта. Т. II (приложенія). Стр. 4+523. Варшава, 1913 г. Ц. 5 р.**

Авторъ трактуетъ въ своей книгѣ о двухъ совершенно различныхъ предметахъ: во-первыхъ, объ учрежденіи въ Московскомъ государствѣ первыхъ почтъ и о ходѣ почтоваго дѣла, во-вторыхъ, сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о первыхъ почтмейстерахъ. Какой-либо попытки связать эти двѣ темы мы у автора не видимъ, и читателю непонятно, что общаго между свѣдѣніями о заграничной жизни Марселиса-дѣда (а о ней даются очень подробныя свѣдѣнія) и учрежденіемъ въ Россіи регулярныхъ почтовыхъ сношеній при его внукѣ. Въ той части книги, гдѣ приводятся біографическія свѣдѣнія о Фанъ-Сведенѣ (гл. I), Марселисѣ (гл. II) и Виніусѣ (гл. IV), авторъ въ первыхъ двухъ біографическихъ очеркахъ не сообщаетъ ничего новаго, доселѣ въ научной литературѣ неизвѣстнаго, основывая свое изложеніе преимущественно на работахъ Brückner'а и проф. Цвѣтаева. Больше новаго встрѣчаемъ мы въ біографіи Виніуса—автору удалось привлечь много новаго архивнаго матеріала (хотя отъ использованія наиболѣе интересной части его,—писемъ Виніуса къ заграничнымъ почтмейстерамъ,—онъ и отказался. См. предисловіе ко II т., стр. 1, 2). Но въ этой главѣ ярко сказался общій недостатокъ всей работы: не авторъ владѣетъ въ ней своимъ матеріаломъ, а матеріалъ всецѣло подчиняетъ ходъ мысли автора, и

послѣдній оказывается неспособнымъ подняться надъ матеріаломъ, овладѣть имъ и научно его обработать. Этотъ основной недостатокъ работы автора еще ярче сказался во второй темѣ его книги. Г. Козловскій не далъ въ ней сколько-нибудь обобщающей, дѣйствительно научной, исторіи первыхъ русскихъ почтъ: онъ только перечислилъ, и, при томъ не всегда достаточно связно, тотъ архивный матеріалъ, который хранится въ почтовыхъ дѣлахъ арх. мин. инностр. дѣлъ. Никакихъ выводовъ и обобщеній мы у него не находимъ, а нѣсколько общихъ теоретическихъ разсужденій о значеніи первой почты въ жизни Московскаго государства вовсе не вытекаютъ изъ его матеріала. Такое слѣпое слѣдованіе за архивнымъ матеріаломъ привело къ тому, что книга, во-первыхъ, безъ нужды разрослась и тѣмъ потеряла свой интересъ, даже съ точки зрѣнія собранія яркихъ бытовыхъ картинъ, а съ другой—къ тому, что авторъ и самъ не смогъ выдѣлить болѣе цѣннаго матеріала, и цѣлый рядъ страницъ посвятилъ, напр., описанію похожденій пьяныхъ ямщиковъ (напр., стр. 402—414). Въ соотвѣтствіи съ пріемами работы надъ историческимъ матеріаломъ понимаетъ авторъ и работу надъ изданіемъ этихъ матеріаловъ. Не говоримъ уже о необходимости примѣнять при изданіи архивнаго матеріала какую-либо систематическую орѳографію, но г. Козловскій не потрудился даже разбить печатаемый архивный матеріалъ на части и дать имъ соотвѣтственные заголовки! Какъ лежали дѣла въ картонахъ архива, такъ они и были изданы,—нѣтъ, конечно, ни указателя, ни оглавленія. Такого рода изданіе документовъ—вещь совершенно непростительная.

А. Гнѣдушевъ.

Владиміръ Пархоменко. **Начало христіанства Руси. Очеркъ изъ исторіи Руси IX—X вѣковъ. Полтава, 1913 г. Стр. VII+191. Ц. 1 р. 50 к.**

Работа г. Пархоменка возникла „въ неблагопріятныхъ провинціальныхъ условіяхъ", и уже то обстоятельство, что авторъ сумѣлъ вполнѣ преодолѣть эти условія, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Толчкомъ для появленія книги послужила „надобность пересмотрѣть выводы Голубинскаго" (стр. 15), основой же, на которой книга возникла,—„Разъясненія" акад. Шахматова.

Книга г. Пархоменка является такимъ образомъ, на-ряду съ изслѣдованіемъ М. Д. Приселкова, второй новинкой русской исторической науки, пересматривающей вопросы древне-русской церкви. Въ противоположность М. Д. Приселкову, г. Пархоменко ищетъ ключа къ исторіи зарожденія въ Россіи христіанства не въ Болгаріи, а въ Тмутаракани. Съ этой точки зрѣнія его интересуетъ также роль хазаръ, которая, по мнѣнію автора, для IX—X вѣковъ значительнѣе въ исторіи южно-русской культуры, чѣмъ роль норманновъ, такъ какъ „до X и даже почти до XI в. норманны совершенно не вѣдали дороги греческаго пути въ Византію". Торговой артеріей ихъ была только Волга.

Авторъ, впрочемъ, самъ предупреждаетъ, что, благодаря состоянію источниковъ, выводы его „далеко не всегда имѣютъ характеръ полной исторической несомнѣнности" и „нерѣдко гипотетичны". Во всякомъ случаѣ они интересны.

Г. Бузескулъ.

ФИЛОСОФІЯ И РЕЛИГІЯ.

Проф. Флурнуа. Принципы религіозной психологіи. — *Проф. А. Н. Щукаревъ.* Проблемы теоріи познанія.

Проф. Флурнуа. **Принципы религіозной психологіи. Изданіе кіевскаго религіозно-философскаго общества. Кіевъ, 1913 г. Стр. 34. Ц. 30 к.**

Въ небольшой брошюрѣ Флурнуа доказывается возможность и необходимость религіозной психологіи, какъ особой научной дисциплины. Однимъ изъ основныхъ условій ея существованія является „принципъ исключенія трансцендентности", т.-е. воздержаніе отъ рѣшенія вопроса о существованіи или несуществованіи объектовъ религіозныхъ идей и чувствъ. Религіозная психологія, по мысли Флурнуа, должна изслѣдовать лишь эмпирически данныя переживанія, разсматривая ихъ съ точки зрѣнія „физіологической", „генетической", „сравнительной" и „динамической". Всѣ эти точки зрѣнія объемлются общей „біологической", т.-е. изученіемъ религіи, какъ „жизненной функціи".

Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ границъ и полномочій въ области религіозныхъ вопросовъ мы встрѣчаемся съ чѣмъ-то давно знакомымъ, въ достаточной мѣрѣ скучнымъ, но не въ достаточной мѣрѣ правильнымъ. Не всегда возможно, безъ ущерба для истины, отграничиваться и изолироваться отъ того, что находится въ какомъ-либо отношеніи „подъ вопросомъ". Если религіозныя переживанія представляютъ нѣчто находящееся подъ воздѣйствіемъ различныхъ факторовъ и, между прочимъ, тѣхъ, которыхъ Флурнуа относитъ къ области трансцендентнаго, то, руководясь „принципомъ исключенія трансцендентности", не исключимъ ли мы изъ рѣшенія уравненія величины, для его рѣшенія по существу необходимыя? И не сдѣлается ли тогда такой „принципъ исключенія" „принципомъ односторонняго истолкованія"? Вообще стремленіемъ все „разгородить" и отнести къ различнымъ научнымъ „вѣдомствамъ" нѣчто органически связное Флурнуа, на нашъ взглядъ, обезпложиваетъ и мертвитъ самыя проблемы религіозной психологіи, которыя на почвѣ чисто феноменологической приводятъ къ выводамъ до чрезвычайности безынтереснымъ, какъ, наприм., что въ одной и той же средѣ типъ религіознаго развитія можетъ быть и съ „обращеніемъ", и безъ „обращенія" (стр. 18). Возникаетъ вопросъ, стоитъ ли ради такихъ юмористически скудныхъ результатовъ производить анкеты? Именно на извѣстномъ сочиненіи Джэмса можно было бы показать, что вездѣ, гдѣ Джэмсъ выходитъ изъ предѣловъ простого собиранія матеріала и даетъ интересныя обобщенія, эти послѣднія, явно или неявно, имѣютъ въ виду нѣчто выходящее изъ предѣловъ психологіи, какъ точной науки, хотя бы, наприм., метафизику безсознательнаго (въ наиболѣе значительной главѣ объ „обращеніи").

С. Аскольдовъ.

Проф. А. Н. Щукаревъ. **Проблемы теоріи познанія. Одесса, 1913 г. 137 стр. Ц. 1 р.**

Книга проф. Щукарева—одно изъ проявленій усилившагося за послѣднее время интереса къ философіи среди представителей точнаго знанія. Содержаніе ея представляетъ собой разборъ и попытку рѣшенія основныхъ проблемъ теоріи познанія. Мы должны признаться, что

ни разборъ, ни собственное рѣшеніе г. Щукарева проблемъ теоріи познанія нельзя назвать вполнѣ удовлетворительными. Начнемъ съ перваго. Проф. Щукаревъ, спеціалистъ въ области точнаго знанія, оказывается очень плохо знакомымъ съ исторіей философіи, и потому въ его характеристикахъ отдѣльныхъ философовъ часто попадаются не только неточности, но даже и грубыя ошибки.

Напримѣръ, на стр. 14 г. Щукаревъ утверждаетъ, что теорія познанія беретъ свое происхожденіе отъ Канта. Вряд ли съ этимъ согласится даже самый правовѣрный кантіанецъ. Такъ же неверно изложена и кантовская теорія познанія. По мнѣнію Щукарева, задача кантовской „Критики чистаго разума" заключалась въ отысканіи врожденныхъ понятій и формъ, которыя являются необходимой предпосылкой дѣятельности человѣческаго ума. Но „Критика чистаго разума" ищетъ не какихъ-то врожденныхъ формъ и понятій, а пытается открыть и объяснить предпосылки самаго точнаго знанія, математики и механики.

Совершенно неправильно на стр. 33 г. Щукаревъ приписываетъ Декарту взгляды окказіоналистовъ, говоря, что для Декарта всякій актъ познанія есть результатъ дѣятельности Бога, есть маленькій актъ его творчества.

Въ изложеніи Спинозы г. Щукаревъ, повидимому, совершенно не различаетъ понятій атрибутовъ и модусовъ, называя на стр. 34 модусы сторонами субстанціи.

Искажаетъ г. Щукаревъ и взгляды Беркли, когда на стр. 36 пишетъ про него: „съ точки зрѣнія Беркли будетъ болѣе послѣдовательнымъ предполагать, что весь внѣшній міръ существуетъ въ нашей головѣ".

Врядъ ли кто узнаетъ исходную точку системы Гегеля въ такомъ ея изложеніи на стр. 41: „мы не знаемъ внѣшняго міра, и намъ доступна только область нашего сознанія; но послѣднее есть часть міра, и потому мы можемъ предположить, что часть подобна цѣлому. Въ такомъ случаѣ основные законы, находимые нами въ области этой части, мы можемъ перенести и на цѣлое".

Такія характеристики философскихъ системъ встрѣчаемъ мы при разборѣ г. Щукаревымъ различныхъ рѣшеній проблемъ теоріи познанія. Каково же его собственное рѣшеніе гносеологической проблемы? Главную цѣль научнаго познанія г. Щукаревъ видитъ въ описаніи или изображеніи природы при помощи отвлеченныхъ символовъ. При этомъ авторъ нигдѣ не опредѣляетъ, какимъ должно быть отношеніе символовъ къ тому, что они символизируютъ. Смѣшиваетъ авторъ также понятія изображенія и описанія, что, очевидно, не одно и то же.

На стр. 77 г. Щукаревъ настойчиво указываетъ на необходимость для естествоиспытателя хорошаго воспитанія въ области отвлеченнаго мышленія. Мы съ этимъ совершенно согласны.

Л. Лопатинъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Кн. Г. Е. Львовъ и *Т. П. Полнеръ*. Наше земство за 50 лѣтъ его работы.—*С. А. Масловъ*. Земство и его экономическая дѣятельность за 50 лѣтъ существованія.—Къ пятидесятилѣтію земства. Очерки экономической дѣятельности земства.

Кн. Г. Е. Львовъ и Т. П. Полнеръ. **Наше земство за 50 лѣтъ его работы. Кн-во „Задруга". М., 1914 г. Стр. 60. Ц. 20 к. (на простой бумагѣ, при массовомъ заказѣ, отъ $4^1/_2$ к. до 6 к. за экземпляръ).**

С. Л. Масловъ. **Земство и его экономическая дѣятельность за 50 лѣтъ существованія. 1864—1914 гг. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1914 г. Стр. 98. Ц. 25 к.**

Къ пятидесятилѣтію земства. 1864—1914 гг. Очерки экономической дѣятельности земства. Сборникъ статей: кн. Дм. И. Шаховского, С. Л. Маслова, М. Н. Вонзблейна, Н. Я. Казимирова, Д. М. Шорыгина, А. П. Левицкаго, А. С. Орлова, З. С. Каценеленбаума и В. В. Хижнякова. Изд. редакціи „Вѣстника Сельскаго Хозяйства". М., 1914 г. Стр. 121. Ц. 60 к.

Дѣло популяризаціи общественныхъ знаній поставлено у насъ еще весьма плохо. Не многіе понимаютъ, что популяризація есть совершенно особое искусство, что популяризаторъ долженъ не просто пересказать то, что ему извѣстно, въ сокращенномъ видѣ и на такъ называемомъ общепонятномъ языкѣ, но долженъ произвести совершенно новую оцѣнку явленій съ точки зрѣнія важности и неважности ихъ для сознанія, лишеннаго спеціальной подготовки въ данномъ направленіи. Брошюра кн. Г. Е. Львова и Т. П. Полнера представляетъ довольно рѣдкій примѣръ весьма удовлетворительнаго выполненія задачи популяризаціи. Брошюра отличается простотой и ясностью формы, замѣчательной содержательностью, точностью въ изложеніи какъ фактическаго матеріала, такъ и общихъ соображеній. Правда, если предъявлять очень высокія требованія, то и этой работѣ можно кое-что поставить въ упрекъ. Хотѣлось бы еще больше живости и непосредственности, меньше—педагогической напряженности. Мнѣ кажется, что авторы не свободны отъ весьма распространеннаго ошибочнаго мнѣнія, будто при популяризаціи нужно избѣгать спорныхъ вопросовъ и излагать только безспорное. Думается, что работа кн. Г. Е. Львова и Т. П. Полнера выиграла бы, если бы они, напримѣръ, дали нѣкоторыя объясненія по такимъ вопросамъ, какъ борьба земской и церковно-приходской школы, представительство интересовъ промышленности и торговли въ земствѣ въ связи съ земскимъ обложеніемъ, начало самодѣятельности и начало опеки (земской и государственной) въ экономической жизни и т. д. Въ діаграммахъ, приложенныхъ къ брошюрѣ, масштабы выбраны неудачно: земскіе расходы 1912 года изображены менѣе крупными столбиками, чѣмъ на сосѣдней діаграммѣ во много разъ меньшіе расходы 1868 г.,—для *популярнаго* изданія такой способъ нужно признать неправильнымъ.

Менѣе благопріятный отзывъ приходится дать о второй изъ названныхъ брошюръ: „Земство и его экономическая дѣятельность". Книжка написана сухо, перегружена фактами и цифрами, изложеніе иногда похоже на какой-нибудь офиціальный перечень мѣропріятій и успѣховъ. Авторъ старается быть понятнымъ простому читателю, но, напримѣръ, отводя довольно много мѣста вопросамъ коопераціи, онъ не объясняетъ

ни существа кооперацiи, ни главныхъ признаковъ и функцій тѣхъ видовъ кооперативныхъ учрежденій, которыя авторомъ упоминаются. Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Хлѣбо-запасныя операціи, элеваторы и сбытъ хлѣба" (стр. 74—81), не объяснено, что такое элеваторы и какое ихъ значеніе, ни словомъ не упомянуто о комиссіонномъ торговлѣ. Встрѣчаются погрѣшности противъ точности изложенія, не допускаемыя въ популярномъ изданіи. Напримѣръ, „въ 1912 году общій бюджетъ (всѣ расходы) 34 земствъ составлялъ 220 милл. руб." (стр. 10),—неопытный читатель можетъ и долженъ заключить, что бюджетомъ называется совокупность расходовъ и что 220 милл. рублей израсходованы 34 губернскими земствами, тогда какъ въ дѣйствительности это—сумма расходовъ всѣхъ земствъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, въ 34 губерніяхъ. На стр. 88 С. Л. Масловъ говоритъ: „Заботы объ охранѣ дворянскаго землевладѣнія приводятъ теперешнихъ земцевъ къ отрицательному отношенію къ общинному землевладѣнію у крестьянъ, и подъ вліяніемъ этого многія современныя земства примыкаютъ къ землеустроительной политикѣ правительства". Это все, что читатель узнаетъ отъ автора объ отношеніи земства къ общинному землевладѣнію и землеустроительной политикѣ правительства. Наконецъ, слѣдуетъ еще прибавить, что въ книжкѣ довольно много опечатокъ.

Третья изъ названныхъ книжекъ уже не принадлежитъ къ „популярной" литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это сборникъ статей, помѣщенныхъ въ спеціальномъ юбилейномъ № *Вѣстника Сельскаго Хозяйства*. Редакція московскаго журнала хорошо сдѣлала, выпустивъ отдѣльное изданіе этихъ краткихъ, но содержательныхъ очерковъ, подводящихъ итоги экономической дѣятельности земства. Всѣ авторы, конечно, съ большимъ уваженіемъ относятся къ прошлому земства и съ большой вѣрой къ его будущему, но они не мало говорятъ и о темныхъ сторонахъ въ прошломъ и о возможныхъ разочарованіяхъ въ ближайшемъ будущемъ. Любопытны, напримѣръ, слѣдующія замѣчанія М. П. Воизблейна объ увлеченіи со стороны земства агрономическимъ дѣломъ за послѣднія 6—7 лѣтъ: „Должности агрономовъ учреждались въ необычайномъ количествѣ, земскія собранія питали преувеличенныя надежды, вопросы уже не разрабатывались съ той серьезностью, какъ это было раньше. Уѣзды, отсталые во всѣхъ отношеніяхъ, вводили одновременно участковую агрономію, устанавливали крупные оклады жалованья. Несмотря на это, учреждаемыя должности пустовали; земства еще увеличивали оклады, конкурировали между собою, но недостатка въ персоналѣ устранить не могли, особенно въ первомъ устойчивомъ, не кочующемъ съ мѣста на мѣсто" (стр. 33)... На первомъ мѣстѣ въ сборникѣ помѣщена статья болѣе общаго характера, принадлежащая перу кн. Д. И. Шаховского, который сумѣлъ на немногихъ страницахъ дать живую, небанальную картину развитія земскаго дѣла.

А. Гмыль.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА И ФИНАНСЫ.

Ив. Чистяковъ. Страхованіе рабочихъ въ Россіи. — *С. Н. Прокоповичъ.* Прерванная рѣчь на диспутѣ проф. Чистякова.—*В. П. Литвиновъ-Фалинскій.* 1) Новые законы о страхованіи рабочихъ. 2) Какъ и для чего страхуются рабочіе. — *Бар. А. М. Нолькенъ.* Законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. — *Б. Соловьевъ* и *О. Сольская.* Страхованіе рабочихъ въ Россіи и на Западѣ. Т. I, вып. II. — *Marceli Lewy.* Nowa ustawa o ubezpieczeniu od wypadkow przy pracy. — *Л. С. Эліассонъ.* Законы объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни и о страхованіи ихъ отъ несчастныхъ случаевъ 23 іюня 1912 г.

Ив. Чистяковъ. Страхованіе рабочихъ въ Россіи. Опытъ исторіи страхованія рабочихъ въ связи съ нѣкоторыми другими мѣрами ихъ обезпеченія. М., 1912 г. Стр. 422.

С. Н. Прокоповичъ. Прерванная рѣчь (на диспутѣ проф. Чистякова). М., 1912 г. Стр. 16. Ц. 20 к.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Новые законы о страхованіи рабочихъ. Спб., 1912 г. Стр. VIII+364.

Его же. Какъ и для чего страхуются рабочіе. Спб., 1912 г. Стр. 140. Ц. 35 к.

Бар. А. М. Нолькенъ. Законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Практическое руководство. Спб., 1913 г. Стр. V+362. Ц. 2 р. 75 к.

Б. Соловьевъ и О. Сольская. Страхованіе рабочихъ въ Россіи и на Западѣ. Томъ I, выпускъ II. Обезпеченіе рабочихъ на случай болѣзни до введенія страхованія. Что даетъ рабочимъ законъ 23 іюня 1912 года. Постатейный обзоръ Положенія и законъ 23 іюня 1912 года объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни. Подъ ред. Б. Г. Данскаго. Спб., 1913 г. Стр. 182. Ц. 1 р. 75 к.

Marceli Lewy. Nowa ustawa o ubezpieczeniu od wypadkow przy pracy. Warszawa, 1913. Стр. 159. Ц. 1 р.

Л. С. Эліассонъ. Законы объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни и о страхованіи ихъ отъ несчастныхъ случаевъ 23 іюня 1912 года. Спб., 1914 г. Стр. VIII+351. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 75 к.

Первая изъ названныхъ книгъ, представленная авторомъ ея въ качествѣ докторской диссертаціи юридическому факультету московскаго университета, ставитъ себѣ историческія цѣли. Въ предисловіи къ ней авторъ говоритъ, что въ первоначальныя его намѣренія входило „теоретическое разсмотрѣніе вопроса о страхованіи рабочихъ въ Россіи". Но эту мысль онъ оставилъ какъ преждевременную „за полнымъ отсутствіемъ сводныхъ работъ историческаго характера по предмету изслѣдованія": „нельзя было теоретизировать въ сферѣ, не только не имѣвшей никакихъ общеизвѣстныхъ фактовъ, но и не располагавшей опредѣленными указаніями, въ чемъ состоятъ эти факты и гдѣ ихъ можно найти". Однако не совершенно ясно, въ какомъ смыслѣ авторъ думалъ „теоретизировать" въ области страхованія рабочихъ въ Россіи. Но каковы бы ни были соотвѣтствующія его намѣренія, несомнѣнно, что произведенная авторомъ предварительная работа (занявшая томъ въ 422 страницы большого формата) отнюдь не можетъ быть признана необходимой подготовительной стадіей къ разсмотрѣнію по существу вопроса о страхованіи рабочихъ въ

Россіи. Необходимые „факты", отсутствующіе въ моемъ простуда автора къ работѣ и имъ впервые собранные, составляютъ въ подробномъ изложеніи всѣхъ проектовъ страхованія рабочихъ, какіе появились въ Россіи за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій; на-ряду съ изложеніемъ проектовъ, авторъ даетъ подробнѣйшую картину дѣятельности комиссій и совѣщаній, занимавшихся выработкой и разсмотрѣніемъ проектовъ страхованія. Авторъ сохраняетъ полный „историческій объективизмъ", т.-е. во все время изложенія не добавляетъ отъ себя ни слова оцѣнки излагаемыхъ проектовъ, и—если не считать краткаго и скуднаго по содержанію „теоретическаго введенія" (не выдерживающаго критики ни малѣйшей критики по существу),—не высказываетъ какихъ бы то ни было своихъ взглядовъ на предметъ изслѣдованія.

Трудно понять, для какого теоретическаго изслѣдованія такого рода исторія страхованія въ Россіи можетъ имѣть значеніе въ качествѣ необходимой подготовительной стадіи. Изслѣдователь страхованія рабочихъ въ Россіи несомнѣнно нуждается въ сводкѣ историческихъ фактовъ, но фактовъ изъ совсѣмъ другой, незатронутой авторомъ области: изъ области тѣхъ формъ законодательнаго и внѣзаконодательнаго обезпеченія рабочихъ, которыя служили до сихъ поръ суррогатомъ страхованія, а также тѣхъ общественныхъ силъ и условій, которыя играли роль въ дѣлѣ постановки обезпеченія рабочихъ. Исторія возникновенія и разсмотрѣнія нѣсколькихъ десятковъ болѣе или менѣе неудачныхъ страховыхъ законопроектовъ вообще не можетъ дать простора для крупнаго и въ то же время содержательнаго изслѣдованія. Желаніе автора создать объемистую работу при скудной темѣ (особенно скудной въ его постановкѣ) привело его къ безсистемному и ненужному нагроможденію подробностей, къ которымъ врядъ ли скоро обратится за помощью какой-нибудь „теоретикъ".—Конечно, и исторія страховокъ нѣкоторыхъ проектовъ могла бы имѣть нѣкоторое научное значеніе, если бы авторъ попытался освѣтить ее съ точки зрѣнія сталкивающихся въ этой области соціальныхъ силъ и связать ее съ соціальнымъ status'омъ Россіи послѣднихъ десятилѣтій. Но на эту сторону вопроса авторъ лишь слабо намекаетъ во введеніи, причемъ изъ высказываемыхъ имъ убѣжденій мысль, что введенію страхованія въ Россіи мѣшала слабая политическая рабочаго класса изъ среды „самостоятельно зарабатывающихъ" массъ. Почему тотъ же фактъ не былъ помѣхой для введенія соціальнаго закона объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья (съ какой точки зрѣнія ничѣмъ не отличающагося отъ страхованія), авторъ не объясняетъ.

Книга г. Чистякова можетъ сопровождать нѣкоторымъ справочникомъ для работающихъ монографистовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, связаннымъ съ вопросами о страхованіи рабочихъ, но и то придется пользоваться ею съ большой осторожностью, такъ какъ чуть только авторъ выходитъ за предѣлы сухого изложенія законопроектовъ и прерій по ихъ поводу, онъ дѣлаетъ грубѣйшія ошибки и обнаруживаетъ отсутствіе элементарной ориентировки въ разсматриваемыхъ вопросахъ. Къ числу недостатковъ книги слѣдуетъ отнести вычурный и запутанный языкъ, съ помощью котораго авторъ затемняетъ самыя простыя вещи. Не могу удержаться, чтобы не привести образчика. Авторъ хочетъ сказать, что въ жизни рабочаго есть нѣсколько періодовъ, въ теченіе которыхъ онъ лишенъ возможности зарабатывать. Говоритъ

это въ такой формѣ: „Буржуазно-экономическое явленіе—рабочій, и физическая или біологическая разновидность—человѣкъ, взятые въ одномъ лицѣ, ведутъ параллельное, но не совпадающее въ смыслѣ продолжительности существованіе“ (стр. 3). Эта фраза отнюдь не является исключительной. Понятно, что такой языкъ, въ особенности въ книгѣ, въ которой говорится о самыхъ несложныхъ вещахъ, производитъ прямо комическое впечатлѣніе.

Работа Чистякова нашла себѣ справедливую оцѣнку въ рѣчи С. Н. Прокоповича, выступавшаго на диспутѣ въ качествѣ неофиціальнаго оппонента; рѣчь его была тогда прервана офиціальнымъ оппонентомъ, изумительнымъ указаніемъ на то, что неофиціальные оппоненты могутъ касаться только тезисовъ диспутанта, но не существа его работы. Эту прерванную рѣчь С. Н. Прокоповичъ „докончилъ“ въ печати, издавъ ее отдѣльной брошюрой. Характеризовавъ въ нѣсколькихъ словахъ типъ и цѣнность такого „историческаго изслѣдованія“, какое представляетъ собою книга г. Чистякова, С. Н. Прокоповичъ подробно разбираетъ тѣ немногочисленныя страницы книги, гдѣ находятъ себѣ выраженіе собственные взгляды ея автора, т.-е. главнымъ образомъ указанное нами выше теоретическое введеніе. Думается, что критикъ даже слишкомъ внимательно разбирается въ этихъ 25 страницахъ сплошныхъ недоразумѣній и что его окончательная оцѣнка теоретической части книги была бы достаточно обоснованной и безъ такого углубленія въ дебри туманныхъ авторскихъ разсужденій. Эта оцѣнка формулируется авторомъ въ слѣдующей заключительной фразѣ брошюры: „Я иду даже далѣе и утверждаю, что если бы кто-либо изъ студентовъ обнаружилъ на экзаменѣ такое незнакомство съ теоріей страхованія рабочихъ, такое непониманіе сути ея, какія обнаружены въ своей докторской диссертаціи г. Чистяковымъ, то гг. профессора юридическаго факультета московскаго университета, признавшіе работу г. Чистякова „весьма солиднымъ научнымъ трудомъ“, срѣзали бы этого недоучку и попросили бы его прійти еще разъ“...

Книга В. П. Литвинова-Фалинскаго „Новые законы о страхованіи рабочихъ“, книга бар. Нолькена, а также книга Б. Соловьева и О. Сольской представляютъ собою обстоятельные *комментаріи* къ страховымъ законамъ. Книга В. П. Литвинова-Фалинскаго, принимавшаго ближайшее участіе въ выработкѣ нашихъ страховыхъ законовъ, является въ преобладающей своей части перепечаткой объяснительныхъ записокъ министерства торговли и промышленности къ проектамъ страховыхъ законовъ. Она состоитъ изъ обширнаго вступленія, въ которомъ излагаются „основныя положенія закона о страхованіи рабочихъ“ и изъ постатейнаго обзора законовъ объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни и о страхованіи ихъ отъ несчастныхъ случаевъ, а также объ учрежденіи присутствій и совѣта по дѣламъ страхованія рабочихъ. Къ книгѣ приложены обширныя выдержки изъ законовъ, на которые имѣются ссылки въ текстѣ, и предметный указатель.

Изъ того, что книга г. Литвинова-Фалинскаго столь близка по содержанію къ министерскимъ объяснительнымъ запискамъ (лишь приспособленнымъ къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя были внесены въ первоначальные проекты законодательными учрежденіями), ясно, что не имѣло бы смысла искать въ ней критики этихъ страховыхъ законовъ. Поэтому изъ двухъ задачъ, которыя можетъ ставить себѣ комментарій къ закону,—

задачи критическаго освѣщенія закона и правильнаго его истолкованія,— первая не можетъ быть выполнена книгой г. Литвинова-Фалинскаго. Авторъ дастъ лишь *обоснованіе* и *замѣтку* закона. Что же касается другой задачи—толкованія закона, то разсматриваемая книга имѣетъ значеніе въ качествѣ изложенія взглядовъ законодателя на нормы закона, *законодательныхъ мотивовъ* къ нему. Въ виду серьезнаго значенія, какое имѣютъ законодательные мотивы для толкованія закона практикой, книга В. П. Литвинова-Фалинскаго является цѣннымъ справочникомъ для всѣхъ, кому приходится имѣть дѣло со страховыми законами. Конечно, при всемъ своемъ значеніи, толкованіе законодательныхъ мотивовъ отнюдь не имѣетъ обязательной силы для практики и суда и подлежитъ критикѣ. Почва же для критики въ разсматриваемой книгѣ весьма обильная. По цѣлому ряду пунктовъ законъ толкуется въ ней ограничительно (по отношенію къ интересамъ застрахованныхъ) безъ достаточныхъ для этого основаній. Отмѣчу лишь довольно неясное, но въ общемъ ограничительное пониманіе авторомъ существа „фабрично-заводскаго предпріятія", важнаго для опредѣленія круга дѣйствія законовъ (стр. 82 и сл.), далѣе противорѣчащее буквальному смыслу закона и суживающее права застрахованныхъ пониманіе связи несчастнаго случая съ работами предпріятія, какъ условія страхового вознагражденія (стр. 160 и 161) и т. п.

Книжка того же автора „Какъ и для чего страхуются рабочіе?", представляетъ краткое и популярное изложеніе тѣхъ же взглядовъ на существо и частности страховыхъ законовъ. Она предназначается для рабочаго читателя и со стороны изложенія какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ этой цѣли: законы изложены просто, ясно и сжато. Со стороны содержанія къ ней примѣнимо все то же, что было сказано о первой книгѣ автора.

Книга бар. Нолькена посвящена спеціально страхованію отъ несчастныхъ случаевъ. Послѣ дѣльнаго и сжатаго вступительнаго изложенія „главныхъ основаній" закона, авторъ даетъ постатейный обзоръ закона и положенія о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Текстъ законовъ объ учрежденіи присутствій и совѣта по дѣламъ страхованія рабочихъ данъ въ приложеніи безъ комментаріевъ. Кромѣ того, къ книгѣ приложены нѣкоторыя важнѣйшія, могущія имѣть значеніе при примѣненіи новаго закона, сенатскія рѣшенія, относящіяся къ закону 2 іюля 1903 г. объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья, а также указатель подробнаго содержанія раскладный и предметный указатель. Объ этой книгѣ прежде всего нужно сказать, что она дѣлаетъ значительно болѣе подробный разборъ закона, чѣмъ предыдущая. Это самый дѣльный и обстоятельный изъ появившихся комментаріевъ, ставящій и разрѣшающій максимумъ практическихъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть въ связи съ примѣненіемъ закона. Съ другой стороны, эта книга имѣетъ значеніе и съ точки зрѣнія критическаго изученія закона. И это не потому, чтобы авторъ посвящалъ много мѣста прямой критикѣ,—этого мы въ книжкѣ почти не найдемъ,—а просто потому, что при объективномъ, полномъ и подробномъ разборѣ новаго закона и сравненіи его съ закономъ 2 іюля 1903 года, которое дѣлаетъ авторъ, для внимательнаго читателя становятся очевидными всѣ недостатки новаго закона и тѣ ухудшенія, которыя онъ вноситъ въ законодательство, дѣйствовавшее до сихъ поръ. Конечно, можно указать и на слу-

чаи недостаточно критическаго отношенія автора къ закону. Такъ, неосновательно утвержденіе автора, что коллегіальность страховыхъ товариществъ въ достаточной мѣрѣ оправдываетъ отсутствіе въ законѣ всякой заботы о контролѣ законности соглашеній между товариществомъ и застрахованными (стр. 11).

Что касается толкованія закона, то оно въ книгѣ бар. Нолькена и правильнѣе и, въ общемъ, благопріятнѣе для застрахованныхъ, чѣмъ въ разсмотрѣнной работѣ Литвинова-Фалинскаго. Правда, бар. Нолькенъ сильно считается съ законодательными мотивами и при толкованіи удѣляетъ имъ много вниманія. Но въ виду неполноты, а подчасъ и неясности законодательныхъ мотивовъ, это не лишаетъ его возможности проводить толкованіе закона, расширяющее права рабочихъ. Такъ, пользуясь тѣмъ, что въ объяснительной запискѣ недостаточно ясно установлено значеніе, которое имѣютъ указанные въ законѣ признаки фабрично-заводскаго предпріятія въ качествѣ ценза для подчиненія ея закону, авторъ пытается конструировать это понятіе расширительно, *не противоставляя* такого толкованія законодательному, а, наоборотъ, ища поддержки въ законодательныхъ мотивахъ. Когда же авторъ встрѣчается съ опредѣленнымъ и непріемлемымъ для него толкованіемъ законодательныхъ мотивовъ, онъ не колеблется, опираясь на буквальный смыслъ закона, дать самостоятельное и противорѣчащее законодательнымъ мотивамъ толкованіе.

Подчасъ благопріятная для застрахованныхъ точка зрѣнія защищается авторомъ юридически неубѣдительно. Такъ, неубѣдительны соображенія, которыя онъ приводитъ въ пользу сообразованія страхового вознагражденія исключительно съ потерянной *профессіональной* трудоспособностью потерпѣвшаго, а не съ его *общей* трудоспособностью. Это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто соотвѣтственныя разсужденія были продиктованы скорѣе гуманностью автора, чѣмъ его юридическимъ убѣжденіемъ. Я не хочу этимъ сказать, что онъ защищаетъ несостоятельныя точки зрѣнія; несостоятельна лишь защита ихъ авторомъ, и онѣ могутъ быть обоснованы гораздо убѣдительнѣе; такъ, указанное сообразованіе вознагражденія съ утраченной профессіональной трудоспособностью само по себѣ вполнѣ правильно, и въ защиту его можно было бы привести болѣе серьезные аргументы, чѣмъ мы это видимъ у автора.

Книга Б. Соловьева и О. Сольской является первымъ выпускомъ (формально—вторымъ, такъ какъ первый, посвященный *исторіи* страхованія, откладывается издательствомъ на будущее) многотомнаго изданія, которое должно дать „полную картину современнаго состоянія соціальнаго страхованія, его сущности и тенденцій его развитія“, причемъ особенное вниманіе предположено удѣлить страхованію въ Россіи. Разсматриваемый выпускъ посвященъ обезпеченію рабочихъ на случай болѣзни и касается почти исключительно Россіи, затрагивая лишь весьма бѣгло и попутно условія страхованія отъ болѣзни на Западѣ. Г. Соловьевъ даетъ общій обзоръ обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни въ Россіи до изданія страховыхъ законовъ, и того новаго, что вноситъ въ это дѣло законъ 23 іюня 1912 г. Въ первой, исторической части работы мало самостоятельнаго. Во второй части работы авторъ даетъ краткую и трезвую оцѣнку новаго закона съ точки зрѣнія интересовъ страхуемыхъ рабочихъ.

Цѣннѣе вторая часть книги—работа г-на Сольскаго, представляющая собой постатейный обзоръ закона и положенія объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни. Авторъ пытается использовать всѣ возможности толкованія закона въ смыслѣ, благопріятномъ для застрахованныхъ. Но всегда это ему удается—опять-таки по въ виду безнадежности самыхъ защищаемыхъ позицій, а въ силу нѣкоторой неуговоренности и неясности обоснованія. Впрочемъ, такіе случаи являются скорѣе исключеніемъ; преобладаетъ ясная и убѣдительная постановка вопросовъ.

При оцѣнкѣ разсматриваемой работы съ точки зрѣнія ея научности и строгости юридическаго анализа слѣдуетъ имѣть въ виду, что, какъ это указано въ предисловіи, она предназначена главнымъ образомъ для рабочихъ, въ частности для тѣхъ изъ нихъ, которымъ придется въ качествѣ страховыхъ дѣятелей имѣть практически дѣло съ новыми законами. Поэтому книжка должна была быть прежде всего достаточно популярной. Идеалъ популярно-научнаго изложенія, въ которомъ не страдали бы ни интересы научности, ни интересы популярности, весьма трудно достижимъ. Въ данномъ случаѣ научность нѣсколько принесена въ жертву популярности. Но отъ нея осталось достаточно для того, чтобы считать книгу серьезнымъ вкладомъ въ нашу страховую литературу.

Весьма интересна появившаяся на польскомъ языкѣ книжка Lewy. Въ отличіе отъ всѣхъ перечисленныхъ русскихъ работъ она представляетъ собою не *постатейный*, а *систематическій* комментарій къ закону о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Этотъ способъ изложенія имѣетъ свои преимущества и свои недостатки. Пользованіе книгой какъ практическимъ руководствомъ, т.-е. обращеніе къ ней по поводу сомнѣній, возникающихъ въ связи съ примѣненіемъ той или иной статьи закона, здѣсь затруднительнѣе. Но зато такая конструкція работы позволяетъ вести изложеніе стройнѣе, избѣгать повтореній, исчерпывать сразу всякій затронутый вопросъ, не разбивая искусственно его разсмотрѣнія и т. п. Отъ всего этого работа, конечно, сильно выигрываетъ въ ясности и сжатости. Съ этой стороны книжка Lewy производитъ весьма выгодное впечатлѣніе. По существу же она является прямой, весьма подробной *критикой* закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и въ этомъ смыслѣ она опять-таки даетъ то, чего не даетъ ни одна изъ перечисленныхъ русскихъ работъ. Авторъ съ большою юридической проницательностью вскрываетъ всѣ возможныя невыгодныя для застрахованныхъ послѣдствія отдѣльныхъ формулировокъ закона и ставитъ на очередь рядъ новыхъ вопросовъ и сомнѣній, никѣмъ изъ другихъ авторовъ не поставленныхъ. Онъ всюду сопоставляетъ новый законъ съ закономъ 2 іюня 1903 г. и тщательно отмѣчаетъ всѣ ухудшенія, внесенныя новымъ закономъ въ положеніе рабочихъ. Нельзя не указать, что авторъ слишкомъ ужъ пессимистически смотритъ на новый законъ и слишкомъ далеко заходитъ въ отысканіи вновь измѣнныхъ этимъ закономъ ухудшеній.

Книга г. Эліассона не представляетъ собою самостоятельнаго комментарія къ страховымъ законамъ, а лишь текстъ законовъ, снабженный извлеченіями изъ министерскихъ объяснительныхъ записокъ и протоколовъ засѣданій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ законы освѣщены въ ней лишь со стороны законодательныхъ мотивовъ. Въ виду того, что законодательные мотивы не мо-

гутъ почитаться единственнымъ и достаточнымъ основаніемъ толкованія законовъ, изданіе г. Эліяссона не можетъ служить самостоятельнымъ практическимъ руководствомъ по примѣненію закона, а лишь справочникомъ, употребляемымъ на-ряду съ другими комментированными изданіями. Разсматривая свою книгу только какъ пособіе къ толкованію законовъ, г. Эліяссонъ сознательно снабдилъ примѣчаніями, извлеченными изъ законодательныхъ мотивовъ, лишь тѣ статьи законовъ, которыя казались ему въ томъ или иномъ отношеніи сомнительными. Объ этомъ приходится пожалѣть, такъ какъ не будучи достаточнымъ практическимъ руководствомъ, книжка могла бы быть хоть полнымъ справочникомъ законодательныхъ мотивовъ, если бы извлеченіями изъ послѣднихъ были снабжены всѣ статьи законовъ. Весьма полезно помѣщеніе въ книгѣ текста закона 2 іюня 1903 г. съ извлеченіями изъ законодательныхъ мотивовъ къ нему и изъ судебной и административной практики по его примѣненію. Въ виду тождественности многихъ нормъ стараго и новаго законовъ, эта практика сохраняетъ въ значительной части свое значеніе и на будущее время. Къ книгѣ приложены разъясненія и опредѣленія къ новому закону, изданныя совѣтомъ по дѣламъ страхованія рабочихъ за непродолжительное время его существованія.

Ст. Конъ.

ИСКУССТВО.

Н. Покровскій. Современные взгляды на оперу.—*В. Вальтеръ.* Э. Ф. Направникъ.

Н. Покровскій. **Современные взгляды на оперу. Спб., 1914 г. Стр. 49. Ц. 40 к.**

Книжка Н. Покровскаго представляетъ забавный лепетъ ископаемаго италіаномана, ставшаго въ безнадежный тупикъ передъ искусствомъ второй половины XIX вѣка. У Вагнера въ „Тристанѣ“, „когда герои встрѣчаются, у нихъ происходитъ нѣмая сцена“, а у Россини „Отелло беретъ ut-dièze, выражая имъ всю свою африканскую горячность“ (стр. 20). „Лючія... гораздо больше говоритъ уму и сердцу, чѣмъ Парсифаль, съ его секстаккордами, лейтмотивами и оркестромъ подъ поломъ театра“ (стр. 24). Сюжетъ „Сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ“ Римскаго-Корсакова очень интересенъ, по мнѣнію Покровскаго. Но „опера въ своей музыкѣ какъ голосовой, такъ и оркестровой совершенно безсодержательна“; „герой оперы, Кутерьма, является подражаніемъ вагнеровскому Парсифалю; это два типа—der reine Thor!“ (стр. 45). Рекомендую эту книжку всѣмъ, кто способенъ незлобиво смѣяться по поводу подобнаго беззубаго вздора.

А. Римскій-Корсаковъ.

В. Вальтеръ. **Эдуардъ Францевичъ Направникъ. Къ 50-лѣтію его артистической дѣятельности. Спб., 1914 г. Стр. 79. Съ иллюстраціями. Ц. 75 к.**

Брошюра г. Вальтера, перваго солиста-скрипача Императорской оперы въ С.-Петербургѣ, составленная по поводу 50-лѣтняго юбилея Э. Ф. Направника, заключаетъ въ себѣ подробный внѣшній обзоръ дѣятельности заслуженнаго дирижера, щедро сдобренный юбилейными комплиментами. Странное впечатлѣніе производитъ отсутствіе въ бро-

шюрѣ попытки дать сколько-нибудь яркую характеристику художественнаго лица Направника-дирижера и въ особенности Направника-композитора.

А. Римскій-Корсаковъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

А. Левоневскій. Мой ребенокъ. — *Кн. Ключикъ.* Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія.

А. Левоневскій. Мой ребенокъ. Съ предисловіемъ проф. А. П. Нечаева. Спб., 1914. Книгоиздательство О. Богдановой. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.

Книга А. Левоневскаго, представляющая собой обработку наблюденій надъ психическимъ развитіемъ мальчика въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ его жизни, является попыткой восполнить существующій пробѣлъ въ русской литературѣ по психологіи ранняго дѣтства. Въ то время какъ за границей опубликованъ цѣлый рядъ работъ подобнаго характера, въ Россіи можно указать очень мало произведеній, спеціально посвященныхъ психологіи маленькихъ дѣтей. Въ этомъ отношеніи книгу А. Левоневскаго, дающую обильный и хорошо обработанный матеріалъ, нужно признать полезнымъ пріобрѣтеніемъ для русской психологической литературы.

Книга „Мой ребенокъ" состоитъ изъ восьми главъ, носящихъ такія названія: первые три мѣсяца, развитіе движеній, развитіе памяти, развитіе мышленія, развитіе чувства, игры ребенка, развитіе рѣчи, развитіе самосознанія.

Самая оригинальная и цѣнная часть книги—глава, посвященная развитію рѣчи. Въ этой главѣ всякій изслѣдователь дѣтской жизни найдетъ много поучительнаго и интереснаго. Очень любопытны также приложенныя къ книгѣ рисунки маленькаго ребенка, дающіе возможность судить о развитіи его фантазіи и умѣньѣ воспроизводить видѣнное.

Въ книгѣ есть нѣкоторые стилистическіе недочеты. Напримѣръ, на страницѣ 87 г. Левоневскій пишетъ: „сходство черепахи съ курицей было только въ ихъ головѣ". Въ чьей головѣ?

На страницѣ 85 г. авторъ пишетъ: „Дима словомъ „дядя" называлъ какъ меня, такъ и всѣхъ сходныхъ со мною существъ". Проще было бы сказать: всѣхъ мужчинъ.

Страннымъ намъ также показалось въ главѣ „развитіе чувства" упоминаніе о чувствѣ ревности у двухлѣтняго ребенка. Напрасно далѣе авторъ въ своихъ наблюденіяхъ держался такой классификаціи душевной жизни, по которой воля не является самостоятельной областью психики наравнѣ съ областью чувствъ и мышленія, и потому въ своей книгѣ не прослѣдилъ развитія явленій воли. Защищаемая авторомъ классификація далеко еще не пользуется въ психологіи общимъ признаніемъ.

Своими замѣчаніями мы не хотимъ, конечно, уменьшить цѣнность разсматриваемой работы.

Написанная просто и живо книга Левоневскаго прочтется съ пользой всѣми интересующимися вопросами воспитанія маленькихъ дѣтей.

Л. Ляшкевичъ.

Евгеній Елачичъ. **Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.**

Извѣстный натуралистъ-популяризаторъ, редакторъ журнала *Что и какъ читать дѣтямъ?*, г. Елачичъ помѣстилъ въ вышепоименованной книгѣ свои журнальныя статьи и очеркъ, напечатанный въ „Педагогической академіи" подъ заглавіемъ „О чтеніи дѣтьми книгъ по естествознанію". Въ большинствѣ случаевъ авторъ развиваетъ здѣсь мысли если и не новыя, то вѣрныя. Но иногда онъ увлекается полемикой, нѣсколько угловатой и малоплодотворной; судитъ подчасъ рѣшительно, не высказываясь однако по существу. Такъ, напримѣръ, черезчуръ категорично отвергнута имъ теорія этаповъ въ эволюціи ребенка. Статья „Мѣсто морали въ дѣтской литературѣ" значительно проигрываетъ въ своей содержательности изъ-за того, что въ ней вовсе не опредѣлено авторомъ соотношеніе между художественностью и этикой. Въ статьяхъ „Сказки какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія" и „Басни Крылова какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія" г. Елачичъ временами какъ бы вовсе не чуетъ *самоцѣнности* талантливаго поэтическаго слова на родномъ языкѣ. Лучшія статьи книги—„Въ защиту дѣтской литературы" и „О критикѣ дѣтской литературы дѣтьми же".

Къ сборнику приложенъ отрывокъ изъ Эмиля Руссо: „О чтеніи басенъ".

А. Налимовъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МАТЕМАТИКА.

М. Фишеръ. Введеніе въ коллоидальную физіологію. Ч. I.—*Эрнесто Чезаро.* Элементарный учебникъ алгебраическаго анализа и исчисленія безконечно-малыхъ. Ч. I.—*Проф. Жанъ Беккерель.* Эволюція матеріи и міровъ.

М. Фишеръ. **Введеніе въ коллоидальную физіологію. Ч. I. Отекъ. Переѣлъ съ англійскаго Г. В. Эпштейнъ. Подъ редакціей Н. К. Кольцова съ разрѣшенія автора и съ его дополненіями. К-во „Наука". М., 1913 г. Стр. XIX+1 нен.+471+1 нен. Ц. 3 р.**

Съ живѣйшимъ чувствомъ радости за русскую научную литературу привѣтствуемъ мы прекрасно сдѣланный и изданный переводъ книги Фишера объ отекѣ: вмѣстѣ съ работой о нефритѣ это тѣ труды талантливаго американскаго ученаго, которые на родинѣ его были увѣнчаны преміей и при содѣйствіи и участіи В. Оствальда переведены немедленно на нѣмецкій языкъ. Въ предисловіи къ нѣмецкому изданію послѣдній, между прочимъ, отозвался о нихъ, какъ о „самомъ существенномъ, что было достигнуто при рѣшеніи основныхъ задачъ біологіи и патологіи со времени возникновенія ученія объ осмосѣ" (XIV).

Центръ тяжести талантливыхъ изслѣдованій Фишера лежитъ въ области чисто теоретическаго вопроса, *какимъ образомъ протоплазма можетъ связывать воду и какъ при нормальныхъ условіяхъ она связываетъ приблизительно постоянное количество воды?* (стр. 3). Рядомъ блестящихъ опытовъ авторъ съ неопровержимой ясностью доказываетъ, что причина этого явленія лежитъ въ самихъ тканяхъ и давленіе циркулирующей жидкости никогда не можетъ быть его побочной или главной причиной (стр. 5 и 20), что связываніе воды мышцей и глазнымъ ябло-

комъ совершенно аналогично связыванію ея фибриномъ и желатиномъ (стр. 73), что въ осмотическихъ отношеніяхъ нельзя видѣть главнаго или даже очень важнаго фактора, объясняющаго поглощеніе или выдѣленіе воды (стр. 121) и что, наконецъ, отекъ развивается у животныхъ особенно легко, когда они поставлены въ такія условія, что недостатокъ кислорода для нихъ связанъ съ изобильнымъ притокомъ воды (стр. 17). Для врача—практическаго, подчеркиваемъ—это только общія положенія, которыя вовсе, быть можетъ, и не приведутъ его къ лѣченію глаукомы инъекціями раствора лимонно-кислаго натра, какъ это рекомендуетъ авторъ (стр. 186), и не всегда удержатъ его отъ оперативнаго вмѣшательства. Но зато для физіолога эти выводы могутъ сыграть крупнѣйшую роль въ его отношеніи къ остроумнѣйшимъ гипотезамъ Овертона, Гёбера, Ферворна и другихъ и заставятъ не разъ глубоко задуматься надъ вопросами, казавшимися давно рѣшенными. Мало того, для всякаго естествоиспытателя, а для молодого въ особенности, страницы „Отека" надолго будутъ служить почти неисчерпаемымъ источникомъ методологическихъ указаній, даже просто глубоко интересныхъ темъ для самостоятельныхъ изслѣдованій, примѣромъ того, какъ можно и должно работать надъ самою, казалось бы, простою задачей.

Переводчикъ и редакторъ смотрятъ на книгу Фишера какъ на превосходное введеніе въ коллоидальную физіологію и, надѣясь на то, что чтеніе ея не представитъ затрудненій для русскаго студента, полагаютъ, что среди читателей найдутся многіе, которые пожелаютъ послѣдовать по пути, проложенному первыми піонерами.

В. Муралевичъ.

Эрнесто Чезаро, проф. университета въ Неаполѣ. **Элементарный учебникъ алгебраическаго анализа и исчисленія безконечно-малыхъ. Ч. I. Перев. съ нѣм. Съ примѣчаніями и дополненіями проф. К. А. Поссе. Изд. „Mathesis". Одесса, 1913 г. Стр. XV+632. Ц. 5 р.**

Книга проф. Чезаро давно уже привлекла къ себѣ вниманіе научнаго математическаго міра какъ стройностью изложенія предмета, такъ и тщательнымъ подборомъ примѣровъ и упражненій. Настоящій курсъ анализа впервые появился въ переводѣ на нѣмецкій языкъ подъ редакціей извѣстнаго ученаго проф. Гергарда Ковалевскаго. Русскій переводъ сдѣланъ съ этого нѣмецкаго изданія, причемъ наше изданіе отличается большимъ количествомъ ссылокъ и примѣчаній, введенныхъ переводчикомъ проф. К. А. Поссе. Лежащая передъ нами 1-я часть обнимаетъ собой только первыя 5 главъ оригинала и представляетъ собой какъ бы введеніе въ курсъ анализа; здѣсь мы встрѣчаемся съ теоріей опредѣлителей, ирраціональными числами, теоріей предѣловъ, рядами, теоріей функцій, комплексныхъ величинъ, кватерніоновъ и алгебраическихъ уравненій. Каждая глава снабжена обильными примѣчаніями и разъясненіями. Чтеніе книги не требуетъ особенной подготовки; курсъ математики средней школы и знаніе аналитической геометріи—вотъ необходимый багажъ для яснаго пониманія книги проф. Чезаро. Нужно думать, что превосходный курсъ алгебраическаго анализа проф. Чезаро, прекрасно изданный издательствомъ „Mathesis", получитъ самое широкое распространеніе среди русскихъ математиковъ.

А. Ливенсонъ.

Проф. Жанъ Беккерель. **Эволюція матеріи и міровъ. Переводъ съ примѣчаніями и статьей „Новѣйшія воззрѣнія о жизни и развитіи вселенной“ Г. А. Гуревича. К-во „Современныя Проблемы“. М., 1913 г. Стр. 172. Ц. 60 к.**

Идея постепеннаго видоизмѣненія первоначальнаго вещества, постоянной эволюціи въ общей жизни космоса—новова; еще древніе греческіе философы пытались создать общее стройное ученіе, которое могло бы дать человѣчеству точное представленіе о ходѣ міровыхъ процессовъ въ ихъ закономѣрной послѣдовательности. XIX вѣкъ, вѣкъ наиболѣе блестящаго развитія мысли, принесъ намъ новое въ этомъ старомъ ученіи. Гипотеза Канта-Лапласа о происхожденіи солнечной системы является первой попыткой дать стройную систему всего мірозданья; работы Ляйэлля, Ламарка, Дарвина, Уоллеса только дополняютъ общую стройную картину эволюціонной теоріи и дѣлаютъ ее основой современнаго естествознанія. Открытіе послѣдняго времени—явленій радіоактивности, распаденія элементовъ—только дополнили эту картину новымъ, потверждающимъ штрихомъ. Изложенію этихъ идей и посвящена работа Ж. Беккереля, одного изъ представителей славной семьи Беккерелей. Къ книгѣ приложена очень обстоятельно составленная статья Г. А. Гуревича „Новѣйшія воззрѣнія о жизни и развитіи вселенной“. Книжка читается съ большимъ интересомъ отъ начала и до конца.

А. Лѣтникъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 17-о апрѣля 1914 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика, библіографія.

§ 1а. Акулова, Е. В. Тровъ славы. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ, 1914. 63 стр. Ц. 50 к.

Альманахи издат-ства „Альціона". Книга первая. В. Брюсовъ. Послѣ дѣтскаго бала. М. Кузьминъ. Принцъ съ мызы. В. Мозалевскій. Исчезнувшая мечта. Б. Садовской. Игоревъ соколъ-никъ. Л. Столица. Пѣжвая книжка. А. Топорковъ. Геката. Югурта. Сомнѣнія и надежды. В. Ходасевичъ. Русская поэзія. М. Шагинянъ. Письма о музыкѣ. Г. Якуловъ. Дневникъ художника. М., 1914. 239 + 5 нен. стр. Ц. 2 р.

Андреевъ, Л. Н. Мысль. Современная трагедія въ 3-хъ дѣйств. и 6 картинахъ. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Прометей". 154 стр. Ц. 75 к.

Араповъ, А. В. Отрывки жизни. Сборникъ разсказовъ, очерковъ, стиховъ этюдовъ и статей. Вып. 1. Симбирскъ, 1914. 181 стр. Ц. 85 к.

Арефинъ, С. Первые шаги. Повѣсть. Спб., 1914. Изд. кн-ва М. А. Ясного. 200 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ахматова, А. Четки. Стихи. Спб., 1914. Изд. изд-ва „Гиперборей". 132 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ашишовъ, Ник. Раны любви. Книга разсказовъ. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Прометей". 207 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Боголюбова, О. Стихи. Спб., 1914. 141 стр. Ц. 10 к.

Бѣжецкій, А. Н. Невѣдомое... Фантастическіе разсказы. Спб., 1914. Изд. 3-е. 215 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Вельсовскій, М. Н. Предъ лицомъ смерти и др. разсказы. Спб., 1914. 170 стр. Ц. 1 р.

Вечныя тайны. Сборникъ научно литературнаго кружка русскихъ студентовъ. Подъ ред. М. Спасовскаго. Спб., 1914. Изд. Кружка русскихъ студентовъ. 98 + II стр. Ц. 1 р.

Воиновъ, В. Солнечные разсказы. Спб., 1914. Изд. изд-ат. „Новый Сатириконъ". 192 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Волынъ, Ю. С. Лицо человѣка. Собраніе разсказовъ. Кн. II. Спб., 1914. Изд. „Освобожденіе". 247 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гайдебуровъ, В. Красные маки. Стихотворенія. Русскому народу. Спб., 1914. 50 стр. Ц. 35 к.

— Цвѣты надъ обрывомъ. Книга стиховъ. Спб., 1914. 8 + 146 стр. Ц. 1 р.

Голенищевъ-Кутузовъ, А., графъ. Сочиненія. Томы: 1, 2, 3 и 4. Спб., 1914. XXVIII + 344 + 224 + 275 + 508 стр. Съ рис. Ц. 7 р. за 4 тома.

Гроховскій, М. Первыя зарницы. Стихотворенія. Тверь, 1914. 67 + III стр. Ц. 50 к.

Гудинъ, Гр. Цѣни городъ. Стихи. Спб., 1914. 14 стр.

Доринъ, Д. Тоскующій олень. Стихи. Спб., 1914. Изд. „Петербургскій глашатай". 111 стр.

Егорьевъ, В. и Марковъ, В. Сиранъ Китая. Спб., 1914. Изд. „Союза молодежи". 116 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ждановъ, Л. Собраніе сочиненій. Историческіе разсказы. Т. V. Послѣдній фаворитъ (Екатерина и Зубовы.) Романъ хроника съ иллюстрациями. (17[illegible]—17[illegible] гг.)

мн. I. Спб., 1914. Изд. 2-е, кн-ва „Про-Кетей". 200 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

— Царь Іоаннъ Грозный. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1914. Изд. А. Ф. Девріена. VIII + 408 стр. Съ 10 рис.

Загоскинъ, М. Н. Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году. Историческій романъ. Вып. I. М., 1914. Изд. журн. „Вокругъ Пахарь". 64 стр. Съ портр.

Зингеръ, Х. Сборникъ стихотворній. Пѣсни Сіона. На досугѣ. Бердичевъ, 1914. Изд. Южнаго т-ва печатнаго дѣла, 2-е, дополн. 121+5 нен. стр.

Зыбин, В. Скалы. Сборн. стиховъ. Спб., 1914. 50 столб. Ц. 50 к.

Каргрэмъ, Г. Коктаждуйская республика. Повѣсть. Спб., 1914. 160 стр. Ц. 1 р.

Качіони, С. А. Райскія ягоды и др. разсказы. Собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1914. Изд. маг. бив. М. Попова. 169 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Корецкая, З. Приподнятая завѣса. Т. III. Спб., 1914. Изд. I. В. Корецкаго. 316 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к.

Кошко, Б. Стихотворенія. 1913 г. Пермь, 1914. 56 стр.

Крачковскій, Д. Золотая карета. Разсказы. М., 1914. Изд. моск. книгоизд. 236+18 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крестьяновъ, В. Н. Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. Драматическое сказаніе въ 5 дѣйств. и 9 картинахъ. Спб., 1914. 268 стр. Ц. 1 р.

Крюковъ, Ѳ. Разсказы. Т. I. М., 1914. Изд. кн-ва писателей. 261 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Куприпъ, А. Бѣлый пудель. Разсказъ. Съ иллюстр. М. Соломонова. М., 1914. Изд. моск. книгоизд. 70 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Лазаревскій, Б. Красота. Полное собраніе сочиненій. Т. VII. Спб., 1914. Изд. „Освобожденіе". 313 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лаппо-Данилевская, Н. А. Княжна Мара. Романъ. Спб., 1914. 295 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ленскій, Вл. Счастье. Собраніе сочиненій. Т. VII. Спб., 1914. Изд. „Освобожденіе". 221 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лившицъ, Б. Волчье солнце. Книга стиховъ вторая. М., 1914. Футуристы „Гилея". В. Хлѣбниковъ, В. Каменскій, Б. Лившицъ, Давидъ, Владиміръ, Николай Бурлюки, А. Крученыхъ, В. Маяковскій. Херсонъ, 1914. Изд. изхат. литературн. К° футуристовъ „Гилея". 64 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Львова, Н. Старая сказка. М., 1914. Изд. кн-ва „Альціона", 2-е, дополн. 120 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Маръ, А. Идущіе мимо. М., 1914. Изд. моск. книгоизд. 168 + 16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Маяковскій, В. „Владиміръ Маяковскій". Трагедія въ 2-хъ дѣйств. Рисунки Д. В. Бурлюка. М., 1914. Изд. журн. русскихъ футуристовъ. 45 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Невѣжинъ, П. М. Клеймо природы. Повѣсть и др. разсказы. Спб., 1914. Изд. т-ва А. С. Суворина. 224 стр. Ц. 1 р.

Орловъ, П. Новые разсказы. Т. I. Спб., 1914. 123 стр. Ц. 85 к.

Островскій, В. П. Вздохи о Холмщинѣ. Стихотворенія. Холмъ, 1914. 56 стр.

Н. П. Камен. Новеллы. Спб., 1914. 109 стр.

Прессъ, А. Пѣсни. Спб., 1914. 86+II стр. Ц. 85 к.

Пришвинъ, М. Славны бубны и др. разсказы. Т. III. Спб., 1914. Изд. „Знаніе". 225 стр. Ц. 1 р. 25 к.

К. Р. Царь Іудейскій. Драма въ 4-хъ дѣйств. и 5 картинахъ. Спб., 1914. Изд. 2-е. 184 стр. Ц. 1 р.

Радимовъ, П. Земная риза. Вторая книга стиховъ. Казань, 1914. 197 стр. Ц. 1 р.

Рыбинцевъ, Г. Осенняя просинь. Стихи. М., 1914. Изд. кн-ва „Альціона". 48 стр. Ц. 1 р.

Саліасъ, А. Е., графъ. Собраніе сочиненій. Т. XVIII. Невѣста fin de siècle. Мелкіе разсказы. М., 1914. Изд. А. А. Карцева. 512 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Сибирякъ, А. Стихи. Спб., 1914. Изд. об-ва „Ars". 32+32 стр. Ц. 25 к.

Сиринъ. Сборникъ третій. Гиппіусъ, Зин. Молчанія. — Ивановъ, Вяч. Стихотв. — Его же. Carmina amoebaea. — Блокъ, А. Сѣдое утро.—Бѣлый, А. Петербургъ. Романъ. — Сологубъ, Ѳ. Барышня Лиза. Пов. — Ремизовъ, А. Кузовокъ. — Вещь темная. Спб., 1914. LVI+409 стр. Ц. 2 р.

Ситалецъ. Метеоръ. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Освобожденіе". 208 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Сологубъ, Ф. Творимая легенда. Романъ. Ч. I. Капли крова. Собр. сочин. Т. 18. Спб., 1914. Изд. „Сиринъ". 301 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Сполохи. Сборникъ. Кн. IX. Разсказы: Н. Ляшко. Степное. — Н. Данилина. Повѣсть.—С. Бора. Галикэ.—Д. Шамбурова. Встрѣча.—В. Ютанова. Слабость.—Н. Анскаго. Тихой ночью.—Г. Вильльяма. Сгобожаие.—К. Лоптина. Померкнувшая радость.—П. Плохова. Необычайное.—Стихотворенія: Н. Мѣшкова, А. Чернышева, Ю. Бочарова, П. Егорова, М. Паперъ, П. Фольнивиди, С. Горбачова, П. Петровскаго, П. Бунакова. М., 1914. 174 стр. Ц. 1 р.

Сѣверянинъ, И. Громокипящій кубокъ. Поэмы. М., 1914. Изд. изхат. „Грифъ", 4-е. 126+III стр. Ц. 1 р.

— Златолира. Поэзы. Кн. II. М., 1914. Изд. изд-ва „Грифъ". 131 стр. Ц. 1 р.

Тимоѳеевъ, Н. Кн. IX. Золотой боръ. М., 1914. Изд. кн-ва писателей. 286+2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Три реферата или сонъ Стажьера. Драматическій шаржъ (феерія) въ 2-хъ картинахъ. Спб., 1914 56 стр. Ц. 1 р.

Хлѣбниковъ, В. В. Творенія 1906—1908 г. Приложенія: статьи Бурлюка и Каменскаго о Хлѣбниковѣ. Футуристы „Гилеи". Викторъ Хлѣбниковъ, Вл. Маяковскій, Д. Д. В. Бурлюки, А. Крученыхъ, Б. Лившицъ. Херсонъ, 1914. Изд. перваго журн. русск. футуристовъ. 5 нен. + 106 стр. Ц. 1 р.

Хадасевичъ, В. Счастливый домикъ. Вторая книга стиховъ. М., 1914. Изд. кн-ва „Альціона". 69 стр. Ц. 1 р.

Цыганокъ (Тамрюкскій). Сем. Изломы лучи. Стихотворенія 1909—1913 гг. Владивостокъ, 1913. Изд. газ. „Далекая Окраина". 126 стр. Ц. 75 к.

Чайкинъ, В. И. Надшаи. Романъ изъ современной жизни. Спб., 1914. 64 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чалыгинъ, А. Бѣлый Скитъ. (Бѣлый Скитъ. Мірская нива. Смертный зовъ.) Повѣсти и разсказы. Т. II Спб., 1914. Изд. т-ва писателей. 286 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чириковъ, Е. Марька изъ ямъ. Собраніе сочиненій. Т. V. М., 1914. Изд. мос. кон. книгоизд. 269+16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Шацкихъ, П. Родныя картинки. 1900—1914 гг. Книжка V. Стихи. Елецъ, 1914. Изд. 3-е. 64 стр. Ц. 25 к

Эллисъ. Арго. Арго. Забытые обѣты. Марія. Двѣ книги стиховъ и поэма. М., 1913. Изд. из-ва „Мусагетъ". XI+193 стр. Ц. 2 р.

Ярославцевъ, П. Д. Разиадъ. Драма въ 3-хъ дѣйств. и 4-хъ картинахъ. М., 1914. Изд. из-ва П. Д. Ярославцева. 64 стр. Ц. 75 к.

§ 16. Беранже. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ писателей подъ ред. Н. Ф. Тхоржевскаго. Съ критико-біограф. очерк. Владиміра Зотова. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 6+586 стр. Съ портр.

Вальмъ, П. Погоня за любовью. Романъ. Перев. Б. Рунтъ. Пред. В. Брюсова. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 266 стр. Ц 1 р.

Выспянскій, С. Мелеагр и Аталанта. Трагедія. Перев. съ польскаго Евг. Троновскаго. Спб., 1914. Изд. из-ва „Ad Astra". 95+VII стр. Ц. 90 к.

Гамсунъ, К. Дѣти времени. Пер. съ норв. М. П. Благовѣщенской. Спб., 1914 Изд. кн-ва „Освобожденіе". 309 стр. Ц. 1 р

— Дѣти вѣка. Романъ. Пер. съ норв. М. Розенфельдъ и Я. Сегалъ. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза".

— Дѣти времени. Романъ. Перев. съ норв. А. Ф Гретманъ. Б-ка сѣверныхъ писателей. М., 1914. Изд. кн-ва „Современныя проблемы". 350 стр. Ц. 1 р.

Гамсунъ, К. Поросль. Разсказы и наброски Пер съ норв М Благовѣщенской. Унив. б-ка, № 164—5 М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 3-е 1[illegible] стр. Ц. 20 к.

Гонкуръ, Э. Элиза Перев съ франц. Э. Пименовой. Унив б-ка. М., 1914. Изд кн-ва „Польза" 3-е. 164 стр. Ц 20 к.

Гетье, Т. Эмали и Камеи Пер. П. Гумилева. Спб., 1914. Изд. из-ва М. В. Пономарева. 249 стр Ц. 1 р. 50 к

Дюма, А. (сынъ). Дама съ камеліями. Романъ съ предисл Ж. Жанена. Перев. съ франц. С М. Антикъ Унив. б-ка, № 729—731. М., 1914. Изд. 2-е, кн-ва „Польза" 145 стр. Ц. 30 к.

Жеромскій, С. Аррвиа мстит. Час. Мнѣ отмщеніе. Рыцарь батрак. Поэмы и стихотворенія въ прозѣ. Перев. съ польскаго Евг. Троновскаго. Спб., 1914. Изд. из-ва „Ad Astra". 74+VI стр. Ц. 50 к.

— Исторія грѣха. Романъ. 3 части. Перев. съ польскаго Евг. Троновскаго. Собр. соч. Тт IV—VI. Спб., 1914. Изд. из-ва „Ad Astra", 2-е. 218+253+96+VIII стр. Ц. 2 р 25 к.

— Свѣтлый лучъ. Романъ. Перевод съ польскаго Евг. Троновскаго. Собр. соч. Т. XIII. Спб., 1914. Изд. из-ва „Ad Astra". 162+VIII стр. Ц. 1 р.

Зола, Э. Лурдъ. Романъ. Собр. соч. Т. XXI. Подъ ред. и со вступ. статьями Е. В. Аничкова и Ѳ Д. Батюшкова Спб., 1914. Изд т-ва „Просвѣщеніе". XIII+685 стр. Ц. 1 р. 50 к

— Римъ. Книги I и II. Подъ ред. и со вступ. статьями Р. В. Аничкова и Ѳ. Д. Батюшкова Собр. соч. Т. XXII. Спб., 1914. Изд. „Просвѣщеніе" XI+514 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Каленбергъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. I. Вѣчная жизнь. Романъ. Перев. Е. Торнеусъ. М., 1914. Изд. „Современ. проблемы". 284 стр. Ц. 1 р

Киплингъ, Р. Избранные разсказы. Кн. 3. Перев П. Пушешникова Б-ка иностранныхъ писателей Подъ ред. Ив. А. Бунина М., 1914. Изд. московск. кн-ва. 282+16 нен. стр. Ц 1 р. 25 к.

— Смѣлые мореплаватели. Перев. съ англ. В. Корженцева Спб., 1914 Изд. М. П. Семенова. 218 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Мэнъ, Г. Охота за любовью. Романъ. Авторив. перев. съ нѣм А. Позоскаго. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". [illegible] стр. Ц 60 к.

Мелвилль, К. Опасный возрастъ. Письма и страницы изъ дневника Перев. съ латыскаго Е. Рудиной. Унив. б-ка, № 7[illegible] М., 1914. Изд. 3-е, кн-ва „Польза". 118+2 нен. стр. Ц. 10 к.

Ренье, А., де. Мадонна изъ [illegible].

Перев. М. Волошина. М., 1914. Изд. кн-ва „Альціонъ". 121+5 нен. стр. Ц. 1 р.

Сведенбергъ, Э. Увеселенія премудрости о любви супружественной. Перев. автора неизвѣстнаго. Издалъ по рукописи 1850 г. В. Пашуканисъ. М., 1914. Изд. изд-ва „Мусагетъ". 346 стр. Ц. 15 р.

Сенкевичъ, Г. Въ пустынѣ и въ дебряхъ. Романъ. Перев. съ польскаго Евг. Троповскаго. Унив. б-ка. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 2-е. 442 стр. Ц. 50 к.

Софоклъ. Антигона. Трагедія. Пер. Мережковскаго. Варшава, 1914. Изд. Варшав. учебн. округа. 10 стр. Съ рис.

Тагоръ, Рабиндранатъ. Жертво-пѣсни. (Гитанджали). Пер. подъ ред. Ю. Балтрушайтиса. М., 1914. Изд. кн-ва „Современныя проблемы". XXI+126 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

— Приношенія въ пѣсняхъ. Перев. съ англ. А. С. Подъ ред. А. Слудскаго. М., 1914. IX+105 стр. Ц. 85 к.

Флоберъ, Г. Мадамъ Бовари. Провинціальные нравы. Романъ. Пер. съ франц. А. Г. Горнфельда. Унив. б-ка, № 702—705. М., 1914. Изд. кн-на „Польза". 397+2 нен. стр. Ц. 40 к.

Эрманъ, Шатріанъ. Конецъ Наполеона (Ватерлоо). Продолженіе „Исторіи полобранца 1813 г.". Сокращенный перев. съ франц. В. Керженцева. М., 1914. Изд. изд-ва „Задруга". 120 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

§ 4. Веселовскій, А. Байроръ. Біографическій очеркъ. Съ 2 фототипіями работы П. П. Павлова. М., 1914. V+322 стр. Ц. 2 р.

Закржевскій, А. Рыцари безумія (футуристы). Кіевъ, 1914. III+163 стр. Ц. 1 р.

Кранихфельдъ, Вл. Г. Г. Шевченко—пѣвецъ Украйны. Критико-біографическій очеркъ. Б-ка нашихъ читателей. Спб., 1914. Изд. 3-е, кн-ва „Жизнь и Знаніе". 104—32 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Фохтъ, Ю. Мольеръ. Публичная лекція. М., 1914. Изд. Студенческое издательства. 52 стр. Съ портр. Ц. 40 к.

§ 5. Бѣлинскій. Письма. Т. III. (1873—1848.) Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Спб., 1914. Изд. „Огни". 476 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Миндалевъ, П. Моленіе Давида Заточника и связанные съ нимъ памятники. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Казань, 1914. 346+XXX стр.

Потебня, Ал. Аф. I. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія, съ дополненіемъ изъ черновыхъ рукописей „О Задонщинѣ". Харьковъ, 1914. Изд. 2-е. 338 стр. Ц. 2 р.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ ред. проф. С. А. Венгерова. 1. Спб., 1914. XXIV+239 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Степановъ, Н. А. Классики русской литературы. Часть II. Пушкинъ. Гоголь. Грибоѣдовъ. Лермонтовъ. Тургеневъ. Гончаровъ. Воронежъ, 1913. 128 стр. Ц. 90 к.

§ 6. Львовъ-Рогачевскій, В. Двѣ правды. Книга о Леонидѣ Андреевѣ. Спб., 1914. Изд. к-ва „Прометей". 232 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Чуковскій, К. Книга о современныхъ писателяхъ. Исправленное изданіе „Критическихъ разсказовъ". Спб., 1914. Изд. из-ва „Шиповникъ". 236 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Поэзія грядущей демократіи. Уатъ Уитмэнъ. Съ пред. И. Е. Рѣпина. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 124+3 нен. стр. Съ портр. Ц. 1 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. Алексѣевъ, С. А. (Аскольдовъ). Мысль и дѣйствительность. М., 1914. Изд. „Путь". IV+387+111 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Аннинскій, Д. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ моралистъ. Лекціи, читанныя въ Москвѣ и Рязани. Рязань, 1914. 150 стр. Ц. 65 к.

Бергсонъ, А. Непосредственныя данныя сознанія. Приложенія Ражо. Психофизіологія и физіологія А. Бергсона. Собраніе сочиненій. Т. II. Переводъ Б. С. Бычковскаго. Спб., 1914. Изд. М. И. Семенова. 224 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Боголюбскій, Н. И., прот. Вѣра науки и религіозная вѣра. Лекціи, прочитанныя на собраніи кружка 17-го ноября 1913 г. М., 1914. Изд. златоустовск. религіозно-философск. кружка учащихся. 17 стр. Съ портр. Ц. 20 к.

Бѣляевъ, В. А. Лейбницъ и Спиноза. (Историко-критическое изслѣдованіе системы Лейбница, какъ опроверженіе пантеистической системы Спинозы и какъ попытки дать философское обоснованіе христіанскаго теизма). Ученые Труды Императорской Спб. Духовной Академіи. Спб., 1914. VII+372 стр.

Вивекананда, Суами. Бхакти-Йога. Лекціи.

Переводъ съ калькутскаго изданія Л. К. Попова. Спб., 1914. Изд. Суоми Сарадананда. 107 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Герасимовъ, Н. Вѣрвана и спасеніе. М., 1914. 263 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Кудрявцевъ-Платоновъ, В. Д. Сочиненія. Т. I. Вып. II. Изслѣдованія и статьи по введенію въ философію и по гносеологіи. Сергіевъ-Посадъ, 1914. Изд. 2-е, Б-ка преподобн. Сергія. 310 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лядбитеръ, І. Ясновидѣніе. Перев. М. Станюковичъ. Спб., 1914. Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи". 111 стр. Ц. 85 к.

Новыя идеи въ философіи. Подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 16. Психологія мышленія. Спб., 1914. Изд. издат. „Образованіе". 155 стр. Ц. 80 к.

Паульсенъ, Ф. Введеніе въ философію. Перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Съ дополненіями и измѣненіями по 24-му нѣм. изд. М., 1914. Изд. 4-е Московск. Психологическ. Об-ва. XVIII + 454 стр. Ц. 2 р. 30 к.

Чаадаевъ, П. Я. Сочиненія и письма. Т. II. Подъ ред. М. О. Гершензона. М., 1914. Изд. к-ва „Путь". VIII+342 стр.

Штейнеръ. Изъ лѣтописи міра. М., 1914 Изд. издат. „Духовное знаніе". 260 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 2. Фаге, Э. Исторія философіи (Краткій очеркъ философіи отъ начала до XX вѣка.) Переводъ съ франц. П. Т. Егупова. Спб., 1914. Изд. В. П. Яковенко. 128 стр. Ц. 50 к.

Ягодинскій, Ив. Ив., проф. Философ и Лейбница. Процессъ образованія системы. Первый періодъ 1659—1672. Казань, 1914. Изд. автора. XV+432 стр. Ц. 3 р.

§ 3. Виноградовъ, С. Н. Логика. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М., 1914. 160 стр. Ц. 60 к.

§ 4. Барретъ, І. Ф., проф. Загадочныя явленія человѣческой психики. Перев. съ англ. М. В. Райхъ. Подъ ред. П. Д. Виноградова. М., 1914. Изд. Московскаго к-ва. VIII+229+16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. Подъ ред. Б. А. Лезина. I. Теорія творчества. II. Миѳотворчество. Харьковъ, 1913. 566 + XVI стр. Ц. 2 р. 50 к.

Вундтъ, В., проф. Естествознаніе и психологія. Спб., 1914. 136 стр. Ц. 80 к.

Рахмановъ, В. В. Психологія, какъ наука о личности. Спб., 1914. Изд. „Освобожденіе". 109 стр. Ц. 80 к.

Тютчеперъ, Э. Б., проф. Учебникъ психологіи. Университетскій курсъ. Пер. съ англійскаго. А. П. Болтунова. Ч. II. М 1914. Изд. т-ва „Міръ". VI + 250 стр. Ц. 1 р. 35 к.

§ 5. Антроповъ, А. Р. Спортъ въ Англіи и его воспитательное значеніе. Лекція, изложенная Г. Х. Скобе. Спб., 1914. 32 стр.

Джунковская, Е. Воспитаніе физически-достнаго ребенка. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 15 стр. Ц. 15 к.

Мейманъ, Э., проф. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Перев. подъ ред. П. Д. Виноградова. Ч. I. Физическое и духовное развитіе дѣтей. М., 1914 Изд. 3-е, т-ва „Міръ". XI+659 стр. Ц. 3 р.

Мурзаевъ, В. С. Творческое рисованіе. Опытъ краткой практической методики творческаго рисованія въ начальной школѣ. Б-ка воспитанія и обученія. М., 1914. Изд. журн. „Педагогическ. Обозрѣніе". 46 стр.+IV табл. рис. Ц. 50 к.

Паульсенъ, Ф. Педагогика. Перев. съ нѣм. подъ ред. Г. К. Вебера. Вып. II. М., 1913. Изд. т-ва „Міръ". 487 стр. Ц. 2 р.

Писарева, Л. В. Дѣтскіе интересы и ихъ значеніе въ педагогическомъ дѣлѣ. Психологическая б-ка подъ ред. проф. А. П. Нечаева. Спб., 1914. 100 + II стр. Ц. 60 к.

Совмѣстное образованіе. Сборникъ статей подъ ред. П. М. Соколова и Г. Г. Тумпина. Спб., 1914. Изд. т-ва А. С. Суворина. VIII+256 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Шолмовичъ, С. П. Техника умственнаго труда. Варшава, 1914. Изд. ред. журн. „Домашнее и школьное обученіе". 20 стр.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2 Всеобщая исторія § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 2. Вазовъ, Ив. Сосѣди. Картина болгарскихъ нравовъ изъ эпохи господства турокъ. Перев. съ болгарскаго. П. Дитлова. Унив. б-ка. М., 1914. Изд. к-ва „Польза" 123 стр. Ц. 10 к.

Верещагинъ, В. А. Русская и иностранная книга. XV—XIX вѣка. Спб., 1914. Изд. Кружка любителей изящныхъ изданій 129 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Куприпъ, А. И. Лорд Рошфоръ. Его жизнь и литературная дѣятельность и смерть. Спб., 1914. Изд. „Осн[illegible]". 70 стр. Ц. [illegible] к.

Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти, разсказанная имъ самимъ. Перев. В. Г. Малахіевой-Мировичъ. Подъ ред. Бор. Зайцева. Вступ. статья А. А. Андреевой. М., 1914. Изд. К. Ф. Некрасова. XXV+334+V стр. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія западной литературы (1800—1910). Подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Кн. 6. М., 1914. Изд. т-ва „Міръ". 233—375 стр. Съ рис.

Ковалевскій, М. О. Древній Востокъ и первобытная Греція. Казань, 1914. Изд. кн. маг. Голубева, 2-е исправл. VIII+154 стр. Съ рис. и картою. Ц. 70 к.

Лозинскій, С. Г. Исторія инквизиціи въ Испаніи. Т. III. Спб., 1914. III+507 стр. Съ рис. Ц. 5 р.

Найтъ, Э. Ф. Революціонный переворотъ въ Турціи. Перев. съ англ. В. Брадаса. Съ пред. З. Я. Богучарскаго. Спб., 1914. Изд. П. П. Пѣвнина. 237+III стр. Ц. 75 к.

О'Нейль, Е. Марія Стюартъ, королева шотландская. Перев. съ англ. Р. Руфиновой. Унив. б-ка. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 106 стр. Ц. 10 к.

Перцевъ, В. Девятнадцатый вѣкъ. Историческіе очерки. Унив. б-ка, № 676, 7. М., 1914. Изд. к-ва „Польза". 212+4 нен. стр. Ц. 20 к.

Рѣчи Либанія. Перев. съ греческаго, съ прим. и двумя приложеніями С. Шестакова. Т. I. Казань, 1914. 6+XC+522 стр. Ц. 3 р. 60 к.

Семеновъ, А. Блокада и штурмъ Адріанополя. Спб., 1914. 7+100 стр. и карт.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. проф. Ѳ. К. Волкова, М. С. Грушевскаго, М. М. Ковалевскаго, Ѳ. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго и А. А. Шахматова. Т. I. Спб., 1914. Изд. М. А. Славинскаго. 360 стр. Съ рис.

§ 3. Война Россіи съ Европой и Азіей въ 1820 году. Вып. I. Тамбовъ, 1914. Изд. издат. „Муравей". 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Врангель, Г. В., бар. Балтійскіе офицеры въ походѣ 1812 года. Ревель, 1913. Изд. Ф. Клуге. 70 стр.

Гаринъ-Михайловскій, Н. Война (дневникъ очевидца). Часть первая. Полное собраніе сочиненій. Т. X. Спб., 1914. Изд. „Освобожденія", 4-е. 237 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва. М., 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. IV+120 стр. Ц. 1 р.

— Декабристъ Кривцовъ и его братья. М., 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 299 стр. Ц. 2 р.

Горскій, С. Чума въ Москвѣ. Историческая б-ка. М., 1914. Изд. кн-ва „Дѣло". 80 стр. Ц. 10 к.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I и II. Спб., 1914. XVI+407+XVIII+507 стр. Ц. 3 р. за оба тома.

Карамзинъ, Н. М. Записка о древней и новой Россіи. Редакція проф. В. В. Сиповскаго. Спб., 1914. Изд. гр. М. Н. Толстой. XIV+133 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Описаніе русско-турецкой войны 1877—78 гг. На Балканскомъ полуостровѣ. Т. IX. Дѣйствія съ 1 января 1878 г. до окончанія войны. Дѣйствія въ тылоаыхъ районахъ театра войны. Ч. II. Подъ ред. Геруа I. Спб., 1913. XVIII+346+183 стр.

Павловскій, И. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина (1802—1808 гг.). (По архивнымъ даннымъ.) Полтава, 1913. Изд. полтав. ученой архивной комиссіи. 8+131 стр. Съ рис.

Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ 1870—1894. Съ пред. и прим. Б. Л. Модзалевскаго. Толстовскій музей. Т. II. Спб., 1914. Изд. об-на толстовскаго музея. 478 стр. и 2 портр. Ц. 2 р. 50 к.

Петровскій, Д. Врачебная старина и бытъ прачей временъ перваго государя изъ дома Романовыхъ царя Михаила Ѳеодоровича. Харьковъ, 1914. XXIX+82 стр.

Полонская, Н. Д. Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. III. Кіевъ, 1914. Изд. С. В. Кульженко. 54+IV стр.+XXXVIII табл. рис. Ц. 2 р.

Прыжовъ, И. Г. Исторія казаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Историческая б-ка. Казань, 1914. Изд. издат. „Молодыя силы", 2-е. 282 стр. Ц. 2 р.

§ 5. Блиновъ, Н. Н. Земство за полвѣка. 1864—1914 гг. Сарапуль, 1914. 27 стр. Ц. 10 к.

Исторія нашего времени (Современная культура и ея проблема.) Подъ ред. проф. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. XX. Спб., 1914. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. 81—160 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Львовъ, Г. Е., кн. и Полиръ, Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М., 1914. Изд. 5-е, издат. „Задруга". 60+4 нен. стр. Ц. 12 к.

Потресовъ, А. Н. П. Б. Аксельродъ (45 лѣтъ общественной дѣятельности.) Просвѣтительная б-ка. Спб., 1914. Издат. „Наканунѣ". 54 стр. Съ 3 порт. Ц. 25 к.

Толстой, И Мои воспоминанія. М., 1914. 275 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

§ 6. Архивъ юго-западной Россіи. Ч. I. Т. VIII. Вып. I. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссовъ съ протестантами и литвино-уніатами въ Юго-Западной Руси за XVI и XVII стол. Кіевъ, 1914. Изд. комиссіи для разбора древнихъ актовъ. II+12+798 стр. Ц. 2 р.

Кіево-Печерскій Патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный русскій языкъ М. Викторовой. Кіевъ, 1914. 154+XV стр.

Руффини, Ф., проф. Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. I. Перев. съ итал. А. И. Ильинскаго. Подъ ред., съ пред. и прим. проф. В. И. Саранскаго. Спб., 1914. Изд. П. Карбасникова. VIII+145 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Церковь, католичество и протестантство. Критическій очеркъ ихъ исторіи по А. С. Хомякову. Религіозно философская б-ка. Вып. XXXIII. М., 1914. 152 стр. Ц. 50 к.

§ 7. **Картвэ, Н.** Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб., 1914. Изд. 2-е, доп. XI+574 стр. Ц. 3 р.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Асмоловъ, С.** Сахаръ и его экспортъ изъ Россіи. Россійская экспортная палата. Спб., 1914. Изд. журн. „Русскій Экспортъ". 21 стр.

Витте, С. Ю. Конспектъ лекцій о государственномъ хозяйствѣ, читанныхъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу въ 1900—1902 г. Съ примѣч. проф. В. Д. Каткова. Спб., 1914. Изд. 3-е. III+124+VIII стр. Ц. 1 р.

Владиславлевъ. Страховые курьезы. Практика русскаго акціонернаго страхованія.— „Огонь".—„Жизнь". Спб., 1914. 32 стр. Ц. 30 к.

Закъ, А. Н. Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. Спб., 1914. II+6—67 стр.

Новыя идеи въ экономикѣ. Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Сборникъ 4. Вздорожаніе жизни. Спб., 1913. Изд. „Образованіе". 164 стр. Ц. 80 к.

Остроуховъ, П. А. Англо-русскій торговый договоръ 1734 г. Очеркъ по исторіи русской торговой политики (на основаніи архивныхъ источниковъ). Съ пред. П. Б. Струве. Труды студентовъ экономическаго отдѣленія. Спб. Полит. Инст. Имп. Петра Великаго. № 13. Спб., 1914. Изд. Спб. Полит. Инст. Имп. Петра Вел. X+204 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Румянцевъ, П. П. Матеріалы по изслѣдованію туземнаго и русскаго старожильческаго хозяйства и землепользованія въ Семирѣченской области. Т. IV. Вѣрненскій уѣздъ. Киргизское хозяйство. Спб., 1913. Изд. Г. У. З. и З. Переселенческое Управленіе. XI+321+231+439 стр.

Семинарій В. О. Тотоміанца по политической экономіи (коопераціи) при Императорскомъ московскомъ университетѣ. Медвѣдовъ, Н. С. Торговое посредничество и кооперація. Павскій, С. П. Фальсификація пищевыхъ продуктовъ и мѣры борьбы съ ней. Герсонъ, Г. А. Лига покупателей за границей. Савичъ, А. Н. Мелкое крестьянское хозяйство и кооперація. Шелковъ, П. П. Маслодѣльныя артели Вологодской губерніи. М., 1914. Изд. А. М. Бухгалова. 222 стр. Ц. 1 р.

§ 2. Внѣшняя торговля по Европейской границѣ за январь 1914 г. Вып. 341 (I). Изд. Департамента Таможенныхъ Сборовъ. X+59 стр.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Русскій вывозъ и міровой рынокъ. Въ таблицахъ и діаграммахъ. Труды Юго-Западнаго Отдѣленія Россійской Экспортной палаты. Вып. XV. Кіевъ 1914. 46 стр.—1 карта+9 стр. діаграммъ.

Кузнецовъ, В. К. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Западная Сибирь. Томская губ. Степь. Барнаульскій и Каинскій уѣзды. Лѣсостепь. Каинскій уѣздъ. Переходъ отъ тайги къ лѣсостепи. Томскій и Маріинскій уѣзды. Тайга. Маріинскій и Томскій уѣзды. Матеріалы по обслѣдованію переселенческихъ поселковъ. Вып. V. Текстъ. Г. У. З. и З. Переселенческое Управленіе. Спб., 1914. XV+149+21 стр.

Марганцовая промышленность южной Россіи въ 1912 году. Подъ ред. П. Ф. фонъ-Дитмара. Статистическое бюро совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. № 513. 25-го ноября 1913 года. Харьковъ, 1914. X+12 стр. Ц. 50 к.

Матеріалы по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Привозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію и поступленіе таможенной пошлины съ указаннымъ происхожденіемъ отношенія пошлины къ цѣнности. Сводъ данныхъ русской статистики внѣшней торговли, относящихся къ Европейской и Кавказско-Черноморской границамъ, а также къ внутреннимъ таможнямъ Европейской Россіи и Астраханской таможнѣ за 1900—1912 гг. Министерство

Финансовъ. Департаментъ таможенныхъ сборовъ. Спб., 1914. 179+VIII стр.

Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Транзитъ товаровъ. Сводъ данныхъ статистики внѣшней торговли Россіи за 1900—1911 гг. Министерство Финансовъ. Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ. Спб., 1914. 95 стр.

Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Транзитъ товаровъ чрезъ Германію. Сводъ давныхъ германской статистики за 1900—1911 гг. Министерство Финансовъ. Департаментъ таможенныхъ сборовъ. Спб., 1914. 62 стр.

Парменовъ, И. С. Россія въ міровомъ хозяйствѣ. Совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли юга Россіи. Матеріалы ко второму южно-русскому торгово-промышленному съѣзду. Одесса, 1914. 96 стр.

Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности. Вып. IX. Сентябрь 1913. Спб., 1914. Изд. редакціи періодическихъ изданій мин. фин. XXIX+43 стр.

Шоръ, А. С. Товарообмѣнъ между Россіей и Германіей за послѣднія 20 лѣтъ. Россійская экспортная палата. Труды комиссіи по пересмотру торговыхъ договоровъ. Спб., 1914. 46+66 стр.

§ 3. Зубрилинъ, А. А. Какъ государство собираетъ и расходуетъ народныя деньги. М., 1914. Изд. т-ва „Агрономъ". 32 стр. Ц. 5 к.

Никольскій, Б. А. Мелioративный кредитъ въ Россіи. Спб., 1914. IV+109 стр.

V. Соціологія и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; кооперація. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 1. Грамматчиковъ, С. Міровой строй труда. М., 1914. VII+221 стр. Ц. 1 р. 40 к.

§ 3. Вороновъ, Б. Артельный трудъ. Какъ организовать трудовыя артели. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Ц. 12 к.

Ежевъ, В. Больничныя кассы. Спб., 1914. Изд. издат. „Наканунѣ", 2-е, испр. 56 стр. Ц. 15 к.

Зиновьевъ, Г. Свобода коалицій. Спб., 1914. Изд. „Прибой". 16 стр. Ц. 3 к.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В. Шульце-Деличъ. Апостолъ германской кооперации. Жизнь и дѣятельность. Спб., 1914. Изд. 2-е, доп. 63 стр. Ц. 40 к.

Кильченскій, В. А. Права и обязанности члена кредитнаго товарищества. М., 1914. Изд. „Кооперативн. жизни". 31 стр.

Майскій, В. Какъ организовавы рабочіе въ Германіи. Спб., 1914. Изд. издат. „Наканунѣ". 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Масловъ, Сем. Кооперативная аренда земли. (О томъ, какъ сообща арендуютъ землю и улучшаютъ хозяйство.) М., 1914. 36 стр. Ц. 10 к.

Д. С. Р. Рабочій уставъ больничной кассы. Параллельный текстъ рабочаго и нормальнаго установъ. Подъ ред. Б. Г. Данскаго. Спб., 1914. Изд. издат. „Прибой". 75 стр. Ц. 20 к.

Холмогорскій, Ѳ. Дешевыя деньги въ деревнѣ. Кредитное товарищество. М., 1914. 55 стр. Ц. 12 к.

— Какъ выгоднѣе вести молочное хозяйство. Маслодѣльныя артели. М., 1914. 59+1 нен. стр. Ц. 12 к.

— Какъ выгоднѣе вести огородничество. Товарищество огородниковъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Ц. 12 к.

— Молочное хозяйство пригородныхъ крестьянъ. Товарищество по сбыту молока. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 56 стр. Ц. 12 к.

Штурмъ, Ф. Фабричныя больничныя кассы въ Германіи. Спб., 1914. 12 стр. Ц. 2 к.

Шульцъ, Г. Лейпцигская больничная касса. Спб., 1914. Изд. „Прибой". 13 стр. Ц. 2 к.

— Страхованіе въ Англіи и у насъ. Спб., 1914. Изд. „Прибой". 16 стр. Ц. 2 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 1. Хвостовъ, В. М., проф. Общая теорія права. Элементарный очеркъ. М., 1914. Изд. 6-е. VII+147 стр. Ц. 1 р.

§ 2. Максимейко, Н. А. Опытъ критическаго изслѣдованія русской правды. Вып. I. Харьковъ, 1914. 217 стр.

§ 3. Горбуновъ, А. Основы гражданской войны въ Англіи. (Б-ка законовѣдѣнія, № 1.) М., 1914. 160 стр. Ц. 50 к.

Дембо, Л. И. Врачебное право. Вып. I. Санитарно-соціальное законодательство. Спб., 1914. 85 стр. Ц. 75 к.

Елистратовъ, А. И., проф. Основныя начала административнаго права. М., 1914. Изд. Г. А. Лемана. 332 стр. Ц. 2 р. 50 к.

§ 4. Аннинъ, М. Управленіе крестьянскихъ сервитутовъ въ Западномъ краѣ и варшавскомъ генералъ-губернаторствѣ. Критическія замѣтки по поводу законопроектовъ, внесенныхъ въ 1910—13 гг. въ Государственную Думу. Кіевъ, 1914. 52 стр. Ц. 40 к.

Гойхбергъ, А. Г. Источники договорнаго страхового права. Спб., 1914. 36 стр. Ц. 40 к.

Гольдштейнъ, М. А. Дѣло графа Ровикора. Рѣчь. Спб., 1914. 62 стр. Ц. 50 к.

Гринъ, И. В. Абортъ—преступленіе или операція. Докладъ, сдѣланный на XII пироговскомъ съѣздѣ. М., 1914. Изд. автора. 48 стр. Ц. 50 к.

Гуляевъ, А. И. Торговое судопроизводство. Передача торговли и ликвидація. О несостоятельности. М., 1914. 322 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Гуляевъ, А. М., проф. Право участія частнаго въ практикѣ гражд. кассац. департ. пр. сената. Спб., 1914. Изд. 2-е, И. И. Зубкова. 54 стр. Ц. 60 к.

Добровольскій, Н. С. Критическій обзоръ современныхъ законодательныхъ предположеній по вопросу о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. М., 1914. 24 стр. Ц. 10 к.

Духовныя завѣщанія. Утвержденіе въ правахъ наслѣдства. Вводъ во владѣніе. Общедоступное изложеніе основныхъ началъ дѣйствующаго права, съ приложеніемъ образцовъ дѣловыхъ бумагъ. Общедоступная юридическая б-ка подъ ред. В. Я. Крюковскаго, № 4. Спб., 1914. Изд. маг. бывш. М. В. Попова. 160 стр. Ц. 50 к.

Ельяшевичъ, В. Б., проф. Право участія частнаго и его защита. Спб., 1914. 20 стр. Ц. 25 к.

Ефимовъ, Е. Естественно-научная теорія преступленія. Природа преступленія. Ч. I. Методологическое изслѣдованіе. М., 1914. 390 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Кавелинъ, С. П. Межеваніе и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. Съ чертежами и образцами дѣлопроизводства. М., 1914. Изд. кн. маг. „Правовѣдѣніе" И. К. Голубева. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Калининъ, Н. А. Общедоступный очеркъ русскаго гражданскаго права. Пособіе при пользованіи Сводомъ Зак. Гражд. (т. X, часть I). Общедоступная б-ка. Спб., 1914. Изд. т-ва „Дѣятель". 136 стр. Ц. 30 к.

Матвеевъ, М. И. Право застройки. Опытъ цивилистическаго изслѣдованія института. Кіевъ, 1914. 268+XLIII стр. Ц. 2 р. 50 к.

Масловъ, Н. А. Между врачебною тайною и укрывательством преступленія (Изъ прошлаго-пережитаго.) М., 1914. 156 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Рудинъ, П. Законодательство и жизнь. Замѣтки и статьи по принципиальному вопросу. Петроградъ, 1913. 86+7 нен. стр. Ц. 30 к.

Тимашевъ, Н. С. Условное осужденіе. Спб., 1914. VI+558 стр. Ц. 3 р.

Юцисъ, Г. Чехъ. Историческій обзоръ. Современный чехъ. Юридическій анализъ. Одесса, 1914. Изд. П. М. Каплана. 61+1 нен. стр. Ц. 75 к.

Яблочковъ, Т. М., проф. Новѣйшія указанія. Дополненіе ко 2-му изд. (1912 г.) учебника русскаго гражданскаго судопроизводства. Ярославль, 1914. Изд. 2-е, испр. 47 стр. Ц. 40 к.

§ 6. Австрійскій проектъ закона о промышленныхъ и хозяйственныхъ товариществахъ (Erwerbs- und Wirtschaftsgenossenschaften). Пер. съ нѣм. И. И. Рожковскаго. Редакція и пред. В. А. Краснокутскаго. М., 1914. Изд. Д. Я. Маковскаго. 90 стр. Ц. 75 к.

Барабановъ, М. Формулы обвинительныхъ пунктовъ (сборникъ заключительныхъ частей обвинительныхъ актовъ) по наиболѣе распространеннымъ родамъ преступленій, карвемыхъ по уложенію о наказаніяхъ. Формулы по уголовному уложенію, по уставу о наказаніяхъ, налог. мир. судьями, и по уставу объ акцизныхъ сборахъ. Спб., 1914. Изд. 4-е, доп. 440 стр. Ц. 3 р.

Бернштамъ, М. В. и Новиковъ, В. И. Уставъ уголовнаго судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. I, изд. 1892 г. по прод. 1906, 1908, 1909, 1910 и 1912 гг.). По „Собр. узак. и расп. прав." доведено до 1-го сентября 1913 г. Съ алфав. указ. Спб., 1914. Изд. 4-е. XC+414 стр. Ц. 1 р.

Брентъ-Турдъ, Р. А. Дѣлопроизводство мирового судьи. М., 1914. Изд. кн. магаз. „Право" Ф. Бусыгина. 71 стр. Ц. 50 к.

— Преобразованный мировой судъ, съ приложеніемъ алфавитныхъ предметныхъ указателей. М., 1914. Изд. кн. маг. „Право" Ф. Бусыгина. 235 стр. Ц. 95 к.

Брюнвалъ, П. Адвокатъ рабочаго. Настольная книга для присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ и лицъ, ведущихъ дѣла рабочихъ фабрично-заводскихъ предпріятій. Спб., 1914. Изд. „Молодой адвокатъ". 224+48 стр.

Вознагражденіе пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ служащихъ на же

лѣзныхъ дорогахъ (съ примѣрами и образцами). (Дешевая общенародная юридическая б-ка Ф. Бусыгина, подъ ред. И. Березкина, № 9.) М., 1914. 28+4 нен. стр. Ц. 12 к.

Водковъ, Н. Т. Новые законы о землеустройствѣ. Спб., 1914. Изд. 2-е, доп. XI+690 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Германское торговое уложеніе 10 мая 1897 г. Перев. съ нѣм. Подъ ред. В. А. Краснокутскаго. М., 1914. 129 стр. Ц. 45 к.

Гимпельсонъ, Я. И. Законы о евреяхъ. Систематическій обзоръ дѣйствующихъ законоположеній о евреяхъ, съ разъясненіями прав. сената и центральныхъ правит. установленій. Съ постатейнымъ, хронол. и алфат.-предм. указателями. Подъ ред. и съ предисл. Л. М. Брамсона. Спб., 1914. Изд. тов. „Юриспруденція". XV+440 стр. Ц. 3 р.

Законъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ для обложенія земскими сборами (Св. Зак. Росс. имп., т. IV, кн. II, уст. о земск. повин. Изд. 1899 г.) и инструкція объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ обложенію земскими сборами (14 сент. 1905 г.). Тамбовъ, 1914. Изд. земск. управы. II+68 стр.

Законы 15-го іюня 1912 г. и 26-го іюня 1913 г. о преобразованіи мѣстнаго суда и объ установленіи Положенія о введеніи въ дѣйствіе сего закона. Съ прилож. временныхъ правилъ о волостномъ судѣ. М., 1914. Изд. кн. маг. „Правовѣдѣніе" Н. К. Голубева, 3-е. 128 стр. Ц. 75 к.

Кайманинъ, Б. Г. Секретарь мирового судьи. Руководство для секретарей и канцелярій мировыхъ судей по закону 15 іюня 1912 года и 26 іюня 1913 года. М., 1914. Изд. Н. К. Голубева. 121 стр.

Надъ кѣмъ и какъ учреждаются опека и попечительство? (Съ образцами бумагъ.) Дешевая общедоступная юридическая б-ка Ф. Бусыгина, подъ ред. И. Березкина, № 3. М., 1914. 23+4 нен.+1 нен. стр. Ц. 15 к.

Носенко, Д. А. Вексельные уставы 1902 и 1893 гг. съ разъясненіями. Спб., 1914. Изд. Н. К. Мартынова, 3-е, испр. и доп. XVIII+153+XIV+90+17 стр.

Озерецковскій, Н. Судебные уставы императора Александра II. I. Учрежденіе судебныхъ установленій. II. Уставъ гражданскаго судопроизводства. III. Уставъ уголовнаго судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. I, изд. 1892 г., по прод. 1912 г.), дополненные законами о преобразованіи и введеніи мѣстнаго суда и позднѣйшими узаконеніями по 1-е марта 1914 г. Спб., 1914. Изд. II. И. Зубкова. CXXXVI+1280 стр. Ц. 2 р.

— Учрежденіе судебныхъ установленій (Св. Зак., т. XVI, ч. I), изд. 1892 г. по прод. 1912 г. Дополненное законами о преобразованіи и введеніи мѣстнаго суда и всѣми позднѣйшими узаконенія по 1-е марта 1914 г. съ предм. указ. Спб., 1914. XXXVI+337 стр. Ц. 85 к.

Прессъ, Г. С. Страхованіе. Правовые основы, законы и практика сената по огневому и морскому страхованіямъ со всѣми разъясненіями гражд. кас. бывш. IV и судебн. деп-товъ прав. сената. Спб., 1914. Изд. „Право", 2-е, доп. и испр. XI+208 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рабиновичъ, И. М. Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ по разъясненіямъ гражд. кас. деп. прав. сен. и его отдѣленій. Спб., 1914. Изд. кн. скл. „Право". XXXVIII+464 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Резонъ, А., фонъ. Кассаціонная практика по дѣламъ объ акцизнымъ нарушеніяхъ. Спб., 1914. Изд. 2-е, доп. 364 стр. Ц. 2 р.

Роговинъ, Л. М. Таможенные тарифы по европейской торговлѣ (общій и конвенціонный). Дополненіе. Спб., 1914. Изд. „На стражѣ закона". IV+90 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената съ 1866 по 1914 г. въ сокращенной обработкѣ для практики. Подъ ред. Е. В. Васьковскаго. Вып. VIII. Одесса, 1914. Изд. кн-ва „Юристъ-практикъ". 55—99+84+28 стр.

Съ какимъ дѣломъ и въ какой судъ слѣдуетъ итти? (Подсудность гражданскихъ дѣлъ въ связи съ введеніемъ новаго закона 15 іюня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда. Съ приложеніемъ таблицы подсудности.) Дешевая общенародная юридическая б-ка Ф. Бусыгина. Подъ ред. И. Березкина. № 4. М., 1914. 32 стр. Ц. 25 к.

Ферсманъ, О. А. и Фруктовъ, А. А. Статьи 683 и 684 законовъ гражданскихъ (Св. Зак., т. X, ч. 1) съ систематиз. разъясненіями прав. сената (по гражд. кассац. д-ту, угол. касс. д-ту и общему собр. 1 и касс. д-товъ). Законы о возвраждженіи потерпѣвшихъ вредъ и убытки вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровіи, причиненныхъ желѣзнодорожными и пароходными предпріятіями. Спб., 1914. XIV+352 стр. Ц. 2 р.

Чайковскій, В. А. Новый мѣстный судъ. „Обвинитель и обвиняемый". Уголовныя дѣла въ мировыхъ и волостныхъ судахъ въ мѣстностяхъ, гдѣ законъ 15 іюня 1912 г. введенъ въ полномъ объемѣ. Кіевъ, 1914. Изд. к-ва И. П. Самоненко. XIV+182+IV стр. Ц. 80 к.

Что внесъ новаго въ устройство мѣстнаго суда законъ 15-го іюня 1912 года? (Новый волостной судъ и новые мировые судьи.) Дешевая общенародная юридическая б-ка Ф. Бусыгина, подъ ред. И. Березкина, № 7. М., 1914. 27+5 нен. 4 нен. стр. Ц. 15 к.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ § 6. Полевой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. Письма къ В. А. Гольцеву Г. И. Успенскаго, В. Г. Короленко, П. К. Михайловскаго, М. Е. Салтыкова, П. Ф. Якубовича, П. Ф. Анненскаго, В. В. Лесевича, Н. В. Шельгунова, А. Скабиченскаго, Д. Н. Мамина-Сибиряка. М., 1914. Изд. к-ва писателей. 315 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Баженовъ, И. Р. Наша нынѣшняя политика на Ближнемъ Востокѣ съ національной точки зрѣнія. Докладъ. Спб., 1914. 34 стр.

Бобринскій, В., гр. Львовское дѣло „о государственной измѣнѣ". (Къ русской печати.) Спб., 1914. 12 стр.

Витте, С. Ю. По поводу непреложности законовъ государственной жизни. Спб., 1914. II+IV+376 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Гавраловичъ, І. М. Положеніе дѣлъ на пріискахъ Ленскаго золотопромышленнаго товарищества. Спб., 1914. 35 стр.

Голубевъ, Вас. С. По земскимъ вопросамъ 1901—1911 гг. (Посмертное изданіе.) Т. II. Спб., 1914. 463 стр. Ц. 5 р. за 2 т.

Добровольскій, Н. С. Къ вопросу о національизаціи кредита. М., 1914. 11 стр. Ц. 5 к.

— О Харькинѣ и о Кассо, и о томъ, что кромѣ законовъ государственной логики имѣются законы народнаго чувства, какъ опредѣляющій факторъ событій. М., 1914. 12 стр.

Зиновьевъ, Г. Вокругъ свободы печати. Спб., 1914. Изд. „Прибой". 15 стр. Ц. 3 к.

Яковлевъ, Д. А. Что пережило земство и въ чемъ оно нуждается? М., 1914. 24 стр.

Мартыновъ, Е. И. За что я былъ преданъ суду и осужденъ. М., 1914. 84 стр. Ц. 75 к.

— Работа нашихъ желѣзнодорожныхъ дѣльцовъ въ Манчжуріи. М., 1914. 110+1 нен. стр. Ц. 85 к.

Масловъ, Сем. Земство и кооперація. М., 1914. 47 стр. Ц. 10 к.

Пуришкевичъ, В. Матеріалы по вопросу о разложеніи современнаго русскаго университета. Спб., 1914. Изд. русск. народн. союза имени Михаила Архангела XI+282+XVI стр. Ц. 1 р.

Рупинъ, А. и Оппенгеймеръ, Ф. Новые пути. Статьи Деловой еврейской б-ки. Спб., 1914. Изд. книгоизд. „Востокъ". 112 стр. Ц. 15 к.

Сиѣссаревъ, Н. Миражъ новаго времени. Почти романъ. Спб., 1914. 135 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Спиридовичъ, Н. Кризисъ русской школы. Торжество политической реакціи. Крушеніе университетовъ. М., 1914. VI+271 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Чечотъ, О. А. Къ развитію призрѣнія душевно-больныхъ. Спб. городскимъ общественнымъ управленіемъ 1884—1912 гг. Спб., 1914. 291 стр. Съ табл.

§ 2. **Рюльманъ, П.** Преподаваніе гражданственовѣдѣнія (Instruction civique) во Франціи. Пер. съ нѣм. И. П. Шитца. Съ предисл. Е. Н. Ефимова. (Законовѣдѣніе въ школѣ. Подъ ред. Е. Н. Ефимова, № 1.) М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 144 стр. Ц. 60 к.

Хавкина, А. Б. Нью-Іоркская публичная б-ка. М., 1914. Изд. автора. 46+1 нен. стр. Ц. 50 к.

§ 3. **Бутми, Н. А.** Каббала, ереси и тайныя общества. Подъ ред. Г. Н. Бутми. Спб., 1914. VI+283 стр. Ц. 1 р.

Паскаль непогрѣшимость. Штроссмайеръ-Деллингеръ. Сергіев. посадъ, 1914. Изд. Религіозно-филос. б-ки. 77 стр. Ц. 25 к.

§ 4. **Ардовъ, А. С.** Евреи-сектанты. Со вступ. статьей А. Панкратова. М., 1914. Изд. книгоизд. „Москва". 52 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Витте, Е. де. Дѣйствительность. Вып. XVI. Онѣмеченіе. Борьба народностей. Падшая Австрія. Вѣна, Шамордино, 1913. 224 стр.

Жиденовъ, Е. Тайна крови. Разсказъ Б-ка общества изученія іудейскаго племени. Спб., 1914. 54 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

„Записка о ритуальныхъ убійствахъ" (принесывезная В. И. Даля) и ея источники. Спб., 1914. 65 стр. Ц. 40 к.

Зальцъ, А. Еврейскій вопросъ и національизація кредита. Кіевъ, 1914. 24 стр.

§ 5. **Бойль, Н.** Торговля женщинами. Неопровержимые факты и картины. Пер. съ англ. А. К—чъ. Спб., 1914. 14 стр. Ц. 15 к.

Панкерстъ, К. Страшный бичъ и средство его уничтожить. Перев. съ англ. А. К—чъ. Спб., 1914. 75 стр. Ц. 40 к.

Хвостовъ, В. М. проф. Участіе женщины въ умственной культурѣ человѣчества. Рѣчь, произнесенная на торжествѣ освященія новаго аудиторнаго корпуса московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ 4 октября 1913 г. М., 1914. 24 стр. Ц. 30 к.

§ 7. Исторія русской арміи и флота. Т. XV. М., 1913. Изд. военнаго отдѣла „Образованіе". 154 стр. Съ 7 рис. + 1 карта.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 1. **Бредтъ, Е. В.**, д-ръ. Нравственность и безнравственность въ искусствѣ. Пер. съ нѣм. Гретманъ. М., 1914. Изд. книгоизд. „Современныя проблемы".

§ 2. **Баллодъ, Ф. В.** Египетское искусство времени Аменофиса IV. М., 1914. 32 стр. Ц. 60 к.

Бенуа, А. Исторія живописи. Вып. II. Спб., 1914. Изд. издат. „Шиповникъ". 96 стр. Съ рис.

Гаузенштейнъ, В., д-ръ. Искусство Рококо. Французскіе и нѣмецкіе иллюстраторы XVIII столѣтія. М., 1914. Изд. книгоизд. „Современныя проблемы". 125+VIII стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Диль, Ш. Византійскіе портреты. Вып. I. Перев. М. Безобразовой. Подъ ред. и съ пред. П. Безобразова. М., 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. XX+375+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Кондиви, А. Переписка Микель-Анджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его ученикомъ. Переводъ М. Павлиновой. Спб., 1914. Изд. издат. „Шиповникъ". 237 стр. Съ 20 рис.

Фуксъ, Э. Иллюстрированная исторія эротическаго искусства. М., 1914. Изд. кн-ва „Современныя проблемы". 390+1 нен.+VIII стр. Съ рис.+117 лист. рис. Цѣна по подпискѣ 10 р.

§ 3. **Грабарь, Игорь.** Исторія русскаго искусства. Вып. XXI и XXII. Спб., 1914. Изд. I. Кнебель. 313—534 стр. Съ рис.

— Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Вып. III. Валентинъ Александровичъ Сѣровъ, жизнь и творчество. Спб., 1914. Изд. I. Кнебель. 299 стр. Съ рис.

Дульскій, П. М. Памятники казанской старины. Казань, 1914. Изд. С. В. Соломина. 231 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Дунаевъ, Б. И. Сѣверно-русское гражданское и церковное зодчество. Городъ Вологда. (Отд. от. изъ Трудовъ по сохран. древн. памятниковъ. Т. V.) М., 1914. 33 стр.+IX—XVIII лист. рис.

Шамуринъ, Ю. Подмосковныя. Книга вторая. Культурн. сокровища Россіи. Вып. IX. М., 1914. Изд. т-ва „Образованіе". 72+4 нен. стр. Съ рис.

§ 5. **Корзухинъ, И. А.** „Парсифаль" Р. Вагнера. Историческо-музыкальный очеркъ. Спб., 1914. 28 стр. Съ рис.

Саккетти, Л. А., проф. Исторія музыки. Вып. I. Спб., 1914. Изд. „Шиповникъ". 104 стр. Съ рис.

Саминскій, Л. Объ еврейской музыкѣ. (Сборникъ статей.) Спб., 1914. 78 стр. Ц. 70 к.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Букрѣевъ, Б. Я.**, проф. Элементы теоріи опредѣлителей. Кіевъ, 1914. Изд. кн. маг. В. А. Просяниченко, 2-е пер. и дополн. VII+128 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Новыя идеи въ математикѣ. Подъ ред. проф. А. В. Васильева. Сборникъ восьмой. Математика и философія I. Спб., 1914. Изд. издат. „Образованіе". 143 стр. Ц. 80 к.

Петровичъ, С. Г., проф. Курсъ теоретической механики. Ч. IV. Динамика твердаго тѣла. Спб., 1914. III + 209 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Ранцовъ, В. Чистая математика съ общедоступнымъ изложеніемъ основъ высшаго анализа. Спб., VIII + 233 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 2. **Святскій, Д.** Предстоящее затмѣніе солнца 8 августа 1914 г., видимое въ Европейской Россіи. (Общедоступный очеркъ.) Спб., 1914. 43 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

§ 3. **Бернштейнъ, Р.**, проф. и **Марквальдъ, В.**, проф. Видимые и невидимые лучи. Перев. Э. В. Шпольскаго. Подъ ред. Т. П. Кравеца. М., 1914. Изд. изд-ва „Природа". 186 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Дрейеръ, Ф. О температурѣ максималь-

ной плотности водныхъ растворовъ Спб., 1913. 186+XXXVIII стр. Съ рис.

Лехеръ, Э. Физика для медиковъ и біологовъ. Съ 499 рис. въ текстѣ. Авторизованный переводъ съ нѣм. И. В. Головинскаго и В. С. Кона. Подъ ред. П. Г. Статкевича. М., 1914. IX+406 стр. Ц. 4 р.

Новыя идеи въ химіи. Подъ ред. проф. Л. А. Чугаева. Сборникъ № 6. Строеніе матеріи I. Спб., 1914. Изд. издат. „Образованіе". 160 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Оствальдъ, Вл. Введеніе къ изученію органической химіи. Харьковъ, 1913. Изд. т-ва А. С. Суворина, 4-е испр. и дополн. XII+302 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Сперанскій, А., проф. Элементарный курсъ физической химіи растворовъ. Введеніе въ аналитическую химію и біологію. Кіевъ, 1914. 194 стр. Ц. 75 к.

Турбаба, Д. П., проф. Термодинамика. Томскъ, 1914. Изд. 2-е. 117+3 нен. стр. Съ чертеж. Ц. 1 р. 50 к.

Шилевскій, К. Изслѣдованіе міровыхъ пространствъ реактивными приборами (дополненіе къ 1 и 2 части труда того же названія). Калуга, 1914. Изд. автора. 16 стр. Съ чертеж. Ц. 15 к.

§ 4. **Иностранцевъ, А. А.**, проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ с.-петербургскаго университета. Т. I. Современныя геологическія явленія. (Динамическая геологія.) Петрографія и стратиграфія. Спб., 1914. Изд. 5-е. XVIII+592 стр. Съ 358 рис. Ц. 5 р. 50 к.

Клоссовскій, А. В., проф. Основы метеорологіи. Одесса, 1914. Изд. „Матезисъ" 2-е, перераб. и доп. XXIII+511+8 нен. стр. Ц. 4 р.

§ 5. **Гешель, Э.** Жизнь прѣсныхъ водъ. Перев. съ нѣм. М. К. Тихомировой. М., 1914. Изд. кн-ва К. П. Тихомирова. VIII+389 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Джаваховъ, А. Н. Антропологія Грузіи. II. Грузины Имеретіи. Гурія и Рачи. (Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Императорскомъ московскомъ университетѣ. Т. CXXVIII. Труды Антропологическаго Отдѣла. Т. XXIX.) М. 246 стр. Съ рис. и діагр.

Келлеръ, Б. А. По долинамъ и горамъ Алтая. Ботанико-географическія изслѣдованія. Т. I. Казань, 1914. XVI+446 стр.+15 табл. рис.

Морозовъ, Г. Ф., проф. Біологія нашихъ лѣсныхъ поротъ. Спб., 1914. Изд. издат. А. С. Панафидиной. 110 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Новыя идеи въ біологіи. Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. В. А. Вагнера. Сборникъ № 5. Біологія. Спб., 1914. Изд. „Образованіе". 143 стр. Ц. 80 к.

Пирнеръ, Д. Т., проф. и **Гасселль, Вилліамъ, А.**, проф. Руководство къ зоологіи. Перев. съ англ. М. А. Менабара и В. А. Дейнеги. Т. I (вторая половина). М., 1914. II+758 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Шлехтендаль, Д. и Вюнше, Д. Опредѣлитель насѣкомыхъ. Введеніе въ ихъ изученіе. Переводъ съ нѣм. I. Ярцева. Подъ ред. проф. К. Лиденмана. М., 1914. Изд. маг. „Сотрудникъ школъ" А. К. Залѣсской, 4-е. VII+616 стр.+15 табл. рис. Ц. 2 р. 50 к.

§ 6. **Гердъ, И. Я.** Будьте здоровы. Спб., 1914. 16 стр. Ц. 15 к.

§ 7. **Анучинъ, В. И.** Очеркъ шаманства у енисейскихъ остяковъ. Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Т. II, 2. Спб., 1914. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к.

Бобринъ, А. Геометрическая морфологія суши и океана. (Любителямъ геометріи и географіи.) Спб., 1914.

Гаринъ-Михайловскій, Н. Въ странѣ желтаго львенка. Ч. II. Полное собраніе сочиненій. Спб., 1914. Изд. „Освобожденіе" 261 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гогинъ, П. „Ноа-Ноа". Путешествіе на Таити. Переводъ О. И. III. Ред. и вступ. статья Я. Тугенгольда. М., 1914. Изд. Д. Я. Маковскаго. 125 стр. Съ рисунк. Ц. 2 р. 50 к.

Гребнеръ, П. Географія растеній. Перев. съ передѣлками и дополн. проф. М. Гозенкина. М., 1913. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. VIII+419 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Лесгафтъ, Э. Краткій курсъ географіи Россіи. Спб., 1914. Изд. 10-е. 265 стр. и 147 рис. и 25 картами. Ц. 1 р. 50 к.

Экскурсіи на Уралъ. Сборникъ статей учениковъ и преподавателей харьковскаго коммерческ. училища Имп. Александра III. Подъ ред. В. Е. Геркенича. Харьковъ, 1914. 104 стр. Съ рис. Ц. 90 к.

§ 8. **Князевъ, А. Михаилъ Васильевичъ** Ломоносовъ первый русскій естествоиспытатель. Спб., 1914. Съ рис. Ц. 60 к. 110 стр.

Сѣверцовъ, А. Н., проф. Современныя задачи эволюціонной теоріи. Подъ ред. В. С. Елпатьевскаго. М., 1914. Изд. издат. „Наука". 155 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

§ 9. Естествознаніе въ школѣ. Подъ общей ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборникъ № 5. Обзоръ новѣйшей методической научно-популярной и учебной литературы по естествознанію. Спб., 1914. Изд. издат. „Образованіе". 166 стр. Ц. 80 к.

X. Книги для дѣтей.

Аверьяновъ, Е. Принцъ Форкъ де-Роркосъ. Драматическая сказка въ стихахъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1913. 52 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Авиловъ, П. Алтайскіе разсказы. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 144 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Въ горахъ Алтая. Два разсказа. I. На Сары-Башъ. II. На Тербезень-Козо. М., 1914. Изд. кн. маг. М. В. Клюкина. 47 стр.+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Андерсенъ, Г. Х. Новое платье короля и др. сказки. Пер. А. О. Гушка. Общедоступная б-ка. Спб., 1914. Изд. т-ва „Дѣятель". 80 стр. Ц. 20 к.

Андреевъ, П. Изъ уральскихъ разсказовъ. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 112 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Андреевъ, Н. Самоотверженные. Наши герои на Дальнемъ Востокѣ. Разсказы и очерки. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 47 стр. Ц. 15 к.

Анненская, А. Н. Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей средняго возраста. Спб., 1914. Изд. 7-е. 539 стр. Ц. 2 р.

Антоновъ, П. Изъ былыхъ временъ. Разсказы изъ запорожской старины. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 172 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Аванасьевъ, А. Н. Русскія народныя сказки. Т. IV и V. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Съ картинами И. М. Орлова и А. Комарова въ 5-ти томахъ. М., 1914. 288+II+276 стр. Съ рис. по 1 р. 25 к.

Бердинъ, Я. А. Великая семья человѣчества. Разсказы о томъ, какъ люди устраиваютъ свою жизнь на землѣ и какъ достигаютъ всякихъ успѣховъ. Кн. IV. Слово о словѣ — что такое земля. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журн. „Юная Россія", 2-е. 128 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Бернеттъ, Ф. Г., м-ссъ. Таинственный садъ. Перев. съ англ. Р. Рубиновой. М., 1914. Изд. „Юной Россіи". 208 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Бичеръ-Стоу, Г. Хижина дяди Тома или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Америки. Съ англ. перевела и сократила для дѣтей отъ 5 до 10 лѣтъ М. К. Еснова. М., 1914. Изд. книгоизд. К. И. Тихомирова. 272 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Богдановъ, М. Н., проф. Ванька и колдунъ волкъ. Разсказъ. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Жозефъ Реми. Колюшка. Два очерка. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Изъ русской природы. О чемъ горевали птички. Синичка. Два очерка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Изъ русской природы. Что такое птица? М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 24 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Кабанъ кикимора. Разсказы. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Какъ идетъ жизнь на свѣтѣ. Разсказъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Лѣшій. Разсказъ. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 40 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Наши полезныя птички. Первое знакомство съ родными птицами. Рисунокъ Р. Шнейдера. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина, 78+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Осенній перелетъ птицъ. Очеркъ. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 21 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Охота въ симбирскихъ садахъ. Разсказы. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 72 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

— По гнѣзда, по яйца! Разсказъ. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 24 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Птицеловы. Разсказъ. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 23 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Разсказы о птицахъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 117 стр. Съ рис.

— Соловей. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 24 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Три разсказа про птицъ. Орлиная дума. Скворушко. Война сорокъ съ лисицами. Изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Булгакова, Е. Ворона маленькаго Селима. М., 1914. 18 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Лошадка маленькаго Ибрагима. Разсказы для дѣтей. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина. 64 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Бѣляевская, Ѳ. Золотой поясокъ. Стихи. Рисунки и обложка М. Чемберсъ. (Б-ка „Тропинки". Подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной.) М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 60 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Вагнеръ, П. П. Лиса Патрикѣевна. Сказка. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Сего не трыба. Исторія одного скворца. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 30 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Хорошій хозяинъ. Исторія изъ жизни

одного дѣтда. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Водовозова, Е. Н. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Спб., 1914. Изд. 4-е переработ. II+220 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Горбунова, Е. и Лукьянская, В. Веселая тройка. Б-ка для дѣтей И. Горбунова-Посадова. М., 1914. Изд. И. И. Горбунова-Посадова. 21 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Малыш. Б-ка для дѣтей И. Горбунова-Посадова. М., 1914. 21 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Цыплятки. Б-ка для дѣтей И. Горбунова-Посадова. М., 1914. 21 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Гриммъ, бр. Б-ка сказокъ. Перев. подъ ред. А. А. Терешкевича. Кн. VII. Старшій возрастъ (для дѣтей 10—11 лѣтъ.) М., 1914. Изд. 4-е, кн. скл. М. В. Клюкина. 95+1 нен. стр. Ц. 20 к.

— Красная шапочка и Бѣлоснѣжка и Розочка. Сказки. Б-ка сказокъ. М., 1914. Изд. 2-е, кн. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Нянины сказки. Избранныя сказки для дѣтей школьнаго возраста. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 111+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Сказка про Жаръ-птицу. Б-ка сказокъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1914. Изд. 1. Кнебель. 192 стр. Съ рис.

Гуро, Е. Небесные верблюжата. Спб., 1914. Изд. „Журавль". 126 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к.

Деви, Ник. Гибель „св. Генріэтты". Приключенія Марка. Повѣсть. Съ рис. П. Денисова. М., 1913. Изд. ред. журн. „Дѣтскій міръ". 118+2 нен. стр. Съ рис.+15 лист. рис. Ц. 85 к.

Диц, Е. Н. Четыре времени года и другіе разсказы. Для дѣтей младшаго возраста. Съ предс. Д. И. Кайгородова. М., 1914. Изд. 3-е т-ва И. Д. Сытина. 126 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Догановичъ, А. Вася-Горбунъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. И. И. Ольшанскаго и др. М., 1914. Изд. В. С. Спиридонова, 4-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Додэ, А. Прекрасная Нивернеза. Исторія одного старкаго судна и его экипажа. Перев. съ франц. П. Васина. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 3-е. 55 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Дудоровъ, П. Для меньшей братіи. Историческій разсказъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 24 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Добрые люди на Руси. Историческіе разсказы. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 80 стр. Съ рис. Ц. 45 к.

— Дочь волны. Повѣсть изъ быта исландскихъ рыбаковъ. М., 1913. Изд. 2-е кн. скл. М. В. Клюкина. 56 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Другъ несчастныхъ. Бояринъ Ѳедоръ Ртищевъ. Историческій разсказъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. Съ рис. Ц. 10 к.

Сказка объ Иванѣ-Царевичѣ и бѣлой лебеди Захарьевнѣ. М. 1914. Изд. М. В. Клюкина. 24 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

— Сказка про Василису Премудрую. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Дѣтская энциклопедія. Т. VIII. Подъ ред. проф. Ю. И. Вагнера, С. А. Князькова, проф. И. И. Козловскаго, Н. А. Морозова, проф. С. И. Металникова, М. В. Новорусскаго. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 256 стр. Съ рис.

Жоржъ-Занд. Крылья мужества. Фантастическая повѣсть. Перев. съ франц. А. В. Перельгиной. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 3-е. 64 стр. Ц. 15 к.

Загоскинъ, М. Н. Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 г. Историч. романъ. Въ сокращенномъ изложеніи для юношества П. Г. Вучетича. Рис. В. В. Спасскаго. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина. 200 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Иконовъ, Ик. Ив., проф. Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей Бичеръ-Стоу). Біографическій очеркъ. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. 4-е журн. „Юная Россія". 126 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Ивинъ, А. (Н. Покровскій). Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ. Содержаніе: Кекторъ. С. Ельчаниновскаго, Заближ. Кота Мурлыки, Добрый Люрлюсъ. К. Баранцевича, Мушкъ. Д. Кайгородова, Обезьянка Жоко. О. Роговой Малышъ и кучка. В. Дмитріевой. Б-ка маленькаго читателя. М., 1914. Изд. В. С. Спиридонова. 8-е 75+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Казинъ-Вьюговъ. Н. Рожокъ пастуха. Разсказы. Рис. П. Воронцова. Б-ка „Тропинки". Подъ ред. П. С. Соловьевой и Н. Мависенной. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 221 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Каринцевъ, Ник. Люди сильной воли. (Изъ исторіи великихъ изслѣдованій XIX вѣка). М., 1914. 263 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Колмозникова, В. Кавказъ. М., 1914. Изд. 2-е, А. С. Панафидина. 112 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Круглова, А. Игры и забавы для дѣтей. 50 игръ въ комнатѣ и на дворѣ. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина. 54 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Крученыхъ, А. Собственные разсказы и рисунки дѣтей. Спб., 1914. Изд. „Журавль". 48 стр. Съ рис. Ц. [illegible] к.

Куприпъ, А. Слонъ. Разсказъ. Съ иллюстр. М. Соломонова. М., 1914. Изд. московск. кн-ва. 24 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Лункевичъ, В. Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія? Спб., 1914. Изд. В. Яковенко. 56 стр. Съ 34 рис. Ц. 15 к.

Лѣсные звѣри. Б-ка для дѣтей И. Горбунова-Посадова. М., 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 15 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Макарова-Мирская, А. И. Странички жизни дѣтской. Сборникъ разсказовъ для дѣтей старшаго возраста. Харьковъ, 1914. 187 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Зарницы. Второй сборникъ разсказовъ для старшаго возраста. М., 1914. Изд. „Юной Россіи", 9-е. 184 стр. Ц. 75 к.

Митропольскій, Ив. Сторожъ и другіе разсказы. Съ рис. худож. В. Спасскаго, Нечаева и др. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 64 стр. Ц. 30 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть. М., 1914 Изд. 2-е, журн. „Юная Россія". 207 стр. Съ рис. Ц. 65 к.

— По волѣ Божіей. Разсказы и очерки. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. жур. „Юная Россія". 190 стр. Ц. 75 к.

Нечаевъ, А. П. На зарѣ человѣчества. Картины изъ жизни первобытнаго человѣка. Очерки изъ жизни и исторіи земли. Б-ка для всѣхъ. М., 1914. 107+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Новицкая, В. (Махцевичъ). Басурманка. Повѣсть для юношества. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 263 стр. Съ 10 рис.

Носиловъ, К. Д. Въ лѣсахъ. Разсказы и очерки. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журн. „Юная Россія", 2-е. 71 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Оборона Севастополя. Для старшихъ. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 6. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 4 к.

Орловецъ, П. Хитрецъ. Разсказъ изъ исторіи одного коршуна. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 53+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Перро, Ш. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Волшебная сказка. М., 1914. Изд. Е. Коноваловой и К°. 24 стр. Съ рис.

Покровскій, С. Среди природы. Зимнія, весеннія, лѣтнія и осеннія наблюденія природы. Б-ка И. Горбунова-Посадова. М., 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 179 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Популярные очерки, посвященные описанію любопытнѣйшихъ явленій и достопримѣчательностей 3-хъ царствъ природы. Перев. съ нѣм. Подъ общей ред. проф. В. М. Шимкевича. Вып. V—VII и VIII—X. Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 121—248 стр. Съ рис. Ц. по 1 р. 35 к.

Порѣцкій, С. А. Дары моря. Откуда добываютъ жемчугъ, кораллы, перламутръ и губки. М., 1914. Изд. Г. Горбунова-Посадова, 3-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Радичъ, В. Запорожская старина. Историческіе разсказы. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журн. „Юная Россія", 3-е. 173 стр. Ц. 50 к.

Робертсъ, Ч. Часовой въ плаваньяхъ. Пер. съ англ. В. Гатцука. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журнала „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Розенъ, Э. Какъ я нашелъ свою дорогу въ жизни. Изъ воспоминаній нѣмецкаго писателя. Пер. съ нѣм. А. Острогорской. Спб., 1913. Изд. издат. „Юнаго читателя". 216 стр. Ц. 40 к.

Россіевъ, П. А. Гнѣздо орловъ. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журн. „Юная Россія", 2-е. 72 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Рыбалка, Г. Д. Дѣдушкины разсказы. (Семь разсказовъ для дѣтей.) Съ рис. В. Спасскаго. М., 1914. Изд. кн-ва „Школьные досуги", 2-е. 66 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Сетонъ-Томпсонъ, Э. Красный воротничокъ. Разсказъ. Съ англ. перевела Н. А. Альмедингенъ. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества, № 66. М., 1914. Изд. 3-е. 45 + 3 нен. стр. Съ рис. Ц. 18 к.

Смирновъ, А. П. Въ глуши. (Очеркъ быта кареловъ.) Книжка за книжкой. Спб., 1914. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 72 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Смирновъ, Е. И. Юный астрономъ. М., 1914. 107 стр.+2 порт. Съ рис. Ц. 30 к.

Соловьева, П. (Allegro). Приключенія Кроли. Спб., 1914. Изд. „Тропинка". 63 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Соловьева, П. и Манасеина, Н. Родные завѣты. Біографіи замѣчательныхъ людей. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 178 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Соловьевъ, М. А. Въ Индіи. Разсказы и очерки. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. Съ рис. Ц. 15 к.

Строевъ, В. Дневникъ гимназиста (4-го, 5-го и 6-го класса). М., 1914. 143 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Сѣверцевъ-Поливовъ, Г. Т. Чтобы не скучать... (Разсказы.) Общедоступная б-ка. Спб., 1914. Изд. т-ва „Дѣятель". 60 стр. Ц. 10 к.

Томпсонъ-Сетонъ, Э. Бедландскій Билли. Волкъ, одержавшій верхъ. (Темногривый волкъ.) Разсказы изъ жизни животныхъ. Пер. съ англ. Спб., 1914. Изд. П. В. Луковникова. 47 стр. Съ 27 рис. Ц. 15 к.

— Боевой конекъ. Исторія одного кролика. Разсказы изъ жизни животныхъ. Спб., 1914. Изд. П. В. Луковникова. 40 стр. Съ 28 рис. Ц. 13 к.

Томпсонъ Сетонъ, Э. Виннипегскій волкъ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Спб., 1914. Изд. П. В. Луковникова. 28 стр. Съ 18 рис. Ц. 10 к.

— Легенда о бѣломъ оленѣ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Спб., 1914. Изд. П. В. Луковникова. 32 стр. Съ 25 рис. Ц. 12 к.

— Медвѣжонокъ Джонни. Пер. съ англ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Спб., 1914. Изд. П. В. Луковникова, 2-е. 48 стр. Съ 38 рис. Ц. 15 к.

Толстой, Л. Н. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Разсказы для дѣтей. М., 1914. 27 стр. Съ рис.

— Разсказы для дѣтей. Б-ка новой школы. Для чтенія на третьемъ году обученія, № 40. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Тулуповъ, Н. В. Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для дѣтей по разнымъ источникамъ. Вып. VI. М., 1914. Изд. 10-е. 47+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Черскій, Л. Ф. Кавказскіе разсказы. М., 1913. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 64 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Чудеса природы. Популярные очерки, посвященные описанію любопытнѣйшихъ явленій и достопримѣчательностей 3-хъ царствъ природы. Пер. съ нѣмецк. Подъ ред. проф. В. М. Шимкевича. Т. I. Вып. 11—13. 249—312 стр. Съ рис. Вып. 14—16. 314—376 стр. Съ рис. Спб. Изд. „Просвѣщеніе".

Чумаченко, Ада. Люлли-музыкантъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Муз. П. А. Маньякина - Неиструева. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 72+20 стр. + 4 листа нот. Ц. 70 к.

Шабельскій, А. В. Конекъ-горбунокъ. Феерія въ 5 д. и 12 карт. Вып. LXXVI. Спб., 1914. Изд. К. Ларина. 55 стр. Ц. 75 к.

— Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. (Золотая рыбка.) Передѣлка изъ сказки А. С. Пушкина. Фантастическая пьеса въ 3 д. съ эпилогомъ. Вып. LXXVII. Спб., 1914. Изд. К. Ларина. 18 стр. Ц. 50 к.

Шведеръ, Е. Лѣто красное. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Шиле, А. Д. Хина и хининцы и покореніе Хины. Очеркъ. М., 1914. Изд. 3-е, книж. скл. М. В. Клюкина. 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Шторм, Т. Безъ вѣсти пропавшій. Разсказъ. Перев. съ англ. Е. Б. Съ 3 рис. П. Николаевскаго. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. М., 1914. Изд. 4-е. 84 стр. Ц. 30 к.

Юноша, Кл. Дѣдушкинъ внучекъ. Повѣсть. Перев. съ польскаго П. И. Перелыгина. М., 1914. Изд. 2-е, кн. маг. М. В. Клюкина. 62 стр. Ц. 15 к.

Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А. Жидъ - былъ мальчикъ (альтюгантъ (вальтасъ) М., 1913. Изд. Д. П. Ефимова, 5-е. 165 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

— Маленькій король. Повѣсть. Съ рис. А. П. Аскета, А. П. Комарова, В. В. Спасскаго и К. В. Спасскаго. М., 1914. Изд. 2-е. 79 стр. Съ рис.

— Хорошая компанія. Разсказы, сказки, байки и стихи. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина. 158+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 75 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. **Русскій біографическій словарь,** Галлъ-Гербель. Подъ ред. И. И. Чучкова. М., 1914. Изд. имп. русск. историч. о-ва. 494 стр.

Энциклопедическій словарь т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева. Т. XXII. Индія—Кабальеро. Спб., 1914. Изд. 7-е, перераб. т-ва Бр. Гранатъ и К°". 680 столб. Съ рис.

§ 3. **Владиславлевъ, И. В.** Жизнь замѣчательныхъ людей („Что читать", вып. III). Содержаніе: I. Чтеніе біографій выдающихся людей. II. Общее содержаніе и планъ работы. III. Общественные дѣятели. IV. Писатели. V. Ученые. VI. Философы. VII. Представители религіи и церкви. VIII. Дѣятели на поприщѣ искусства. IX. Знаменитые путешественники. X. Великіе изобрѣтатели. XI. Приложеніе. М., 1914. Изд. кн-ва „Наука". 176 стр. Ц. 60 к.

Затворницкій, Н. М. Новое и новѣйшее время. Библіографическій указатель. Вып. I. Спб., 1914. XV+328 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Лаврскій, Н. Указатель книгъ и статей по вопросамъ искусства (живопись и скульптура). М., 1914. Изд. кн-ва „Творчество". 23+5 нен. стр. Ц. [illegible] к.

Миніатюры Дѣтскія пьесы (Китая гъ.) М., 1914. Изд. 2-е, кн. магазин б-ки С. Разсохина. 63 стр.

Систематическій указатель литературы за 1913 г. классифицированный по десятичной системѣ. Библіографическій ежегодникъ. Вып. III. Подъ ред. И. В. Владиславлева. М., 1914. Изд. кн-ва „Наука". 369 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» въ теченіе апрѣля 1914 г.

Аверинцевъ, С. В. Руководство къ практическимъ занятіямъ по естествознанію. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 60 к.

Александровъ, Д. А. Къ вопросу о страхованіи лѣсопильныхъ заводовъ, деревообдѣлочныхъ фабрикъ и лѣсныхъ матеріаловъ. Спб. 1914 г.

Алексѣевъ, С. А. (Аскольдовъ). Мысль и дѣйствительность. 1914 г. Ц. 1 р. 80 к.

Алексѣевъ, А. А. Финансовыя полномочія англійскаго парламента. Спб., 1914 г.

Альманахъ „Шиповникъ". Кн. 23-я. Ц. 1 р. 50 к.

Амфитеатровъ, А. В. Дрогнувшая ночь. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Андроновъ, А. Ф. Живая работа изъ разноцвѣтной бумаги. Вып. I. Изд. т-ва Сытина. Ц. 75 к.

Артурова, Г. Въ странѣ хризантемъ. Москва. Ц. 1 р.

Ахматова, Анна. Четки. Изд. „Гиперборей". Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Ашешовъ, Ник. Раны любви. Кн-во „Прометей". Ц. 1 р. 25 к.

Ашукинъ, Николай. Осенній цвѣтникъ. Кн-во „Куравты". Москва. Ц. 50 к.

Баевъ, К. Л. и **Высотскій, А. Н.** Атласъ картинъ по астрономіи. Москва.

Бальмонтъ, К. Д. Полное собраніе стиховъ. Т. I. Кн-во „Скорпіонъ". Ц. 2 р.

Березинъ, Н. Сизая спина. Кн-во „Прометей". Ц. 60 к.

Бергсонъ, Анри. 1) Психо-физіологическій параллелизмъ. 2) Сновидѣнія. Изд. Семенова. Спб., 1913 г. Ц. 50 к.

Бернштейнъ, Р., проф. и **Марквальдъ, В.**, проф. Видимые и невидимые лучи. Изд. „Природа". Москва. Ц. 80 к.

Бобровъ, Сергѣй. Лирическая тема. Кн-во „Центрифуга". М., 1914 г.

Богословскій, Павелъ. Жизнь зоветъ. Сборн. I. Пермь, 1913 г. Ц. 1 р.

Бонзельсъ, Вальдемаръ. Пчелка Мая и ея приключенія. Кн-во „Творчество". Ц. 1 р. 50 к.

Брусянинъ, В. Мужчина. Кн-во. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Брюсовъ, Валерій. Собраніе сочиненій. Т. II и XXI. Изд. „Скорпионъ". Ц. 1 р. 75 к.

Будищевъ, Ал. Охотница за скальпами. Изд. „Освобожденіе". Спб.-Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Бхагавадъ-Гита или Пѣснь Господня. Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи". 1914 г. Ц. 50 к.

Бѣляевская, О. Золотой поясокъ. Стихи. Изд. Сытина. Ц. 50 к.

Вальми, Полина. Погоня за любовью. Кн-во „Польза". Москва. Ц. 1 р.

Викгамъ, Луи и **Дегрэ, Поль.** Радій. Его примѣненіе при лѣченіи рака. Изд. журн. „Медицинскій Парижъ". Ц. 75 к.

Вихляевъ, П. А. Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. Вып. VI. М., 1914 г.

Вишнякъ, М. В. Къ вопросу о судебной отвѣтственности министровъ. Ярославль, 1914 г.

Военная энциклопедія. Т. XXVII и XXVIII. Изд. т-ва Сытина. Спб., 1914 г.

Волинъ, Ю. Лицо человѣка. Изд. „Освобожденіе". Спб.-Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Вольскій, Владиміръ. На пути къ свободѣ слова. Изд. „Наканунѣ". Спб., 1914 г. Ц. 10 к.

Вѣстникъ Рязанскаго Земства. № 2: 1914 г.

Гамсунъ, Кнутъ. Дѣти времени. Изд. „Освобожденіе". Ц. 1 р.

Гинкенъ, Ант. О чтеніи и книгахъ. Вып. III. Спб. 1914 г. Ц. 80 к.

Горбуновъ, А. Основы гражданской свободы въ Англіи. М., 1914 г. Ц. 50 к.
Государи изъ дома Романовыхъ. 1613—1913 гг. Т. I и II. Изд. Сытина. М., 1913 г.
Готанъ, д-ръ, прив.-доц. Ископаемыя растенія. Изд. „Природа". Москва. Ц. 1 р.
Григорьевъ, В. Ю. Современныя условія экономическаго развитія Сибири. Красноярскъ, 1914 г.
Гринъ, Александръ. Позорный столбъ. Книгоизд-во „Прометей". Спб. Ц. 1 р. 25 к.
Гурко, В. А. Бѣлая опасность. М., 1914 г.
Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Враги. Т. XI. Изд. „Жизнь и Знаніе". Спб., 1914 г.
Давыдовъ, А. Научныя доказательства нашего личнаго безсмертія. М., 1914 г. Ц. 1 р.
Дневники писателей. № 1. Спб., 1914 г. Ц. 20 к.
Дневники писателей. № 2. Спб., 1914 г. Ц. 20 к.
Добронравовъ, Л. Новая бурса. Кн-во „Прометей". Ц. 1 р. 25 к.
Дусинскій, И. И. Въ ожиданіи давно назрѣвшей реформы. Одесса, 1914 г. Ц. 25 к.
Дѣло графа Ронкьера. Рѣчь прис. повѣр. М. Л. Гольдштейна. Спб., 1914 г. Ц. 50 к.
Дѣло прис. повѣр. А. Д. Марголина.
Дѣтская энциклопедія. Т. VIII. Изд. Сытина. М., 1913 г.
Евдокимовъ, А. Возрожденіе села и кооперація. Изд. „Кооперативной Жизни". Москва. Ц. 10 к.
Евлаховъ, А. М. Гдѣ дѣйствительный субъективизмъ и диллетантство? Варшава, 1914 г. Ц. 20 к.
— Въ поискахъ Бога. Этюдъ о Данте. Ц. 15 к.
— Русская литература о западныхъ писателяхъ. Варшава, 1914 г. Ц. 30 к.
Ежегодникъ пермскаго губ. земства за 1914 г. Ц. 50 к.
Ежемѣсячная статистика желѣзной промышленности юга Россіи. Ноябрь, 1913 г.
Елинъ, И. А. Капуста. М., 1914 г. Ц. 5 к.
— Огурцы. М., 1914 г. Ц. 3 к.
Жаковъ, К. Ѳ. Какъ жить на свѣтѣ. Изд. Борисова. Спб. Ц. 10 к.
Загорскій, К. Я. Желѣзнодорожные тарифы въ Россіи и Германіи въ связи съ экономической политикой этихъ странъ. Спб., 1914 г.
Закржевскій, Александръ. Рыцари безумія. 1914 г. Ц. 1 р.
Зайцевъ, Борисъ. Разсказы. Т. IV. Кн-во Некрасова. Москва. Ц. 1 р. 50 к.
Зеленко, В. А. Дѣтская литература и руководство дѣтскимъ чтеніемъ. Харьковъ, 1914 г.
Зола, Эмиль. Лурдъ. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Ивановъ-Разумникъ. Левъ Толстой. Т. IV. Кн-во „Прометей". Спб., 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
Инскуль, В. Я., баронъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Ревель. Ц. 1 р.
Казминъ-Вьюговъ, Н. Рожокъ пастуха. Изд. Сытина. Ц. 1 р.
Калинскій, Б. С. О сплавѣ лѣсныхъ матеріаловъ и провозѣ ихъ черезъ чужія владѣнія. Спб., 1914 г.
Карамзинъ, Н. М. Записка о древней и новой Россіи. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.
Каменскій, П. В. 1. О разрушеніи Александровскаго хутора для глухонѣмыхъ. II. Журналъ засѣданія централ. комитета 16 марта 1914 г. Москва.
Качіони, С. А. Райскія ягоды и др. разсказы. Кн-во Попова. Ц. 1 р. 25 к.
Келлерманъ. Морс. Кн-во „Прометей". Ц. 1 р.
Кинешемскій земскій Календарь-Ежегодникъ 1914 г. Ц. 20 к.
Климентовъ, А. Романтизмъ и декаденство. Ц. 1 р. 50 к.
Князевъ, А. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Спб., 1914 г. Ц. 60 к.
Коваленскій, Михаилъ. Хрестоматія по русской исторіи. Т. I. Изд. т-ва „Міръ". Ц. 75 к.
Крючковъ, Димитрій. Цвѣты лѣсные. Изд. „Очарованный странникъ". 1914 г. Ц. 35 к.
Кузнецовъ, К. А. Къ характеристикѣ исторической школы юристовъ. Одесса, 1914 г. Ц. 25 к.
Купаловъ, А. Ю. Литературные конспекты. Полтава, 1914 г. Ц. 90 к.
Купринъ, А. И. Анри Рошфоръ. Изд. „Освобожденіе". Ц. 60 к.
Курбатовъ, В. Я. Отдѣлъ искусства въ народной школѣ. Спб., 1913 г.
Кустарно-ремесленные промыслы Тульской губ. Вып. I. Справочникъ. 1913 г.
Кушнеръ, Борисъ. Семафоры. М., 1914 г. Ц. 50 к.
де Ла Бартъ, Ф., графъ. Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX столѣтія. М., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ледбитеръ, Ч. Ясновидѣніе. Спб., 1914 г. Ц. 85 к.
Ленскій, Вл. Счастье. Изд. „Освобожденіе". Спб.-Москва. Ц. 1 р. 25 к.
Лиданова, Л. Въ горахъ Кавказа. Изд. „Посредника". М., 1912 г. Ц. 1 р.
Лондонъ, Джекъ. Когда боги смѣются. Собр. соч. Т. XI. Кн-во „Прометей". 1912 г. Ц. 1 р.

Лондонъ, Джэкъ. Приключеніе. Собр. сочиненій. Т. XII. Кн-во „Прометей". Ц. 1 р. 25 к.

— До Адама. Собр. соч. Т. XIII. Кн-во „Прометей". Ц. 1 р.

Лундбергъ, Е. Мережковскій и его новое христіанство. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Львовъ-Рогачевскій, В. Двѣ правды. Кн-во „Прометей". Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Маринетти, Ф. Т. Футуризмъ. Кн-во „Прометей". Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Масловъ, Семенъ. Новые законы о крестьянской землѣ. Изд. „Живая Правда". М., 1914 г.

Матеріалы для оцѣнки земель Тульской губ. Т. II. Ефремовскій уѣздъ. Вып. I. 1913 г.

Meddelanden fran finska kemistsamfundet.

Мендринъ, В. М. Исторія сіогуната въ Японія. Кн. III и IV. Владивостокъ, 1914 г. Ц. 1 р. и 1 р. 50 к.

Мелинъ, Жюль. Назадъ къ землѣ. Изд. „Трудъ". М., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Милица. Прежде и послѣ. Спб., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

Минервинъ, Б. М. Вліяніе системъ кредитованія кооперативовъ на развитіе ихъ вкладной операціи. Спб., 1914 г. Ц. 25 к.

Морозовъ, Николай. Пророки. Ц. 1 р. 75 к.

Морэ, А. Цари и боги Египта. Кн-во Сабашниковыхъ. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Нажоттъ, Е. Исторія латинской литературы. М., 1914 г. Ц. 2 р.

Народное образованіе въ земствахъ. Подъ ред. Е. А. Звягинцева, А. М. Обухова, С. О. Сѣрополко и Н. В. Чехова. Кн-во „Задруга". Ц. 3 р.

Нюландеръ, Джонъ Вильямъ. Мальчики въ Метсолѣ. Б-ка Горбунова-Посадова. М., 1914 г. Ц. 60 к.

Общедоступная юридическая библіотека. № 3. Залогъ имущества. Ц. 50 к. № 4. Духовныя завѣщанія. Ц. 50 к. Изд. Попова. Спб., 1914 г.

Огіенко, И. И. Русское литературное удареніе. Кіевъ, 1914 г. Ц. 50 к.

Окуневъ, Я. Каменное иго. Кн-во „Прометей". Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ о дѣятельности общества окончившихъ петербургскій политехническій институтъ. 1913—1914 г.

Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Вып. I. Изд. Мин. торговли и промышленности. Ц. 1 р. 50 к.

Оцѣночно-статистич. отд. сарат. губ. земск. упр. Бюллетени № 1, № 2 и № 2-а.

Панюринъ, Г. Для дѣтей. Харьковъ. Ц. 50 к.

Паскаль, П. Магнето-химія. Спб., 1914 г. Ц. 50 к.

Патриджъ, Э. Н. и **Дж., Э.** Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома. Изд. т-ва „Міръ". М., 1914 г. Ц. 1 р. 20 к.

Подгаевскій, Сергѣй. Писанка футуриста.

Подворная перепись Симбирской губ. 1910—1911 гг. Вып. VI. Курмышскій уѣздъ.

Покровскій, С. Среди природы. Б-ка Горбунова-Посадова. М., 1914 г. Ц. 1 р.

Поляковъ, Д. Любимыя игры дѣтей. Ц. 45 к.

Пришвинъ, Михаилъ. Славны бубны и др. разсказы. Т. III. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Пушкинистъ. Историко-литер. сборникъ. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 3 т. Изд. „Сотрудникъ школъ". М., 1909 г. Ц. 6 р. 50 к.

Рабиновичъ, И. М. Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Изд. кн. скл. „Прапо". Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Радинъ, Е. П., д-ръ. Футуризмъ и безуміе. Изд. Карбасникова. Спб., 1914 г. Ц. 50 к.

Радимовъ, Павелъ. Земная риза. Казань, 1914 г. Ц. 1 р.

Rank, Otto, D-r и **Sachs, Hans,** D-r. Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ. Кн-во Попова. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Рахмановъ, В. В. Психологія, какъ наука о личности. Изд. „Освобожденіе". Спб.-Москва. Ц. 80 к.

— Учебникъ школьной гигіены. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г. Ц. 75 к.

Розенбергъ, Владиміръ. Лѣтопись русской печати. (1907—1914 гг.). Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1914 г. Ц. 70 к.

Рони (старшій). Гибель земли. Изд. М. И. Семенова. Спб., 1913 г. Ц. 60 к.

Рубинштейнъ, М. М., прив.-доц. Объ эстетическомъ воспитаніи дѣтей. М., 1914 г.

Рукавишниковъ, Иванъ. Аркадьевка. Моск. кн-во. Ц. 1 р. 25 к.

Руффини, Франческо. Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. I. Изд. Карбасникова. Ц. 1 р. 25 к.

Рюльманъ, П. Преподаваніе гражданствовѣдѣнія во Франціи. Ц. 60 к.

Рябининъ, И. С. Архивъ Царства Польскаго. Ч. I. Внутреннія дѣла Польши. Изд. Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ. М., 1914 г. Ц. 1 р.

Селиберъ, Б. И. Современное состояніе нашей лѣсообрабатывающей промышленности. Спб., 1914 г.

„Сиринъ", Сборникъ 3-й. Спб. Ц. 2 р.

„Слово". Сборникъ III. Кн-во Писателей въ Москвѣ. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьева, П. (Allegro). Вечерь. Стихи. Кн-во „Тропинка". Ц. 50 к.

— Головоломка. Изд. т-ва Сытина. Ц. 50 к.

Соловьева, П. и Манасеина, Н. Розные завѣты. Кн-во Сытина. Ц. 1 р.

Скиталецъ. Метеоръ. Изд-во „Освобожденіе". Ц. 1 р. 25 к.

Сухотинъ, Павелъ. Стихотворенія. Изд. Некрасова. Москва. Ц. 75 к.

Сухотина, Т. Л. Марія Монтессори и новое воспитаніе. Ц. 50 к.

Сѣрова, В. С. Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.

Тагоръ, Рабиндранатъ. Приношенія въ пѣсняхъ. Ц. 85 к.

Толстой, Илья. Мои воспоминанія. М., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. Н. Собраніе сочиненій. Т. VI. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1913 г. Ц. 1 р.

Толстовскій музей. Т. II. Изд. Общ. Толстовскаго музея. Ц. 2 р. 50 к.

Труды второго всероссійскаго съѣзда имени К. Д. Ушинскаго. Вып. I. Изд. Исполн. финанс. комиссіи. Спб., 1914 г.

Труды общества охраненія еврейскаго населенія. Вып. I. Ц. 25 к. Вып. II. Ц. 50 к. Спб., 1914 г.

Тютчевъ, Ѳ. Ѳ. Одинъ день на полѣ сраженія. М., 1914 г. Ц. 5 к.

Украинскій вопросъ. Изд. журн. „Украинская Жизнь". Спб., 1914 г. Ц. 75 к.

Ульманъ. Сравнительное изложеніе иностранныхъ и русскаго законодательства о подлогѣ. Спб., 1914 г.

Универсальная библіотека. *Беннетъ, А.* Святая любовь. Ц. 30 к. *Альмквистъ, К.* Мельница въ Шельнурѣ. Ц. 10 коп. *О'Нейль, Е.* Марія Стюартъ. Ц. 10 к. *Реймонтъ.* Мечтатель. Ц. 30 к. *Швабъ Густавъ.* Сказаніе о Гераклѣ. Ц. 10 к. *Лондонъ, Дж.* Дѣти снѣговъ. Ц. 20 к. *Гамсунъ, Кнутъ.* Послѣдняя отрада. Ц. 30 к. Кн-во „Польза". Москва.

Фаасъ, В. В. Лѣсная торговля и торговые договоры съ иностранными государствами. Спб., 1914 г.

Фарфоровскій, С. Фольклоръ вымыкоъ въ связи съ ихъ современной культурой и бытомъ. Спб., 1913 г.

Филипповичъ, П. Два неизвѣстныхъ стихотворенія Е. А. Баратынскаго. Кіевъ, 1914 г.

Фичъ-Перкинсъ, Люси. Маленькіе голландцы. М., 1914 г. Ц. 65 к.

Фрейдъ, З., проф. Леонардо да Винчи. Кн-во „Прометей". Ц. 50 к.

Фридманъ, М. И., проф. Винная монополія. Т. I. Спб., 1914 г. Ц. 3 р. 50 к.

Хавкина, Л. Б. Нью-Іоркская публичная библіотека. М., 1914 г. Ц. 50 к.

Холіокъ, Джорджъ. Исторія рочдельскихъ піонеровъ. Изд. „Трудъ". М., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Цаликовъ, Ахметъ. Въ горахъ Кавказа. Кн-во „Востокъ". М., 1914 г.

Фонъ Цвидинекъ-Зюденгорстъ, Отто. Охрана и страхованіе рабочихъ. Вып. I.

Чаадаевъ, П. Я. Сочиненія и письма. Подъ ред. М. Гершензона. Т. II. М., 1914 г.

Чапыгинъ, А. Лѣнивый Лыско. Кн-во „Медвѣженокъ". Ц. 40 к.

Черкасовъ, Николай. Въ рады. Ц. 50 к.

Черноусовъ, Е. А. Изъ византійскаго захолустья XIII вѣка. Харьковъ, 1914 г.

Шевлягина, Н. Вода и ея значеніе для человѣка. Спб., 1914 г. Ц. 20 к.

Шевченко, Т. Г. Его „Думы" и „Пѣсни". Изд. Сытина. Ц. 25 к.

Шелковые фонари. Стихи. 1914 г. Ц. 40 к.

Шиловъ, Алексѣй. XIV международный алкогольный конгрессъ въ Миланѣ. Ц. 10 к.

Штейнеръ, Рудольфъ. Изъ лѣтописи міра. Ц. 1 р. 25 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

Литература, исторія литературы, литературная критика: Полное собраніе сочиненій *М. Ю. Лермонтова.* Т. V. Изд. Академіи Наукъ.—*М. Гершензонъ.* Грибоѣдовская Москва.—*П. де Сенъ Викторъ.* Боги и люди. Перев. М. Волошина 165

Исторія: *И. П. Козловскій.* Первыя почты и первые почтмейстеры въ Московскомъ государствѣ. Т. I и II.—*Владиміръ Пархоменко.* Начало христіанства Руси 168

Философія и религія: *Проф. Флурнуа.* Принципы религіозной психологіи.—*Проф. А. Н. Щукаревъ.* Проблемы теоріи познанія 170

Публицистика: *Кн. Г. Е. Львовъ* и *Т. Н. Полнеръ.* Наше земство за 50 лѣтъ его работы.—*С. А. Масловъ.* Земство и его экономическая дѣятельность за 50 лѣтъ существованія.—Къ пятидесятилѣтію земства. Очерки экономической дѣятельности земства 172

Политическая экономія, статистика и финансы: *Ив. Чистяковъ.* Страхованіе рабочихъ въ Россіи.—*С. Н. Прокоповичъ.* Прерванная рѣчь на диспутѣ проф. Чистякова.—*В. П. Литвиновъ-Фалинскій.* 1) Новые законы о страхованіи рабочихъ. 2) Какъ и для чего страхуются рабочіе.—*Бар. А. М. Нольгенъ.* Законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ.—*Б. Соловьевъ* и *О. Сольская.* Страхованіе рабочихъ въ Россіи и на Западѣ. Т. I. Вып. II.—*Marceli Lewy.* Nowa ustawa o uberzpieczeniu od wypadkow przy pracy.—*Л. С. Эліассонъ.* Законы объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни и о страхованіи ихъ отъ несчастныхъ случаевъ 23 іюня 1912 г. . 174

Искусство: *Н. Покровскій.* Современные взгляды на оперу.—*В. Вальтеръ.* Э. Ф. Направникъ 180

Педагогика и народное образованіе: *А. Левоневскій.* Мой ребенокъ.—*Евг. Елачичъ.* Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія . . 181

Естествознаніе и математика: *М. Фишеръ.* Введеніе въ коллоидальную физіологію. Ч. I.—*Эрнесто Чезаро.* Элементарный учебникъ алгебраическаго анализа и исчисленія безконечно-малыхъ. Ч. I.—*Проф. Жанъ Беккерель.* Эволюція матеріи и міровъ 182

II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе апрѣля 1914 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ

Если вы хотите довершить свое образованіе, поступить на какое-либо учебное заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, на аттестатъ учит., на аттестатъ учит., учит. город., домашн. нач. учителя и т. п., то слѣдуетъ примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, удѣлывавшихъ на коротко время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „Гимназія на Дому" (расходъ на всего 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. заведеніе.

Курсъ „Гимназіи на Дому" состоитъ изъ 30 томовъ большого формата, по 280—270 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается безплатно географическій атласъ на краскахъ.

Коммерческое Образованіе.

Современному коммерческому дѣятелю, является не онъ изслѣдованъ коммерческаго пред. пріятія, сотрудникомъ или служащимъ такового, нельзя обойтись безъ многостороннаго коммерч. образованія. Если хотите въ короткій срокъ и основательно изучить бухгалтерію, коммерч. арѳм., коммерч. корресп., товароѣдѣніе, технику веденія торгово-промышл. предпріятій, наконецъ тѣ же и законы и юрид. науки, то поднимитесь на наше изданіе „АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ".

Широкая научная программа, популярно изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаетъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ спеціальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни.

При редакціи имѣется бюро коммерсантовъ и педагоговъ, которое безплатно руководитъ читателями, отвѣчаетъ на всякаго рода вопросы и исправляетъ работы.

„АКАД. КОМ. ЗН." состоитъ изъ 15 томовъ большаго формата. Цѣна по 2 р. за томъ (за пересылку платежъ еще 20 коп.).

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностран. языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВ", вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить франц., нѣмец. и англ. яз. При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагоговъ. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію полной и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащагося. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ мучительнаго труда и затрудненія памяти. Прочитавъ наши курсы, вы будете имѣть возможность вести переписку на иностран. яз., удовлетворительно объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произведеніе даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома выходятъ изъ печати. Цѣна тома 1 руб (за пересылку платежъ еще 20 коп.).

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ.

Мнимая „неспособность" къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь результатъ того, что нормальный человѣкъ наблюдаетъ среднюю изъ постоянныхъ способностей, имѣетъ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" (школа рисованія, живописи и прикладного искусства), даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собств. удовольствія или для нашихъ либо практическихъ цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" 1) даетъ читателямъ тѣ творческія познанія, которыя необходимы для понимания художества, произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и искусству, безъ которыхъ невозможно понимание художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которые открываютъ имъ возможность приобрѣсть свои познанія въ дѣлѣ въ развитыхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе своихъ познаній сопровождается множествомъ поясняющихъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" является незамѣнимой библіотекой, въ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящ. въ области искусства. „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" является подъ редакціей проф. академіи художествъ А. В. Маковскаго и Владиміра Аксенова, при участіи И. Е. Рѣпина, проф. А. Н. Киплина и преподавателей лучшихъ при академіи художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большаго формата рисованно-иллюстрир. прагоза и черн. рисунка. Цѣна каждаго тома съ перес. 2 р. 20 к. изъ плат.

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО

Т-во „БЛАГО". С.-Петербургъ, Николаевская ул., 44—11.

Требуются агенты.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья С.П.Б.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ"

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 3 лин., 48. Телеф. 187—67.

Отдѣленіе для городскихъ покупателей

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **быв. „ОБУЧЕНІЕ".** Сиб. Вас. Остр. Средній пр., 7

Новыя изданія к-ва „ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ".

„ЗАДАЧИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ".

I—V.

I. **Эспенъ.** О законахъ въ естественныхъ и гуманитарныхъ наукахъ. Ц. 40 к.

II. **Хвольсонъ, О. Д.,** проф. Принципъ относительности. Общедоступное изложеніе. Второе пересмотрѣнное изданіе. Ц. 50 к.

III. **Ученъ, Н. А.,** проф. Характерныя черты и задачи современной естественно-научной мысли. Ц. 40 к.

IV. **Лодиъ, Оливеръ Дж.,** сэръ. Неизмѣримость, подъ ред. проф. Бортмана. Ц. 40 к.

V. **Ла Розъ, Энри.** Исторія одной гипотезы, подъ ред. проф. Хвольсона. Ц. 70 к.

Предлежащая книга серіи имѣетъ принципіальный характеръ, слѣдующія четыре сборника разсмотрѣнія ученія о принципѣ относительности. Дальнѣйшія (объ атомахъ, свѣтѣ) ожидаются.

Б. П. Вейнбергъ, проф. томскаго технологич. инст. Движеніе безъ тренія (Безвоздушный электрическій путь). 1—56. Ц. 50 к.

Вышелъ изъ печати и разосланъ по требованіямъ систематическій каталогъ по естествознанію и математикѣ. Требуйте его и систем. катал. по всѣмъ отраслямъ знанія и беллетристикѣ.

ВНИМАНІЮ БИБЛІОТЕКЪ — требуйте условія!

Библіотека электротехника.

Аппаратъ Морзе, устройство и учебникъ телеграфер., съ 54 рис. — 40 к. Аккумуляторы, постройка, уходъ, ремонтъ, съ 52 рис. — 60 к. Беспроволочный телеграфъ, съ 20 рис. — 20 к. Аппар. Юза: устройство, уходъ, съ 73 рис. — 50 к. Гальваническіе элементы съ одной и двумя жидк., съ 63 рис. — 40 к. Гальванопл., съ 27 рис. — 40 к. Громоотв., съ 13 рис. — 30 к. Дешевое освѣщ. съ лампами „Сатуръ", съ 4 рис. — 30 к. Постр. нов. аккумулят., съ 5 рис. — 30 к. Проводка новыхъ телеф., съ 12 рис. — 30 к. Постр. маленьк. аккумулят., съ 28 рис. — 30 к. Постр. мал. электрическ. двигателя, съ 34 рис. — 30 к. Постр. мал. динамо-машины, съ 35 рис. — 30 к. Постр. электр. звонка, проч., съ 13 рис. — 30 к. Постр. электростат. приб. и машины, съ 8 рис. — 30 к. Постр. электр. бутылки и стержня, съ 2 рис. — 20 к. Постр. элем. Лекланше особаго типа, съ 9 рис. — 30 к. Устр. дешев. электр. освѣщ. лампочками, съ 35 рис. — 30 к. Устр. электрич. приборовъ, гипсотелей и игрушекъ, съ 182 рис. — 80 к. Пиколаровыя собственноручныя приб., съ 8 рис. — 30 к. Устр. сухихъ гальванич. элемент., съ 13 рис. — 30 к. Спутникъ электромонтера, съ 25 рис. — 60 к. Аппар. Уитстона: устройство, уходъ, съ 39 рис. — 50 к. Телеграфъ и телефонъ: устр., прим., съ 79 рис. — 50 к. Телефонъ безъ провод., съ 10 рис. — 40 к. Телефонъ, устройство, рам. прим., съ 60 рис. — 30 к. Устройство спирали Румкорфа и опыты, съ 20 рис. — 20 к. Трехфазный токъ, съ 13 рис. — 40 к. Школа молод. электротехн., съ 59 рис. — 40 к. Электрическіе звонки и сигнализація: проводка, ремонтъ, съ 78 рис. — 30 к. Электрич. освѣщеніе: устройство, монтаж, съ 100 рис. — 60 к. Электр. двигатели, устр., съ 26 рис. — 40 к. Электротехн.-любитель: устр. дешев. освѣщ. одной фонарей и мал. аккумул., съ 19 рис. — 30 к. Электрическіе звонки: устр., какъ устроить самому, съ 7 рис. — 30 к. Электрич. въ сельск. хоз., рам. прим., съ 7 рис. — 50 к. Какъ самому построить аппаратъ Ампера и спираль Румкорфа, съ 29 рис. — 30 к. Какъ самому конструировать электр. моторъ съ барабаннымъ или кольцевымъ якорямъ, съ 48 рис. — 35 к. Практическое вычисленіе обмотокъ якорей на современ. динамо-машинахъ постояннаго тока, съ 15 чертежами. — 30 к. Спутникъ рабочаго электрич. энергіи, его устройство и провѣрка, съ 11 рис. — 30 к. Какъ построить беспроволочный телеграфъ, съ 50 рис. — 40 к.

Высылаетъ наложеннымъ платежомъ книжный складъ **А. Ф. Сухова.**

С.-Петербургъ, Екатерингофскій просп., 10/19.

Пересылка одной книги — 15 к., 2 кн. — 19 к., 3 кн. — 23 к., 4 кн. — 27 к. и 5 кн. — 31 к. Не к. к. платежи, добавка 10 к. При выпискѣ на 2 р. и болѣе пересылка безплатно. Прейскурантъ и предварительныя высылаются безплатно.

Правила и программы.

Городскихъ училищъ—30 к. Земскихъ училищъ—30 к. Учительск. институт.—30 к. На первый классный чинъ—30 к. На аттестатъ зрѣлости—50 к. На учителя-цу начальн. училищъ—30 к. На учителя-цу городскихъ, приходскихъ и домашн. учителя—30 к. Коммерческ. училищъ—40 к. На техника путей сообщенія—25 к. На техника строит. работъ—25 к. Вольноопредѣляющихся жеребьевыхъ и охотниковъ 1-го разряда по образов. и прапорщиковъ—30 к.

Высылаетъ наложеннымъ платежомъ книжный складъ А. Ф. СУХОВА.

С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр. 10/19.

Пересылка одной книги—13 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 руб. пересылка безплатно. Наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. Полный каталогъ правилъ и программы высылается безплатно.

НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ ФОТОГРАФУ:

Ф. Шмидтъ, профессоръ Высшей Технической школы въ Карльсруэ.

Новое изданіе ПРАКТИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФІЯ.

IV русское изд., переводъ съ XII, совершенно переработаннаго, нѣмецк. изданія. Спб. 1914 г. Цѣна 3 руб., въ англійскомъ переплетѣ—4 руб.

Раньше вышедшія изданія:

Его же. Фотографъ-любитель. Съ 60 рис. Спб. Цѣна 75 к.
Его же. 250 отвѣтовъ на вопросы. Что не знаютъ фотографы. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.
Его же. Записная и справочная книжка для фотографирующихъ. Спб. Цѣна 60 к.
Его же. Руководство моментальной фотографіи. Спб. Цѣна 75 к.
Кемпие, Н. Фотографированіе портретовъ и группъ. Спб. Цѣна 50 к.
Грасгофъ-Лешеръ. Ретушь и раскрашиваніе фотографій. Спб. Цѣна 85 к.
Адріановъ, К. Свѣтокопированіе чертежей, плановъ, картъ и проч. Спб. Цѣна 1 р.
Волосатовъ, Н. Фотоцинкографія, эмалевый процессъ и альграфія. Спб. Цѣна 1 р.
Рудокетовъ, М. Д. Опытъ систематическаго курса по графическимъ искусствамъ. Спб. Цѣна 2 р.
Адріановъ, Н. Фотографированіе безъ объектива малымъ отверстіемъ. Съ рисунками и таблицами. Для фотографовъ, художниковъ, инженеровъ и техниковъ. Спб. 1907 года. Цѣна 60 к.

Вышеуказанныя изданія можно купить во всѣхъ книжныхъ и фотографическихъ магазинахъ и у издателя **И. И. Базлова**, Спб., Екатерининская ул., 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ НА

ЛОГОСЪ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПО ФИЛОСОФІИ КУЛЬТУРЫ.

Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ—15 января, 15 марта, 15 сентября и 15 ноября—книгами по 10 листовъ каждая.

„ЛОГОСЪ" издается въ Спб. Т-номъ М. О. Вольфъ при редакціонномъ участіи пр.-доц. С. І. Гессена (Спб.), Э. К. Метнера (Москва), пр.-доц. В. Е. Сеземана (Спб.), Ѳ. А. Степуна, Б. В. Яковенко (Москва), при ближайшемъ участіи проф. А. Введенскаго, акад. В. Вернадскаго, проф. Н. Гревса, проф. Ѳ. Зѣленскаго (Спб.), пр.-доц. Б. Кистяковскаго (Москва), акад. А. Лаппо-Данилевскаго, Э. Радлова, проф. П. Струве, проф. А. Чупрова (Спб.), а также иностранныхъ редакцій и сотрудниковъ „ЛОГОСА".

Въ 1914 году будутъ помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: Проф. Г. Зиммель (Берлинъ). Индивидуальный законъ (очеркъ обоснованія этики). Г. Зиммель. Очеркъ о Рембрандтѣ. Проф. П. Наторпъ (Марбургъ). Философія и психологія. Проф. Г. Риккертъ (Фрейбургъ). О системѣ цѣнностей. С. І. Гессенъ (Спб.). О началахъ этики. Проф. Ѳ. Ф. Зѣленскій (Спб.). Харита (идея благодати въ античной религіи). Г. Ланцъ (Москва). Фихте (къ столѣтію его дня смерти). Проф. Н. О. Лосскій (Спб.). Воспріятіе чужой душевной жизни. В. Е. Сеземанъ (Спб.). Цѣнность ритма (въ связи съ ритмической гимнастикой Далькроза). М. Н. Шварцъ (Спб.). Теорія научнаго знанія Э. Маха. В. В. Яковенко (Москва). Путь философскаго познанія.

6 р. Годовая подписная цѣна „ЛОГОСА" съ пересылкой и доставкой въ Россіи—6 руб., за границу **7 р.**

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гостин. дворъ, 18 и 2) Невскій пр., 13, уголъ Морской; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій мостъ, 12, и 2) Тверская ул., д. 22, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатели: Т-во М. О. Вольфъ. Спб. и Москва. Отвѣтственный редакторъ С. І. Гессенъ.

НОВАЯ КНИГА.

Евгеній Лундбергъ.

Д. С. Мережковскій и его новое христіанство (съ приложеніемъ статьи о творчествѣ З. Н. Гиппіусъ). Цѣна 1 р.

Складъ изданія у товарищества О. Н. Поповой. Петербургъ, Гороховая, 51. Москва, Остоженка.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

Петръ Струве.

КРѢПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв.

Содержаніе: I. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. II. Попытки артельной организація крѣпостныхъ крестьянъ. III. Крѣпостная статистика. IV. Изъ исторіи идеи крестьянскаго землеустройства. V. Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II. VI. Маклеръ слугъ и рабочихъ людей. VII. Два отзыва (о книгѣ В. Г. Бажаева и И. И. Игнатовича). Стр. 340 съ тремя таблицами и діаграммой. Цѣна 2 руб.

Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ. Москва, Тверской бульваръ, 6.

Изданія Д. Е. ЖУКОВСКАГО:

Складъ изданій: Спб. Книжный складъ М. М. Стасюлевича. Васильевскій остр., 5 лин., 28.

С. Л. Франкъ.

ФИЛОСОФІЯ И ЖИЗНЬ.

Этюды и наброски по философіи культуры.

Содержаніе: „Ницше и этика любви къ дальнему".—„Проблема власти".—„Философскія предпосылки деспотизма".—„Личность и вещь".—„Этика нигилизма" и друг. Стр. 389. Цѣна 2 руб.

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 г.).

Въ числѣ статей, между прочимъ, напечатаны: „Великая Россія", „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія", „Интеллигенція и революція", „Интеллигенція и національное лицо", „Герценъ", „Левъ Толстой" и „17 октября 1909 г." (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова). Стр. 619. Цѣна 3 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный религіозно-нравственный журналъ

СЕКТАНТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

На 12 мѣс. съ достав. въ Тифлисѣ—1 руб.		Иногор.—1 руб. 50 коп.	
„ 6 „ „ „ „	60 коп.	„	80 „
„ 3 „ „ „ „	40 „	„	50 „
„ 1 „ „ „ „	15 „	„	20 „

За границу вдвое.

Объявленія о продажѣ спиртныхъ напитковъ, табака и извѣщеніе о театральныхъ зрѣлищахъ въ журналѣ „Сектантскій Вѣстникъ“ не принимаются.

Подписныя деньги и статьи слѣдуетъ присылать на имя редакціи

Сектантскаго Вѣстника,

городъ Тифлисъ, Грозненская ул., № 2.

Редакторъ-издатель В. А. Лоскутовъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Графиня Шуазель-Гуффье. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Переводъ З. Мировичъ. Вступительная статья А. А. Кизеветтера. Цѣна 1 р. 50 к.

Страстная поклонница императора Александра I, графиня Шуазель-Гуффье выступаетъ въ своихъ мемуарахъ въ качествѣ экзальтированной панегиристки царствованія этого монарха, „сущаго прельстителя“ . . . . . .

Шуазель-Гуффье сумѣла сдѣлать свою книгу очень интересной. (Цѣнность ея, однако, заключается въ тѣхъ „мелочахъ“ и черточкахъ, которыя такъ старательно подмѣтила Шуазель-Гуффье и которыя кладутъ на портретъ Александра I ретушь „обаятельнаго“ монарха истиннаго ге galantuomo). Но характеристика Александра I подъ перомъ Шуазель-Гуффье являетъ и характеристикой односторонней. Она изображаетъ его большей частью даже въ частномъ и даже въ интимномъ кругу близкихъ ему людей; . . . . . .

„Рѣчь“, 12 ноября 1912 г. Н. Б—ій.

Мемуары г-жи де Ремюза. Переводъ О. И. Рудчевко. Редакція и вступительная статья С. Ф. Фортунатова. Томъ I. Цѣна 2 р.

Московское книгоиздательство К. Ф. Некрасова обогатило въ текущемъ году нашу историческую литературу цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ книгъ. Къ числу послѣднихъ мало отнести и только что появившіеся мемуары г-жи до Ремюза, бывшей придворной дамы императрицы Жозефины . . . . . .

„Рѣчь“ № 332. 3 декабря 1912 г.

Въ безконечной серіи современныхъ мемуаровъ, посвященныхъ Наполеону, его родинѣ, его близкимъ, мало можно найти такихъ увлекательныхъ, какъ мемуары г-жи Ремюза. Читатель не будетъ жалѣть времени, которое уйдетъ у него на знакомство съ ними.

Объ книги переведены и изданы очень опрятно. Мемуары Ремюза снабжены, кромѣ того, все болѣе и болѣе рѣдкимъ въ послѣднее время приложеніемъ: предисловіемъ проф. С. Ф. Фортунатова. Оно очень коротенькое, какъ все, что выходитъ изъ подъ пера почетнаго историка, но, какъ всѣ его писанія, содержательно и интересно. А. Дживелеговъ.

„Русск. Вѣд.“ № 286. 13 декабря 1912 г.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму отъ 3 р. за пересылку не платятъ. Книги высылаются также и съ положеннымъ платежомъ. Складъ высылаетъ также и всѣ другія книги, вышедшія въ Россіи.

Открыта подписка на 1914 годъ

на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію

РУССКАЯ ШКОЛА.

XXV-й годъ изданія.

Содержаніе № 1, мартъ.

Отдѣлъ I. Воспитаніе жизнеразумности. *П. Каптерев.* — Народное образованіе въ Швеціи. *Ив. Клименко.* — Продолжительность курса въ русской народной школѣ. *В. Рутенко.* — Недостатки въ корпоративномъ строѣ Сиб. городскихъ начальныхъ школъ. *К. Ушинскій.* — Подготовка учителей и учительницъ для обученія глухонѣмыхъ. *Ѳ. С. Матвеева.* — Актовыя рѣчи В. Я. Стоюнина. Сообщ. *Н. Аренсъ.* — Вопросы школьной политики въ постановленіяхъ Съѣзда по народному образованію. *Н. Соколовъ.* — Энергетическій императивъ и его приложеніе къ педагогикѣ. Проф. *Л. Гурвичъ.* — Основныя идеи современной педагогики. *Ф. Гольдберг.* Отдѣлъ II. 2-й съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ въ Спб—тѣ. *Н. Звягинцева.* — Библіографія. Отдѣлъ III. Критика и библіографія. — Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ. *Э. Л.* — Хроника народнаго образованія въ Россіи. *Н. П. Малиновскій.* — 2-й Всероссійскій Съѣздъ преподавателей математики. *С. Н. Бернштейн.* Предстоящія лѣтніе вакаціонные курсы. *Э. Л.* и др. — Разныя извѣстія и сообщенія. — Новости литературы. — Законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія.

Содержаніе № 4, апрѣль.

Отдѣлъ I. Подготовка учащихся къ пониманію произведеній художниковъ. *А. А. Шенинскаго.* — Народное образованіе въ Швеціи (Окончаніе). *Ив. Клименко.* — Учительскія пряди. *П. В. Чехова.* — О желательныхъ измѣненіяхъ въ нормальномъ уставѣ и связь дѣятельности учительскихъ обществъ. *Т. Леонтьевъ.* — Данныя о начальныхъ школахъ Кіевскаго учебнаго округа. *Н. Дитерихсъ.* — Изъ дневника народной учительницы. *А. Тельниченской.* — Картины дѣтства и мысли о воспитаніи въ сочиненіяхъ Салтыкова-Щедрина. *С. Золотарева.* — Матеріальныя положенія учителя. *А. Соколовъ.* — Современные педагоги. *Л. Гурвичъ.* *С. Лютвинъ.* Трудовое и художественное начало въ школѣ. *Л. Гурвичъ.* — Мнемоническая образовательная цѣнность иностранныхъ языковъ. *А. Гернгаръ.* Отдѣлъ II. Уроки рисованія, какъ методъ развитія личности. *М. Новольской* и *М. Корнблитъ.* — Къ вопросу объ измѣненіи съ возрастомъ скорости простой слуховой реакціи. *М. Лентинскій.* — Библіографія. Отдѣлъ III. Критика и библіографія. — Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ. *Б. Р.* — Хроника народнаго образованія въ Россіи. *Н. П. Малиновскій* и др. — Разныя извѣстія и сообщенія. — Новости литературы. — Законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія.

„Русская Школа" выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 15 печ. листовъ. Подписная цѣна: въ Спб. безъ дост.—7 р., съ дост.—7 р. 50 к., для иногородн.—8 р.; за границу—9 р. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписывающ. журналъ за свой счетъ—6 р. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ—3 р. и къ 1 іюля—3 р.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., уступка въ 15%. Книжн. магазинамъ за комиссію 5% съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой только въ конторѣ редакціи (Спб., Литовская, д. № 1).

Подписчики „Русской Школы" на 1914 годъ могутъ пріобрѣсти (при подпискѣ непосредственно черезъ редакцію) сочиненіе С. М. Соловьева:

„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ",

въ 7 книгахъ (5300 стран. въ 2 столбца), за 11 р., вмѣсто 18 р. (не считая пересылки).

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Главная контора: С.-Петербургъ, Нюстадтская, 6. Телеф. 206-32.

Московское отдѣленіе конторы: Сивцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 3 (С. В. Лысцовой).

Цѣна объявленій:

Передъ текстомъ:		Позади текста:	
1 страница	65 руб.	1 страница	45 руб.
1/2 страницы	35 „	1/2 страницы	25 „
1/4 „	20 „	1/4 „	14 „
1/8 „	10 „	1/8 „	7 „

На обложкѣ:

4-я (наружная) стр.	100 руб.	3-я стр. обложки и 1-я передъ титуломъ	80 руб.
1/2 стр.	60 „	1/2 стр.	45 „
		1/4 „	25 „

Построчно: 1 строка нонпарели въ 1 столбецъ (въ страницѣ 2 столбца):

На обложкѣ	1 руб.
Передъ текстомъ	70 коп.
Послѣ текста	40 „

За каждую тысячу вкладныхъ приложеній:

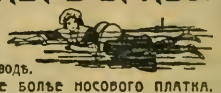
До 1 лота	9 руб.
„ 2 лотъ	12 „
„ 3 „	16 „
„ 4 „	20 „

Пріемъ объявленій: въ МОСКВѢ у М. Д. Турубинера: 4-ая Тверская Ямская, д. 29, кв. 45. Тел. 112-25.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ у Д. И. Марковскаго: Ивановская ул., д. 3. Тел. 89-65.

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ АЙВАДА (Aywad's Water Wings) ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ. СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ и ЛЕЖАТЬ на ВОДѢ. СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛЬЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.



Поддерживаютъ на поверхности до 9 пудовъ.

Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.

СКЛАДЪ у И. ГЛАЗУНОВА, Москва, Столешниковъ, №8

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 17 14 01 008 6